

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 361.70 (15-16)

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

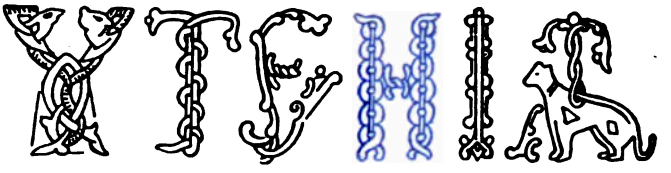
Slav 25.12

ЧТЕНІЯ
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ
НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга пятнадцатая.

КІЕВЪ. 1901

ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типографія М. М. Фиха, Большая-Васильковская, № 10.
1901.

P SlBv 381 .70

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
OCT 8 1931

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*

Отдѣлъ I.

ЛѢТОПИСЬ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА НЕСТОРА-Л.

Содержаніе XV книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца".

Отдѣлъ I.

Вып. 1-й:

	Стран.
Историческое Общество Нестора-лѣтописца въ 1899—1900 г. (Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества съ 27 октября 1899 по 27 октября 1900 г.)—*М. Н. Ясинскаго*	3
Списокъ членовъ Общества къ 15 марта 1901 г.	15
Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Общества съ 27-го октября 1900 г. по 27 декабря 1901 г.	1

Сокращенное изложеніе сообщеній:

О лже-Павлѣ Петровичѣ (1783 г.)—*Е. И. Де-Витте*	21
Современные методы изученія былинъ—*А. М. Лободы*	24

Вып. 2-й:

Черты семейно-юридическаго быта въ Лѣвобережной Украинѣ во 2-й половинѣ XVIII в.—*О. И. Левицкаго*	27
Рада (дума) великаго княжества Литовскаго, какъ высшее судебное учрежденіе—*М. Н. Ясинскаго* .	30
Столѣтіе рожденія словинскаго поэта Фр. Преширена—*А. І. Степовича*	33
Первые шаги по введенію положенія 19 февраля 1861 года въ Черниговской губерніи—*Н. П. Василенка*	39

II.

Вып. 3-й: Стран.

Борьба между Кіевскимъ и Бѣлорусскимъ архипастырями изъ-за власти надъ заграничными монастырями Кіевской епархіи въ XVII и XVIII вв.—о. *Ѳ. И. Титова* 43
О происхожденіи новоевропейскаго эпоса о Лисѣ—*Н. П. Дашкевича* 45

Вып. 4-й:

О новомъ трудѣ по начальной исторіи славянъ—Погодина: „Изъ исторіи славянскихъ передвиженій“—*Ю. А. Кулаковскаго* 49
Результаты археологической экскурсіи въ Таращанскій и Чигиринскій уѣзды лѣтомъ 1901 года—*И. М. Каманина* 51
Отчетъ объ археологической экскурсіи въ Бердичевскій, Васильковскій и Уманскій уѣзды лѣтомъ 1901 г.—*В. И. Щербины* 67
Византійскій другинъ и дружина—*Ю. А. Кулаковскаго* . 82
Отчетъ о состояніи, составѣ и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1900 по 27 октября 1901 г.—*М. Н. Ясинскаго* 86

Отдѣлъ II.

Вып. 1-й:

Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго—*И. М. Каманина* 3
Старѣйшій списокъ „Малороссійской Енеиды“ И. П. Котляревскаго—*Н. П. Дашкевича*. 33

Вып. 2-й и 3-й:

Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 году—*Н. Н. Оглоблина* 43

Вып. 4-й:

Рыцарство на Руси—въ жизни и поэзіи. I—*Н. П. Дашкевича* 129

Отдѣлъ III.

Вып. 1-й:

Стран.

Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ Черниговщинѣ и Сѣверщинѣ (1603—1605 гг.)—Сообщилъ *И. В. Лучицкій* 3

Псальма о Дорошенкѣ—Сообщилъ *А. И. Соболевскій* 16

Къ исторіи финансовъ и финансоваго управленія въ Малороссіи XVII и XVIII в.в.—Сообщилъ *И. В. Лучицкій* 20

Записка митрополита Лаодикійскаго Парѳенія о невольникахъ.—Сообщилъ *В. Н. Перетцъ* 24

Матеріалы для исторіи торговли пенькою Стародубья съ заграницею.—Сообщилъ *А. М. Лазаревскій* . 34

Начальныя строфы старѣйшаго списка Енеиды.—Сообщилъ *Н. П. Дашкевичъ* 39

Вып. 2-й и 3-й:

Неизвѣстная драма М. Козачинскаго (Трагедіа сирѣчь печалная повѣсть о смерти послѣдняго Сербскаго царя Уроша пятаго и о паденіи Сербскаго царства). Текстъ съ предисловіемъ *А. И. Соболевскаго.* 49

Матеріалы къ „Очерку гетманства П. К. Сагайдачнаго"—Сообщилъ *И. М. Каманинъ* 123

Вып. 4-й:

Одинъ изъ памятниковъ религіозной полемики XVI вѣка: Посланіе Януша, короля Угорскаго, къ проту Аѳонской горы (1534 г.) и отвѣтъ послѣдняго.—Сообщилъ *Н. П. Дашкевичъ* 179

Цеховые акты Лѣвобережной Малороссіи (1622—1645 гг.)—Сообщилъ *А. М. Лазаревскій* 202

Отдѣлъ IV.

Вып. 1-й и 2-й:

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской церкви.—Свящ. *Ѳ. И. Титова* 3

Вып. 4-й:

Стран.

„Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ ч. V и VI“—*Н. Н. Оглоблина* 45

Отдѣлъ V.

Вып. 1-й:

Къ характеристикѣ семейныхъ и общественныхъ отношеній козачества въ послѣдніе годы существованія Сѣчи Запорожской.—*О. А. Фотинскаго* 3

Извѣстія о новыхъ книгахъ—*А. С.* 15

Вып. 2-й:

Краткое обозрѣніе рукописей Кіево-Софійской библіотеки—*Н. И. Петрова* 21

О собираніи матеріаловъ для исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ губерніяхъ Кіевскаго учебнаго округа—*А. М. Лазаревскаго* 34

Вып. 3-й:

Совращеніе въ латинство діакона (1692 г.)—Сообщилъ *В. Н. Перетцъ* 51

Вып. 4-й:

Школьная драма „Стефанотокосъ“ по вновь найденной рукописи 1741—1743 гг.—*А. М. Лободы* 57

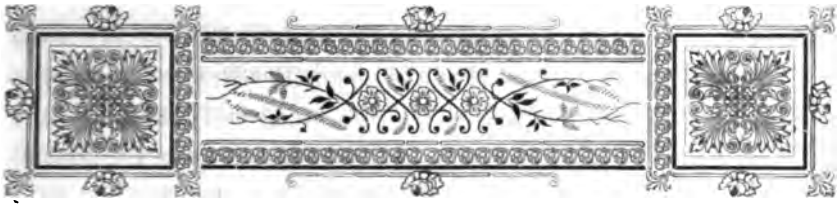
Историческія мелочи—*И. М. Каманина* 63

Украинскіе козаки въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка—*А. М. Лазаревскаго* 78

Приложеніе.

Вып. 3-й и 4-й:

О древностяхъ Константинополя.—*Гавріила Ласкина.* 1—64

Историческое Общество Нестора-лѣтописца въ 1899—1900 г.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1899 по 27 октября 1900 г., читанный въ годичн. засѣданіи Общества секретаремъ его М. Н. Ясинскимъ.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

По порученію Совѣта Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, имѣю честь представить Вашему благосклонному и просвѣщенному вниманію краткій очетъ о состояніи и дѣятельности нашего Общества *за 28-й годъ* его существованія, а именно, съ 27 октября 1899 г. по 27 октября 1900 года.

I. Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его совѣта и бюро.

Къ 27-му октября прошлаго 1899 г. Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 146 членовъ: 18 почетныхъ, 127 дѣйствительныхъ и 1 члена-корреспондента.

Въ отчетномъ году произошли нижеслѣдующія перемѣны въ личномъ составѣ Общества. Во 1-хъ, Общество лишилось одного изъ своихъ почетныхъ членовъ въ лицѣ вице-президента Академіи Наукъ Леонида Николаевича Майкова, скончавшагося 7 апрѣля

текущаго года. О научной дѣятельности этого виднаго русскаго ученаго, стяжавшаго себѣ крупную извѣстность своими многочисленными трудами, преимущественно въ области исторіи отечественной литературы, нѣтъ надобности распространяться: она извѣстна всѣмъ хотя бы по многочисленнымъ статьямъ, некрологамъ и т. п., появившимся въ различныхъ журналахъ и газетахъ послѣ смерти Леонида Николаевича Майкова. Къ тому же дѣятельность Майкова была своевременно помянута въ одномъ изъ засѣданій Общества Нестора-лѣтописца нашимъ сочленомъ А. М. Лободой *).

Во 2-хъ, изъ состава дѣйствительныхъ членовъ выбыло 11 лицъ, которыхъ Совѣтъ Общества, руководствуясь 18 § Устава, призналъ сложившими съ себя званіе членовъ Общества, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Въ 3-хъ, личный составъ Общества пополнился въ отчетномъ году слѣд. новыми силами: 1) въ почетные члены былъ избранъ извѣстный оріенталистъ, изслѣдователь русскаго эпоса и этнографъ проф. Всеволодъ Ѳедоровичъ Миллеръ, 2) въ дѣйствительные: Елисавета Ивановна Де-Витте, состоявшая раньше членомъ-корреспондентомъ нашего Общества, Николай Эрнестовичъ Глокке, Владиміръ Николаевичъ Дебольскій, Григорій Васильевичъ Демченко, Гавріилъ Александровичъ Ласкинъ, Владиміръ Николаевичъ Перетцъ, Орестъ Авксентьевичъ Фотинскій и Богданъ Ивановичъ Ханенко.

Избраніемъ въ почетные члены Всеволода Ѳедоровича Миллера, пріуроченнымъ ко дню 30-тилѣтняго юбилея его научной дѣятельности (29 янв. 1900 г.), Общество наше желало, съ своей стороны, почтить многочисленныя заслуги юбиляра передъ русской наукой.

За всѣми указанными выше перемѣнами въ личномъ составѣ Общества, оно въ настоящее время состоитъ изъ 142

*) Означ. помѣтка напечатана во 2-мъ вып. XIV кн. „Чтеній".

членовъ: 18 почетныхъ и 124 дѣйствительныхъ. Изъ этого общаго количества членовъ 74, а именно: 8 почетныхъ и 66 дѣйствительныхъ, находятся на постоянномъ жительствѣ въ Кіевѣ, 59 состоятъ иногородными членами и остальные 8 членовъ (2 почетныхъ и 6 дѣйствительныхъ) проживаютъ за границей *).

Изъ числа проживающихъ въ Кіевѣ членовъ Общества нѣкоторыя избранныя имъ лица входятъ въ составъ Бюро и Совѣта Общества и завѣдываютъ текущими дѣлами, имуществомъ и научной дѣятельностью послѣдняго.

Бюро Общества въ истекшемъ отчетномъ году состояло изъ слѣд. должностныхъ лицъ, избранныхъ общимъ собраніемъ 17 октября 1899 г.: предсѣдателя,—поч. члена Н. П. Дашкевича, товарища предсѣдателя—поч. чл. А. М. Лазаревскаго, казначея—поч. чл. Ѳ. Я. Фортинскаго, секретаря—д. чл. М. Н. Ясинскаго и библіотекаря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помощника секретаря—д. чл. И. М. Каманина.

Въ составѣ Совѣта Общества, которому принадлежитъ главное руководство научною дѣятельностью Общества и завѣдываніе его дѣлами, въ отчетномъ году произошли слѣд. перемѣны. Изъ числа членовъ Совѣта выбыли на основаніи § 24 Устава, т. е. по старшинству избранія, четыре лица: М. Ф. Владимірскій-Будановъ, И. В. Лучицкій, П. В. Голубовскій и А. І. Степовичъ. На мѣсто выбывшихъ въ мартѣ текущаго года общимъ собраніемъ были избраны на слѣдующее 6-тилѣтіе: М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Г. Е. Аѳанасьевъ, В. З. Завитневичъ и А. І. Степовичъ. Кромѣ того, взамѣнъ Н. П. Дашкевича, состоявшаго членомъ Совѣта ранѣе по избранію, а нынѣ по должности предсѣдателя, избранъ Ю. А. Кулаковскій

*) Списокъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Общества (съ указаніемъ ихъ постояннаго мѣстожительства и съ исправленіями по 15 марта 1901 г.) приложенъ къ настоящему отчету.

Такимъ образомъ, въ настоящее время Совѣтъ Общества состоитъ изъ слѣд. 14-ти лицъ: предсѣдателя, товарища его, секретаря и казначея, двухъ членовъ-учредителей—В. Б. Антоновича и В. С. Иконникова, 4-хъ вышеупомянутыхъ лицъ, избранныхъ въ мартѣ текущаго года, и 4 членовъ, срокъ избранія которыхъ оканчивается въ апрѣлѣ 1903 г.—И. М. Камянина, Ю. А. Кулаковскаго, Т. Д. Флоринскаго и В. И. Щербины.

Составъ Редакціоннаго Комитета, который по 27 § Устава занимается разсмотрѣніемъ научныхъ трудовъ, предложенныхъ Обществу для напечатанія, и рѣшаетъ вопросъ о помѣщеніи ихъ въ „Чтеніяхъ“ Общества, въ отчетномъ году не подвергался никакимъ перемѣнамъ и продолжалъ состоять, какъ состоитъ и нынѣ, изъ 7-ми лицъ: 4 должностныхъ лицъ, а именно предсѣдателя, товарища его, секретаря и казначея, и 3-хъ членовъ Совѣта: В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и В. С. Иконникова.

Совѣтъ и Редакціонный Комитетъ въ отчетномъ году имѣли по 4 засѣданія, о результатахъ которыхъ мы будемъ имѣть случай упомянуть ниже.

II. Свѣдѣнія о состояніи библіотеки и денежныхъ средствъ Общества.

Библіотека и денежныя средства Общества къ концу отчетнаго года находились въ нижеслѣдующемъ состояніи.

Въ библіотекѣ Общества къ 27 октября 1899 года имѣлось:

А) Въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ 2074 названія въ 4694 томахъ и брошюрахъ;

Б) Въ отдѣлѣ рукописей было:

1) древнихъ рукописныхъ книгъ 11
2) фотографич. снимковъ съ древнихъ рукописей 2
3) отдѣльныхъ документовъ . . . . . 2 связки

и 4) рукоп. сочиненій текущаго столѣтія въ формѣ книгъ 7

Въ теченіе отчетнаго года въ библіотеку вновь поступило 85 названій въ 190 томахъ и брошюрахъ; отдѣлъ же рукописей остался безъ измѣненій.

Такимъ образомъ, къ 27 октября 1900 г. библіотека Общества состояла 1) изъ 2159 названій въ 4884 томахъ и брошюрахъ и 2) изъ перечисленныхъ выше предметовъ рукописнаго отдѣла библіотеки. *)

Не лишне къ этимъ свѣдѣніямъ прибавить, что библіотека Общества Нестора-лѣтописца и въ отчетномъ году, какъ и все время раньше, пополнялась исключительно лишь путемъ обмѣна изданій нашего Общества на изданія другихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, а также путемъ пожертвованій книгами со стороны различныхъ лицъ и учрежденій. Между прочимъ въ настоящемъ году значительное количество книгъ было пожертвовано Над. Вас. Плетневой.

Что касается денежныхъ средствъ Общества Нестора-лѣтописца, то они въ отчетномъ году, какъ и раньше, составлялись изъ 1) членскихъ 5-ти рубл. ежегодныхъ взносовъ, 2) суммъ, выручаемыхъ отъ продажи изданій Общества, 3) ежегодно отпускаемой изъ Государственнаго Казначейства, начиная съ 1890 г., субсидіи въ размѣрѣ 800 руб. 4) дохода отъ % бумагъ и % по текущему счету и 5) 10% сбора съ публичныхъ платныхъ лекцій, читаемыхъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ

*) Кромѣ означеннаго количества книгъ, въ библіотекѣ хранятся поступающія въ продажу и обмѣнъ и въ раздачу членамъ изданія Общества, коихъ имѣется: „Чтеній въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца“ книги I—32 экземпл.; кн. II—107 экз.; кн. III—29 экз.; кн. IV—175 экз.; кн. V—192 экз.; кн. VI—196 экз.; кн. VII—209 экз.; кн. VIII—211 экз.; кн. IX—231 экз.; кн. X—202 экз.; кн. XI—228 экз.; кн. XII—230 экз.; кн. XIII—240 экз.; кн. XIV: вып. 1—210 экз.; вып. 2—224 экз.; вып. 3—300 экз.: „Сборника въ память 900-лѣтія крещенія Руси“—266 экземпл.; „Публичн. лекцій по геологіи и исторіи Кіева“—279 экз.; „25-лѣтія Историч. Общ. Нестора-лѣтописца“—302 экз.; „Трудовъ 3-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ“, два тома съ атласомъ.—45 экз.; „Указателя выставки того-же Съѣзда“—150 экз.; „Поминки по А. А. Котляревскомъ“.—82 экз.: „Сулимов. архива“,—165 экз.

лѣтъ, отъ имени Общества Нестора-лѣтописца членами его. Изъ всѣхъ перечисленныхъ статей доходовъ нашего Общества самою главною и по размѣру и по своей неизмѣнности являлась и является упомянутая субсидія отъ казны; всѣ же прочія статьи и въ томъ числѣ членскіе взносы имѣютъ въ теченіе уже многихъ лѣтъ случайный и временный характеръ, а потому представляютъ собою весьма неопредѣленный и ненадежный источникъ доходовъ. Такая неопредѣленность и случайность, совершенно понятная и естественная по части выручки отъ продажи изданій Общества, % сбора съ публичныхъ лекцій и т. п., не можетъ быть, однако, признана нормальнымъ и правильнымъ явленіемъ по отношенію къ членскимъ взносамъ, которые уже по самому своему существу и назначенію, должны были бы быть одной изъ регулярныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ статей доходовъ.

Стоя на этой совершенно правильной точкѣ зрѣнія, Совѣтъ Общества не могъ не обратить вниманія на то, что членскіе взносы поступаютъ вообще довольно неаккуратно, что за нѣкоторыми членами накопились недоимки за многіе и многіе годы (до 20-ти лѣтъ), и что въ результатѣ Общество вмѣсто 600 примѣрно рублей, которые могли бы ежегодно поступать въ его кассу отъ наличныхъ членовъ, стало, какъ то было еще годъ тому назадъ, получать всего лишь 165 рублей. Въ виду этого, озабочиваясь увеличеніемъ денежныхъ средствъ Общества, необходимыхъ ему между проч. для расширенія его издательской дѣятельности, Совѣтъ Общества въ нѣсколькихъ своихъ засѣданіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ отчетномъ году, рѣшилъ предпринять рядъ мѣръ съ цѣлью упорядочить ту статью своихъ доходовъ, которая слагается изъ членскихъ взносовъ: были разосланы напоминанія всѣмъ недоимщикамъ, съ просьбой объ уплатѣ причитающихся съ нихъ взносовъ, при чемъ вся недоимка по 1896 г. сложена съ нихъ; были выработаны правила, предупреждающія накопленіе недоимокъ въ будущемъ, и, наконецъ,

въ исключительныхъ и вообще весьма немногихъ случаяхъ былъ примѣненъ къ нѣкоторымъ неаккуратнымъ по части взносовъ членамъ 18 § Устава, гласящій между проч. слѣд.: „дѣйствительные члены... не уплатившіе членскаго взноса въ теченіе двухъ лѣтъ къ ряду, считаются сложившими съ себя званіе членовъ Общества, но могутъ вновь поступить въ число послѣднихъ, внесши причитавшійся съ нихъ взносъ... при чемъ не подвергаются новой баллотировкѣ".

Впрочемъ, § этотъ примѣненъ Совѣтомъ Общества далеко не ко всѣмъ и не во всей своей строгости: онъ нашелъ приложеніе лишь по отношенію къ 11 членамъ (о чемъ упомянуто выше), которые не только были въ ряду недоимщиковъ и оставили соотвѣтственное напоминаніе Общества безъ всякаго отвѣта, но и не принимали рѣшительно никакого участія въ занятіяхъ Общества въ теченіе многихъ лѣтъ.

Напоминанія Совѣта Общества съ просьбой объ уплатѣ недоимокъ послѣднихъ годовъ, вообще говоря, остались отнюдь не безуспѣшными: весьма многіе изъ членовъ пополнили всю свою недоимку. Благодаря этому, а также своевременной уплатѣ текущихъ членскихъ взносовъ прочими членами Общества, доходы его кассы по данной статьѣ значительно возрасли въ отчетномъ году, достигнувъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, небывалой раньше цифры.

Суммы, принадлежащія Обществу Нестора-лѣтописца, находились въ отчетномъ году въ слѣдующемъ движеніи:

1. Къ 27 октября 1899 г. оставалось въ кассѣ Общества . . 3061 р. 34 к.
2. Въ теченіе отчетнаго года поступило вновь . . . . . 1614 р. 39 к.

(болѣе прошлогодняго на 146 р. 82 к.)

и въ томъ числѣ:

а) Правительственной субсидіи . . . 800 руб.

б) Членскихъ взносовъ . . . . . 560 руб.

(болѣе прошлогодняго на 395 р.)

в) Дохода съ % бумагъ и % по текущему счету . . . . . 123 р. 58 к.
(болѣе прошлогодняго на 26 р. 14 к).

г) Отъ продажи изданій Общества . 80 р. 81 к.
(болѣе прошлогодняго на 28 р. 68 к).

и д) 10% сбора съ публичныхъ лекцій 50 р.
(менѣе прошлогодняго на 303 р.).

Такимъ образомъ, общій итогъ суммъ, которыми касса Общества располагала въ отчетномъ году, составляетъ *4675 р. 73 к*

Изъ этой суммы въ теченіе означеннаго года израсходовано:

1. На изданія Общества:
   а) на окончаніе XIII кн. „Чтеній". . . . . 884 р. 91 к.
   б) на изданіе 1-го вып. XIV кн. „Чтеній". . 368 р. —
   в) на изданіе 2-го вып. той-же книги. . . . 346 р. 31 к.
   } 1599 р. 22 к.
2. На канцелярскіе и мелкіе расходы 116 р. 47 к.
3. На устройство засѣданій . . . . . 63 р. 70 к.
4. На прислугу . . . . . 58 р. — к.

Всего же израсходовано . *1837 р. 39 к.*

Слѣдовательно, къ 27 октября 1900 г. въ кассѣ Общества осталось въ наличности *2838 р. 34 к.*

Сумму эту, являющуюся свободной наличностью, слѣдуетъ признать весьма значительной, особенно если принять во вниманіе, что въ истекшемъ году на свои изданія Общество израсходовало сравнительно очень много—почти 1600 рублей. Несмотря на этотъ крупный расходъ, истекшій годъ въ финансовомъ отношеніи завершился весьма удачно, благодаря увеличенію доходовъ Общества почти по всѣмъ статьямъ, кромѣ сбора съ публичныхъ лекцій, который, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, уменьшился на 303 руб.

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Обращаясь затѣмъ къ свѣдѣніямъ о дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, замѣтимъ прежде всего, что дѣятельность эта выразилась въ отчетномъ году, главнымъ образомъ, въ нижеслѣдующемъ: во 1-хъ, въ устройствѣ частныхъ или очередныхъ засѣданій, въ которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества; во 2-хъ, въ печатаніи свѣдѣній о засѣданіяхъ Общества, его научныхъ трудовъ и историческихъ матеріаловъ, и въ 3-хъ, въ чтеніи членами Общества отъ имени этого послѣдняго публичныхъ платныхъ лекцій по различнымъ историческимъ и вспомогательнымъ къ нимъ наукамъ.

Всѣхъ засѣданій Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ отчетномъ году было 16; изъ нихъ—13 частныхъ или очередныхъ, въ которыхъ читались и обсуждались рефераты членовъ, 2 административныхъ и 1 годичное, перенесенное съ 27 октября, когда празднуется память патрона Общества преподобнаго Нестора-лѣтописца, на сегодняшній день (28 октября), по не зависящимъ отъ Общества обстоятельствамъ.

Въ засѣданіяхъ, посвященныхъ рефератамъ, доложено было 30 научныхъ сообщеній (не считая сегодняшней рѣчи проф. Павлуцкаго) нижеслѣдующими 20-ю почет. и дѣйствит. членами: Е. В. Аничковымъ, В. Б. Антоновичемъ, Н. П. Василенкомъ, С. Т. Голубевымъ, Н. П. Дашкевичемъ, Е. И. Де-Витте, В. З. Завитневичемъ, И. М. Каманинымъ, Ю. А. Кулаковскимъ, А. М. Лазаревскимъ, О. И. Левицкимъ, А. М. Лободой, И. В. Лучицкимъ, В. Н. Перетцомъ, А. І. Степовичемъ, М. Н. Сперанскимъ, Ѳ. И. Титовымъ, В. А. Удинцевымъ, Т. Д. Флоринскимъ и М. Н. Ясинскимъ. На долю нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ лицъ приходится 2, 3 и даже 4 сообщенія.

Въ виду того, что отчеты о сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ Общества докладахъ печатались своевременно въ мѣстныхъ газетахъ, а болѣе подробно и обстоятельно въ издаваемыхъ

Обществомъ „Чтеніяхъ", считаемъ совершенно излишнимъ утруждать вниманіе присутствующей публики даже краткимъ перечнемъ содержанія означенныхъ докладовъ и ограничимся лишь классификаціей ихъ по предметамъ, каковыхъ доклады эти касались.

Изъ упомянутыхъ 30-ти рефератовъ отчетнаго года относятся: къ археологіи 1, къ исторіи древней русской литературы 2, къ фольклору 1, къ исторіи Западно-Русскаго государства 1, къ исторіи Малороссіи XVII в. и къ новѣйшей исторіи Юго-Зап. края 2, къ всеобщей исторіи 1, къ русской историографіи 1. Кромѣ того, изслѣдованію древнихъ памятниковъ письменности, обозрѣнію историч. матеріаловъ посвящено было 9 рефератовъ, библіографическому обозрѣнію и замѣткамъ, а равно критич. замѣчаніямъ по поводу вышедшихъ научныхъ трудовъ также 9 докладовъ, и, наконецъ, 3 сообщенія посвящены памяти умершихъ научныхъ западно-европейскихъ и русскихъ дѣятелей.

Въ отчетномъ году Общество наше продолжало печатать труды своихъ членовъ въ издаваемыхъ имъ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца". Такъ, въ началѣ января текущаго года была окончена печатаніемъ обширная XIII кн. „Чтеній" и тогда же разослана членамъ. Почти одновременно съ этимъ, а именно въ концѣ ноября 1899 г., приступлено было къ печатанію XIV кн., но уже на новыхъ началахъ. Практика предыдущихъ лѣтъ обнаружила многія неудобства изданія трудовъ Общества въ видѣ одной большой ежегодно выходящей книги. Такъ, между проч. замедленіе въ доставкѣ к.-л. авторомъ одной изъ предназначенныхъ къ печатанію статей неизбѣжно задерживало своевременный выходъ въ свѣтъ всей книги, что, напр., случилось съ XII и XIII кн. „Чтеній".

Въ виду этого и другихъ соображеній предсѣдатель Общества Н. П. Дашкевичъ въ засѣданіи Редакціоннаго Комитета 8 ноября 1899 г. предложилъ издавать въ теченіе года вмѣсто 1-й или 2-хъ—три книги или, точнѣе, выпуска съ тѣмъ, однако, чтобы

общій размѣръ ихъ не превышалъ своимъ объемомъ 30—35 печ. листовъ, т. е. того количества, которое издавалось доселѣ въ составѣ двухъ, а чаще одной книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же и послѣдующихъ засѣданіяхъ редакціон. комитета было рѣшено: 1) придать изданіямъ Общества болѣе изящный видъ, путемъ улучшенія качества типографской бумаги, шрифта и пр. и 2) ввести сверхъ существовавшихъ раньше трехъ постоянныхъ отдѣловъ еще два, посвященныхъ библіографіи новыхъ книгъ, мелкимъ замѣткамъ и сообщеніямъ.

Съ такими измѣненіями и улучшеніями „Чтенія“ Общества стали выходить съ весны настоящаго года, а именно: въ началѣ марта вышелъ 1-й выпускъ XIV книги подъ редакціей Секретаря, а въ началѣ октября 2-ой выпускъ подъ редакціей Предсѣдателя. Къ 1-му января долженъ выйти въ свѣтъ и 3-ій выпускъ.

Совѣтъ Общества и Редакціонный Комитетъ, во главѣ съ Предсѣдателемъ Общества, льстятъ себя надеждой, что въ ближайшемъ будущемъ явится возможность увеличить число выпусковъ. Конечно, это прежде всего будетъ зависѣть отъ денежныхъ средствъ Общества и въ частности отъ правильности поступленія членскихъ взносовъ.

Сверхъ указанныхъ обычныхъ формъ дѣятельности Общества—чтенія и обсужденія представленныхъ членами рефератовъ и изданія этихъ послѣднихъ, а равно историч. матеріаловъ, научная дѣятельность Общества Нестора-лѣтописца выражалась также въ чтеніи публичныхъ платныхъ лекцій по различнымъ отраслямъ исторической науки, начало которымъ положено было еще въ 1896 г. По примѣру прежнихъ лѣтъ, 9 почетн. и дѣйствит. членовъ Общества объявили рядъ систематич. лекцій, а именно: 1) д. ч. П. В. Голубовскій по русской исторіи, 2) д. ч. Т. Д. Флоринскій по исторіи западныхъ славянъ, 3) д. чл. Н. М. Бубновъ по римской исторіи, 4) поч. чл. Ѳ. Я. Фортинскій по исторіи среднихъ вѣковъ, 5) поч. чл. И. В. Лучицкій по

новой исторіи, 6) д. чл. М. Н. Сперанскій по исторіи рус. литературы и 7—8) поч. чл. Н. П. Дашкевичъ и д. чл. Е. В. Аничковъ по исторіи западно-европ. литературъ.

Лекціи эти, начавшіяся въ январѣ текущаго года и продолжавшіяся до марта включительно, на этотъ разъ, къ сожалѣнію, не встрѣтили у публики того сочувствія, на какое въ правѣ были расчитывать лекторы, предполагавшіе на основаніи опыта предыдущаго года, что у интеллигентной части мѣстнаго общества существуетъ большой запросъ на лекціи подобнаго рода, т. е. представляющія собою систематическіе курсы.

Наглядным показателемъ ослабленія у публики интереса къ публичнымъ лекціямъ, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, можетъ служить слѣд. справка: въ 1898—99 г. въ кассу Общества 10% сбора съ публич. лекцій поступило 353 руб., а въ отчетномъ году всего лишь 50 рублей.

Чтобы исчерпать краткую повѣсть о научной дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца въ истекшемъ отчетномъ году, мнѣ еще остается упомянуть, что нѣкоторые члены нашего Общества, по просьбѣ предсѣдателя Моск. Арх. Общ. гр. П. С. Уваровой, обсуждали въ особой комиссіи вопросъ объ описаніи памятниковъ старины и изданіи „Древностей Украины“, а равно совершили съ этой цѣлью нѣсколько экскурсій.

Подводя общій итогъ всему сказанному нами о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ истекшемъ отчетномъ году, мы не можемъ не отмѣтить слѣд. трехъ явленій, отличающихъ данный годъ отъ предыдущаго. Это—

1) принятіе ряда мѣръ, направленныхъ къ увеличенію и упроченію источниковъ доходовъ Общества;
2) увеличеніе числа засѣданій и сдѣланныхъ въ нихъ сообщеній, и
3) оживленіе и улучшеніе издательской дѣятельности Общества.

Приложеніе къ Отчету за 1899—1900 г.

I. Списокъ членовъ Общества Нестора-лѣтописца къ 15 марта 1901 г.

А. Члены, живущіе въ Кіевѣ.

а) Почетные:

Антоновичъ, Владиміръ Бонифатіевичъ (членъ-учредитель).
Вельяминовъ-Зерновъ, Владиміръ Владиміровичъ.
Владимірскій-Будановъ, Михаилъ Флегонтовичъ.
Дашкевичъ, Николай Павловичъ.
Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ (членъ-учредитель).
Лазаревскій, Александръ Матвѣевичъ.
Лучицкій, Иванъ Васильевичъ.
Петровъ, Николай Ивановичъ (членъ-учредитель).
Фортинскій, Ѳедоръ Яковлевичъ.

б) Дѣйствительные:

Александровскій, Григорій Владиміровичъ.
Аѳанасьевъ, Георгій Емельяновичъ.
Безсмертный, Евгеній Адріановичъ.
Бубновъ, Николай Михайловичъ.
Булгаковъ, Аѳанасій Ивановичъ.
Бѣлогрицъ-Котляревскій, Леонидъ Сергѣевичъ.

Бѣляшевскій, Николай Ѳедотовичъ.
Василенко, Николай Прокофьевичъ.
Владиміровъ, Петръ Владиміровичъ.
Волкъ-Карачевскій, Василій Васильевичъ.
Георгіевскій, Василій Тимоѳеевичъ.
Гливенко, Иванъ Ивановичъ.
Глокке, Николай Эрнестовичъ.
Голубевъ, Степанъ Тимоѳеевичъ.
Голубовскій, Петръ Васильевичъ.
Гренъ, Алексѣй Николаевичъ.
Дебольскій, Владиміръ Николаевичъ.
Де-Витте, Елисавета Ивановна.
Демченко, Василій Григорьевичъ.
Дмитріевскій, Алексѣй Аѳанасьевичъ.
Егіазаровъ, Соломонъ Адамовичъ.
Желѣзновъ, Владиміръ Яковлевичъ.
Житецкій, Павелъ Игнатьевичъ.
Завитневичъ, Владиміръ Зенонович ъ.
Исаевъ, Иванъ Петровичъ.
Истоминъ, Ѳедоръ Павловичъ.
Каманинъ, Иванъ Михайловичъ.
Кивлицкій, Евгеній Александровичъ.
Клячинъ, Василій Петровичъ.
Кнауэръ, Ѳедоръ Ивановичъ.
Кордтъ, Веніаминъ Александровичъ.
Крыловскій, Амвросій Семеновичъ.
Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ.
Левицкій, Орестъ Ивановичъ.
Личковъ, Леонидъ Семеновичъ.
Лобода, Андрей Митрофановичъ.
Ляскоронскій, Василій Григорьевичъ.
Ляскоронскій, Владиміръ Григорьевичъ.
Лятошинскій, Николай Леонтьевичъ.
Малининъ, Василій Николаевичъ.
Мельникъ, Екатерина Николаевна.
Молчановскій, Никандръ Васильевичъ.

Науменко, Владиміръ Павловичъ.
Оболонскій, Николай Александровичъ.
Павлуцкій, Григорій Григорьевичъ.
Петръ, Вячеславъ Ивановичъ.
Радченко, Константинъ Ѳедоровичъ.
Розовъ, Алексѣй Васильевичъ.
Романовичъ-Славатинскій, Александръ Васильевичъ.
Сикорскій, Иванъ Алексѣевичъ.
Синицкій, Данилъ Александровичъ.
Сонни, Адольфъ Израилевичъ.
Степовичъ, Андроникъ Іоанникіевичъ.
Стороженко, Андрей Владиміровичъ.
Стороженко, Николай Владиміровичъ.
Суринъ, Михаилъ Васильевичъ.
Титовъ, о. Ѳедоръ Ивановичъ.
Трубецкой, князь, Евгеній Николаевичъ.
Удинцевъ, Всеволодъ Аристарховичъ.
Флоринскій, Тимофей Дмитріевичъ.
Ханенко, Богданъ Ивановичъ.
Челпановъ, Георгій Ивановичъ.
Щербина, Владиміръ Ивановичъ.
Ясинскій, Михаилъ Никитичъ.

Б. Иногородные члены.

а) Почетные:

Веселовскій, Александръ Николаевичъ (С.-Петербургъ).
Голубинскій, Евгеній Евсигніевичъ (Москва).
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ (Москва).
Знаменскій, Петръ Васильевичъ (Казань).
Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ (С.-Петербургъ).
Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ (Москва).
Сумцовъ, Николай Ѳедоровичъ (Харьковъ).
Уварова, графиня, Прасковья Сергѣевна (Москва).
Шереметевъ, графъ, Сергій Дмитріевичъ (С.-Петербургъ).

б) Дѣйствительные:

Андріевскій, Алексѣй Александровичъ (Одесса).
Багалѣй, Дмитрій Ивановичъ (Харьковъ).
Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ (Нѣжинъ).
Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ (С.-Петербургъ).
Василенко, Викторъ Ивановичъ (Полтава).
Гамченко, Сергѣй Спиридоновичъ (Житоміръ).
Горленко, Василій Петровичъ (Полтав. губ.)
Данилевичъ, Василій Евфимовичъ (Юрьевъ).
Дверницкій, Емельянъ Николаевичъ (Владиміро-Волынскъ).
Демченко, Григорій Васильевичъ (Варшава).
Ефименко, Петръ Саввичъ (Харьковъ).
Ждановъ, Иванъ Николаевичъ (С.-Петербургъ).
Ивановъ, Николай Ивановичъ (Рига).
Ивановъ, Павелъ Андреевичъ (Одесса).
Истоминъ, Михаилъ Павловичъ (Могилевъ, губ. г.)
Кочубинскій, Александръ Александровичъ (Одесса).
Крачковскій, Юліанъ Ѳомичъ (Вильно).
Ласкинъ, ГавріилъАлександровичъ (пос.СолецъРадомской губ.)
Лилеевъ, Михаилъ Ивановичъ (Нѣжинъ).
Линниченко, Иванъ Андреевичъ (Одесса).
Люба-Радзиминскій, Сигизмундъ Владиміровичъ (Волын. губ.).
Любовичъ, Николай Николаевичъ (Варшава).
Малиновскій, Іоанникій Алексѣевичъ (Томскъ).
Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ (Одесса).
Милорадовичъ, графъ, Григорій Александровичъ (Черниговъ. губ).
Михалевскій, Владиміръ Андреевичъ (Керчь).
Мищенко, Ѳедоръ Герасимовичъ (Казань).
Модестовъ, Василій Ивановичъ (С.-Петербургъ).
Мусинъ-Пушкинъ, графъ, Александръ Алексѣевичъ (С.-Петербургъ).
Николайчикъ, Ѳедоръ Даниловичъ (Ромны).
Оглоблинъ, Николай Николаевичъ (Москва).
Падалка, Левъ Васильевичъ (Полтава).
Перетцъ, Владиміръ Николаевичъ (С.-Петербургъ).
Петровскій, Мемнонъ Петровичъ (Казань).

Пискорскій, Владиміръ Константиновичъ (Нѣжинъ).
Помяловскій, Иванъ Васильевичъ (С.-Петербургъ).
Пономаревъ, Степанъ Ивановичъ (Конотопъ).
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ (С.-Петербуръ).
Соколовъ, Матвѣй Ивановичъ (Москва).
Сперанскій, Михаилъ Несторовичъ (Нѣжинъ).
Спрогисъ, Иванъ Яковлевичъ (Вильно).
Сторожевъ, Василій Николаевичъ (Москва).
Сѣцинскій, о. Евфимій Осиповичъ (Каменецъ-Подольскъ).
Терновскій, Сергѣй Алексѣевичъ (Казань).
Уманецъ, Ѳедоръ Михайловичъ (Черниговъ).
Фотинскій, Орестъ Авксентьевичъ (Житоміръ).
Хрущовъ, Иванъ Петровичъ (С.-Петербургъ).
Шугуровъ, Николай Васильевичъ (Нѣжинъ).
Эйнгорнъ, Виталій Осиповичъ (Москва).
Яблоновскій, Александръ Петровичъ (Варшава).
Ясинскій, Антонъ Никитичъ (Юрьевъ).

В. Члены, находящіеся за границей.

а) Почетные.

Петрушевичъ, о. Антоній Стефановичъ (Львовъ).
Ягичъ, Игнатій Викентьевичъ (Вѣна).

б) Дѣйствительные.

Аничковъ, Евгеній Васильевичъ.
Грушевскій, Михаилъ Сергѣевичъ (Львовъ).
Де-Бай, Жозефъ, баронъ (Парижъ).
Прохаска, Антоній Антоніевичъ (Львовъ).
Ровинскій, Павелъ Аполлоновичъ (Цетинье).
Успенскій, Ѳедоръ Ивановичъ (Константинополь).

II. Должностныя лица Общества Нестора-лѣтописца:

Предсѣдатель—Н. П. Дашкевичъ.
Товарищъ предсѣдателя—А. М. Лазаревскій.
Казначей—Ѳ. Я. Фортинскій.

Секретарь—М. Н. Ясинскій.
Библіотекарь и помощникъ секретаря—И. М. Каманинъ.

III. Совѣтъ Общества.

а) Члены по должности:

Н. П. Дашкевичъ. Ѳ. Я. Фортинскій.
А. М. Лазаревскій. М. Н. Ясинскій.

б) *Пожизненные члены* (чл.-учред. Общ-ва).

В. Б. Антоновичъ. В. С. Иконниковъ. Н. И. Петровъ.

в) *Члены, избр. по апрѣль 1906 г.*

Г. Е. Аѳанасьевъ. В. З. Завитневичъ.
М. Ф. Владимірскій-Будановъ. А. І. Степовичъ.

г) *Члены, избр. по мартъ 1903 г.*

Т. Д. Флоринскій. И. М. Каманинъ.
Ю. А. Кулаковскій. В. И. Щербина.

IV. Редакціонный Комитетъ.

В. Б. Антоновичъ. В. С. Иконниковъ.
М. Ф. Владимірскій-Будановъ. А. М. Лазаревскій.
Н. П. Дашкевичъ. Ѳ. Я. Фортинскій.
М. Н. Ясинскій.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за ноябрь и декабрь 1908 г.

I. Засѣданіе 22 ноября.

Д. чл. **П. В. Голубовскій** представилъ результаты своего изслѣдованія о времени и мѣстѣ составленія „*Службы святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу въ Иваничской минеѣ 1547—79 г.г.*“ (напечатано въ 3-мъ вып. XIV-й книги „Чтеній“).

По поводу этого доклада нѣкоторыя соображенія были высказаны В. З. Завитневичемъ и О. И. Левицкимъ, а возраженія сдѣланы А. М. Лободой и о. Ѳ. И. Титовымъ.

II. Засѣданіе 3-го декабря.

а) Д. чл. **Е. М. До-Витте** прочла докладъ: „*О Іже-Навлѣ Непрѣвичѣ* (1783 г.)“.

Изъ хранящейся о немъ переписки въ Центральномъ архивѣ университета видно, что 6 декабря 1783 года въ с. Головеньки, Коропскаго уѣзда, Черниговской губерніи, прикатилъ неизвѣстный молодой человѣкъ и передъ собравшимися крестьянами завелъ рѣчь про подушный окладъ, говоря: „не называйте его подушнымъ окладомъ, но тяжелымъ окла-

домъ", при этомъ сталъ увѣрять, что такихъ гонцовъ, какъ онъ, разъѣхалось по Малой и Великой Россіи 12 человѣкъ, а посланы они изъ Херсона наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ провѣдать о подушномъ окладѣ; сталъ хвалиться, что онъ три мѣсяца тому назадъ въ Херсонѣ обѣдалъ съ государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Тамошнему (с. Головеньки) головѣ Остапенку пріѣзжій далъ какія-то карточки съ надписью словъ, похожихъ на латинскія, и, давая ихъ, прибавилъ: „Ты будешъ вѣкъ меня помнить!" Изъ с. Головеньки 7 декабря неизвѣстный проѣхалъ въ с. Высокое, получивъ отъ атамана Гринька лошадей и человѣка; здѣсь, въ присутствіи вахмистра Игната и сотскаго Алексѣя Дукачевыхъ, онъ уже называлъ себя наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ, говоря: „Отецъ мой Петръ Ѳедоровичъ живъ и находится въ Херсонѣ". Дукачевы заподозрили обманъ, арестовали пріѣзжаго и отправили его въ г. Коропъ. Проѣздомъ черезъ м. Новые Млины, въ домѣ тамошняго атамана Бураго, арестованный продолжалъ разсказывать о жизни покойнаго государя Петра Ѳеодоровича, называя его своимъ отцомъ. Здѣсь же новомлинскому казаку Басанцу онъ далъ такія-же карточки, какъ и Остапенку, при чемъ сказалъ: „Ты будешь великимъ человѣкомъ". Представленный въ нижне-земскій Коропскій судъ, арестованный только на увѣщаніе священника сознался, что онъ—Григорій Зайцевъ, уроженецъ с. Жуковки, бывшаго Березненскаго уѣзда, Черниговской губ., сынъ пономаря, родился въ 1767 г.; съ тринадцати лѣтъ онъ былъ въ Кіевѣ пѣвчимъ въ хорѣ Софійскаго собора; съ 16 лѣтъ онъ началъ бродяжническую жизнь, переходя тайно въ Польшу, воспользовался документомъ своего товарища Житниченка, сдѣлавъ необходимые подлоги въ немъ, и подъ этимъ именемъ присталъ къ проѣзжему курьеру Прокурову, ѣздилъ съ нимъ по многимъ городамъ, былъ даже въ г. Ярославлѣ; въ Полтавѣ поддѣлалъ новое свидѣтельство; въ Новгородъ-Сѣверскѣ сидѣлъ въ острогѣ, какъ бродяга, и выпущенъ по представленіи свидѣтельства на имя Житниченка; изъ Новгородъ-Сѣверска прибылъ въ с. Головеньки, гдѣ и случилось то, что разска-

зано выше. Самозванство свое Зайцевъ объяснилъ пьянствомъ, глупостью и желаніемъ получить скорѣе лошадей. Нижнеземскій Коропскій судъ 24 февраля 1784 года передалъ уже дѣло въ верхнюю расправу; расправа—въ Новгородъ-Сѣверскую уголовную палату, а послѣдняя въ мартѣ этого же года сдѣлала докладъ фельдмаршалу гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому. Всѣ перечисленныя выше судебныя инстанціи находили преступленіе Зайцева очень важнымъ и въ силу многихъ статей уложенія, статута, артикула и проч., постановили казнить смертью Зайцева, но въ виду отмѣны казни наказать кнутомъ, давъ 300 ударовъ, вырѣзать ноздри, поставить на лбу и щекахъ знаки и сослать въ вѣчную каторжную работу: причастнымъ къ дѣлу лицамъ—сельскимъ атаманамъ и головамъ—назначался арестъ. Изъ Новгородъ-Сѣверска Зайцевъ былъ отправленъ къ генералъ-прокурору кн. Вяземскому: послѣдній освободилъ всѣхъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу Зайцева, исключая сельскихъ должностныхъ лицъ, которыхъ, выдержавъ подъ арестомъ три дня на хлѣбѣ и водѣ, приказалъ отъ должностей уволить и впредь никогда не избирать, какъ „сущихъ невѣждъ“; что же касается до Зайцева, то о немъ, какъ писалъ генералъ-прокуроръ, „по Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, надлежащее рѣшеніе учинено“, но какое—неизвѣстно. Для разъясненія этого вопроса Е. И. Де-Витте напомнила о судьбѣ двухъ другихъ, подобныхъ Зайцеву, самозванцевъ: о солдатахъ Гавріилѣ Кремневѣ (1765 г.) и Ѳедорѣ Чернышевѣ, которые были виновны, кромѣ того, и въ нарушеніи военнаго устава о службѣ; оба эти самозванца были наказаны кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ. Но такъ какъ Григорій Зайцевъ не былъ солдатомъ, то и наказаніе ему должно было быть мягче. Затѣмъ докладчица разсмотрѣла условія появленія вообще въ Россіи самозванцевъ, которые, не исключая даже и Лже-Димитрія, всѣ принадлежатъ къ типу искателей приключеній, и, наконецъ, выяснила причины, почему Зайцевъ принялъ имя Павла Петровича.

По поводу настоящаго доклада поч. чл. В. С. Иконниковъ замѣтилъ, что изъ всего, что разсказывалъ самозванецъ о себѣ и своихъ отношеніяхъ къ Петру III, ясно видно его знаніе, быть можетъ, по наслышкѣ, о характерѣ отношеній императрицы Екатерины II къ мужу и сыну.

б) Д. чл. **О. А. Фотинскій** представилъ рефератъ: *„Къ характеристикѣ семейныхъ и общественныхъ отношеній казачества въ послѣдніе годы существованія Сѣчи Запорожской“*, который (т. е. рефератъ), за отсутствіемъ автора, былъ прочтенъ г. секретаремъ (напечатанъ въ отд. V настоящаго выпуска).

По поводу этого реферата между членами В. С. Иконниковымъ, М. В. Суринымъ, Ю. А. Кулаковскимъ, Ѳ. Я. Фортинскимъ, В. З. Завитневичемъ, о. Ѳ. И. Титовымъ, М. Н. Ясинскимъ, А. В. Стороженкомъ и друг. произошелъ обмѣнъ мнѣніями по вопросу о старыхъ формахъ брака.

По произведенной баллотировкѣ избраны въ почетные члены *Николай Ивановичъ Петровъ* (членъ-учредитель) и *Николай Ѳедоровичъ Сумцовъ*, а въ дѣйствительные—*Виталій Осиповичъ Эйнгорнъ*.

III. Засѣданіе 19 декабря.

а) Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** сдѣлалъ сообщеніе о *„Старѣйшемъ спискѣ Малороссійской Енеиды“* (будетъ напечатано въ слѣдующемъ выпускѣ настоящей книги).

б) Д. чл. **А. М. Лобода** охарактеризовалъ *„Современные методы изученія былинъ“*.

Былины сравнительно давно уже служатъ предметомъ изученія и породили обширную литературу; но, какъ ни велика эта послѣдняя, все же характеръ, мѣсто и время сложенія былинъ, происхожденіе и смыслъ отдѣльныхъ сказаній и эпизодовъ остаются въ значительной степени спорными. Стоитъ взять какую-нибудь былину, напримѣръ, про Илью или Соловья-разбойника, и сразу приходится натолкнуться на цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ, а иногда и противорѣчивыхъ взглядовъ по поводу происхожденія ея. Доходитъ до того, что былины уже не разсматриваются въ связи съ другими произведеніями народной словесности, а пріурочиваются къ концу XVII в., ибо ихъ „формы и содержаніе являются намъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они сложились въ особенности къ концу XVII в.“.

Единственнымъ сдерживающимъ началомъ во всей этой путаницѣ понятій можетъ быть методъ разсмотрѣнія былинъ. Но здѣсь мы прежде всего видимъ, что строго научнаго, опредѣленнаго метода для разсмотрѣнія былинъ нѣтъ и даже нѣтъ одного общаго метода, который полагался бы въ основу работъ по былевому эпосу; у насъ есть нѣсколько методовъ, которые только ослабляютъ другъ друга, и сами, каждый въ отдѣльности, не могутъ дать прочныхъ результатовъ.

Самобытность и глубокая миѳическая древность основъ былинъ, приводимыя миѳологами, уступили мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія, но и эта послѣдняя, у сторонниковъ культурнаго воздѣйствія Востока, приняла совершенно ненаучный характеръ; у сторонниковъ вліянія Запада и Византіи она была удачнѣе развита, хотя нерѣдко тоже примѣнялась съ натяжками, гадательно. Сверхъ того, увлеченіе „международнымъ“ элементомъ былинъ повело къ малому оттѣненію исторической ихъ основы.

Однако, въ свою очередь, и нѣкоторые послѣдователи историческаго истолкованія былинъ впали въ ошибку, отбро-

сивъ критику текста и замѣнивъ ее механическими сличеніями былинныхъ и историко-бытовыхъ русскихъ подробностей.

Такимъ образомъ, сырого матеріала собрано много, и работы надъ былинами затрачено не мало, но все это покамѣстъ—подготовительная работа, а цѣльной, стройной картины развитія нашего былевого эпоса у насъ все еще нѣтъ *).

*) Сообщеніе это составитъ 1-ю главу подготовляемой авторомъ монографіи касательно „Былинъ о сватовствѣ“ и будетъ напечатано въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1901 г.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за январь—мартъ 1901 г.

IV. Засѣданіе 21 января.

а) Д. чл. **О. И. Левицкій** прочелъ докладъ: „*Черты семейно-юридическаго быта въ Лѣвобережной Малороссіи во 2-й половинѣ XVII в.*“ [1]).

Матеріаломъ для настоящаго доклада послужили актовыя книги козацкихъ судовъ XVII ст. Объ этихъ книгахъ не было еще историческаго изслѣдованія, да и самый вопросъ о существованіи актовыхъ книгъ въ Лѣвобережной Малороссіи далеко еще не разъясненъ. Предпославъ краткій очеркъ судоустройства въ Малороссіи, референтъ пришелъ къ заключенію, что актовыя книги велись здѣсь съ XVI по XVIII ст. при судахъ: старостинскихъ, городскихъ, земскихъ, магистратскихъ и ратушныхъ, затѣмъ, со временъ Хмельницкаго—при судахъ полковыхъ, сотенныхъ, генеральномъ войсковомъ судѣ и др. Но изъ громаднаго количества актовыхъ книгъ, какія должны были накопиться въ Лѣвобер. Малороссіи въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ, доселѣ извѣстны лишь слѣдующія: а) отрывки Стародубскихъ магистратскихъ книгъ 1683 и

---

[1]) См. „Кіев. Старину“ 1901 г., №№ 1—4.

1690 гг.; б) отрывки такихъ же Нѣжинскихъ книгъ 1657—1674 гг.; в) актовая книга Бориспольскаго ратушнаго суда 1612—1698 гг.; г) отрывки книгъ Борзенскаго сотеннаго суда 1664—1720 гг.; д) актовая книга Прилуцкаго полковаго суда 1660 г., и е) пять книгъ Полтавскаго полковаго суда XVII—XVIII ст. Остальныя книги погибли безслѣдно, а нѣкоторыя, быть можетъ, хранятся еще подъ спудомъ въ столичныхъ архивахъ, въ числѣ другихъ старыхъ дѣлъ, поступившихъ туда изъ малороссійскихъ губерній, по закрытіи старыхъ судовъ въ 1860—70-хъ годахъ. Опредѣливъ въ общихъ чертахъ богатство и разнообразіе данныхъ, какія актовыя книги малороссійскихъ судовъ представляютъ для исторіи быта, права и другихъ сторонъ жизни старой Малороссіи, референтъ перешелъ къ предмету своего доклада и, главнымъ образомъ, остановился на процессахъ, касающихся *расторженія брака по приговорамъ свѣтскаго суда.*

Такая форма расторженія браковъ, противная церковнымъ законамъ, представляетъ особенность мѣстнаго обычнаго права. Статутъ всецѣло предоставлялъ расторженіе браковъ компетенціи духовныхъ судовъ; однакоже земскіе и городскіе уряды свободно принимали заявленія отъ лицъ, разводившихся по добровольному соглашенію, безъ участія духовной власти, и вносили въ актовыя книги ихъ „роспустные листы". Магистратскіе суды шли еще дальше: основываясь на предписаніи Магдеб. права, по которому замужняя женщина, уличенная въ прелюбодѣяніи, каралась расторженіемъ брачнаго ея союза съ невиннымъ мужемъ, они сплошь и рядомъ по собственной иниціативѣ постановляли декреты о расторженіи брака въ случаяхъ прелюбодѣянія жены. Въ особенности законъ этотъ широко примѣнялся въ Лѣвобережной Малороссіи судами полковыми и магистратскими. Только здѣсь, подъ вліяніемъ мѣстныхъ юридическихъ воззрѣній и обычаевъ, Магдеб. право, безусловно предписывавшее расторженіе брака въ случаяхъ осужденія за прелюбодѣяніе, терпѣло видоизмѣненіе въ томъ смыслѣ, что козацкіе суды неизмѣнно постановляли декреты о расторженіи брака лишь условно, въ за-

висимости отъ желанія или нежеланія стороны невиновной. Въ этихъ декретахъ сказывается одно изъ основныхъ положеній малорусскаго обычнаго права, по которому главнымъ факторомъ въ дѣлѣ расторженія брака признавалась добрая воля самихъ разводящихся. Безъ нея юридическія и даже каноническія основанія сами по себѣ были безсильны уничтожить брачный союзъ. Разведенные такимъ способомъ супруги могли впослѣдствіи возобновить свой союзъ брачный, что зависѣло главнымъ образомъ отъ согласія и желанія невиновной стороны; но въ такомъ случаѣ они обязывались предварительно заявить о томъ духовному начальству и тому свѣтскому суду, по приговору котораго ихъ бракъ подвергся расторженію; это опять черта мѣстнаго обычнаго права, не встрѣчающаяся ни въ одномъ изъ кодексовъ права Магдебургскаго.

Но если невиновный мужъ прощалъ преступную жену, то онъ не только имѣлъ право возстановить ея супружескія права, которыхъ она лишалась по судебному декрету, но могъ тѣмъ самымъ освободить ее и отъ той кары, къ какой она приговаривалась за прелюбодѣяніе. То же право принадлежало и женѣ по отношенію къ преступному мужу; ея прощеніе освобождало его отъ смертной казни, къ какой обычно приговаривались чужеложники. Въ этомъ правѣ супружескаго помилованія референтъ видитъ проявленіе свойственной обычному праву частно-уголовной точки зрѣнія на супружескую невѣрность, какъ на преступное дѣяніе, болѣе всего наносящее ущербъ чести, интересамъ и вообще праву невиновнаго супруга.

Но такой ущербъ могло причинять не одно прелюбодѣяніе, но и другія позорящія семью преступленія; отсюда возникло понятіе, что и такія преступныя дѣянія, какъ воровство, чародѣйство и вообще всякое позорящее дѣяніе, должны были служить препятствіемъ къ продолженію брачнаго союза и, слѣдовательно, могли быть для невиновнаго супруга законнымъ поводомъ требовать расторженія брака съ лицомъ, опозорившимъ себя и семью совершеніемъ такого дѣянія.

Наконецъ, неуживчивый нравъ одного изъ супруговъ, острая вражда съ родней и т. под. проявленія злобы давали поводъ невиновной сторонѣ домогаться расторженія брака, и судъ нерѣдко удовлетворялъ такія домогательства. Въ подтвержденіе этого референтъ привелъ судебный процессъ, въ которомъ судъ, карая зятя за грубое обращеніе съ тестемъ, угрожаетъ расторженіемъ его брака въ случаѣ, если онъ не исправится.

По поводу этого доклада д. чл. М. Н. Ясинскій представилъ нѣсколько возраженій и замѣчаній, клонившихся къ тому, что нѣкоторыя черты, отмѣченныя авторомъ какъ характерныя для Лѣвобережной Малороссіи XVII в., были свойственны всей Западной и Юго-Западной Россіи и при томъ не только въ XVII, но и въ XVI, и даже въ болѣе раннее время.

Этотъ же докладъ вызвалъ обмѣнъ мнѣніями между членами В. З. Завитневичемъ, А. И. Булгаковымъ и о. Ѳ. И. Титовымъ по вопросу о юрисдикціи духовныхъ и свѣтскихъ судовъ въ дѣлахъ о разводѣ.

б) Д. чл. о. **Ѳ. И. Титовъ** представилъ *„Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской церкви“* (напечатанъ въ IV-мъ отдѣлѣ настоящаго и предыдущаго выпусковъ).

Затѣмъ г. Предсѣдатель заявилъ, что по случаю исполнившагося 80-лѣтія поч. чл. Общества каноника о. А. С. Петрушевича, которое праздновалось 11-го января, и въ виду поздняго полученія извѣщенія объ этомъ отъ Общества „Галицко-русской матицы“, имъ, предсѣдателемъ, была отправлена поздравительная отъ имени Общества телеграмма юбиляру, составленная при участіи нѣсколькихъ членовъ Совѣта Общества.

Постановили: благодарить г. Предсѣдателя за своевременную отправку поздравительной телеграммы.

V. *Засѣданіе 4 февраля.*

а) Д. чл. **М. Н. Ясинскій** сдѣлалъ сообщеніе о *„Радѣ (думѣ) великаго княжества Литовскаго, какъ высшемъ судебномъ учрежденіи“*[1]).

Отмѣтивъ въ общихъ чертахъ судебные порядки, существовавшіе въ Литовско-Русскомъ государствѣ до изданія Лит. Статута 1529 г., и указавъ на рядъ реформъ въ области судоустройства и процесса вообще, санкціонированныхъ означеннымъ Статутомъ, докладчикъ обратился къ радѣ вел. княжества Литовскаго, которой Статутъ 1529 г. предоставилъ значеніе самостоятельнаго и высшаго, въ отсутствіе вел. князя, судилища.

Послѣ предварительныхъ замѣчаній о судебной роли рады до Статута 1529 г. во время частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ вел. князя въ предѣлы Польши и неудобствахъ, которыя проистекали вслѣдствіе отсутствія точныхъ правилъ о судебныхъ правахъ рады, мѣстѣ и времени ея судебныхъ засѣданій и пр. и пр., референтъ остановился на изложеніи постановленій Статута 1529 г., касающихся рады, какъ высшаго, въ отсутствіе вел. князя, судилища, а именно— прежде всего на опредѣленіи ея компетенціи и силѣ ея рѣшеній. Перечисливъ дѣла и лицъ, которыя подсудны были радѣ, какъ первой инстанціи въ однихъ случаяхъ и апелляціонной— въ другихъ, докладчикъ по вопросу о томъ, подлежали ли рѣшенія рады обжалованію, пришелъ къ заключенію, что эти рѣшенія ни въ моментъ изданія Статута, ни позже, ни принципіально, ни фактически не признавались окончательными, а потому тяжущіеся могли апеллировать на означенныя рѣшенія къ вел. князю.

Далѣе авторъ реферата удѣлилъ вниманіе изложенію прочихъ подробностей относительно рады, какъ высшаго въ отсутствіе господаря судилища, насколько эти подробности

---

[1]) Вошло въ составъ изслѣдованія: „Главный Литовскій Трибуналъ, его происхожденіе, организація и компетенція“, Вып. 1, Кіевъ, 1901 г.

выступаютъ какъ въ Статутѣ, такъ и въ послѣдующихъ законодательныхъ и судебныхъ памятникахъ. а именно остановился на вопросѣ о срокахъ и продолжительности судебныхъ засѣданій, о мѣстѣ ихъ и численномъ составѣ рады, какъ судебнаго учрежденія.

Судебныя засѣданія рады назывались судовыми сеймами и происходили, какъ доказалъ это референтъ путемъ сопоставленія различныхъ данныхъ, сначала одинъ разъ въ году (съ наступленіемъ третьей недѣли великаго поста), а затѣмъ (но не раньше, какъ съ 1532 г.) дважды: начиная съ кануна дня св. Троицы и съ 29 сентября (послѣдній срокъ былъ замѣненъ въ 1554 г.—11 ноября, или днемъ св. Мартина). Судовые сеймы, продолжительность которыхъ не была ограничена въ законѣ какимъ-либо заранѣе установленнымъ срокомъ и опредѣлялась всякій разъ количествомъ поступившихъ дѣлъ, происходили въ Вильнѣ въ великокняжескомъ дворцѣ. Участіе въ судебныхъ засѣданіяхъ рады всѣхъ членовъ ея было необязательно: всякое наличное число ихъ было въ правѣ отправлять правосудіе на судовыхъ сеймахъ.

Послѣдующая часть реферата посвящена была вопросу, какъ литовская рада относилась къ своимъ судебнымъ правамъ и обязанностямъ. Изъ анализа содержанія нѣкоторыхъ документовъ референтъ пришелъ къ заключенію, что рада ревниво относилась къ своимъ правамъ и въ случаяхъ обхода рады, какъ судебной инстанціи, тяжущимися, обращавшимися нерѣдко непосредственно къ вел. князю и за предѣлы Литвы, видѣла не только вредъ (преимущественно въ экономическомъ отношеніи) для всего государства, но и нарушеніе своихъ прерогативъ. Несмотря на такую точку зрѣнія, усвоенную радою, бывали случаи (особенно на первыхъ порахъ дѣятельности судовыхъ сеймовъ), дававшіе поводъ тяжущимся жаловаться, что радные паны не всегда аккуратно съѣзжаются въ Вильну для отправленія правосудія, откладываютъ часть поступившихъ дѣлъ до другой сессіи и пр. и пр.

Въ заключеніе докладчикъ остановился на вопросѣ о дальнѣйшей судьбѣ рады, какъ высшаго судебнаго учрежденія.

Рѣшающую роль въ данномъ случаѣ сыгралъ Бѣльскій сеймъ 1564 г., на которомъ былъ изданъ привилей, заявлявшій, что всѣ сановники и прочіе урядники, каковымъ принадлежала судебная власть и право разсмотрѣнія апелляцій, добровольно отказались отъ принадлежавшей имъ дотолѣ юрисдикціи и сопряженныхъ съ нею доходовъ. Сдѣлано это было для того, чтобы дать возможность осуществить реорганизацію литовско-русскаго судоустройства на новыхъ началахъ, а именно, ввести областные суды по образцу существовавшихъ въ Польшѣ. Среди новыхъ преимущественно выборныхъ судовъ, составъ которыхъ пополнялся представителями рядовой шляхты литовской, и съ отказомъ радныхъ пановъ отъ права разрѣшать апелляціи, рада, какъ судебное учрежденіе, не могла уже имѣть самостоятельнаго мѣста въ ряду прочихъ судебныхъ инстанцій. Этимъ объясняется, почему Статутъ 1566 г. уже ни словомъ не упоминаетъ о судовыхъ сеймахъ, на которыхъ рада въ эпоху Статута 1529 г. производила, въ отсутствіе вел. князя, судъ по многимъ важнѣйшимъ дѣламъ и въ томъ числѣ по апелляціямъ, и предписываетъ жалобы на рѣшенія земскихъ и подкоморскихъ судовъ подавать непосредственно королю и вел. князю, который, такимъ образомъ, сдѣлался по огромному большинству дѣлъ не только окончательнымъ (что́ было и раньше), но и единственнымъ апелляціоннымъ судьею.

б) Послѣ вводнаго замѣчанія. Предсѣдателя о значеніи гетманства Сайгадачнаго въ исторіи южно-русскаго козачества, д. чл. **И. М. Каманинъ** изобразилъ *„Козацкія волненія въ гетманство Петра Сагайдачнаго“* (докладъ этотъ вошелъ въ 1-й выпускъ настоящей книги подъ заглавіемъ: „Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго“).

По поводу этого сообщенія произошелъ обмѣнъ мнѣній между членами: А. В. Стороженкомъ, В. З. Завитневичемъ, А. В. Розовымъ, В. С. Иконниковымъ и Н. П. Дашкевичемъ.

VI. Засѣданіе 18 февраля.

а) Д. чл. **Н. И. Петровъ** представилъ „*Краткое обозрѣніе рукописей Кіево-Софійской библіотеки*“ (напечатано въ V отдѣлѣ настоящаго выпуска).

б) Д. чл. **А. І. Степовичъ** по случаю *100-лѣтія рожденія словинскаго поэта Фр. Преширена (1800—1849)*, сдѣлалъ краткій очеркъ его литературной дѣятельности:

„21 ноября прошлаго 1900 г. истекло столѣтіе рожденія лучшаго словинскаго и одного изъ лучшихъ славянскихъ поэтовъ Франца-Ксаверія Преширена.

Обстоятельной біографіи его еще нѣтъ, какъ нѣтъ и вполнѣ достойной оцѣнки его поэтической дѣятельности; этотъ писатель еще ждетъ своего изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, на основаніи уже извѣстныхъ данныхъ (Статья І. Стритаря при изданіи Прешереновыхъ стихотвореній 1866 г.; книжка Фр. Целестина: France Preširen, Загребъ, 1882 г.; юбилейное изданіе произведеній П-на, выпущенное въ 1900 г. Пинтаремъ, русскій стихотворный переводъ этихъ произведеній, сдѣланный Ѳ. Коршемъ съ серьезною вступительною статьею; разныя замѣтки и статьи въ славянскихъ изданіяхъ, каковы, напримѣръ: А. Гавриловича въ Бѣлградскомъ изданіи „Коло“ 1889 г., І. Гудца въ изд. Slavanský Přehled 1900 г., Г. Прейссовой въ чешскомъ ежемѣсячникѣ „Osvěta“ 1900 г., Караска въ „Česka Revue“ 1900 г. и др.) я постараюсь изложить посильный очеркъ жизни и писательской дѣятельности Преширена съ краткой, но возможно болѣе отчетливою оцѣнкою ея и характеристикою. Я это сдѣлаю тѣмъ охотнѣе, что такой докладъ могъ бы явиться посильной духовной данью поэту, чей юбилей прошелъ на Руси въ широкой публикѣ почти также незамѣтно, какъ и предшествовавшій юбилей 50-лѣтней литературной дѣятельности сербскаго писателя Змай Іована Іовановича. Можетъ быть, впрочемъ, недавно вышедшій удачный русскій переводъ стихотвореній Преширена, сдѣланный извѣстнымъ нашимъ

ученымъ филологомъ Ѳ. Коршемъ („Стихотворенія Франца Преширена со словѣнскаго и нѣмецкаго перевелъ". Москва 1901 г.) и пробудитъ въ нашемъ обществѣ интересъ какъ къ самому поэту, такъ и къ его бѣдному народу и всему славянству. А этотъ переводъ, повторяю, справедливо заслуживаетъ полнаго вниманія. Обстоятельства жизни и дѣятельности Преширена очень не сложны. Родился онъ въ селеніи Вербѣ, въ верхней Крайнѣ отъ простыхъ родителей крестьянъ и первыя 11 лѣтъ дѣтскихъ провелъ среди деревенской обстановки, въ непосредственной близости къ народной жизни, что должно было потомъ благопріятно отразиться на здоровомъ реализмѣ и трезвой жизненности его поэтическихъ изображеній; 22 лѣтъ онъ окончилъ курсъ Люблянской гимназіи, послѣ чего отправился въ Вѣну изучать право. По бѣдности ему пришлось давать уроки древнихъ языковъ; съ однимъ изъ своихъ учениковъ, нѣмецкимъ поэтомъ Ауэрсбергомъ, извѣстнымъ въ литературѣ подъ именемъ Анастасія Грюна, онъ даже подружился, и благодарный ученикъ, послѣ смерти своего даровитаго учителя, написалъ прочувствованное стихотвореніе „Nachruf an Prescheren". Тогда же произошло и знакомство Преширена съ чешскимъ поэтомъ Челаковскимъ. Сдѣлавшись докторомъ правъ, П-нъ сталъ искать какого-либо казеннаго мѣста, но безуспѣшно. Пристроившись на частной службѣ у земляка — адвоката Хробата, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выступилъ въ 1830 г. и на литературное поприще и своими сонетами обратилъ на себя всеобщее вниманіе въ словинскомъ читающемъ обществѣ. Неудачныя обстоятельства личной жизни поэта, каковы, напримѣръ, несчастная любовь къ Юліи Примчевой, матеріальныя невзгоды, литературная вражда съ приверженцами объединительнаго для южныхъ славянъ движенія „иллиризма", все болѣе и болѣе вызывали въ немъ болѣзненное раздраженіе, и изъ-подъ пера его стали выходить произведенія не только скорбныя и даже пессимистическія, но иногда полныя язвительной злости и озлобленія. Изъ-за „иллиризма" онъ скоро разссорился со своимъ другомъ, даровитымъ поэтомъ Станкомъ Вразомъ, а смерть лучшаго

его стараго друга Андрея Смолета окончательно, можно сказать, лишила его почвы. Онъ сталъ искать забвенія въ винѣ и въ 1849 г. умеръ отъ водянки. Незадолго до смерти, среди своихъ скорбныхъ думъ о народѣ, онъ имѣлъ возможность получить извѣстное духовное удовлетвореніе въ счастливомъ для словинцевъ поворотѣ событій 1848 года и умеръ безъ разочарованія въ дальнѣйшемъ. Благодарные соотечественники, кромѣ надгробнаго памятника въ Кранѣ, воздвигли ему еще другой, побольше, въ Бледѣ и собираются поставить третій, вполнѣ достойный поэта, въ Люблянѣ; лучшій словинскій ваятель Заецъ занятъ теперь разработкою проекта.

Какъ сказано выше, въ общественныхъ и національныхъ воззрѣніяхъ Прешернъ стоялъ далеко отъ кружка „иллировъ“ защищая литературныя права мѣстнаго языка и, въ пылу борьбы, неправильно укорялъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ Ст. Враза, въ корыстныхъ дѣйствіяхъ и вообще въ направленіи дѣятельности по личнымъ побужденіямъ и разсчетамъ. Въ пониманіи этого вопроса онъ оказался вообще ниже потребности эпохи, такъ какъ дѣло шло не только о тѣхъ либо другихъ литературныхъ вкусахъ, сочувствіяхъ или несочувствіяхъ, а о самомъ бытіи или небытіи маленькаго народа, которому суровая дѣйствительность грозила полнымъ исчезновеніемъ среди нѣмецкихъ племенъ если бы онъ былъ лишенъ родственной поддержки или самъ отказался отъ нея.. Въ отношеніи чисто художественномъ П-нъ представляется во всякомъ случаѣ выдающимся явленіемъ, которое могло бы сдѣлать честь и болѣе богатой и распространенной литературѣ. Освѣжающимъ образомъ дѣйствуетъ на читателя трезвый реализмъ изображеній, народность выраженій и картинъ, отсутствіе вымученности и напыщенности: замѣчательна также выдающаяся стихотворная техника, въ которой виденъ мастеръ своего дѣла... Особенно удачны у Преширена стихотворенія въ сонетной формѣ, и именно такъ называемый „Сонетный вѣнокъ“, состоящій изъ 14 основныхъ сонетовъ и пятнадцатаго своднаго, или „магистрала“, составленнаго изъ ихъ начальныхъ стиховъ. Удачно справился поэтъ и съ пер-

сидской формою такъ называемыхъ „газелей", а равно и съ „глоссой". О болѣе обычныхъ стихотворныхъ формахъ и размѣрахъ и говорить нечего.

Преширенъ—чистый лирикъ. Кромѣ небольшой поэмы „Крещеніе на Савицѣ" и нѣсколькихъ лироэпическихъ балладъ, все прочее принадлежитъ почти исключительно къ различнымъ видамъ лирической поэзіи: пѣснямъ, элегіямъ, эпиграммамъ и романсамъ. Эта односторонность поэтическаго дарованія Преширена выкупается однакоже высокимъ художественнымъ достоинствомъ большей части его стихотвореній, всегда выливавшихся прямо изъ души, свободныхъ отъ вымученности и натянутости: и любовныя литературныя произведенія, вытекавшія у него изъ несчастнаго нераздѣленнаго чувства къ вышеупомянутой Юліи Примчевой, которую онъ неоднократно сближаетъ съ Лаурою вдохновлявшаго его Петрарки, и стихотворенія съ общественнымъ содержаніемъ всегда полны свѣжести вдохновенія и непосредственности выраженія. Чтобы читатель имѣлъ болѣе возможности хотя сколько-нибудь судить о предметѣ, приводимъ одну изъ самыхъ небольшихъ эпиграммъ Преширена въ подлинникѣ и переводѣ г. Корша (Условіе незолотого вѣка; направлено противъ нѣкоего Ковачича):

Prisli za nas bi bili zlati casi,
Ko bi vsak klasik bil kdor Kranjcani kvasi,

т. е.

Давно ужъ золотой насталъ бы вѣкъ у насъ,
Когда бъ на классика давалъ намъ право классъ.

Въ подлинникѣ, по вѣрному замѣчанію почтеннаго переводчика, видимъ другую (болѣе, пожалуй, удачную) игру словъ: ***klasik*** и ***kvasi*** (=болтаетъ вздоръ), понятную особенно въ примѣненіи къ такъ называемымъ горенцамъ (горнымъ словинцамъ), произносящимъ *л* какъ *в* (*l*=*v*).

Основными настроеніями лирики Преширена являются, съ одной стороны, скорбное, граничащее съ пессимизмомъ, а съ другой, юмористически-сатирическое, переходящее иногда

въ сарказмъ. Настроенія эти въ значительной степени могутъ быть объяснены обстоятельствами личной жизни поэта и его общественныхъ отношеній. Мы уже видѣли, что несчастная, нераздѣленная любовь, его къ Юліи отнюдь не могла содѣйствовать образованію розоваго настроенія; то же можно сказать и относительно тѣхъ печальныхъ общественно-политическихъ условій жизни, въ какія была поставлена при жизни поэта его бѣднан родина съ ея угнетеннымъ народомъ, не признаннымъ языкомъ, обезпароженною знатью и интеллигенціею... Въ одномъ сонетѣ (шестой „Сонетнаго вѣнка“; выдержку приводимъ по переводу г. Корша) онъ говоритъ:

Боюсь, что дѣвы здѣсь и съ ними ты (т. е. Юлія),
Лишь по-нѣмецки мысли выражая,
Холодныя къ дарамъ роднаго края,
Отвергнутъ эти скромные листы (т. е. сочиненія поэта, такъ какъ они написаны по-словински).

Сатирическія произведенія Преширена, особенно его эпиграммы, навѣяны преимущественно той борьбой, которую пришлось ему вести съ приверженцами „иллиризма“, защищая права народнаго языка словинцевъ на литературное значеніе и употребленіе, которое должно было значительно умалиться съ принятіемъ словинцами рекомендуемаго „иллирами“ сербо-хорватскаго языка. Здѣсь, впрочемъ, врядъ ли былъ правъ поэтъ, какъ мы уже видѣли выше.

Закончимъ наше сообщеніе слѣдующими прекрасными словами Г. Прейссовой изъ ея статьи о Преширенѣ (въ чешскомъ ежемѣсячникѣ „Osvêta“ за 1900 г. кн. 12): Presern ne zanechal (оставилъ) svêmu nàrodu mnoho dêl, ale to, co zanechal, je tak mohutnè, a puvabne (привлекательно), jako materska sila prirody slovinskych krajn (Прешернъ оставилъ немного своему народу; но то, что оставилъ, отличается такою же силою и привлекательностью, какъ и материнская сила природы словинской земли)“.

Въ настоящемъ засѣданіи доложено было письмо ученолитературнаго общества „Галицко-русской матицы“ (во Львовѣ) съ выраженіемъ благодарности за поздравительную телеграмму отъ Общества Нестора-лѣтописца въ день юбилея о. А. С. Петрушевича.

VII. Засѣданіе 11 марта.

При открытіи засѣданія г. Предсѣдатель сказалъ нѣсколько словъ о величайшей важности въ русской исторіи XIX вѣка событія освобожденія крестьянъ, со времени котораго истекло въ началѣ марта 1901 г. 40 лѣтъ.

Затѣмъ поч. чл. **А. М. Лазаревскій** указалъ на необходимость „*Собиранія матеріаловъ для исторіи освобожденія крестьянъ въ губерніяхъ Кіевскаго учебнаго округа*“, и предложилъ начать такое собираніе (напечатано въ V-мъ отдѣлѣ настоящаго выпуска).

По обсужденіи предложенія А. М. Лазаревскаго присутствовавшими въ засѣданіи членами Общества, постановили: передать предложеніе А. М. Лазаревскаго на обсужденіе Совѣта Общества въ осеннюю сессію, пригласивъ къ участію въ засѣданіяхъ Совѣта членовъ Общества (желающихъ) и гг. А. Е. Броецкаго и П. А. Косича въ качествѣ свѣдущихъ людей.

б) Д. чл. **Н. П. Василенко** сдѣлалъ сообщеніе: „*Первые шаги по введенію положенія 19 февраля 1861 г. въ Черниговской губерніи*“ [1]).

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости былъ объявленъ въ г. Черниговѣ 9-го марта 1861 года. Немедленно было сформировано губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которому поручался высшій надзоръ по проведенію въ жизнь крестьянской реформы его вѣдѣнію подлежали распорядительныя дѣйствія по крестьянскимъ дѣламъ и разсмотрѣніе добровольныхъ соглашеній

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 3 и слѣд.

между помѣщиками и крестьянами, а также жалобъ на дѣйствія мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ. Составъ Черниговскаго присутствія былъ слѣдующій: Предсѣдатель—кн. С. П. Голицынъ, члены: Н. П. Бороздна, И. Н. Дурново, П. Л. Левдикъ, Я. П. Филоновичъ, А. С. Соколовъ, Г. П. Галаганъ, И. Г. Есимонтовскій, кн. И. А. Васильчиковъ, А. И. Лизогубъ, В. Д. Заика и, кромѣ того, иногда П. А. Шестахинъ, В. Д. Дупинъ-Борковскій и Н. Н. Волжинъ. Присутствіе открыло свои засѣданія 16 марта 1861 г. и до конца этого года имѣло 77 засѣданій, т. е. почти по два засѣданія въ недѣлю.

Въ первомъ засѣданіи былъ поднятъ вопросъ объ образованіи мировыхъ учрежденій и сельскихъ и волостныхъ обществъ. Распредѣленіе уѣздовъ на мировые участки и составленіе списка лицъ, имѣющихъ право быть мировыми посредниками, было поручено уѣзднымъ предводителямъ дворянства, а для распредѣленія селеній на волости образованы особыя уѣздныя коммиссіи.

Въ засѣданіяхъ 27 и 31 марта обсуждались вопросы: о составленіи образца уставной грамоты, опредѣляющей постоянныя поземельныя отношенія между помѣщикомъ и крестьянами, о составленіи урочнаго положенія, регулирующаго издѣльную повинность (барщину), объ оцѣнкѣ рабочихъ дней, объ оцѣнкѣ усадебъ въ разныхъ мѣстностяхъ, о вознагражденіи крестьянъ при посылкѣ подводъ и т. п.

Приведеніе въ исполненіе Положенія 19 февраля вызвало на практикѣ много вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ было занято губернское присутствіе; такими вопросами были, напр., о введеніи круговой поруки для крестьянъ, о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ до утвержденія уставныхъ грамотъ, о включеніи болотъ въ надѣлъ крестьянамъ, о мѣрахъ по взысканію оброковъ, о замѣнѣ прогульныхъ дней барщины деньгами, о праздничныхъ дняхъ, о различіи между натуральными и издѣльными повинностями и т. п.; обсуждался также вопросъ о переводѣ Положенія 19 февраля на малорусскій языкъ, какъ болѣе понятный народу, но по опредѣ-

ленію присутствія, переводъ „не представлялся удобнымъ"; онъ былъ сдѣланъ П. А. Кулишемъ и даже печатался уже, но потомъ печатаніе его было пріостановлено. Непониманіе народомъ Положенія вызывало волненія и недоразумѣнія; по большей части они вызывались приведеніемъ въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, такъ какъ крестьяне держались мнѣнія: 1) что они обязаны работать по прежнему два года, а потомъ получатъ землю въ безвозмездное пользованіе; 2) что всякая бумага, которую они подпишутъ теперь, будетъ актомъ добровольнаго закрѣпощенія себя на будущее время; крестьяне ожидали новой воли и новыхъ льготъ. Далѣе авторъ перечислилъ тѣ, крестьянскія волненія, которыя обсуждались въ присутствіи; такія волненія были явленіемъ повсемѣстнымъ. На открытіе сельскихъ обществъ и организацію волостей возлагалось много надеждъ. То и другое совершилось безъ всякихъ инцидентовъ вслѣдствіе полнаго довѣрія къ нимъ крестьянъ. Къ этому же времени были намѣчены и мировые участки, ихъ количество, а также лица, которыя соглашались принять на себя трудную и отвѣтственную роль мировыхъ посредниковъ.

Среди вопросовъ, обсуждавшихся въ губернскомъ присутствіи важное мѣсто занималъ вопросъ о введеніи въ предѣлахъ Малороссіи великороссійскаго положенія; послѣднее было выгодно для помѣщиковъ, потому что опредѣляло меньшій размѣръ душевого надѣла, но за то большій оброкъ, чѣмъ это было установлено для соотвѣтствующихъ уѣздовъ положеніемъ малороссійскимъ. Великороссійское положеніе разрѣшалось вводить въ тѣхъ имѣніяхъ Новозыбковскаго, Суражскаго, Мглинскаго, Стародубскаго, Новгородъ-Сѣверскаго и Глуховскаго уѣздовъ Черниговской губерніи, въ которыхъ всѣ тягла получали одинаковый надѣлъ и отбывали одинаковую повинность; замѣна одного положенія другимъ могла послѣдовать не иначе, какъ по обоюдному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянскимъ обществомъ, засвидѣтельствованному мировымъ посредникомъ. Къ сожалѣнію, губернское присутствіе отступило отъ этого принципа въ самомъ уже

началѣ своей дѣятельности и ввело его повсемѣстно въ названныхъ уѣздахъ, помимо соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами; видную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ членъ присутствія И. Г. Есимонтовскій. Харьковское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе имѣло право вводить то или другое положеніе по своему усмотрѣнію и безъ обоюднаго согласія крестьянъ съ помѣщикомъ; о такомъ же правѣ для себя ходатайствовало и Черниговское присутствіе; но министерство внутреннихъ дѣлъ не увидѣло въ этомъ „настоятельной необходимости". Между тѣмъ помѣщики просили сдѣлать великороссійское положеніе обязательнымъ и ввести его повсемѣстно. Въ заключеніе референтъ сравнилъ великороссійское положеніе съ малороссійскимъ и отмѣтилъ ихъ существенную разницу.

Слушали: предложеніе г. Предсѣдателя по вопросу объ участіи Общества въ празднованіи 21 февраля 1902 года 50-лѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя.

Опредѣлили: составить коммиссію для выработки проекта празднованія и просить принять участіе въ ней А. М. Лазаревскаго, В. З. Завитневича, А. І. Степовича, В. Н. Малинина, В. П. Науменка, Н. И. Петрова, Н. П. Дашкевича, С. И. Пономарева, В. П. Горленка, Г. В. Александровскаго, А. М. Лободу и И. М. Каманина.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за апрѣль и май 1901 г.

VIII. Засѣданіе 15 апрѣля.

а) Д. чл. (иногородный) **Н. Н. Оглоблинъ** представилъ въ Общество Нестора-лѣтописца свой докладъ: *„Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 году“*. Первая половина этого доклада была въ настоящемъ засѣданіи прочтена г. Секретаремъ М. Н. Ясинскимъ (напечатана во 2-мъ вып. этой книги).

По поводу доклада г. Оглоблина высказался поч. чл. А. М. Лазаревскій, находившій, что референтъ слишкомъ обобщаетъ мелкіе факты. Въ томъ же смыслѣ высказалась и д. чл. Е. И. Де-Витте.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія д. чл. М. Н. Ясинскій обратилъ вниманіе на то, что авторъ доклада не претендуетъ на полную характеристику тогдашняго русскаго общества, а лишь желаетъ отмѣтить нѣкоторые факты, идущіе въ разрѣзъ съ панегирической характеристикой эпохи 1812 г.

б) Д. чл. о—ъ **Ѳ. И. Титовъ** сдѣлалъ краткій очеркъ *„Борьбы между Кіевскимъ и Бѣлорусскимъ архипастырями изъ-за власти надъ заграничными монастырями Кіевской епархіи въ XVII—XVIII вв.“*

Заграничными монастырями Кіевской епархіи въ XVII и XVIII вв. назывались тѣ, которые. состоя подъ властію Кіевскаго митрополита, находились въ предѣлахъ Польши и Литвы. Институтъ заграничныхъ монастырей образовался къ 1686 г. изъ патріаршихъ ставропигій. Ставропигіальными монастырями назывались такіе, которые, минуя мѣстныя духовныя власти, находились въ непосредственномъ подчиненіи Константинопольскому патріарху. Образованіе такихъ ставропигій началось въ XVI вѣкѣ, при чемъ число ихъ особенно быстро стало возрастать послѣ 1596 года. Константинопольскіе патріархи очень охотно раздавали монастырямъ Юго-Западной Руси право ставропигій, ибо это было для нихъ сопряжено съ выгодами. Въ то же время это было выгодно и монастырямъ. Со времени митр. Петра Могилы стали возникать и митрополичьи ставропигіи. Когда Кіевъ оказался въ предѣлахъ Россіи, митрополичьи ставропигіальные монастыри стали называться заграничными. Къ тому же времени и патріаршія ставропигіи перешли во власть Кіевскаго митрополита. Монастыри эти дѣлились на группы, и въ каждой группѣ былъ главный или старшій монастырь. Большей частью, это были малолюдныя и бѣдныя обители, къ тому же нерѣдко страдавшія анархіей. Несмотря на то, они сослужили великую историческую службу: это были тѣ столпы, которые выдержали на себѣ натискъ католицизма и полонизма на Юго-Западную Русь, давъ послѣдней возможность сохранить свой національный характеръ. Вотъ почему Московское правительство оказывало заграничнымъ монастырямъ свою поддержку, стоя всегда на сторонѣ Кіевскихъ митрополитовъ въ ихъ борьбѣ съ Бѣлорусскими епископами изъ-за власти надъ этими монастырями. Борьбу эту началъ посвященный въ 1707 г. въ Бѣлорусскіе епископы князь Сильвестръ Четвертинскій, побуждаемый въ своей борьбѣ стремленіемъ къ упорядоченію внутренней жизни заграничныхъ монастырей. Борьба эта нѣсколько разъ затихала и вновь возобновлялась, оканчиваясь въ пользу Кіевскихъ митрополитовъ, на сторону которыхъ становились и Петръ

Великій, и Свитѣйшій Синодъ. До конца жизни князю Сильвестру Четвертинскому не удалось видѣть осуществленія своихъ завѣтныхъ желаній. При преемникахъ князя Четвертинского борьба эта продолжалась, и только при знаменитомъ Георгіи Конискомъ она, наконецъ, прекратилась въ пользу Бѣлорусскихъ епископовъ.

IX. Засѣданіе 29 апрѣля.

а) Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** въ сообщеніи *„О происхожденіи новоевропейскаго эпоса о Лисѣ"* указалъ на выдающійся интересъ средневѣковыхъ произведеній, относящихся къ этому эпосу, съ точки зрѣнія тогдашней постановки соціальныхъ проблемъ и смѣлости соціальной сатиры, и затѣмъ перешелъ къ вопросу о происхожденіи западнаго романа о Лисѣ, доселѣ еще непорѣшенному въ наукѣ. Въ рѣшеніи этого вопроса, какъ и вообще вопроса о происхожденіи и смыслѣ содержанія произведеній народнаго творчества, наука пока не пришла къ окончательному выводу, который могъ бы назваться общепризнаннымъ. Въ настоящей первой части своего сообщенія референтъ представилъ обзоръ и критику мнѣній о происхожденіи средневѣковаго животнаго эпоса, отправляющихся отъ тѣхъ или иныхъ изъ основныхъ гипотезъ касательно фольклора, а провѣрку и установленіе значенія этихъ гипотезъ и сравнительнаго ихъ достоинства путемъ примѣненія ихъ къ области средневѣковаго эпоса о Лисѣ отложилъ до второй части сообщенія, которая имѣетъ быть прочитана въ ближайшую осень.

б) Д. чл. **А. М. Лобода** прочелъ рефератъ: *„Сѣверно-русская школьная драма „Стефанотокосъ" по вновь найденной рукописи 1741–1743 гг."* (будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ выпускѣ).

Въ закрытой затѣмъ части засѣданія: 1) *Слушали* заявленіе г. Предсѣдателя о томъ, что, по ходатайству Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, поддержанному г.

Ректоромъ Университета, Совѣтъ Университета св. Владиміра ассигновалъ Обществу 500 рублей на изданіе Сборника въ память 50-лѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя.

Опредѣлили: выразить г. Ректору Университета Ѳ. Я. Фортинскому глубокую благодарность за оказанную имъ поддержку ходатайству Общества объ ассигнованіи пособія на изданіе означеннаго сборника.

2) *Слушали* заявленіе г. Предсѣдателя о томъ, что въ Кіевѣ открываются во множествѣ памятники старины и что желательно было бы, чтобы общество избрало своихъ представителей для присутствованія при раскопкахъ въ Кіевѣ и для сообщенія о нихъ Обществу.

Опредѣлили: Просить быть такими представителями отъ Общества, кромѣ члена Императорской Археологической Коммиссіи В. Б. Антоновича, д. чл. Ю. А. Кулаковскаго, В. З. Завитневича и В. И. Щербину и ходатайствовать предъ Археологической Коммиссіей о предоставленіи Обществу Нестора-лѣтописца нужныхъ полномочій, которыми бы оно могло уже отъ себя снабжать своихъ представителей.

X. Засѣданіе 26-го мая.

По открытіи засѣданія г. Предсѣдатель сказалъ нѣсколько словъ относительно причины назначенія настоящаго экстреннаго засѣданія—75-лѣтней годовщины смерти славнаго русскаго историка Н. М. Карамзина.

Затѣмъ, а) д. чл. **А. М. Лобода** разсмотрѣлъ въ своемъ докладѣ общественныя воззрѣнія Карамзина и его литературныя заслуги.

б) Д. чл. **П. В. Голубовскій** представилъ характеристику Карамзина, какъ автора „Исторіи Государства Россійскаго".

в) Д. чл. **В. З. Завитневичъ**, по поводу этого послѣдняго сообщенія, также коснулся значенія Карамзина въ русской исторіографіи въ смыслѣ широкаго распространенія и воспитательнаго значенія его труда и представилъ очеркъ отношенія критики къ „Исторіи Государства Россійскаго".

г) Поч. чл. **В. С. Иконниковъ** напомнилъ объ оцѣнкѣ Карамзина историкомъ Ранке въ 1866 г.

Затѣмъ д. чл. П. В. Голубовскій и В. З. Завитневичъ выразили пожеланіе бо́льшаго распространенія извѣстнаго труда Карамзина и внесли предложеніе о пріобрѣтеніи для библіотеки Общества бюста Карамзина и полнаго собранія его сочиненій.

(Сообщенія, прочитанныя въ настоящемъ засѣданіи, будутъ напечатаны въ 4-мъ выпускѣ настоящей книги).

---

1) *Слушали* предложеніе Совѣта Общества Нестора-лѣтописца объ избраніи въ почетные члены Общества академика *Василія Васильевича Латышева* и о баллотировкѣ его въ настоящемъ засѣданіи.

По произведенной баллотировкѣ В. В. Латышевъ единогласно избранъ въ почетные члены.

2) *Слушали* предложеніе г. Предсѣдателя о выдачѣ впредь авторамъ 50 даровыхъ оттисковъ статей и матеріаловъ, печатающихся въ изданіяхъ Общества, лишь въ томъ случаѣ, когда статьи и матеріалы заключаютъ въ себѣ не менѣе двухъ печатныхъ листовъ.

Опредѣлили: принять это предложеніе къ руководству на будущее время, при изготовленіи авторамъ оттисковъ.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за сентябрь и октябрь 1901 г.

XI. Засѣданіе 23 сентября.

Предсѣдатель **Н. П. Дашкевичъ**, при открытіи засѣданія, помянулъ объ утратѣ, понесенной Обществомъ въ лицѣ скончавшагося 11-го іюля дѣйств. чл. Общества, академика и профессора И. Н. Жданова, послѣ чего собраніе обычно почтило память почившаго.

Затѣмъ:

а) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** сообщилъ *„О новомъ трудѣ по начальной исторіи славянъ"—Погодина: „Изъ исторіи славянскихъ передвиженій" (Спб. 1901 г.).*

Изслѣдованіе г. Погодина представляетъ собою переработку курсовъ, читанныхъ авторомъ въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ. По мысли автора, его книга должна дать полный обзоръ древнѣйшихъ судебъ славянства отъ перваго появленія этого племени на аренѣ исторіи и до образованія первой славянской державы на западѣ—Само. Этотъ послѣдній моментъ и составляетъ содержаніе заключительной XII-й главы его работы, соотвѣтственно II-й главѣ, въ которой авторъ представилъ обзоръ свѣдѣній о славянахъ у римскихъ географовъ и историковъ и критику

этого матеріала. Промежуточныя главы, какъ въ своемъ матеріалѣ, такъ и въ обработкѣ и послѣдовательности, выдаютъ крайнюю поспѣшность публикаціи, которая помѣшала автору обдумать свою схему изложенія и придать труду однородность въ смыслѣ обработки. Его изложеніе имѣетъ то характеръ самостоятельнаго изслѣдованія по первоисточникамъ, то краткаго обзора теорій другихъ изслѣдователей, то, наконецъ, полемики противъ положеній того или иного изслѣдователя. Наиболѣе отдѣланными и самостотельными являются главы IX-я: „Родина славянскаго племени“, и X-я: „Распространеніе славянъ на западѣ.“ Эти вопросы авторъ ставитъ на почву изслѣдованія географической номенклатуры и приходитъ къ опредѣленнымъ выводамъ, которые имѣютъ характеръ основательно продуманной и серьезно обставленной гипотезы. Родиной славянъ авторъ считаетъ территорію отъ средняго Днѣпра до Карпатъ и теченіе Одера; сѣверную границу онъ видитъ въ теченіи рѣки Припети, а южную ведетъ по южной границѣ нынѣшней Кіевской губерніи черезъ Подолію до Карпатъ. Въ территорію родины славянъ онъ включаетъ пространство между Вислой и Одеромъ. Въ обзорѣ разселенія славянъ г. Погодинъ подробно останавливается на Поморскихъ славянахъ и проникшихъ въ Тюрингію и Франконію, наименьше—на занятіи славянами Богеміи. Въ обзорѣ свѣдѣній о славянахъ на Дунаѣ авторъ для VI-го вѣка входитъ въ непосредственное сопоставленіе свидѣтельствъ Византійскихъ писателей, но даетъ этотъ матеріалъ безъ соотвѣтственной обработки. По вопросу о поселеніи Сербовъ и Хорватовъ на Балканскомъ полуостровѣ онъ примыкаетъ къ теоріи Рачкаго, ограничиваясь всего лишь нѣсколькими фразами, а въ изложеніе о славянахъ авторъ нашелъ нужнымъ вставить главы о готахъ, гуннахъ и тюркахъ. Референтъ считаетъ эти части труда г. Погодина наиболѣе слабыми, менѣе всего продуманными, такъ что въ цѣломъ онѣ совершенно излишни въ его книгѣ. Войдя въ большія подробности о гуннахъ и сведя все къ совершенно излишней полемикѣ противъ теоріи Д. И. Иловайскаго, г.

Погодинъ настолько мало вошелъ въ вопросъ о тюркахъ, что не счелъ нужнымъ удѣлить вниманія ни болгарамъ, ни аварамъ и не замѣтилъ, что первые представляютъ продолженіе исторіи гунновъ въ Европѣ, которую онъ благополучно закончилъ 469 годомъ, т. е. смертью Денгизиха.

Отмѣтивъ недостатки метода и изложенія, а также огромное различіе въ обработкѣ отдѣльныхъ частей труда г. Погодина, референтъ отдавалъ должное его знакомству съ ученой литературой, умѣнью врабатываться въ частные вопросы, научному безпристрастію и умѣнью соединить методы историческаго и филологическаго изслѣдованія [1]).

По поводу означеннаго труда г. Погодина д. чл. Т. Д. Флоринскій сдѣлалъ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній.

б) Д. чл. **И. М. Каманинъ** представилъ *„Результаты своей археологической экскурсіи въ Таращанскій и Чигиринскій уѣзды лѣтомъ 1901 г.*

Съ развитіемъ національнаго самосознанія въ обществѣ пробуждается любовь и интересъ къ вещественнымъ и письменнымъ памятникамъ минувшей жизни; начинается ихъ собираніе и изученіе; учреждаются архивы и музеи, какъ мѣста храненія этихъ памятниковъ; составляются общества съ цѣлью ихъ изслѣдованія; правительство, съ своей стороны, издаетъ распоряженія о неуничтоженіи памятниковъ старины и назначаетъ для ихъ сохраненія необходимыя денежныя средства; въ настоящее время такихъ архивовъ, музеевъ, обществъ, коммиссій существуетъ значительное число; но всѣ они, за весьма рѣдкими счастливыми исключеніями, не въ состояніи въ достаточной степени проявить свою дѣятельность за отсутствіемъ денежныхъ средствъ, и памятники старины гибнутъ ежедневно и отъ времени и отъ варварскихъ рукъ; можно

[1]) Рефератъ напечатанъ въ видѣ рецензіи въ „Извѣстіяхъ второго отдѣленія Императ. Акад. Наукъ.

слышать и читать очень много разсказовъ, самыхъ возмутительныхъ для археолога, о безпощадной гибели предметовъ древности.

Было бы очень долго и грустно, да это и не входитъ въ нашу задачу, излагать подробно исторію трудныхъ родовъ и дальнѣйшей безпомощной жалкой жизни нашихъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ и коммиссій, ставящихъ своей задачей археологію и археографію; тѣмъ не менѣе, и въ этой печальной исторіи мы не можемъ не отмѣтить два свѣтлыхъ момента: возникновеніе русскихъ археологическихъ съѣздовъ по иниціативѣ покойнаго графа А. С. Уварова и учрежденіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій по мысли покойнаго сенатора Н. В. Калачова. И періодическіе съѣзды археологовъ и учрежденіе постоянныхъ архивныхъ коммиссій дали сильный толчекъ къ возбужденію вниманія и изученія остатковъ родного прошлаго и продолжаютъ до сихъ поръ дѣйствовать въ этомъ направленіи, несмотря на крупные пробѣлы въ своей организаціи и дѣятельности.

Общество Нестора-лѣтописца, подобно другимъ ученымъ обществамъ, ставитъ также одною изъ своихъ задачъ собираніе, сохраненіе и изученіе предметовъ древности; но вслѣдствіе скудости своихъ средствъ оно имѣетъ маловозможности сдѣлать что-либо для выполненія этой задачи; однако безотложность ея выполненія ярко показалъ недавній XI-й, бывшій въ Кіевѣ, археологическій съѣздъ, когда было указано на печальное положеніе памятниковъ мѣстной старины. Благодаря однако неутомимой энергіи предсѣдателя съѣзда и Императ. Москов. археол. Общества, граф. П. С. Уваровой, были найдены средства, а изъ членовъ Общества Нестора-лѣтописца, вслѣдъ за закрытіемъ съѣзда, составлена коммиссія, имѣющая цѣлью обозрѣніе и описаніе памятниковъ старины въ пяти южнорусскихъ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской; коммиссія начала съ того, что обратилась въ Импер. Археолог. Коммиссію съ просьбой выслать ей метрики церквей пяти южныхъ губерній, составленныя священниками по предложенію Имп. Акад. Художествъ,

а затѣмъ въ апрѣлѣ 1901 г. года коммиссія обратилась ко всѣмъ городскимъ и сельскимъ священникамъ, а равно и народнымъ учителямъ названныхъ губерній, съ просьбой дать краткіе отвѣты на пять вопросовъ о мѣстныхъ древностяхъ; не смотря на то, что Общество просило о скорѣйшемъ ихъ доставленіи, они продолжаютъ поступать еще до сихъ поръ: изъ этого видно, что, къ сожалѣнію, не во всѣхъ епархіяхъ духовенство одинаково оцѣнило важность собираемыхъ свѣдѣній о древностяхъ, и не вполнѣ поняло необходимость скорѣйшей высылки ихъ; въ то время какъ по Кіевской епархіи получены свѣдѣнія почти изъ всѣхъ приходовъ, по Волынской и Черниговской изъ нѣкоторыхъ мѣстъ еще нѣтъ свѣдѣній, а изъ Подольской и Полтавской епархіи получено лишь очень небольшое число ихъ; съ полученными къ началу іюля краткими свѣдѣніями о мѣстныхъ древностяхъ члены Общества Нестора-лѣтописца лѣтомъ этого года и предприняли экскурсію каждый въ избранные имъ уѣзды. Отвѣты священниковъ дали возможность каждому экскурсанту опредѣлить, куда слѣдуетъ направить изысканія и гдѣ произвести осмотръ и описаніе сохранившихся памятниковъ.

Вниманіе референта привлекали болѣе всего уѣзды Таращанскій и Чигиринскій — одинъ изъ нихъ примыкалъ къ той части бывшаго Кіевскаго повѣта, которая больше другихъ подверглась польскому вліянію; другой, наоборотъ, находился по сосѣдству съ „вольностями Запорожскаго войска“ и самъ въ значительной степени былъ заселенъ козаками, а польское вліяніе сказалось здѣсь всего менѣе.

Территорія Таращанскаго и Чигиринскаго уѣздовъ была обитаема въ самой глубокой древности. Здѣсь имѣются въ большомъ количествѣ древніе курганы и городища, въ которыхъ были находимы предметы каменнаго и даже бронзоваго вѣка; свѣдѣнія о нихъ тщательно собраны проф. В. Б. Антоновичемъ и нанесены на его извѣстную „Археологическую карту Кіевской губерніи“; но въ числѣ этихъ памятниковъ сѣдой старины мы не нашли у него указаній на погреба или пещеры въ м. Ставищахъ и с. Лѣсовищахъ, о которыхъ гово-

рить г. Похилевичъ въ своихъ „Сказаніяхъ", и на пещеру с. Якимовки, указанную намъ мѣстнымъ священникомъ о. Евг. Лебедевымъ.

Село Якимовка было прежде предмѣстьемъ м. Животова и наз. Кіевскимъ; оно расположено въ гористой мѣстности; въ двухъ или трехъ верстахъ къ С. З. отъ этого села находится рядъ довольно высокихъ холмовъ, идущихъ параллельно другъ другу; подножіе ихъ омывается маленькимъ ручьемъ; холмы имѣютъ направленіе съ сѣвера на югъ; въ одномъ изъ среднихъ холмовъ и находится указанная намъ пещера; она выходитъ отверстіемъ на югъ, которое на половину засыпано обрушившеюся землей; тѣмъ не менѣе сводчатая форма пещеры ясно различима, при такой же широтѣ, какую имѣютъ и Кіевскія пещеры: быть можетъ, это сходство ихъ и было причиной того, что село носило сначала названіе Кіевскаго. Что эта пещера довольно значительной длины, можно судить потому, что въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ ея входа, на горѣ, сверху есть небольшое круглое отверстіе; въ виду малаго діаметра отверстія и правильной круглой формы, вѣроятнѣе предполагать его искусственное происхожденіе, а не естественный провалъ, образовавшійся отъ времени и свойства грунта. Пещера заслуживаетъ спеціальнаго разслѣдованія, и свящ. о. Е. Лебедевъ изъявилъ полную готовность оказать свое содѣйствіе при прочисткѣ и изслѣдованіи этой пещеры.

Памятниковъ исторической археологіи болѣе ранняго періода, кромѣ отмѣченныхъ уже въ „Сказаніяхъ" Похилевича и на картѣ проф. В. Б. Антоновича и друг., мы не встрѣчали; къ болѣе же позднему періоду относятся православные храмы; изъ нихъ наиболѣе раннимъ является теплая церковь Мотронинскаго монастыря, относимая къ XVII в., да Онуфріевская церковь въ с. Ружичнѣ, сооруженная въ 1711 году; очень немногія церкви относятся къ первой половинѣ XVIII в; большая же часть принадлежитъ второй половинѣ этого вѣка.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію внѣшней стороны церквей.

По доставленнымъ въ Общество Нестора-лѣтописца свѣдѣніямъ священниками и учителями народныхъ училищъ къ началу іюля, т. е. ко времени отправленія въ экскурсію, старыя церкви въ Таращанскомъ уѣздѣ оказались, кромѣ уѣзднаго города Таращи, всего лишь въ мѣстечкахъ Старомъ и Новомъ Животовѣ и слѣдующихъ селахъ: Матвѣихѣ, Погребахъ, Кошевѣ, Кашировкѣ, Дзвинячемъ, Чолновицѣ, Телѣжинцахъ, Дубровкѣ, Росошкахъ, Якимовкѣ, Ружичнѣ и Себедажѣ.

По обозрѣніи церквей во всѣхъ перечисленныхъ селахъ и мѣстечкахъ, мы находимъ, что господствующимъ архитектурнымъ типомъ въ Таращанскомъ уѣздѣ является трехкупольная церковь, съ варіаціями въ формѣ нижнихъ, среднихъ и верхнихъ частей, съ нѣкоторыми отличіями въ фигурѣ основанія и съ различными особенностями въ куполахъ и колокольняхъ.

Трехкупольный храмъ, многимъ, конечно, хорошо извѣстный, состоитъ изъ трехъ совершенно отдѣльныхъ частей, близко примыкающихъ одна къ другой и въ мѣстахъ соприкосновенія имѣющихъ одну общую стѣну; такихъ смежныхъ стѣнъ внутри храма двѣ; въ нихъ сдѣланы вырѣзки для свободнаго сообщенія одной части съ другой: алтаря, средней части и притвора; основу храма составляетъ средняя часть, а къ ней примыкаютъ алтарь и притворъ; каждая часть храма имѣетъ свой особый куполъ; ихъ такимъ образомъ три, и они расположены на прямой линіи отъ востока къ западу; средняя часть храма всегда бываетъ и выше и шире двухъ остальныхъ, восточной и западной. Нижній этажъ храма почти всегда равняется половинѣ общей высоты его, т. е. достигаетъ до $3\frac{1}{2}$ саж.; окна въ немъ расположены всегда очень высоко отъ земли (до 2-хъ саж.) по одному въ каждой части съ сѣверной и южной стороны; надъ нижнимъ этажемъ устраивается 2-й восьмиугольный или точнѣе квадратный съ отрѣзанными углами, отчего стороны такого восьмиугольника бываютъ неравны; восьми гранямъ 2-го этажа соотвѣтствуютъ восемь граней купола; за 2-мъ этажемъ часто слѣ-

дуетъ третій меньшій, на которомъ уже утверждается шаръ съ крестомъ, но шаръ не полный, а вытягивающійся немного вверхъ.

Фигура основанія каждой части нижняго этажа не всегда бываетъ одна и таже; она представляетъ то восьмиугольникъ, какъ, напр., церкви въ г. Таращѣ и селахъ Телѣжинцахъ и Чолновицѣ; то правильный четыреугольникъ, какъ въ сс. Матвѣихѣ, Дзвинячемъ, Якимовкѣ; то, наконецъ, такой же четыреугольникъ, но съ отрѣзанными углами только въ одной алтарной части; эта послѣдняя форма основанія наиболѣе распространена и встрѣчается въ остальныхъ осмотрѣнныхъ нами селахъ: Кашперовкѣ, Росошкахъ, Дубровкѣ, Ружичномъ, м. Животовѣ и друг.

Число этажей вездѣ одинаково—два, и только въ соборной церкви г. Таращи три этажа; вторые этажи почти вездѣ по высотѣ составляютъ третью часть нижняго и лишь въ м. Старомъ Животовѣ они несоразмѣрно низки.

Рядомъ съ типомъ трехкупольной церкви встрѣчается еще типъ однокупольной, являясь какъ бы упрощеніемъ перваго. Нижній этажъ однокупольной церкви устраивался обыкновенно такъ же, какъ и въ трехкупольной, но 2-й этажъ и куполъ возводились только надъ средней частью; алтарь же и притворъ не имѣли куполовъ, а только крышу въ два ската или полукруглую; внутри всегда устраивается или плоскій или вогнутый немного потолокъ. Въ Таращанскомъ уѣздѣ однокупольныя церкви мы встрѣтили лишь въ двухъ селахъ: Телѣжинцахъ и Якимовкѣ.

Колокольни при церквахъ устраиваются обыкновенно отдѣльно въ нѣкоторомъ разстояніи отъ входныхъ западныхъ дверей. Онѣ всегда бываютъ не высоки, имѣютъ въ основаніи форму квадрата и состоятъ изъ двухъ этажей; крыша соотвѣтственно сторонамъ квадрата имѣетъ четыре высокихъ ската; иногда же крыша бываетъ низка и тогда она вытягивается въ двухсаженный шпицъ, украшенный шарами то у основанія, то у вершины подъ крестомъ; колокольни со шпицомъ встрѣчаются чаще всего, благодаря, конечно, своей

большей красотѣ и простотѣ; въ однокупольныхъ церквахъ колокольня иногда примыкаетъ къ притвору, составляя его продолженіе. Въ селѣ Чолновицѣ колокольня стоитъ отдѣльно и имѣетъ форму гриба.

Въ текущемъ столѣтіи многія церкви были расширены пристройкой придѣловъ съ портиками и колонками; послѣдніе стали пристраиваться также и у западныхъ дверей.

Трехкупольныя церкви иногда передѣлывались въ однокупольныя, что и подало поводъ считать всѣ однокупольныя церкви передѣланными; но намъ пришлось убѣдиться, особенно наблюдая церкви Чигиринскаго уѣзда, что это особый типъ постройки: много однокупольныхъ церквей, очень ветхихъ, никогда никакимъ передѣлкамъ не подвергались и въ свое время сооружались, вѣроятно, въ болѣе бѣдныхъ селахъ.

Такимъ образомъ въ Таращанскомъ уѣздѣ преобладающимъ типомъ является трехкупольная церковь; однокупольная же—какъ рѣдкое исключеніе.

Въ Чигиринскомъ уѣздѣ нами осмотрѣны уѣздный городъ, мѣстечка: Медвѣдовка, Бужинъ, Крыловъ и Златополь, и села: Лебединъ, Межигорка, Маслово, Турія; Ставидла, Крымки, Голиково, Головковка, Ребедайловка, Субботово, Кожарки, Адамовка, Тѣньки, Тарасовка и Липово.

Въ этомъ уѣздѣ типъ трехкупольной церкви встрѣчается въ одномъ селѣ Масловѣ. До нѣкоторой степени къ типу трехкупольной церкви приближается еще церковь въ селѣ Кожаркахъ; особенность ея состоитъ въ томъ, что средняя часть, какъ и вездѣ, имѣетъ два этажа, а алтарь и притворъ по одному, т. е. купола прямо опираются на нижній этажъ; восточный и западный купола имѣютъ особую форму, такъ сказать чешуйчатую, купола устроены уступами, и верхніе уступы покрываютъ нижніе; но чистаго типа трехкупольной одноэтажной церкви въ обоихъ уѣздахъ мы нигдѣ не варѣтели.

Во всѣхъ остальныхъ старыхъ церквахъ Чигиринскаго уѣзда преобладаетъ типъ однокупольной двухъэтажной церкви.

Соборная церковь Медвѣдовскаго монастыря представляетъ примѣръ соединенія обоихъ типовъ; главная часть церкви—трехкупольная, а придѣльныя церкви, сѣверная и южная,—однокупольныя; такимъ образомъ всѣхъ куполовъ 5; двускатныя или полукруглыя крыши однокупольныхъ придѣловъ замѣнены здѣсь высокими односкатными. Монастырская церковь въ главной части состоитъ изъ четырехъ этажей и достигаетъ высоты въ 20 саженъ, при ширинѣ въ 9 и длинѣ въ 10 саженъ, тогда какъ обыкновенныя сельскія церкви не превосходятъ 7—10 саженъ, при широтѣ въ 5 и длинѣ въ 7 саженъ,

Изъ каменныхъ старыхъ церквей существуетъ только одна въ с. Субботовѣ, сооруженная гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ въ 1651 году. Снимокъ съ нея данъ еще покойнымъ Н. Д. Бантышемъ-Каменскимъ въ его „Исторіи Малороссіи"; она имѣетъ форму прямоугольника съ тремя абсидами въ алтарной части; крестъ, помѣщавшійся прежде надъ срединой церкви, перенесенъ на алтарь; щитки надъ входомъ и надъ алтаремъ сохранены въ цѣлости; въ 1860-хъ годахъ пристроена четырегранная высокая колокольня и соединена крытой галлереей съ западной стѣной церкви.

Церкви, гдѣ только возможно, устраивались на возвышенныхъ мѣстахъ и въ центрѣ поселенія; особенной красотою положенія отличается Таращанская соборная церковь, расположенная на высокомъ валу, составлявшемъ нѣкогда укрѣпленіе г. Таращи въ эпоху польскаго владычества, и Субботовская—Богдана Хмельницкаго на высокомъ естественномъ холмѣ. Мотронинскій монастырь расположенъ на горѣ среди высокаго городища, въ прекрасномъ густомъ лѣсу.

Въ оградахъ церквей помѣщались и кладбища; во многихъ селахъ Таращанскаго уѣзда мы находили каменные грубой работы, безъ шлифовки, кресты; теперь они возвышаются всего лишь на одинъ аршинъ отъ земли, при такой же широтѣ; форма ихъ—орденскій крестъ св. Анны; встрѣчаются кресты и обычной формы, но очень широкіе; анненская форма преобладаетъ; такіе кресты мы видѣли въ Таращанскомъ уѣздѣ въ сс. Телѣжинцахъ, Чолповицѣ, Дзвинячемъ, Якимовкѣ

и друг., а въ Чигиринскомъ —только въ одномъ с. Субботовѣ; тутъ оказался и крестъ, состоящій изъ четырехъ круговъ, связанныхъ между собою широкими и короткими линейками; большая часть крестовъ не имѣютъ датъ; на другихъ же изображаются годы 1780 и 1818.

Кромѣ церквей, построенныхъ въ XVIII в., мы осмотрѣли и тѣ, которые сооружены въ началѣ XIX в., поставивъ цѣлью опредѣлить, продолжается ли и въ XIX в. сооруженіе церквей по типамъ, отмѣченнымъ нами для XVIII в.; такія церкви мы нашли въ сс. Бурковцахъ, Скибинцахъ, Лебединѣ, г. Звенигородкѣ, Златополѣ, Бужинѣ, Крыловѣ и во многихъ другихъ селахъ и мѣстечкахъ, встрѣчавшихся намъ по пути при обозрѣніи церквей XVIII в.; осмотръ всѣхъ такихъ церквей привелъ насъ къ заключенію, что всѣ церкви съ начала XIX в. строились уже по сѣверно-русскимъ образцамъ. Начало XIX в. служитъ такимъ образомъ гранью, за которой старые типы малорусскихъ церквей уже не повторяются и нарождаются новые, дотолѣ неизвѣстные. Мы говоримъ это, имѣя въ виду территорію Таращанскаго и Чигиринскаго уѣздовъ; въ другихъ окраинахъ губерніи эта грань, не знаемъ, можетъ быть и отодвигается къ болѣе позднему времени.

Но то же сказать о типѣ колоколенъ мы не рѣшаемся; очень многіе построены въ началѣ текущаго столѣтія по образцу старыхъ Кіево-подольскихъ колоколенъ; намъ кажется, что нѣкоторыя изъ нихъ должны быть отнесены и къ прошлому XVIII в. Изъ старѣйшаго типа колоколенъ сохранилась только одна въ Мотронинскомъ монастырѣ (при с. Мельникахъ), Чигирин. у. Это колоколъ, привѣшенный къ перекладинѣ на двухъ столбахъ; колоколъ—даръ козаковъ и есть не что иное, какъ огромный чугунный котелъ козацкой сотни или курена; въ котлѣ этомъ варили сначала кулишъ или кашу; теперь въ монастырѣ имѣется обычная колокольня, а котелъ служитъ вмѣсто била; мы слышали, что этотъ рѣдкій колоколъ будетъ переданъ на храненіе въ Музей Кіевской духовной академіи, и кіевляне будутъ имѣтъ возможность увидѣть его.

Сравнивая церкви Таращанскаго и Чигиринскаго уѣздовъ со старыми Кіевскими на Подолѣ, мы видимъ, что трехкупольныя сельскія деревянныя церкви ближе всего подходятъ къ главной церкви Флоровскаго монастыря; разница между ними лишь та, что въ Таращанскихъ и Чигиринскихъ церквахъ купола находятся на очень незначительномъ разстояніи другъ отъ друга; въ церкви Флоровскаго монастыря это разстояніе довольно велико; однокупольныя же церкви этихъ уѣздовъ очень похожи на Воскресенскую церковь на Подолѣ. Борисо-Глѣбская церковь не можетъ идти въ сравненіе; она однокупольная въ одинъ этажъ, а не въ два, какъ Воскресенская, а такихъ одноэтажныхъ однокупольныхъ церквей ни въ Таращанскомъ, ни въ Чигиринскомъ уѣздѣ мы не видѣли.

Мы не видѣли въ Кіевской губерніи и такихъ церквей, какія встрѣчали въ Волынской въ экскурсію 1898 года; тамъ древнѣйшій типъ деревянной церкви имѣетъ форму совершенно круглаго столба съ куполомъ, похожимъ на куполъ Десятинной церкви; нѣсколько похожа на Волынскія церкви церковь на Аскольдовой могилѣ; быть можетъ она возобновлялась или строилась за-ново неизмѣнно по старому образцу. На Волыни такія круглыя церкви мы помнимъ въ г. Острогѣ, въ предмѣстьи; здѣсь старая церковь обращена въ кладбищенскую часовню; во Владимірѣ-Волынскѣ—каменную, такъ называемую Обыденную; въ г. Ковлѣ рядомъ съ новымъ соборомъ и въ с. Блаженникѣ, Владиміро-Волынскаго уѣзда. Установить хронологическую послѣдовательность всѣхъ указанныхъ нами типовъ церковныхъ зданій—дѣло, конечно, будущаго, когда для прочныхъ выводовъ членами общества Нестора-лѣтописца будетъ собрано достаточно матеріала. Точно также лишь при большемъ обиліи данныхъ можно будетъ установить впослѣдствіи или самобытность этихъ типовъ или ихъ заимствованіе у кого-либо изъ ближайшихъ сосѣдей Украины. Во всякомъ случаѣ, старый типъ трехкупольной малорусской церкви очень красивъ и заслуживаетъ сохраненія и въ архитектурѣ будущаго времени. Его

куполъ напоминаетъ молящемуся, въ какой бы части храма онъ ни находился, о небѣ, къ которому должны стремиться людскіе помыслы; плоскіе же потолки однокупольныхъ церквей подавляютъ эти порывы, больше говоря о домашней суетѣ. Принимая во вниманіе, что трехкупольныя церкви раньше начала XVII в., кажется, не встрѣчаются и что они такимъ образомъ начинаютъ сооружаться въ періодъ борьбы съ антитринитаріями, можно думать, что этотъ архитектурный типъ храмовъ имѣлъ назначеніемъ какъ бы служить постояннымъ напоминаніемъ о св. Троицѣ и равенствѣ трехъ лицъ Божества, важнѣйшемъ догматѣ христіанства. Невольно вспоминаются намъ при этомъ слова Н. В. Гоголя, горячо ратовавшаго за сохраненіе готическаго типа храмовъ. „Архитектура, пишетъ онъ, тоже лѣтопись міра: она говоритъ тогда, когда уже молчатъ и пѣсни, и преданія, и когда уже ничто не говоритъ о погибшемъ народѣ. Пусть же она хоть отрывками является среди нашихъ городовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ она была при отжившемъ уже народѣ, чтобы при взглядѣ на нее осѣнила насъ мысль о минувшей его жизни и погрузила бы насъ въ его бытіе, въ его привычки и степень пониманія и вызвала бы у насъ благодарность за его существованіе, бывшее ступенью нашего собственнаго возвышенія".

Отъ описанія внѣшней стороны храмовъ перейдемъ къ ихъ внутреннему содержанію.

При входѣ въ храмъ вниманіе зрителя прежде всего обращается къ иконостасу. Во всѣхъ видѣнныхъ нами церквахъ Таращанскаго и Чигиринскаго уѣздовъ старый иконостасъ во всей своей цѣлости не сохранился нигдѣ; очень рѣдко сохраняются верхніе ярусы, а нижніе—всѣ недавняго происхожденія. Вездѣ иконостасы многоярусные; фонъ ихъ окрашивается въ одинъ изъ трехъ цвѣтовъ: бѣлый, красный или зеленый.

Такъ какъ два нижніе яруса иконостаса замѣнены новыми, современными, то о старой формѣ ихъ мы можемъ судить лишь по уцѣлѣвшимъ иконамъ; каждая изъ нихъ, нахо-

дясь въ иконостасѣ, имѣетъ свою особую раму въ формѣ двускатной избы, крыша которой какъ бы опирается на двѣ колонки; колонки имѣютъ неглубокую рѣзьбу, изображающую листья и гроздья винограда; гроздья часто бываютъ посеребрены или позолочены, а колонки, какъ и вся рама, окрашиваются въ синій цвѣтъ, а нѣкоторыя отдѣльныя ихъ части, напр. капители у колонокъ, въ красный; такія иконы сохранились, напр., въ церквахъ и Таращи г. селъ Дзвинячого и Новаго Животова; можно предполагать, что и остовъ иконостаса, въ который вставлялись описанныя формы иконъ, также окрашивался въ синій цвѣтъ; но такой окраски мы ни гдѣ уже не встрѣчали. Верхніе ярусы, какъ мы сказали, въ нѣкоторыхъ церквахъ, какъ напр., въ Успенской Чигиринской, остались безъ измѣненія до сихъ поръ; иконы помѣщаются здѣсь или въ щиткахъ, украшенныхъ арабесками, или, будучи изображены на остовѣ иконостаса, отдѣляются одна отъ другой тонкими колонками. Важнѣйшая составная часть иконостаса—царскія врата вездѣ теперь новыя. Старыя царскія врата сохранились лишь въ Медвѣдовскомъ монастырѣ да въ селѣ Тѣнькахъ; въ монастырѣ врата хранятся въ ризницѣ; они окрашены въ бѣлый цвѣтъ и состоятъ изъ шести щитковъ, окруженныхъ рѣзьбой; въ щитки вставлялись иконы; въ с. Тѣнькахъ врата очень малы и имѣютъ форму окна съ закругленіемъ въ верхней части; подъ закругленіемъ была установлена сѣтчатая рѣзьба съ Нерукотвореннымъ Образомъ въ срединѣ; врата эти висятъ теперь въ притворѣ на стѣнѣ. Отъ стараго иконостаса Медвѣдовскаго монастыря уцѣлѣло еще нѣсколько иконъ изъ верхнихъ ярусовъ, эти иконы развѣшены теперь въ монастырской гостинницѣ; одна изъ нихъ представляетъ фигуры трехъ апостоловъ хорошей живописи; фигуры нарисованы въ кругломъ вырѣзанномъ углубленіи въ четыреугольной доскѣ; иконы даютъ возможность хотя отчасти воспроизвести старую форму и видъ иконостаса.

Въ украшеніи церквей отдѣльными иконами замѣчается нѣкоторое однообразіе; почти въ каждой церкви, напр., мож-

но встрѣтить изображеніе страданій и воскресенія Спасителя; обыкновенно въ срединѣ помѣщается воскресеніе или распятіе Спасителя, а вокругъ, въ квадратныхъ медальонахъ, главные моменты страданій. Въ такихъ иконахъ въ Волынскихъ церквахъ встрѣчаются два изображенія, какихъ мы почти не находимъ въ Кіевскихъ; это—пригвожденіе Христа ко кресту, положенному на землю, и поднятіе креста для водруженія; только въ с. Адамовкѣ, Чигирин. у., мы нашли такое изображеніе да въ м. Стар. Животовѣ; въ первомъ—пригвожденіе, а во второмъ—поднятіе креста съ пригвожденнымъ уже къ нему тѣломъ Спасителя. Въ ряду страстныхъ иконъ иногда встрѣчается и изображеніе моленія о чашѣ; въ с. Туріи на такой иконѣ ангелъ изображенъ бесѣдующимъ со Спасителемъ, а въ Успенской церкви г. Чигирина ангелъ держитъ на рукахъ изнемогающаго и падающаго Христа. Отдѣльно отъ иконы страданій Спасителя встрѣчается икона Скорбящей Божіей Матери; чаще всего она изображается рядомъ съ распятіемъ и съ однимъ или семью мечами, проникающими въ грудь; но въ с. Дзвинячемъ есть большая икона особаго характера: въ центрѣ, въ большомъ видѣ изображается идущая Божія Матерь; на рукахъ у нея мертвое тѣло Спасителя; вокругъ иконы шесть медальоновъ съ изображеніемъ страданій Спасителя и главныхъ Богородичныхъ праздниковъ. Подобная икона имѣется еще въ с. Туріи, Чигир. уѣзда. На обѣихъ иконахъ латинскія надписи. Изображенія Страшнаго суда, очень распространенныя по Волыни, въ Кіевской губ. очень рѣдки; мы нашли такія изображенія только въ с. Лебединѣ да въ г. Таращѣ; въ с. Лебединѣ страшный судъ изображенъ не въ общей картинѣ, а въ отдѣльныхъ частяхъ; въ Таращѣ, напротивъ, въ общей картинѣ; распредѣленіе грѣховъ въ аду обычное, и только „маляръ“ и „швецъ“ засажены художникомъ почему-то въ самую преисподнюю, гдѣ обыкновенно помѣщается Іуда предатель съ другими измѣнниками.

Затѣмъ, въ каждой церкви почти встрѣчаются на большомъ холстѣ страданія вел. мч. Варвары и Екатерины;

житіе Маріи Египетской и преп. Онуфрія съ длинной до ногъ бородой. Весьма часты также изображенія Маріи Магдалины; она рисуется въ самыхъ разнообразныхъ позахъ и одѣяніяхъ. Напр., въ с. Чолновицѣ Марія Магдалина изображена въ видѣ польской пани, сидящей за столомъ, въ задумчивой позѣ; на правую руку она склонила голову, а лѣвая безсильно упала на колѣни. Изъ очень древнихъ иконъ мы встрѣтили только три. Въ с. Чолновицѣ есть двѣ большія иконы изъ стараго иконостаса—Спасителя и Божіей Матери а въ Чигиринскомъ женскомъ монастырѣ—чудотворная икона Божіей Матери Одигитріи; древность этой послѣдней едва ли глубока, на это указываетъ приписанная уставнымъ почеркомъ молитва подъ иконой; характеръ этого почерка носитъ признаки новаго времени; быть можетъ, впрочемъ, приписка молитвы сдѣлана позже. Большее количество иконъ сохранилось отъ времени господства уніи въ бывшемъ Кіевскомъ повѣтѣ, именно отъ половины XVIII в.; особенно богаты такими иконами Таращанская соборная церковь, да церкви въ Новомъ Животовѣ и Дзвинячемъ.

Въ Таращанскихъ церквахъ много также выносныхъ и запрестольныхъ крестовъ съ изваяніями фигуры Спасителя на подобіе католическихъ крестовъ.

Много также предметовъ осталось отъ уніатскаго періода среди церковной утвари; больше всего сохранилось потировъ съ крышками и крестиками и съ иниціалами имени Христа въ лучахъ. Въ с. Голиковѣ и друг. селахъ сохранились оловянныя чаши; онѣ обычной формы и безъ всякихъ украшеній; но въ Чигиринскомъ женскомъ монастырѣ оловянная чаша очень большихъ размѣровъ съ вырѣзанной вокругъ надписью; ,аѱа҃, (1701) мца февр. ді (14) дня, сію чашу надалъ честный іеродіаконъ Парѳеній Проскуренко, житель обители святѣй изрядной на горахъ святыхъ Кіевскихъ"; на чашѣ вырѣзано также изображеніе св. влкмч. Георгія.

Ручные кресты прошлаго вѣка изъ серебряныхъ листовъ немногимъ отличаются отъ современныхъ; интереснѣе кресты кипарисные съ рѣзьбой; особенно замѣчателенъ въ

с. Кожаркахъ крестъ съ малыми крестиками на верхнихъ концахъ; на нихъ помѣщены потиры уніатской формы со свѣшивающимися внизъ головками мака; въ с. Телѣжинцахъ, на Пасху, вмѣсто креста, выносится для цѣлованія небольшая деревянная овальной формы въ рѣзныхъ лучахъ иконка, съ изображеніемъ Воскресенія Христова.

Дарохранительницы имѣютъ чаще всего форму крестовъ или храмовъ; въ с. Адамовкѣ дарохранительница представляетъ трехкупольную церковь, а въ г. Звенигородкѣ для храненія св. мура употребляется ящичекъ съ крестикомъ на верху и съ ножками въ видѣ женскихъ башмаковъ.

Плащаницы прошлаго вѣка чаще всего дѣлались изъ холста; Христосъ изображался или съ вытянутыми руками или со сложенными на груди; часто Христосъ изображался лежащимъ подъ крестомъ, а вокругъ него фигуры Іосифа, Никодима и святыхъ женъ. Въ Чигиринскомъ женскомъ монастырѣ сохраняется плащаница на шелковомъ платѣ; Христосъ изображенъ не только съ вытянутыми руками, но и съ растопыренными пальцами: въ медальонахъ по угламъ изображены орудія страданій и смерти Спасителя.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что иконы прошлаго столѣтія въ художественномъ отношеніи, какъ и вообще всѣ иконы уніатскаго періода, отличаются большими достоинствами, сравнительно съ иконами XIX в., которыя представляютъ зачастую грубую мазню.

Изъ церковныхъ облаченій почти ничего не сохранилось; кое-гдѣ можно найти уніатскіе подризники. Они всегда изъ грубого холста и подолъ украшенъ большими цвѣтами, вышитыми краснымъ шелкомъ.

Въ м. Златополѣ сохранились ризы прошлаго вѣка, пожертвованныя въ мѣстную церковь ген. Высоцкимъ. Одна изъ нихъ шелковая бѣлая съ художественно вышитыми по всему полю мелкими точно живыми цвѣтами; другая парчевая съ прекрасно исполненными золотымъ шитьемъ крестами и изображеніями святыхъ на оплечьи.

Старыхъ богослужебныхъ книгъ вездѣ сохранилось очень большое количество. Почти нѣтъ церкви въ селѣ, гдѣ бы до сихъ поръ не пользовались книгами, изданными въ прошломъ столѣтіи; удивительно только то, что изъ общаго числа ихъ, можно съ увѣренностью сказать, $^3/_4$ печатаны въ Московской синодальной типографіи; остальная $^1/_4$ книгъ дѣлится поровну между Кіевомъ и Львовомъ. Почаевскихъ изданій мы нигдѣ ни одного не видѣли.

Бѣднѣе всего Таращанскій и Чигиринскій уѣзды древними рукописями. Ихъ мы нашли только во второмъ уѣздѣ, именно въ с. Лебединѣ—Часословъ, да въ Медвѣдовскомъ монастырѣ: 1) Церковную лѣтопись Баронія; 2) Знамена пришествія антихриста и 3) Слова и поученія преп. Исаака Сирина и Симеона Новаго.—Они не представляютъ интереса ни по содержанію, ни въ палеографическомъ отношеніи и относятся ко второй половинѣ XVIII в.

Это и все, что даютъ намъ наши бѣдные уѣздные города и прилежащія къ нимъ села; тѣмъ не менѣе, и то, что уцѣлѣло, ярко отражаетъ на себѣ особенности своего времени и мѣста.

Мы увѣрены, что при дружныхъ усиліяхъ членовъ Общества Нестора, при поддержкѣ и содѣйствіи имъ со стороны администраціи, въ непродолжительномъ времени удастся нарисовать интересную картину прошлой церковно-бытовой жизни Юго-Западнаго края.

Въ заключеніе мы считаемъ долгомъ справедливости ходатайствовать передъ Обществомъ Нестора-лѣтописца о выраженіи благодарности всѣмъ священникамъ и настоятелямъ монастырей, оказавшимъ намъ гостепріимство, радушіе и все возможное съ ихъ стороны содѣйствіе".

Настоящій докладъ г. Каманина былъ дополненъ сообщеніемъ д. чл. Е. И. Де-Витте о существованіи въ с. Суражѣ (Кременецкаго уѣзда) доселѣ еще не изслѣдованнаго подземнаго хода съ желѣзной дверью.

По выслушаніи научныхъ докладовъ, г. Предсѣдатель предложилъ избрать Ревизіонную Коммиссію для повѣрки кассы и библіотеки Общества.

Опредѣлили: Просить **Ю. А. Кулаковскаго, О. И. Левицкаго и Н. В. Стороженка** принять на себя трудъ ревизіи.

XII. Засѣданіе 7-го октября.

а) **И. В. Шаровольскій**, послѣ предварительныхъ замѣчаній г. Предсѣдателя о томъ, что, по поводу предстоящаго празднованія 21 февраля 1902 г. 50-тилѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя, послѣдуетъ рядъ рефератовъ въ Обществѣ, касающихся личности знаменитаго писателя и его произведеній, прочелъ сообщеніе о *„Юношеской идилліи Гоголя „Ганцъ Кюхельгартенъ"* (войдетъ въ XVI-ю книгу „Чтеній").

б) Д. чл. **В. И. Щербина** представилъ *„Отчетъ объ археологической экскурсіи въ Бердичевскій, Васильковскій и Уманскій уѣзды лѣтомъ 1901 г."*:

Лѣтомъ 1901-го года я совершилъ, по порученію Общества Нестора-лѣтописца и Имп. Московскаго Археологическаго Общества, нѣсколько поѣздокъ по Кіевской губерніи, о результатахъ которыхъ буду имѣть честь доложить въ настоящемъ засѣданіи. Экскурсіи эти я совершалъ совмѣстно съ преподавателемъ исторіи Кіевскаго реальнаго училища Л. П. Добровольскимъ, которому считаю долгомъ выразить мою искреннюю признательность за содѣйствіе, оказанное имъ въ этой работѣ.

Районъ нашихъ наблюденій составляли уѣзды Васильковскій и Бердичевскій. Почти вся территорія этихъ уѣздовъ до 2-го раздѣла Польши входила въ составъ Рѣчи-посполитой и представляла страну съ исключительно польскимъ землевладѣніемъ—отчасти крупнымъ (преим. у. Васильковскій), отчасти среднимъ и мелкимъ (Бердичевскій) и русскимъ крестьянскимъ и отчасти мѣщанскимъ населеніемъ. Исключеніе представляла небольшая часть Васильковскаго уѣзда, съ 1667 г. отдѣленная отъ Польши и вошедшая, вмѣстѣ съ Кіевомъ, въ со-

ставъ Русскаго государства. Указанныя политическія условія отразились и на сохранившихся памятникахъ старины. Въ то время какъ памятниками господствующаго сословія являются роскошные колоссальные костелы въ главныхъ городахъ и мѣстечкахъ (знаменитый Кармелитскій костелъ XVII ст. въ Бердичевѣ, роскошный костелъ XVIII в. въ Бѣлой-Церкви), а иногда и селахъ, богатые палацы и парки (Александрія въ Бѣлой-Церкви, Божья гора въ с. Прусахъ), сохранившіяся еще во многихъ селахъ старыя деревянныя церкви XVII и XVIII вв. поражаютъ своими болѣе чѣмъ скромными размѣрами и бѣдностью сохранившихся предметовъ. Единственный каменный православный храмъ значительныхъ размѣровъ и изящной архитектуры встрѣтили мы въ г. Васильковѣ. Это соборная церковь св. Ѳеодосія, построенная архимандритомъ К.-П. Лавры Лукою въ 1756 г., какъ утверждаютъ, по плану Растрелли; церковь эта дѣйствительно представляетъ большое сходство съ Андреевской церковью въ Кіевѣ и еще большее съ соборомъ, построеннымъ гр. Н. Д. Разумовскою въ г. Козельцѣ по плану Растрелли. Построена она среди громаднаго городища, княжескаго періода, недалеко отъ прежней Преображенской церкви (построеной Владиміромъ св.). Колокольня современной церкви построена на старыхъ замковыхъ воротахъ, которыя составляютъ ея нижній этажъ.

При выборѣ мѣстностей для осмотра мы руководствовались, главнымъ образомъ, свѣдѣніями, представленными мѣстными священниками на основаніи запросовъ Общества Нестора-лѣтописца, и посѣтили 6. ч. села, въ которыхъ сохранились старыя церкви XVII и XVIII ст. Подобное изслѣдованіе оказалось вполнѣ своевременнымъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ селахъ мы встрѣтили церкви, уже упраздненныя и замѣненныя новыми (Рокитна, Черемошно, Круподеринцы); въ другихъ видѣли матеріалъ, заготовленный для возведенія новыхъ церквей, послѣ чего старыя будутъ сломаны (Саварка, Барахты). Всего, осмотрѣно нами 34 пункта (16 въ Василькѣ. и 18 въ Бердичев. у). Въ хронологическомъ порядкѣ осмотрѣнныя нами церкви можно распредѣлить такимъ образомъ: Васильковскій уѣздъ: Синява — Вос-

кресенская ц. 1649, тамъ же Николаевская 1665, Дорогинка 1700, Кожаники 1710, Насташка 1722, Рокитно 1726, Саварка 1750, Васильковъ 1756, Прусы 1760, Фастовъ 1779, Мытница 1780; Кодаки 1782 и Барахты 1800. Время построенія двухъ церквей намъ не удалось опредѣлить; это—ц. м. Солтановки, построенная въ началѣ XVIII ст.; ц. въ с. Погребахъ, по показанію священника, построена въ 1549 и подважена въ 1745, а по Похилевичу она построена въ 1845; оба показанія очевидно ошибочны. Въ с. Ольшаницѣ и м. Бѣлой-Церкви древнихъ церквей нѣтъ, но есть другіе остатки древности, о которыхъ сказано будетъ ниже. Въ Бердичевскомъ у. церкви слѣдуютъ одна за другой въ такомъ хронологическомъ порядкѣ: Жидовцы 1714, Сингаевка 1727, Черемошно 1737, Чехи 1745, Бердичевъ 1748, Махновка (Георг. ц.) 1750, Лосіевка 1755, Мончинъ 1756, Варшица 1756, Махновка 1770 (Р. Б.-цы) 1770, Павловка 1772, Погребище 1785, Дзюньковъ 1796 и 1798, Педосы 1798. Время постройки двухъ церквей намъ не удалось опредѣлить: о церкви с. Красовки у Похилевича сказано, что время ея построенія было неизвѣстно уже въ 1783 г. во время визиты (въ этой ц. есть икона 1622 г. и книги со вкладными записями половины XVIII в.); о ц. В. Нагурецъ у Похилевича сказано, что она неизвѣстно, въ какомъ году, построена. Въ с. Прилукѣ церковь построена въ 1819 г. Въ с. Збаражѣ церковь новая, но есть древнія книги и иконы.

Осматривая церковь, мы въ большинствѣ случаевъ зарисовывали планъ ея, а иногда (когда представлялась возможность) дѣлали фотографическіе снимки какъ съ самой церкви, такъ и съ нѣкоторыхъ находящихся въ ней предметовъ: фотографированію, впрочемъ, мѣшало иногда несоотвѣтствующее освѣщеніе, и еще чаще деревья, которыми густо обсажены многія церкви. Поэтому далеко не всѣ сдѣланные снимки оказались удачными. Нѣкоторые изъ нихъ (всего 22) при семъ прилагаются, также и планы нѣкоторыхъ изъ осмотрѣнныхъ церквей (всего 30).

Церкви въ большинствѣ случаевъ очень невелики Среднимъ размѣромъ можно принять 9×18 арш., но встрѣчаются и

меньшихъ размѣровъ: 5×18(Педосы,) 7×17 (Сингаевка), 7×18 (Лосіевка), 7×19 (Погребы); изрѣдка встрѣчаются большіе размѣры: 11×21 (Дзюньковъ-Покр. ц.), 10×22 (Мытница), 11×24 (Дзюньковъ, Михайл. ц.); еще большіе размѣры представляютъ церкви крестообразныя: 19×22 (Барахты), 27×29 (Николая ц. въ Синявѣ).Вообще по формѣ церкви могутъ быть раздѣлены на два типа: въ формѣ корабля и крестообразныя Первыя представляютъ слѣдующій варіаціи: базилика съ алтарною абсидою *) (М. Солтановка); таже базилика безъ алтарной абсиды съ едва выступающею—на аршинъ. или даже только 1/2 арш.—среднею частью (Саварка, Жидовцы, Мончинъ, Черемошно, Сингаевка, Чехи, Лосіевка, Варшица, Вуйна, Росошки); таже форма съ алт. абсидою (Кодаки, Мытница, Погребы, Махновка); таже форма со срѣзанными углами наперти (Фастовъ), таже форма со срѣзанными углами средняго выступа (Синява-Воскрес. ц.), соединеніе двухъ предыдущихъ (Педосы, Дзюньковъ, обѣ церкви В. Низгурецъ); церковь изъ трехъ восьмиугольныхъ срубовъ (Погребище, Бердичевъ, Павловка). Церкви крестообразныя, какъ можно видѣть изъ приложенныхъ плановъ, представляютъ развитіе этихъ формъ путемъ расширенія боковыхъ частей зданія. Многія старыя церкви перестроены подобнымъ образомъ путемъ пристройки боковыхъ придѣловъ, но есть и старыя церкви, построенныя по этому типу, напр. древнѣйшая изъ изслѣдованныхъ нами ц. Николая въ Синявѣ. Всѣ почти ц. подвергалась различнымъ пристройкамъ и перестройкамъ, но первоначальную форму зданій всегда легко различить. Церковь обыкновенно построена изъ толстыхъ дубовыхъ брусьевъ и состоитъ изъ 3, рѣдко (въ крестообразныхъ ц.) 5 отдѣльныхъ срубовъ; куполовъ въ большинствѣ случаевъ 3, но встрѣчаются церкви однокупольныя (Погребище, Педосы, Варшица, Махновка—обѣ церкви) и пятикупольныя (Синява, Барахты). Различныя

*) Простѣйшую форму представляетъ простая базилика, т. е. по просту хата, обращенная въ церковь; но такой формы нахъ не удалось уже встрѣтить.

формы куполовъ можно видѣть на прилагаемыхъ фотографіяхъ. Купола въ большинствѣ случаевъ подвергались, впрочемъ, нѣкоторой передѣлкѣ, такъ какъ крыша сначала была деревянная (а иногда и соломенная). Характерную особенность старинной церкви представляетъ входная дверь. Она обыкновенно одностворчатая, очень низкая (не болѣе 3 арш.) и имѣетъ оригинальную форму: верхніе углы срѣзаны, вслѣдствіе чего верхняя часть двери уже нижней; соотвѣтствующую форму имѣетъ и лутка (косякъ). Такія двери сохранились въ ц. Махновки, Синявы, Вуйны, Чеховъ и нѣкоторыхъ др. На косякѣ иногда вырѣзывалась надпись о времени построенія церкви. Такъ, въ с. Вуйнѣ сохранилась такая надпись: „Созданъ домъ сей во имя арх. Михаила 1760 въ іюнѣ мѣсяцѣ за владѣнія господина Куровскаго". и на другой двери: „1816 въ маѣ мѣсяцѣ поднята, камнемъ въ одинъ аршинъ выпины подмурована и вокругъ вновъ обшалевана протоіереемъ Василіемъ Сѣшицкимъ". О подобной надписи въ с. Росошкахъ Уманскаго у. скажемъ дальше. Въ Черемошномъ, во дворѣ священника сохранилась подобная надпись на хлѣбномъ амбарѣ: „Во имя Отца и Св. Духа $\frac{\text{IΣ}|\text{XΣ}}{\text{NI}|\text{KA}}$ сооружися сія. хранильница. anno 1750 маіа дня ДІ." Подобная входная дверь отдѣляла въ старину притворъ (бабинецъ) отъ средней части храма; но въ осмотрѣнныхъ нами церквахъ просвѣтъ значительно расширенъ и отъ стѣны, раздѣлявшей внутренность церкви, остались только небольшія перегородки. Въ одной церкви (Св. Николая въ Бердичевѣ) имѣется „опасаніе" (крытая деревянная галлерея вокругъ церкви; по заявленію мѣстнаго протоіерея, она составляетъ позднѣйшую пристройку, конца XVIII или начала XIX в). Колокольня, гдѣ она есть, построена отдѣльно отъ церкви, и представляетъ небольшое двухэтажное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго находится складъ старыхъ иконъ, хоругвей и другихъ, вышедшихъ изъ употребленія, вещей, въ верхнемъ висятъ колокола. Оригинальную форму представляетъ колокольня двухъ церквей м. Махновки: Георгіевская ц. имѣетъ легкую звониду на деревянныхъ столбикахъ: ц. Рожд. Б-цы—каменную, напоминаю-

щую колокольни нѣкоторыхъ католическихъ костеловъ, а также старинныя Псковскія звоницы. Колокольня въ большинствѣ случаевъ представляетъ позднѣйшую пристройку.

Иконостасы въ большинствѣ случаевъ многоярусные рѣзной работы, иногда современные построенію церкви, иногда позднѣйшаго происхожденія. Рѣзьба обыкновенно представляетъ растительный орнаментъ, чаще всего виноградныя кисти и листья, но встрѣчаются и оригинальные рисунки, напр. древо Іессево (ц. св. Николая въ Бердичевѣ). Въ нѣкоторыхъ церквахъ сохранились (въ притворѣ или на колокольнѣ) царскія врата отъ прежняго иконостаса (Сингаевка, Ракитно; въ послѣдней церкви есть царскія врата очень простой и грубой работы въ видѣ позолоченной рѣшетки въ 6 ярусовъ).

Иконы въ большинствѣ случаевъ новыя или поновленныя, часто весьма неумѣло. Но встрѣчаются и старыя, представляющія интересъ по своей древности или оригинальной концепціи, а иногда по художественному достоинству. Древнія иконы XVII ст. встрѣтились намъ въ кладбищенской часовнѣ с. Ольшаницы—это иконы Спасителя и св. Николая на золотомъ рельефномъ фонѣ, очень ветхія; подобныя иконы Спасителя, Божіей Матери и св. Николая сохранились также въ с. Збаражѣ. Въ с. Красовкѣ есть икона св. Николая работы какого-то Гавріила Попандопуло 1662 г. и соотвѣтственная ей икона Божіей Матери; къ сожалѣнію обѣ недавно поновлены, при чемъ перекрашена заново и подпись на первой иконѣ. Въ с. Насташкѣ есть икона Покрова съ изображеніемъ какого-то гетмана (по объясненію, мѣстнаго священника—Мазепы), но икона эта также поновлена, при чемъ гетманъ обратился въ архіерея—ему пририсовали омофоръ и Евангеліе. Датированныя иконы встрѣтили мы въ с. Синявѣ: въ Воскресенской церкви запрестольный образъ (Деисусъ), на которомъ Христосъ изображенъ въ архіерейскомъ облаченіи и коронѣ; образъ этотъ сооруженъ въ 1700 г. жителями с. Салихи. Въ Николаевской церкви того же с. Синявы есть очень изящной работы образъ арх. Михаила въ

красивомъ кіотѣ; образъ этотъ сооруженъ въ эпоху гайдамачины мѣстнымъ крестьяниномъ Сахно, бывшимъ атаманомъ надворной милиціи и пользовавшимся милостями пановъ (онъ спасъ какъ-то отъ гайдамаковъ пятьдесятъ пановъ; за это ему „робылы панщину"), но въ то-же время служившимъ и гайдамакамъ. Въ с. Ольшаницѣ сохранилась изящная икона св. Параскевы, пожертвованная, по словамъ священника, мѣстною крестьянкою въ 1787 г. (хотя надпись объ этомъ закрашена при поновленіи иконы).

Значительная часть иконъ относится къ XVIII ст., и многія изъ нихъ носятъ слѣды католическаго вліянія. Такъ въ с. Ракитно есть образъ Божіей Матери очень изящной работы, изображающій Б. М. стоящею на полумѣсяцѣ и попирающею обвивающаго земной шаръ дракона. Въ Георгіевской церкви м. Махновки Б. М. представлена держащею въ рукахъ голубя. Въ с. Лосіевкѣ на запрестольной иконѣ Б. М. изображена въ мантіи съ цвѣтами, въ коронѣ, на которой видна папская тіара Въ Бердичевской ц. св. Николая есть также образъ Б. М. въ коронѣ (по образцу католическихъ). Въ нѣкоторыхъ церквахъ встрѣчаются иконы, изображающія распятіе, напоминающее видѣнныя нами въ католическихъ костелахъ (Бердичевъ, Жидовцы). Въ церкви Рождества Богородицы въ м. Махновкѣ есть икона Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ съ надписью: wizerunek obrazu znaiduiącego się w kosciele S. Ducha w Wilnie. Panie wesłuchy (sic) modlitwe nasze". Тамъ же, въ Георгіевской церкви изображеніе Младенца Іисуса, спящаго на крестѣ и окруженнаго орудіями казни, и другое изображеніе Христа, сидящаго подъ крестомъ и окруженнаго виноградными лозами (моленіе о чашѣ). Въ Павловкѣ есть изображеніе Христа, сидящаго въ чашѣ, поставленной въ центрѣ лежащаго на землѣ креста. Въ Бердичевской церкви св. Николая есть нѣсколько старыхъ образовъ—св. Антонія и др., на которыхъ въ рукахъ изображеннаго святого находится католическій епископскій жезлъ (съ однимъ рогомъ). Надписи на иконахъ представляютъ иногда харак-

терныя орѳографическія ошибки, указывающія на борьбу двухъ культурныхъ направленій; напр.: „Imc MARIA, Imc ICXC“ (с. Чехи); „образъ С-тыѧ Марыя Магдалина“ (м. Махновка); „Припадо. Касиѧнъ Исповѣдны“ (тамъ же). На нѣкоторыхъ образахъ встрѣчаются національные малорусскіе костюмы, но это явлен:е очень рѣдкое (таковы иконы св. Варвары и Параскевы въ Синявѣ, I. Христа, св. Николая и Варвары въ Бердичевѣ). Какъ на интересный бытовой памятникъ можно указать на двѣ иконы, нарисованныя на рыбѣ (камбалѣ) въ Николаевской церкви с. Синявы; иконы эти пожертвованы въ XVIII в. мѣстными жителями—чумаками, ѣздившими въ Крымъ, въ благодарность за то, что ихъ волы уцѣлѣли отъ бывшаго тогда падежа *).

Въ нѣкоторыхъ церквахъ встрѣчаются скульптурныя изображенія, мало употребительныя въ православной церкви. Такъ, въ м. Махновкѣ есть рельефный образъ (горельефъ) страждущаго Спасителя; въ с. Кодакахъ на хорахъ сохраняются статуи херувимовъ и архангела, снятыя съ иконостаса; другія подобныя изображенія, взятыя изъ той же церкви, находятся въ нѣсколькихъ крестьянскихъ хатахъ села. Скульптурныя изображенія ангеловъ сохранились также на горнемъ мѣстѣ въ церкви с. Вуйна. Въ кладбищенской часовнѣ с. Ольшаницы есть скульптурный Деисусъ небольшихъ размѣровъ и довольно большое (1½ аршина въ вышину) „изображеніе великаго архангела Михаила“, какъ гласитъ надпись. Изъ этой же надписи видно, что онъ „сооруженъ обществомъ 1859 г.“; но можно думать, что это копія или реставрація какого-то древняго изображенія.

Въ нѣкоторыхъ церквахъ сохранились старыя плащаницы. Такъ, въ с. Барахтахъ есть плащаница, рисованная красками на шелковой матеріи, на которой кромѣ обыкновенной молитвы есть какая-то тайнопись: „NB (а) г̄ п̄ м̄а̄ мл-тва сіѧ ѥрѣ̄ списася року 1776“; голова Христа на этой плащаницѣ покоится на подушкѣ, ноги положены не прямо, а бокомъ.

*) Одна изъ этихъ иконъ пожертвована мѣстнымъ священникомъ о. Павломъ Волковымъ музею Общества Нестора-лѣтописца.

Подобная же плащаница, рисованная на шелковой ткани, имѣется въ церкви с. Кодаковъ; на четырехъ углахъ этой плащаницы находятся символическія изображенія Евангелистовъ—шестикрылатые серафимы, между крыльями которыхъ въ кругахъ изображены головы тельца, орла, льва и человѣка; кругомъ надпись: „сооружися стараніемъ жителки Кодацкія Евдокіи Стеблючки въ с. Кодакъ въ церковь Покрова Пр. Богородицы подаянія доброхотныхъ дателей 1785".

Въ м. Бѣлой Церкви сохраняется старинный воздухъ съ вышитымъ серебромъ изображеніемъ Евхаристіи, а подъ нимъ сиренъ и грифоновъ; въ надписи упоминается неизвѣстный митрополитъ Анастасъ. Тамъ же хранится уніатскій антиминсъ, освященный митрополитомъ Володковичемъ (на каймѣ имя гравера—sculpsit Iuzef Goszczowski)". Въ Георгіевской церкви м. Махновки упомянутая выше икона Божіей Матери съ голубемъ имѣетъ оригинальный окладъ—тканый изъ серебряныхъ нитей.

Во внутренней обстановкѣ церквей можно еще видѣть слѣды уніи. Въ с. Жидовцахъ сохранилась каѳедра проповѣдника съ живописнымъ изображеніемъ Христа въ какой-то странной позѣ съ разставленными руками и ногами, довольно грубой работы. Тамъ же сохранился уніатскій жертвенникъ въ видѣ небольшого шкафика или ящика, приставленнаго въ стѣнѣ алтаря; подобные жертвенники имѣются въ с. Лосіевкѣ и м. Махновкѣ. Въ с. Рокитномъ есть деревянный жертвенникъ въ видѣ большой купели или чаши, въ стѣнкѣ которой сдѣлана запирающаяся на замокъ дверца. Во многихъ церквахъ встрѣчаются чаши уніатскаго образца, въ видѣ глубокихъ бокаловъ съ крышками; такія чаши сохранились въ с. Ольшаницѣ, Кодакахъ, Красовкѣ, Чехахъ, м. Махновкѣ, Бѣлой Церкви и въ г. Бердичевѣ. Чаши этого типа обыкновенно серебряныя, вызолоченныя, иногда очень изящной работы; такъ, въ Бѣлой Церкви есть роскошная чаша съ рельефными изображеніями въ верхней части какихъ-то святыхъ на подставкѣ сиренъ, а на подножіи—евангелистовъ, въ видѣ папъ и католическихъ епископовъ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ

встрѣчается бѣдная старинная православная утварь: чаши оловянныя (с. Рокитно, Погребы) и даже деревянныя (с. Чехи), напрестольные кресты оловянные (Фастовъ, Погребы, Кожаники), кипарисовые, мѣдные, а иногда серебряные; послѣдніе большею частію уніатскаго типа*). Въ с. Дорогинкѣ сохранились оловянные брачные вѣнцы.

Въ нѣкоторыхъ церквяхъ намъ встрѣтились предметы, имѣющіе бытовое значеніе. Такъ въ с. Чехахъ сохранилось еще клепало—кусокъ желѣза, согнутый въ видѣ полукруга и употреблявшійся вмѣсто колокола. Тамъ же сохранилась чугунная восьмигранная пушка $^3/_4$ аршина длины, употреблявшаяся для салютовъ во время крещенскаго водоосвященія и пасхальной заутрени.

Во многихъ церквахъ имѣются старинныя книги XVII и XVIII ст. Громадное большинство ихъ составляютъ изданія Кіево-Печерской лавры. Такъ въ с. Ольшаницѣ сохранился Тріодіонъ, 3-е изданіе К.-П. лавры 1648 г. (при архимандритѣ Іосифѣ Тризнѣ, съ изображеніемъ его герба); въ церкви с. Синявы—Апостолъ 1695 г.; въ с. Барахты—Евангеліе 1697 г. Къ первой половинѣ XVIII ст. относятся: Тріодь цвѣтная 1702 г. (Барахты, Мытница), Требникъ 1708 г. (Синява), Евангеліе 1712 г. (Бѣлая Церковь), Апостолъ 1722 (Насташка, Фастовъ, М. Солтановка, Черемошно), Тріодь цвѣтная 1749 г. (М. Солтановка), Евангеліе 1746 г. (Бердичевъ, Дорогинка), Тріодь 1747 г. (Красовка), Апостолъ 1750 г. (Дорогинка), Аѳологіонъ 1748 г. (тамъ же), Апостолъ 1750 г. (тамъ же). Прочія книги Кіевской печати относятся ко второй половинѣ XVIII ст. Второе мѣсто занимаютъ изданія Львовскія. Евангелія Львовской печати XVII ст. (безъ выходныхъ листовъ) сохранились въ церквахъ с. Ольшаницы, Мончина и др.; Евангеліе 1636 г. въ с. Кожаникахъ и м. Бѣлой Церкви; Евангеліе 1690 г.—въ с. Черемошномъ, Трефологіонъ 1694 г.—въ с. Кожаникахъ. Къ XVIII в. относятся.

*) На уніатскихъ крестахъ фигура Христа изображается въ боковомъ положеніи, съ согнутыми ногами.

Требникъ 1719 г. (м. Махновка), Ирмологіонъ 1727 г. съ нотами (Насташка), Тріодь 1730 г. (Бердичевъ), Требникъ 1739 г. (Кожаники), Евангеліе 1740 г. (Красовка), Леітургиконъ 1754 г. (Красовка), Служебникъ 1787 г. (Ольшаница). Довольно часто встрѣчаются изданія Почаевскія XVIII в.; такъ, въ с. Погребахъ—Евангеліе, безъ выходного листа, въ с. Чехахъ Тріодь постная 1746 г., въ с. Рокитномъ сборникъ проповѣдей *) 1762 г., въ с. Павловкѣ Требникъ 1771 г., въ г. Бердичевѣ Требникъ 1786 г., въ Бѣлой Церкви Тріодь 1785 г., въ Сингаевкѣ Богословія нравоучительная 1786 г., въ с. Збаражѣ Требникъ 1791 г. Изрѣдка встрѣчаются изданія другихъ южно-и западно-русскихъ типографій. Такъ въ с. Ольшаницѣ и Погребахъ есть „Тріодіонъ, си есть трипѣснецъ св. Великія Пятидесятницы", напечатанный въ Черниговской Свято-Троицкой Ильинской типографіи въ 1685 г.; въ с. Красовкѣ—Леітургокоv си есть служебникъ" 1740 г., напечатанный въ Уневской типографіи; въ с. Чехахъ—„Евхологіонъ"—той же типографіи 1744 г. Въ м. Бѣлой-Церкви сохранилось Евангеліе безъ выходнаго листа, съ припискою покойнаго П. Г. Лебединцева о томъ, что оно „печатано въ Вильнѣ въ 1600 г., при державѣ короля Сигизмунда III и при нареченномъ архіепископѣ Ипатіи, митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ, епископѣ Владимирскомъ и Берестейскомъ, за позволеніемъ канцлера Льва Сапѣги, тщаніемъ пана Лукаша Милезинича" (Мамонича?). Наконецъ, въ церкви Рождества Богородицы м. Махновки намъ встрѣтилась книга: Conceptus theologici in Evan

*) „Сѣмя слово Божія на Нивѣ сердецъ человѣческихъ сѣяннаго, си есть изряднѣйшая на недѣли всего лѣта и нѣкоторые праздники поученія отъ иноковъ Почаевскаго монастыря изъ различныхъ ауторовъ древнѣйшихъ же и настоящо проповѣдавшихъ собранная и простымъ языкомъ простѣйшаго ради иже по весехъ народа сложенная тоже благословеніемъ и повелѣніемъ Его Просвященства Кир Сильвестра Лубіенецкаго Руднѣцкаго, екзарха митрополіи Кіевской, Галицкой и всея Россіи, Луцкого, Острожского Епископа въ душеспасительную чтущимъ и послушающимъ пользу тупомъ изданная въ типографіи Почаевской у С. В. В. а҃ѱѻѕ года"

gelia Dominicalia sanctorum Festla(?) et Quadragesimam", на выходномъ листѣ которой помѣщена аппробація докторовъ Парижскаго Университета 5 апрѣля 1609 г.

На многихъ книгахъ имѣются вкладныя записи съ именами жертвователей и обычными заклятіями. Особенный интересъ представляютъ надписи, въ которыхъ жертвователемъ является не единичная личность, а собирательная. Такъ, на Трефологіи Кіевской печати 1760 г. въ с. Кодакахъ встрѣчаемъ слѣдующую надпись, относящуюся къ 1790 г.: „Мы, братство молодецкое, купили книгу сію въ Кіевѣ на Подолѣ... до храму Покрова Пресв. Богородицы въ с. Кодаки стараніемъ атамана Андрея Осадченка и молодыками въ то время бувшими (слѣдуетъ имена)." На Тріоди постной с. Жидовецъ надпись: „Во имя Отца, и Сына, и св. Духа Сію книгу братство жидовецкое у отца Лукиана за церковныя деньги., за золотыхъ четыредесять и прислали до храму Воведенія Пресв. Богородицы року Божія 1738 мѣсяца януарія дня 11. А хто бы моглъ еи отдалити отъ той церкви, то(й) навѣки проклятъ будетъ. Finis. znaczy koniec. Amen". Въ ц. Рожд. Богородицы въ м. Махновкѣ есть Минея, „за колядные молодецкіе трудами старшаго молодыка Михаила съ товариши, стараніемъ же протоіерея Кирила Малявки-Тарасевича, деньги куплена року 1808". Въ той же церкви Тріодь пріобрѣтена тѣмъ же протоіеремъ „за сложеныя отъ всѣхъ женъ тоя соборныя церкви прихожанокъ деньги"*). Тотъ же протоіерей Малявка-Тарасевичъ увѣковѣчилъ свое имя слѣдующими стихами на уніатскомъ акафистникѣ: „Liber meus | testis est Deus | quis illum querit | hoc nomen erit | Cyrillus natus | Malawka Tarasiewicz vocatus | sacerdos regionis Inhermanlandski Anno D-ni 1795 julii 25". На Львовскомъ Евангеліи 1636 г.,

*) Въ названныхъ селахъ (и во многихъ другихъ) до сихъ поръ существуютъ молодецкія и жиноцкія братства и хранятся громадныя свѣчи, съ которыми братчики стоятъ въ церкви.

пожертвованномъ въ томъ же году въ Бѣлоцерковскую Николаевскую церковь Симеономъ Ширидловичемъ и оправленномъ въ 1774 г. и вторично въ 1820, сохранилась серебряная вызолоченная бляха съ датою: „Anno D-ni 1640 dnia 26 maja“ и гербъ.

Рукописей намъ попадалось мало; большая часть изъ нихъ не представляетъ особаго интереса—это метрическія книги, списки прихожанъ, сборники указовъ, (часто печатныхъ XVIII в.), помянники. Книгъ рукописныхъ мы не видали, за исключеніемъ Миней и Часослова въ с. Чехахъ. Кромѣ того мѣстные священники сообщили намъ, что въ с. Красовкѣ (Бердич. у.) есть рукописная Библія XVII ст., а въ с. Темберщинѣ (Васильк. у.) рукописный Апостолъ; но намъ не удалось видѣть эти рукописи.

Заканчивая сообщеніе о нашей экскурсіи, не могу не упомянуть о нѣкоторыхъ историческихъ мѣстностяхъ, видѣнныхъ нами. Въ м. Погребищѣ мы осмотрѣли древнюю синагогу, по сообщенію мѣстнаго священника, существующую около 200 лѣтъ, а по мнѣнію евреевъ даже 400 л. Это старая, покосившаяся деревянная (дубовая) постройка съ позднѣйшими пристройками и съ сохранившимися слѣдами стѣнной живописи. Въ синагогѣ хранятся двѣ пергаментныя рукописныя книги—Тора 1765 и собраніе молитвъ; на послѣдней есть надпись съ какими-то замѣтками о возстаніи Хмельницкаго, которую евреи не нашли возможнымъ перевести намъ полностью; въ надписи упоминаются мѣстности, охваченныя возстаніемъ—Погребище, Старый Константиновъ, Наролъ и др. За синагогою находится неправильной формы возвышеніе, обнесенное плохою деревянною оградою: это могила избитыхъ во время возстанія гостей богатой еврейской свадьбы.

Въ м. Фастовѣ сохранился ветхій деревянный костелъ конца XVIII в. Въ немъ имѣется древнее изображеніе (икона) распятія, съ которымъ связана легенда XVII ст. Икона перенесена изъ стараго разореннаго козаками костела. Въ этомъ-

то костелѣ передъ возстаніемъ Хмельницкаго слышны были плачъ и стоны, исходившіе отъ иконы: то было предвѣстіе наступающихъ бѣдствій. За костеломъ на возвышенномъ мѣстѣ, господствующемъ надъ долиною р. Унавы, находятся обширные прекрасно сохранившіеся окопы. По объясненію настоятеля костела, здѣсь былъ замокъ Палія.

Въ м. Бѣлой Церкви во дворѣ Преображенской церкви есть маленькая каменная церковь св. Николая. Изъ рукописнаго описанія этой церкви и объясненій причта мы узнали, что церковь эта построена въ 50-хъ годахъ XIX ст. и заключаетъ въ себѣ остатки начатой Мазепою, но недостроенной имъ церкви; къ небольшой, возведенной Мазепою постройкѣ (одинъ придѣлъ) прибавлена главная часть нынѣшней церкви.

Наконецъ, въ с. Росошкахъ Уманскаго у. мы осмотрѣли церковь, построенную Гонтою въ 1763 г., какъ видно изъ надписи, вырѣзанной на косякѣ входной двери: „сія церковь сооружена року ѧ҃ѱз҃г. за колятора мципана Іоанна К(г)онты храму св. мученицы Параскевіи за фундаторовъ Іоанна Дѣденка и Антонія Дѣлекатнего и всей громады". Къ сожалѣнію, надпись поновлена при окраскѣ церкви, при чемъ нѣкоторыя слова искажены, а именно: „Конты" вм. Кгонты", „мца пана" вм. „мципана". Церковь обычнаго типа, прекрасно сохранившаяся (планъ и фотографическій снимокъ прилагаются). Сохранился изящный рѣзной иконостасъ. Въ церкви есть нѣсколько книгъ первой половины XVIII ст.: служебникъ 1740 г., печатанный въ Уневѣ, Псалтырь Кіевской печати 1750 г., Тріодь цвѣтная съ вкладною записью 1766 г.: „отъ Григорія Галицкаго, обывателя с. Верхнячки, Игнатію Полянскому, пароху Росоховатскому, при іереяхъ Стефанѣ Комарницкомъ, деканѣ Уманскомъ, парохѣ Сокольскомъ и при Василіи, пароху Верняцкомъ". Изъ иконъ обращаетъ вниманіе старинный образъ Божіей Матери на облакахъ; внизу сверженный дьяволъ и много различныхъ фигуръ, между прочимъ святой, попирающій турка; возлѣ него лежитъ

раскрытая книга со словами: „Fuit Homo missus a Deo, cui Nomen erat Ioannes". Физіономія этого святого напоминаетъ извѣстный портретъ Іоанна Гонты, и въ такомъ случаѣ икона можетъ представлять его вкладъ или, м. б., пожертвованa кѣмъ-либо въ память о немъ. Но, м. б., это просто старинная икона, относящаяся къ освобожденію Вѣны Яномъ Собѣсскимъ. Село Росошки, какъ извѣстно, было родиною Гонты, но въ настоящее время тамъ не сохранилось о немъ никакихъ преданій. Есть, правда, въ селѣ его потомки Гонтюки, но и они почему-то избѣгаютъ этого прозванія и называютъ себя Максименками.

Въ заключеніе позволю себѣ обратиться къ Обществу съ предложеніемъ подвергнуть болѣе тщательному изслѣдованію нѣкоторые изъ указанныхъ въ настоящемъ сообщеніи памятниковъ старины. По моему мнѣнію, желательно имѣть фотографическіе снимки иконостаса с. Росошекъ и упомянутой выше иконы; желательно выписать и реставрировать, буде найдется опытный мастеръ, упомянутую икону с. Росошекъ и икону Покрова с. Насташекъ, наконецъ желательно выписать и передать на разсмотрѣніе спеціалистовъ рукописный Апостолъ с. Темберщины и Библію XVII в. с. Чеховъ".

Чтеніе реферата сопровождалось демонстрированіемъ плановъ церквей и фотографическихъ снимковъ, а также иконы на камбалѣ, пожертвованной въ музей Общества Нестора-л. Плановъ представлено 30 (с. Малая Солтановка, Саварка, Жидовцы, Мончинъ, Черемошно, Сингаевка Чехи, Лосіевка, Варшица, Вуйна, Росошки, Кодаки, Мытница, Погребы, м. Махновка (двѣ церкви), м. Фастовъ, с. Синява (двѣ церкви), Педосы, м. Дзюньковъ (двѣ церкви), Погребище, с. В. Низгурцы, Красовка, Барахты, Дорогинка, Павловка, Ст. Прилуки и г. Бердичевъ). Фотографическихъ снимковъ представлено 22, а именно: 1) Бердичевскій кармелитскій монастырь, 2) Соборная церковь пр. Ѳеодосія въ г. Василь. ковѣ, 3) видъ г. Василькова (видна соборная церковь и древ-

нее городище), 4) церковь с. Погребовъ, 5) ц. с. Дорогинки, 6) ц. с. Жидовецъ, 7) ц. с. Сингаевки, 8) ц. св. Николая въ Бердичевѣ, 9) ц. с. Саварки, 10) ц. св. Георгія въ м. Махновкѣ, 11) ц. Рождества Богородицы въ м. Махновкѣ, 12) ц. въ с. Павловкѣ, 13) ц. Покрова въ м. Фастовѣ, 14) ц. с. Мытницы, 15) ц. с. Педосовъ, 16) ц. с. Барахтовъ, 17) Царскія ворота (древо Іессеево) Бердичевской церкви св. Николая, 18) икона Спасителя и Божьей Матери въ кладбищенской часовнѣ с. Ольшаницы, 19) икона арх. Михаила въ ц. св. Николая с. Синявы, 20) рельефная (горельефъ) икона Спасителя въ церкви м. Махновки, 21) статуя арх. Михаила въ кладбищенской часовнѣ с. Ольшаницы, 22) ц. с. Росошковъ (построенная Иваномъ Гонтою).

XIII. Засѣданіе 17 октября.

а) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** сдѣлалъ докладъ: „*Византійскій δροῦγγος и славянская дружина*“.

Отмѣтивъ въ общихъ чертахъ многообразный интересъ, какой представляетъ область военныхъ древностей Византіи, референтъ указалъ на неразработанность въ современномъ научномъ изслѣдованіи относящихся сюда вопросовъ и въ подтвержденіе послѣдняго привелъ тѣ ошибочныя положенія и гипотезы, принимаемыя за научно-дознанные факты, которыми изобилуетъ спеціальное обозрѣніе военныхъ древностей Византіи въ почтенномъ изслѣдованіи проф. Скабалановича: „Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ“ (Спб. 1884 стр. 315 и сл.). Положивъ въ основу своего общаго обозрѣнія теорію проф. Успенскаго о славянскомъ происхожденіи Византійскаго δροῦγγ'α, проф. Скабалановичъ нарисовалъ общую картину организаціи военнаго дѣла, въ которой почти все невѣрно, хотя онъ и пользовался вполнѣ надежнымъ матеріаломъ подлинныхъ Византійскихъ свидѣтельствъ. Помимо ошибочнаго исходнаго пункта, невѣрности общей картины много

содѣйствовало малое знакомство автора съ Римскимъ прошлымъ Византійскихъ учрежденій. Что до теоріи о славянскомъ происхожденіи δρουγγ'α, то обоснованіе ея представилъ проф. Успенскій въ своемъ изслѣдованіи: „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи“ (Жур. Мин.Нар. Просв., 1883, январь—февраль). Теорія эта встрѣчаетъ противъ себя вѣское возраженіе со стороны филологіи: носовой звукъ, являющійся въ словѣ δροῦγγος, отсутствуетъ въ славянскихъ словахъ: другъ, задруга, дружина, изъ которыхъ вывелъ его профессоръ Успенскій. Болгарскій филологъ Матовъ (Български Прегледъ, 1893) пытался отвести это возраженіе ссылкой на нѣкоторые случаи возникновенія въ новогреческомъ фонемы γγ изъ простаго γ въ словахъ латинскаго корня (Foy, Lautsystem der vulgär-griechischen Sprache, Lpz. 1879, p. 46). Но эта защита не только слаба, но и ненужна, такъ какъ теорія о славянскомъ происхожденіи слова δροῦγγος находится въ противорѣчіи съ фактами исторіи этого слова въ языкѣ Византійскихъ грековъ. Проф. Успенскій, хотя и упомянулъ объ употребленіи этого термина въ „Стратегикѣ“ Маврикія, но ограничился лишь разборомъ свидѣтельствъ изъ „Тактики“ имп. Льва Мудраго, т. е. памятника конца IX вѣка. Въ этомъ послѣднемъ памятникѣ слово δροῦγγος является терминомъ для обозначенія боевой и тактической единицы, составленной изъ нѣсколькихъ меньшихъ, такъ называемыхъ *таγμа*, или *бандъ*, и являющейся въ свою очередь одной третью болѣе крупной тактической единицы, носившей имя μέρος (часть). Численность „друнга“ имп. Левъ опредѣляетъ такъ: „не болѣе 3000 человѣкъ“.

Поставивъ себѣ цѣлью прослѣдить исторію слова и института „друнгъ“ въ глубь прошлаго, референтъ остановился прежде всего на Маврикіи и, сопоставивъ мѣста изъ текста его „Стратегики“, въ которыхъ употреблено сущест. δροῦγγος или нарѣчіе δρουγγιστί, установилъ во 1), что Маврикій примѣняетъ слово δροῦγγος къ той тактической единицѣ, которая зовется μέρος (а не къ третьей части ея, какъ это

дѣлаетъ имп. Левъ), и что это слово не имѣетъ у него значенія термина для обозначенія опредѣленной боевой единицы опредѣленной численности, а лишь заключаетъ въ себѣ указаніе на сомкнутость построенія данной группы воиновъ, и во 2), что построеніе δρουγγιστί, примѣняемое въ кавалерійскомъ строѣ, является противоположностью того, которое носило у византійцевъ названіе: κατὰ δεκαρχίας καὶ πενταχίας (т. е. развернутый строй). Построеніе это примѣнялось въ кавалерійскихъ аттакахъ въ случаѣ обхода непріятеля съ фланга или съ тыла.—Почти двумя вѣками раньше Маврикія слово δροῦγγος уже обращалось въ языкѣ Византійскихъ грековъ: его употребляетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 404 года св. Іоаннъ Златоустъ (ср. 14 P. G. Migne, t. 52, p. 614). Излагая о бѣдствіяхъ, которыя ему пришлось испытать отъ нападавшихъ на него монаховъ въ Кесаріи, св. Іоаннъ выражается такъ: δροῦγγος μοναζόντων (οὕτω γὰρ δεῖ εἰπεῖν καὶ τῇ λέξει μανίαν αὐτῶν ἐνδείξασθαι)... Итакъ, слово δροῦγγος въ устахъ человѣка того времени заключало въ себѣ указаніе на дикость и ожесточенность нападенія, что̀ само по себѣ ведетъ къ предположенію о варварскомъ его происхожденіи.

На почвѣ латинскаго языка слово *drungus* можно констатировать у младшаго современника св. Іоанна Златоуста, Вегеція, автора сочиненія: Epitoma rei militaris. Онъ поясняетъ его латинскимъ словомъ *globus* и примѣняетъ къ кавалерійскимъ отрядамъ, производившимъ стремительную аттаку во флангъ боевой линіи (III 19. Cavendum vel maxime, ne ab ala cornuque sinistro, quod saepius evenit, aut certe dextro, quod licet raro contingit, circumveniantur tui a multitudine hostium aut a vagantibus globis, quos dicunt drungos).— Древнѣйшее употребленіе слова *drungus* дано у Вописка, современника имп. Константина Великаго. Въ разсказѣ о тріумфѣ имп. Проба онъ называетъ *друнгами* группы варваровъ по 50 человѣкъ, принимавшія участіе въ тріумфальномъ шествіи этого императора, какъ свидѣтельство побѣдъ его надъ ихъ соплеменниками (Vita Probi, 19, 2: Omnium gentium drungos ad

quinquagenos homines ante triumphum duxit). Біографія Проба написана около 307 года нашей эры. Если, так. образ., слово *дружь* можно прослѣдить по литературнымъ памятникамъ до начала IV вѣка, то тѣмъ самымъ совершенно опровергается возможность славянскаго происхожденія его и какъ слова и какъ института. Славяне вышли на арену исторіи римской имперіи только во второй половинѣ VI вѣка, и какъ они тогда сражались, объ этомъ разсказалъ намъ Маврикій въ своей „Стратегикѣ". Въ обиходъ римлянъ оно пришло отъ варваровъ, но, очевидно, не славянъ, а германцевъ и, въ частности, по всему вѣроятію, отъ готовъ, обновившихъ собою самый составъ римской арміи. Этимологію слова можно указать въ германскомъ корнѣ thrung, откуда соврем. нѣм. drengen и англ. the throng (толпа).

Во время обсужденія вопроса и возникшихъ преній, референтъ высказался за возможность обратнаго отношенія между δροῦγγος и дружиной на почвѣ такъ называемой народной этимологіи (Volksetymologie). Слово „дружина" въ смыслѣ военнаго термина могло возникнуть изъ слова δροῦγγος, которое слышали русскіе, служившіе въ качествѣ наемниковъ подъ знаменами Византійскихъ императоровъ въ IX вѣкѣ, задолго до знаменитой посылки вел. кн Владиміромъ Св. варяговъ имп. Василію.

Въ обсужденіи настоящаго доклада принимали участіе дѣйств. члены А. И. Булгаковъ, В. З. Завитневичъ, Ѳ. И. Кнауэръ и В. Н. Малининъ.

б, Д. чл. **В. А Чаговецъ** сообщилъ „*Результаты экскурсіи на родину Н. В. Гоголя*" (войдетъ XVI книгу „Чтеній").

По предложенію г. Предсѣдателя, постановлено выразить благодарность сестрѣ Н. В. Гоголя, Ольгѣ Васильевнѣ Головнѣ; равно выражена была благодарность и В. А. Чаговцу за его труды по собранію предметовъ, связанныхъ съ памятью о Н. В. Гоголѣ.

XIV. Торжественное годичное засѣданіе 27 октября.

а) Секретарь Общества **М. Н. Ясинскій** представилъ *„Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1900 года по 27 октября 1901 года“*:

„Предлагаемый ниже отчетъ содержитъ въ себѣ краткія свѣдѣнія о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца *за 29-й годъ* его существованія, а именно, съ 27 октября 1900 года по 27 октября 1901 года.

I. Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его совѣта и бюро.

Къ 27-му октября прошлаго 1900 года Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 142 членовъ: 18 почетныхъ и 124 дѣйствительныхъ.

Въ отчетномъ году произошли нижеслѣдующія перемѣны въ личномъ составѣ Общества:

во 1-хъ, Общество лѣтомъ текущаго года лишилось одного изъ своихъ дѣствительныхъ членовъ въ лицѣ академика Ивана Николаевича *Жданова*, извѣстнаго своими трудами по древней и новой р. литературѣ и народной словесности;

во 2-хъ, изъ состава дѣйствительныхъ членовъ выбыло 4 лица, которыхъ Совѣтъ Общества, руководствуясь 18 § Устава, призналъ сложившими съ себя званіе членовъ Общества;

въ 3-хъ, личный составъ Общества пополнился въ отчетномъ году слѣд. новыми силами: 1) въ *почетные* члены были избраны: академикъ Василій Васильевичъ *Латышевъ*, профессоръ Кіевской Духовной Академіи Николай Ивановичъ *Петровъ* и профессоръ Харьковскаго университета Николай Ѳедоровичъ *Сумцовъ*, и 2) въ *дѣйствительные* — г. г. В. Т. *Георгіевскій*, В. Н. *Доманицкій*, М. В. *Довнаръ-Запольскій*, В. А. *Чаговецъ* и Я. Н. *Шульгинъ*.

Такимъ образомъ, за всѣми указанными перемѣнами въ личномъ своемъ составѣ, Общество въ настоящее время состоитъ изъ 145 членовъ: 21 почетныхъ и 124 дѣйствительныхъ. Изъ

этого общаго количества 77 членовъ, а именно, 9 почетныхъ и 68 дѣйствительныхъ, находятся на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ.

Бюро Общества въ истекшемъ отчетномъ году состояло изъ тѣхъ-же должностныхъ лицъ, которыя завѣдывали дѣлами Общества и въ предшествовавшемъ году, а именно: изъ предсѣдателя—поч. чл. Н. П. Дашкевича, товарища предсѣдателя— поч. чл. А. М. Лазаревскаго, казначея—поч. чл. Ѳ. Я. Фортинскаго, секретаря—дѣйств. чл. М. Н. Ясинскаго и библіотекаря, и вмѣстѣ съ тѣмъ помощника секретаря - дѣйств. чл. И. М. Каманина.

Въ составѣ Совѣта Общества, которому по уставу принадлежитъ главное руководство научною дѣятельностью Общества, также не произошло въ отчетномъ году никакихъ перемѣнъ: онъ состоялъ, какъ и въ предыдущемъ году, изъ 15-ти лицъ, а именно: изъ 4-хъ должностныхъ лицъ Общества, 3-хъ членовъ-учредителей (Б. Б. Антоновича, В. С. Иконникова и Н. И. Петрова) и 8 членовъ по избранію общаго собранія (М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. З. Завитневичъ, Г. Е. Аѳанасьевъ, А. І. Степовичъ, Ю. А. Кулаковскій, Т. Д. Флоринскій, И. М. Каманинъ и В. И. Щербина).

Равнымъ образомъ не произошло въ отчетномъ году никакихъ перемѣнъ и въ составѣ Редакціоннаго Комитета, который занимается разсмотрѣніемъ научныхъ трудовъ, предложенныхъ Обществу для напечатанія, и рѣшеніемъ вопроса о помѣщеніи ихъ въ изданіяхъ Общества. Онъ состоялъ въ истекшемъ году, какъ и раньше, изъ 7-ми лицъ, а именно: 4-хъ членовъ бюро Общества и 3-хъ членовъ, избранныхъ Совѣтомъ (В. Б. Антоновича, В. С. Иконникова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова) [1]).

II. Свѣдѣнія о состояніи библіотеки и денежныхъ средствъ Общества.

Библіотека и денежныя средства Общества къ концу отчетнаго года находились въ нижеслѣдующемъ состояніи.

---

[1]) Совѣтъ въ отчетномъ году имѣлъ 4, а Редакціонный Комитетъ—2 засѣданія.

Въ библіотекѣ Общества къ 27 октября 1900 г. имѣлось:

А) Въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ 2159 названій въ 4884 томахъ и брошюрахъ;

Б) Въ отдѣлѣ рукописей было:

1) древнихъ рукописныхъ книгъ. 11
2) фотографич. снимковъ съ древнихъ рукописей. . 2
3) отдѣльныхъ документовъ . . . . . 2 связки
и 4) рукописныхъ сочиненій истекшаго XIX столѣтія въ формѣ книгъ 7

Въ теченіе отчетнаго года въ библіотеку вновь поступило 138 названій (болѣе прошлогодняго на 53) въ 290 томахъ и брошюрахъ; отдѣлъ же рукописей остался безъ измѣненій.

Такимъ образомъ, къ настоящему дню библіотека Общества состоитъ: 1) изъ 2297 названій въ 5174 томахъ и брошюрахъ и 2) изъ перечисленныхъ выше предметовъ рукописнаго отдѣла библіотеки.

Кромѣ того, въ музей Общества, который находится пока въ зачаточномъ положеніи, поступили слѣд. предметы: а) отъ дѣйств. чл. Общества В. Н. Доманицкаго: икона на холстѣ: Сонъ младенца Іисуса; 2) отъ свящ. Волкова черезъ дѣйств. чл. Общества В. И. Щербину—икона на высушенной камбалѣ, на которой, съ одной стороны, имѣется изображеніе Божіей Матери, а съ другой, Николая Чудотворца; 3) отъ дѣйств. чл. Г. А. Ласкина—кремневое копье, найденное на поляхъ Люблинской губ., и 4) отъ дѣйств. чл. Е. И. Де-Витте 15 древнихъ мѣдныхъ и серебрян. монетъ—русскихъ, польскихъ и римскихъ.

Что касается денежныхъ средствъ Общества Нестора-лѣтописца, то принадлежащія ему суммы находились въ отчетномъ году въ слѣдующемъ движеніи:

1. Къ 27-му октября 1900 года оставалось въ кассѣ . . . . . 2838 р. 34 к.
2. Въ теченіе отчетнаго года поступило въ приходъ Общества. . . . . 1285 р. 50 к.
(менѣе прошлогодняго на 328 р. 89 к.)
и въ томъ числѣ:
а) правительственной субсидіи. . . . . 800 р. — к.
б) членскихъ взносовъ. . . . . 292 р. 55 к.

(менѣе прошлогодняго на 267 р. 45 к., но болѣе чѣмъ въ 1898—99 г. на 127 р. 55 к.)

в) дохода съ % бумагъ и % по текущему счету . . . . . 127 р. 45 к.
(болѣе прошлогодняго на 3 р. 87 к.)

г) отъ продажи изданій Общества . . . 65 р. 50 к.
(менѣе прошлогодняго на 15 р. 31 к.)

Такимъ образомъ, общій итогъ суммъ, коими касса Общества располагала въ отчетномъ году, составляетъ. . . . . 4123 р. 84 к.
(менѣе прошлогодняго на 551 р. 89 к.) [1]).

Изъ этой суммы въ теченіе означеннаго года израсходовано:

1. На изданія Общества
   а) на изданіе 3-го вып. XIV книги 554 р. 56 к. . . . . } 1220 р. 56 к.
   б) на изданіе 1-го и 2-го вып. XV кн. 666 р. — к. . . . . }
2. На канцелярскіе и мелкіе расходы. . . 71 р. 90 к.
3. На устройство засѣданій . . . . . 54 р. 50 к.
4. На прислугу . . . . . 30 р. — к.

Всего же израсходовано . . . . . 1376 р. 96 к.
(менѣе прошлогодняго на 460 р. 43 к.)

Слѣдовательно, къ настоящему дню (27 октября 1901 г.) въ кассѣ Общества осталось въ наличности . . . . . 2746 р. 88 к.

Къ представленнымъ свѣдѣніямъ о состояніи библіотеки и суммъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца не

[1]) Кромѣ того, въ кассу Общества поступило въ отчетномъ году: 1) отъ предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества, граф. П. С. Уваровой 650 руб. со спеціальнымъ назначеніемъ—на описаніе древностей Украины (изъ этой суммы на экскурсіи и др. расходы по описанію древностей Украины издержано было 503 руб. 26 к. и въ остаткѣ имѣется для той же цѣли 146 руб. 74 к.); и 2) отъ дѣйств. чл. Ласкина на изданіе словаря древностей Константинополя—100 руб.

лишне прибавить, что особо избранная, согласно § 42 устава, Ревизіонная комиссія, въ составѣ 3-хъ лицъ (Ю. А. Кулаковскаго, О. И. Левицкаго и Н. В. Стороженка), произвела 20 октября повѣрку отчето о движеніи суммъ и ревизію библіотеки и нашла все „въ полномъ и образцовомъ порядкѣ".

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Обратимся теперь къ краткимъ свѣдѣніямъ о научной дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца. Дѣятельность эта выразилась въ отчетномъ году, главнымъ образомъ, въ нижеслѣдующемъ: во 1-хъ, въ устройствѣ частныхъ или очередныхъ засѣданій, въ которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества; во 2-хъ, въ печатаніи свѣдѣній о засѣданіяхъ Общества, его научныхъ трудовъ и историческихъ матеріаловъ и, въ 3-хъ, въ участіи многихъ членовъ Общества, во главѣ съ его предсѣдателемъ, въ трудахъ по описанію древностей Украины, предпринятому по иниціативѣ предсѣдателя Московскаго археологическаго Общества гр. Уваровой и на средства означеннаго сейчасъ Общества.

Всѣхъ засѣданій Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ отчетномъ году, по настоящій день включительно, было 14; изъ нихъ 12 частныхъ или очередныхъ, въ которыхъ читались и обсуждались рефераты членовъ, 1—экстренное (26 мая), посвященное памяти знаменитаго русскаго историка, литератора и журналиста Ник. Мих. Карамзина по случаю истекшаго 22 мая текущаго года 75-ти лѣтія со дня кончины Карамзина, и, наконецъ, 1 (сегодняшнее) — торжественное годичное.

Въ 12-ти очередныхъ и экстренномъ—Карамзинскомъ засѣданіяхъ доложено было 27 научныхъ сообщеній, изъ которыхъ 26 принадлежали нижеслѣдующимъ 18-ти почетн. и дѣйствит. членамъ: Н. П. Василенку, Е. И. Де-Витте, П. В. Голубовскому (2 сообщенія), Н. П. Дашкевичу (3 сообщенія), В. З. Завитневичу, И. М. Каманину (3 сообщенія), Ю. А. Кулаковскому (2 сообщенія), А. М. Лазаревскому, О. И. Левиц-

кому. А. М. Лободѣ (3 сообщенія), Н. Н. Оглоблину, Н. Н. Петрову, А. І Степовичу, Ѳ. И. Титову (2 сообщенія), Фотинскому, В. А. Чаговцу, В. И. Щербинѣ и М. Н. Ясинскому. На долю нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ лицъ приходилось 2 и даже 3 реферата. Кромѣ того, одно сообщеніе, а именно, о юношеской идилліи Гоголя было сдѣлано постороннимъ посѣтителемъ, стипендіатомъ по каѳедрѣ западныхъ литературъ, И. В. Шаровольскимъ.

Въ виду того, что отчеты о сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ Общества докладахъ печатались своевременно въ мѣстныхъ газетахъ, а болѣе подробно и обстоятельно въ издаваемыхъ Обществомъ „Чтеніяхъ", считаемъ совершенно излишнимъ утруждать вниманіе присутствующей публики даже краткимъ перечнемъ содержанія означенныхъ докладовъ и ограничимся лишь классификаціей ихъ по предметамъ, каковыхъ доклады эти касались.

Изъ упомянутыхъ 27 рефератовъ отчетнаго года относятся: къ археологіи 3, къ исторіи древней и новой Русской литературы 4, къ исторіи Западно-Русскаго государства 1, къ исторіи Малороссіи XVII—XVIII в.в. 3, къ новѣйшей Русской исторіи 4. Кромѣ того изслѣдованію древнихъ памятниковъ письменности и обозрѣнію историческихъ матеріаловъ посвящено было 3 сообщенія, библіографическому обозрѣнію и критическимъ замѣчаніямъ по поводу вышедшихъ научныхъ трудовъ 2 доклада, и, наконецъ, 4 сообщенія посвящены были Карамзину и Гоголю.

2. Въ отчетномъ году Общество наше продолжало печатать труды своихъ членовъ, а равно представленные ими исторические матеріалы въ издаваемыхъ Обществомъ „Чтеніяхъ", которые еще въ 1900 г. вступили въ новую фазу своего существованія, а именно, стали выходить ежегодно въ видѣ 3 выпусковъ, въ объемѣ каждый въ 10—12 листовъ, вмѣсто одной хотя и объемистой книги, издававшейся въ предшествовавшіе годы. Сообщая объ этомъ въ прошлогоднемъ отчетѣ, мы сдѣлали нижеслѣдующую прибавку: Совѣтъ Общества и Редакціонный Комитетъ, во главѣ съ предсѣдателемъ Общества,

льстятъ себя надеждой, что въ ближайшемъ будущемъ явится возможность увеличить число выпусковъ; теперь мы можемъ констатировать, что упомянутымъ надеждамъ суждено было сбыться: съ весны настоящаго года, а именно, съ XV кн. „Чтеній", печатный органъ Общества сталъ выходить въ количествѣ 4-хъ выпусковъ, т. е., другими словами въ видѣ историческаго трехмѣсячника.

Издательская дѣятельность Общества въ теченіе отчетнаго года выразилась въ частности въ нижеслѣдующемъ. Въ январѣ текущаго года былъ выпущенъ въ свѣтъ 3-й и послѣдній выпускъ XIV кн. „Чтеній"; весною вышелъ 1-й выпускъ XV-ой книги. 1-го сентября—2-ой выпускъ той же книги, а нынѣ законченъ печатаніемъ и скоро будетъ разосланъ—3-й выпускъ XV книги, за которымъ не замедлитъ послѣдовать 4-ый, т. е. заключительный, выпускъ означенной книги, такъ какъ часть его уже отпечатана.

Всѣ перечисленные выпуски состоятъ изъ 5-ти отдѣловъ; 1) лѣтописи Общества, 2) изслѣдованій, 3) историческихъ матеріаловъ, 4) отдѣла критико-библіографическаго и 5) замѣтокъ и извѣстій.

Помимо означенныхъ выше обычныхъ главнѣйшихъ формъ научной дѣятельности Общества, эта послѣдняя выразилась также въ трудахъ по обозрѣнію и описанію памятниковъ южно-русской старины. Мы уже имѣли случай упомянуть въ прошлогоднемъ отчетѣ, что, по просьбѣ предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества гр. П. С. Уваровой, Общество Нестора-лѣтописца выдѣлило изъ своей среды особую коммиссію, принявшую на себя предварительные труды по изданію „Древностей Украины". Желая по возможности собрать отовсюду свѣдѣнія о сохранившихся памятникахъ южно-русской старины, коммиссія выработала и съ разрѣшенія епархіальнаго и мѣстнаго высшаго учебнаго начальствъ, за что Общество считаетъ долгомъ выразить имъ свою искреннюю признательность, разослала всѣмъ священникамъ и учителямъ народныхъ школъ края вопросные пункты. Хотя, къ сожалѣнію, не всѣ настоятели приходовъ откликнулись на призывъ дать

нужныя свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе получены уже многія сотни отвѣтовъ на разосланные вопросы. Пріобрѣтенныя указаннымъ путемъ свѣдѣнія, приводимыя нынѣ въ порядокъ, и послужатъ важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ осуществленія задуманнаго изданія, а равно укажутъ, куда именно слѣдуетъ направиться лицамъ, взявшимъ на себя трудъ ближайшаго ознакомленія съ памятниками старины и описанія ихъ. Въ отчетномъ году археологическія экскурсіи съ указанной цѣлью совершили дѣйств. чл. И. М. Каманинъ, О. И. Левицкій, Н. Ѳ. Бѣляшевскій, В. И. Щербина, М. П. Истоминъ, священ. Е. І. Сѣцинскій и В. Н. Доманицкій. Какъ видно изъ представленныхъ отчетовъ, первый изъ упомянутыхъ лицъ обозрѣлъ и описалъ памятники старины въ Таращанскомъ и Чигиринскомъ уѣздахъ, а второй—въ Бердичевскомъ, Васильковскомъ и Уманскомъ уѣздахъ. Означенныя экскурсіи эти были совершены отчасти на средства, ассигнованныя Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, а отчасти на личныя средства экскурсантовъ. Отчеты другихъ экскурсантовъ постепенно получаются и своевременно будутъ доложены въ засѣданіяхъ Общества.

Чтобы исчерпать краткія свѣдѣнія о научной дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца въ истекающемъ отчетномъ году, мнѣ остается еще упомянуть, что наше Общество рѣшило устроить торжественное чествованіе, посвященное памяти великаго русскаго писателя Н. В. Гоголя.

Какъ извѣстно, 21 февраля 1902 г. истекаетъ 50 лѣтъ со дня смерти Н. В. Гоголя.

Чтобы надлежащимъ образомъ почтить память названнаго писателя, Общество Нестора-лѣтописца, по иниціативѣ предсѣдателя, почетнаго члена Н. П. Дашкевича, выдѣлило изъ своей среды особую „Гоголевскую“ коммиссію. Члены коммиссіи взяли на себя трудъ составленія сборника, посвященнаго Н. В. Гоголю, и выставки предметовъ, такъ или иначе связанныхъ съ памятью о Гоголѣ. Ко дню торжества означенный сборникъ предположено выпустить въ свѣтъ, выставку же открыть 20 февраля, послѣ панихиды по Гоголѣ въ Университетской

церкви. Вечеромъ же того же дня имѣетъ состояться торжественное засѣданіе Общества, въ которомъ будутъ произнесены соотвѣтственныя рѣчи. Кромѣ того, въ ближайшемъ времени Общество намѣрено открыть рядъ публичныхъ научныхъ лекцій, посвященныхъ Гоголю и его произведеніямъ.

Заканчивая краткій отчетъ о состояніи и дѣятельности нашего Общества сообщеніемъ о предстоящемъ торжествѣ, Историческое Общество Нестора-лѣтописца пользуется случаемъ выразить Императорскому университету Св. Владиміра при которомъ оно имѣетъ честь состоять, а равно и представителю Университета—его ректору и поч. чл. Общества Ѳ. Я. Фортинскому свою глубокую благодарность за ту значительную денежную субсидію (500 руб.), которая назначена Университетомъ нашему Обществу на предметъ устройства Гоголевскаго торжества".

Затѣмъ

б) Предсѣдатель Общества, поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** произнесъ рѣчь, посвященную выясненію „*Литературныхъ стремленій XIX вѣка*" (будетъ напечатана въ XVII книгѣ „Чтеній)".

Отдѣлъ II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго.

„Теды тежъ и Россіа Петра Саидачного
„Подасть людемъ въ памятку вѣку потомного".

(изъ „Виршей" Кас. Саковича).

Исторія козачества до настоящаго времени разработана не въ одинаковой степени. Болѣе обстоятельно изслѣдованъ лишь періодъ отъ половины XVII и почти до половины XVIII в.: періоды же начальный и конечный ждутъ еще своей очереди: несомнѣнно, конечный періодъ будетъ представленъ во всѣхъ своихъ сторонахъ, благодаря обилію матеріала и въ русскихъ и въ польскихъ архивахъ; въ начальномъ же періодѣ многіе вопросы могутъ быть рѣшены лишь съ нѣкоторой, болѣе или менѣе близкой къ истинѣ, вѣроятностью. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ и вопросъ о событіяхъ въ гетманство „зацного рыцера" Петра Конашевича Сагайдачнаго, событіяхъ, о которыхъ мы поведемъ рѣчь.

§ 1.—Южно-русское козачество, зародившись вскорѣ послѣ татарскаго нашествія, въ миѳическій періодъ своей исторіи и въ эпоху литовскихъ князей, было поглощено одной заботой—улаженіемъ своихъ мирныхъ отношеній къ татарамъ;

однако, стремленіе русской колонизаціи все далѣе къ югу вызывало татарскіе набѣги, на которые козачество отвѣчало походами на Крымъ и даже на Константинополь.

Люблинская унія 1569 г. измѣнила жизнь Южной Руси и поставила козачеству новыя задачи. Русское населеніе не могло примириться съ новыми порядками, которые стало вводить польское правительство; тяжеле всего прививался къ населенію новый сословный строй и новыя экономическія отношенія между шляхетствомъ и народной массой; старое русское боярство должно было отказаться отъ прежняго привилегированнаго положенія, съ потерей котораго оно теряло и свои земли, переходившія теперь въ руки польскихъ магнатовъ или тяготѣвшей къ Польшѣ русской знати. Населеніе, недовольное нарушеніемъ старыхъ „правъ вольныхъ, христіанскихъ, добрыхъ, справедливыхъ“ и введеніемъ непріятныхъ и чуждыхъ ему „новинъ“, стало двигаться еще далѣе на югъ или выступать на борьбу съ польскими панами. Отношенія къ татарамъ и полякамъ обострились вслѣдствіе этого; взаимныя нападенія стали ожесточеннѣе и чаще.

Борьба съ польскими панами открывается возстаніемъ Криштофа Косинскаго и продолжается Наливайкомъ и Лободой; окончилась эта борьба, какъ извѣстно, пораженіемъ козачества и казнью гетмановъ. Южная Русь должна была смириться, тѣмъ болѣе что и преемники Наливайка и Лободы были люди малоспособные и малоизвѣстные; они ограничивались мелкими походами на Крымъ, участіемъ въ шведской войнѣ и московской смутѣ да грабежами внутри своей же страны. Таковы были Христофоръ Печковскій (1596 г.), Тихонъ Байбуза (1597—98 гг.), Полоусъ (1598 г.), Самуйло Кошка, Иванъ Куцковичъ, Иванъ Косой[1]), Гаврило Куртневичъ[2]) и Григорій Изаповичъ (1606 г.)[3]).

[1]) Матеріалы для исторіи возсоед. Руси, т. I, стр. 45—81 („Бурколабовская хроника“). — Listy Stanisława Żołkiewskiego, Краковъ 1868, стр. 82, 86—90.

[2]) М. А. Максимовичъ: „Сказаніе о Сагайдачномъ“ въ Полн. Собр. соч. т. I, стр. 336—357.

[3]) Арх. Ю.-З. Рос.. ч. III. т. I, стр. 152.

Украина ждала своего вождя и устроителя, и въ 1605 году онъ заявилъ о себѣ; по обычаю онъ началъ войной; грянулъ страшный бой: козаки разорили турецкій городъ Варну. О походѣ козаковъ на Варну, сообщаетъ въ „Исторіи Малой Россіи" Н. Бантышъ-Каменскій, [1]) ссылаясь на Миллера и Энгеля и оговариваясь, однако, что имя козацкаго вождя неизвѣстно; издатели „Историческихъ пѣсенъ Малорусскаго народа", проф. В. Антоновичъ и М. Драгомановъ, [2]) приписываютъ этотъ походъ Сагайдачному. Въ виду достигнутаго козаками блестящаго успѣха (тогда они ограбили и сожгли городъ, перебили много жителей и захватили десять турецкихъ галеръ) можно, пожалуй, думать, что это былъ первый успѣхъ Сагайдачнаго; чувствуется дѣйствительно сильная рука новоизбраннаго вождя. Въ 1606 году еще болѣе тяжелый ударъ былъ нанесенъ имъ Кафѣ (теперь Ѳеодосія), гдѣ томилось много плѣнниковъ-христіанъ и гдѣ они продавались на невольничьемъ рынкѣ. Побѣда эта стоила туркамъ потери 14000 человѣкъ и сожженія и потопленія многихъ каторгъ. Относительно времени нападенія козаковъ на Кафу южно-русскіе историки не сходятся въ своихъ мнѣніяхъ; такъ, напр., Н. Бантышъ-Каменскій относитъ этотъ фактъ къ 1612 г., неизвѣстно почему оказывая однимъ лѣтописямъ большее довѣріе, чѣмъ другимъ. М. Максимовичъ сначала годомъ взятія Кафы считалъ 1616-й, основываясь на книгѣ „Вѣршѣ", напечатанной въ 1622 году въ лаврской типографіи въ Кіевѣ и заключающей въ себѣ надгробные стихи, сочиненные тогда же ректоромъ братской школы Кассіаномъ Саковичемъ и произнесенные студентами при погребеніи Сагайдачнаго; въ этой книгѣ находится изображеніе взятія Кафы; по сторонамъ изображенія означена дата; вслѣдствіе позднѣйшей приписки къ этой датѣ славянской цифры ѳ получился 1616-й годъ; ошибку М. Максимовичъ впослѣдствіи обнаружилъ и исправилъ; но

[1]) Ист. Мал. Россіи, т. I, стр. 161, Москва 1842 (3-е изданіе).

[2]) Историч. пѣсни Малорус. народа, т. II, стр. 245.

Н. Костомаровъ этой поправкой не воспользовался и продолжалъ относить дату событія къ 1616 г.; между тѣмъ настоящая дата правильно означена не только въ книгѣ „Вѣршѣ“, но и у многихъ козацкихъ лѣтописцевъ. „Исторія Руссовъ“, приписываемая Георгію Конисскому, помѣщаетъ разореніе Кафы подъ 1613 годомъ, дополняя картину этого разоренія подробностями о побѣдѣ козаковъ надъ турками подъ г. Козловымъ и надъ татарами въ Южной Руси у Конскихъ Водъ на обратномъ пути изъ похода.

Въ обоихъ указанныхъ нападеніяхъ предводительствовалъ молодой кошевой атаманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный; ими онъ упрочилъ за собой славу великаго полководца своего времени, которая осталась за нимъ неомраченной до самой его смерти.

Съ этого момента, говоритъ покойный И. Срезневскій, начинается военная слава запорожцевъ. Къ сожалѣнію, начало этой славы не можетъ быть представлено обстоятельно вслѣдствіе недостатка положительныхъ историческихъ данныхъ: народныя думы забыты; лѣтописцы болѣе ранніе не дошли до насъ, а болѣе поздніе сообщаютъ непровѣренныя и противорѣчивыя извѣстія; самый же точный историческій источникъ— древнія актовыя книги — пострадалъ отъ времени и войнъ и сохранился въ ограниченномъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе, и то, что уцѣлѣло, дастъ возможность представить и личность Сагайдачнаго и событія его гетманства въ болѣе яркомъ освѣщеніи.

§ 2. Время рожденія Сагайдачнаго неизвѣстно; краткія же біографическія свѣдѣнія о немъ мы находимъ въ „Вѣршахъ“, читавшихся кіевскими студентами при погребеніи гетмана: [1]) онъ родился въ окрестностяхъ Перемышля въ Подгорьи (по словамъ І. Ерлича, въ Самборѣ) въ православной семьѣ околичнаго, какъ предполагаютъ, шляхтича. „Вѣршѣ“ говорятъ далѣе, что онъ получилъ образованіе въ Острожской школѣ, пробывъ

[1]) Ист. Кіев. Дух. Акад. С. Голубева, вып. 1 й, стр 17—40, приложеніе.

въ ней „часъ не малый“: мы не знаемъ также, какіе годы провелъ здѣсь Сагайдачный, но, судя по тому, что его „молодыя лѣта“, проведенныя въ г. Острогѣ, совпадаютъ съ тѣмъ временемъ, когда тамъ науки „квитли“, можно думать, что это было въ 80—90-хъ годахъ XVI столѣтія, когда школа достигла наибольшаго разцвѣта, когда тамъ собрались лучшія умственныя силы, когда тамъ заведена была типографія и стали печататься труды мѣстныхъ ученыхъ; ко времени пребыванія Сагайдачнаго въ Острогѣ можетъ относиться и его сочиненіе: „Объясненіе объ уніи“, названное канцлеромъ Львомъ Сапѣгой „предрагоцѣннымъ сочиненіемъ“. Оно могло быть написано лишь послѣ 1596 года, когда унія была провозглашена, но не дошло до насъ ни въ печати, ни въ рукописи, и было, вѣроятно, его студенческой работой; намъ извѣстны теперь труды нѣсколькихъ студентовъ Острожской школы, а одно изъ нихъ даже напечатано проф. А. И. Соболевскимъ въ „Чтеніяхъ“ Общества Нестора-лѣтописца [1]), именно, „Похвала Исаіѣ Балабану“.

Время избранія Сагайдачнаго въ гетманы также неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, относить это избраніе ни къ 1598 г., какъ предполагалъ покойный М. Максимовичъ въ своемъ „Изслѣдованіи“, ни къ 1601 г., какъ онъ же, вопреки себѣ, высказалъ объ этомъ догадку въ „Сказаніи“, при имѣющихся теперь данныхъ, нельзя уже.[2]) Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что послѣ Наливайка и Лободы гетманская булава находилась въ рукахъ восьми лицъ, названныхъ нами выше, изъ которыхъ послѣднимъ былъ Григорій Изаповичъ: универсалъ его, извѣщающій обывателей о предполагавшемся въ декабрѣ 1606 г. нападеніи татаръ, занесенъ въ актовыя книги подъ 20-мъ января 1607 года. [3]) Вѣроятнѣе будетъ поэтому пред-

[1]) Чтенія въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. VIII. отд. III.
[2]) Полн. собр. сочиненій, т. I, стр. 336 и 358.
[3]) Архивъ Юго Запад. Россіи, ч. III, т. I, стр.152.

полагать, что первые военные успѣхи Сагайдачнаго доставили ему въ 1606 г. и высокое званіе гетмана всего Малороссійскаго козачества, хотя вступленіе его въ ряды русскаго рыцарства могло имѣть мѣсто ровно 300 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1601 г. Наше предположеніе подтверждаютъ и „Вѣршѣ“, свидѣтельствующіе, что Сагайдачный только „чрезъ часъ немалый жиючи“ въ Запорожьи „и рицерскихъ дѣлностей тамъ доказуючи, гетманомъ потомъ собѣ войско го обрало“. Избраніе Сагайдачнаго въ гетманы именно въ 1606 году точно опредѣлено біографомъ и современникомъ его Кассіаномъ Саковичемъ въ „Вѣршахъ“. Саковичъ, само собой разумѣется, не могъ ошибаться въ опредѣленіи этого времени и потому заслуживаетъ полнаго довѣрія. Излагая главные факты жизни и дѣятельности Сагайдачнаго, Саковичъ не говоритъ однако о томъ, чтобы власть этого гетмана прерывалась; онъ, напротивъ, даетъ представленіе о ней, какъ о непрерывной и долгой. Между тѣмъ изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ гетманство Сагайдачнаго, т. е. съ 1606 по 1622 г., встрѣчаются имена и другихъ гетмановъ, именно: Григорія Тискиневича подъ 1610, [1]) Дмитрія Богдановича Барабаша подъ 1617 г. [2]) и Якова Нородича Бородавки подъ 1620—21 годомъ. [3]) Какъ же согласить теперь эти противорѣчія? Еще въ своей работѣ о „Козачествѣ до Богдана Хмельницкаго“ [4]) мы указали на то, что въ концѣ XVI и началѣ XVII в. гетманская власть находилась въ періодѣ своего развитія, и развитіе тогда ея еще не завершилось; съ одной стороны, гетманами именовались и гетманы всего козачества и кошевые атаманы Запорожья; съ другой, между польскимъ правительствомъ и козачествомъ шла постоянная борьба

[1]) Акты Южной и Запад. Рос., т. II, стр. 66—67.

[2]) Кіев. Стар. 1883 г., № 5, стр. 140—145.

[3]) Лѣтопись Сам. Величка, т. IV, 6 и 13 прилож.—Якова Собѣскаго: Ист. Хотин. войны, въ Мем. по исторіи Южной Россіи, вып. II., стр. 40—125.—Listy St. Żołkiewskiego“, стр. 146.

[4]) Чтенія въ Общ. Нестора-лѣтоп., кн. VIII, отд. II, 57—116.

изъ-за права избранія и назначенія гетмана; въ то время какъ козачество старалось это право удержать за собой, польское правительство, напротивъ, въ своихъ договорахъ съ нимъ всегда настаивало на томъ, чтобы козачество принимало „старшого," назначеннаго коронным гетманомъ; постоянно волновавшееся козачество, въ свою очередь, часто мѣняло своихъ избранниковъ; слѣдствіемъ этой борьбы было то, что одновременно появлялось нѣсколько гетмановъ. Какимъ путемъ достигли этого званія и почему лишились его Тискиневичъ и Барабашъ, мы не имѣемъ свѣдѣній; но объ Яковѣ Неродичѣ (Неродовичѣ, въ „Listach St. Zolkiewskiego", стр. 146) Бородавкѣ находимъ подробности у Жолкѣвскаго и Собѣскаго. Въ первый разъ Бородавку избрали въ 1620 г. взбунтовавшіеся, выписанные изъ реестра, козаки въ то время, когда самъ Сагайдачный ходилъ съ нѣсколькими тысячами избранныхъ козаковъ подъ Перекопъ: Бородавка заявлялъ своимъ избирателямъ, что онъ „не только на море, но въ самое пекло" готовъ идти съ козаками; во второй разъ онъ былъ избранъ подъ Хотиномъ, когда козаки думали, что Сагайдачный убитъ или попалъ въ плѣнъ. Этого опаснаго соперника Сагайдачный нашелъ болѣе удобнымъ и спокойнымъ для себя казнить. Въ числѣ другихъ современныхъ Сагайдачному гетмановъ могли быть или кошевые атаманы или „старшіе", поставленные Полыней. Въ виду сказаннаго, мы, слѣдуя Саковичу, и считаемъ гетманство Сагайдачнаго съ 1606 по 1622 г.

§ 3. Обозрѣвая дѣятельность Сагайдачнаго, мы стараемся показать ниже, что своей главной задачей уже въ первые годы своего гетманства онъ поставилъ то, что удалось довершить впослѣдствіи лишь Хмельницкому, именно—„свободити Русскій народъ отъ подданства и ярма работническаго", или, какъ говоритъ Саковичъ, „вольности набыти".

Но въ началѣ XVII вѣка силы козачества были еще очень слабы, а Польша, наоборотъ, весьма могущественна и

задумывала слить съ собой не только Южную Русь, но и Сѣверо-восточную. Отъ Сагайдачнаго требовалась сила генія, чтобы понять окружавшія его условія политической и экономической жизни и найти средства къ выходу на волю Русскаго народа; требовалась и необъятная сила энергіи, чтобы привести въ исполненіе намѣченныя цѣли. Уяснить себѣ эти средства и цѣли геніальнаго вождя козачества мы попытаемся, разсмотрѣвъ важнѣйшія событія времени его гетманства.

§ 4. Нами выше было указано уже на то, что выступленіе свое на историческое поприще Сагайдачный ознаменовалъ двумя блестящими побѣдами у Варны и Кафы. Турецкое правительство всегда считало поляковъ отвѣтственными за дѣйствія козаковъ и за ихъ набѣги отвѣчало такими же опустошительными набѣгами на южныя окраины Рѣчи-посполитой. И дѣйствительно, въ актовыхъ книгахъ Центральнаго архива нашего университета мы находимъ универсалы короля Сигизмунда III къ обывателямъ Кіевскаго воеводства о принятіи скорѣйшихъ мѣръ противъ готовящихся набѣговъ татаръ и противъ вторженія козаковъ въ турецкіе предѣлы: универсалы эти записаны подъ 4-мъ іюля и 22 ноября 1605 г. [1]).

Другимъ своимъ универсаломъ отъ 12 января 1606 г., король созываетъ уже обывателей въ посполитое рушеніе противъ татаръ [2]). Въ декабрѣ 1606 г. о новомъ набѣгѣ предупреждаетъ, какъ мы уже сказали, козацкій гетманъ Григорій Изановичъ[3]). На этотъ разъ Польша успѣла предотвратить набѣгъ; 4 іюля 1607 г. она заключила перемиріе съ Турціей, обязавшись усмирить козаковъ и не допускать ихъ „загоновъ“ [4]). Но она не въ силахъ была выполнить условія этого перемирія; строгія сеймовыя конституціи 1607 и 1609 гг. оста-

[1]) См. Приложенія №№ I и II.

[2]) Ibid, № III.

[3]) Арх. Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. I, стр. 152.

[4]) Collectanea z dzijopisow tureckich przez I. I. Sękowskiego, I. стр. 123—125.

вались недѣйствительными и цѣли не достигали: козаки какъ разъ въ это время разорили Очаковъ и Перекопъ[1]).

Въ концѣ 1608 или въ началѣ 1609 г. козаки сдѣлали, надо полагать, набѣгъ на берега Анатоліи, предавая все на своемъ пути огню и мечу, потому что, вслѣдъ за этимъ, именно 11 апрѣля 1609 г., Сигизмундъ III понуждаетъ короннаго и литовскаго гетмановъ и украинскихъ старостъ своимъ универсаломъ о принятіи надлежащихъ мѣръ къ прекращенію своеволія со стороны разнаго рода людей, собирающихся въ хоругви и нападающихъ на сосѣднія государства[2]).

Въ періодъ 1612—1613 гг. козачество и Сагайдачный были заняты внутренними смутами въ Молдавіи и Валахіи, въ которыхъ приняли участіе и Турція, и Польша, и Венгрія; въ это время запорожцы заняли королевскія имѣнія, пользовались въ нихъ продовольствіемъ и собирались вторгнуться въ Валахію. Король удерживаетъ ихъ отъ этого и приказываетъ въ универсалѣ своемъ отъ 21 декабря 1613 г.[3]) возвратиться на свои мѣста. Въ то же время козаки столкнулись съ татарами, вторгнувшимися въ запорожскія владѣнія, и одержали надъ ними побѣду на р. Самарѣ, какъ отмѣчаетъ этотъ фактъ Максимовичъ, заимствуя его изъ „Исторіи руссовъ“ Конисскаго.

Въ 1614 году козаки разорили Синопъ, цвѣтущій городъ Анатоліи; разореніе было такъ жестоко, что привело въ ужасъ всю Турцію; жертвы и убытки были неисчислимы[4]). Турки грозили Польшѣ войной за эти разоренія.

Въ 1615 г. козаки выжгли окрестности Константинополя и напугали самого падишаха; возвращаясь, назадъ подъ Очаковымъ они сожгли турецкія суда[5]).

Въ 1616 году участи Синопа подвергся Трапезунтъ[6]).

---

[1]) Маркевичъ I. 103.
[2]) См. Прилож. № IV.
[3]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. III, т. I, стр. 190—192.
[4]) Collectanea p. Sękowskiego, стр. 126.
[5]) Н. И. Костомаровъ: „Богданъ Хмельн.“ I, 68.
[6]) ibid., стр. 64.

Смѣлость, быстрота и разрушительность этихъ набѣговъ превосходитъ всякія описанія; такой силы они не имѣли ни до, ни послѣ Сагайдачнаго и должны быть приписаны его военному генію. Они подняли всю Турцію на ноги. Огромныя полчища двинулись въ Подолію. Польскія войска не рѣшились вступить съ ними въ бой, и предводитель ихъ Жолкѣвскій просилъ мира; 26 сентября 1617 года въ Бушѣ между Турціей и Польшей заключено перемиріе.[1]) Въ 1619 г., какъ сообщаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Жолкѣвскій, козаки подъ начальствомъ Сагайдачнаго ходили подъ Перекопъ и возвратились съ побѣдой [2]). Цецорская битва 1620 г. была вызвана не только козацкими нападеніями, но и политикой самой Польши, вмѣшавшейся въ молдавскія дѣла; польское войско понесло жестокое пораженіе; много погибло и взято въ плѣнъ польской знати; здѣсь же былъ убитъ и отецъ Богдана Хмельницкаго, находившійся при Жолкѣвскомъ съ небольшимъ отрядомъ козаковъ. Палъ въ этой битвѣ и Жолкѣвскій.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что козаки принимаютъ участіе въ отраженіи турокъ, когда тѣ являются въ польскіе предѣлы, неохотно и въ незначительномъ числѣ, какъ будто только для того, чтобы ихъ не обвиняли въ союзѣ съ турками: самъ же Сагайдачный ни подъ Бушу въ 1617 г., ни подъ Цецору въ 1620 г. не идетъ, и въ цитированномъ нами выше письмѣ Жолкѣвскій пишетъ, что онъ ничего не знаетъ о многочисленныхъ войскахъ, которыя лишь обѣщаетъ въ своемъ универсалѣ Сагайдачный. Не хотѣлъ онъ идти и подъ Хотинъ въ 1621 г., какъ показываетъ изданная проф. В. Б. Антоновичемъ лѣтопись кіевскаго мѣщанина Божка Балыки, сына кіевскаго войта.[3]) Бывшему тогда въ Кіевѣ патріарху Ѳеофану надо было „широкими словы“ „мовить“, „упоминать“ и просить Сагайдачнаго, чтобы онъ, „со всею охотою и со всею своей силой“, „чинилъ бы“ „кривавый наступъ“ „подъ непріятеля Бо-

[1]) Н. И. Костомаровъ: Богд. Хмельн., I, стр. 65 и 66.

[2]) Listy St. Zołkiewskiego, стр. 146.

[3]) Сборникъ лѣтописей, стр. 87—90.

жого и хрестіанскаго“: но гетманъ только тогда позволилъ себя убѣдить, только тогда обѣщалъ идти противъ турокъ, когда и патріархъ Ѳеофанъ въ письмѣ, и королевскій посолъ Бартломей Обалковскій на словахъ дали увѣреніе въ томъ, что король своимъ „консенсомъ“ новопосвященныхъ митрополита и епископовъ для православной церкви „змоцнитъ и обваруетъ“. Какъ извѣстно, Сагайдачный не дождался этихъ утвердительныхъ „привилеевъ“, хотя король въ грамотѣ отъ 16 января 1622 года обѣщалъ даровать козакамъ правъ и вольностей въ-десятеро больше того, что пожаловалъ имъ король Стефанъ Баторій:[1]) въ апрѣлѣ того же года гетманъ умеръ отъ раны, полученной подъ Хотиномъ.

Разсматривая отношенія Сагайдачнаго къ Турціи, мы видимъ, что своими яростными нападеніями на нее онъ какъ бы дѣлаетъ усиліе поднять ее противъ Польши: когда же въ ея предѣлахъ турки появляются, гетманъ старается уклониться отъ участія въ войнѣ противъ нихъ и предоставляетъ туркамъ разбить поляковъ и тѣмъ ослабить силы государства, что было въ интересахъ козачества: и дѣйствительно, Польша или проситъ мира у Турціи или несетъ пораженіе: и только участіе Сагайдачнаго въ 1621 г. ради интересовъ православія приноситъ побѣду. Такое отношеніе Сагайдачнаго къ Турціи показываетъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать послѣднюю противъ ея воли своей союзницей въ борьбѣ съ Польшей, такъ какъ осуществить это намѣреніе мирнымъ путемъ онъ былъ не въ силахъ вслѣдствіе глубоко-враждебнаго настроенія козачества противъ мусульманъ: попытки Сагайдачнаго въ этомъ направленіи, т. е. попытки вступить въ союзъ съ Турціей, разбились бы о противодѣйствіе козацкой массы: быть можетъ, они то и приводили къ тому, что козаки выбирали себѣ другого гетмана: такъ они выбрали себѣ гетманомъ Бородавку, „готоваго идти не только на море, но даже въ самое пекло;“ это же обстоятельство

[1]) Сам. Величко, т. I. Приложеніе. стр. 40 и 41.

быть можетъ было причиной избранія и Тискиневича въ 1610 и Барабаша въ 1617 гг.: „неоднократно уже волею большинства онъ (Сагайдачный) едва не былъ лишаемъ верховнаго предводительства надъ Запорожскимъ войскомъ", говоритъ Яковъ Собѣскій[1])

§ 5. Совершенно иными являются отношенія Сагайдачнаго къ Москвѣ. Съ самаго начала смутъ въ Московскомъ государствѣ и до совершеннаго ихъ прекращенія, онъ не принимаетъ лично никакого участія въ нихъ и съ лучшей и благомыслящей частью козачества держится въ сторонѣ или какъ бы умышленно увлекаетъ его въ морскіе походы противъ татаръ и турокъ. Извѣстное же участіе Сагайдачнаго въ Московскомъ походѣ 1618 г. королевича Владислава должно быть поставлено въ связь съ его внутренней политикой, какъ увидимъ далѣе, и объяснено, съ одной стороны, надеждой гетмана заслужить расположеніе короля и добиться улучшенія положенія православныхъ; съ другой, онъ могъ имѣть въ виду показать Московскому правительству выгодность для него союза съ сильнымъ козачествомъ.

Несмотря однако на то, что козаки, благодаря генію своего вождя, оказали великую услугу полякамъ и спасли королевича, надежды ихъ оказались тщетными и неоправдавшимися. Тогда только, именно въ 1620 г., Сагайдачный рѣшается прямо обратиться къ царю и просить его принять козаковъ на свою царскую службу; хлопотать объ этомъ посланъ былъ Петръ Одинецъ. Въ Москвѣ посольство было обласкано, но предложеніе гетмана отклонено; выдано лишь „лехкое царское жалованье 300 рублевъ денегъ"; однако, путивльскіе воеводы, пропустившіе козацкихъ пословъ въ Москву, получили строгій выговоръ; имъ было приказано „впредь такихъ великихъ дѣлъ безъ указу не дерзать", „порухи дѣламъ не чинить" и „такъ не глупить" изъ опасенія „великой опалы".[2])

[1]) Мемуары, вып. II, стр. 60.

[2]) Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, стр. 89—10).

Весьма возможно, что посольство Сагайдачнаго въ Москву окончилось неудачей вслѣдствіе также того положенія, которое занялъ въ этомъ дѣлѣ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, гостившій тогда у царя. Сагайдачный разсчитывалъ на поддержку Ѳеофана: между тѣмъ союзъ козаковъ съ царемъ былъ вовсе не въ интересахъ патріарха: царь не собирался воевать съ турками: Московское государство послѣ внутренней смуты не успѣло еще достаточно окрѣпнуть для этого, тогда какъ Польша вынуждена была на войну съ Турціей козацкими походами: патріархъ поэтому и старается привлечь на свою сторону козаковъ, посвящая тайно для православныхъ митрополита и епископовъ, и склонить ихъ къ союзу съ Польшею противъ „непріятеля Божого и христіанскаго“: въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ согласно съ польскимъ посломъ, обѣщающимъ королевскіе „привилеи“ для православныхъ іерарховъ: патріархъ же, конечно, надѣялся ослабленіемъ Турціи достичь улучшенія положенія христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи. Въ полемическомъ сочиненіи: „Werifikacya niewinnosci,“ изданномъ въ 1621 г. Виленскимъ православнымъ братствомъ, разсказывается, что когда Сагайдачный, мучимый будто бы укорами совѣсти за пролитую христіанскую кровь во время Московскаго похода 1618 г., просилъ у патріарха отпущенія этого грѣха, то патріархъ, „съ облитымъ слезами лицомъ“, доказывалъ гетману обычными въ такихъ случаяхъ доводами, что въ этомъ походѣ нѣтъ никакого грѣха и что, наконецъ, этотъ грѣхъ легко загладится войною съ невѣрными въ союзѣ съ польскимъ королемъ[1]).

Изъ изложеннаго, намъ кажется, ясно, что Сагайдачный, оберегая Москву отъ козацкихъ походовъ, видѣлъ въ ней естественную и единственную союзницу Малорусскаго народа въ борьбѣ его противъ полонизаціи и окатоличенія и въ гетманской заботѣ о томъ, что бы малороссы не „обляшились“ и не стали „унѣйщиками“.

[1]) Арх. Юго-Зап. Рос.; ч. I. т. 7-й. стр. 340.

§ 6. Ведя открытую борьбу съ турками и татарами, избѣгая столкновенія съ Московскимъ государствомъ, Сагайдачный по отношенію къ польскому правительству держитъ себя вполнѣ самостоятельно, внушая ему страхъ, но въ тоже время старается избѣгать такихъ возстаній, какія были подняты его предшественниками: Косинскимъ, Наливайкомъ и Лободой, и окончились съ ущербомъ для козачества: онъ могъ бояться неудачнаго исхода открытаго возстанія и потери всего того, что пріобрѣтало козачество путемъ упорной, непрерывной, все болѣе усиливавшейся партизанской борьбы.

Главнымъ средствомъ для успѣха въ такой борьбѣ съ польскимъ правительствомъ и шляхтой было увеличеніе количества козаковъ и занятіе ими селъ и городовъ; населеніе изгоняло владѣльцевъ, составляло изъ себя сотни и отдавалось подъ начальство Сагайдачнаго. Начиная съ 1607 и въ послѣдующіе годы, т. е. въ 1609, 1611, 1613, 1616, 1618, 1619 и 1620,[1]) сеймовыя конституціи заключаютъ въ себѣ постановленія, прямо или косвенно относящіяся къ козачеству; они бываютъ направлены то противъ собирающихся въ отряды своевольныхъ людей, то противъ ихъ нападеній и разоренія имѣній королевскихъ и частныхъ владѣльцевъ, то противъ козацкихъ набѣговъ на сосѣднія государства, особенно на Крымъ и Турцію, то противъ подчиненія городовъ козацкому суду и проч. Вся сумма этихъ постановленій ясно свидѣтельствуетъ и о количественномъ ростѣ козачества и о не прекращавшемся въ его средѣ движеніи.

Кромѣ общихъ оффиціальныхъ извѣстій сеймовыхъ конституцій о томъ, что козаки отказываются отъ подчиненія панамъ и старостамъ, мы находимъ и частныя; такъ, напр., коронный гетманъ Жолкѣвскій говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Козаки овладѣли всею Кіевскою украиной, господствуютъ во всемъ Приднѣпровскомъ краѣ; что хотятъ, то и дѣлаютъ“.[2]) По другому извѣстію, „жители селъ и городовъ въ

[1]) Vol. legum., т. II и III.
[2]) Н. Костомаровъ: „Богд. Хмельн.“, т. I. стр. 58.

бассейнахъ рѣкъ Тетерева и Ирпеня образовали козацкія сотни и признали себя составной частью южно-русскаго козачества"[1]).

Для доказательства роста козачества къ концу перваго 25-лѣтія XVII в. мы имѣемъ также и непререкаемыя цифры люстрацій. Изданіе и изслѣдованіе этихъ статистическихъ данныхъ г. А. П. Яблоновскимъ привело его къ заключенію о необычайно быстромъ увеличеніи козачества въ періодъ гетманства Сагайдачнаго; такъ напр., Косинскій въ 1594 г. едва могъ собрать 5000 козаковъ: Сагайдачный въ 1616—1622 выставлялъ ихъ уже въ 10 разъ больше; но и такое число козаковъ изслѣдователь считаетъ ниже ихъ дѣйствительнаго количества[2])

Это-то обстоятельство и давало Сагайдачному силу, позволяло ему дѣйствовать въ значительной степени независимо: хотя козацкій гетманъ не рѣшался объявлять открытую войну польскому правительству, тѣмъ не менѣе онъ находилъ возможнымъ заставлять польскихъ пановъ чувствовать себя въ постоянной опасности, и средствомъ для этого служила, какъ мы сказали, непрерывная партизанская война во все время гетманства Сагайдачнаго; въ 1617 и 1618 она принимаетъ очень широкіе размѣры, а въ 1619 г. Сагайдачный самъ становится въ главѣ козацкихъ силъ; но и въ этотъ крайній моментъ до кровопролитія не дошло: дѣло окончилось мирнымъ договоромъ. Начинаются же эти партизанскія войны какъ разъ съ избраніемъ въ гетманы Сагайдачнаго. Особенно упорно боролись въ 1607 Брацлавскіе и Корсунскіе мѣщане; конституція 1609 г. устанавливаетъ фактъ, что козаки продолжаютъ своеволіе и нападаютъ на города и замки; пользуясь войной Сигизмунда III съ Москвой, козаки продолжали разорять панскія имѣнія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, только что нами цитированномъ, гетманъ Жолкѣвскій писалъ, какъ мы видѣли, что казаки овладѣли всею Кіевскою украиной, и господствуютъ

[1]) Историческіе дѣятели Юго-Зап. Росс. вып. I-й. стр. 5.

[2]) Zródła dziejowe, .t. V и XXII pag. 465. Warszawa. 1877 и 1897.

во всемъ Придѣпровскомъ краѣ, устрояя тамъ все по своей волѣ:[1]) позже, въ 1614 г., козацкія волненія усилились: гетманъ Жолкѣвскій разгонялъ ихъ[2]) въ Брацлавщинѣ, сносился съ реестровыми казаками въ Переяславѣ и послалъ универсалъ къ ротмистрамъ королевскихъ войскъ, приказывая имъ быть на готовѣ къ отпору, но (что особенно важно) не нападать на козаковъ и не раздражать ихъ, прибавляя, что къ козакамъ для переговоровъ отправлены уже королевскіе коммиссары.[3]) Коммиссарами былъ заключенъ съ козаками 15 октября подъ г. Житоміромъ договоръ. Это была первая извѣстная до сихъ поръ отправка къ козакамъ коммиссаровъ для переговоровъ и первый договоръ съ козаками польскаго правительства, какъ съ воюющею стороною; Костомаровъ цитируетъ этотъ договоръ по рукописи Импер. Публ. Библіотеки. Въ немъ обозначены лишь обязанности козаковъ, но не ихъ права: имъ запрещались войны съ сосѣдними государствами, сборъ своевольныхъ людей, походы на Черное море и проч., и въ тоже время предписывалось подчиненіе старостамъ и владѣльцамъ имѣній. Недовольные этимъ договоромъ, козаки отправляли въ началѣ 1615 г. пословъ къ королю, но послѣдній не нашелъ возможнымъ измѣнять въ чемъ-либо этотъ договоръ и въ универсалѣ своемъ повторяетъ тѣ обязанности, какія имъ возложены на козаковъ: подчиненіе панамъ, сохраненіе мира съ сосѣдними народами и неприсвоеніе себѣ земель, которыя козаки осмѣливались считать издавна имъ принадлежавшими[4]). Въ 1616 г. опять идутъ переговоры съ козаками и на тѣхъ-же условіяхъ.

Само собой разумѣется, козаки не могли быть успокоены такими универсалами и договорами: движеніе продолжаетъ расти въ теченіе 1617, 1618 и 1619 гг. Это огромное волненіе, къ сожалѣнію, обойдено вниманіемъ нашихъ историковъ, а между тѣмъ актовыя книги архива ярко его отражаютъ. Пользуясь

[1]) Богд. Хмельницкій. Н. И. Костомарова т. I, стр. 58.
[2]) Ibid., стр. 62.
[3]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. III, т. 1, стр. 196.
[4]) Ibid., стр. 198 и 200.

этими книгами, проф. В. Б. Антоновичъ отчасти лишь касается его въ своемъ „Изслѣдованіи о козачествѣ".

Волненіе началось исподоволь, но на столько чувствительно что уже въ 1617 г. это время въ тогдашнихъ актахъ называется „часомъ козацкимъ", когда даже и шляхта стала дѣйствовать „способомъ козацкимъ". Рисуя тогдашнее напряженное состояніе козачества, коронный гетманъ Стан. Жолкѣвскій, выступившій противъ него, намекаетъ обывателямъ, въ универсалѣ своемъ отъ 21 октября 1617 г., на связь козаковъ съ татарами, вторженія которыхъ они ожидали и забылись будто бы до того, что позволили себѣ прислать ему, Жолкѣвскому, „гордое и надутое" письмо, въ которомъ ставятъ ему на видъ, что движеніе польскаго войска отъ Паволочи къ Бѣлой Церкви причиняетъ большой убытокъ козацкимъ интересамъ. Не смотря однако на такую обиду, Жолкѣвскій не рѣшился напасть на Сагайдачнаго и предпочелъ проглотить горькую пилюлю. [1]) Между тѣмъ козацкое волненіе росло, и въ актовыхъ книгахъ архива мы находимъ указанія на разоренія, напр., м. Котельни, г. Радомысля и его окрестностей и селъ въ Кіевскомъ Полѣсьѣ; движеніе проявилось и на Волыни между городами Заславлемъ, Острогомъ и Владиміромъ.

Въ 1618 году и количество жалобъ на разоренія козаками панскихъ имѣній увеличивается, и самыя эти нападенія отличаются большей жестокостью; въ этомъ году сѣверная часть Кіевскаго воеводства, т. е. повѣты Житомірскій, Овручскій и часть, также сѣверная, Кіевскаго, были охвачены движеніемъ и особенно сильно опустошены; напр., окрестности Житомира, г. Радомысль, м. Рожевъ, Трояновъ, Ходорковъ, Котельня, Кодня, Лещинъ, Паволочь, Брусиловъ, Коростышевъ, Трахтеміровъ, Корнинъ, и друг.; число же разоренныхъ селъ, входившихъ въ составъ волостей перечисленныхъ мѣстечекъ, очень велико; по свидѣтельству актовъ, въ это время была

[1]) См. Приложенія.

„сплюндрована“ вся территорія „Украины, Полися и Литвы“ [1]). Замѣчательно, что жители разоренныхъ селъ и городовъ также присоединялись къ движенію, образовывали изъ себя козацкія сотни и продолжали грабежъ сосѣднихъ имѣній

Въ свою очередь, и нашъ Кіевъ не остался безучастенъ. Здѣсь козаки соединились съ мѣщанами, чему покровительствовалъ даже войтъ Федоръ Ходыка, и обратили свое оружіе противъ слугъ Кіевскаго уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина—Рутскаго и его оффиціала и игумена Выдубицкаго монастыря Антонія Грековича, котораго они за преслѣдованіе православныхъ и отобраніе въ унію церквей посадили въ Днѣпръ „подъ ледъ воды пыты“ [2]). И все-таки, несмотря на жалобы митрополита, дѣло не имѣло для Кіевлянъ сколько нибудь даже чувствительныхъ, а тѣмъ болѣе такихъ тяжелыхъ послѣдствій, какія должны были испытать жители Витебска за убійство Іосафата Кунцевича. Это, конечно, окончилось благополучно потому, что приведеніе приговора надъ виновными Кіевлянами въ исполненіе вызвало бы открытую войну съ козаками, а они нужны были теперь для Польши въ виду Московскаго похода королевича Владислава и ожидавшагося набѣга татаръ и турокъ. По этимъ же причинамъ и возстановленіе православной іерархіи патр. Ѳеофаномъ на Руси, по настоянію Сагайдачнаго, должно было, согласно обѣщаніямъ короля, быть «аппробовано» королевскими „консенсами“ и „привилеями.“ [3])

Въ актовыхъ книгахъ и въ изданныхъ уже историческихъ матеріалахъ [4]) мы находимъ и имена многочисленныхъ предводителей возставшихъ въ 1617—18 гг. козаковъ, мѣщанъ и крестьянъ; это были полковники Миско Фастовецъ, Яронъ Сума, Василій Мировицкій, Александръ Кошка, Константинъ Тишевичъ, Юревичъ, Лащовой и многіе другіе [4]). Къ козацкому волненію

[1]) Арх. Ю.-З. Рос., ч. III, т. 3, стр. 211.
[2]) Сборникъ лѣтописей, стр. 85.
[3]) Ист. рус. церкви митр. Макарія, т. XI, стр. 281.
[4]) Арх. Ю.-З. Рос., ч. III, т. 3, стр. 211, 213, 238, 259, а также и въ прилож.

1618 года пристаетъ и мелкая польская шляхта; ихъ полковниками были Станиславъ Калиновскій и Юзефъ Лисовскій; пристаютъ и православные знатные дворяне Немиричи, Олекшичи и Щеніевскіе. Полки Калиновскаго и Лисовскаго, возвратившіеся изъ Московскаго государства, гдѣ они также производили разбои и грабежи, весьма часто упоминаются въ актахъ. Роль Щеніевскихъ и Олекшичей менѣе важна. Но Самуилъ Немиричъ, особенно же Криштофъ, силою и яростью своихъ разорительныхъ для шляхты подвиговъ поражаютъ читателя актовыхъ книгъ; Криштофъ Немиричъ, напр., набираетъ собственный полкъ, соединяется часто съ полками другихъ предводителей: вмѣстѣ они ведутъ осады городовъ, берутъ ихъ штурмомъ и затѣмъ все предаютъ огню и мечу. Немиричъ встрѣтилъ себѣ противника въ князѣ Адамѣ Ружинскомъ; послѣднему удалось какъ то изловить Криштофа Немирича и засадить его въ Житомірскій замокъ. Намѣстникъ Кіевскаго воеводы тотчасъ же созываетъ обывателей воеводства въ Житоміръ на 24-е апрѣля „до купы“, т. е. что-то въ родѣ копнаго суда, для разсмотрѣнія обвиненій, тяготѣвшихъ надъ Немиричемъ. Къ сожалѣнію, Кіевскія декретовыя книги за 1618-й годъ не сохранились, и мы лишены возможности узнать, какой состоялся надъ нимъ приговоръ. Мы не излагаемъ здѣсь подробно дѣйствій каждаго изъ названныхъ выше предводителей, какъ ради краткости нашего очерка, такъ и вслѣдствіе нѣкотораго однообразія ихъ дѣйствій — штурмовъ, разореній и ограбленій панскихъ имѣній. Это козацкое движеніе привело Кіевское воеводство въ столь бѣдственное состояніе, что обыватели, собравшись на сеймикъ 1-го іюля, объявили о своей полной несостоятельности взносить подати. [1])

Въ такомъ затруднительномъ положеніи польское правительство принимаетъ обычныя мѣры. Въ 1617 г. и король и обыватели Кіевскаго воеводства обсуждаютъ лишь мѣры для

[1]) См. Прилож.

предупрежденія козацкихъ волненій; мѣры эти довольно невиннаго свойства, напр.: не давать козакамъ продовольствія, боевыхъ припасовъ, удерживать отъ ухода въ Сѣчь крестьянъ и проч. Король, спустя нѣкоторое время, обращается, въ универсалѣ отъ 20 мая, къ возставшему населенію и приглашаетъ его успокоиться и разойтись; затѣмъ, въ универсалѣ отъ 22 мая, предписываетъ коронному гетману и Краковскому каштеляну соединиться и разсѣять бунтующихъ, а въ октябрѣ созываетъ обывателей собраться между Фастовымъ и Трилѣсами во всеобщее ополченіе; обыватели собрались, но о дѣйствіяхъ ихъ мы не находимъ свѣдѣній; вѣроятнѣе, что изъ этого собранія ничего не вышло, потому что въ декабрѣ мѣсяцѣ, прибывъ на новый сеймикъ и составляя инструкцію для своихъ пословъ на сеймъ 1619 г., обыватели поручаютъ имъ ходатайствовать объ ограниченіи или уничтоженіи козацкаго сословія и назначеніи коммиссіи для изслѣдованія причинъ безпорядковъ, производимыхъ козаками[1]). Но противъ полнаго уничтоженія козаковъ заговорили сами же поляки; извѣстный публицистъ Пальчовскій издалъ даже книжку подъ заглавіемъ: „О козакахъ—уничтожить ихъ или нѣтъ?“ Авторъ даетъ отрицательный отвѣтъ, доказывая, почему истребить козаковъ было бы „безчестно, безполезно и невозможно“ [2]).

Что же касается до коммиссіи для соглашеній и договоровъ съ козаками, то къ этой излюбленной обѣими сторонами мѣрѣ охотно прибѣгали; она никого и ни къ чему не обязывала, а между тѣмъ время протягивала, пока стороны собирались съ силами для рѣшенія спора оружіемъ. Мы упомянули уже о Житомірскомъ договорѣ 1614 г. и указали его ничтожность и безполезность; 28 октября 1617 г. польскіе коммиссары съѣхались съ козацкими на р. Роси, на урочищѣ Старой Ольшанкѣ [3]) и заключили договоръ съ козаками, но такой же, какъ и

[1]) Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 116—130.

[2]) Соловьевъ: Ист. Рос., т. X., стр. 86 и 87 (Изд. 2-е Москва, 1869 г.).

[3]) Арх. Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. 1, стр. 206—209.

первый договоръ 1614 г., т. е. договоръ односторонній, съ опредѣленіемъ лишь того, что должны дѣлать и кому должны подчиняться козаки. Ходатайство обывателей 1618 г. о новой коммиссіи было принято сеймомъ благосклонно; къ козакамъ отправлены новые коммиссары; прибыли они въ Кіевское воеводство лишь въ началѣ октября 1619 г.[1]), а здѣсь, повидимому, готова была начаться открытая война козаковъ съ Польшей: гетманъ Сагайдачный съ козацкимъ войскомъ стоялъ уже подъ Бѣлой Церковью, выступивъ, вѣроятно, изъ Кіева; польское же войско расположилось лагеремъ противъ него на разстояніи около 30 верстъ ниже Паволочи на р. Раставицѣ: договоръ состоялся 8 октября и помѣченъ датой: „въ обозѣ на Раставицѣ ниже Паволочи".

Дѣло было не шуточное. Въ коммиссіи участвуютъ первые магнаты государства: Томашъ Замойскій, Янъ Даниловичъ, Станиславъ Жолкѣвскій, Станиславъ Конецпольскій, Александръ Калиновскій и другіе. Изъ козацкихъ же магнатовъ, имена которыхъ не украшались громкими титулами и короткія радословія не возводились до Владиміра св. или Гедимина, болѣе извѣстны Петръ Одинецъ, ѣздившій въ слѣдующемъ году въ Москву съ предложеніемъ царю союза съ козачествомъ[1]) и Яцына, бывшій впослѣдствіи полковникомъ. Условія этого третьяго договора польскаго правительства съ козачествомъ были такъ же тяжелы для послѣдняго, какъ и договоры 1614 и 1617 гг.; козаки теряли право морскихъ походовъ на Турцію, количество ихъ ограничивалось, и автономія судебная и административная уничтожалась. Такія условія видимо диктовались одной стороной: козачество не могло подчиниться имъ; и дѣйствительно, тотчасъ же, вопреки этому договору, Сагайдачный отправилъ по городамъ и мѣстечкамъ реестры того, что каждый изъ нихъ долженъ дать для снабженія козаковъ боевыми припасами; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ созывалъ для обсужденія религі-

[1]) Сборникъ лѣтописей, стр. 244—249.

озныхъ и политическихъ вопросовъ все православное духовенство на соборъ въ Кіевѣ, а населеніе на черную раду у Сухой Дубровы; о такомъ воинственномъ настроеніи козаковъ сообщаетъ въ іюлѣ 1621 г. королю кн. Юрій Збаражскій, отправлявшійся посломъ въ Константинополь и проѣзжавшій тогда чрезъ Кіевское воеводство[1]).

Но эти приготовленія козачества были прерваны горячимъ призывомъ его со стороны королевича Владислава, который выступалъ на войну противъ турокъ подъ Хотинъ. Между королемъ и гетманомъ начались переговоры; послѣдній лично отъ имени козачества подалъ просьбу королю передъ войной, требуя льготъ православному населенію и казацкому войску; король далъ обѣщаніе и въ августѣ 40000 козаковъ были уже у Днѣстра, куда вскорѣ прибылъ изъ Варшавы и ихъ гетманъ[2]). Исходъ этой войны извѣстенъ; благодаря Сагайдачному, побѣда была получена; но она стоила жизни славному гетману; черезъ полгода, именно 10 апрѣля 1622 г., „благочестивый мужъ“ говоритъ Михайловскій помянникъ, „на ложи своемъ простеръ нози свои, приложися ко отцемъ съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни, в Кіеве“. Благодарность ему короля и королевича была искренія и горяча; они многое готовы были сдѣлать въ пользу козачества; но ихъ желанія встрѣчали непреборимое препятствіе въ средѣ магнатовъ, какъ показываютъ предсмертныя письма гетмана къ королю.

Такъ окончилась политическая роль Сагайдачнаго, создавшаго силу и значеніе козачества.

§ 7. Для полноты характеристики Сагайдачнаго необходимо указать еще на его административную дѣятельность, выразившуюся въ возвышеніи гетманской власти у козаковъ, въ увеличеніи козачества въ количественномъ отношеніи и въ организаціи и расширеніи власти судебныхъ атамановъ.

---

[1]) Собраніе лѣтописей, стр. 250—252.

[2]) Ист. рус. церкви митр. Макарія, т. XI, стр. 281.

Въ своей работѣ: „Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго“,[1]) мы указали уже, что управленіе Сагайдачнаго въ козачествѣ относится къ тому времени, когда, вслѣдствіе тогдашнихъ условій жизни, гетманская власть быстро достигаетъ наибольшаго развитія; кромѣ тѣхъ условій, каковыми были смуты въ самой Польшѣ по случаю борьбы партій при избраніи королей и войны съ сосѣдями, требовавшія содѣйствія козаковъ, большое значеніе имѣла и самая личность гетмана Сагайдачнаго. Онъ своими способностями и успѣхами въ военномъ дѣлѣ, своей огромной энергіей далъ почувствовать и силу козачества и его необходимость; онъ заставилъ этимъ польское правительство итти на уступки козачеству и вести съ нимъ переговоры чрезъ коммиссаровъ; даннаго имъ гетманской власти значенія не могли ослабить и дальнѣйшія неблагопріятныя обстоятельства по смерти Сагайдачнаго; оно не было ослаблено даже отмѣной этой власти въ 1638 году и съ полной силой проявилось въ Хмельницкомъ, который и довелъ ее до высшей степени, возможной при тогдашнихъ политическихъ отношеніяхъ сосѣднихъ правительствъ. Когда Сагайдачный увидѣлъ, что онъ не можетъ разсчитывать на поддержку Московскаго государя; когда ясно стало для него, что союза съ турками и татарами не допуститъ козацкая черни,—онъ сталъ держаться польскаго правительства и оказывать ему помощь, надѣясь войти въ соглашеніе съ нимъ: это поднимало значеніе гетманской власти во мнѣніи правящихъ классовъ; не удивительно, если польскіе мемуаристы его времени, а позже южно-русскіе лѣтописцы и даже современные историки, считаютъ Сагайдачнаго сторонникомъ Польши; но, какимъ онъ былъ сторонникомъ ея, показываютъ ясно его предсмертныя письма къ королю Сигизмунду и королевичу Владиславу: онъ выражетъ въ нихъ заботу не о себѣ, а о близкомъ его скорбящей и озлобленной душѣ дѣлѣ козачества; онъ проситъ, чтобы „козакамъ творимое бѣдствіе и озлобленіе“

[1]) Чтенія. кн. VIII, отд. II, стр. 57—115.

отъ королевскихъ „старостокъ, нецнотливыхъ сыновъ и пяницъ“, было запрещено и „ускромлено“ королевскимъ „мандатомъ“ и въ заключеніе смѣло и грозно предупреждаетъ, „жебы що новое“ отъ козаковъ „не уродилось и огня гнѣвнаго не запалило“, „якъ уже и пошемруютъ“. Сагайдачный глубоко ненавидитъ польскую шляхту и ждетъ защиты только отъ короля. Тѣ же чувства впослѣдствіи выражалъ и Хмельницкій.

Объ увеличеніи козачества въ числѣ въ 1606—22 гг. мы сказали уже выше.

Что касается до судебной должности атамановъ, то поднятіе ея значенія вызывалось однимъ уже численнымъ ростомъ казачества при Сагайдачномъ и развитіемъ землевладѣнія, вмѣстѣ съ возникновеніемъ большого количества изъ-за земли тяжебъ между козаками, о чемъ мы также подробнѣе сказали въ указанной выше работѣ о козачествѣ. Усиленіе этой власти, какъ извѣстно, испугало польское правительство, и сеймовая конституція 1613 года уничтожаетъ эту должность; но напрасно: власть продолжала расти и стала одной изъ важнѣйшихъ въ козачествѣ; необходимость ея вызывалась жизненной практикой.

Указанія на внутреннія распоряженія въ краѣ Сагайдачнаго мы находимъ въ письмахъ Жолкѣвскаго и Збаражскаго: первый говоритъ о какихъ-то универсалахъ Сагайдачнаго, обѣщавшаго въ 1620 г. собрать огромное войско противъ Турціи, но такъ и не исполнившаго этого обѣщанія, руководясь, быть можетъ, въ настоящемъ случаѣ основательными и важными для интересовъ козачества причинами, а второй сообщаетъ о другихъ универсалахъ гетмана, имѣвшаго въ виду созвать духовенство на соборъ и народъ на раду и снабдить свое войско необходимыми военными припасами. Мѣстная власть въ лицѣ Кіевскихъ воеводъ не протестуетъ противъ распоряженій гетмана, признавая ихъ, конечно, законными.

Напомнимъ въ заключеніе и о тѣхъ славныхъ дѣяніяхъ Сагайдачнаго, которыя давно уже прославлены и современниками

и потомками: о возстановленіи православной іерархіи въ Южной Руси: объ участіи его въ реформированіи кіевскаго Богоявленскаго братства, въ которое онъ вписался со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ: о его ктиторствѣ въ братствѣ: о построеніи козацкой церкви св. Василія въ усадьбѣ нынѣшняго Флоровскаго монастыря: о пожертвованіяхъ на Кіевскую и Львовскую братскія школы, свидѣтельствующихъ о любви гетмана къ просвѣщенію и пониманіи его значенія, и о пожертвованіяхъ на Богоявленскую церковь Кіевскаго братства, у которой онъ потомъ и сложилъ свои кости.

Но умирающій гетманъ чувствовалъ, кажется, на своей совѣсти одинъ тяжелый грѣхъ — казнь Бородавки. Южно-русскіе лѣтописи передаютъ этотъ фактъ не вполнѣ точно: они говорятъ, что Бородавка, кошевой атаманъ запорожцевъ, пьянствовалъ и разорялъ панскія имѣнія, не желая идти подъ Хотинъ помогать польскому войску, и Сагайдачный приказалъ будто бы за это казнить Бородавку. Совершенно иначе представляетъ дѣло современникъ гетмана и участникъ въ Хотинской войнѣ Яковъ Собѣскій: по его словамъ, гетманъ, раненый въ руку, долженъ былъ скрываться въ лѣсу нѣкоторое время, чтобы не попасть въ руки турокъ: его продолжительное отсутствіе козаки объяснили гибелью и выбрали гетманомъ Якова Неродича (-по Помянніику, и Неродовича, по письмамъ Жолкѣвскаго) Бородавку: но Сагайдачный успѣлъ вернуться въ обозъ и для возвращенія себѣ власти, нашелъ какія-то вины за Бородавкой и казнилъ его. Совѣсть свою умирая Сагайдачный облегчаетъ тѣмъ, что поручаетъ записать Бородавку въ свой помянникъ подъ именемъ „гетмана Якова“,[1]) откуда мы и узнаемъ имя этого опаснаго

[1]) М. Максимовичъ (Полн. собр. соч., I, стр. 330), приводя запись изъ стараго Помянника Кіево-Михайловскаго монастыря (л. 98), перечисляетъ слѣдующія имена, относящіяся къ роду Сагайдачнаго: Петра, Конона, Елисея, Якова, Германа“. Мы провѣрили эту запись въ Помянникѣ и нашли, что въ передачѣ Максимовича запись искажена и не полна: послѣднія имена читаются такъ: „Якова гетмана“; тѣмъ же почеркомъ и чернилами на поляхъ противъ имени Якова гет-

соперника Сагайдачнаго: оставленіе въ Помянникѣ за Бородавкой титула гетмана показываетъ, что Сагайдачный считалъ его избраніе законнымъ и достойнымъ.

Мы разсмотрѣли дѣятельность Сагайдачнаго, его отношенія къ Турціи, Москвѣ и Польшѣ, его административныя распоряженія и заботы о защитѣ православія и распространеніи образованія, и, сравнивая ее съ дѣятельностью ближайшихъ по времени вождей Малорусскаго народа, приходимъ къ заключенію, что эту программу дѣятельности продолжали даровитые ученики Сагайдачнаго, вышедшіе изъ его военной и дипломатической школы и съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовавшіе потомъ: митрополитъ Петръ Могила и гетманъ Богданъ Хмельницкій. Особенно сходна программа дѣятельности Хмельницкаго: на ней ясно отражается вліяніе Сагайдачнаго: она измѣняется лишь подъ измѣнившимися условіями политической и общественной жизни. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право сказать, что только Сагайдачный положилъ прочныя основанія для дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія козачества, существованія, котораго не могли прервать даже понесеныя козаками неудачи по смерти гетмана.

§ 8. Воспоминаніе о Сагайдачномъ сохранилось и въ народной памяти, которая въ пѣснѣ, изображая походъ козаковъ и характеризуя гетмана, говоритъ, что онъ „проминявъ жинку на тютюнъ та люльку“, и, наконецъ называетъ его „необачнымъ“, т. е., неосмотрительнымъ, неосторожнымъ. Покойный М. Максимовичъ, обиженный, кажется, за гетмана такимъ эпитетомъ, относитъ пѣсню къ гетману Петру Дорошенку (1665—1676) и къ другому Сагайдачному, Григорію, личности ничѣмъ не выдающейся, бывшему кошевымъ атаманомъ въ Запорожьѣ въ

мана приписано: „Неродичъ Бородавка“. Здѣсь слово „Неродичъ“ не должно быть принимаемо въ значеніи „не родственникъ“, потому что въ „Listach“ Жолкѣвскаго (стр 144) соперникъ Сагайдачнаго именуется „Яцкомъ Неродовичемъ Бородавкой“. Несомнѣнно, что если бы М. Максимовичъ самъ видѣлъ Помянникъ, а не воспользовался чьей-то услугой, то такой ошибки онъ никогда бы не сдѣлалъ.

1687—88 гг., который, по его предположенію, могъ быть куреннымъ атаманомъ въ гетманство Дорошенка. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія Максимовичъ выставляетъ два соображенія: 1, „что не такъ бы отозвалась она (народная пѣснь) о знаменитомъ гетманѣ", т. е. не назвала бы его „необачнымъ" и не указала бы на его презрительное отношеніе къ „жинкѣ", и 2, что въ походѣ впереди войска шелъ всегда гетманъ, въ срединѣ—хорунжіе, а сзади—куренные атаманы. Пѣсня же ставитъ во главѣ войска Дорошенка; слѣдовательно, Дорошенка Петра, гетмана. Это мнѣніе М. Максимовича принято было и издателями „Историческихъ пѣсенъ Малорусскаго народа" (Кіевъ, 1874 г.) проф. В. Б. Антоновичемъ и М. П. Драгомановымъ и въ свой сборникъ они не внесли спорной пѣсни.

Но мы думаемъ, что пѣсня должна быть отнесена именно къ Петру Конашевичу Сагайдачному, которымъ она исключительно и занята, а не Дорошенкомъ, какъ бы слѣдовало: соображенія Максимовича не согласованы съ дѣйствительными фактами; первое его соображеніе, что народъ иначе бо отозвался въ пѣснѣ о гетманѣ, едва ли основательно; народъ, слагавшій пѣсню о своемъ гетманѣ, въ тоже время четыре раза лишалъ его власти, былъ недоволенъ его политикой сближенія съ Польшей, не понимая причины и формы этого сближенія: поэтому неодобрительный эпитетъ въ пѣснѣ не можетъ быть удивительнымъ;[1]) но его нельзя даже считать неодобрительнымъ или обиднымъ, потому что онъ опредѣляетъ извѣстный несчастный случай съ гетманомъ, неосторожно наскочившимъ на вражескій лагерь, какъ увидимъ ниже. Второе соображеніе о мѣстѣ гетмана, хорунжихъ и куренныхъ атамановъ въ рядахъ войска во время похода козаковъ, правильное вообще, не приложимо къ Петру Са-

[1]) Вспомнимъ, напр., что рядомъ съ народными пѣснями, прославляющими подвиги Богдана Хмельницкаго, записаны и такія, въ которыхъ народъ же и проклинаетъ его (Историч. пѣсни Малорус. народа, т. II, стр. 116; Н. Костомаровъ: Богд. Хмельницкій. т. III. стр. 406 и 407), а современные историки и до сихъ поръ различно оцѣниваютъ его заслуги.

гайдачному, по слѣдующей причинѣ. Пѣсня изображаетъ не вообще походъ козаковъ, а ихъ Хотинскій походъ 1621 года, въ частности. Походъ этотъ описанъ участвовавшимъ въ немъ Краковскимъ каштеляномъ Яковомъ Собѣскимъ, близко знавшимъ Сагайдачнаго и принимавшимъ мѣры, по порученію польскаго правительства, къ успокоенію козачества, которое волновалось подъ Хотиномъ и грозило оставить лагерь. Изображая событія подъ Хотиномъ, Собѣскій говоритъ, что козаки пришли на театръ военныхъ дѣйствій сами безъ Сагайдачнаго, и Дорошенко (Михаилъ, избранный въ гетманы въ 1625 году) начальствовавшій надъ козаками, тотчасъ же извѣстилъ лично польскихъ вождей о своемъ прибытіи съ войскомъ; гетманъ же Сагайдачный въ это время находился въ Варшавѣ и оттуда уже прибылъ въ польскій лагерь; узнавъ о приходѣ своихъ козаковъ, онъ отправился къ нимъ, но потерялъ слѣдъ и наскочилъ на турецкій лагерь; турки погнались за нимъ, стрѣляли въ него и ранили въ руку; гетману угрожала опасность попасть живымъ въ руки враговъ, горячо жаждавшихъ отомстить ему за разоренія турецкихъ городовъ; Сагайдачный бросилъ коня и скрылся въ лѣсу; изнемогавшій отъ раны, опасавшійся каждую минуту быть отысканнымъ, онъ нѣсколько дней просидѣлъ въ лѣсу, пока, наконецъ, ему удалось выбраться оттуда и возвратиться въ свой лагерь. Козаки считали Сагайдачнаго погибшимъ и выбрали на его мѣсто Бородавку. Возвратившись, Сагайдачный былъ встрѣченъ козаками съ радостью: его снова признали гетманомъ. Бородавку же Сагайдачный, какъ уже было сказано нами выше, обвинилъ въ разныхъ преступленіяхъ и приказалъ казнить. Такимъ образомъ, пѣсня вѣрно передаетъ главнѣйшія обстоятельства похода: войско въ самомъ дѣлѣ тогда велъ не Сагайдачный, а Михаилъ Дорошенко; Сагайдачный же, отыскивая по слѣдамъ козацкій лагерь, дѣйствительно, находился позади войска; [1]) современники гетмана, удив-

[1]) Правда, въ пѣснѣ поется, что и Сагайдачный присутствуетъ въ войскѣ и участвуетъ въ походѣ: но отъ пѣсни нельзя требовать точности: переходя изъ устъ

лешные случаемъ ошибочнаго его появленія въ турецкомъ лагерѣ, легко могли называть за это своего вождя „необачнымъ“,[1]) неосторожнымъ, и обиднаго для памяти „зацного рыцера“, нѣтъ ничего въ этомъ эпитетѣ. Эпитетъ этотъ могъ имѣть и другое основаніе: современники говорятъ о большой страсти гетмана къ любовнымъ похожденіямъ, страсти, ускорившей будто бы его смерть отъ раны. Пѣсня правильно также указываетъ на предпочтеніе гетманомъ жизни боевой передъ жизнью семейной [2]), если слову „проминявъ“ дать значеніе „предпочелъ“; мы, дѣйствительно, видѣли, что Сагайдачный все свое гетманство провелъ въ войнахъ и походахъ, а въ семьѣ бывалъ лишь рѣдкимъ гостемъ. Послѣдній куплетъ пѣсни, изображающій гетмана въ лѣсу ожидающимъ, быть можетъ, помощи и въ отчаяніи, чтобы „не журыться“, закуривающимъ свою „люльку“, въ свою очередь, вѣрно отмѣчаетъ фактъ блужданія гетмана по лѣсу, гдѣ онъ легко могъ взывать: „Ой, хто въ лиси, отзовыся“! и

въ уста отъ одного поколѣнія къ другому пѣсня не рѣдко искажалась, и мы не мало могли бы дать примѣровъ этого; въ данномъ же случаѣ, на бѣду, и въ началѣ и въ концѣ столѣтія въ казачествѣ встрѣчаются одноименные дѣятели Дорошенки и Сагайдачные; народная пѣсня легко могли смѣшать однихъ съ другими. „А што ся на писмѣ не бываетъ, то съ памяти людское скоро сплываетъ“, часто говорится въ юридическихъ актахъ прошлыхъ столѣтій какъ бы въ оправданіе составленія ихъ; эта древняя поговорка вполнѣ дѣлаетъ понятнымъ искаженіе въ пѣсняхъ дѣйствительныхъ фактовъ.

[1]) Намъ приходилось слышать варіантъ: „злый, невдачный“. *Н. Д.*

[2]) Сагайдачный былъ женатъ на Анастасіи, урожденной Повченской; имя и родъ ея означены въ книгѣ „Вершѣ“ на поляхъ 15 листа. Отношенія между супругами остаются тайной, и въ нихъ не могутъ не показаться странными два обстоятельства: 1) Самуилъ Величко, пользовавшійся старыми козацкими лѣтописями, говоритъ, что гетманъ передъ смертью „распорядилъ имѣніе свое на церкви, на шпиталѣ, на школи и монастырѣ, кромѣ жены своей“ (т. I, прилож. стр. 50); и 2, послѣдняя не долго вдовствовала по смерти Сагайдачнаго. Въ 1624 г. она была уже замужемъ за шляхтичемъ Иваномъ Піончиномъ. Объ этомъ въ „Кіев. Старинѣ“ за іюль 1892 г. (стр. 117) сообщаетъ проф. В. В. Антоновичъ на основаніи даннаго ему указанія А. П. Яблоновскимъ. Въ книгѣ коронной метрики, хранящейся въ Варшавѣ (№ 3, л. 144), подъ 31 іюля 1624 г. записанъ документъ, изъ котораго видно, что жена Сагайдачнаго совершила наѣздъ на имѣніе п. Ѳедора Даровскаго с. Вырву, произвела тамъ насилія и причинила убытку на 7087 злотыхъ. Кіевскій судъ призналъ ее виновной, а вслѣдствіе уклоненія ея отъ суда приговорилъ къ баниціи.

искать утѣшенія въ „люлькѣ“.[1]) Только при этомъ объясненіи, намъ кажется понятнымъ послѣдній куплетъ пѣсни.

Мы думаемъ, что и нѣкоторыя другія пѣсни козацкаго вѣка должны быть отнесены къ эпохѣ Сагайдачнаго, какъ это совершенно вѣрно и выразилъ, утилизуя ихъ, извѣстный писатель Д. Л. Мордовцевъ въ своемъ художественномъ романѣ „Сагайдачный“.

Но какъ отношеніе народа въ пѣснѣ къ своему герою имѣетъ неопредѣленный характеръ, такъ, къ сожалѣнію, и нѣкоторые южно-русскіе лѣтописцы XVIII вѣка, а съ ними немногіе историки нашихъ дней, подобно козацкой черни начала XVII в., не поняли политическихъ цѣлей и путей Сагайдачнаго и ошибочно считали его сторонникомъ поляковъ. За то его поняли безпристрастные современники и по достоинству оцѣнили, какъ „цнаго гетмана, славнаго въ людехъ во вся вѣки“. Яковъ Собѣскій, І. Ерличъ и друг. даютъ вѣрную и безпристрастную его характеристику, а „спудеи“ братской школы столь же вѣрно представляютъ въ надгробныхъ виршахъ, сочиненныхъ Кассіаномъ Саковичемъ, главные факты и значеніе его дѣятельности. Одинъ изъ спудеевъ, Лукашъ Беринда, говоритъ:

«Несмертельной славы достойный гетмане!
«Твоя слава въ молчаню нигды не зостане.
«Поки Днѣпръ съ Днѣстромъ многорыбные плынути
«Будутъ: поты дѣлности твои тежъ слынути».

А самъ Саковичъ вполнѣ удачно примѣняетъ къ Сагайдачному библейское выраженіе (2-я кн. Царствъ, гл. III, ст. 38): **„не вѣсте ли, ꙗко кластелинъ велій̀ъ падѐ ѣ сей день во Ісра́или“?**

И. Каманинъ

[1]) Пѣсня о Сагайдачномъ напечатана покойнымъ И. И. Срезневскимъ въ „Запорожской старинѣ“, часть 1-я, Харьковъ, 1833 г. стр. 58—60; перепечатана въ „Старосвѣтскомъ бандуристѣ“ Н. Закревскаго (Москва. 1861 г., стр. 65).

Старѣйшій епизокъ „Малороссійской Энеиды“ И. П. Котляревскаго.

Въ первыхъ лѣтъ XVIII в. литературное общеніе великороссіянъ съ малороссами, достигшее значительнаго оживленія уже со второй половины XVII в.*), стало принимать все большіе и большіе размѣры. Это общеніе вносило немало вкладовъ въ общерусскую литературу, вновь возникавшую послѣ перерыва въ ея развитіи, произведеннаго нѣсколькими вѣками раздѣльнаго существованія Руси Московской и Западной.

Какъ то показалъ недавно В. Н. Перетцъ, „уже въ самомъ началѣ XVIII в. цѣлые сборники и отдѣльныя пѣсни и вирши малорусскаго происхожденія переходятъ въ великорусскую среду и подвергаются соотвѣтственнымъ измѣненіямъ сообразно требованіямъ новыхъ пѣвцовъ и читателей“**). Нѣтъ надобности

*) *В. Н. Перетцъ*, Изъ исторіи русской пѣсни, Спб. 1900, гл. VIII: „Малорусское вліяніе въ Москвѣ XVII — XVIII в.“ —О вѣроятномъ занесеніи лиры въ Великороссію „путемъ естественнаго распространенія съ запада чрезъ Малороссію или Бѣлоруссію“ см. въ ст. *А. Маслова:* „Лирники Орловской губерніи“—Этнограф. Обозрѣніе, кн. XLVI (1900, № 3). О малорусскихъ бандуристахъ въ Великороссіи см. у Перетца, 189 и др.; о проникновеніи туда малороссійскаго театра—вертепа см. ib, 194; о распространеніи малороссійскихъ пѣсенъ—гл. XIV.

**) Перетцъ, стр. 225.

распространяться далѣе о такихъ литературныхъ дѣятеляхъ XVIII в., какъ Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Около 1775 г. Богдановичъ написалъ поэму „Душенька“, которую знаменитый поэтъ Батюшковъ назвалъ, „первымъ прелестнымъ цвѣткомъ легкой поэзіи на языкѣ нашемъ“. Авторъ отдалъ эту поэму въ печать вслѣдствіе — по его собственному выраженію — „общаго единоземцевъ благосклоннаго мнѣнія о вкусѣ забавъ моихъ.“ Такое благосклонное сужденіе было вызвано не только легкостію и поэтичностью обработки, но и чертами народности, внесенными въ поэму Богдановича. Слѣдующій цѣнный вкладъ въ общерусскую литературу сдѣлалъ Капнистъ своей „Ябедой“. Но еще большую важность для общерусской литературы, какъ въ частности и для малорусской, представляло появленіе „Малороссійской Енеиды“ И. П. Котляревскаго, которая такъ долго разсматривалась не какъ памятникъ отдѣльной, областной, литературы, а какъ произведеніе для общерусской читающей публики*), и которая не осталась безъ нѣкотораго вліянія на литературную дѣятельность между проч. одного изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ XIX в.,—Гоголя.

Внѣшняя исторія созданія этого самаго крупнаго первопечатнаго памятника, которымъ открывается новая украинская литература, т. е. „Енеиды“ И. П. Котляревскаго, доселѣ не вполнѣ выяснена. Сравнительно мало принесло для непосредственнаго уясненія внѣшняго генезиса этого памятника и новѣйшее изслѣдованіе о немъ, принадлежащее П. И. Житецкому и напечатанное въ „Кіевской Старинѣ“ 1899 и 1900 гг. подъ заглавіемъ „Энеида И. П. Котляревскаго и старѣйшій списокъ ея“.

Списокъ, положенный П. И. Житецкимъ въ основу этого изслѣдованія, при всемъ интересѣ, какой внушаетъ, содержитъ сравнительно позднѣйшую редакцію въ ряду тѣхъ *нѣсколькихъ*

*) Объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы факты распространенія ея среди великороссовъ.

первоначальныхъ изводовъ „Енеиды“, о существованіи которыхъ я догадывался въ статьѣ объ этомъ произведеніи, помѣщенной въ „Кіевской Старинѣ“ два съ лишнимъ года назадъ,*) когда еще не были извѣстны ни списокъ 1799 г., ни тотъ, о которомъ будетъ рѣчь въ настоящемъ сообщеніи. Текстъ, изданный г. Житецкимъ, во многихъ отношеніяхъ плохой и неисправный: такъ, въ немъ встрѣчаются такіе великороссизмы, какъ „сказкахъ“ выраженія: „овичики“ вм. „вычыки“ **) (щеголи, въ позднѣйшемъ текстѣ: фертики); „въ пекелную *подалъ* глушь“ вм. „ходыли“; есть пропуски и перестановки стиховъ. Но во всякомъ случаѣ уже и тотъ текстъ подтверждалъ мое предположеніе о неоднократныхъ передѣлкахъ текста малороссійской Енеиды самимъ авторомъ ея.

Въ настоящее время я получилъ возможность еще болѣе вѣскимъ доказательствомъ подкрѣпить эту догадку. Такою возможностью я обязанъ любезности Н. И. Петрова, предоставившаго мнѣ воспользоваться открытымъ имъ на дняхъ новымъ спискомъ первоначальной малороссійской Енеиды; равнымъ образомъ я долженъ выразить здѣсь признательность и В. А. Чаговцу, чрезъ посредство котораго въ первый разъ я могъ заняться этою рукописью у себя на дому.

Новооткрытый списокъ Енеиды помѣченъ 1794-мъ годомъ и, слѣдовательно, если вѣрить этой датѣ, пятью годами старше списка, изданнаго П. И. Житецкимъ, и четырьмя годами предшествуетъ первопечатному тексту 1798 г. Этотъ старѣйшій списокъ Енеиды хранится въ собраніи рукописей Кіево-Софійскаго собора, перешедшихъ въ библіотеку послѣдняго изъ коллекціи митр. Евгенія.***)

*) 1898, № 9.

**) Изъ повытчики?

***) Описываемая здѣсь рукопись обозначена № 497.

Въ сборникѣ, содержащемъ этотъ списокъ Енеиды, за послѣднею помѣщена „Ода на всерадостное вознествіе на престолъ Императора Александра перваго“, Державина, 1801 г., а въ концѣ находимъ приношеніе въ стихахъ отъ Воронежской соминаріи „бывшему Воронежской семинаріи префекту Павловскому Проторіерею отцу Евѳимію Г. Балховитинову при отъѣздѣ въ Санкт-Петербургъ 1800, генваря 25 дня“.

Эти три рукописи, изъ которыхъ состоитъ сборникъ, написаны разными почерками и, очевидно, собраны во-едино лишь потому, что всѣ эти произведенія равно принадлежности къ области Музъ, „ободрителемъ“ которыхъ названъ Евгеній Болховитиновъ въ упомянутомъ приношеніи ему.

Насъ здѣсь интересуетъ лишь первая рукопись, озаглавленная: „Перецыганенная ‖ Енеида ‖ Съ Рускаго Языка ‖ на ‖ Малоросійскій ‖ 1794 года ‖ Октября 11-ть дня“. На листѣ, слѣдующемъ за заглавнымъ, начинается текстъ Енеиды, съ заголовкомъ: „Малороссійская Енеида“, а на л. 11-мъ читаемъ опять заголовокъ: „Енеиды Малороссійской Часть 2-я“.

Повидимому, этотъ списокъ „Енеиды“ былъ сдѣланъ не съ оригинальной рукописи. Хотя на л. 20-мъ противъ стиха о Харонѣ:

Недуже лаявъ словомъ грѣшнымъ

помѣчено тѣмъ же почеркомъ: „NB. въ оригиналѣ написано противъ сего. *Ошибка*“, но врядъ ли самъ авторъ допустилъ такую ошибку. Быть можетъ, ее должно приписать тому переписчику, которымъ былъ сдѣланъ списокъ, послужившій оригиналомъ разсматриваемой рукописи. Во всякомъ случаѣ, какъ сейчасъ увидимъ, многое указываетъ на дѣйствительную близость разсматриваемой рукописи къ подлинному первоначальному тексту Енеиды, хотя бы эта рукопись и не была непосредственною копіею его. Достопримѣчательно, что имени Котляревскаго совсѣмъ нѣтъ въ нашей рукописи. На то, что первообразомъ ея послужилъ не непосредственно первоначальный текстъ,

указываютъ и другія помѣтки въ ней. Именно, кромѣ указаннаго стиха, противъ нѣкоторыхъ другихъ также стоятъ „потабены“ съ замѣчаніемъ: „Нѣтъ стиха“. Быть можетъ, эти замѣчанія также находились въ оригиналѣ нашей рукописи, который былъ не вполнѣ исправенъ, потому что на оборотѣ листа 23-го читаемъ: „Стихъ пропущенъ“. Конечно, эти отмѣтки въ предыдущей рукописи могли быть сдѣланы если не самимъ авторомъ, то какимъ-нибудь читателемъ, любителемъ и хорошимъ знатокомъ малороссійскаго слова. Авторъ не могъ быть переписчикомъ нашей рукописи потому, что послѣдній былъ не совсѣмъ грамотенъ: не выдерживалъ единства въ правописаніи, иногда начиналъ нарицательныя слова прописными буквами и т. п.

Невозможно точно рѣшить вопросъ о мѣстѣ, гдѣ была переписана эта рукопись и о личности переписчика. Можно лишь предположить, что она могла принадлежать Евгенію Болховитинову еще во время пребыванія его въ Воронежской семинаріи и, слѣдовательно, быть списана на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Переписчикъ какъ будто не вполнѣ хорошо владѣлъ малороссійскимъ языкомъ, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рукописи находимъ (л. 3 об.) „богацко“, тогда какъ въ другихъ стоитъ: „б*а*гацько“*); далѣе: танецъ, ралецъ, навпростецъ, отецъ; находимъ *да* вм. *та*, *съ* вм. *зъ*, пид*б*уровалы вм. пид*д*уровалы“, „ды*м*тянки вм. ды*н*тянки“, такую безсмыслицу какъ „сорокомъ“ вм. „сомъ“. Но всѣ эти предположенія—одинѣ догадки.

По палеографическимъ даннымъ, каковы почеркъ, бумага, разсматриваемая рукопись можетъ быть вполнѣ отнесена къ 90-мъ годамъ прошлаго вѣка, къ которымъ пріурочена своею датою (1794 г.) Вшита она въ одну папку съ произведеніями 1800—1801 гг., которымъ предшествуетъ.

Въ пользу пріуроченія ея къ половинѣ 90-хъ годовъ XVIII-го вѣка говорятъ и особенности ея текста. При ближайшемъ ознакомленіи съ этой рукописью, нельзя не признать,

*) Впрочемъ, и въ текстѣ г. Житецкаго, стр. 97, находимъ „багацко“.

что она знакомитъ насъ со старѣйшею, какая извѣстна, редакціею Енеиды, можно сказать даже—съ первою. Помѣтка на заглавномъ листѣ: „1794 года, Октября 11-ть дня“ врядъ ли относится ко времени переписки разсматриваемой рукописи, а скорѣе можетъ быть усвояема оригиналу и обозначать моментъ, когда была закончена первая редакція его. Но если бы даже 1794-й годъ былъ годомъ переписки только нашей рукописи, то и въ такомъ случаѣ мы имѣли бы доказательство въ пользу того, что текстъ Кіево-Софійской рукописи—самый старый изъ извѣстныхъ доселѣ: какъ сказано уже, онъ предшествовалъ четырьмя годами изданію Парпуры и шестью годами списку, изданному П. И. Житецкимъ.

Изученіе самаго текста подтверждаетъ, мнѣ кажется, показаніе хронологической даты, предшествующей ему.

Въ Кіево-Софійской рукописи передъ нами текстъ Енеиды, видимо еще не вполнѣ обработанный авторомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ такія несовершенныя риѳмы, какъ поганьци—драбыньци (л. 22); въ иныхъ мѣстахъ находимъ даже совсѣмъ грубыя выраженія, что можно сказать и о нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ. Напр., строфа 11-я въ нашей рукописи читается такъ:

Нептунъ уже давно драпѣчка
Почувъ Енеѣвъ голосокъ,
Прищулывъ уха такъ якъ тѣчка,
Пивкопы для їого кусокъ...

Въ изданіи Парпуры варіантъ такой:

Нептунъ же давній бувъ драпика,
Почувъ Енеевъ голосокъ,
Рощухавши іого що клика,
Пивкопы для іого кусокъ.

Еще примѣръ: въ нашемъ текстѣ читаемъ:

Венера не послѣдня пљоха
Проворна врагъ ѣи не взявъ
Нобачыла що такъ полоха

Еолъ сынка що ажъ захлявъ,

а въ рукописи 1799 года:

Венера якъ на все швидкая,
Проворна, врагъ ии не взявъ,
Побачила, що такъ лякае
Эолъ сынка, що ажъ захлявъ...

Вѣроятно, авторъ первоначально не предназначалъ своего произведенія для печати, если употреблялъ, не стѣсняясь, нецензурныя слова и выраженія. Быть можетъ, поэма Котляревскаго была вначалѣ своего рода литературной шуткой. Этому не противорѣчили бы позднѣйшій замыселъ автора и позднѣйшее обращеніе Енеиды въ эпопею малорусскаго козачества, скитавшагося послѣ разрушенія Запорожской Сѣчи. Вѣдь въ исторіи творчества нерѣдки примѣры расширенія задачъ литературныхъ произведеній по мѣрѣ движенія впередъ выполненія первоначальнаго плана, когда съ развитіемъ произведенія растетъ и его идея. Такъ было, напримѣръ, съ романомъ о Донѣ Кихотѣ. Авторъ Енеиды долго имѣлъ въ виду лишь распространеніе своего произведенія въ рукописи, если такъ медлилъ съ отдачей его въ печать и неоднократно измѣнялъ его въ рукописи: съ открытымъ теперь спискомъ можно насчитать по крайней мѣрѣ три рукописныхъ редакціи, предшествовавшихъ тексту, впервые напечатанному самимъ Котляревскимъ въ 1809 г., т. е. 15 лѣтъ спустя послѣ переписи первой редакціи, которую, какъ было сказано, на основаніи новонайденной рукописи можно отнести къ 1794-му году.

Послѣ разсмотрѣнія рукописи, содержащей эту старѣйшую редакцію Енеиды, и данныхъ, нѣсколько освѣщающихъ внѣшнюю исторію этой рукописи, я позволю себѣ въ заключеніе изложить еще нѣсколько общихъ соображеній и выводовъ касательно генезиса малороссійской Енеиды, приходящихъ на мысль послѣ изученія только что разсмотрѣнной старѣйшей редакціи ея.

Во 1-хъ, повидимому, „Малороссійская Енеида“ была закончена въ первой редакціи уже въ октябрѣ 1794 т., и слѣдовательно мысль о ней могла зародиться въ умѣ автора немедленно или вскорѣ послѣ знакомства съ Енеидою Осипова, появившеюся въ свѣтъ въ 1792 г. Малороссійская Енеида состояла первоначально всего изъ двухъ частей, соотвѣтствовавшихъ позднѣйшимъ тремъ, и авторъ считалъ, повидимому, въ 1794 г. свое произведеніе законченнымъ, или же пріостановился въ своемъ творчествѣ. На послѣдней страницѣ нашего списка стоитъ слово „конецъ“. Если оно принадлежало оригинальной рукописи, то, можетъ быть, авторъ не помышлялъ первоначально о продолженіи своего произведенія и былъ ободренъ къ дальнѣйшей работѣ шумнымъ успѣхомъ первыхъ частей Енеиды. Вспомнимъ, что 4-я часть послѣдней явилась въ печати черезъ 15 лѣтъ послѣ заключенія первой редакціи, пріурочиваемой на основаніи разсмотрѣнной рукописи къ 1794 г.

Во 2-хъ, приходится окончательно отказаться отъ мнѣнія, на которомъ я настаивалъ раньше,—о болѣе или менѣе самобытномъ происхожденіи Енеиды И. П. Котляревскаго. Самъ авторъ смотрѣлъ на нее, какъ на составленную преимущественно по русскому оригиналу: онъ вѣдь назвалъ ее „Перецыганенною съ Рускаго языка на Малороссійскій“. Это выраженіе весьма характерно: оно какъ бы указываетъ на то, что авторъ находилъ мало своего въ составленномъ имъ произведеніи. Этимъ, конечно, не устраняется присутствіе самобытнаго творчества въ „Малороссійской Енеидѣ“ и возможность вліянія на Котляревскаго, кромѣ пародіи Осипова, еще и другихъ произведеній, напр. Скарроновыхъ (русскій переводъ „Roman comique“ Скаррона явился въ свѣтъ въ 1763 г.) и поэмы Майкова „Елисей или раздраженный Вакхъ“.

Въ 3-хъ, Котляревскій предназначалъ свою поэму, повидимому, изначала для читателей болѣе широкаго круга, чѣмъ малороссійская публика того времени. Иначе какъ же объяс-

нить то обстоятельство, что къ малороссійскому тексту онъ сразу присоединилъ множество подстрочныхъ примѣчаній, въ которыхъ разъяснялъ смыслъ отдѣльныхъ словъ и выражалъ, вполнѣ понятныхъ малороссу и темныхъ по своему смыслу лишь для великороссіянъ.

Наконецъ, быть можетъ, съ цѣлью того же возможнаго приближенія къ общерусской литературной рѣчи, Котляревскій употреблялъ ея обороты (напр., „черезъ чуръ“) и по возможности соблюдалъ близость къ ней въ правописаніи такъ, что малорусскій звукъ *и* въ такихъ словахъ какъ вс*ѣ*мъ, с*ѣ*ркою, желѣзнымъ, вел*ѣ*въ, *ѣй*, прав*ди* и т. п., передавалъ черезъ *ѣ* (тоже находимъ и въ текстѣ, изданномъ П. И. Житецкимъ: гр*ѣ*шники 97, гр*ѣ*шне, гр*ѣ*шило 98). Но нужно сказать при этомъ, что твердое *и* (ы) Котляревскій не всегда передавалъ чрезъ *и* (что видимъ въ текстѣ П. И. Житецкаго: воз*и*ли—стр. 97) и ввелъ уже j (пjоха, фjору—л. 21, обор.) и іотированное о (*іо*: *іо*нъ—л. 4: *іо*го—л. 11; *іо*му — л. 14) съ надстрочнымъ знакомъ, подобнымъ французскому accent circonflexe, т. е. облеченному ударенію. Въ нашемъ текстѣ это начертаніе образовалось, вѣроятно, изъ слiянія точки надъ і и ударенія надъ о, т. е. изъ іо=ё (см. грамматику Востокова § 163).

Какъ бы то ни было, новооткрытый списокъ „Малороссійской Енеиды“ заслуживаетъ, мнѣ кажется, тщательнаго вниманія со стороны изслѣдователей, и если я позволилъ себѣ подробно ознакомить съ нимъ читателей, то—съ цѣлью склонить къ изученію его. Послѣднее могло бы послужить къ установленію правильнаго текста Енеиды. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наиболѣе исправный текстъ ея дастъ, повидимому, именно разсмотрѣнная рукопись. Такъ, въ текстѣ, изданномъ П. И. Житецкимъ, въ концѣ 3-й части читаемъ объ Энеѣ и его спутникахъ:

И на *досвѣтѣ* добре спалы;

у Парпуры: на разсвѣтѣ; въ позднѣйшемъ печатномъ изданіи *на дозвильѣ*; въ нашемъ спискѣ: „и на роздольи“.

Вообще этотъ послѣдній много можетъ помочь уясненію генезиса „Малороссійской Енеиды“. А исторія ея созданія заслуживаетъ особаго вниманія, потому что въ поэмѣ Котляревскаго впервые въ русскую литературу вторгался реализмъ почти такого же широкаго пошиба какъ и Гоголевскій, хотя и безъ пластичности и тонкихъ обрисовокъ послѣдняго; впервые пробивалась веселость комизма, хотя и грустная и горькая, — которой было такъ мало въ общерусской литературѣ, какъ то замѣтилъ Пушкинъ, говоря о литературной заслугѣ Гоголя; уже Котляревскій ярко выказалъ особенности малорусскаго литературнаго таланта. Но, при всей энергіи, звучности и выразительности Котляревскаго стиха, этотъ поэтъ во многомъ стоитъ ниже Гоголя. Реализмъ Котляревскаго не разъ грубоватъ и не согрѣтъ теплотою того грустнаго юмора, который сообщаетъ необычайную привлекательность комическому изображенію жизни у Гоголя и который остается доселѣ не превзойденнымъ. У Гоголя еще въ большей степени, чѣмъ у перваго изъ малороссіянъ, прославившихся въ общерусской поэтической литературѣ, т. е. Богдановича, „чертамъ замѣтнѣйшимъ лукавой остроты“, по выраженію Баратынскаго, дается, „милый видъ сердечной простоты“.

Н. Дашкевичъ.

Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 году.

„Война и миръ“ гр. Л. Н. Толстого нанесла сильный ударъ тѣмъ примитивнымъ взглядамъ на жизнь и настроеніе русскаго общества въ эпоху отечественной войны, какіе долго господствовали у насъ съ легкой руки „историковъ“ въ родѣ С. Н. Глинки, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго и другихъ. Фальшиво направленное воображеніе этихъ „историковъ“ рисовало фееническую картину небывалаго и полнаго мелодраматическихъ подробностей подъема „патріотизма“ въ русскомъ обществѣ, какого не видѣла будто бы наша исторія отъ ея начала... По ихъ представленію, въ 1812 году, въ Россіи совсѣмъ исчезли куда-то *люди*, и вездѣ, отъ высшихъ, слоевъ до самыхъ „подлыхъ“, на мѣстѣ людей очутились упавшіе съ неба *герои*, вѣчно кипѣвшіе въ какомъ-то „горнилѣ патріотизма“ и чуть не на каждомъ шагу совершавшіе громкіе подвиги Мининыхъ и Пожарскихъ... По мнѣнію этихъ „историковъ“, подсказанному ихъ воображеніемъ, частная, обыденная жизнь русскаго общества будто бы совершенно замолкла въ 1812 г. и стушевалась предъ постоянными заботами и думами

о „спасеніи отечества“: именно сюда будто бы безраздѣльно устремлялись всѣ мысли и обязательно болѣли всѣ сердца русскихъ людей того времени...

Нашъ великій романистъ, со свойственнымъ ему чутьемъ правды не могъ чувствовать фальши въ картинѣ, нарисованной этими печальной памяти „историками“, и смѣло, на основаніи внимательнаго изученія эпохи 1812 г. по первоисточникамъ, нарисовалъ совершенно иную картину жизни русскаго общества того времени. Не отвергая значительнаго подъема духа въ обществѣ, вполнѣ естественно выросшаго подъ вліяніемъ тогдашнихъ исключительныхъ обстоятельствъ, и встрѣчая въ дѣйствительной жизни эпохи немногихъ, но истинныхъ „героевъ“ духа, всею душею болѣвшихъ скорбями земли и жившихъ только высшими интересами минуты, гр. Толстой, наряду съ этими рѣдкими и блестящими исключеніями, изобразилъ жизнь остальной массы русскаго общества, какъ будничную жизнь обыкновеннѣйшихъ людей, съ ихъ заурядными слабостями, интересами, заботами. Романистъ не вѣритъ, чтобы въ 1812 г. русскіе люди перестали быть людьми и какимъ-то чудомъ могли превратиться въ сплошную толпу фееническихъ „героевъ“, питавшихся однимъ „патріотизмомъ“. Онъ и въ 1812 г. нашелъ нормальную жизнь нормальныхъ людей, съ ихъ шаблонными радостями и горестями, съ заботами лишь о своихъ личныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, съ интересами только своихъ муравейниковъ и кучекъ, т. е. жизнь людей, слишкомъ далекихъ отъ думъ и заботъ о критическомъ положеніи „отечества“ и не сознававшихъ необходимости жертвъ для борьбы съ врагомъ.

Съ такимъ правдивымъ взглядомъ романиста на жизнь и роль русскаго общества среди вызывающихъ событій 1812 г. не могли не согласиться тѣ, кто вѣритъ творческому чутью гр. Толстого и кто знаетъ, что онъ пришелъ къ своимъ выводамъ послѣ долгаго и внимательнаго изученія письменныхъ

и устныхъ (отъ очевидцевъ той эпохи) первоисточниковъ исторіи того времени. Но послѣднее обстоятельство не всѣмъ извѣстно и многіе относятся къ нарисованной гр. Толстымъ картинѣ какъ къ продукту его творчества, не обоснованному на историческихъ данныхъ. Кромѣ того, здѣсь сильно сказалось вліяніе традицій, унаслѣдованныхъ отъ вышеупомянутыхъ „историковъ", имѣющихъ до сихъ поръ поклонниковъ среди современныхъ историковъ извѣстнаго пошиба, изучающихъ исторію больше по „усердію", чѣмъ по разуму...

Прекрасную отповѣдь этимъ наивнымъ фантазіямъ и фактическую основу правдивымъ взглядамъ гр. Толстого на русское общество въ 1812 г. даютъ матеріалы, заключающіеся въ недавно изданномъ сборникѣ г. П. И. Щукина: „Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 г."[1]). Это изданіе (не предназначенное въ продажу и отпечатанное въ количествѣ 200 экземпляровъ) представляетъ сборникъ частныхъ и оффиціальныхъ документовъ, очень цѣнныхъ для характеристики именно внутренней жизни Россіи въ эпоху нашествія Наполеона и слѣдующихъ ближайшихъ годовъ. Здѣсь нѣтъ „реляцій", „диспозицій" и т. п. военнаго матеріала, за то здѣсь не мало документовъ изъ фамильныхъ архивовъ, рисующихъ частную жизнь представителей разныхъ слоевъ общества, ихъ заботы, интересы, дѣла. Оффиціальные документы сборника, частію извлеченные изъ историческихъ архивовъ, частію принадлежащіе къ собранію рукописей г. Щукина, также содержатъ матеріалы главнымъ образомъ для внутренней исторіи Россіи и только отчасти для исторіи самой войны.

Постараюсь извлечь изъ сырыхъ матеріаловъ сборника всѣ данныя, годныя для поставленной задачи—для характеристики русскаго общества въ эпоху Наполеоновскаго нашествія. Многое здѣсь является совершенною новостью; остальное пред-

[1]) Москва, 1897—1899 г.; I ч.—стр. 162. II ч.—стр. 219, III ч.—стр. 263, IV ч.—стр. 357.

ставляетъ существенныя дополненія и разъясненія къ тому, что уже извѣстно по другимъ историческимъ источникамъ.

Напередъ считаю долгомъ оговориться, что какъ матеріалы г. Щукина, такъ и мои выводы изъ нихъ не пытаются дать полную характеристику русскаго общества въ 1812 г.: они освѣщаютъ только *нѣкоторыя* стороны жизни общества, служатъ именно *къ характеристикѣ* его... Полная же картина тогдашней русской жизни—дѣло будущаго.

I.

Приступая къ выполненію своей задачи и желая избѣжать всякихъ упрековъ въ односторонности и предвзятости моихъ поисковъ, я ревностно искалъ на пространствѣ тысячи страницъ сборника г. Щукина малѣйшихъ признаковъ высокаго подъема духа въ русскомъ обществѣ 1812 г. Къ сожалѣнію, мои поиски привели къ очень плачевнымъ результатамъ... Правда, „патріотическихъ фразъ“ встрѣчалась масса: Наполеона и французовъ, съ ихъ союзниками, русскіе не иначе величали, какъ „злобнымъ врагомъ“, „варварами“, „всесвѣтными злодѣями“, „неистовымъ врагомъ“, „басурманами“, „зловреднымъ непріятелемъ“ и т. п. Любопытно, что такія ругательства встрѣчаются даже въ оффиціальныхъ бумагахъ, напр., въ предписаніи Московскаго оберъ-полиціймейстера Ивашкина одному изъ полиціймейстеровъ французы названы „злодѣями“ (II, 208); въ донесеніи того же Ивашкина гр. Р. В. Растопчину французы величаются „извергами“ (II, 10) и т. п. Но отъ всѣхъ этихъ фразъ вѣетъ такимъ дутымъ патріотизмомъ, что останавливаться надъ ними не стоитъ и причислять ихъ къ доблестямъ русскихъ гражданъ немыслимо. Перейдемъ лучше къ фактамъ, гдѣ можно было бы отыскать хотя маленькую струйку дѣйствительной любви къ родинѣ, или иное какое проявленіе гражданскихъ доблестей.

Такихъ симпатичныхъ фактовъ во всемъ сборникѣ г. Щукина я не могъ найти и одного десятка.

О подвигахъ „воинской доблести“ говорить не буду: эта тема достаточно исчерпана въ литературѣ, а разсматриваемый сборникъ почти ничего новаго не прибавляетъ сюда. Но для полноты отмѣчу и эти факты, напр.,— о дѣйствіяхъ партизановъ Фигнера (ошибочно названнаго Вагнеромъ), Дорохова и др. (I, 62, 63), о французской военно-судной коммиссіи надъ Московскими поджигателями (I, 129—140), о подвигахъ русскихъ солдатъ (III, 42—44) и т. п.[1]).

Перехожу къ фактамъ высшаго порядка. Начинаю съ отзыва молодого русскаго офицера, заявившаго протестъ противъ Бородинской бойни. Юрій Никитичъ Бартеневъ, самъ участникъ этого боя, ничего „славнаго“ не нашелъ въ этомъ „совершенномъ адѣ“ и „ужаснѣйшемъ позорищѣ“... Правда, свой протестъ онъ высказалъ всего только въ письмѣ къ матери, но онъ зналъ, что его подробное письмо, содержавшее отчетъ о всемъ ходѣ войны, прочтется не однимъ десяткомъ родныхъ и знакомыхъ, съ которыми онъ безъ малаго годъ не видѣлся. Письмо написано имъ въ мартѣ 1813 г., т. е., въ самомъ апогеѣ русской военной славы, когда наши войска побѣдоносно двигались уже за границею. И черезъ полгода послѣ Бородинскаго сраженія Бартеневъ не можетъ безъ ужаса вспоминать объ этой бойнѣ, гдѣ его воинской части (понтонной ротѣ) выпала почетная роль ухода за ранеными. Такимъ образомъ, ему пришлось тутъ воочію познакомиться съ изнанкою и ближайшими результатами „военнаго искусства“... Приведу его характерныя слова:

---

[1]) См. еще т. III, 7, 8, 40, 41. На послѣднихъ страницахъ помѣщенъ „списокъ русскихъ военныхъ, отличившихся въ 1812 г.“, но къ списку нужно относиться осторожно, такъ какъ къ числу „героевъ“ онъ причисляетъ, напр., Московскаго полиціймейстера Гельмана, который-де „отыскалъ измѣнниковъ“, или камергера Мордвинова, коему „оторвало ногу“ и т. п.

„...Этотъ день останется наиужаснѣйшимъ днемъ въ моей жизни. Я не могу хвастать, чтобъ была большая опасность въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились... Но я бы лучше согласился быть въ пылу самаго жесточайшаго сраженія... А здѣсь же былъ совершенный адъ: кучи тѣлъ, вопли умирающихъ сопутствуютъ тебѣ повсюду; иного увидишь безъ головы, другого безъ рукъ и безъ ногъ; я видѣлъ тамъ и такого, который, бывъ легко раненъ, не могъ говорить, потому что ротъ его былъ наполненъ мозгомъ убитаго возлѣ него солдата. — Всѣ почти шевелятъ губами, и какъ бы вы думали, объ чемъ они просятъ, чего имъ хочется? Они просятъ *добить* ихъ до смерти, дабы не чувствовать такого жесточайшаго мученія, какое они ощущаютъ. — Какія сцены, любезная матушка!... сердце мое не было изъято отъ ужаса. Не боязнь дѣлала мнѣ сіе мѣсто столь страшнымъ...но картина, представляющая мнѣ всѣ образы смерти и мученія человѣчества, потрясала мою внутренность и заставляла отвращать очи мои отъ столь ужаснѣйшаго позорища“ (I, 83, 84). Ниже, разсказывая о сопровожденіи раненыхъ въ Москву, Бартеневъ замѣчаетъ: „всякую ночь помирало у насъ великое множество сихъ несчастливцевъ, и солдаты наши спали въ сей дорогѣ съ мертвыми трупами, потому что, пробудясь отъ сна, находили уже сихъ бѣдняковъ окостенѣлыми“ [1]).

Сюда же примыкаетъ позднѣйшій отзывъ лица, посѣтившаго Бородинское поле въ 1824 г., когда оно еще „во множествѣ“ было покрыто костями: „какой ужасный памятникъ для завоевателей, если бы подножіе ихъ монумента составить изъ труповъ людей, отъ нихъ погибшихъ!—какъ *высоко* бы стоялъ Наполеонъ!...“ (III, 9).

---

[1]) Здѣсь, какъ и въ другихъ выпискахъ, я исправляю нѣкоторую безграмотность документовъ, какъ для удобства чтенія, такъ и потому, что не вижу смысла въ стремленіи г. Щукина сохранить въ полной неприкосновенности всю безграмотность документовъ нашего времени, словно это памятники XV—XVI вѣковъ...

Нельзя сомнѣваться, что Ю. Н. Бартеневъ не былъ одинокъ съ своими взглядами на войну и съ своимъ стремленіемъ бросить военное поприще, о чемъ онъ говоритъ въ томъ же письмѣ: „поприще мое отнынѣ должно кончиться, и я буду искать спокойнѣйшей службы, нежели доселѣ въ какой находился“ (с. 83). Такое отрезвленіе могло произойти во многихъ военныхъ, пережившихъ всѣ ужасы отечественной войны...

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить факты любви къ родинѣ и готовности ради ея на жертвы: студентъ 3 курса Московской медико-хирургической академіи Василій Петровичъ Острогорскій, отпущенный въ августѣ 1812 г. домой (какъ и всѣ студенты 1—3 курсовъ), отказался отъ назначеннаго всѣмъ пособія (по 50 руб.) и остался добровольно при Головинскомъ госпиталѣ, затѣмъ присоединился къ отступавшей русской арміи и до февраля 1813 г. работалъ въ разныхъ госпиталяхъ, помогая врачамъ въ уходѣ за ранеными (III, 198—200).

Въ началѣ августа 1812 г. Московскіе купеческіе сыновья Платонъ Павловъ и Герасимъ Семеновъ „объявили желаніе печь изъ собственной своей муки хлѣбы и сушить изъ оныхъ сухари на продовольствіе войскъ“. Московскій комендантъ Гессе, сообщая объ этомъ фактѣ гр. Растопчину, прибавляетъ, что „и прочіе купцы въ томъ намѣрены соревновать“ Павлову и Семенову, „если только онымъ отъ частей (полицейскихъ) учинена будетъ повѣстка“. Гр. Растопчинъ милостиво велѣлъ объявить жертвователямъ, „что я усердное ихъ пожертвованіе пріемлю съ удовольствіемъ“, и разрѣшилъ „сдѣлать повѣстку, что всякаго званія людямъ *позволяется* (sic) готовить сухари изъ собственнаго ихъ хлѣба на продовольствіе войскъ“... (I, 113). Неизвѣстно, къ какимъ результатамъ привело это милостивое разрѣшеніе начальства принести жертвы на „алтарь отечества“...

Ниже мы увидимъ, что въ 1812 г. русскіе не отставали отъ французовъ въ грабежѣ Русской земли. Сплошное грабительство шло и въ Москвѣ, и въ окрестностяхъ ея, грабили военные, духовные, крестьяне, мѣщане, чиновники, дворяне, купцы и пр. и пр. Особенно поживились дворовые люди, на попеченіе которыхъ было оставлено въ Москвѣ большое богатство частныхъ лицъ. Въ это-то время поголовнаго и самаго безцеремоннаго грабительства являются трое маленькихъ людей, сумѣвшихъ вполнѣ сохранить отъ своихъ и чужихъ грабителей ввѣренное имъ имущество и не польстившихся на присвоеніе чужого добра, что было такъ легко сдѣлать и дѣлалось сплошь и рядомъ въ то смутное время...

Передъ занятіемъ Москвы французами служитель генеральши Бибиковой взялъ изъ ея Московскаго дома разное имущество—платье, мѣха и проч., и отдалъ на сохраненіе крестьянину дер. Слободы Алексѣю Козмину. Тогда же крестьянинъ дер. Чижовой Трофимъ Давыдовъ взялъ изъ дома Бибиковой медвѣжью полость съ саней. Въ декабрѣ Козминъ и Давыдовъ передали служителю Бибиковой все сохраненное ими имущество вплоть до такихъ мелочей, какъ оловянныя пуговицы, 6 аршинъ лентъ, 1 простыня и т. п. (I, 39).

Въ половинѣ октября 1812 г., когда появились въ Москвѣ первыя русскія власти, къ командиру Московской драгунской команды маіору Гельману пришла мѣщанка Анна Яковлева и передала серебрянныя и другія вещи, заемное письмо въ 500 р. и ассигнацій на 500 р. Все это передалъ ей на сохраненіе полковникъ Вельяминовъ, не успѣвшій бѣжать изъ Москвы до занятія ея французами и взятый ими въ плѣнъ. Гельманъ представилъ все оберъ-полиціймейстеру Ивашкину (I, 101).

Съ какими опасностями приходилось москвичамъ бѣжать изъ Москвы и какъ они нерѣдко спасались только благодаря сердечной помощи добрыхъ людей—свидѣтельствуетъ разсказъ

одного изъ такихъ спасенныхъ. Отставной генералъ-маіоръ В. В. Нероновъ, „осьмидесятилѣтній воинъ", страдавшій отъ ранъ и „недвижимый", не могъ уѣхать и остался въ своемъ Московскомъ домѣ. Привожу далѣе его слова: „по разграбленіи же и сожженіи всесвѣтными злодѣями моего дома, я валялся въ полѣ, потомъ на полу въ церкви Троицы, что въ Вишнякахъ, изнемогая отъ побой, отъ стужи, безъ всякой одежды и изтаевая отъ глада. Наконецъ, по 30-тидневномъ страданіи моемъ, въ одну мрачную ночь, мои усердные служители увлекли меня въ телѣжкѣ *на себѣ* за 40 верстъ отъ мѣста мученія"... (II, 128). 30 дней ухаживать за недвижимымъ старцемъ среди самыхъ невозможныхъ условій жизни и при полной возможности бросить его и бѣжать на волю, а затѣмъ 40 верстъ провезти его „на себѣ" — это немалый подвигъ для „рабьихъ сердецъ" крѣпостныхъ людей Неронова (именъ своихъ спасителей онъ не приводитъ), особенно если его сопоставить съ дальнѣйшимъ разсказомъ Неронова о „добрыхъ поселянахъ", которые дальше повезли на лошадяхъ „меня, прежде облекавшагося въ воинственныя брони", а теперь „покрытаго клочьями рубахи и ветхою женскою эпанчею". Въ 40 верстахъ отъ Москвы, т. е. въ краю еще не разоренномъ, „добрые поселяне" не могли найти теплой одежды (дѣло происходило въ октябрѣ) для больного старика, котораго они повезли въ Козловскій уѣздъ, въ имѣніе его брата „съ уговоромъ расплатиться за провозъ на мѣстѣ"...

Отмѣчу еще одинъ фактъ. Правда, дѣйствующія здѣсь лица носятъ иностранныя фамиліи, но разъ одно изъ нихъ называется „Московскимъ купцомъ", а другое считаетъ Россію своимъ „отечествомъ", мы имѣемъ право обоихъ причислить къ русскому обществу. Ниже мы увидимъ, что и до нашествія непріятеля и послѣ него, какъ Московская администрація, такъ и русское общество вообще крайне подозрительно относилось къ иностранцамъ, вездѣ видѣло шпіоновъ, измѣнниковъ,

ловило ихъ и преслѣдовало по самымъ пустымъ и неосновательнымъ подозрѣніямъ. Много грѣха взяло на себя русское общество въ этой болѣзненной своей маніи, и многіе совершенно невинные и честные люди пострадали отъ нея очень чувствительно... Вступиться въ это время за иностранца, въ чемъ-то уже заподозрѣннаго,—значило навлечь на себя такое же подозрѣніе и подвергнуться всѣмъ опасностямъ этого положенія. И вотъ, однако, въ ноябрѣ 1812 г. является предъ гр. Растопчинымъ, съ возмутительнымъ усердіемъ занимавшимся травлею иностранцевъ, энергичная просительница за одного изъ арестованныхъ имъ иностранцевъ и не проситъ, а скорѣе требуетъ во имя справедливости немедленнаго освобожденія его изъ-подъ караула... Анна Штейдель (кто такая—неизвѣстно) открыто возмущается и смѣло негодуетъ предъ всемогущимъ Растопчинымъ по поводу ареста Московскаго купца Ивана Юрша, который „ни къ какому гнусному поступку не способенъ“. И дѣйствительно, то, что она разсказываетъ о добрыхъ дѣлахъ Юрша въ захваченной французами Москвѣ, вполнѣ оправдываетъ ея негодованіе.

Оказывается, что съ появленіемъ французовъ семья Штейдель и „многія другія семейства“, съ ихъ имуществомъ, нашли „убѣжище“ въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара домѣ Юрша. Она говоритъ: „принимая насъ подъ свою защиту и довольствуя пищею, сколько могъ, сей благодѣтельный человѣкъ, одержимый въ то время сильною болѣзнію, былъ ограбленъ въ виду нашемъ и нѣсколько разъ за человѣколюбивые свои поступки находился въ опасности лишиться жизни...“ Позже Штейдель съ семьей удалось, конечно, благодаря Юршу, выбраться изъ Москвы, но все имущество она оставила въ домѣ своего „благодѣтеля“, именно „въ несумнительной надеждѣ получить обратно все оставленное мною у него имѣніе, ибо сей человѣкъ во все время своей жизни обязывалъ только людей къ благодарности и никогда никого не обижалъ. Нынѣ же узнала, что

домъ моего благодѣтеля опечатанъ и самъ онъ содержится подъ карауломъ. Пораженная симъ извѣстіемъ", Штейдель молитъ гр. Растопчина: „возвратите г. Юрша въ домъ его, гдѣ нѣсколько семействъ ожидаютъ его для засвидѣтельствованія ему благодарности за сохраненіе ихъ имѣній и пособіе, въ нуждахъ имъ оказанное..." (II, 54, 55).

Имѣла ли успѣхъ горячая просьба Штейдель—изъ документовъ не видно. Не извѣстно также, за что именно былъ арестованъ Юршъ. Возможно, что поводомъ къ аресту было найденное въ его домѣ имущество разныхъ лицъ: на это намекаетъ тотъ фактъ, что домъ Юрша былъ „опечатанъ", по словамъ Штейдель. Полиція, очевидно, не повѣрила увѣреніямъ Юрша, что это имущество отдано ему собственниками на храненіе, и заподозрила тутъ присвоеніе.

Вотъ почти всѣ (съ нѣкоторыми еще встрѣтимся ниже) найденные мною въ сборникѣ г. Щукина факты, какіе можно занести въ активъ русскаго общества въ 1812 году... Перехожу къ явленіямъ иного порядка—къ обычнымъ явленіямъ текущей жизни разныхъ слоевъ общества, къ жизни той массы, которая состояла не изъ „героевъ", а изъ простыхъ людей, творившихъ простыя человѣческія дѣла и не помышлявшихъ объ исключительности переживаемыхъ родиною событій...

II.

Начинаю съ главнаго нерва тогдашней русской жизни—съ дѣйствующей противъ врага арміи.

Очень жаль, что въ руки г. Щукина попало слишкомъ мало частныхъ писемъ изъ дѣйствующей арміи: это самый живой и содержательный матеріалъ, по которому не трудно было бы судить о господствовавшемъ въ арміи настроеніи и взглядахъ ея на свою роль и задачу. Къ сожалѣнію, въ сборникѣ находимъ всего два частныхъ письма съ театра войны—Сер-

гѣя Мизина (I, 60—64) и вышеупомянутаго Юрія Бартенева (ib., 77—89).

При всей вылощенности и корректности тона, за которыми ничего не видно, Мизинъ однажды прорвался и раскрылъ очень характерную черточку своей личности... Съ какимъ-то смакованьемъ и едва скрываемымъ восторгомъ Мизинъ повѣствуетъ о подломъ вѣроломствѣ „добрыхъ поселянъ“ дер. Каменки, какъ они, напоивши и накормивши французскій отрядъ, ночью „напали на сонныхъ и полутрезвыхъ непріятелей“, часть ихъ побили, остальныхъ захватили въ плѣнъ... (с. 62). Восхищаясь этимъ „подвигомъ“, Мизинъ забываетъ, что нѣсколькими строками выше онъ самъ и справедливо объясняетъ „озлобленіе“ крестьянъ противъ французовъ „разореніями, дѣлаемыми непріятелемъ“.

Но оставимъ Мизина[1]) съ его „штабной философіей“ и перейдемъ къ письму Ю. Н. Бартенева — представителя той массы боевого офицерства, которая умѣла умирать безъ всякой философіи... Обширное письмо Бартенева (I, 77—89) къ „матушкѣ-кормилицѣ“ (такъ онъ называетъ свою мать) читается съ удовольствіемъ; тутъ все ясно, просто, откровенно, что думается и дѣлается, то и пишется, безъ всякихъ недомолвокъ и оговорокъ. Бартеневъ въ это время былъ человѣкъ молодой, только что начинавшій службу, а молодость дѣлаетъ человѣка еще болѣ откровеннымъ. И дѣйствительно, авторъ письма держитъ себя предъ матерью на распашку.

Очень обстоятельно и интересно онъ разсказываетъ о тѣхъ разнообразныхъ роляхъ, какія выпали въ войну 1812 г. его понтонной ротѣ, о своихъ товарищахъ и командирахъ, о личныхъ страданіяхъ и впечатлѣніяхъ въ походѣ и пр. Но... объ „отечествѣ“, о его положеніи, о смыслѣ переживаемой войны, о будущихъ судьбахъ родины и т. п. высшихъ во-

[1]) Извѣстный совѣтъ въ Филяхъ передъ сдачею Москвы Мизинъ почему-то называетъ „совѣтомъ въ *Ярмѣ*“ (с. 60).

просахъ минуты—ни звука, ни намека... Словно ихъ совсѣмъ нѣтъ и быть не можетъ въ головѣ этого заурядnаго офицера... А между тѣмъ, онъ былъ человѣкъ очень не глупый, развитой, здраво разсуждающій и не безъ образованія (артиллерійскій офицеръ). Выше я привелъ его свѣтлыя разсужденія по поводу Бородинскаго побоища. Да и въ другихъ мѣстахъ письма вездѣ виденъ здравый смыслъ, большая наблюдательность и трезвость мысли. Отличное впечатлѣніе производитъ и полное отсутствіе какихъ бы то ни было шаблонныхъ „патріотическихъ фразъ".

Казалось бы, что въ такомъ молодомъ, но уравновѣшенномъ и съ здравой головой офицерѣ должна бы горѣть сильнымъ пламенемъ любовь къ родинѣ... Можетъ быть эта любовь и была, но въ такой слабой степени, что надъ нею совершенно доминировала любовь къ своей „ротѣ", своимъ товарищамъ, а всего больше къ своей особѣ, скорбь о личныхъ невзгодахъ и страданіяхъ въ походѣ, да сожалѣніе о даромъ потраченныхъ силахъ и здоровьѣ... Надъ послѣднею темою Бартеневъ часто останавливается, напр.: „не знаю, какъ я могъ пережить сію зиму, не имѣвъ ни шубы, ни шинели, которыхъ и за большія деньги не можно было достать; нерѣдко постель наша была и на снѣгу, дождь и ненастье—покрывалами; цѣлый день идя пѣшкомъ, ноги промокнутъ отъ снѣга; думаешь отдохнуть отъ сего труда, но не тутъ-то было: не въ теплую избу придешь осушиваться, но на чистое поле..." (с. 84).

До чего среди офицерства былъ распространенъ взглядъ на походъ 1812 г., какъ на одинъ изъ обычныхъ боевыхъ походовъ, какъ на походъ интересный только съ точки зрѣнія служебной *карьеры*, ясно показываютъ многія мѣста письма Бартенева, гдѣ онъ плачется, что отечественная война нисколько не подвинула его служебнаго положенія... Онъ откровенно говоритъ матери: „*корыстей* никакихъ отъ сей компаніи не

получилъ, развѣ только что здоровья поубыло" (с. 86), а въ другомъ мѣстѣ: „здоровье... едва ли отъ трудовъ осталось невредимо, а *мзда* моихъ усилій осталась очень малою. Мы *работали* не менѣе другихъ, но однакожъ медіаторъ нашъ дежурный генералъ Кикинъ, обѣщавшій намъ *чины*, уѣхалъ за границу... и ничего не воспослѣдовало" (с. 87).

Надлежитъ отмѣтить еще слѣдующій фактъ, ярко рисующій крайне небрежныя отношенія высшей военной администраціи къ нуждамъ рядового офицерства, отъ котораго требовалось слишкомъ много, а взамѣнъ того не давалось ничего... Бартеневъ говоритъ: „*жалованья* уже цѣлый *годъ* какъ *не получаю;* да что нашимъ жалованьемъ можно дѣлать, когда за все наше жалованье, т. е. за 280 рублей, давали сперва въ Вильнѣ только 11 червонцевъ, коихъ едва на двѣ недѣли доставало, чтобъ купить на то съѣстныхъ припасовъ..." (с. 86). Бартеневу и его товарищамъ по понтонной ротѣ предоставлено было изворачиваться, какъ они знаютъ; и они навѣрное бы голодали, если бы ихъ не ссужалъ деньгами командиръ роты капитанъ Дитерихсъ. До чего отъ такой нужды обносилось офицерство, достаточно привести слова Бартенева, что изъ бѣлья у него ничего нѣтъ, кромѣ 2—3 ветхихъ „солдатскихъ рубашекъ" и „бездѣлицъ" (такъ онъ деликатно называетъ брюки), сдѣланныхъ изъ „толстаго крестьянскаго сукна, которыя уже и износилъ". (ib.). Выше мы привели его же слова объ отсутствіи у него не только шубы, но и шинели—въ жестокіе морозы той зимы!... И это у офицера изъ состоятельной дворянской семьи (онъ говоритъ объ имѣніяхъ матери, своемъ и братьевъ), отъ которой онъ могъ въ концѣ концовъ дождаться значительной поддержки и оправиться (о чемъ онъ и проситъ мать).

Вполнѣ естественны поэтому такіе факты среди офицеровъ, какъ уклоненіе выздоровѣвшихъ раненыхъ отъ возвращенія въ армію (III, 160), выходъ въ отставку изъ Московскаго ка-

зачьяго полка весною 1813 г. 27 человѣкъ (ib. 163—164), челобитья полковниковъ Полля (с. 241) и Давыдова (с. 248) о томъ, что за кампанію 1812 г. ихъ „оставили безъ всякаго вниманія“, (т. е. не украсили ихъ соотвѣтствующими знаками вниманія) или такой фактъ, что казачій офицеръ расплачивается за услугу двумя фраками, „синимъ“ и „фіолетовымъ“ (с.с. 210 и 211), врядъ ли благопріобрѣтенными, и т. д., и т. д.

III.

Если въ 1812 году такъ бѣдствовало офицерство (конечно, не штабное, а боевое), то что же говорить о сѣрой массѣ „православнаго воинства“, обильно усыпавшаго своими костями родную землю... Положеніе солдатъ было во сто кратъ хуже офицерскаго.

Не въ осужденіе этихъ „бѣдняковъ“ и „несчастливцевъ“ (какъ называлъ солдатъ Ю. Н. Бартеневъ), но въ интересахъ истины необходимо констатировать, на основаніи данныхъ сборника г. Щукина, что *мародерство*, вызванное, очевидно, голодомъ, было страшно развито въ русской арміи 1812 года.

До чего сильно было развито мародерство въ дѣйствующей арміи — ясно говоритъ одно предписаніе гр. Растопчина Московскому оберъ-полиціймейстеру Ивашкину, отъ 1 сентября, т. е. наканунѣ оставленія Москвы. Московскій комендантъ Гессе донесъ графу, „что за всѣми способами, какіе приняты по волѣ его свѣтлости кн. М. Л. Голенищева-Кутузова для прекращенія мародеровъ и праздношатающихся воинскихъ чиновъ“, комендантъ „не можетъ ручаться, чтобъ не пробрались они въ Москву, а потому и проситъ таковыхъ, также *легкораненыхъ* брать подъ карауль и отсылать за конвоемъ къ арміи“. Растопчинъ предписываетъ Ивашкину этихъ бѣглецовъ „ловить и отсылать къ коменданту за карауломъ, также опубликовать въ Москвѣ—не укрываются ли таковые воинскіе чины, отлучившіеся изъ арміи подъ видомъ больныхъ и раненыхъ, или

по какимъ ни есть фальшивымъ препорученіямъ“ (I, 97). Очевидно, зло приняло крупные размѣры, если для ловли бѣглецовъ высшая администрація учреждаетъ даже преміи—какія-то „награжденія“...

Зло должно было особенно усилиться въ моментъ прохожденія арміи чрезъ Москву, гдѣ было такъ удобно скрыться желающимъ. Недаромъ Гессе сообщилъ Ивашкину (1 сентября) приказъ военнаго министра о принятіи всякихъ мѣръ, „дабы во время прохожденія войскъ (чрезъ Москву) ни одинъ чиновникъ, ниже солдатъ, не могъ отъ оныхъ отлучиться и заходить въ дома, па какой конецъ должны быть разставлены полицейскія команды...“ Движеніе арміи 2 колоннами ожидалось ночью, а потому велѣно на улицахъ зажечь фонари и приготовить проводниковъ для указанія пути на Рязанскую дорогу (I, 117, 118). Днемъ раньше Растопчинъ издалъ по полиціи приказъ: „всѣ питейные дома закрыть, продажу вина въ нихъ запретить, и чтобъ его ни капли не было!...“ (с. 117).

Для поддержанія дисциплины въ арміи, военный министръ прибѣгаетъ къ содѣйствію полицейскихъ командъ, обязанныхъ спасти столицу отъ... своей арміи!.. Опасенія были вполнѣ основательны; напр., очевидецъ оставленія Москвы чиновникъ Сокольскій разсказываетъ, что когда онъ съ семьей оставлялъ городъ—„вооружась“, такъ какъ „грабежъ былъ во всей силѣ“, то „у Покровскаго моста (Сокольскій направлялся въ село Измайлово) встрѣтили около 5000 *раненыхъ*, кои *разбивали кабаки*; намъ многіе грозили страшною опасностію“... (I, 3). Ужъ если раненые солдаты занимались грабежомъ кабаковъ (очевидно, строгій приказъ Растопчина не могъ быть исполненъ), то что же говорить о здоровыхъ... Сокольскій сообщаетъ, что на другой день его родственники поѣхали изъ Измайлова въ Москву, но „лишь успѣли купить мяса, то увидѣли скачущихъ черезъ Охотный рядъ козаковъ: подавай Богъ ноги!..“, т. е. поспѣшили уйти изъ города подальше отъ

„усердныхъ защитниковъ отечества"... Но и въ Измайловѣ отъ нихъ не было безопасно: „въ самую полночь человѣкъ 10 *раненыхъ* начали ломить наши ворота; мы вскочили и рѣшились сражаться"... Къ счастью, ихъ „защитилъ мундиръ" приставшаго къ нимъ отставного офицера. Въ такой постоянной опасности находились обитатели Измайлова пока не прошла мимо вся русская армія, на смѣну которой стали являться въ село французы изъ Москвы, съ тѣми же грабительскими цѣлями.

Другіе очевидцы (старосты подмосковскихъ селъ кн. Голицыныхъ) пишутъ своимъ владѣльцамъ изъ с. Гребнева: „наша армія, *бѣжавшая* отъ нихъ (французовъ) *безо всякаго порядка*, остановилась за Покровской и Спасской заставами, на поляхъ, занимая пространство до с. Вешнякова и вашего с. Влахернскаго, а многіе казаки и прочая кавалерія ночевала въ самомъ у насъ селѣ и начинала дѣлать *опустошенія*. А во вторникъ поутру наши козаки и со скотнаго двора всю *скотину угнали*, не смотря ни на чьи просьбы, говоря при томъ, что достанется французамъ" (I, 11).

Все населеніе с. Влахернскаго бѣжало въ другую вотчину кн. Голицыныхъ (въ с. Гребнево), подальше отъ Москвы. Оставшійся въ селѣ староста сообщаетъ, что на другой день „пріѣхалъ отрядъ кавалеріи (русской), человѣкъ изо ста состоящій, и начали сначала бить оставшихся куръ, а наконецъ *разбили* и оба деревянные погреба и начали тутъ бражничать, наѣзжая безпрестанно партія за партіей, и такъ сей *грабежъ* продолжался... во всю ночь..." Кавалеристы „съ факелами ходили по всѣмъ флигелямъ (господской усадьбы) и—гдѣ что имъ ни попадалось—разбивали и грабили не только наши (дворовыхъ людей) *бѣдные пожитки*, но даже хлѣбъ, муку и крупу, и все вообще, что имъ ни встрѣчалось" (с. 12). Въ тотъ же день мѣстный крестьянинъ и „садовой ученикъ" Иванъ Фроловъ, отданный въ ополченіе („въ милицію", какъ выражается

староста)—„навелъ партію, человѣкъ изъ 200 состоящую, и указалъ имъ закладенной ренской погребъ, которой въ одну минуту весь разломали, сундуки со столовымъ бѣльемъ вашего сіятельства и прочихъ жителей сундучишки разбили, вина и водки все выпили, а остальное поклали въ фурманы и *увезли* съ собой...“ О другой кладовой Фроловъ не зналъ и она уцѣлѣла (ib.).

Послѣ этого грабежа и староста бросилъ с. Влахернское и направился съ семьей въ с. Гребнево; но не успѣли они пройти с. Кусково, „какъ снова погнали французы нашу армію по Коломенкѣ безо всякаго сраженія и въ тотъ же день, т. е. въ среду, французы заняли наше с. Влахернское, но имъ *поживиться* было уже *нечѣмъ*, кромѣ только нѣсколькихъ сотъ пудъ въ анбарѣ оставшейся ржаной муки, а въ домѣ вашего сіятельства *еще наша армія* все переломала и всю мебель ободрала, да всѣхъ вообще жителей кое-какое имѣньишко зарыто было въ новомъ строеніи въ землѣ, такъ и тѣмъ воспользовались французы, и то имъ *указалъ* солдатъ Лазоревъ“ т. е. свой же, русскій, вѣроятно отставной, жившій въ селѣ (ib.).

Другой приказчикъ кн. Голицыныхъ пишетъ по поводу господскаго скота, взятаго казаками въ с. Влахернскомъ, что когда они „рогатой скотъ согнали“, то „быка“ взять не могли и потому его закололи пикою...“ Вообще, говоритъ приказчикъ, „казаки много дѣлаютъ *грабежей*, а потому надѣяться на нихъ и нельзя...“ (с. 15, 16).

Приказчикъ изъ с. Гребнева пишетъ кн. Голицыну: „мимо деревень вашего с-ва хотя и *довольно проходитъ* раненыхъ и нераненыхъ солдатъ и казаковъ, но никакого грабительства и притѣсненій крестьянамъ не дѣлаютъ“. Былъ только одинъ случай нанесенія пьянымъ солдатомъ ранъ крестьянину, „но не такъ вредныхъ“ (l, 8). Но нужно замѣтить, что Гребнево лежало внѣ театра военныхъ дѣйствій (въ Богородскомъ

уѣздѣ), и проходившія тамъ въ „довольномъ“ количествѣ партіи мародеровъ и бѣглецовъ изъ арміи поневолѣ держали себя скромно, хорошо сознавая всю незаконность своего положенія и опасаясь встрѣчъ съ мѣстной администраціей, которая обязана была вернуть ихъ въ армію.

Тотъ же Гребневскій приказчикъ подтверждаетъ разореніе с. Влахернскаго русскими войсками и говоритъ, что крестьяне того села, „видя *опасность отъ козаковъ*, едва могли убраться, въ чемъ были только, и явились сюда (въ Гребнево), не имѣя хлѣба ни куска...“ (с. 8).

Въ другомъ своемъ донесеніи Голицыну, отъ 1 октября, тотъ же приказчикъ увѣдомляетъ, что „*городъ* Дмитровъ (Моск. губ.) начали *разбивать казаки*“, и вслѣдствіе того конный заводъ Голицына, находившійся въ с. Пересвѣтовѣ и подвергавшійся „таковой же участи“, переведенъ за 20 верстъ далѣе... Но коровы его сіятельства находятся въ опасности, и „удалить ихъ—не нахожу мѣста“ (с. 9).

Въ концѣ октября тотъ же приказчикъ Иванъ Саламатовъ сообщаетъ кн. Голицыну не безъ видимаго удивленія, что проходившіе чрезъ Гребнево ополченцы „вреда въ вотчинѣ никакого не учинили“, кромѣ того, что брали овесъ и сѣно „безъ платежа за оное“ (I, 24).

Староста с. Гривы (Сычевскаго у.) пишетъ князю, что у нихъ „хлѣбъ зимой и сѣна крестьяне успѣли убрать до *нашествія армій*“, подъ коими онъ разумѣетъ французскую и русскую арміи. Гривская вотчина видѣла только небольшія партіи французовъ, набѣги которыхъ иногда удачно отражались крестьянами и „тѣмъ спасли всѣ деревни отъ огня рукъ непріятельскихъ“, хотя немного и пострадали отъ ихъ грабежа. Но едва-ли не болѣе пострадала Гривская вотчина отъ своей арміи, когда началось отступленіе французовъ. Староста говоритъ, что въ началѣ войны „требованія подводъ и по военнымъ надобностямъ нарядовъ никакихъ не было, кромѣ какъ только

проходя партіи казаковъ снабжаемы были провіантомъ и фуражемъ. Нынѣ же (въ декабрѣ)... каждодневно слѣдуютъ чрезъ здѣшнюю вотчину отряды солдатъ, которые останавливаются въ деревняхъ для ночлеговъ, *требуютъ* также провіантъ и фуражъ и для свозу больныхъ подводы. Сверхъ сего и отъ земской полиціи нерѣдко случаются требованія подводъ по военнымъ надобностямъ" (I, 36—38).

Приказчикъ с. Горохова (кажется, Тульской губ.) жалуется кн. Голицыну, что „проходящими войсками былъ употребляемъ овесъ и сѣно, а въ полученіи оныхъ давались квитанціи безъ платежу денегъ, и, гдѣ оные получить и откуда, неизвѣстно" (с. 40). Это былъ уже законный грабежъ, оформленный пресловутыми „квитанціями" и продѣлываемый уже не мародерскими партіями, а дисциплинированными отрядами войскъ.

Закончу этотъ перечень грабежей, чинившихся русской арміей въ 1812 году, однимъ случаемъ, передаваемымъ очевидцемъ—Ю. Н. Бартеневымъ. Случай тѣмъ характеренъ, что происходилъ не гдѣ-либо на „заднихъ линіяхъ" арміи, а въ самомъ центрѣ ея, т. е. на глазахъ у всякаго рода начальства...

При отступленіи отъ Полоцка главной арміи, въ составъ которой входила понтонная рота (частію переформированная въ подвижные парки походнаго провіантскаго магазина), Бартеневу пришлось какъ-то отстать отъ роты съ нѣсколькими понтонами и кузницею, чтобы заняться починкою колесъ у понтоновъ. Сдѣлавши это, онъ не успѣлъ догнать своей роты и заночевалъ съ своими понтонами среди отступавшей арміи. Когда онъ улегся, „люди мои, увидя (это)... почли себѣ за удобный случай сходить между тѣмъ въ какую-нибудь близь лежащую деревню и тамъ *пограбить;* они оставили всѣхъ лошадей безъ всякаго присмотра, не опасаясь того, что близь стоящіе *казаки могли бы* многихъ изъ нихъ *увесть* съ собою и меня оставить въ неминуемой бѣдѣ и напасти. Однакожъ я отблагодарилъ сихъ людей достойнымъ онаго поступка образомъ и

украденыхъ овецъ отдалъ первому мнѣ попавшемуся крестьянину, а чѣмъ и лишилъ добычи, пріобрѣтенной постыдными трудами ихъ...“ (I, 81).

Бартеневъ поступилъ тутъ согласно своему убѣжденію, что „*право чести* должно быть *сохраняемо* даже и во время *самыхъ отчаянныхъ положеній*, случающихся въ войнѣ...“ (с. 82). Сомнительно, чтобы въ арміи много было такихъ рыцарей чести, иначе не было бы мѣста такимъ явленіямъ, какъ удивленіе офицера, что казаки не украли у него казенныхъ лошадей, оставленныхъ солдатами безъ присмотра...[1]).

IV.

Перехожу къ другому центральному пункту русской жизни въ 1812 году—къ Москвѣ, за которою издавна числится особая привилегія поддерживать „священный огонь патріотизма“... Посмотримъ, какъ Москва отправляла въ отечественную войну свою провиденціальную функцію...

Начнемъ съ Москвы передъ нашествіемъ французовъ. Не будемъ останавливаться надъ центральною Московскою фигурою того времени—„душою Москвы“, гр. О. В. Растопчинымъ. Литература эпохи 1812 г. оказала черезчуръ много чести этой пресловутой фигурѣ, занимаясь ею на всѣ лады, хотя въ сущности ничего сложнаго и загадочнаго въ ней нѣтъ: это типъ самодура высшаго ранга, способнаго при случаѣ не отступить и предъ убійствомъ человѣка (см. убійство гр. Растопчинымъ „измѣнника“ М. Н. Верещагина [2])..., но очень озабоченнаго желаніемъ попасть въ исторію съ незапятнаннымъ именемъ „великаго патріота“ и „крупнаго государственнаго мужа“...[3]).

---

[1]) О грабежахъ въ районѣ дѣйствующей арміи см. еще III, 184, 210 и др.

[2]) Кстати: въ сборникѣ г. Щукина есть нѣсколько документовъ по „дѣлу“ несчастнаго Верещагина (II, 57—59).

[3]) См. отзывъ француза о „злотворномъ духѣ“ этого „новѣйшаго Ерострата“ (III, 25).

Едва ли не самою отличительною чертою Московскаго настроенія лѣтомъ 1812 г. слѣдуетъ признать совершенно непонятный страхъ Москвы предъ живущими въ ней иностранцами и возникшее вслѣдствіе того возмутительное *гоненіе* на нихъ...

Уже въ началѣ іюля 1812 г., т. е., когда и мысли еще не было о возможности появленія непріятеля въ Москвѣ, гр. Растопчинъ предписалъ Ивашкину „составить подробную вѣдомость о всѣхъ, живущихъ въ Московской столицѣ (sic) иностранцахъ“ (II, 67). Къ сожалѣнію, этой любопытной вѣдомости нѣтъ, сохранилась только форма ея (с. 68), гдѣ заранѣе уже были назначены и такія рубрики: „назначеніе къ выѣзду за границу“ и „назначеніе къ отправленію въ другія губерніи“. Свѣдѣнія поручено собирать полицейскимъ чинамъ „Московской столицы“, далеко не свободнымъ отъ искушенія за взятку оставить въ Москвѣ самаго опаснаго непріятельскаго шпіона...

Прежде всего принялись ловить шпіоновъ въ Москвѣ уже въ первыхъ числахъ іюля. Много-ли было поймано дѣйствительныхъ шпіоновъ—это знаетъ только совѣсть Растопчина и его сотрудниковъ... Но врядъ ли совѣсть могла остановить усердіе этихъ лицъ, видѣвшихъ шпіоновъ и тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было.

Еще 3 іюня генералъ отъ кавалеріи А. П. Тормасовъ писалъ изъ главной квартиры арміи къ гр. И. В. Гудовичу, что „французское правительство намѣревалось прислать въ россійскіе города тайныхъ комиссіонеровъ, подъ видомъ купцовъ“; а такъ какъ „теперь прибыли изъ заграницы швейцарскіе уроженцы, купцы, съ пашпортами“, К. Веберъ, П. Веберъ, Шейнъ и Гейдеръ, отправившіеся въ Москву, то и совѣтуется Московской полиціи „имѣть надъ ними строгое наблюденіе“. Гудовичъ передалъ эту бумагу Растопчину, а тотъ, дѣлая по полиціи соотвѣтственныя распоряженія, присое-

динилъ къ 3 прибывшимъ иностранцамъ еще какого-то „Минскаго дворянина" Онуфрія Дорошкевича, совѣтуя и надъ нимъ имѣть „крѣпкій надзоръ" (II, 59, 60).

Изъ позднѣйшихъ извѣстій (въ декабрѣ) оказывается, что двое изъ этихъ швейцарцевъ Каспоръ Веберъ и Гейдеръ были высланы изъ Москвы въ Нижній, хотя сама Московская полиція увѣряетъ (слова Ивашкина), что „до времени ихъ высылки *подозрительнаго* въ поведеніи *ничего* не открылось..." Оправдываясь въ этомъ поступкѣ предъ министромъ полиціи С. К. Вязмитиновымъ (которому подавалъ прошеніе объ освобожденіи этихъ несчастныхъ дядя одного изъ нихъ—„Ревельскій купецъ" Л. Веберъ) и гр. А. А. Аракчеевымъ (вѣроятно и ему было подано прошеніе), Растопчинъ наивно говоритъ, что „извѣщеніе генерала Тормасова могло служить достаточнымъ поводомъ (sic) къ удаленію ихъ изъ Москвы" и особенно-де „при смутныхъ обстоятельствахъ, *въ послѣдствіи времени* (sic) столицу сію постигшихъ" (II, 152, 153). Въ томъ-то и дѣло, что Веберъ и Гейдеръ были удалены задолго до этихъ „смутныхъ обстоятельствъ", наступившихъ „въ послѣдствіи времени"...

Также, вѣроятно, основательна была высылка изъ Москвы „шпіоновъ"—отставного прапорщика Мартына Дроголевскаго (I, 116, III, 204), К. Мейера (с. 152) и др. О послѣднемъ братъ его коллежскій ассесоръ (т. е. чиновникъ русской службы) Иванъ Мейеръ въ прошеніи на имя С. К. Вязмитинова пишетъ, что братъ его жилъ въ Москвѣ съ 1794 г.; въ 1807 г. принялъ русское подданство, записался въ Дерптское купечество и учредилъ въ Москвѣ комерческій домъ, ведущій обширную торговлю; „вдругъ, *не зная* ни причины, ни вины, въ концѣ прошедшаго августа (1812 г.) московскою полиціею взятъ въ числѣ иностранцевъ и отправленъ въ Нижній..." Въ свое оправданіе Растопчинъ голословно писалъ Вязмитинову, что „Кондратъ Мейеръ съ давняго времени замѣченъ былъ Московскою

полиціею человѣкомъ весьма подозрительнымъ и подозрѣніе, которое онъ навлекъ на себя своимъ поведеніемъ, еще болѣе усугубилось по тѣсной связи его съ извѣстнымъ докторомъ Сальватори..." [1]). Чтобы „усугубить" свое голословное обвиненіе, Растопчинъ не находитъ ничего лучшаго, какъ бросить тѣнь на нравственность Ивана Мейера, вступившагося за брата... „Благородный рыцарь" Растопчинъ увѣряетъ, будто проситель „ограбилъ" какого-то купца и занимался „тайнымъ провозомъ запрещенныхъ товаровъ"...

Что уликами противъ такъ называемыхъ „шпіоновъ" было одно лишь „подозрѣніе" взволнованныхъ нервовъ Московскаго общества, а не обнаруженные факты шпіонства, въ этомъ легко убѣдиться еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что во всѣхъ случаяхъ высылки изъ Москвы иностранцевъ виною послѣднихъ было не разстроенное воображеніе полиціи и общества, но единственно *слова* и *думы* иностранцевъ, подслушанныя и раскрытыя полицейскими прозорливцами... Ни одного факта, ни одного дѣйствія въ пользу непріятеля и во вредъ Россіи полиція не обнаружила за намѣченными ею жертвами среди иностранцевъ, а между тѣмъ за однѣ неосторожныя рѣчи щедро полосовали свои жертвы ударами плети и не останавливались предъ ссылкою даже ихъ въ Сибирь... Приведу кое-что изъ этого позорнаго мартиролога.

31 августа 1812 г. Растопчинъ отдалъ приказъ: „*за* дерзкія *слова* и угрозы французу Петинету дать 50 ударовъ плетьми и отправить съ другими въ Сибирь" (I, 113). Не смотря на то, что это было самое горячее для Растопчина время, онъ успѣлъ при другихъ государственныхъ заботахъ заняться поркою и несчастнаго француза, но отправить его въ Сибирь не удалось по „смутнымъ обстоятельствамъ тогдашняго времени", и Петинетъ дождался въ Москвѣ французовъ (с. 113, 115).

[1]) О докторѣ Сальватори см. III. 169.

Раньше этого случая нѣмецъ портной Шнейдеръ получилъ 30, а французъ Токе 20 ударовъ плетей *„за ложныя пророчества*, что Наполеонъ будетъ обѣдать въ Москвѣ“ 15 августа. Обоихъ пророковъ Растопчинъ приказалъ сгоряча „сослать въ Нерчинскъ на работу“, но черезъ недѣлю умилостивился и замѣнилъ Нерчинскъ Вяткою (I, 115, 116, III, 204). Любопытно слѣдующее обстоятельство: пророчество было высказано, конечно, раньше 15 августа, но гр. Растопчинъ наказалъ пророковъ не тогда, а только 20 августа, т. е. когда убѣдился, что пророчество оказалось „лживымъ...“

Въ іюлѣ полякъ Реутъ былъ сосланъ въ Оренбургъ *„за* дерзкія *слова* противъ правительства и *карточную игру*“ (I, 155). Какимъ образомъ и „карточная игра“ Реута оказалась политическимъ преступленіемъ—Растопчинъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ Вязмитинову на его запросъ: „какъ велико преступленіе Реута?“—Вмѣстѣ съ Реутомъ пострадалъ *„за* дерзкія *слова*“ и полякъ Овернеръ, сосланный въ Пермь (II, 24, 25).

Въ томъ же іюлѣ 1812 г. произошелъ одинъ случай, показывающій, что жертвы гр. Растопчина на „алтарь отечества“ не ограничивались извѣстнымъ сожженіемъ графской усадьбы въ с. Вороновѣ: еще раньше этого подвига графъ пожертвовалъ своимъ „кухмистромъ“ французомъ Теодоромъ Турне—сослалъ его въ Тобольскъ, предварительно давши ему 20 ударовъ плетьми, но не безъ милости своего рода: *„объявя*, за что онъ наказывается...“ А наказанъ онъ *„за внушенія* разнаго рода, клонящіяся къ преклоненію умовъ къ французамъ...“ (II, 22, 23; I, 155, 156). Документы не говорятъ, чьи „умы“ находились въ такой смертельной опасности и гдѣ кухмистеръ велъ свою пропаганду.

Но для графа Растопчина мало было казнить людей за слова: онъ каралъ иностранцевъ за одни предполагаемыя *душевныя* движенія ихъ, ничѣмъ не обнаруженныя... Графъ

писалъ Вязмитинову, что „удаленный изъ Москвы на баркѣ“ купецъ Паули—„изъ числа тѣхъ иностранцевъ, которые тѣломъ остались въ Россіи, а *душою* преданы французамъ, а потому удаленіе его изъ Москвы и не почиталъ я излишнимъ, особенно въ то время, когда столица угрожаема была нашествіемъ непріятельскимъ...“ Жена Паули, подававшая Вязмитинову просьбу объ освобожденіи мужа, „душу“ котораго такъ хорошо изучилъ Растопчинъ, говоритъ, что Паули уже 18 лѣтъ находится въ Россіи и съ 1807 г. „вступилъ въ вѣчное Россіи подданство“ (I, 154, 155).

Къ числу политическихъ преступленій иностранцевъ спеціально открытыхъ гр. Растопчинымъ въ 1812 г., было и такое—„дерзкое обращеніе съ Московскою публикою...“ На Кузнецкомъ мосту былъ модный магазинъ иностранца Гута, у котораго еще къ 1811 г. произошло столкновеніе съ какимъ-то коллежскимъ ассесоромъ Кикинымъ, жаловавшимся полиціи на „неблагопристойности и ругательства“, понесенныя имъ въ лавкѣ Гута. И вотъ Растопчинъ, на запросъ Вязмитинова о винѣ высланнаго изъ Москвы („на баркѣ“) Гута, отвѣчаетъ: „Гутъ и съ женою своею не одинъ разъ замѣченъ былъ полиціею въ *дерзкомъ обращеніи* съ Московскою публикою и что по приносимымъ на него въ разное время жалобамъ поведеніе его обнаружилось со стороны весьма невыгодной. *Сіе самое* обстоятельство и было *поводомъ удаленія* его изъ Москвы съ прочими иностранцами, которые по образу своихъ мыслей и поведенія не могли быть терпимы въ столицѣ...“ (I, 153, 154).

Съ другой стороны, и роль Московской публики въ этой травлѣ очень ясна: вѣдь всѣ эти „дерзкія слова“, „пророчества“, „внушенія“ и т. п. раздавались не въ воздушномъ пространствѣ и адресовались не полицейскимъ же чинамъ и агентамъ... Да и могъ ли Растопчинъ такъ „храбро“ расправляться съ иностранцами, если бы не чувствовалъ подъ нога-

ми твердой почвы въ видѣ сочувствія его мѣропріятіямъ со стороны „Московской публики...“ [1]) Достаточно отмѣтить, что когда въ Нижній (въ октябрѣ) было доставлено изъ Москвы 40 мужчинъ и 4 женщины съ дѣтьми „иностранныхъ“, то Нижегородскій губернаторъ А. М. Руновскій писалъ Растопчину, что „пребываніе ихъ здѣсь столько же *опасно*, какъ и въ столицѣ“, и прежде всего именно „по наполненію здѣшняго города *Московскою публикою*...“ (I, 148). По совѣту Растопчина, Руновскій перевелъ иностранцевъ въ городъ Макарьевъ, откуда лѣтомъ 1813 г., на время Макарьевской ярмарки, ихъ снова собирались куда-то перевести, очевидно-также въ виду наплыва на ярмарку „Московской публики“ (ст. 149, 150).

Къ болѣе мелкимъ проявленіямъ подозрительнаго отношенія къ иностранцамъ слѣдуетъ отнести фактъ высылки въ дѣйствующую армію вольнопрактикующихъ Московскихъ врачей, носившихъ иностранныя фамиліи. Это были—Лейбошицъ, Миллеръ, Ѳедоръ Коршъ (штабъ-лекарь), Скюдери и Кнаппе. Высылались они „по распоряженіямъ министерства полиціи“. Но тутъ даже Московская полиція вступилась за гонимыхъ и отписала, что Лейбошицъ боленъ „застарѣлою грыжею“ и не можетъ двинуться въ походъ, Миллеръ умеръ, Коршъ состоитъ „инспекторскимъ помощникомъ“ въ Московской медико-хирургической академіи, Скюдери боленъ (по свидѣтельству „профессора и кавалера“ Мудрова); остался одинъ Кнаппе, который и высланъ въ армію (II, 98, 99).

Къ этой же области мелочной придирчивости къ иностранцамъ относятся факты невыдачи многимъ изъ нихъ заграничныхъ паспортовъ, когда война уже была объявлена (II, 113, 121, 122). Въ числѣ заподозрѣнныхъ, которымъ выдали паспорты только послѣ нѣкоторыхъ колебаній были, „волти-

[1]) См. еще объ этой травлѣ III, 118—120, 135, 136, 159, 172—174, 189—192, 202, 204, и др.

жеръ“ Хіарни съ его труппою (с. 122). А о какой-то Генріеттѣ Каламъ гр. Растопчинъ распорядился—„впредь до моего повелѣнія выѣзду изъ Москвы не позволять“ (с. 113).

Сюда же примыкаютъ и факты запрещенія русскимъ заграничныхъ поѣздокъ; напр., въ іюнѣ не были отпущены заграницу дѣйств. статская совѣтница Баркова и шляхтичъ Соколовскій (II, 108).

О французскомъ агентѣ (оффиціальномъ) въ Москвѣ Дорфлани Растопчинъ напротивъ очень хлопоталъ, чтобы онъ выѣхалъ „чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше..“ Но Дорфлани не торопился: предписаніе графа—отъ 12 іюня; но только 26 іюня полиція увѣдомила его объ отъѣздѣ Дорфлани въ Петербургъ (II, 23, 24).

Любопытно сопоставить эти гоненія на иностранцевъ съ такими проявленіями преданности ихъ Россіи, какъ, напр., прошеніе (въ іюлѣ) иностранныхъ ремесленниковъ въ Москвѣ (золотыхъ дѣлъ мастера Фурманна, переплетчика Иверника и др.)—„ составить гражданскій корпусъ для занятія карауловъ“ въ Москвѣ, съ собственными ружьями, но казеннымъ порохомъ, „дабы регулярныя войска могли быть употреблены на постоянную службу противу врага отечества.“ Государь разрѣшилъ образовать изъ иностранцевъ „гражданскую стражу“, съ предоставленіемъ чинамъ ея „носить на шляпѣ вензель“ Его Величества. Иностранцы, записывавшіеся въ милицію, не замедлили воспользоваться своимъ правомъ насчетъ вензеля. Но гр. Растопчинъ тотчасъ запретилъ употребленіе вензелей, „доколѣ не будутъ по настоящему формированы“, чего иностранцы не дождались (II, 7—9).

Точно такое же отношеніе русскихъ властей къ доброму предложенію иностранца встрѣчаемъ и въ другомъ случаѣ: въ августѣ 1812 г. иностранецъ Ремеръ „изъ усердія къ пользѣ общей“ предложилъ Растопчину „для пользованія раненыхъ солдатъ нѣкій составъ бальзама, могущаго останавливать

теченіе крови" (рецептъ его приложенъ) и пожертвовалъ на армію 200 ведеръ уксуса, „сдѣланнаго изъ изюма"; о судьбѣ бальзама ничего не извѣстно, но объ уксусѣ Растопчинъ спохватился... ровно черезъ годъ—въ августѣ 1813 года... Полиція затребовала свѣдѣній отъ Ремера, который и отвѣтилъ не безъ горечи, что уксусъ годъ назадъ былъ освидѣтельствованъ членомъ медицинской конторы, но „почему, по вынутіи пробъ и по запечатаніи, оный (уксусъ) не былъ взятъ, мнѣ неизвѣстно; а во время нашествія непріятельскихъ войскъ оный уксусъ сгорѣлъ или расхищенъ—также мнѣ не извѣстно..." (II, 100—103).

Нельзя не пожалѣть, что гражданская стража изъ иностранцевъ не была образована передъ занятіемъ Москвы французами: можетъ быть, она съумѣла бы избавить русскій народъ отъ лишняго грѣха—отъ *грабежей* во дни оставленія Москвы. Что грабили тогда въ Москвѣ не одно войско, но и народъ—объ этомъ прямо говорятъ очевидцы. Напр., чиновникъ Сокольскій говоритъ (въ день выѣзда изъ Москвы): „*народъ* бѣжалъ мимо насъ (въ с. Измайлово) толпами, грабительство производилось и за нами, и передъ нами", а въ самой Москвѣ—„грабежъ былъ во всей силѣ" (I, 3). Не менѣе усердно грабилъ народъ и въ окрестностяхъ Москвы (III 67, 257 и др.), особенно Московскихъ бѣглецовъ, иронически оправдывая грабежъ тѣмъ, что бѣглецы-де „Москву пропили на чаю" (с. 257). Одинъ очевидецъ передаетъ характерные факты о Московскихъ бѣглецахъ, что они бѣжали, „оставляя немощныхъ, покидая женъ, и—что неистерпимо для человѣчества—бросали малыхъ дѣтей..." (с. 262).

Позже сложилась легенда, будто грабежами занимались выпущенные гр. Растопчинымъ колодники. Но оказывается, что число освобожденныхъ колодниковъ было каплею въ морѣ остальной массы народа. Французскіе источники (протоколъ французской военно-судной комиссіи надъ русскими поджигателями) опредѣляютъ эту каплю въ 800 человѣкъ

(I, 134). Но, по русскимъ оффиціальнымъ даннымъ, видно, что 2 августа 1812 г. въ Московскомъ „губернскомъ замкѣ“ и „временной тюрьмѣ“ находилось всего 173 колодника (въ томъ числѣ 26 женщинъ), и изъ нихъ содержавшіеся въ замкѣ переданы военному конвою „для вывода изъ Москвы“, „выпущены“ по приказанію Растопчина только заключенные во временной тюрьмѣ (II, 212, 213). Количество тѣхъ и другихъ не указано; но, во всякомъ случаѣ, выпущено было меньшинство изъ всего количества 173 арестантовъ, такъ какъ въ замкѣ ихъ содержалось больше, чѣмъ во временной тюрьмѣ.

V.

Призракъ русскихъ „*измѣнниковъ*“ мерещился Московскому обществу еще задолго до появленія французовъ въ Москвѣ и тревожилъ не менѣе призрака французскихъ „шпіоновъ“. Достаточно вспомнить возникшее въ первыхъ числахъ іюля дѣло извѣстнаго купеческаго сына М. Н. Верещагина, объявленнаго великимъ измѣнникомъ и позже убитаго гр. Растопчинымъ только за то, что несчастный юноша, какъ онъ откровенно показалъ на первомъ допросѣ, „единственно изъ вѣтренности мыслей“ сочинилъ „рѣчь французскаго императора Наполеона къ князьямъ Рейнскаго союза“, въ которой встрѣчались „дерзкія слова на счетъ Россійской имперіи...“ (II, 57, 58).

Но съ дѣйствительными—вольными и невольными—измѣнниками Москвѣ пришлось познакомиться уже послѣ оставленія города французами, когда обнаружилось, что значительное число москвичей состояло на службѣ французскаго правительства, а многіе даже уѣхали вслѣдъ за французами. Хлопоты правительства объ открытіи этихъ измѣнниковъ начались сейчасъ же по уходѣ непріятеля изъ Москвы. Французы оставили ее 10—11 октября, а уже 13 октября оберъ-полиціймей-

стеръ Ивашкинъ, направлявшійся въ Москву, получилъ „тайное“ предписаніе гр. Растопчина насчетъ первыхъ дѣйствій полиціи въ разоренной столицѣ, и здѣсь первымъ же пунктомъ поставлено слѣдующее распоряженіе графа: „по пріѣздѣ вашемъ въ Москву употребите всевозможное стараніе для удостовѣренія о тѣхъ людяхъ, кои употреблены были непріятелями во время ихъ пребыванія въ Москвѣ, и оныхъ берите и сажайте подъ крѣпкой караулъ“ (I, 102).

Но раньше Ивашкина прибылъ въ Москву, занятую отрядомъ генерала Иловайскаго, полицій-мейстеръ Гельманъ, тотчасъ (16 октября) отписавшій Ивашкину, что онъ уже составилъ „списки какъ о чиновникахъ Московской полиціи, которые по различнымъ причинамъ оставались здѣсь, равно о людяхъ, бывшихъ во время французскихъ войскъ, составлявшихъ муниципалитетъ, и о занимавшихъ должность полицейскую“ (II, 21).

Слѣдомъ за Гельманомъ прибылъ Ивашкинъ и въ своемъ „№ 1-мъ“ доносилъ Растопчину, что онъ уже имѣетъ сообщенный Иловайскимъ „списокъ всѣхъ тѣхъ, кои споспѣшествовали какими-либо пособіями непріятелю“, и что онъ съ ними „поступитъ согласно предписанію“ графа (I, 103).

Нѣсколько позже Ивашкинъ писалъ, что „недостойные люди“, которые составляли у французовъ „городское правленіе и полицію, всѣ они уже взяты мною и посажены подъ крѣпкій караулъ, другіе же...., сотовариществовавшіе имъ, по недостатку офицеровъ полиціи, коихъ при мнѣ не болѣе 15 человѣкъ, еще не задержаны, но приняты къ сыску мѣры“ (II, 19). Въ ноябрьскомъ донесеніи Ивашкинъ объясняетъ, что „найденныя мною въ разныхъ мѣстахъ непріятельскія бумаги и собранныя достовѣрныя свѣдѣнія открыли“ ему имена этихъ измѣнниковъ (с. 11).

Такъ торопились Московскія власти съ розыскомъ измѣнниковъ, забывая о другихъ болѣе важныхъ дѣлахъ по возстановленію правильной жизни въ Москвѣ...

Въ сборникѣ г. Щукина находимъ нѣсколько списковъ москвичей—русскихъ и иностранцевъ, составлявшихъ городское управленіе занятой французами Москвы (I, 56, 58—60; II, 12—16). Списки очень любопытные, особенно послѣдній самый обстоятельный, составленный Ивашкинымъ.

Въ спискѣ Ивашкина находимъ 67 „колодниковъ, находившихся во французской службѣ въ разныхъ должностяхъ". Присоединяя къ нимъ 8 человѣкъ изъ первыхъ двухъ списковъ, пропущенныхъ Ивашкинымъ (какъ еще не разысканныхъ и не арестованныхъ), получимъ 75 „измѣнниковъ". Изъ нихъ 17 „иностранцевъ", а остальные 58 русскіе люди по происхожденію (34 человѣка) и службѣ.

Первое мѣсто принадлежитъ „Московскимъ купцамъ" (ихъ было 19 человѣкъ) на службѣ Наполеона, начиная съ главы Московскаго муниципалитета—городскаго головы", первой гильдіи купца Петра Нахоткина. Другіе купцы исполняли разныя порученія при городскомъ управленіи; напр. Исаевъ и Коняевъ „имѣли смотрѣніе за мостовыми", Павелъ Нахоткинъ (сынъ головы) и Шеметовъ „надзоръ имѣли за ремесленниками", Кольчугинъ и Козловъ „за богослуженіемъ", Позняковъ покупалъ хлѣбъ для французскаго интендантства и т. п.

Второе мѣсто занимаютъ чиновники русской службы—12 гражданской, 4 военной, 2 полицейской („квартальные поручики" Московской полиціи). Большинство ихъ служило полицейскими „коммисарами" и ихъ помощниками, напр. титулярные совѣтники П. Нечаевъ, И. Поспѣловъ, отставной ротмистръ П. Басковъ и др.

Далѣе идутъ лица свободныхъ профессій—3 учителя, 2 профессора, 2 доктора, 1 художникъ. Здѣсь больше русскіе подданные съ иностранными фамиліями, какъ „профессора" Черничь и Штельцеръ.

Остальныя группы: 8 разночинцевъ и лицъ неопредѣленнаго званія, 3 потомственныхъ дворянъ (Бестужевъ-Рюминъ,

Голицынъ (князь?), Загряжской), 1 мѣщанинъ и 1 дворный человѣкъ.

Итакъ, въ этихъ группахъ мы находимъ представителей всѣхъ званій и состояній, кромѣ духовенства и крестьянъ. Но между этими 58 „измѣнниками", вѣроятно, немало было такихъ, какъ учитель французскаго языка въ Александровскомъ училищѣ французъ Реми, за котораго ходатайствовалъ предъ Ивашкинымъ генералъ Тутолминъ, увѣрявшій, что Реми, давно ему извѣстный и „въ Москвѣ родившійся", принялъ отъ французскаго правительства должность (коммисара) „единственно, чтобъ съ семействомъ имѣть денное пропитаніе" (II, 33).

Вообще, въ большомъ подозрѣніи на счетъ измѣны находились всѣ русскіе, волею-неволею остававшіеся въ Москвѣ при французахъ и не состоявшіе на непріятельской службѣ. Такъ, повидимому, находилась въ подозрѣніи значительная (больше 500 человѣкъ) группа лицъ разнаго званія (чиновники, духовенство, купцы и др.), жившихъ въ запасномъ дворцѣ (II, 17 18). Полиція не прочь была заподозрить въ „измѣнѣ" и несчастныхъ „жертвъ общественнаго темперамента", волею-неволею оставшихся въ Москвѣ при французахъ (III, 19, 112, 156).

Были и такіе москвичи, которые ушли изъ Москвы вмѣстѣ съ французскою арміею, напр. купецъ И. И. Колокольниковъ и фабричный П. Ефимовъ (II, 26), одинъ калмыкъ, двѣ мѣщанскія дѣвицы, Московская купчиха Варвара Иванова и др. (сс. 35—47). Москвичей изъ иностранцевъ, уѣхавшихъ за французами, было нѣсколько десятковъ. Имущество тѣхъ и другихъ было конфисковано (с. 34). Любопытна опись имущества Маріи-Розы Оберъ-Шалме (сс. 40—43), содержательницы парфюмернаго и галантерейнаго магазина. Отъ аукціонной продажи ея имущества выручено больше 34 тысячи рублей (с. 38), векселей, заемныхъ писемъ и т. п. найдено у Оберъ-Шалме на 764 тысячи рублей (с. 39).

Какъ долго тяготѣло подозрѣніе надъ москвичами, не оставлявшими городъ при французахъ, видно изъ распоряженія гр. Растопчина въ іюлѣ 1813 г.—„имѣть чрезъ кого слѣдуетъ ближайшій надзоръ за поведеніемъ и каждымъ дѣйствіемъ многихъ изъ тѣхъ людей, кои, во время нашествія непріятельскаго на столицу, выѣзжали изъ оной и потомъ съ пути паки возвращались въ Москву, гдѣ и пребывали до самого изгнанія злодѣевъ". Предписывается „составить немедленно, но безъ всякой огласки, списки какъ чиповниковъ, такъ и прочаго званія людей, а наиболѣе иностранцевъ, которые въ сіе несчастное время" жили въ Москвѣ, и, „бывъ очевидными свидѣтелями неистовствъ непріятелей, *измѣнились въ нравственности* своей, или участвовали въ грабежахъ съ ними". Полиція дожна имѣть „за всѣми ихъ поступками неослабный подъ рукою надзоръ и о каждомъ *сомнительномъ* ихъ *движеніи* или *образѣ разговоровъ*", доносить главнокомандующему въ Москвѣ (II, 208, 209.)

VI.

Гр. Растопчинъ былъ правъ отчасти, когда предполагалъ, что результатами пребыванія русскихъ людей въ занятой французами Москвѣ было если не „измѣненіе въ нравственности" (политической), то участіе „*въ грабежахъ*". Не касаясь перваго, очень спорнаго пункта, слѣдуетъ признать, что грабительствомъ Москвы русскіе занимались не менѣе усердно, чѣмъ непріятель... Изъ находящихся въ сборникѣ И. Щукина актовъ по этому предмету ясно, что грабежомъ занимались лица всякихъ званій, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низменныхъ.

„Домоуправитель" тайнаго совѣтника Н. Н. Демидова купецъ С. Дьяковъ жалуется, что „во время французской республики" (такъ онъ называетъ время занятія Москвы французами) имущество его, хорошо припрятанное, было „разбито неизвѣстными людьми", а теперь (въ ноябрѣ, когда проситель

вернулся въ Москву) часть похищеннаго „найдена у живущихъ въ семъ домѣ людей", именно у цехового мастера Петрова, у одной солдатки, двухъ дворниковъ, еще у двухъ маленькихъ людей и, наконецъ у поручика князя Андрея Ивановича Гагарина. У послѣдняго Дьяковъ нашелъ изъ своихъ вещей: одѣяло, перину, подносъ и подсвѣчникъ. Дьяковъ говоритъ: „хотя оныя вещи неоднократно мною отъ него и были требованы, но онъ упорствуетъ и мнѣ оныя вещи не отдаетъ"... Кн. Гагаринъ вломился въ амбицію и требовалъ отъ полиціи „должнаго разсмотренія" „якобы ложнаго извѣта" Дьякова, но по существу дѣла могъ только сказать, что онъ, „имѣя пристанище въ домѣ Демидова вмѣстѣ съ непріятелями, не могъ (?) имѣть способа брать при нихъ чужое добро, а напротивъ и самъ еще былъ ими ограбленъ" (II, 114—117).

Одинъ изъ свидѣтелей говорилъ, что кладовую съ имуществомъ Дьякова указалъ французамъ русскій чиновникъ— „казначей" какого-то учрежденія (с. 118).

Въ квартирѣ скрывшагося чиновника П. И. Звѣрева найдено похищеннаго богатаго грека Мими имущества на 3700 р. (сс. 84—87). Вмѣстѣ съ Звѣревымъ участвовали въ этомъ ограбленіи цеховой Наумовъ и грекъ Спиридопуло, приказчикъ Мими.

Чиновникъ канцеляріи Московскаго гражданс кагогубернатора Недосѣкинъ, оставляя Москву 1 сентября, поставилъ свое и прислуги своей имущество (золотыя вещи, платье и пр.) въ Знаменской церкви у Петровскихъ воротъ. Вернувшись въ Москву, онъ нашелъ свой сундукъ цѣлымъ, но безъ вещей. Вынимая изъ сундука „дьячково имѣніе", Недосѣкинъ нашелъ тамъ свой кусокъ парчи, а прислуга его сняла съ дочери дьячка свой фартукъ. Чиновникъ не рѣшился производить дальнѣйшіе розыски у дьячка и дьякона, жившихъ въ церкви, но сообщаетъ полиціи, что дьячекъ передавалъ какія-то вещи на сохраненіе своимъ родственницамъ, мочахинямъ

Рождественскаго монастыря, „а другія вывозилъ изъ Москвы“ (II, 82—84).

Чиновникъ Соколовъ и инвалидъ Мартыновъ обвиняли именитаго купца Н. Кольчугина въ присвоеніи двухъ подушекъ... Кольчугинъ оправдывался довольно основательно и особенно возмущался „искательствомъ“ Мартынова, находя, что спорныя подушки „къ такой принадлежали постели“, какую могъ имѣть только „благородный человѣкъ“ (сс. 72—74).

Княгиня Анна Засѣкина, сообщая полиціи подробную опись разграбленнаго изъ ея дома въ Чернышевскомъ переулкѣ богатаго имущества (на нѣсколько десятковъ тысячъ), говоритъ (въ декабрѣ), что многія ея вещи „видимы въ рукахъ по сосѣдству находящіяся у разныхъ людей“, которыхъ она не называетъ, но проситъ „удовлетворить“ ее (II, 43—48). Повидимому, княгиня намекаетъ на своихъ сосѣдей—домовладѣльцевъ, тогда какъ съ маленькими людьми она не поцеремонилась бы и назвала бы ихъ въ своей жалобѣ...

Если во время занятія Москвы французами въ грабежѣ „упражнялись“ лица высшихъ сословій, то о простомъ народѣ нечего говорить и отмѣчать отдѣльные случаи участія его въ грабительствѣ нѣтъ нужды [1]). Приведу только для характеристики этого повальнаго грабежа разсказъ возмутительно ограбленнаго русскими и французами *слѣпца*, титулярнаго совѣтника В. Попова.

Въ прошеніи на имя гр. Растопчина Поповъ смѣло винитъ графа въ своихъ „злоключеніяхъ“: какъ „лишенный зрѣнія“, онъ хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, „но вашему графскому сіятельству угодно было обнадежить Московскихъ жителей, чтобъ они ничего не боялись и что французы отнюдь сюда впущены не будутъ, почему и остался я здѣсь“... „злыя дѣйствія“ противъ безпомощнаго слѣпца начались тотчасъ же:

[1]) См. I, 48—54, 126, 127 и др.: II, 77—82, 117—121, и др.; III, 19. 44 и слѣд., 130, 131, 133. 154. 155, 158, 167, 209—211, 257, 259, 261, 263 и др.

1 сентября его прислуга стащила у него 135 р. и скрылась. Хозяева дома, мѣщане, взяли его серебро, платье и др. вещи и все увезли въ деревню. Слѣпецъ остался одинъ и въ очень опасномъ положеніи, такъ какъ кругомъ уже начинались пожары. 6 сентября вернувшійся изъ деревни хозяинъ, по просьбѣ Попова, вывелъ его въ дворцовый садъ и тамъ бросилъ. Поповъ захватилъ съ собою только образа, и узелъ съ платьемъ, а остальное имущество оставилъ въ домѣ, который сгорѣлъ. Явившіеся въ садъ французы отняли у Попова шубу и все платье, которое было со мною" (въ узлѣ), сняли съ него сапоги, а съ образовъ содрали серебряные вѣнцы. „Въ такомъ разстроенномъ положеніи" бѣднякъ долго „кричалъ, просилъ и молилъ" всѣхъ прохожихъ свести его въ Екатерининскую богадѣльню. Но всѣ проходили мимо и не слушали его моленія. Наконецъ, „сыскались трое молодцовъ, скованные въ желѣзахъ (т. е. изъ выпущенныхъ Растопчинымъ колодниковъ), приходятъ ко мнѣ, берутъ за руки, выводятъ на поле, раздѣваютъ до нага, отнимаютъ „образа, шапку, ветхую шубу, мундиръ и прочее", что было надѣто на немъ, т. е. берутъ то, что пощадили французы. Мало того: грабители „били меня немилосердно"... Къ счастью какой-то прохожій сжалился надъ несчастнымъ, остановилъ грабителей и заставилъ вернуть хотя шубу и мундиръ. „Одинъ изъ разбойниковъ" расчуствовался до того, что довелъ слѣпца до с. Черкизова и оставилъ въ одной избѣ, но послѣ его ухода хозяйка дома выгнала Попова на улицу. „Бродя по Черкизову, (онъ) просилъ каждаго, чтобъ пустили въ избу, но никто не согласился"—пришлось ночевать на улицѣ. Только на другой день какая-то „добрая старушка" пустила его въ избу, а черезъ нѣсколько дней крестьянинъ свелъ его въ Московскую богадѣльню, гдѣ онъ и прожилъ во время пребыванія французовъ (I, 121, 122).

Отмѣченъ еще фактъ спеціальнаго грабежа, въ которомъ обвинялись раскольники. Московскій викарій Августинъ писалъ

(въ ноябрѣ) Ивашкину: „многія иконы изъ соборовъ и монастырей, по древности своей уважаемыя, отыскиваются у раскольниковъ. Именемъ церкви умоляю предписати полиціи, чтобъ она употребила стараніе отыскивать таковыя иконы, а паче икону Іерусалимскія Богоматери, похищенную изъ Успенскаго собора"... Послѣдней не оказалось среди 752 церковныхъ вещей, переданныхъ полиціей духовному вѣдомству (I, 128).

Масса награбленнаго въ Москвѣ имущества увезена французами и русскими, но и послѣ ухода непріятеля полиція нашла въ городѣ множество вещей въ разныхъ мѣстахъ (I, 128—131), несмотря на то, что 11—12 октября, т. е. пока не появились первыя русскія власти, грабежъ шелъ въ полномъ разгарѣ, никѣмъ не останавливаемый. Къ проживавшимъ въ Москвѣ русскимъ нахлынули скрывавшіеся въ окрестностяхъ москвичи, подгородное крестьянство, мародеры и пр. Не грабилъ въ эти дни только тотъ, кто не хотѣлъ...

Недаромъ гр. Растопчинъ предписывалъ въ октябрѣ Ивашкину: „приложите стараніе, чтобы оставшіе(ся) въ цѣлости дома не были ограблены *нашими*" (с. 102). 15 октября Гельманъ доноситъ графу о томъ „ужаснѣйшемъ зрѣлищѣ", которое онъ нашелъ въ Москвѣ: „грабители ходили *тысячами* по улицамъ города и оныхъ наказано уже болѣе 600 человѣкъ, да еще подъ карауломъ содержалось слишкомъ 200 человѣкъ" (обѣ цифры, вѣроятно, относятся къ грабителямъ, задержаннымъ еще отрядомъ Иловайскаго, вступившаго въ Москву раньше Гельмана). Первымъ дѣломъ Гельманъ „принялся унимать отъ разграбленія оставшееся послѣ непріятеля въ цѣлости", чего достигъ только „на другой день по вступленіи нашемъ" (с. 100).

Въ началѣ ноября Ивашкинъ доносилъ Растопчину, что „въ столичномъ городѣ Москвѣ обстоитъ все благополучно": „главнѣйшимъ занятіемъ полиціи сдѣлалось отысканіе имуществъ, церквамъ и частнымъ лицамъ принадлежащихъ, кото-

рыхъ по сіе время въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ людей найдено на весьма значительную цѣну". Ивашкинъ находитъ „наиболѣе замѣчательнымъ", что у иностранцевъ вкусъ оказался лучше, чѣмъ у русскихъ: послѣдніе не брезгали и опорками, содранными съ ногъ нищаго, а „всѣ лучшія вещи и стоющія большой цѣны находятся у иностранцевъ, здѣсь остававшихся (II, 20). Въ Москвѣ идетъ страшная переборка, что чужое и неприличное (sic) найдутъ—обираютъ, даже и деньги мѣдныя обираютъ и въ съѣзжій домъ сажаютъ"... (с. 120).

Однако полиція скоро утомилась отъ затѣянной ею страшной переборки" и уже въ мартѣ 1813 года добилась у правительства узаконенія грабежа... 28 марта Растопчинъ предписываетъ Ивашкину—„*прекратить*" дальнѣйшее разслѣдованіе о разграбленномъ частномъ имуществѣ (распоряженіе *не* касалось казенныхъ вещей), такъ какъ-де „всякое изслѣдованіе о принадлежности сихъ вещей естественно долженствовало быть сопряжено съ величайшими затрудненіями, а потому и поиски полиціи, кромѣ излишняго для себя отягощенія (sic), не принесли бы никакой пользы. Обстоятельство сіе было поводомъ всеподданѣйшаго моего государю императору доклада, и его величество... соизволилъ всякое дальнѣйшее по предмету сему слѣдствіе прекратить, черезъ что *вещи*, во время непріятельскаго нашествія *пограбленныя* и въ чьихъ либо рукахъ нынѣ находящіяся, *обращаются уже въ собственность*"... (II, 214). Для подъема духа полиціи Ивашкинъ уже черезъ мѣсяцъ просилъ наградъ своимъ подчиненнымъ (II, 11).

Н. Оглоблинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 году.

(Окончаніе).

VII.

Кромѣ прекращенія грабежей и розыска разграбленнаго имущества, полиціи пришлось возиться въ оставленной французами Москвѣ и съ другими проявленіями „злой воли“ москвичей, отнюдь не говорящими объ избыткѣ у нихъ въ то время патріотическаго жара.

Когда въ Москвѣ нѣсколько возстановился порядокъ, мѣщанинъ Елисѣевъ задумалъ открыть постоялый дворъ и харчевню и облюбовалъ для своихъ заведеній пустовавшій казенный домъ въ Охотномъ ряду, гдѣ прежде помѣщалась сенатская типографія. Не испрашивая никакого дозволенія, Елисѣевъ устроился въ чужомъ домѣ и сталъ торговать. Въ декабрѣ пріѣхалъ начальникъ типографіи Огаревъ и началъ понуждать Елисѣева къ выселенію. Тотъ упрямился и только при содѣйствіи полиціи былъ выселенъ въ послѣднихъ числахъ декабря (II, 123).

Въ августѣ больной священникъ Спиридонъ Нефедьевъ нанялъ для себя и семьи комнату въ домѣ Московскаго мѣщанина Левонтьева, за 90 р. въ годъ. Во время нашествія французовъ хозяинъ выѣхалъ и за домомъ смотрѣли жена и сынъ священника, которымъ удалось спасти домъ отъ пожара. Священникъ между прочимъ сообщаетъ, что жена и сынъ попеременно не спали ночей, такъ какъ „находили часто зажженныя свѣчи, съ умысломъ на крыльцѣ или въ сѣняхъ оставленныя“ (любопытный фактъ къ вопросу—кто сжегъ Москву). Казалось бы, что вернувшійся въ октябрѣ Левонтьевъ долженъ бы оцѣнить заботы жильцовъ о его домѣ, но вышло наоборотъ: мѣщанинъ сталъ гнать больного священника и его многочисленную семью изъ дома, хорошо зная, что дѣваться имъ некуда и дѣйствуя такъ единственно изъ разсчета... Въ немногихъ уцѣлѣвшихъ отъ пожара домахъ цѣны на квартиры страшно поднялись, и Левонтьеву давали 300 р. за комнату, нанятую священникомъ за 90 р. О. Нефедьевъ просилъ у гр. Растопчина одной милости—„дозволить“ ему „перезимовать“ въ оплаченной имъ квартирѣ... При содѣйствіи полиціи Левонтьевъ сдѣлалъ уступку—перевелъ Нефедьева въ другую комнату, несомнѣнно худшую (II, 55, 56).

Ловля русскихъ „измѣнниковъ“ продолжалась и послѣ очищенія Москвы французами; напр., Московскій цеховой Артемьевъ былъ въ 1813 г. сосланъ рядовымъ въ Желѣзенскій гарнизонъ (Оренбургскаго округа) за то, что, „обращаясь въ пьянствѣ, превозносилъ въ трактирѣ похвалами Наполеона, порицалъ правительство и желалъ, чтобъ французы опять пришли въ Москву“ (I, 158, 159).

Конечно, такія рѣчи казались большою диковинкою, когда господствующимъ настроеніемъ послѣ ухода французовъ было въ Москвѣ сильно приподнятое самохвальство, быстро смѣнившее тотъ страхъ предъ непріятелемъ, какой замѣчался до визита французовъ... Напр., московскій купецъ Д. К. Бот-

кинъ пишетъ сыну (въ началѣ ноября): „скоро ожидаютъ Наполеона—*сидитъ въ рукахъ* г-на Платова; помоги ему Богъ свое слово сдержать!..“ (I, 67). Еще лучше отзывъ человѣка интеллигентнаго—чиновника Сокольскаго, который (въ октябрѣ) величаетъ французовъ „злодѣями, варварами, убійцами“, „невѣждами“ и „неопрятными скотами“ хуже „нашихъ остяковъ“, и т. п. Сокольскій желаетъ „чтобы имя француза въ нашемъ отечествѣ было навѣки забыто. Быть можетъ (sic), что и между ими есть добрые люди; по крайней мѣрѣ я не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ презрѣнія къ тѣмъ, коихъ *могущество* они уже почувствовали, чувствуютъ и будутъ чувствовать“... (I, 1, 2). Жаль, что мы не имѣемъ какого-нибудь августовскаго письма Сокольскаго: тамъ навѣрное были другіе взгляды на французовъ и другое понятіе о „могуществѣ“ Россіи...

Любопытно сопоставить эти письма Сокольскаго и Боткина, какъ выраженія настроенія москвичей послѣ ухода французовъ изъ Москвы. У чиновника Сокольскаго, за шумихою патріотическихъ фразъ и восторговъ, все-таки проглядываетъ кое-какая любовь къ родинѣ и интересъ къ ея положенію. Но въ письмѣ купца Боткина (I, 66—68), за исключеніемъ глупой фразы о патріотическомъ бахвальствѣ „г-на Платова“, хоть шаромъ покати—ни единой въ головѣ мысли объ „отечествѣ“ и въ поминѣ нѣтъ... Очень пространно толкуетъ именитый купецъ о векселяхъ, товарахъ, Московскихъ домахъ, лавкахъ, объ огурцахъ, капустѣ и т. п., жалуется, что „брагу разбойники выпили, а рыбу утащили“, но утѣшается, что „въ кладовой погребокъ цѣлъ“ и содержимое погребка „Николаша привезъ на 3 лошадяхъ“ въ Ростовъ—и т. п. интересы благополучнаго россіянина...

Въ томъ же родѣ въ сущности, но много приличнѣе и тономъ выше, письмо человѣка совершенно иной среды, „сливокъ“ русскаго общества—богатаго барина кн. С. М. Голи-

цына (I, 16). Положимъ, письмо писано всего только къ своему Московскому приказчику, предъ которымъ князь не обязанъ былъ раскрывать душу. Однако князь ее раскрылъ: мимоходомъ извѣщая приказчика о собственной „душевной радости" по поводу очищенія Москвы французами и хладнокровно требуя увѣдомленія о положеніи „Кремля и святыхъ соборовъ", кн. Голицынъ наполняетъ письмо тѣми предметами, которые болѣе всего его интересовали въ первыя минуты (письмо отъ 16 октября) по уходѣ французовъ... Князь „поспѣшаетъ чрезъ нарочнаго" узнать о положеніи своего Московскаго дома, о подмосковныхъ вотчинахъ с. Гребневѣ и с. Влахернскомъ, о своемъ конскомъ заводѣ и т. п. Конечно, здѣсь нѣтъ огурцовъ и капусты купца Боткина, но несомнѣнно, что князь, находившійся въ Нижнемъ, не послалъ бы въ Москву нарочнаго узнать о „святыхъ соборахъ и другихъ древнихъ строеніяхъ", если бы въ Москвѣ не было собственнаго дома, а подъ Москвою конскаго завода и т. п.

Въ тонъ своимъ хозяевамъ и, конечно, хорошо зная ихъ настроеніе, пишетъ 19 октября князьямъ А. М. и С. М. Голицынымъ ихъ Московскій приказчикъ, „всеподданнѣйшій Алексѣй Большаковъ", что „Богъ помогъ намъ сохранить остатки здѣшняго вашего имущества" и т. д.; масса подробностей о личныхъ дѣлахъ кн. Голицыныхъ, а о „святыхъ соборахъ" ни звука... Впрочемъ, о взрывѣ Кремля французами упомянуто, да и то только потому, что отъ взрыва нѣсколько пострадалъ княжескій домъ (сс. 19, 20).

Также обстоятельно извѣщаетъ кн. С. М. Голицына его Гребневскій приказчикъ, въ письмѣ отъ 19 октября, о положеніи вотчины. И онъ говоритъ о взрывѣ Кремля, но только для того, чтобы возблагодарить Господа за сохраненіе Московскаго дома („домъ вашего сіятельства Господь сохранилъ..."). Сообщая о скоромъ возобновленіи службы въ церкви Гребневской, приказчикъ говоритъ: „будемъ молить и благодарить Гос-

пода"... вы думаете — о спасеніи отечества?.. нѣтъ—„за спасеніе нашего села отъ пожаровъ и о сохраненіи вашего... здравія и всей вашей фамиліи" (сс. 17—19). Конечно, это только выраженія рабьяго чувства предъ рабовладѣльцемъ; но приказчики кн. Голицыныхъ отмѣнно знали своихъ господъ и писали то, что имъ нравилось...

Подозрительное отношеніе къ иностранцамъ попрежнему волновало Москву, какъ и до визита французовъ. Мотивы высылки изъ Москвы иностранцевъ въ разные города, подъ „строжайшій надзоръ" полиціи, или заграницу, также поражаютъ своею неосновательностью, какъ и раньше: и теперь встрѣчаемъ здѣсь—„разглашеніе пустыхъ и нелѣпыхъ слуховъ" (I, 157), „развратное поведеніе", и „тѣсныя связи съ находившимися въ Москвѣ французскими военноплѣнными" и „дерзновенныя слова" въ публичныхъ мѣстахъ (с. 159), „дерзкія рѣчи", „худое расположеніе (?) и нѣкоторыя связи подозрительныя" (с. 162) и т. п.

Обращаетъ на себя вниманіе высылка въ Петербургъ бывшаго *профессора* московскаго университета Виллерса, „исправлявшаго во время пребыванія непріятелей въ Москвѣ должность *полиціймейстера*..." (I, 159). Не сказано, къ сожалѣнію, какая университетская каѳедра расположила Виллерса къ полицейскимъ обязанностямъ...

40 иностранцевъ, высланныхъ Растопчинымъ въ августѣ въ Нижній, получили „свободу" только по всемилостивѣйшему манифесту 30 августа 1814 г.: 29-ти изъ нихъ было предоставлено „на волю остаться въ Россіи или отправиться за границу", при чемъ отъ первыхъ велѣно отобрать свѣдѣнія—„гдѣ именно они расположены основать свое жилище", конечно—съ тою цѣлью, чтобы „потомъ начальникамъ губерній предписать, дабы они не упускали изъ виду поведенія ихъ"... 10 человѣкъ заявили о желаніи выѣхать заграницу, а всѣ прочіе остались въ Москвѣ. Между послѣдними большинство составляли купцы,

затѣмъ учителя и т. д. Между учителями былъ извѣстный впослѣдствіи содержатель типографіи и издатель русскихъ книгъ Августъ Сéменъ (II, 27—32).

Въ большомъ ходу была перлюстрація переписки военноплѣнныхъ. Всѣ посылаемыя ими письма и получаемыя на ихъ имя обязательно доставлялись въ министерство полиціи. Гр. Растопчинъ обязалъ подписками Московскихъ банкировъ доставлять ему всѣ приходящія къ нимъ письма на имя плѣнныхъ (с. 211).

Заканчиваю эту характеристику Москвы въ первое время послѣ ухода французовъ возмутительнымъ фактомъ *пропажи* болѣе сотни *дѣтей* Воспитательнаго дома... Изъ числа питомцевъ дома нѣсколько сотъ находилось „на семилѣтнемъ воспитаніи“ у разныхъ лицъ въ городѣ, состоя въ тоже время подъ „попеченіемъ“ Воспитательнаго дома, куда эти дѣти и возвращались послѣ 7 лѣтъ. Казалось бы, что о судьбѣ этихъ дѣтей начальство дома обязано было позаботиться, когда ожидались французы въ Москвѣ... Но, видно, начальству было не до такихъ „мелочей“, какъ судьба нѣсколькихъ сотъ дѣтей... „Главноначальствующимъ“ дома былъ вышеупомянутый кн. С. М. Голицынъ, сильно занятый въ это время хлопотами о своихъ богатыхъ вотчинахъ (см. донесенія его управляющихъ— I, 6—9 и др.).

Словомъ, о бѣдныхъ дѣтяхъ забыли и предоставили заботы о нихъ названнымъ ихъ „родителямъ“, для которыхъ въ это время всеобщаго переполоха и нужды каждый ротъ да еще чужой былъ страшною обузою. Немудрено, если эти „родители“ и случайно теряли дѣтей, и нарочно бросали ихъ... Все это обнаружилось уже въ декабрѣ 1812 г., когда императрица Марья Ѳедоровна писала кн. Голицыну, что по его же вѣдомостямъ „еще 291 питомецъ не явились изъ бывшихъ въ городѣ у родителей на семилѣтнемъ воспитаніи.“ Участь этихъ дѣтей „душевно безпокоитъ“ императрицу, и она умоляетъ

князя „приложить всевозможное стараніе для узнанія о ихъ жребіи и положеніи, и меня объ успѣхахъ вашихъ трудовъ увѣдомить". Но, очевидно, она мало надѣялась на „труды" кн. Голицына, если въ томъ же рескриптѣ совѣтуетъ ему привлечь къ дѣлу разысканія дѣтей Московскаго оберъ-полицеймейстера Ивашкина, „котораго я знаю какъ честнѣйшаго и добрѣйшаго человѣка": „просите его о томъ моимъ именемъ"... (II, 74, 75).

Кн. Голицынъ такъ и поступилъ—передалъ все дѣло въ руки П. А. Ивашкина, и безъ того заваленнаго работою по приведенію Москвы въ порядокъ. Князь пишетъ ему, что послѣ рескрипта императрицы „явилось нынѣ налицо 124" изъ „291 питомца, бывшихъ въ неизвѣстности", и затѣмъ „остается еще въ неизвѣстности 167" (с. 74).

Ивашкинъ принялся за розыски 167 дѣтей, но къ 11 января 1813 г. „отыскали лишь 31 младенца" (с. 75). Судьба остальныхъ 136 дѣтей неизвѣстна: повидимому, они пропали, какъ пропадаютъ выброшенные на улицу щенки...

У попечительнаго кн. С. М. Голицына, спасшаго свою богатую картинную галлерею (I, 6, 7) и растерявшаго 136 чужихъ младенцевъ, немудрено было пропасть даже институткамъ опекаемаго имъ Московскаго Александровскаго института: по крайней мѣрѣ, самъ князь, повидимому, сомнѣвался, уцѣлѣли-ли отъ погрома всѣ его институтки?.. На это намекаетъ письмо къ нему (въ февралѣ 1813 г.) чиновника Попова, извѣщающее, что дочь его институтка „жива и здорова" и „находится" при отцѣ въ Нижнемъ (I, 73).

VIII.

Чтобы покончить съ Москвою, необходимо еще остановиться на цѣлой серіи подвиговъ Московскихъ „Мининыхъ", просившихъ въ 1813 году возмездія за жертвы, принесенныя ими на „алтарь отечества" въ 1812 году... Конечно, я ра-

зумѣю здѣсь не ту массу москвичей средняго и низшаго достатковъ, которая была или совершенно или значительно разорена московскимъ погромомъ и грабежами. Для этой массы, справедливо требовавшей отъ правительства хоть бы скромной поддержки, вопросъ шелъ о самомъ существованіи. Да и кромѣ того, эта масса не рядилась въ тогу Минина и не собиралась приносить „животы“ свои въ жертву отечеству. Она была разорена какою-то стихійною силою, отъ которой не съумѣло предохранить ее правительство, обязанное теперь вознаградить дѣйствительно нуждающихся, разоренныхъ непріятелемъ.

Подъ Московскими „Мининами“ я разумѣю тѣхъ москвичей разныхъ классовъ, но людей состоятельныхъ, у которыхъ Московскій народъ отнялъ ничтожную частицу ихъ богатыхъ достатковъ, такъ что и послѣ этого „разоренія“ они оставались попрежнему богатыми людьми, а между тѣмъ безъ зазрѣнія совѣсти протягивали руки за пособіями отъ казны... Требуя отъ правительства десятковъ тысячъ рублей на возведеніе своихъ сгорѣвшихъ роскошныхъ палатъ и на возобновленіе расхищенныхъ предметовъ роскоши и излишняго комфорта, эти люди забывали всѣ свои патріотическіе восторги передъ нашествіемъ французовъ, когда они на словахъ готовы были отдать все въ жертву родинѣ—и жизнь, и богатство, и положеніе свое... Любопытно, что въ 1813 г. взыскивались съ Московскаго купечества недоимки по объявленнымъ „пожертвованіямъ“ (III, 122—128; о побужденіяхъ правительства къ пожертвованіямъ см. III, 188, 193, 201). Несомнѣнно, всѣхъ обнищавшихъ москвичей правительство могло бы удовлетворить хотя отчасти, если бы казенныя деньги не ушли на „вспоможеніе“ богатымъ людямъ...

Московскій комитетъ о вспомоществованіи пострадавшимъ учрежденъ по высочайшему рескрипту 6 декабря 1812 г. (II, 153, 154), но открылъ свои дѣйствія черезъ мѣсяцъ:

только 5 января 1813 г. оберъ-полицеймейстеръ Ивашкинъ издалъ циркуляръ по полиціи о собраніи свѣдѣній для вспоможенія „наиболѣе потерпѣвшимъ и лишившимся способовъ къ безнужному себя пропитанію". Ивашкинъ намекаетъ, что пособія отъ казны не должны ожидать тѣ домовладѣльцы, у кого есть „другія каковыя-либо средства къ жизни", такъ что могутъ поправить свои дома „собственнымъ иждивеніемъ". Но Ивашкинъ предвидитъ, что здѣсь возможны многія „злоупотребленія", а потому взываетъ къ „благоразумію" и „чистой совѣсти"(sic) полицейскихъ чиновъ, угрожая въ противномъ случаѣ увольненіемъ „изъ корпуса" (сс. 154—156).

Неизвѣстно, какъ подѣйствовали на „чистую совѣсть" полиціи эти внушенія Ивашкина, но сомнѣваться въ успѣхѣ ихъ позволительно. Между тѣмъ, дѣло помощи мелкой, т. е. самой нуждающейся бѣднотѣ, было отдано всецѣло въ руки полиціи. При частяхъ завели шнуровыя книги, куда вносились записи о выдачѣ частными приставами денегъ „отъ монаршихъ щедротъ" разнымъ „разореннымъ жителямъ Москвы". Пособія эти, раздававшіяся только съ декабря 1812 г. до мая м. 1814 г., должны были поглотить немалыя суммы, но сколько именно—нѣтъ данныхъ. Сохранился только отчетъ по 3-му отдѣленію Москвы (5 частей), гдѣ выдано пособій за 5 мѣсяцевъ на 17245 р. 15 к. (II, 218, 219). Сколько изъ нихъ дошло до дѣйствительно „разоренныхъ"—это знаетъ только „чистая совѣсть" Московской полиціи того времени...

Кромѣ пособій, шедшихъ прямо чрезъ руки полиціи, существовалъ особый комитетъ, носившій нелѣпое названіе—*„сословіе"*, состоящее подъ покровительствомъ высокой особы, для призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля" (II, 215—217 и др.). „Главноначальствующимъ" въ этомъ комитетѣ былъ оберъ-шенкъ графъ Н. Н. Головинъ (I, 74), но исполнительными органами комитета состояли тѣже полицейскіе чины Москвы, съ гр. Растопчинымъ во главѣ.

Этотъ комитетъ и самъ и черезъ полицію выдавалъ мелкія пособія разнымъ просителямъ, но больше былъ занятъ разсмотрѣніемъ массы прошеній о пособіи, поданныхъ лицами болѣе или менѣе состоятельными, всего больше Московскими домовладѣльцами. Относительно мелкихъ выдачъ сохранилась запись расхода за іюнь 1813 г., когда выдано было около 2 тыс. рублей 45 лицамъ, каждому отъ 25 р. до 74 р. Здѣсь встрѣчаемъ мелкихъ чиновницъ, солдатокъ, мѣщанъ и т. п. (сс. 215, 216).

Но главная дѣятельность комитета была направлена на удовлетвореніе не этихъ скромныхъ просительницъ и просителей... Такъ, въ ноябрѣ 1813 г. „сословіе призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля“ выдало поручицѣ А. Чичериной 1600 р. маіоршѣ Е. Неѣловой 4 т. р., губернскому секретарю Н. Паушеву 1500 р. (с. 216). Все это—„столбовыя“ дворянскія фамиліи, у носителей которыхъ слѣдуетъ предполагать существованіе недвижимыхъ имѣній и т. п.

Тогда же „сословіе“ выдало 7 лицамъ 18600 р., именно: мѣщанину Конойлеву и полковницѣ Л. Турской по 300 р., коллежскому регистратору И. Зыкову 2 т. р., коллежскому ассесору А. Кукину и отставному копіисту И. Астракову по 3 т. р., княгинѣ Е. Одоевской и тайной совѣтницѣ О. Ушаковой по 5 тыс. рублей (с. 217).

Въ декабрѣ 1813 г „сословіе“ выдало 21000 р. 5 лицамъ: вдовѣ актера Аннѣ Плавильщиковой 2 т., коллежскому ассесору А. Татаринову и надворной совѣтницѣ П. Крыловой по 3 т., княгинѣ А. Щербатовой 5 т. и бригадиршѣ В. Исленьевой 8 т. р. (сс. 217, 218: объ остальныхъ выдачахъ комитета см. Ш, 141, 142, 165, 174, 175, 181, 183, 205, 206). Какъ рѣдкое исключеніе слѣдуетъ отмѣтить фактъ отказа отъ комитетскаго пособія въ 4 тысячи рублей трехъ капитанскихъ дочерей Зенбылатовыхъ, потерявшихъ въ Москвѣ домъ и имущество на 165 тысячь рублей (Ш, 141).

Въ сборникѣ г. Щукина находимъ массу прошеній о пособіи, поданныхъ въ комитетъ богатыми москвичами разныхъ ранговъ. Удовлетворены-ли они были или нѣтъ—это неизвѣстно. Но характеренъ уже самый фактъ подачи этихъ прошеній отъ людей болѣе или менѣе состоятельныхъ, потерявшихъ отъ войны только крупицу изъ своихъ богатствъ и тѣмъ не менѣе умоляющихъ о помощи отъ казны... Эти документы рисуютъ такую ненасытную алчность и крайнюю безцеремонность русскаго общества того времени, что о „патріотизмѣ" его можно говорить развѣ только въ ироническомъ смыслѣ... Чтобы не быть голословнымъ, соберу всѣ данныя этого рода.

Начинаю съ „соли" Русской земли—съ „ученаго сословія"... Штабъ-лекарь Ѳедоръ Дмитріевичъ Калайдовичъ, служившій до нашествія французовъ „при московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ", въ февралѣ 1813 г. назначенъ адъюнктъ-профессоромъ Казанскаго университета и тогда же подалъ оберъ-полицеймейстеру Ивашкину „объявленіе" о своемъ „разореніи" отъ непріятеля. Выѣхалъ онъ изъ Москвы передъ французами, съ женою, 3 дѣтьми, 2 „крѣпостными моими женщинами" и съ „самонужнѣйшими только вещами", на „троихъ извощичьихъ телѣгахъ". Остальное же имущество оставилъ въ своемъ домѣ, гдѣ оно и сгорѣло съ домомъ. Одну библіотеку свою онъ цѣнилъ въ 12 тыс. рублей: „а что у меня и у дѣтей моихъ, кандидатовъ имп. Московскаго университета, имѣлось множество рѣдкихъ и дорогихъ книгъ, о семъ могутъ засвидѣтельствовать онаго же Московскаго университета многіе господа чиновники"... Всего этотъ чиновникъ-профессоръ „получилъ убытку" на 16500 р., кои и желалъ бы получить отъ казны (II, 158: III, 144).

Нѣсколько скромнѣе былъ аппетитъ у „магистра Московскаго университета" Ѳ. Ѳ. Кузьмина, занимавшагося преподаваніемъ уроковъ математики и имѣвшаго въ Москвѣ „заве-

деніе дѣланія математическихъ инструментовъ", которое онъ открылъ единственно для того, чтобы „усовершенствовать сіе искусство". Магистръ „уже началъ видѣть и плоды" своихъ „трудовъ", какъ пришли французы и уничтожили „сіе полезное для общей пользы заведеніе", стоившее 7 т. р. Просить— „исходатайствовать у трона" эту сумму, чтобы магистръ могъ „продолжать быть полезнымъ моему отечеству" (с. 115).

О пособіи просили два адъюнкта Московскаго университета, Ѳедоръ Чумаковъ и Алексѣй Болдыревъ, но размѣръ ихъ аппетитовъ неизвѣстенъ(III, 144, 145).

Семь тысячъ просилъ провизоръ К. И. Шредеръ, арендовавшій аптеку штабъ-лекаря И. И. Коризны. Собственно аптекарскихъ матеріаловъ и принадлежностей онъ потерялъ на 3 т. р., а въ остальную сумму входили предметы его обстановки, въ родѣ „фортепьяно краснаго дерева, съ флейтами и флейтраверзами" въ 1200 р. и т. п. „самонужнѣйшихъ вещей"... (с. 207).

„Вице-президентъ имп. Медико-Хирургической Академіи Н. С. Всеволожскій нѣсколько совѣстится своего заявленія о понесенной потерѣ: онъ говоритъ: „хотя и не лишенъ я средствъ къ своему содержанію, но обязанностью (sic) считаю поставить въ виду начальства убытокъ, пожаромъ и грабительствомъ въ несчастное время мною понесенный"... Было отчего совѣститься этому очень богатому человѣку, когда свой убытокъ онъ оцѣнилъ въ 30400 р., при чемъ главная сумма (20 т.) падаетъ на такой предметъ „необходимости", какъ „фламандскія полотна"... (II, 126).

Перехожу къ другимъ именитымъ и очень богатымъ барамъ, у которыхъ не оказалось и такой доли совѣстливости, когда они ждали отъ казны возмѣщенія своихъ убытковъ, нисколько не пошатнувшихъ ихъ состоянія...

Гофмейстеръ и „дѣйствительный камергеръ" кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ уже въ ноябрѣ 1812 г. поторопился

подать чрезъ своего повѣреннаго „прошеніе“ государю о возмѣщеніи убытковъ, понесенныхъ имъ отъ разоренія его деревень въ Сычевскомъ уѣздѣ. Убытокъ князя заявленъ въ 21173 р. 50 копѣекъ... Въ длинномъ перечнѣ (на 10 страницахъ in-folio) ничто не упущено изъ виду, вплоть до „пуховой подушки“ въ 2 р., 10 утокъ по 30 коп. штука, 10 „куръ русскихъ“ той же стоимости, „пары чулокъ“, „двухъ шлей“ и т. п. (I, сс. 25—36).

Въ декабрьскомъ письмѣ къ князю его повѣренный Клюшниковъ, подавшій предыдущее „прошеніе“ въ Сычевскій нижній земскій судъ, наивно разъясняетъ—къ какому нехитрому пріему онъ прибѣгъ, по совѣту Сычевскаго исправника Богуславскаго, чтобы *увеличить* сумму княжескихъ убытковъ отъ непріятельскаго нашествія... Въ прошеніи и реестрѣ убытковъ „не было показано магазейнаго хлѣба“, потому что „и *не былъ* оной *ограбленъ*, а весною сего года розданъ на продовольствіе крестьянамъ“ (т. е., конечно своимъ, Голицынскимъ). Точно также не были тамъ показаны хлѣбъ, фуражъ и скотъ, взятые казаками, и „отнятыя у крестьянъ лошади“ подъ доставку сухарей въ армію. Но—разсказываетъ князю Клюшниковъ—и „въ бытность мою“ въ Сычевкахъ „г-нъ *исправникъ присовѣтовалъ* мнѣ поданное *прошеніе переимѣнить* и *показать* магазейной хлѣбъ весь безъ остатка *разграбленнымъ* непріятельскими партіями, во избѣжаніе (sic) требованія въ армію“... Въ ту же вѣдомость убытковъ отъ непріятеля „г-нъ исправникъ“ посовѣтовалъ „включить“ и все „забранное казаками и отнятыхъ у крестьянъ въ армію лошадей“... Приказчикъ кн. Голицына такъ и поступилъ: „прежде поданное прошеніе взялъ обратно и подалъ другое, въ коемъ значится по цѣнѣ разграбленнаго на 21173 руб. 50 коп.“ (II, 5).

Вышеуказанное прошеніе (I, 25 и слѣд.) и есть это фальшиво составленное прошеніе, гдѣ дѣйствительно находимъ

статью о „сельскихъ запасныхъ магазейныхъ", откуда „хлѣбъ весь французско-военными (sic) людьми *ограбленъ* и увезенъ, а всего по цѣнѣ на 8741 р. 25 к." (с. 27). Взятый казаками скотъ и проч. также разнесены по соотвѣтствующимъ графамъ убытковъ, понесенныхъ будто отъ непріятеля... Понятно, что вся эта вѣдомость убытковъ теряетъ всякое серьезное значеніе, разъ мы знаемъ, что добрая половина суммы убытковъ составляетъ явный подлогъ и обманъ...

Княгиня Анна Засѣкина въ своемъ „объявленіи" о ограбленномъ въ ея Московскомъ домѣ имуществѣ не указываетъ цѣны (за исключеніемъ 2—3 вещей изъ нѣсколькихъ сотъ), а только обстоятельно описываетъ свои дорогія вещи, часть которыхъ „видимы въ рукахъ по сосѣдству находящіяся у разныхъ людей" (II, 43—48). Очевидно, она не ждетъ вознагражденія изъ казны, а желала-бы только получить обратно свои вещи. Въ этомъ отношеніи кн. Засѣкина представляетъ почтенное исключеніе, которое особенно ярко бросается въ глаза при сопоставленіи съ фактами въ родѣ прошенія кн. А. М. Голицына и т. п.

Княгиня Д. Ѳ. Циціанова не слѣдуетъ благородному примѣру кн. Засѣкиной, а жаждетъ получить изъ казны 59100 р., чтобы облегчить свою потерю отъ разграбленнаго имущества (домъ уцѣлѣлъ отъ пожара), при чемъ она потеряла такія, напр., вещи, какъ 2 „бриллiантовыя нитки на шею" въ 8 тысячъ рублей, „приборъ для кровати" въ 3 т. р. „соболи на шею" въ 8 тысячъ р., „кабачекъ для водки серебряный" въ 175 р. и т. д. Послѣдняя статья въ реестрѣ кн. Циціановой, немногимъ больше стоимости „кабачка" — „библіотека краснаго дерева, въ ней разнаго сорта книгъ 130-ть на 275 рублей" (II, 126—128). Странно тутъ одно обстоятельство: княгиня говоритъ, что она выѣхала изъ Москвы 2 сентября „на четырехъ только (sic) лошадяхъ, ничего съ собою не взявъ"... Неужели для этихъ 4 лошадей могли быть тяжелымъ грузомъ

всѣ эти многотысячныя брилліантовыя вещи, 8-митысячные соболи на шею („длиною 4 аршина"), даже серебро и проч.?!... Не вѣрится, чтобы всѣ эти драгоцѣнности были помѣщены, какъ она говоритъ, въ „вырытой глубокой ямѣ" въ кладовой и оттуда будто бы похищены...

Коллежская ассессорша кн. А. Г. Волконская очень наивно жалуется, что кромѣ сгорѣвшаго въ Москвѣ дома съ имуществомъ у нея есть имѣніе въ Мещовскомъ уѣздѣ, „состоящее въ 232 душахъ, но съ оныхъ получаю доходу въ годъ не болѣе 2500 р., слѣдовательно не имѣю средствъ возобновить моего дома съ доведеніемъ его до *прежняго* состоянія и имѣть тоже въ немъ имущество"... Требованія княгини скромны: ей необходимы не 8-митысячные соболи и брилліанты, а сервизъ фаянсовый въ 400 р., „хрустальная столовая посуда съ кабачкомъ" въ 500 р. и т. п. Княгиня умоляетъ Ивашкина— „сопричислить ее къ подобному несчастію подпавшимъ и исходатайствовать участіе и милость"... Княгиня, считающая „несчастіемъ" отсутствіе фаянсоваго сервиза и т. п., ждетъ отъ казны всего 19140 р. (II, 163).

Кн. Циціанова и кн. Волконская не называютъ себя вдовами, значитъ у нихъ были мужья, не рѣшившіеся лично подать просьбы о пособіяхъ, но спрятавшіеся за спинами женъ... Статскій совѣтникъ Д. А. Засѣкій потерялъ въ Москвѣ домъ съ имуществомъ всего на 89219 р., кои не прочь получить отъ казны. Одинъ домъ, состоявшій изъ 10 корпусовъ, онъ цѣнитъ въ 61 тыс. р. Остальное падаетъ на разное имущество: „святыя иконы" въ 225 р., „суповыя серебряныя чаши" въ 1800 р., „сорокъ столовъ" на 1380 р., музыкальные инструменты около 1500 р., одинъ потъ на 400 р., книгъ на 500 р. и т. п. (II, 130, 131).

„Осмидесятилѣтній воинъ" генералъ—маіоръ В. В. Перовъ, „укротившій мятежъ въ Яицкомъ городкѣ", а передъ нашествіемъ французовъ жившій въ отставкѣ въ Москвѣ, поте-

рялъ тамъ свой „крѣпостной домъ“ и разное имущество, всего на 45150 р. Перечисляя имущество, разграбленное и сгорѣвшее въ его „полномъ дворянскомъ домѣ“, Нероновъ начинаетъ со „святыхъ иконъ“, которымъ однако „цѣны не полагаетъ“: далѣе идутъ разныя золотыя и др. вещи, библіотека „изъ отборныхъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ“ въ 3 т. р., и проч. Пропало у него и наличныхъ денегъ ассигнацій на 19 т. р. (II, 128, 129).

Дѣйствительный статскій совѣтникъ С. М. Власовъ оцѣниваетъ свою потерю ровно въ 100 тыс. р. Кромѣ потери дома, съ оранжереей, садомъ и пр., Власовъ особенно скорбитъ объ исчезновеніи 3000 бутылокъ „венгерскаго, шампанскаго, бургонскаго и другаго званія отличныхъ и рѣдкихъ старыхъ винъ“, кои онъ оцѣниваетъ „не менѣе 20000 рублей“ (сс. 156, 157).

Статскій совѣтникъ Н. Н. Сандуновъ, потерявшій домъ и разное имущество, желалъ бы получить отъ казны 55423 р. 50 копѣекъ (с. 159). Почти столько же (51387 р. 27 (sic) коп.) проситъ статская совѣтница Н. Н. Мусина-Пушкина, потерявшая между прочимъ въ своемъ Московскомъ домѣ кружевъ на 1045 р., бѣлья носильнаго и постѣльнаго на 6028 р. и т. д. Были, впрочемъ, и книги на 200 р. Она увѣряетъ, что съ ея Тульскаго имѣнія въ „70 душъ“ — „никакого доходу не получила, по неурожаю хлѣба и военныхъ тягостей, какъ-то подводъ и прочаго“ (сс. 161, 162).

Тайный совѣтникъ В. М. Ржевскій, проживающій въ Мценскомъ своемъ имѣніи, сообщаетъ управѣ благочинія, что его Московскій домъ сожженъ, а имущество разграблено. Оцѣнки дома онъ не дѣлаетъ, а имущество скромно оцѣнилъ въ 2164 р. (II, 164).

Сенатскій секретарь, надворный совѣтникъ А. И. Михайловъ цѣнитъ свой сгорѣвшій домъ („на казенномъ среднемъ Преснинскомъ пруду“, противъ „гулянья“) въ 23700 р. и

имущество (въ числѣ его книгъ на 1600 р., картинъ на 195 р., „кинареечный заводъ“ въ 300 р. и пр.) въ 8631 р. 60 к. (сс. 169—173). Маіоръ Тульскаго ополченія Ѳ. С. Мосоловъ оцѣнилъ свой сгорѣвшій домъ съ имуществомъ въ 89700 р. Одна кровать этого маіора стоила 1500 р., одного „лакейскаго платья“ у него было на 1000 р. и т. п. (с. 150).

Но всѣхъ болѣе запросилъ какой-то отставной коллежскій асессоръ Н. Е. Виноградовъ: на 24 страницахъ (II, 178—202) онъ подробнѣйшимъ образомъ описываетъ свой Московскій домъ и разнообразное имущество, оцѣниваемое имъ въ 164885 рублей... Чего-чего здѣсь не было: оранжереи, приносившія 1000 р. дохода, „7 портретовъ фамильныхъ лучшаго мастерства“ въ 500 р., 420 „естамповъ“ на 3 т. р., библіотека въ 1600 названій („о разныхъ матеріяхъ, какъ-то: о предметахъ божественныхъ... о всѣхъ предметахъ россійскихъ... и о другихъ полезныхъ знаніяхъ... къ спокойствію души и сердца служащихъ“) цѣною до 10 т. р., „кабинетъ натуральный“ (минералы, камни и пр.) въ 5 т. р., телескопъ (250 р.) и 2 микроскопа (150 р.), масса мебели, посуды, платья (42 платья женины и пр., у мужа 30 жилетовъ и т. д.), бѣлья, экипажей, припасовъ, винъ и проч. Словомъ, Виноградовъ жилъ на очень широкую ногу и, значитъ, имѣлъ очень хорошее состояніе или значительные какіе-то доходы.

Отмѣчаю еще просьбы о пособіи, поданныя камергеромъ гр. Головкинымъ (III, 57), почетнымъ опекуномъ Нечаевымъ (с. 60), графомъ Ильею Андреевичемъ Толстымъ, просившимъ 200 тыс. (ib.) г-жею Тончи, сестрою статсъ-секретаря кн. Гагарина (с. 144), камергеромъ Бекетовымъ (с. 150), Левашевымъ (ib.) и др.

Не буду такъ подробно останавливаться надъ болѣе скромными аппетитами москвичей средняго достатка, потерявшихъ во время нашествія французовъ свои дома и разное

имущество, и желавшихъ получить пособіе отъ казны. Приведу только нѣкоторыя общія свѣдѣнія и болѣе выдающіеся факты.

Всѣ эти коллежскіе регистраторы, губернскіе секретари, титулярные и прочіе совѣтники, прапорщики, маіоры, премьеръ-маіоры, бригадиры, ихъ жены, вдовы, дочери и т. д., потерявшіе въ Москвѣ одно имущество, или вмѣстѣ съ домами, просили у казны разныя суммы—отъ 1170 р. до 15932 р. и выше—32905 р., 37323 р., 55920 р. и т. д.[1])

Прошенія о пособіи Московскаго духовенства (7 лицъ), напечатанныя въ сборникѣ г. Щукина, довольно скромны: напр., одинъ протоіерей просилъ около 3 т. р., въ томъ числѣ за сгорѣвшія дорогія книги: „библія на латинскомъ языкѣ“ стоила 15 р., „библія на россійскомъ языкѣ“ 10 р., „сочиненія преосв. Платона въ 22 томахъ“ 20 р., „всѣ сочиненія Цицероновы на латинскомъ языкѣ“ 20 р. и т. д. (II, 166, 167). Одинъ священникъ просилъ 5 т. (сс. 143, 144), діаконъ—6 т. (сс. 142, 143), дьячекъ—4 т. (с. 148), и т. п. (II, 159, 160: III, 99, 151)

За всѣми гражданами Москвы потянулись съ прошеніями о казенномъ пособіи и ея охранители—полицейскіе чины. Пристава городской части кн. Путятина „удручаетъ скорбь“ вслѣдствіе потери „всего достоянія“, оцѣненнаго имъ въ 14500 р., но онъ „льстится быть представлену къ награжденію монаршихъ щедротъ за потерѣнное разорѣніе отъ врага“ (II, 132). Приставъ Лефортовской части Могилевичъ очень скромно оцѣниваетъ свою потерю всего въ 2 т. р. (с. 134). Еще 6 приставовъ жаждутъ получить отъ 13 т. до 32538 р. (сс. 132—138). Самый крупный изъ этихъ кушей запросилъ приставъ Арбатской части Авдѣевъ, объясняя, что въ эту сумму 32538 р. вошло „приданое“ его принедшихъ въ воз-

[1]) I. 74: II, 90—92, 125, 146, 147, 149, 151, 152, 160, 165, 168; III, 61—64, 144—147, 149—152 и др.

рать 3 дочерей". Приставъ надѣется, что правительство возьметъ на себя „устроить благосостояніе" невѣстъ... (с. 136). Просятъ затѣмъ о пособіи отъ 550 р. до 11 т. разные полицейскіе чины: капитанъ „полицейской драгунской команды" Яковлевъ, состоявшій 1 сентября ординарцемъ у гр. Растопчина (II, 131), лекарь Рогожской части Ѳ. И. Миллеръ (самый крупный кушъ—сс. 144, 145), квартальные поручики (сс. 138—140, 167, 168), брандмейстеръ (3270 р.,—сс. 141, 142), городовой (2224 р.,—сс. 140 141) и др. Кажется, нельзя сомнѣваться, что всѣ эти сотрудники гр. Растопчина были удовлетворены вполнѣ и прежде другихъ просителей изъ простыхъ обывателей... Всѣ полицейскія прошенія подавались въ началѣ 1813 года.

Объ аппетитѣ Московскихъ купцовъ на счетъ казенныхъ воспособленій находимъ сравнительно мало данныхъ въ сборникѣ г. Щукина. Часть ихъ касается „именитыхъ купцовъ": „первостатейный купецъ" Ѳ. И. Кожевниковъ уже въ декабрѣ 1812 г. подалъ Ивашкину объявленіе о своихъ потеряхъ въ домѣ и 31 лавкѣ. Повидимому, его объявленіе напечатано безъ конца, а потому остается неизвѣстною стоимость его имущества, среди котораго было много платья, вина, посуды и пр. Были, впрочемъ, и „книги"—цѣлыхъ „шесть", но „записныя"... (сс. 48—50). Братъ его П. И. Кожевниковъ, торговавшій чаями и владѣвшій „вотчинами" (лавками и пр.) въ гостинномъ ряду, просилъ всего только *полтора милліона* (III, 73, 74). А. С. Корзинкинъ проситъ ради „порядка коммерческихъ дѣлъ" 388 542 р. 37 *копѣекъ* (III, 69—71). Братья Д. и П. К. Боткины „сдѣлались несчастными" вслѣдствіе потерь на 402600 р. (сс. 76, 77).

Документъ о купцѣ Гаврилѣ Кузнецовѣ—единственный въ своемъ родѣ: это „свидѣтельство" Московскаго главнокомандующаго Тормасова, отъ 2 іюня 1815 г., о томъ, что Кузнецовъ оцѣнилъ свои убытки въ 1812 г. (потеря дома, лавокъ

и разнаго имущества въ Москвѣ) „примѣрно до 120 тысячъ рублей; *коммиссіею же*, учрежденною для вспоможенія разореннымъ обывателямъ здѣшней столицы и ея губерніи, *назначено* ему Кузнецову *восемь тысячъ* рублей...“ (I, 91). Разность между двумя оцѣнками громадная, и по ней можно судить о размѣрахъ обывательскаго аппетита къ казенному сундуку...

Московскій 2-й гильдіи купецъ, книгопродавецъ Ф. И. Риссъ желалъ получить за сгорѣвшіе домъ, товары и проч. 99368 р. 50 к. Книжный магазинъ свой онъ цѣнилъ въ 42381 р. 50 к. (II, 165). Татаринъ С. Нарыковъ оцѣнивалъ свою потерю болѣе 25 тыс. р., не считая пропавшихъ долговыхъ обязательствъ на нѣсколько тысячъ. Для параллели со всероссійскимъ купцомъ Кожевниковымъ слѣдуетъ отмѣтить, что у Казанскаго татарина было только три книги, за то не „записныя“, а настоящія—„три алкорана на арабскомъ діалектѣ“, стоившіе 400 р. (сс. 174—178).[1])

Въ параллель же этимъ купеческимъ, дворянскимъ и почти всѣмъ остальнымъ прошеніямъ о денежныхъ пособіяхъ отъ казны слѣдуетъ поставить прошенія солдатской жены Осиповой и жены какого-то „монетчика“, представившихъ реестры пропавшихъ вещей безъ обозначенія ихъ стоимости, т. е. просившихъ, подобно кн. Засѣкиной (см. выше), только о розыскѣ и возвращеніи этихъ вещей (II, 51—54)...

Изъ прошеній Московскихъ мѣщанъ, ремесленниковъ и т. п. сохранилось немного, напр. „вѣчно цеховой“ Н. Изосимовъ, серебряныхъ дѣлъ мастеръ, просилъ за сгорѣвшій домъ 1550 р. и за пропавшее имущество нѣсколько сотъ рублей (II, 146, 147; III, 96, 99, 103).

---

[1]) См. еще о прошеніяхъ Московскихъ купцовъ III, 67, 72, 74, 76 - 96, 101 146—150.

IX.

Сборникъ г. Щукина, очень богатый данными для характеристики Москвы, чрезвычайно скуденъ свѣдѣніями о другихъ городахъ. Впрочемъ, кое-что можно и здѣсь отмѣтить.

Русскіе „измѣнники" обнаружились не въ одной Москвѣ—они были и въ Смоленскѣ. Жена одного изъ нихъ, Н. Дроздовская, въ письмѣ къ какой-то превосходительной „особѣ", отъ 5 февраля 1814 г. (I, 89—91), говоритъ, что мужъ ея (чиновникъ канцеляріи Смоленскаго губернатора) „не избѣжалъ *гоненій* своихъ единоземцевъ и съ 26 декабря прошлаго 1812 г. содержится подъ строгимъ *арестомъ обще съ прочими*, коихъ числомъ было до *сорока* человѣкъ, по сомнѣнію въ нарушеніи *якобы* вѣрности престолу и государю. Они были коммисіею въ Смоленскѣ бывшею спрашиваны и по заключенію оной, не знаю по какой винѣ, оставлены на дальнѣйшее страданіе изъ числа сорока 12 человѣкъ (въ томъ числѣ и мужъ просительницы), а прочіе на поручительствѣ, иные и вовсе свободными. Теперь дѣло сіе подъ разсмотрѣніемъ Правител. Сената" (с. 90).

Вѣроятно, въ числѣ этихъ 40 „измѣнниковъ" были и тѣ 29 Смольнянъ, которыхъ раньше, въ февралѣ 1813 г., разыскивала Московская полиція, какъ лицъ, состоявшихъ „въ службѣ непріятеля" и затѣмъ скрывшихся „въ разныя мѣста, дабы избѣжать достойнаго наказанія". Двое изъ нихъ—коллежскій ассесоръ К. Желтовской и отставной маіоръ Мецъ—были „членами муниципалитета", остальные исполняли разныя порученія и состояли при французскомъ правительствѣ въ „неизвѣстномъ званіи". Между ними много смоленскихъ дворянъ—А. Жиркевичъ, Е. Краинскій, Д. Красовскій, Рачинскій, М. Голынскій, Ф. Путята, Н. Палицинъ, Д. Перской и др.

Былъ здѣсь одинъ мѣщанинъ, два семинариста и проч. (II, 208, 210).

Какъ подозрительно относилась провинціальная администрація и общество къ малѣйшему намеку и самому слабому подозрѣнію въ измѣнѣ, отлично характеризуетъ „объявленіе“ экзекутора Московской управы благочинія своимъ сослуживцамъ, находившимся въ Нижнемъ, въ сентябрѣ 1812 г. Экзекуторъ С. Андреевъ, „по случаю предпринимаемыхъ здѣшнимъ правительствомъ мѣръ въ разсужденіи теперешнихъ обстоятельствъ жизни нашей и военныхъ, о прекращеніи разныхъ пустыхъ и нелѣпыхъ разсужденій каждаго“, проситъ своихъ сослуживцевъ „воздержаться“ отъ такихъ разсужденій, такъ какъ если съ кѣмъ изъ нихъ „отъ неосторожности и послѣдуетъ какая-либо непріятность, то и не ожидалъ бы себѣ никакого вспомоществованія, да и получить онаго будетъ не отъ кого, по неимѣнію здѣсь начальства“, т. е. своего, управскаго. Кстати экзекуторъ внушаетъ своимъ чиновникамъ и правила приличія— совѣтуетъ имъ „воздержаться отъ ссоръ и шума, нарушающаго спокойствіе жителей и быть трезвыми, за чѣмъ также здѣшнее правительство наблюдаетъ строго и беретъ подъ стражу каждаго, входящаго въ питейный домъ для пьянства“ (I, 111).

Подозрительное отношеніе къ иностранцамъ практиковалось и въ провинціи не меньше, чѣмъ въ Москвѣ: напр. въ началѣ августа 1812 г. былъ арестованъ въ Тулѣ „по сумнительству“ учитель и „россійскій подданный“ французъ Жанъ Франсуа (II, 62—64). Пріѣхавшая въ Ярославль, въ октябрѣ, француженка М. Лемонъ „навела на себя подозрѣніе“ тѣмъ, что мужъ ея остался въ Москвѣ, на французской службѣ, и была отправлена въ Саратовъ, „подъ наблюденіе“ полиціи (I, 151, 152) и т. п.

Для характеристики „подъема патріотическаго духа“ въ провинціальныхъ городахъ очень любопытны отчеты приказчика Голицынской вотчины с. Гребнева (Богородскаго у., Московской

губ.) по сдачѣ въ рекрутскія присутствія рекрутъ и ополченцевъ, въ 1812 и 1813 гг. Кромѣ расходовъ на обмундировку, довольствіе и пр. самихъ рекрутъ и ополченцевъ, не мало денегъ было истрачено на „довольствіе“ рекрутскихъ присутствій, т. е., на дачу взятокъ чиновникамъ, солдатамъ и проч.; напр.: „за справку о лѣтахъ съ ревижскими сказками 10 р.“, „при полученіи квитанцій повытчику 2 р. и на повытье“ 10 р., „за бритье лбовъ“ 3 рекрутъ 1 р. 26 к., „2 человѣкамъ, перекликающимъ людей по реестрамъ, 5 р.“, „подарено въ судѣ писарю“ 25 р., „за караулъ ратниковъ солдатамъ дано 15 р.“ и т. п. На „отдачу“ 3 рекрутъ пришлось израсходовать 182 р. 31 к. и т. п. „Отдача“ 105 ратниковъ обошлась вотчинѣ въ 8709 р. 24 к. Приказчикъ вывелъ и среднія цифры: „въ отдачѣ каждый рекрутъ обходится по 97 р. 6 к.“, а „каждый воинъ“ ополченія „по 79 р. 17 коп. съ денежкой“ (I, 42—46).

Такой же своеобразный „патріотизмъ“ господствовалъ въ 1812 г. и въ *деревнѣ*. Выше былъ приведенъ фактъ, какъ по совѣту Сычевскаго „г-на исправника“ приказчикъ богатаго барина кн. А. М. Голицына показалъ весь запасный хлѣбъ „разграбленнымъ“ французами и сдѣлалъ этотъ подлогъ именно „во избѣжаніе требованія (хлѣба) въ армію“ русскую (II, 5). Тотъ же приказчикъ плачется барину на постоянныя высылки подводъ въ армію, на требованія проходящими воинскими партіями фуража и проч. (сс. 5—6). Такими же жалобами на русскую армію и вообще на „военныя тягости“ времени полны донесенія другихъ Голицынскихъ прикащиковъ и старостъ (I, 8—24, 40, 41 и др.). Никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ никакой думы объ „отечествѣ“, о необходимости „жертвъ“ для него и т. п. Всѣ они хлопочутъ только о себѣ, о своихъ близкихъ, да по долгу холопства — о „барскомъ добрѣ“...

Съ жалобами самихъ помѣщиковъ на „военныя тягости", разоряющія ихъ имѣнія, также можно познакомиться въ сборникѣ г. Щукина: см., напр., прошенія о пособіи Н. Н. Мусиной-Пушкиной (II, 162), А. А. Аргамаковой (I, 76) и др. Но о дворянскомъ „патріотизмѣ" уже достаточно сказано выше.

Гораздо любопытнѣе было бы уловить настроеніе *крестьянъ* въ 1812 г., но, къ сожалѣнію, данныхъ о томъ у г. Щукина очень мало. Воспользуемся, однако, и тѣмъ, что есть.

„Измѣнники" были и между крестьянами. Достаточно, напримѣръ, указать на несомнѣнные факты подвоза въ Москву, въ сентябрѣ, провіанта изъ подмосковныхъ деревень, въ чемъ напр. обвинялся (именно, въ продажѣ непріятелю 3 пудовъ коровьяго масла) крестьянинъ дер. Фрязиной Евстратъ Ивановъ (I, 22), но былъ оправданъ по отсутствію прямыхъ уликъ (с. 24). Въ этомъ случаѣ прямо говорится о „Московскихъ барышникахъ", покупавшихъ припасы для непріятеля [1]).

Если въ другихъ мѣстахъ встрѣчаемся съ враждебнымъ настроеніемъ крестьянъ противъ французовъ, то оно естественно объясняется очевидцами и людьми наблюдательными тѣмъ простымъ человѣческимъ „озлобленіемъ", какое должны были чувствовать люди бѣдные и въ конецъ разоренные противъ своихъ разорителей... Офицеръ главнаго штаба дѣйствующей арміи С. Мизинъ, какъ очевидецъ, говоритъ: *„озлобленный разореніями*, дѣлаемыми непріятелемъ, (народъ) истребляетъ его безъ всякой пощады... Если бы я хотѣлъ описывать всѣ случившіяся происшествія въ окружныхъ селеніяхъ и какія способы употребляютъ добрые, но *раздраженные* наши поселяне къ истребленію враговъ, то бы никогда не могъ кончить..." (I, 62).

[1]) См. еще III, 22.

Послѣ этого категорическаго утвержденія другая фраза того же Мазина, что „крестьяне, оживляемые любовью къ родинѣ, забывъ мирную жизнь, всѣ вообще вооружаются“ противъ врага, требуютъ оружія и пороха—эта фраза говоритъ развѣ о „патріотизмѣ“ самого Мизина, но никакъ не крестьянъ. Если они „вооружались“, то для самообороны, для защиты своей деревни, своей семьи, отъ непріятельскихъ (и русскихъ) мародеровъ и для мести своимъ разорителямъ. Если они „забыли мирную жизнь“, то поневолѣ, когда кругомъ ихъ кипѣла военная жизнь и когда всѣ отправленія мирной жизни прекратились, стали рѣшительно невозможными. Тутъ и бабы возьмутся за оружіе, какъ разсказываетъ Мизинъ.

Любопытно, какъ приказчикъ кн. Голицына изъ с. Гривы (Сычевскаго у.) объясняетъ князю истребленіе французовъ мѣстными крестьянами: „здѣшней вотчины крестьянами *по приказанію моему* и *должному настоянію* убито непріятелей 30 человѣкъ“ (II, 4).

О грабежахъ чиновниковъ подмосковными крестьянами,—надъ своею же братіею крестьянами, надъ своими помѣщиками, надъ Московскими выходцами и проч. упомянуто выше. Отмѣчу еще два факта этого рода: приказчикъ кн. Голицына изъ с. Гребнева пишетъ (въ октябрѣ) владѣльцу, что переселившіеся туда изъ подмосковнаго с. Влахернскаго крестьяне „только и упражняются“ въ томъ, что ходятъ во Влахернское и *другъ у друга* запрятанное имѣніе разрывая перепрятываютъ и между собой тамъ безчеловѣчно дерутся...“ Выхинскіе крестьяне въ господскомъ домѣ „били въ комнатахъ зеркала полѣньями“ и пр. (I, 10).

Приказчикъ Голицынскаго с. Гривы хвалитъ своихъ крестьянъ, что они „соблюли тишину, спокойствіе... и показали примѣрную твердость къ отечеству, противъ прочихъ сосѣдственныхъ крестьянъ, которые выводили *чрезвычайные бунты* и неповиновеніе къ своему начальству“ (I, 36, 37).

Въ другомъ письмѣ кн. Голицыну тотъ же Гривскій приказчикъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о крестьянскихъ бунтахъ въ Дорогобужскомъ, Вяземскомъ и Сычевскомъ уѣздахъ, вызванныхъ, повидимому, какими-то толками *„о вольности“*...

Приказчикъ разсказываетъ, что, при появленіи въ окрестностяхъ непріятельскихъ партій, онъ уѣхалъ въ городъ, „въ такомъ смутномъ времени опасаясь и крестьянъ“. Но изъ Сычевокъ онъ навѣдывался въ Гривы, „уговаривалъ крестьянъ, чтобъ *не думали о вольности*. Однакожъ, за всѣмъ симъ не въ виду моемъ (они) дѣлали о неминуемомъ *бытіи подъ французскимъ* распоряженіемъ разглашеніе и выходили изъ повиновенія. Однакожъ, въ пріѣзды мои старался ихъ отъ сего отвлекать, а другіе грубіяны(sic) остались въ своемъ мнѣніи непреклонными до очищенія (отъ французовъ) г. Вязьмы россійскими войсками... Видя отъ крестьянъ неповиновеніе, оказываемое ими по примѣру постороннихъ, старался удерживать и симъ случаемъ могъ уклонить отъ бунта, каковые въ то время происходили во многихъ вотчинахъ въ Дорогобужскомъ, Вяземскомъ и Сычевскомъ уѣздахъ, гдѣ наконецъ дошли до того, что помѣщичьи *крестьяне дѣлили* между собою *господское имѣніе*, даже домы разрывали и жгли, *убивали помѣщиковъ и управляющихъ*. Но въ здѣшней вашего с-ва вотчинѣ крестьяне хотя и покушались сдѣлать бунтъ и много разъ я нижайшій подвергался опасности, но Богъ сохранилъ и... теперь (крестьяне)... остаются послушны“ (II, 3, 4).

Когда это „смутное время“ стало проходить и броженіе среди крестьянъ улеглось, помѣщики смѣло принялись за взысканіе запущенныхъ оброковъ, не обращая вниманія ни на разореніе крестьянъ отъ войны, ни на начавшійся въ разоренныхъ губерніяхъ голодъ и скотскій падежъ... Приказчикъ Голицынскаго с. Горохова Иванъ Шумковъ еще имѣлъ деликатность заявить владѣльцу (въ декабрѣ), что „приступить къ

сбору оброка никакъ не возможно" вслѣдствіе отсутствія многихъ крестьянъ, взятыхъ съ подводами подъ разные „казенные извозы", вслѣдствіе скотскаго падежа въ вотчинѣ и начинающагося голода: „нѣкоторые уже крестьяне пропитываютъ свои семейства совмѣшеніемъ грешневой мекины съ мукой"... Сами крестьяне „одержаны разными болѣзнями, и не знаю, чѣмъ могутъ имѣть крестьяне пропитаніе, и оржанаго хлѣба многіе за тревогами и не посѣяли озимоваго"... Словомъ, положеніе крестьянъ было отчаянное, и никакихъ тутъ вопросовъ на счетъ оброковъ быть не могло: однако Шумковъ счелъ долгомъ заявить владѣльцу: „буду ожидать отъ вашего сіятельства на сіе объясненіе повелѣнія..." (I, 40, 41).

Не удивительно, если кн. Голицынъ, не смотря на всѣ „сіи обстоятельства", приказалъ своему „всеподданнѣйшему рабу" заняться взысканіемъ оброка съ разоренныхъ и голодныхъ крестьянъ... По крайней мѣрѣ такъ было поступлено въ другой княжеской вотчинѣ въ с. Гривахъ, и именно, по „повелѣнію" князя Голицына. Здѣсь три года подрядъ былъ неурожай и особенно въ 1811 г., когда крестьяне „не получили даже высѣянныхъ сѣмянъ". Вслѣдствіе грабежа непріятельскихъ партій крестьяне „чувствуютъ весьма ощутительный недостатокъ въ хлѣбѣ, такъ что половина вотчины питается, выбирая оставшееся изо ржи и овса *зелье* (по ихъ такъ называется), смѣшивая оное съ *льняными головками,* и что мною найденъ дѣйствительно таковой хлѣбъ у многихъ крестьянъ"... И при всемъ томъ „относительно оброка, котораго состоитъ за ними 2-я половина 1811 года и за весь 1812 годъ, какъ изъяснено *въ повелѣніи* мнѣ даннымъ, крестьяне имѣютъ къ платежу онаго доброе расположеніе (sic!..), не отзываясь ничѣмъ обѣщаютъ выплачивать" и только „единогласно просятъ ваше с-во, чтобъ дать имъ въ платежѣ оброка на нѣсколько времени отсрочки..." Приказчикъ поддерживаетъ ихъ просьбу, ссылаясь еще на то, что у крестьянъ „къ вящей

ихъ бѣдности" открылся сильный падежъ рогатаго скота (I, 37). Въ другомъ письмѣ (также въ декабрѣ) тотъ же приказчикъ пишетъ кн. Голицыну, что „состоящій въ недоимкѣ" оброкъ за 2-ю половину 1811 г. „взыскивать стараюсь съ крайнимъ понужденіемъ", но „успѣха въ сборѣ оброка не предвидится" въ виду полнаго разоренія крестьянъ (II, 6; III, 197).

X.

Предыдущія главы уже были написаны, когда вышла IV-я часть сборника г. Щукина: „Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 г." (М., 1899). Надъ новою частью стоитъ остановиться, такъ какъ большинство помѣщенныхъ въ ней матеріаловъ рисуетъ положеніе *провинціи*, которой вообще мало касались первыя три части сборника, посвященныя преимущественно Москвѣ. О послѣдней говорятъ и нѣкоторые документы IV-ой части, съ которыхъ и начнемъ [1],

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить два мемуара, разсказывающихъ о положеніи Москвы, занятой французами: а) „Тет-

[1]) Нельзя не отмѣтить нѣкоторой небрежности редакціи IV части; напр.: а) на сс. 86—94 помѣщенъ курьезный документъ, представляющій хламъ, ни на что и никому ненужный: „реестръ" тюковъ съ имуществомъ Московскаго Екатерининскаго и Александровскаго институтовъ, отправленныхъ въ 1813 г. изъ Казани въ Москву. Болѣе 8 страницъ наполнены такими поучительными цифрами и многоточіями: „1 (тюкъ.....9 пудовъ,) 01 (фунтъ), 2..... 9..., 3... 8..., 4...9, 10. 5...8, 21" и т. д., и т. д. Неужели и это историческій матеріалъ ?!.. б). Документъ на сс. 141—144 озаглавленъ: „копія съ отрывка изъ дѣла о купцѣ Мамоновѣ"... Однако, о купцѣ Мамоновѣ здѣсь ни слова нѣтъ, и дѣло касается мѣщанина Абросимова. в) На сс. 346—350 напечатаны письма В. Соймонова къ В. Алябьеву, а на сс. 350—352 письма А. Алябьева къ В. Алябьеву; но достаточно прочесть тѣ и другія, чтобы убѣдиться въ принадлежности вторыхъ писемъ не А. Алябьеву, а *отцу* В. Соймонова: въ обѣихъ серіяхъ идетъ рѣчь о Соймоновской вотчинѣ с. Н кольскомъ, объ уцѣлѣвшемъ въ Москвѣ лѣсѣ Соймоновыхъ, о „нововыпечатанномъ геро̀ѣ", старостѣ с. Никольскаго, Гаврилѣ Анкудиновѣ, убившемъ 600 французовъ и проч. Нельзя также не поставить въ упрекъ почтенному издателю, что въ его роскошномъ изданіи документы располагаются безъ всякой системы, и на происхожденіе ихъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній...

радь священника Московскаго Успенскаго собора І. С. Бажанова" (сс. 49—76) и б) „ О 1812 годѣ (воспоминанія изъ разсказовъ современниковъ и очевидцевъ)" Н. И. Т-ва (сс. 331—346). Хотя послѣдній мемуаръ принадлежитъ не очевидцу событій, а только сыну очевидца (отецъ разсказчика былъ Московскимъ дьякономъ въ 1812 г.), тѣмъ не менѣе онъ гораздо цѣннѣе „Тетради" о. Бажанова, разсказывающаго о личныхъ страданіяхъ въ Москвѣ, во время пребыванія тамъ французовъ.

О. Бажановъ очень вычурно, высокопарно и въ сильно приподнятомъ тонѣ повѣствуетъ только о своихъ личныхъ приключеніяхъ и повѣствуетъ даже въ двоякомъ изложеніи—прозою (с. 57 и слѣд.) и виршами (с. 67 и сл.). Онъ слишкомъ интересуется собственною персоною, ея страданіями, неудачами, чтобы обращать вниманіе на чужое горе и на положеніе роднаго города. О послѣднемъ ничего у него не найдете, кромѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ черточекъ, случайно проскользнувшихъ среди высокопарныхъ разглагольствованій о личныхъ приключеніяхъ. Удивительно, что даже по своей спеціальности о. Бажановъ ничего не подмѣтилъ и не разсказалъ намъ: ни о разореніи Московскихъ церквей, ни о положеніи духовенства и т. п.—ничего у него нѣтъ. Только одинъ фактъ и можно у него отмѣтить: послѣ разныхъ мытарствъ о. Бажановъ нашелъ тихое пристанище въ дѣвичьемъ Рождественскомъ монастырѣ, гдѣ благодаря жившему тамъ „непріятельскому начальнику" монахини пребывали „очень покойно", имѣли „все нужное къ продолженію жизни", и „сей слабый, немощный и беззащитный преподобныхъ дѣвъ ликъ во все его (начальника) пребываніе въ обители ни малѣйшаго не терпѣлъ притѣсненія"... (сс. 62, 63).

Но подобныхъ фактовъ почти нѣтъ у о. Бажанова, за то онъ много распространяется, напр., о томъ, какъ онъ спасался отъ французовъ въ саду Екатерининскаго института:

„узрѣвъ во устіи пруда островокъ, густою осокою обросшій, прибѣгъ въ его защиту, онустился въ воду и прикрылъ осокою главу“ (с. 60); какъ, придя на Никитскую улицу, увидѣлъ вмѣсто своего дома „единый пепелъ“ и, падши на него, „впервые желалъ себѣ смерти и могилы на милой сей землѣ“ (с. 61); какъ раньше, въ томъ же еще цѣломъ домѣ угощалъ французовъ „брашнами и питіями“—всѣмъ, „что токмо имѣлось лучшаго“, памятуя „слова премудраго Сираха: аще жаждетъ, напой его“ (с. 58) и т. п.

А между тѣмъ на словахъ это былъ великій „патріотъ своего отечества“, предпославшій разсказу о своихъ приключеніяхъ цѣлое схоластическое разсужденіе отъ св. писанія и отъ собственныхъ измышленій (сс. 50—57) на тему объ апокалипсическомъ „звѣрѣ“, каковымъ признаетъ, конечно, „звѣроподобнаго корсиканца“, „ему же имя по славянской азбукѣ и числительнымъ литтерамъ есть слѣдующее—666“. Тоже „звѣриное число“ о. Бажановъ нашелъ и въ словѣ „Вольнодумъ“, именно (с. 54):

В	о	л	ь	н	о	д	у	м	ъ
2,	70,	30,	—	50,	70,	4,	400,	40,	—

въ итогѣ получается роковое 666...

Не чета „Тетради“ этого смиренно-лукаваго патріота, посвятившаго свое произведеніе министру духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицыну,—безхитростныя воспоминанія Н. И. Т-ова (сс. 331—346). Правда, они мало говорятъ о 1812 годѣ и больше касаются автобіографіи автора и разныхъ сторонихъ подробностей о Московскомъ бытѣ послѣдующихъ годовъ, но и эти подробности любопытны (напр. на с. 332—о декабристѣ Бѣляевѣ), а интересный и мѣстами картинный разсказъ о событіяхъ 1812 г. полонъ характерныхъ черточекъ. Таковы,

напр. указанія на грабежи русскихъ въ Москвѣ (сс. 333, 341), на противорѣчивыя объявленія гр. Растопчина предъ занятіемъ Москвы непріятелемъ, которыя „сбивали съ толку“ народъ (с. 333), на ужасъ и смятеніе среди Московскихъ бѣглецовъ, доводившее нѣкоторыхъ до умственнаго разстройства (сс. 333, 334), на гуманность французовъ (с. 339) и варварство ихъ союзниковъ, особенно нѣмцевъ (с. 340), и проч.

О грабежахъ русскихъ въ занятой французами Москвѣ много данныхъ сообщаетъ обширное дѣло о Московскомъ купцѣ И. Г. Позняковѣ и его товарищахъ (сс. 1—49). Это была цѣлая воровская шайка, на компанейскихъ началахъ грабившая въ Москвѣ гостинный дворъ и др. мѣста, не хуже непріятеля. Въ составъ ея входили, главнымъ образомъ, Московскіе и др. купцы, мѣщане, крестьяне и др., былъ одинъ грузинскій дворянинъ (и купецъ И. А. Бабановъ), позже оказались прикосновенными къ дѣлу полицейскіе чиновники (И. И. Штегельманъ и Г. П. Смирновъ), бравшіе съ воровъ взятки, и проч. Всего въ шайкѣ было болѣе 30 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ.

Во главѣ шайки стоялъ Московскій 3 гильдіи купецъ И. Г. Позняковъ, а главными пособниками были—его жена, Московскіе купцы 2 гильдіи М. Е. Карпѣевъ, 3 гильдіи П. И. Брыткинъ, М. А. Шапошниковъ и Е. И. Посниковъ, Брестъ-литовскій 1-ой гильдіи купецъ В. П. Поповъ, Кіевскій купецъ М. И. Резенковъ, крестьянинъ П. Прасоловъ и др. Всѣ они оставались въ Москвѣ, когда она была сдана французамъ, и здѣсь усердно занимались присвоеніемъ чужой собственности. Любопытно, напр., что Поповъ (с. 19 и сл.) былъ маркитантомъ при арміи и вмѣстѣ съ нею вступилъ въ Москву 31 августа, со своимъ обозомъ изъ 4 повозокъ, наполненныхъ разными товарами; но онъ предпочелъ бросить это доходное занятіе и остаться въ Москвѣ, примкнувъ къ шайкѣ Позпякова. Посе-

лившись вмѣстѣ съ нимъ, Поповъ и др. члены шайки начали дѣлать наѣзды на гостинный дворъ и въ частные дома, брать тамъ товары и свозить ихъ въ помѣщеніе Познякова, гдѣ происходила дѣлежка награбленнаго.

Такъ, Брыткинъ показывалъ, что, „по приглашенію Познякова, вмѣстѣ съ купцами Поповымъ, Резенковымъ, Вепринцевымъ, Посниковымъ и съ извозчикомъ Прасоловымъ, на его лошадяхъ, ѣздили неоднократно въ городъ и тамъ брали во время горѣнія Гостинаго двора, по указанію Познякова, разные товары, но изъ чьихъ амбаровъ или лавокъ—не знаетъ", и все это перевозили въ ихъ общую квартиру въ домѣ Лаврентьева на Мясницкой улицѣ, гдѣ прятали награбленное въ палатку и др. мѣста. Брали разные товары—синюю кубовую краску, итальянскій шелкъ, хину, англійскую прядильную бумагу, чай, гвоздику и пр. (с. 3 и сл.). Почти всѣ сознались въ этомъ грабежѣ, какъ и самъ Позняковъ (с. 8). У послѣдняго компаньоны видѣли 3 ящика съ какимъ-то плавленнымъ серебромъ (с. 22 и др.), изъ которыхъ 2 ящика были переданы имъ французскому офицеру изъ поляковъ Кобылинскому (с. 42). Извозчикъ Прасоловъ показалъ ,какъ онъ 6 сентября ѣздилъ съ Позняковымъ и др. въ Гостиный дворъ, гдѣ купцы наклали разнаго товара „полную бричьку", какъ 7 сентября Позняковъ съ женой набрали тамъ же полную бричку фаянсовой и фарфоровой посуды, какъ потомъ еще нѣсколько разъ ѣздили туда и брали вино, изюмъ и разные товары (с. 26).

По выходѣ французовъ изъ Москвы, Поповъ отправилъ въ Харьковъ награбленный имъ товаръ на 12 лошадяхъ. Позняковъ требовалъ съ него за тѣ товары „10 процентовъ въ *общую* каску", а товары, находившіеся въ квартирѣ Познякова, были такъ распредѣлены: „Познякову съ женою 55 процентовъ, на домъ (?) 5 процентовъ, Брыткину 20 проц., а ему, Попову, и Вепринцову по 10 процентовъ" (с. 22).

Часть товаровъ Поповъ поручилъ доставить въ Харьковъ Прасолову, но, по выѣздѣ его изъ Москвы, товары задержалъ другой компаньонъ купецъ Шапошниковъ, называя ихъ своими. Поповъ не сталъ спорить съ нимъ, опасаясь жалобъ по начальству, да и хорошо сознавая, что тотъ товаръ „нисколько ему, Попову, не принадлежалъ“ (с. 24). Словомъ операціи компаніи не всегда шли удачно, но въ общемъ они отлично наживались.

Французы не мѣшали ихъ дѣятельности, такъ какъ Позняковъ попалъ на французскую службу и пользовался особымъ покровительствомъ кн. Понятовскаго, благодаря женѣ. Она была дочерью Рижскаго купца Соловьева, по смерти котораго почему-то воспитывалась въ Варшавѣ въ домѣ князя, откуда и выдана замужъ за Познякова (с. 19). Благодаря покровительству кн. Понятовскаго, принимавшаго Позняковыхъ въ Москвѣ, послѣдніе не только были ограждены отъ насилій непріятеля, но и сами принялись за грабительство, безнаказанное для нихъ съ тѣхъ поръ, какъ Позняковъ принялъ на себя званіе коммиссара французской службы (с. 22 и др.) и сталъ исполнять разныя порученія, въ родѣ закупки хлѣба и фуража для французовъ (ibid.) и проч. (с. 45). До чего велико было вліятельное положеніе Познякова у французовъ, показываетъ исторія польскаго мальчика Юзефа, *разстрѣлянnаго* французами „по общему капризу“ Позняковыхъ, изъ-за какой-то пустой ссоры съ мальчикомъ (сс. 6, 25, 41 и др.)...

Купецъ Карнѣевъ также былъ на французской службѣ—помощникомъ коммиссара въ Якиманской части (с. 8). Въ дѣлѣ упоминаются еще слѣдующіе члены французскаго „городоваго правленія“—Московскіе купцы П. Коробовъ, И. Козловъ и П. Водопьяновъ (с. 11).

По примѣру купцовъ грабили Гостиный дворъ и маленькіе люди, напр. жена извозчика Прасолова брала тамъ мит-

каль, мѣдь, посуду, шелкъ и пр. (с. 28), а мать Прасолова содѣйствовала ей (с. 29). Крестьянинъ Ефимовъ и дворовой человѣкъ Никифоровъ таскали медъ изъ медоваго ряда, рыбу, церковныя книги и пр., затѣмъ ограбили трехъ крестьянъ, тащившихъ изъ рядовъ шали, платки и пр. (с. 30). Эти и многіе другіе грабители изъ крестьянъ и т. п. говорили на судѣ откровенно о своихъ грабежахъ, но купцы наивничали, будто они не грабили, но стремились „предохранить отъ пожара“ товары Гостинаго двора, которые „французы жгутъ безъ всякаго сожалѣнія“... (с. 37).

По суду всѣ члены шайки были приговорены къ тяжелымъ наказаніямъ (Позняковъ въ каторгу, жена его на поселеніе и т. д.), но за силою всемилостивѣйшаго манифеста освобождены отъ присужденныхъ наказаній (сс. 146—49).

Встрѣчаются и другія данныя о грабежахъ русскихъ въ Москвѣ; напр., дѣло по жалобѣ Московскаго фабриканта шалей и шалевыхъ платковъ Ефима Сухочева на Московскаго купца Ивана Михѣева и другихъ, ограбившихъ 4 сентября товары перваго на сумму около 20 т. р. (сс. 144—151) и т. п.

О несчастномъ „измѣнникѣ“ *М. Н. Верещагинѣ*, убитомъ народомъ по приказу гр. Растопчина, говоритъ „копія съ дѣла о М. Н. Верещагинѣ“, 1812—1816 гг. (сс. 104—118), гдѣ находимъ, между прочимъ, такую оффиціальную мотивировку этого возмутительнаго Московскаго „суда Линча“: Московскій губернскій прокуроръ Желябужскій сообщилъ Сенату отношеніе гр. Растопчина, писавшаго, „что онъ, исполнясь патріотической горести (sic) о участи Москвы, симъ преступникомъ (Верещагинымъ) предвѣщенной, и опасаясь, чтобъ онъ не избѣгнулъ (?) какъ-либо отъ достойнаго наказанія, *отдалъ* его, въ день оставленія имъ Москвы, для наказанія *народу*, который отъ горести и отчаянія почелъ его недостойнымъ жить и предалъ смерти...“ (с. 116).

Въ спискѣ чиновъ Московской полиціи, получившихъ награды за разныя дѣянія, читаемъ, что квартальный надзиратель А. П. Спиридоновъ въ 1813 г. получилъ за отысканіе купеческаго сына Верещагина, разгласившаго (?!) о важныхъ воинскихъ обстоятельствахъ (?!), отъ монаршихъ щедротъ золотые часы"... (с. 281).

Къ дѣлу Верещагина относится еще одинъ курьезный документъ: предписаніе министра юстиціи И. И. Дмитріева сенатскому оберъ-прокурору, въ февралѣ 1813 г., о „немедленномъ окончаніи" дѣла Верещагина („дѣла особенной важности"), уже около полгода покоившагося сномъ смерти... (с. 323).

Изъ предыдущихъ томовъ сборника г. Щукина мы знаемъ, что „патріотическая горесть" не мѣшала разнымъ именитымъ и богатымъ сынамъ отечества предъявлять къ послѣднему требованія о вознагражденіи за понесенные отъ непріятельскихъ и своихъ войскъ матеріальные убытки. Съ громкими фактами этого сорта встрѣчаемся и въ IV томѣ. Такъ, управляющій Могилевскими имѣніями извѣстнаго графа Михаила Семеновича Воронцова заявилъ нижнему земскому суду, что въ имѣніяхъ графа „забрано непріятелями и россійскими войсками" хлѣба, скота, фуража и пр. на 110600 р. 15½ копѣекъ (сс. 302—304). Даже грошъ подсчитанъ!.. даже грошомъ жаль было пожертвовать для отечества!..

Такія же заявленія объ убыткахъ (на меньшія суммы) поданы сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Алексѣемъ Ильичемъ Мухановымъ (с. 353), его братомъ, дѣйств. статск. совѣтникомъ Иваномъ Мухановымъ (с. 355) и др. О значительныхъ пособіяхъ и ссудахъ, выданныхъ пострадавшимъ москвичамъ, говорятъ нѣсколько документовъ (сс. 274—281), напр.: „костоправу" Голицынской больницы В. А. Нечаеву дано 2 т. р., купцамъ Московскимъ Д. Г. Костромину 8 т., С. Я. Карнѣеву 20 т., Г. А. Кузнецову 21,393 р. (с. 278) и т. д.

XI.

Перехожу къ *провинціи*. Масса фактовъ ясно говоритъ, что преобладающими настроеніями провинціи въ 1812 г. было рѣшительное недовольство тягостями войны, стремленіе всячески оградить себя отъ матеріальныхъ потерь и вознаградить за понесенные уже убытки. Тутъ даже не прикрывались громкими патріотическими фразами, а дѣйствовали въ открытую, не скрывая своихъ аппетитовъ и вожделѣній. Хлопоты о „своей рубашкѣ“ смѣло доминировали надъ всякими высшими запросами минуты... Приведу нѣсколько фактовъ этого рода.

Пономарь заштатнаго города Починокъ (Нижегородской губ.) Степанъ Васильевъ, находясь въ питейномъ домѣ, „ругалъ его императорское величество сквернословными словами“ за то, что „государь Александръ Павловичъ какъ воцарился, такъ и происходятъ все *рекрутскіе наборы*, и хотѣлъ отдать и изъ ихъ званія (духовнаго) въ солдаты“... (сс. 211—213). Сенатъ присудилъ его къ каторгѣ, но государь рѣшилъ—„подсудимаго простить“. Кстати: также былъ прощенъ государемъ Обоянскій однодворецъ Григорій Родіоновъ, говорившій въ компаніи по поводу событій 1812 г., „что нашъ государь *проспалъ* Москву и всю Россію“ (сс. 213—218)...

Въ 1813 г. былъ отрѣшенъ отъ должности Рыльскій уѣздный стряпчій Ивановскій за произнесеніе въ 1812 г., въ присутствіи земскаго суда, слѣдующихъ „непристойныхъ словъ“: „слышали-ль вы—говорилъ онъ чинамъ суда—новость такову, что на всѣхъ людей сдѣланы *налоги* вновь, какъ то на дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ казенныхъ, помѣщичьихъ и однодворцевъ, въ прибавленіе податей, и все то *въ тягость всему народу выдумываютъ* и вымышляютъ *Сперанскій* и *Румянцевъ*, ибо и прежде сего были таковыежъ налоги въ прибавленіе податей, съ увѣреніемъ: единовременно, но вмѣсто того нынѣ еще добавили; и сверхъ

того городничему и исправнику какія-то предписанія сдѣланы, *требующія въ пожертвованіе* разныхъ вещей по образцамъ, и если-де кто пожертвуетъ, то тогда и начнутъ *браковать*: то-де не такого какъ должно образца и съ онымъ-де не сходственно,—ибо въ такихъ пожертвованіяхъ научены и прежде сего, какъ-то лошадьми, и думаю, *теперь на пожертвованіе никто не отважится*, и черезъ таковые тяжкіе налоги произойти можетъ *въ народѣ не малый ропотъ!!*" (сс. 221, 222).

Въ октябрѣ 1812 г. Псковскій губернаторъ кн. Шаховской жаловался военному министру на „чрезвычайное количество обывательскихъ *подводъ*", взимаемыхъ военнымъ начальствомъ для перевозки провіанта, больныхъ, раненыхъ и проч., „безъ платежа прогоновъ". Находя сію повинность по настоящимъ обстоятельствамъ для обывателей *крайне отяготительною*", губернаторъ просилъ „доставить обывателямъ хотя малое въ безпрерывномъ движеніи подводъ ихъ облегченіе или выгоду", т. е., платить прогоны и проч.; напр. „съ 19 іюля по 24 октября было взято съ Псковской губерніи 1452 подводы (сс. 242—248).

Управляющій Могилевскими имѣніями гр. М. С. Воронцова жаловался: „я имѣю очень много хлопотъ какъ отъ проходящихъ командъ (русскихъ), такъ и отъ квартирующихъ у насъ кирасирскаго и нѣсколькихъ гусарскихъ полковъ, ибо они транспортами своихъ фуражей, больныхъ и провіянта *крайне крестьянъ разоряютъ* и въ хозяйственномъ хлѣбопашествѣ формальную дѣлаютъ остановку: а ежели еще постоятъ нѣсколько мѣсяцевъ у насъ, то неминуемо поля яровыя *останутся непаханы*: потому мнѣ непремѣнно нужна довѣренность, дабы я могъ *просить защиты* у вышняго начальства. Хотя отъ нѣкоторыхъ сосѣдей и было прошено объ притѣсненіяхъ у начальства, они отвѣтъ получили, что *военныя обстоятельства заставляютъ насъ такъ дѣ-*

лать. Я надѣялся бы *для* его сіятельства *нашего графа могли бы быть поснисходительнье*, какъ для другихъ..." (с. 299).

Вышеупомянутый Рыльскій стрянчій Ивановскій былъ правъ, ожидая въ 1812 г. „немалаго ропота" въ народѣ и всякихъ волненій. Послѣднія прорывались во многихъ мѣстахъ, а иногда доходили и до открытыхъ бунтовъ. Любопытно указаніе одного документа на существованіе въ 1812 г. какого-то политическаго броженія среди татаръ. Казанскій татаринъ Бактемировъ говорилъ на Буйскомъ заводѣ, въ маѣ 1812 г., что „турки русскихъ побѣдили и *государь бѣжалъ*, а прикащику (завода) на вопросъ, почему объ ономъ знаетъ, отвѣчалъ, что богатые татары получаютъ письма чрезъ почту и съ нарочными... *татары скоро возьмутъ Казань*, что и они умѣютъ драться и у нихъ есть оружіе... татары имѣютъ *съ турками переписку*..." Все это онъ слышалъ отъ татаръ (с. 218). Бактемировъ былъ наказанъ розгами и отданъ въ солдаты (с. 221).

Въ декабрѣ 1812 г. въ г. *Инсарѣ*, Пензенской губ. произошелъ открытый бунтъ собранныхъ тамъ *ополченцовъ* 3-го Пензенскаго казачьяго пѣхотнаго полка, сопровождавшійся грабежами и др. насиліями надъ горожанами (сс. 156—176). Изъ напечатаннаго дѣла не вполнѣ ясны мотивы, заставившіе ополченцевъ выйти „изъ повиновенія начальства". Впрочемъ, сохранились указанія, что въ числѣ этихъ мотивовъ были— нежеланіе ополченцевъ идти въ походъ и недовольство тѣмъ, что ихъ не приводили къ присягѣ, какъ солдатъ. Дѣйствительно, по закону ополченцевъ не приводили къ присягѣ, какъ призываемыхъ „на временную службу", послѣ которой должны были „обратиться въ первобытное состояніе" (см. с. 177).

Въ дѣлѣ объ Инсарскихъ ополченцахъ не разъ находимъ такія указанія: „стрѣлецкой слободы однодворка Василиса

(показала), что она отъ воиновъ (ополченцевъ) Ф. Никифорова, А. Спиридонова и С. Арѣшкина, что они *въ походъ не пойдутъ*—не слыхала, а слышала отъ... урядника П. Никитина, что 1-го батальона 1-я сотня *безъ присяги* туда (т. е. въ походъ) *не хотятъ идти*" (с. 164). Другой свидѣтель „подлинно слышалъ разговоры (ратниковъ) о нехожденіи въ походъ безъ присяги" (с. 168) и т. п. Этотъ мотивъ занесенъ и въ приговоръ Инсарскаго уѣзднаго суда, которому-де „достовѣрно извѣстно", что между ополченцами былъ „предварительный *заговоръ*, чтобъ безъ присяги въ походъ нейтить..." (с. 175).

Несомнѣнно, этотъ мотивъ высказывался ополченцами, но суть дѣла была совсѣмъ не въ присягѣ, а въ простомъ нежеланіи „воиновъ", только что отнятыхъ отъ сохи—идти на войну... Присяга—слишкомъ высокій мотивъ для людей, въ теченіе двухъ сутокъ (9 и 10 декабря) грабившихъ открыто Инсаръ. Присяга была предлогомъ и желаніемъ скрасить хотя отчасти грабительскія поползновенія новоиспеченныхъ защитниковъ отечества, для удержанія въ порядкѣ которыхъ прислана была изъ Пензы „усмирительная команда" (с. 175).

Въ дѣлѣ нѣтъ связнаго разсказа о ходѣ бунта, а изъ показаній разныхъ лицъ можно уловить лишь нѣкоторыя черты событія. Прежде всего несомнѣнно, что судъ былъ правъ, говоря о „предварительномъ заговорѣ" ополченцевъ: въ дѣлѣ находимъ массу показаній о томъ, что наканунѣ и въ дни бунта съѣхались въ Инсаръ изъ деревень родственники ополченцевъ, которые вмѣстѣ съ послѣдними „разбивали городскіе дома, грабили въ оныхъ всякое имущество, вещи и деньги" и все это увозили къ себѣ въ деревни. Ясно, что они были заранѣе увѣдомлены ратниками о готовящемся грабежѣ и пріѣзжали воспользоваться результатами.

Напр., къ ратнику Ив. Степанову, у котораго нашли награбленныя вещи, пріѣзжала жена его изъ дер. Марфиной,

Мокшанской округи (с. 158). Одинъ свидѣтель видѣлъ при грабежѣ ратниками дома прапорщицы М. Голосѣиной, что отецъ одного изъ грабителей—урядника А. Исаева, „наклавши имущества возъ и увязавши его, поѣхалъ со двора“ неизвѣстно куда, при чемъ свидѣтель со своимъ отцомъ хотѣли задержать возъ, но ратники „отбили, грозя переколоть ихъ пиками“ (с. 161). Одна свидѣтельница говорила, что „пріѣзжали къ ратникамъ жены изъ дер. Голяшекъ и повезли съ собою грабежнаго много“ (с. 162). Изъ той же деревни пріѣзжали къ ратникамъ два брата и увезли къ себѣ разныя награбленныя вещи (ib.) и т. д.—масса такихъ случаевъ (сс. 162, 163, 166, 169 и др.).

Въ деревняхъ производились обыски и, дѣйствительно, находили многія вещи въ домахъ ратниковъ, напр.: дворовый человѣкъ поручика Ив. Кондакова „представилъ ратнику А. Федорову, пойманную въ дер. Александровкѣ съ граблеными вещами“ (с. 169), и мн. др. (с. 170 и слѣд.).

Предварительный уговоръ бунтовщиковъ доказывается и тѣмъ, что бунтъ начался одновременно по всему городу: „всѣ воины взбунтовались, разсыпались по всѣмъ улицамъ“—показывалъ одинъ ратникъ (с. 159).

Грабили ратники дома лицъ разнаго званія: у провіантскаго чиновника капитана Ситникова ограбили казенныхъ денегъ 7580 р., собственныхъ 150 р. и пр. (с. 156), ограбили имущество въ домахъ священника Максима (ib.), стрянчаго Добрынина, офицера Романова, мѣщанки Тупашевской, подполковника Кушнерева, помѣщика Головизнина (с. 157) и т. д. Грабили деньги, вещи, платье, съѣстное и пр. Большинство награбленнаго уносилось и увозилось, а часть истреблялась. Въ грабежахъ участвовали и скрывали награбленное многіе жители города (сс. 163, 164 и сл.).

Часть ратниковъ разбѣжалась по деревнямъ, гдѣ также производила разныя насилія, напр., 11 декабря, ночью, въ с.

Поляны явилось 5 ратниковъ, которые „отбили у кабака двери", требовали вина, били цѣловальника, взяли у него 83 р., оставивши ему серебряныя часы, ложки, и др. награбленныя въ Инсарѣ вещи (с. 168).

Всѣ участники бунта и грабежей были приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь, но по всемилостивѣйшему манифесту получили прощеніе (сс. 175, 176).

Кромѣ этого массоваго нежеланія идти на войну, обнаруженнаго Инсарскими ратниками, встрѣчались въ 1812 г. нерѣдкіе случаи членовредительства, къ каковому прибѣгали рекруты, чтобы избѣжать службы: см., напр., такой случай съ крестьяниномъ Рославльскаго у. (с. 202).

Грабежи въ деревняхъ усилились, особенно въ занятыхъ непріятелемъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне грабили своихъ помѣщиковъ не хуже французовъ. В. Соймоновъ въ письмѣ къ Алябьеву сообщаетъ, что крестьяне имѣнія его отца (с. Никольскаго, Волоколамскаго у.) по изгнаніи французовъ „вступили было въ наслѣдники заживо старикова (т. е. отца) имѣнія, вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ" (мѣстнымъ священникомъ), но староста далъ знать исправнику, „а сей, испросивъ себѣ 50 козаковъ, тотчасъ усмирилъ *шалуновъ* тѣмъ, что пересѣкъ, *а двухъ начинщиковъ*.....[1]) Бенкендорфъ *разстрѣлялъ;* и теперь сдѣлалось лучше и тише, нежели, когда либо..." (с. 347).

Не знаешь, кому здѣсь слѣдуетъ больше удивляться: генералу-ли Бенкендорфу, разстрѣливающему „шалуновъ", или чиновнику Соймонову, съ легкимъ сердцемъ повѣствующему объ этой возмутительной казни двухъ „мужиченковъ", виновныхъ въ какомъ-то глупомъ и неудавшемся покушеніи на имущество своего барина...

---

[1]) Многоточіе подлинника.

Конечно, такой участи избѣгали чины администраціи, уличенные въ грабительствѣ... Много—много, *если этихъ чиновныхъ* воровъ отставляли отъ службы, а то и вовсе прощали по разнымъ манифестамъ. Такъ, былъ отрѣшенъ отъ должности Вяземскій казначей Е. Гостевъ, похитившій, при вывозѣ казны въ Кострому (въ 1812 г.), болѣе 16 т. р., да растратившій казенную соль на 50 т. р. Деньги съ него взыскивались по 1841 г., когда по какому-то манифесту сложены съ него невзысканные 18 т. р. (сс. 259, 260).

Госпитальные чиновники, присвоившіе въ 1812 г. болѣе 400 обывательскихъ лошадей Псковской губ., наказаны лишь тѣмъ, что у нихъ отобрали чужое добро (сс. 238—242).

Городничій г. Орлова (Вятскаго) Корниловъ отрѣшенъ отъ должности за то, что удерживалъ въ свою пользу часть денегъ, слѣдуемыхъ обывателямъ за прокормленіе проходящихъ воинскихъ командъ и рекрутскихъ партій, что неправильно выдавалъ военно-плѣннымъ французамъ кормовыя деньги, пользовался ихъ даровою работою и чинилъ имъ разныя притѣсненія (с. 308 и слѣд.). Но нужно отдать честь городничему, что аппетиты его были очень скромные, напр. плѣнный Борги показалъ, что когда онъ за день работы у купца Булычова получилъ 15 коп., то городничій взялъ себѣ только 5 копѣекъ... (с. 311).

Подъ силу всемилостивѣйшаго манифеста не были подведены только Смоленскіе дворяне, чиновники и др., обнаружившіе „гнусное корыстолюбіе“ при раздачѣ казенныхъ пособій разореннымъ смольнянамъ (сс. 206—209). „Строжайшему суду“ были преданы между прочимъ слѣд. лица (съ наложеніемъ запрещенія на ихъ имѣнія): Порѣчскій уѣздный судья Потемкинъ, Смоленскій предводитель дворянства (уѣздный ?) Воеводскій, „дворянскіе чиновники“ Песлякъ и Воеводскій, поставщики купцы Кульбацкій и Мѣщаниновъ, отставной подполковникъ кн. Друцкой-Соколинской и др. (сс. 325, 326).

Не замѣчая подъ носомъ у себя этихъ вопіющихъ злоупотребленій, мѣстная администрація зорко занималась разными миражами—искала шпіоновъ (с. 210), высылала заграницу и во внутреннія губерніи „неблагонадежныхъ и сомнѣніе наводящихъ“ иностранцевъ (с. 235), подозрительно относилась къ русскимъ людямъ, вернувшимся изъ французскаго плѣна (с. 326), и т. п.

Положеніе французскихъ военно-плѣнныхъ въ провинціи было не одинаково: мѣстами ихъ притѣснялo начальство (см. выше о городничемъ г. Орлова), любители изъ обывателей писали на нихъ нелѣпые доносы, будто плѣнные замышляютъ „возмущеніе“ (см. подобный доносъ Малмыжскаго мѣщанина—с. 178) и т. п. Но въ большинствѣ случаевъ положеніе плѣнныхъ было сносное, а иногда и очень недурное, благодаря покровительству разныхъ высокихъ особъ (сс. 260—265). Русское общество ихъ не чуждалось и незамѣтно подпадало ихъ вліянію. Дружеское обращеніе плѣнныхъ съ русскими происходило даже въ такихъ медвѣжьихъ углахъ, какъ г. Малмыжъ: въ дѣлѣ о Малмыжскомъ доносчикѣ находимъ напр. показаніе французскихъ офицеровъ, „что у нихъ въ гостяхъ были сверхъ ихнихъ 7 офицеровъ—засѣдатель Будринъ, казачій офицеръ Дорожный, смотритель Желаковъ и *двое священниковъ*, но ничѣмъ другимъ кромѣ пристойныхъ разговоровъ не занимались...“ (с. 185). Плѣнные женились на русскихъ дѣвушкахъ (с. 190) и проч.

Не смотря на ужасы войны, провинціальное общество веселилось на-пропалую: напр. Соймоновъ пишетъ Алябьеву 23 декабря 1812 г., изъ Казани: „въ Казани жить не скучно... Здѣсь *балы* и *концерты* всякую недѣлю, а 12 числа былъ *маскарадъ* у губернатора, гдѣ было 570 человѣкъ. Здѣсь замѣтить должно, что русскому государству никакое въ сравненіи идти не можетъ, и что дворянство русское много имѣетъ твердого духа. Въ какомъ государствѣ можно найти

при таковыхъ обстоятельствахъ, какія случились съ нами, чтобы публика собралась до 570 человѣкъ на праздникъ?...“ (сс. 350, 351).

Дѣйствительно, трудно найти такое государство, гдѣ нашлось бы столько людей „твердаго духа“, готовыхъ плясать и маскарадничать въ то время, какъ ихъ отцы и братья умираютъ и страдаютъ за родину...

Закончимъ эти мрачныя картины единственною свѣтлою черточкою, промелькнувшею на всемъ пространствѣ 356 страницъ IV тома... Разумѣю гражданское мужество, проявленное въ 1812 г. Новгородскимъ губернаторомъ Павломъ Ивановичемъ *Сумароковымъ* при столкновеніи съ всесильнымъ графомъ А. А. Аракчеевымъ (сс. 118—127). Какъ помѣщикъ с. Грузина, Аракчеевъ интересовался распоряженіями губернатора по сдачѣ рекрутъ, сбору провіанта для казны и проч. Въ письмахъ къ Сумарокову (сс. 118—121) Аракчеевъ высказываетъ недовольство многими распоряженіями губернатора и взамѣнъ предлагаетъ свои мѣры, требуя ихъ исполненія и грозя въ противномъ случаѣ жаловаться комитету министровъ и государю. Аракчеевъ потребовалъ даже, чтобы всѣ приказы губернатора, касавшіеся Грузинской вотчины, предварительно сообщались ему, графу, а онъ уже отъ себя будетъ „давать свои повелѣнія въ мои деревни“ (с. 120)... Конечно, все это было не только назойливо и нахально, но и противозаконно: для губернатора Аракчеевъ былъ только помѣщикъ его губерніи, равный всѣмъ остальнымъ помѣщикамъ, не требовавшимъ для себя такихъ незаконныхъ льготъ и поблажекъ... Другіе губернаторы, несомнѣнно, преклонились бы предъ злобнымъ Аракчеевымъ и постарались бы исполнить его капризы. Но Сумароковъ смѣло далъ графу надлежащій и законный отпоръ...

Объясняя Аракчееву незаконность его требованій, Сумароковъ пишетъ: „писать ко мнѣ такъ *строго* и такимъ *повелительнымъ* образомъ никто, кромѣ государя и сената, не можетъ... Если въ селеніяхъ вашего сіятельства кто-нибудь осмѣлится сдѣлаться ослушнымъ предписаніямъ правительства, то я прикажу тотчасъ наказать по всей строгости законовъ. Наконецъ, заключаю тѣмъ, что я готовъ в. с-во почитать, но обидныхъ или повелительныхъ писемъ, кромѣ начальства, ни отъ кого не приму, почему и прошу в. с-во *впредь писать ко мнѣ нѣсколько поучтивѣе* и такъ какъ слѣдуетъ къ человѣку служащему, и благородно, и для чести"... (сс. 121, 122).

Сдерживаемое бѣшенство проглядываетъ въ слѣдующемъ отвѣтѣ Аракчеева: „на просьбу мою о приказаніи Вашемъ присылать ко мнѣ прямо приказовъ (sic) о нарядѣ повинностей, слѣдуемыхъ на часть моей отчины, вы... изволили *отказать*, въ чемъ я и не могу имѣть никакой претензіи; но при самомъ семъ случаѣ вы, милостивый государь, публично (?) изволили сказать, что если гр. Аракчееву доставлять таковыя свѣдѣнія, то придется и *послѣднему капралу* обо всемъ относиться. А какъ, м. г-рь, въ письмѣ вашемъ, конечно, изволили забыть сіе помѣстить, то я и счелъ долгомъ моимъ васъ, м. г-рь, увѣдомить..." (сс. 122, 123).

Сумароковъ смѣло отвѣчаетъ на это „...*весьма неблагородно переносить вѣсти* изъ одного дома въ другой, а еще *презрительныя* передавать оныя съ украшеніями. *Я не отрицаю существа сказаннаго мною* и вся сила разговора остается таже, кромѣ слова „капрала", вмѣсто коего было—„послѣдній дворянинъ"... я въ дѣяніяхъ моихъ не изгибаетъ, откровенъ, смѣю говорить истину и не въ состояніи отречься отъ рѣчей своихъ. Сіе послѣднее писаніе в. с-ва открываетъ мнѣ *непримиримаго* въ васъ *врага*. Я знаю, м. г-рь, что *вы весьма значите при дворѣ*, можете сдѣ-

лать мнѣ *вредъ* и что, конечно, не упустите перваго случая оказать оный, но я... *болѣе дорожу честію, нежели моимъ мѣстомъ*"... (с. 123).

Изъ другаго изданія г. Щукина („Сборникъ старинныхъ бумагъ", VI, 30—32) узнаемъ, что эти честныя рѣчи не прошли даромъ для Сумарокова: онъ былъ уволенъ со службы и такъ бѣдствовалъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ вынужденъ былъ обратиться съ просьбою о пощадѣ къ тому же гр. Аракчееву...

Ж. Оглоблинъ.

Рыцарство на Руси—въ жизни и поэзіи. [1]

Интересное историческое явленіе, выясненію котораго посвященъ настоящій очеркъ, именно, проникновеніе рыцарскихъ идей и идеаловъ въ русскія земли, можетъ показаться съ перваго взгляда малозначительнымъ въ нашей минувшей жизни, а инымъ представится даже совсѣмъ маловѣроятнымъ. Вѣдь полное признаніе этого явленія было бы равносильно отреченію отъ все еще остающагося въ силѣ предразсудка, будто древняя Русь пребывала въ отрѣшеніи отъ многихъ культурныхъ теченій, характеризовавшихъ жизнь и поэзію средневѣкового Запада, и въ силу того рѣзко отличалась отъ послѣдняго. Многіе могутъ сказать: что общаго между блестящимъ рыцарскимъ обществомъ средневѣкового Запада, понявшимъ всю прелесть общенія, обратившимъ замки въ мѣста веселыхъ праздненствъ и центры утонченной придворной жизни и образованности, съ одной стороны, и высшимъ обществомъ древней Руси, жизнь которой протекала не такъ шумно и весело

[1]) Рѣчь, произнесенная 27 октября 1899 г. Она предлагается здѣсь съ нѣсколькими незначительными дополненіями.

и не знала рѣзкихъ сословныхъ разграниченій? Въ силу этихъ разграниченій западное общество дѣлилось на courtois и vilains, т. е. на людей, которые принадлежали по своему происхожденію, идеямъ и привычкамъ къ избраннымъ и изящнымъ кругамъ, и на тѣхъ, которые были презираемы этими высшими кругами и не знали ихъ утонченностей. Древняя же Русь, сохранявшая вѣчевой строй долѣе другихъ славянъ, была чужда такихъ дѣленій, не нуждалась и въ томъ смягчающемъ вліяніи женщины, которое характеризовало западную жизнь XII-го в., и не видала у себя рыцарей, которые, идя въ битву, несли на своихъ шлемахъ знаки расположенія, полученные отъ своихъ дамъ. Даже въ XVI в., въ пору развитія единодержавія на Руси, держалась еще идея постояннаго земскаго совѣта, осуществлявшаяся въ земскихъ соборахъ XVI—XVII вв. Авторъ „Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ" указывалъ на „единомысленный вселенскій совѣтъ" и внушалъ „съ радостью царю воздвигнути и отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безъ величества и безъ высокоумія гордости, со христоподобною мудростію, безпрестанно всѣми держати погодно при себѣ ото всякихъ мѣстъ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ распросити царю самому про всякое дѣло міра, а разумныхъ мужей и надежныхъ приближенныхъ своихъ воеводъ и воиновъ со многи войски ни на единъ часъ ни разлучити отъ себя"... Потому вѣроятно, многіе повторили бы вслѣдъ за О. Ѳ. Миллеромъ [1]) слова И. С. Аксакова: „Мы, русскіе—не рыцари, мы—самъ народъ; мы—plebs". Историки права также не находятъ сословныхъ учрежденій въ нашемъ далекомъ прошломъ.

Соглашаясь съ этимъ безспорнымъ фактомъ долгаго отсутствія у насъ рѣзкихъ сословныхъ преградъ [2]), не слѣ-

[1]) Замѣчанія о томъ, что у насъ не было настоящаго рыцарства и что даже малороссійскіе козаки-лыцари— не рыцари, см. въ рецензіи, *О. Ѳ. Миллера* на книгу Барсова—Журн. Мин. Нар. Просв. 1888, № 9, стр. 183; ср. 190.

[2]) Въ послѣднее время была предпринята попытка тщательнѣе обосновать домыслы нѣкоторыхъ историковъ права касательно суще-

дуетъ однакожъ, въ интересахъ исторической истины, закрывать глаза передъ цѣлымъ рядомъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что хотя на Руси и не было подлиннаго рыцарства, какъ отдѣльнаго сословія, проникнутаго гордымъ сознаніемъ своего достоинства и превосходства, но и намъ были извѣстны дѣйствительныя достоинства и ложныя прикрасы западной рыцарственности [1]), и нравственныя и общественныя преимущества послѣдней не остались чужды и намъ.

Въ виду значительнаго интереса этого явленія я позволю себѣ въ краткомъ очеркѣ остановить вниманіе читателей на нѣкоторыхъ изъ собранныхъ мною фактовъ этого ранняго нашего общенія съ Западомъ въ области рыцарскихъ идей и идеаловъ. Не заявляя притязанія на полноту, я попытаюсь открыть лишь мелькомъ нѣсколько просвѣтовъ въ далекую и темную старину русской жизни.

I.

Прежде всего должно сказать нѣсколько словъ объ употребленіи самаго слова „рыцарь“.

Въ древней Руси до-татарскаго времени, кажется, уже было въ ходу слово *рытиръ* [2]), но оно еще не достигало такого широкаго распространенія, какъ со временъ уніи Литвы съ Польшею, откуда вышла и современная, употребительная у

ствованія феодальныхъ отношеній въ древней Руси. См. *Н. П. Павлова-Сильванскаго*; „Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси“—Журн. Мин. Нар. Просв. 1901, № 7 и 1902, № 1, и въ отдѣльномъ оттискѣ.

[1]) О проникновеніи рыцарскихъ воззрѣній романтики въ славянскій міръ говорилъ акад. *А. Н. Веселовскій* въ статьѣ: „Славяно-романскія повѣсти“ (Пантеонъ литературы 1888, № 1; перепечатано въ монографіи: „Изъ исторіи романа и повѣсти“, II); здѣсь находимъ „характеристику чувства любви и отношенія къ женщинѣ“.

[2]) Въ словѣ Даніила Заточника по редакціи Ундольскаго говорится: „королязи бо и ковари овоорозѣ, *рытиры*, могистрове, дуксовѣ, бокшородѣ и ворози тѣмъ имѣютъ честь и милость у поганыхъ салтановъ“ („Р. Бесѣда“ 1856, № 2. Слово Даніила Заточника съ предисл. и примѣч. И. А. Шляпкина, Спб. 1889, стр. 52). Ср. ниже данныя о той же формѣ этого слова.

насъ, форма этого слова: „рыцарь“. Въ древней Руси оно, повидимому, еще не примѣнялось постоянно или часто къ удальцамъ. Для обозначенія таковыхъ, употребляли слова: „храбрый,[1]) витязь“ [2]) и можетъ быть, „богатырь“ [3]). „Лѣто-

[1]) Объ эпитетѣ „храбрый“ для обозначенія героевъ см. кромѣ труда г. Халанскаго еще у *Zeissberg*, Miseco I, 104—105.

[2]) См. объ этомъ старомъ общеславянскомъ словѣ у Миклошича, Матценауэра, стр. 88—89, и въ особенности у Первольфа (Arch. f. slav. Philol., VIII, 13—18). У насъ это слово встрѣчается въ Переяславской лѣтописи. Первольфъ считалъ его литовско-славянскимъ. Оно часто употребляется на нашихъ народныхъ картинкахъ, а также въ краткой Кіевской (Волынской) лѣтописи начала XVI в. Такъ, подъ 1515 г. говорится, что Сигизмундъ I предпринялъ походъ противъ Василія III съ „князи и паны и храбрыми *вдатными витязи* своего двора кролевского“ (Супр. рукопись, 149); „О великы вдатныи витязи литовскіи“ (ib., 151). Было оно въ ходу и въ примѣненіи къ героямъ западныхъ рыцарскихъ романовъ: *Narbutt*, Pomniki do dziejow litewskich, Wilno 1846, 80, и западно-русскій переводъ романа о Тристанѣ. См. еще *Szajnocha*, Szkice, II, 316, и ниже. Эпитетъ „удалой“ перешелъ отъ русскихъ и къ полякамъ.

[3]) См. нашу монографію „Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось богатырей на святой Руси“, К. 1883. О словѣ богатырь—*Miklosich*, Die Fremdwörter. *Д. И. Иловайскій*, Разысканія, 213, думаетъ, что имя болгарскаго военачальника Алогоботуръ „показываетъ, что это слово задолго до Татарскаго владычества существовало и у южныхъ славянъ“.—Выраженіе Галицко-Волынской лѣтописи XIII-го в.: „Батый воротился есть изъ Угоръ и отрядилъ на тя *два богатыря*“ показываетъ, что это слово употреблялось тогда въ нарицательномъ смыслѣ и у русскихъ и при томъ въ чисто-славянской формѣ. Оно могло быть уже издавна въ древне-русскомъ языкѣ въ этой формѣ. Ср. замѣчаніе митр. *Евгенія*, Описаніе Кіево-Софійскаго собора, Прибавл. 14 о „татарскихъ словахъ, вошедшихъ въ Россію прежде Батыя“. Какъ произносилось слово богатырь у татаръ, показываютъ, быть можетъ, памятники XIII в. У Рогерія, напр., читаемъ *Bochater*. Еслибы слово богатырь было заимствовано русскими изъ татарскаго говора, въ которомъ *г* является придыхательнымъ, то звучало бы у насъ *батырь*, каковая форма встрѣчалась у насъ. Слово батырь и теперь употребляется въ Поволжьѣ въ смыслѣ носильщика (ср. мад. bátor=fortis).

писецъ русскихъ царей" въ извѣстной вставкѣ объ иноземныхъ обычаяхъ смотритъ на рыцарство, какъ на явленіе чужеземное, и отличаетъ рыцарей „Латины" отъ витязей.

Тѣмъ не менѣе, рыцарскій идеалъ не былъ совершенно неизвѣстенъ Руси XII—XIII вв., и уже въ то время начала его оказывали нѣкоторое вліяніе на нашу жизнь, быть можетъ,— уже со второй половины XI-го вѣка, когда, напр., „придоша сли изъ Нѣмецъ", отъ императора Генриха IV (въ 1075 г.). Вел. кн. Святославъ, величаясь, показывалъ имъ множество золота и серебра и паволокъ: но они сказали: „се ни во что же есть, се бо лежитъ мертво; сего суть кметье луче, мужи бо ся дощуть и болѣе сего" [1]). Вмѣстѣ съ рыцарствомъ и его идеями могла проникать къ намъ и рыцарская поэзія Запада. И такъ могло быть потому, что связи древней Руси съ западнымъ рыцарскимъ міромъ были значительны и постоянны.

Черезъ Новгородъ въ Русь проникали сказанія о германскихъ былевыхъ герояхъ [2]) и религіозныя, и въ нашемъ эпосѣ можно отмѣтить нѣкоторыя черты западныхъ сказаній, проникшія именно этимъ путемъ, напр. былевую подробность о Николѣ Можайскомъ, живущемъ въ водѣ [3]).

Другой путь общенія съ Западомъ велъ черезъ Полоцкъ и Смоленскъ, преимущественно же черезъ Галицкую землю и Волынь, находившіяся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Венгріею, Польшею и Чехіею, которыя были украйными зем-

[1]) Лѣтоп. по сп. Лаврент.; Лѣт. по Ип. сп. [2], 139.

[2]) См. наше сообщеніе „Центральные герои русскаго былеваго эпоса въ древне-сѣверной сагѣ" (Чт. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. XIV, вып. 3). А. Н. Веселовскій указалъ западный элементъ въ легендѣ о земномъ раѣ (въ посланіи Василія, Архіепископа Новгородскаго; см. его „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха", XIX; ранѣе—въ „Филол. Зап." 1876, вып. III.

[3]) О средневѣковыхъ подобныхъ легендахъ о Николаѣ изъ Бари см. замѣтку *Liebrecht*-а въ Literaturbl. f. rom. u. germ. Philol. 1880, № 1. Что до мотива метанія по жребію въ море для умилостивленія разгнѣваннаго божества, то онъ встрѣчается и въ VII-й книгѣ романа Эвстафія.

лями западнаго рыцарскаго міра со стороны Руси. Средневѣковая романтика имѣла преимущественно Чехію своимъ форпостомъ со стороны восточно-славянскаго міра и была слабѣе въ Польшѣ и Венгріи.

Изъ этихъ сосѣднихъ земель къ намъ проникали не только тѣ или иныя сказанія рыцарскаго міра, но и нѣкоторые рыцарскіе принадлежности и обычаи. Прежде всего, конечно, гордое боярство Галича, уже съ XII в. слагавшееся въ сильное сословіе и опиравшееся на наслѣдственное землевладѣніе, не осталось безъ вліянія сосѣдней знати польской и угорской, примѣръ которой могъ вліять и на выработку политическихъ стремленій южно-русскаго боярства [1]). Рядомъ съ боярствомъ шли и князья украйныхъ русскихъ земель, въ особенности тѣ, которые были болѣе или менѣе хорошо знакомы съ Западомъ и проникались его образованіемъ наряду съ Византійскимъ [2]). Самая внѣшность военнаго наряда украйныхъ русскихъ земель носила отпечатокъ западнаго вліянія: Роману Мстиславичу въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ наданы „желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими“; у трехъ Мстиславичей „златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты“, а полки Яро-

[1]) Это издавна уже предполагаютъ историки, между проч. Грабя и И. А. Линниченко.

[2]) Татищевъ (III, 220) говоритъ о правнукахъ Владимира Мономаха, о Михаилѣ Юрьевичѣ, что онъ „вельми изученъ былъ писанію, съ Греки и Латины говорилъ ихъ языкомъ, яко Русскимъ“, и о Романѣ Ростиславичѣ (III, 238—239): „велми ученъ всякихъ наукъ, и ко ученію многихъ людей понуждалъ, устрояя на то училища, и учителей, Грековъ и Латинистовъ, своею казною содержалъ“. Опроверженіе скептицизма Карамзина касательно этихъ извѣстій см. въ соч. *Сухомлинова*: „О языкознаніи въ древней Россіи“—Учен. Зап. II отд. И. Ак. Н., кн. I, стр. 217—221. Послѣдующія возраженія, преимущественно—проф. Голубинскаго (разборъ ихъ см. въ ст. *К. В. Харламповича:* „Къ вопросу о просвѣщеніи на Руси въ домонгольской періодъ“—Научный сборникъ „Галицко-Русской Матицы“, 1901, кн. IV, и отдѣльный оттискъ), не убѣдительны. См. хотя бы *В. М. Истрина* разборъ книги проф. Владимирова—Ж. М. Н. Пр. 1902, № 3, стр. 233—235.

слава Осмомысла отличены названіемъ „желѣзныхъ“. Ясно, что уже во второй половинѣ XII в. дружины русскаго юго-запада имѣли западно-европейскій видъ. Галицко-Волынскіе лѣтописцы XIII в., описывая полки своихъ князей, не разъ восторгаются ихъ блестящею внѣшностію: „блистахуся щити и оружници подобни солнцю“; [1]) „щитѣ же ихъ яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ яко солнцю восходящу, копіемь же ихъ дрьжащимъ въ рукахъ яко тръсти мнози“. [2]) Галицкій князь Данінлъ Романовичъ заботился о томъ, чтобы было „свѣтлое оружье“. [3]) Со времени татарскаго ига начала проникать къ намъ и татарская манера вооруженія, державшаяся рядомъ съ западною. Совмѣщеніе разныхъ вліяній выработало „обычай Рускій“. Лѣтописецъ съ удовольствіемъ отмѣтилъ, что даже на Западѣ дивились, когда однажды Данінлъ явился на помощь Уграмъ: „Нѣмьци же дивящеся оружью Татарьскому: бѣша бо кони в личинахъ и в коярѣхъ кожаныхъ, и людье во ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася. Самъ же ѣха подлѣ короля, по обычаю Руску: бѣ бо конь под(ъ) нимь дивлению подобенъ, и сѣдло отъ злата жьжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена, иными хитростьми, якоже дивитися, кожюхъ же оловира Грѣцькаго и круживы златыми плоскыми ошитъ, и сапози зеленого хъза шити золотомъ. Немцем(ъ) же зрящимъ, много ливящимся, рече Ему король: „не взялъ быхъ тысяще серебра за то, оже еси пришелъ *обычаемь Рускимь отцевъ своихъ*“. [4])

Что до воззрѣній и обычаевъ, то, конечно, общность нѣкоторыхъ чертъ у древне-русскаго военнаго люда съ западнымъ рыцарствомъ можетъ быть объясняема тѣмъ, что въ древній періодъ нашей исторіи русскіе люди переживали отчасти то же, что и Западъ, а рыцарская пора жизни всюду

[1]) Лѣт. по Ип. сп.[2], стр. 510.
[2]) Ип., 540.
[3]) Ип., 512.
[4]) Ib., 540—541.

отзывается сходными явленіями. Рыцарскій періодъ усматривается въ жизни многихъ народовъ. Рыцарство не есть явленіе, имѣвшее мѣсто исключительно на средневѣковомъ христіанскомъ Западѣ. Нѣкоторыя черты западнаго рыцарства повторялись въ другихъ мѣстахъ и въ другія эпохи. Такъ, мусульманскій міръ среднихъ вѣковъ имѣлъ свое рыцарство. Въ Кавказскихъ преданіяхъ выступаютъ и теперь рыцарскіе обычаи и нравы и т. д.

Такъ же точно и въ воззрѣніяхъ и обычаяхъ нашихъ дружинниковъ могло явиться многое, напоминавшее западное рыцарство, уже въ силу того, что и у насъ дѣйствовали сходныя матеріальныя и нравственныя побужденія. Въ древней Руси, какъ и на Западѣ, царило два идеала: аскетическій и дружинный, перешедшій постепенно въ рыцарскій. Вѣдь и у насъ происходила борьба съ невѣрными, имѣло просторъ буйное молодечество (бродники), и подъ вліяніемъ постоянной борьбы развивались жажда подвиговъ, любовь къ приключеніямъ и молодечество. И у насъ выработалось рыцарское понятіе о воинской „чести“: дружинники „Слова о полку Игоревѣ“ искали „себѣ чти, а князю славы“. При древне-русскихъ витязяхъ состояли отроки, до извѣстной степени соотвѣтствовавшіе оруженосцамъ западныхъ рыцарей. [1]) Являлись благороднѣйшіе представители рыцарственности. Мстиславъ Удалой—едва ли не самый видный типъ нашего князя-рыцаря въ эпоху расцвѣта западнаго рыцарства, какъ славный предокъ его, Владимиръ Мономахъ—образцовый князь древней Руси до-рыцарскаго періода. Мономахъ вмѣстѣ съ тѣмъ истинно Русскій человѣкъ, лучшій

[1]) См., напр., въ Ип. лѣт. о „паробкѣ Добрынинѣ“ (Ип., 493; ср. 398) и въ сказаніяхъ объ Алешѣ Поповичѣ. Якимъ Ивановичъ, состоящій при Алешѣ, иногда называется братомъ послѣдняго, даже родимымъ, а иногда слугою и спрашиваетъ его приказанія. Упоминается паробокъ Тарасъ при Демьянѣ Куденевичѣ (Никон. лѣтоп. подъ 1148 г.—П. с. р. л., IX, 178). Паробокъ при Ильѣ упоминается крайне рѣдко (*О. Миллеръ*, Илья Муромецъ и богатырство Кіевское, Спб. 1869, 445; объ Иванушкѣ см. тамъ же стр. 504).

представитель безсословной Руси, когда рыцарство едва еще начало проникать къ намъ и когда государственность была въ полной гармоніи со свободнымъ голосомъ народа.

Знакомство русскихъ съ западнымъ рыцарствомъ стало распространяться въ значительной степени послѣ Мономаха, и подъ вліяніемъ этого знакомства и у насъ явилось немало заимствованныхъ рыцарскихъ обычаевъ. Вѣкъ процвѣтанія западнаго рыцарства не прошелъ безслѣдно и для юго-западной Руси. Ея витязи могли бывать иногда на Западѣ и принимать участіе въ рыцарскихъ увеселеніяхъ, [1]) а князья, хорошо знакомые съ Западомъ, перенимали многое оттуда, [2]) въ особенности изъ Угріи, гдѣ, между прочимъ, при Андреѣ II могла водвориться французская куртуазія благодаря тому, что второю женою его (съ 1216 г.) была дочь Петра de Courtenai, графа Оксеррскаго, бывшаго потомъ Константинопольскимъ императоромъ [3]). Подъ влія-

[1]) Въ „Leben der heiligen Ellisabeth" читаемъ (155—162):

Ungere unde Ruzen.
Sassen unde Pruzen.
Denen mit den Winden
sich liezen ouch da vinden,
Beheime unde Polane
mit graven die sopane,
dinstherren unde frien vil.
die alle suchten ritter spil.

[2]) Оттуда девизъ на мечѣ, приписываемомъ Псковскому князю Всеволоду Гаврінлу: „Honorem meum nemini dabo".

[3]) Въ житіи св. Саломеи, Галицкой королевы, читаемъ о пребываніи ея при Угорскомъ дворѣ: „Hec eadem beata Salomea a colloquio virorum et ab omni conversacione eorundem abstinebat, ne oblectacione vicio precipitaretur. Nam instante regina Ungarie, uxore regis Andree que erat uxor eius secunda genere Gallica, ut ad ludos virorum excitaretur, ipsa Christi famula appodiata vel adiuta talibus insistere recusabat, dicens predicte regine: Domina regina, parata sum vobis obedire et vobiscum solaciari quando in societate mulierum sine viris sumus: [cum] viris autem nullum vero habere commercium. Hec autem omnia facta fuerunt propter insidias castitatis". Monumenta Poloniae, IV, Lwów 1884, p. 778—779.

ніемъ западныхъ примѣровъ и у насъ сложилось стремленіе къ рыцарской славѣ. Такъ, вполнѣ рыцарственнымъ характеромъ отличался Даніилъ Галицкій, выросшій на чужбинѣ, при дворѣ Угорскаго короля Андрея и Польскаго князя Лешка. Онъ предпринялъ однажды походъ въ Чехію ради „славы"; въ другой разъ онъ хотѣлъ бы совершенно безкорыстно помочь Австрійскому герцогу противъ императора Фридриха II. Вѣроятно, Даніилъ Галицкій по преимуществу отъ западныхъ рыцарей воспринялъ отличавшій его рыцарскій духъ, подъ вліяніемъ котораго онъ предпринималъ иногда походы просто, чтобы показать себя и помочь своимъ друзьямъ, безъ всякой для себя выгоды, чего нельзя сказать объ его противникахъ, королях Угорскихъ, и о такихъ русскихъ князьяхъ какъ Ростиславъ Михаиловичъ. И Мстиславъ Удалой, и Даніилъ не смотрѣли, на чьей сторонѣ перевѣсъ силы, и принадлежали къ лучшему изъ двухъ типовъ, такъ охарактеризованныхъ Th.Storm-омъ:

Der Eine fragt: was kommt danach?
Der Andre fragt nur: ist es recht?
Und also unterscheidet sich
Der Freie von dem Knecht.

Угры ознакомили русскихъ, быть можетъ, уже въ XII в. съ турнирами, которые получили у насъ въ XIII в. названіе *игры* [1]): Русскіе міряне *дивились* такимъ играмъ [2]), но лѣтописцы-монахи относились къ турнирамъ, повидимому, безъ особаго сочувствія. Поляки и Угры ознакомили насъ, далѣе, съ посвященіемъ въ рыцари. Такъ, въ 1149 г. Болеславъ Кудрявый посвятилъ въ рыцари многихъ сыновей бояр-

[1]) Ип., 532 и 543. Въ Польшѣ турниры были, повидимому, мало извѣстны, если вѣрить поэмѣ о „Biterolf! und Dietleip", гдѣ читаемъ:

wir Hiunen sâhen dôch nie mêr
wie turnieren sî getan.
die Priuzen und die Pôlân
habent sîn selten iht gepflegen.

[2]) Ип., 288—289: „Угре на фарехъ и на скокохъ играхуть, на Ярославли дворе, многое множество", и „Кіяне дивяхутся Угромъ множеству, и кметьства ихъ, и комонемъ ихъ". Быть можетъ, то была джигитовка.

скихъ [1]). Все это—черты вліянія западнаго рыцарскаго міра на русскихъ людей. Взглянемъ теперь на отношеніе послѣднихъ къ этому міру, на ихъ сужденія о рыцарствѣ.

Ореолъ западнаго рыцарства поддерживали его подвиги въ защитѣ христіанства противъ невѣрныхъ. Нашъ лѣтописецъ сочувственно относился къ походамъ западнаго рыцарства для освобожденія гроба Господня [2]). Но странными могли казаться древне-русскимъ людямъ иные изъ обычаевъ западнаго рыцарства. Нѣтъ основаній кромѣ филологическихъ считать вмѣстѣ съ Буслаевымъ упоминаніе въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго о дурныхъ (рыцарскихъ) обычаяхъ [3]) позднею вставкой; подобныя жалобы раздавались и въ другихъ странахъ при началѣ распространенія рыцарства [4]). Напрасно,

[1]) Ип., 270: „пасаше сыны боярьскы мечемъ многы".

[2]) См. Ип. 449, подъ 1190 г.: „сии же нѣмци яко мученици святии прольяша кровь свою за Христа со цари своими" и пр. Ср. у Даніила Паломника сочувственное отношеніе къ крестоносцамъ.

[3]) „...Латына бестудіе възметше Ѡ худыхъ Римлянъ, а не Ѡ витязей, начаша къ женамъ къ чюждимъ на блоуд мысль дръжати, и предстоати предъ дѣвами и женами службы сѣдѣающи и знамя носити ихъ, а своихъ не любити, начаша пристроати собѣ кошюли, а не срачици и межиножіе показывати и кротополіе носити, и ꙗки гворъ в ногавици створше образъ килы имоуще и не стыдящеся отиноуд аки скомраси". Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, изданъ К. М. Оболенскимъ. М. 1851, стр. 3.

[4]) Такъ, у нѣмцевъ встрѣчаются довольно рано жалобы на французскія моды. См., напр., письмо аббата Зигфрида изъ Горце о шедшихъ изъ Франціи модахъ бритья бороды, ношенія короткополыхъ одеждъ и пр. Письмо это приведено у *Giesebrecht*-a: Gesch. d. deutschen Kaiserzeit II, 617 (1-го изданія). Нѣтъ полныхъ основаній относить порицаніе „бестудія" Латыны къ позднѣйшимъ вѣкамъ до XV-го включительно. Оно могло явиться въ XIII в. еще на югѣ, къ которому восходитъ и оригиналъ Лаврентьевской лѣтописи (сл. въ ст. *П. В. Голубовскаго*: „Служба св. мученикамъ Борису и Глѣбу въ Иваничской минеѣ 1547—79 гг.",—Чтенія въ Ист. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. XIV, отд. II, стр. 145). Требуетъ болѣе обстоятельныхъ доказательствъ взглядъ *М. Н. Бережкова* („Еще нѣсколько словъ о лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго. По поводу вновь найденнаго отрывка его"—„Сборникъ Ист.-фил. Общества при Институтѣ князя Безбородко", т. III, 1899), по

кажется, также А. Н. Веселовскій [1]) пріурочиваетъ это упоминаніе къ скоморохамъ: въ отзывѣ „Лѣтописца русскихъ царей“ отнесены къ „бестудію“ рыцарское служеніе дамамъ, ношеніе ихъ девизовъ и цвѣтовъ [2]).

Эта послѣдняя черта, рыцарская galanterie, могла менѣе всего другого привиться у нашихъ древне-русскихъ предковъ, потому что въ ней не настояло никакой надобности въ силу склада нашей общественной жизни и семейнаго быта.

Въ отношеніи древне-русскаго общества къ женщинѣ сталкивалось и сливалось нѣсколько противоположныхъ культурныхъ теченій. На Западѣ также происходило столкновеніе двухъ противоположныхъ взглядовъ на женщину, тамъ, какъ и у насъ, велись постоянные дебаты о ней въ литературѣ [3]), но, какъ извѣстно, конечные результаты борьбы

которому приведенный „текстъ полемическаго содержанія мѣтитъ на латино-польское вліяніе“ въ Кіевской землѣ, послѣ того какъ она со времени Ольгерда вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго.. въ данномъ текстѣ мы видимъ новое доказательство тому, что лѣтописецъ русскихъ царей въ первой его половинѣ, т. е. начальная лѣтопись въ немъ, составленъ значительно позже XIII вѣка“. Правда, въ XIV-мъ столѣтіи король Робертъ Неаполитанскій, возставая противъ нѣкоторыхъ новшествъ въ костюмахъ и нравахъ, писалъ въ 1335 г., что „эти люди укоротили до ягодицъ платье, бывало, доходившее до колѣнъ; ходятъ въ обтяжку, показывая, что показывать было-бы стыдно“; но подобныя жалобы на провансальскія и французскія моды находимъ и въ памятникахъ XI и XII-го вв.

[1]) Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, VI—X, стр. 151, ранѣе—Бѣляевъ, О скоморохахъ, стр. 80.

[2]) Въ начальной лѣтописи читаемъ еще: „Во Врѣтаньи же мнози мужи съ едино(ю) женою спятъ и (многы) жены съ единымъ мужемъ похотьствуютъ“ и т. д. (Лѣтоп. по сп. Лавр., 15). Это мѣсто лѣтописи заимствовано изъ Амартола. Подъ Врѣтанью здѣсь разумѣется островъ, какъ видно изъ стр. 3. Въ половинѣ еще XV-го вѣка Иберійскій (Грузинскій) царь говорилъ Византійцу Франтцѣ: „Въ Британіи одна женщина имѣетъ нѣсколько мужей“.

[3]) У насъ велись рѣчи о злыхъ женахъ начиная со Святославова изборника до XVIII в. Еще въ 1764 г. въ С.-Петербургѣ была

оказались не одинаковыми тамъ и здѣсь. На Западѣ лишь въ концѣ рыцарскаго времени начало происходить постепенное освобожденіе женщины изъ узъ давившихъ ее вѣковыхъ обычаевъ, завершившееся теперешнимъ движеніемъ феминизма и политическою агитаціею въ пользу полной равноправности женщины. Въ сосѣдней же съ Русью Польшѣ уже при Болеславѣ Храбромъ знатная женщина пребывала въ болѣе или менѣе независимомъ положеніи, о чемъ свидѣтельствуетъ житіе Моисея Угрина [1]). Въ XVI и XVII вв., въ то время какъ въ Московской Руси царили идеалы Домостроя, въ Польшѣ видимъ прямую противоположность имъ въ общественной роли женщины. На Руси до-татарскаго времени положеніе женщины, можно думать, было также выше, чѣмъ на Западѣ въ рыцарское время, и выше, чѣмъ каковымъ было у насъ въ позднѣйшее время паденія вѣчеваго строя и развитія единодержавія. Аскетическій взглядъ на женщину [2]) тогда еще не возобладалъ. Правда, и у насъ, когда заходила рѣчь о женщинѣ, приводились тѣ же библейскіе примѣры и изреченія, что и на Западѣ; кромѣ пренебрежительнаго ветхозавѣтнаго взгляда и Византійской теоріи дѣйствовала еще родовая опека, но также не могло не сказываться и исконное славянское и германское уваженіе къ женщинѣ и лучшее западное вліяніе, въ особенности—въ силу браковъ нашихъ князей съ западными принцессами, а также вслѣдствіе отголосковъ германскихъ воззрѣній благодаря несомнѣнно значительной примѣси норманнскаго элемента въ составѣ нашихъ дружинниковъ. Потому-то нашъ уставъ уравнивалъ женщину въ имущественныхъ и другихъ правахъ, и жен-

напечатана книжка: „Извѣстіе о обществѣ злыми своими женами мучащихся мужей съ приложеніемъ къ тому рѣчи, говоренной вдовцомъ на погребеніе злой своей жены".

[1]) „Нѣкая жена отъ великыхъ и та красна соущи и оуна, имоущи богатьство много и власть велию..." „посла къ князю Болеславу, глаголющи: „Моужь мой оубьенъ бысть на полку съ тобою, ты же да ми волю, да, іего же въсхощю поимоу въ домъ мой". Monum. Polon. IV. 801 и 811.

[2]) См. *Щапова*: „Положеніе женщины въ Россіи по до-петровскому воззрѣнію", Дѣло 1873, № 4, стр. 187.

щина у насъ могла достигать также политическаго значенія, какъ то показываютъ примѣры вел. кн. Ольги и Марѳы-посадницы. Мать Даніила Галицкаго также пыталась послѣ смерти своего мужа, Романа Мстиславича, стать во главѣ управленія Галичемъ, но это не осуществилось по причинѣ самовластія бояръ. Въ особенности характеренъ образъ жены Игоря, кн. Сѣверскаго, очерченный въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Сколь онъ нѣженъ и привлекателенъ! Его умѣстно принять здѣсь во вниманіе потому, что „Слово" является памятникомъ нашей древней поэзіи, соотвѣтствующимъ до извѣстной степени „Пѣснѣ о Роландѣ". Отношеніе къ женщинѣ въ томъ и другомъ произведеніи представляетъ значительное отличіе: Роландъ вовсе не вспоминаетъ о своей невѣстѣ Альдѣ, и послѣдняя является лишь вскользь въ концѣ произведенія по нѣкоторымъ спискамъ, между тѣмъ какъ въ нашей поэмѣ женщины упоминаются не рѣдко: такъ Игорю „спала умъ по хоти", поминается и Всеволодова „*милая* хоть, красна Глѣбовна". Послѣ несчастія, постигшаго русскую рать, „жены Русскія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ *милыхъ* ладъ ни мыслію смыслити..." [1]) Словомъ, нельзя не видѣть въ этомъ памятникѣ возвеличенія женщины, какъ *жены*, что̀ не такъ часто встрѣчается въ произведеніяхъ средневѣковой западной литературы [2]). И наоборотъ у насъ не замѣтно

[1]) Цитуемъ по тексту, какъ онъ былъ изданъ въ 1800 г. и переизданъ проф. Владиміровымъ въ его книгѣ: „Древняя Русская литература Кіевскаго періода X—XII вѣковъ", К. 1901.

[2]) Образъ Ярославны даетъ право не согласиться съ Н. И. Надеждинымъ, который писалъ 66 лѣтъ назадъ (Телескопъ, ч. XXV, М. 1835, „Письма въ Кіевъ (къ М. А. М-чу) о русской литературѣ", стр. 157—158): „Лучшій цвѣтъ общественной жизни, ея высочайшая поэзія выражается въ женщинѣ, прекраснѣйшемъ созданіи, коимъ увѣнчался прекрасный міръ Божій. Но что у насъ женщина? Признаюсь, я не могъ доселѣ составить себѣ идеала женщины Русской: я не знаю элементовъ, изъ которыхъ бы онъ могъ быть составленъ. Я не ищу въ нашемъ обществѣ женщины Бальзака, этой дивной поэмы, для созданія коей потребно было двѣнадцать вѣковъ непрерывно возрастающей цивилизаціи, этого неистощимаго міра поэзіи, заключаю-

слѣдовъ рыцарскаго преклоненія передъ женщиною, возносимою на пьедесталъ крайней высоты. Видно, мы не усвояли крайностей западной рыцарственности, но обладали лучшими ея сторонами, воспринимали лучшія черты западнаго рыцарства, у котораго добродѣтель доходила иногда до фанатизма. Энтузіазмъ, одушевлявшій рыцарей въ ихъ борьбѣ съ невѣрными, былъ присущъ и нашимъ витязямъ съ тѣмъ различіемъ, что тѣ сражались съ мусульманами, обладавшими цивилизаціею, которая была не ниже западной; степняки же, съ которыми боролась древняя Русь, были варварами по истинѣ. Потому безъ преувеличенія и самовосхваленія можно сказать, что древняя до-татарская Русь можетъ быть поставлена въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не ниже Запада, и древне-русское рыцарство обладало поэмами, не уступавшими въ поэтичности западнымъ. „Слово о полку Игоревѣ"— лучшее произведеніе нашей старой рыцарской поэзіи, не отрѣшавшейся, повидимому [1]), отъ общенія съ Западною и знавшей такія же возвышенныя двигательныя начала. Поэтически трогательное, можно сказать—почтительное, отношеніе къ женщинѣ было знакомо Руси издавна, какъ то показываютъ хотя бы сказанія и отзывы объ Ольгѣ. Но при этомъ не видимъ, чтобы чувство любви у насъ часто получало рыцарскій характеръ. Беззавѣтная единственная любовь на всю жизнь была извѣстна у насъ преимущественно въ формѣ брачнаго союза.

щаго въ себѣ всѣ оттѣнки нравственнаго образованія, всѣ тоны и полутоны общественной гаммы... Гдѣ намъ до этихъ пышныхъ, великолѣпныхъ дифирамбовъ женской природы? Можнобъ было удовольствоваться малѣйшимъ біеніемъ жизни, малѣйшею искоркою огня; но жизни своей, не взятой на прокатъ изъ магазина; но огня настоящаго, неподдѣльнаго, не выписнаго, не сшитаго изъ тряпья, раскрашеннаго красною краскою, какъ огонь театральный!.. Да! у насъ нѣтъ женщины: нѣтъ стало и любви, перваго необходимаго условія поэзіи жизни... Наши нравы или Суздальской иконной работы, или китайской шпалерной живописи... Гдѣжь тутъ быть поэзіи?" Встарь однако, повторяю, было не такъ.

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя подробности этого памятника.

Экстравагантная любовь рыцарей, также, повидимому, имѣла у насъ мѣсто по временамъ. Могла участвовать въ этомъ и струя рыцарскаго опоэтизированія преступной любви, заносившаяся къ намъ вмѣстѣ съ поэзіею Запада. Вѣдь весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ мотивовъ западной рыцарской поэзіи были переносимы къ намъ бродячими скоморохами.

Русская письменность того времени была бѣдна самобытными художественными созданіями. У насъ не было собственной широко развившейся литературы свѣтскихъ романовъ и повѣстей, какая возникла въ XII и XIII вв. на Западѣ, не было значительнаго количества *литературныхъ чисто поэтическихъ* произведеній. Литература была подавляема вторгавшимся извнѣ одностороннимъ аскетическимъ взглядомъ. Проста была и русская жизнь, и соотвѣтственно тому были просты и суровы ея высшіе нравственные подвиги, состоявшіе въ молитвѣ, постѣ и т. п. дѣлахъ личнаго благочестія. Наши житія святыхъ не такъ поэтичны и цвѣтисты, какъ западныя. Въ свѣтской жизни у насъ также было менѣе шумнаго веселья и разнообразія, чѣмъ на Западѣ. Наша городская жизнь не представляла такой пестроты, какъ Западная.

Тѣмъ болѣе привлекательными должны были казаться интересныя и забавныя иноземныя повѣсти въ устахъ пѣвцовъ и разсказчиковъ среди княжескихъ пировъ [1]), въ кругу

[1]) См. упоминаніе о скоморохахъ въ Несторовомъ житіи преп. Ѳеодосія. Этотъ подвижникъ засталъ однажды передъ Святославомъ „*многыя* играющи, овы гусльныя гласы испущающе, другые же оръганьныя гласы гласы поюще, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ, и тако вьсѣмъ играющемъ и веселящемъся, якоже обычаи есть предъ князьмь". Въ разсказѣ объ Исакіи упоминаются „сопѣли и бубны, и гусли" (Лѣт. по Ип. сп., 136). Въ начальной также лѣтописи читаемъ подъ 1078 г.: „дьяволъ... превабляетъ ны отъ Бога, трубами, скомрахы, и гусльми, и русальями". „Москолоудство" упоминается уже у Луки Жидяты, „луда"—въ видѣніи Матѳея въ начальной лѣтописи и т. д. О Половецкомъ „гудцѣ Орѣ" см. въ Ип., 480. О скоморохахъ на Руси

свѣтски образованныхъ лицъ, которыя существовали и въ древней Руси. Въ устахъ этихъ пѣвцовъ чуждые сюжеты могли становиться предметомъ пѣсни, иногда облекавшейся въ формы эпоса. Конечно, это было возможно лишь при существованіи особаго разряда пѣвцовъ въ родѣ нѣмецкихъ Spielleute [1]). О пѣвцахъ на Руси, изстари носившихъ наименованіе скомороховъ, встрѣчается весьма древнее свидѣтельство [2]), восходящее еще къ до-татарскому времени. Калѣки [3]) перехожіе также подтверждаютъ возможность существованія бродячихъ сказаній въ нашей старой пѣснѣ.

Наши пѣвцы могли испытывать вліяніе западныхъ иногда непосредственно. Вѣдь были же пѣвцы въ Угріи, уподоблявшіеся Spielleute. Точно также существовали они и въ Польшѣ, гдѣ имѣются интересныя данныя о нихъ [4]). При весьма частыхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ южной Руси съ этими стра-

---

имѣется уже нѣсколько этюдовъ, начиная со старой статьи *И. Д. Бѣляева* „О скоморохахъ". Важнѣйшій принадлежитъ акад. А. Н. Веселовскому: „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха", VII Новѣйшая работа о гусляхъ принадлежитъ г. Привалову, доказывающему весьма древнее, чисто славянское происхожденіе ихъ. См. „Новое Время" 1902 № 9303.

[1]) Отмѣтимъ новѣйшую монографію о нихъ *A. Schaer*, Die altdeutschen Fechter und Spielleute, Strassb. 1901, выдвинувшую соотношенія военныхъ людей и пѣвцовъ, на которыя доселѣ обращали мало вниманія.

[2]) О нихъ см. *Тихонравова*, Сочиненія, I, М. 1898, стр. 324 и слѣд.

[3]) См. въ „Чтеніяхъ въ Ист. Общ. Нестора-лѣтописца", IV, 141, приложеніе къ статьѣ проф. *Владимірова*: „Поученіе Зарубскаго черноризца", гдѣ говорится: „смѣха бѣгаи лихаго скомрахъ и часточхара и гоудца и свирилица (*вар.*: скомороха и сластоучьхара (?) и гудца и свирца) не оуведи вдоⁿ свои гл҃ма ради... дьяволи бо то сѧᵀ вси гласи и смыци (*вар.*: всегда сии съмысци) и съзываніа и веселиа". Зарубскій черноризецъ противополагалъ свѣтскимъ пѣснямъ и веселью „животворивыа книги и с т ы ˣ моу ᵂ повѣсти и оученіа и дѣла и стр҃ти". Слѣдовательно, у насъ противопоставлялась духовная литература приманкамъ свѣтскаго эпоса и забавныхъ повѣстенокъ.

[4]) Отмѣтимъ въ ряду другихъ данныхъ миніатюру, сохранившуюся въ одной изъ Краковскихъ рукописей. См. *Sokołowski* рец. на

нами проникновеніе изъ послѣднихъ въ ея предѣлы бродячихъ пѣвцовъ не представляетъ ничего невѣроятнаго. Есть, наконецъ, и прямое свидѣтельство объ иноземныхъ пѣвцахъ въ Кіевѣ [1]).

Эти иноземные пѣвцы и приближавшіеся къ нимъ русскіе и были главными представителями свѣтской поэзіи въ древней Руси [2]). Быть можетъ, среди русскихъ пѣвцовъ были въ ходу формы обличительной поэзіи, но преимущественно они интересовали слушателей повѣстями и произведеніями, изображавшими современныя событія, между проч., и печальныя [3]),и идеалъ того времени, сливавшійся въ позднѣйшую пору средневѣковья съ рыцарскимъ.

Впервые, вѣроятно, въ такихъ пѣсняхъ былъ закрѣпленъ тотъ идеалъ рыцарскаго вѣжества, соотвѣтствующаго до нѣкоторой степени западной куртуазіи, который уцѣлѣлъ доселѣ въ былинахъ о Добрынѣ. Этими же, вѣроятно, пѣснями было сообщено поэтическое возвеличеніе могучимъ

Bruno Bucher, Die Alten Zunft und Verkehrsordnungen der Stadt Krakau nach Baltazar Behem, Codex Picturatus in der k. k. Jagellonischen Bibliothek, Wien 1889: „Szczególniejszy interes ma miniatura tabl. XVII, przedstawia ona warsztat szewski. Szewc wyszed z domu. czeladnicy tylko pracuią u głębi. a do pani szewcowej siedzącej przy kolowrotku młodej jeszcze i ponętnej. umizga się kuglarz z kobzą leżący na ziemi. Jest to zawsze *calvus* czy *tonsus mimus* starozytnych *joculator*. *spielmann* sredniowieczny o ogolonej głowie, z peruką zatkniętą za pas, u krótkim swym charakterystycznym stroju. Gra no nie małą w zycie owczesnem rolę, spotykamy go tu przy domowem ognisku. a raz drugi na ulicy na tabl. III." Kwartalnik historyczny 1889, IV, str. 737. Интересна французская надпись Aumon на краю одежды этого жонглера.

[1]) Въ „Сл. о п. Иг." о Кіевѣ: „Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю..." „Пѣть славу"—техническій терминъ древней русской былевой поэзіи. О Боянѣ говорится, что его персты „княземъ славу рокотаху". Возглашеніемъ „славы" и оканчивается „Слово о полку Игоревѣ".

[2]) О Русской поэзіи въ до-татарское время см. ст. *Жданова* въ (Кіевскихъ) „Университ. Извѣстіяхъ" и въ отдѣльномъ оттискѣ.

[3]) „Слово о полку Игоревѣ". Ср. „Слово о погибели русскыя земли".

двигательнымъ свѣтскимъ началамъ рыцарской чести и доблести въ параллель началамъ церковной морали.

Послѣ Ярослава 1-го на Руси могла процвѣтать дворская культура при дворахъ князей. Наше придворное общество, хотя не въ такой степени какъ западное, нуждалось, безъ сомнѣнія, въ поэзіи, которая отличалась бы отъ общенародной, отъ старыхъ былевыхъ пѣсенъ, бытовой лирики, включая въ послѣднюю сатирическія и обрядовыя пѣсни, носила бы болѣе или менѣе дворскій характеръ, какъ и то общество, для коего она предназначалась, которая вдохновляла бы его особыми чувствованіями и воспроизводила бы его идеалъ. И у насъ высшее свѣтское общество должно было интересоваться не только пѣсенными прославленіями современныхъ или памятныхъ по чему-либо князей прошлаго [1]), но и повѣствованіями, выводившими различные типы витязей, охраняющихъ родную землю, стоящихъ на заставахъ, либо безпрерывно и неутомимо странствующихъ, вѣчно борющихся съ различными врагами, между проч.—съ чудищами и великанами (язычниками), встрѣчающихся съ волшебниками и дьяволомъ, выдерживающихъ много поединковъ, выказывающихъ чудеса храбрости среди самыхъ опасныхъ приключеній.

„Старины“ отчасти являются отголосками и переживаніями этого нашего древняго рыцарскаго эпоса, обширному проникновенію котораго въ литературу не могло особо благопріятствовать общее направленіе нашей книжной культуры того времени, но который неизбѣжно долженъ былъ развиться въ вѣка дружиннаго быта и молодечества.

Попытаюсь указать вскользь нѣсколько слѣдовъ рыцарской поэзіи въ нашихъ былинахъ, упоминаній о рыцаряхъ [2])

[1]) Слѣды такихъ прославленій не разъ уже указывали въ нашихъ лѣтописяхъ. Раздѣленіе на стихи характеристики Романа Мстиславича въ Галицко-Волынской лѣтописи см. у *В. Н. Перетца*: Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. III, Спб. 1902 г., стр. 3—4.

[2]) См., напр., у Рыбникова IV, стр. 3.

и эпизодовъ рыцарскаго характера. О. Ѳ. Миллеръ [1]) считалъ все это, повидимому, позднѣйшимъ наслоеніемъ. Но, какъ было уже сказано, и древняя Русь не была незнакома ни съ терминомъ рыцарь, ни съ самимъ рыцарствомъ. Князья ея одушевлялись рыцарскимъ чувствомъ чести [2]), а дружинники также лелѣяли рыцарскіе помыслы о своей „чести“ и „славѣ“ князя [3]). Тѣхъ и другихъ вдохновляла борьба съ невѣрными. Потому нельзя настаивать на томъ, что терминъ рыцарь былъ занесенъ въ русскую былевую поэзію исключительно въ позднѣйшее время, когда къ намъ проникли иноземныя сказанія, воспроизводившіяся иногда вмѣстѣ съ лубочными картинками [4]).

Повторяемъ, русскія былины заключаютъ одновременно остатки дружиннаго и также общенароднаго эпоса, развивавшагося подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ дѣйствительныхъ событій, и вмѣстѣ отголоски русской *рыцарской эпики*, соотвѣтствовавшей до извѣстной степени западнымъ былевымъ пѣснямъ и рыцарскимъ поэмамъ позднѣйшей поры средневѣковья (XII и XIII в.в.), и, подобно послѣднимъ, проникавшейся бродячими мотивами и заносными повѣствованіями. Русскія былины, такимъ образомъ, — отчасти обрывки того эпоса, высшею ступенью въ развитіи котораго на Западѣ явились рыцарскія поэмы.

Этимъ можно бы въ значительной степени объяснить существованіе въ нашемъ былевомъ эпосѣ такихъ эпизодовъ,

[1]) О. Миллеръ, Илья Муромецъ и богатырство Кіевское, стр. 341.

[2]) „Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота...“

[3]) Это выраженіе дважды употреблено въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

[4]) „Повесть о Витезѣхъ с книгъ сэрбъскихъ, а звлаща о славномъ рыцэры Трысчаня, ѡ Анцалоте и ѡ Бове и о иншихъ“—романъ о Тристанѣ, изд. А. Н. Веселовскимъ въ приложеніи ко II-му т. книги „Изъ исторіи романа и повѣсти“, Спб. 1888. На лубочныхъ изображеніяхъ встрѣчаются *Рыцарь* Петръ Златые ключи, рыцарь Евдонъ, Рыцарь Ипполитъ и т. д. Въ „Повѣсти о Валтасарѣ Кралевичѣ“ этотъ герой и его спутникъ встрѣчаютъ шатеръ, въ которомъ „чаяху нѣкоего рыцаря, і сирѣчь богатыря“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1901, № 5, ст. *И. Н. Жданова*: „Повѣсть о королевичѣ Валтасарѣ“, стр. 11).

которые не имѣютъ отношенія къ рыцарскимъ романамъ и повѣстямъ, занесеннымъ къ намъ въ позднѣйшее время. Въ особенности заслуживаютъ вниманія въ этомъ отношеніи былины о Чурилѣ, объ уводахъ женъ, нѣкоторыя исторіи невѣрныхъ женъ и эпизодъ о выходѣ жены Добрыни въ замужество за Алешу во время продолжительнаго отсутствія мужа[1]). По образцу рыцарскаго эпоса въ нашъ вошли также, повидимому, эпизоды о защитѣ дѣвицъ и борьбѣ изъ-за нихъ [2]) и сходныя мелкія частности [3]).

Нельзя не признать послѣ только что сказаннаго, что отголоски западнаго рыцарскаго эпоса, нравовъ и обычаевъ рыцарства не особенно сильны въ русскихъ былинахъ. Такъ, мы не находимъ въ нихъ возвеличенія въ широкихъ размѣрахъ уваженія къ противнику, великодушія, бла-

---

[1]) О западномъ происхожденіи этого эпизода я говорилъ въ монографіи о гибели богатырей. Не такъ давно обстоятельную разработку этого вопроса представилъ *И. П. Созоновичъ*: „О западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію", Варш. 1898. F. J. Krauss, упоминая вскользь о трудѣ послѣдняго, заявляетъ: „...ich in meiner Sammlung noch ungedruckter moslimisch slavischer gusljarenlieder ein sehr ausgedehntes Stück besitze, das gewissermassen einen Uebergang zwischen der orientalischen zur occidentalen Version der Fabel darstellt". Kritischer Jahresbericht über die Fortschritte der Romanischen Philologie, IV Bd., Erlangen 1898—1900, IV, 137.

[2]) См. у О. Ѳ. Миллера, И. Муромецъ, стр. 446—448. У Рыбникова, II, 55.

И вышелъ-то Иванушко Годеновичъ
Супротивъ Кощея Трапетовича,
И стали о Настасьи-то дратися и пр.

Сходные мотивы встрѣчаются и въ юго-славянскихъ пѣсняхъ, куда могло проникнуть рыцарское вліяніе.

[3]) Лань Златорогая въ былинѣ о Михаилѣ Потыкѣ (Гильфердингъ, Онежскія былины[1], стр. 180) напоминаетъ сходные эпизоды рыцарскихъ романовъ; въ былинѣ о Чурилѣ упоминается „рыцарскій конь" и т. п. Слѣдуетъ сопоставить также различныя диковинки въ былинахъ (напр., въ описаніяхъ шатровъ) съ принадлежностями и обстановкою рыцарскаго быта на Западѣ. См., напр., *A Schultz*, Das höfische Leben, I.

городства, защиты слабаго. Ни въ одномъ изъ героевъ нашихъ былинъ мы не видимъ совмѣщенія полностью тѣхъ чертъ, которыми надѣленъ въ рыцарскихъ романахъ Персеваль, или, напр., Чаусеровъ „рыцарь, достойный человѣкъ,

Который съ того времени, какъ впервые началъ
Выѣзжать на бой, полюбилъ рыцарство,
Правду и честь, свободу и учтивость,
Доблестенъ былъ въ войскѣ своего сюзерена,
И никто не ѣзжалъ далѣе его...
Сколько онъ былъ храбръ, столько же и благоразуменъ:
И въ своемъ обхожденіи былъ кротокъ какъ дѣвица.
Онъ даже, во всю свою жизнь, никогда
Никакому человѣку не сказалъ браннаго слова.
Онъ былъ совершенно благородный рыцарь [1]).

Но кто знаетъ, не вывѣтрились ли черты полной рыцарственности изъ нашихъ былинъ подъ вліяніемъ всесокрушающаго времени? Для насъ достаточно, что, несмотря на всю силу измѣнявшихся условій и многочисленныя позднѣйшія напластованія, въ нашихъ „старинахъ“ уцѣлѣло все-таки хоть нѣсколько указаній на знакомство съ рыцарствомъ и его эпикой. Слѣды такого же знакомства, быть можетъ, найдутся въ сказкахъ. Такъ, давно уже указано на сказку объ Ивасѣ [2]).

Изложеннымъ, думаю, исчерпаны вкратцѣ данныя, наводящія на догадки о проникновеніи въ Русь рыцарскихъ идей, обычаевъ и поэзіи въ до-татарское время, т. е. въ пору расцвѣта рыцарства на Западѣ, каковою считаются вѣка XII-й и первая половина XIII-го.

Н. Дашкевичъ.

(Окончаніе будетъ).

[1]) Chaucer, The Canterbury Tales, The prologue, 43—48, 68—72.

[2]) По мнѣнію Буслаева, „основа средневѣковаго сказанія о Рыцарѣ Лебедя позднѣйшаго времени сохранилась у насъ въ малорусской сказкѣ объ Ивасѣ“ (Лѣт. русск. лит. и древн., т. I, стр. 84). См. еще статью *Драгоманова*: „Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Пѣсни о „Королевичѣ“—во П-мъ т. „Записокъ Юго-Зап. Отдѣла Имп. Р. Геогр. Общества“, К. 1875.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ ЧЕРНИГОВЩИНѢ и СѢВЕРЩИНѢ (1603—1645 гг.).

Сообщаемые ниже документы взяты изъ Румянцевской описи, находившейся въ Черниговѣ и переданной нынѣ въ Академію Наукъ, и изъ бумагъ покойнаго Н. Константиновича, бывшаго предсѣдателя Черниговской губернской земской управы. Всѣ они относятся къ первой половинѣ XVII в., т. е. именно къ тому времени, которое непосредственно предшествовало возстанію Малороссіи и менѣе извѣстно, и менѣе изслѣдовано, чѣмъ послѣдующее время. Само собою разумѣется, что изъ нихъ нельзя еще дѣлать какихъ-либо опредѣленныхъ выводовъ: число ихъ крайне ограниченно. Но, печатая ихъ тѣмъ не менѣе, мы имѣли въ виду пополнить нѣсколькими новыми данными и исторію отношеній, какъ выработались они въ разсматриваемой мѣстности подъ польскимъ владычествомъ, и исторію землевладѣнія въ тѣ времена. Наибольшая часть ихъ—жалованныя или подтвердительныя грамоты на владѣніе землями въ предѣлахъ Черниговщины и Сѣверщины разными боярскими родами, издавна жившими тамъ. Роды эти или, точнѣе, сложные семейные союзы сохранились въ Черниговщинѣ и Сѣверщинѣ и послѣ

возстанія. Почти всѣ они изъ прежнихъ бояръ превратились въ козаковъ, и въ качествѣ этихъ послѣднихъ предъявили нѣкогда данныя имъ грамоты польскихъ королей для утвержденія ихъ правъ на земли, которыми они владѣли и до и послѣ возстанія. Такимъ образомъ, благодаря этимъ грамотамъ, открывается возможность съ большею или меньшею точностью занести на карту распредѣленія поземельной собственности и поземельныхъ владѣній нѣсколько пунктовъ, тѣмъ болѣе интересныхъ, что они сохранили свое положеніе и послѣ изгнанія поляковъ, послѣ возстанія. Съ другой стороны, въ грамотахъ опредѣлены и условія, на которыхъ держали земли означенныя въ нашихъ документахъ прежнія боярскія семьи, т. е. тѣ повинности,—какъ видно изъ документовъ, различнаго характера и различныхъ градацій, которыя въ видѣ ли службы при замкахъ, несенія ли земской воинской службы и т. п. возлагались на бояръ. Повинности эти детально изложены въ грамотахъ, и въ этомъ отношеніи грамоты польскихъ королей даютъ возможность установить фактъ сохраненія и преемственности этихъ формъ держанія земель и при гетманахъ, слѣдовавшихъ при раздачѣ земель тѣмъ же традиціямъ: отдачѣ земель съ обязательствомъ несенія тѣхъ или иныхъ повинностей, главнымъ образомъ воинской, въ видѣ, „службы на добромъ коню з риштункою военною“ (универсалъ 1670 г.). Наконецъ, нѣкоторыя добавочныя черты даютъ наши документы и для характеристики формъ владѣнія землею, владѣнія группового, цѣлыми большими семьями, сябрами, на что съ наибольшею ясностью указываетъ документъ подъ № II.

I.

Грамота польскаго короля Сигизмунда III Остерскимъ боярамъ Михаилу и Титу Гладкимъ на право владѣнія землей подъ условіемъ исполненія нѣкоторыхъ повинностей,—10 февраля 1603 года.

Жигимонтъ Третій, Божію милостію король полскій, в. к. литовскій, рускій, пруский, мазовецкій, жомойскій, инфлянскій, шведскій, готскій, вандальскій, дедичный ко-

роль,— ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всѣмъ в обецъ и кождому з особно, кому то ведати належитъ: заховалисмо учтивихъ Михайла, Тита *Гладкихъ* при роднихъ ихъ *власныхъ* пашнихъ, старих и нових на Теремовѣ, Звезкомъ, на Ходкове и на Великомъ Переходе и при розробеню дерева бортного на Лозици и при всѣхъ и вшелякихъ належностяхъ и пожиткахъ, якихъ и симъ листомъ нашимъ, ... (?) того права посполитого позволяетъ, заставуемо и заховуемъ; маютъ пречечонние Михайло и Титъ Гладкие тихъ розробковъ пашнихъ и дерева бортного держати, уживати, одъдаючи повинности до замку нашого Острицкого и старостомъ тамошнимъ, то естъ подачки грошей: какъ подводи, по пяти грошей, ликовщини пять, пороховщини два грошей литовскихъ и по два вози сѣна, поддугъ стародавного звичаю ухование и держане они сами и потомки ихъ, праву ничиему не оближаючи. До которого, на болшую вѣру рукою нашою подписавши, печать коронную притиснути росказалисмо. Писанъ у Кракове, року тисяча шистъсотъ третого, м-ця февраля десятого, панованя кролевствъ нашихъ, полского шестогонадцят, а шведского десятого року.—Sigismundus Rex.—Flor. Oleszko.

(Р. О., документы с. Гладкихъ).

II.

Грамота польскаго короля Сигизмунда III, которою онъ утверждаетъ продажу дв. Перецкими ихъ земли Перецковщины со всѣми угодьями дв. Бакуринскому,— 20 декабря 1609 года.

Жигмундъ Третій, Божию милостію король полскій, великій князь литовскій, рускій, прускій, жмодскій, мазовецкій, инфляндскій, шведскій и готскій, вандалскій, дедичный король, — ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, кому бы то ведать надлежало, ижъ будучи весполъ з нами в обозѣ нашемъ под Смоленскомъ панове шляхта урожони, ихъ млтеве панове Глебовичи Пероцкіе, весполъ с паномъ Николаемъ Ба-

куринскимъ, постановившисе пред нами, просили насъ, абисмо сей нашъ выдали листъ мененному пану Бакуринскому на то, што оны, панове Пероцкіе, продали свою землю дедичную за сумму доброй монеты червоныхъ золотыхъ тысячей пять и при насъ и речи посполитой очевисте взяли оны, панове Пероцкіе, в пана Бакуринского остатокъ пенiонзей двести таляровъ битыхъ и коня зо вшисткимъ зброеного доброго, у неволника вроды московской купленного за десять таляровъ битыхъ, котораго коня товариство, по прошенію обополномъ, ошацовали зе збруею-панцеромъ триста таляровъ битыхъ. При которой землѣ Пяроцковской леса, боры, дубровы, болота, рѣки, перетоки, пташіе, зверние в той пуще ловле и рибніе на рѣчце верхъ Вира, на млинъ займа противъ бору одинъ ихъ, Пероцкихъ, берегъ противъ, мовитъ, лѣсу, острова; здругого боку дуброва другихъ сябровь шляхтъ. Въ которой землѣ по куплѣ теперешной належитъ пану Бакуринскому двѣ части отъ сябровъ уже его. До которой земли надлежитъ и островъ Туричи и лѣсъ Чарничинъ. На которой землѣ оселе, люде, названніе Репки, по надъ рѣчкою зъ едного боку и на другомъ половина. Которіе Пероцкіе, имене Николай з братами, ту свою добровольную продажу вѣкуисто тимъ листомъ записати пану Бакуринскому вручили, впросилисе жить на тѣхъ добрахъ мещкално, не на уряде. При томъ за показаніемъ намъ купчихъ записовъ на добра свои Гусинке, Велкевесь, Оснеки, которые маетности лежатъ в воеводствѣ Кіевскомъ. На которые всѣ меновите добра Пероцковщизніе на особливомъ листе нашемъ граничене зъ документовъ его, пана Бакуринскаго, вибрано и ему записано. На что и мы, Государь, для вечного владѣнія при печати нашей руку подписали. Данъ в обозе подъ Смоленскомъ, року Божого тисяча шест сотъ девятого, декабря 20 дня. Sigismundus Rex.

(Р. О., т. IX, Роиская сотня, с. Рѣпки).

III.

Грамота короля Владислава IV, подтверждающая грамоту короля Сигизмунда III земляномъ Кондрату и друг. Даничамъ на землю Перовщину и другія,—20 августа 1634 года.

Wladislaw Czwarty z łaski Bożey Krol Polski, Wielki Xęze Litewski, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Zmudski, Inflądski, a Szwedski, Gotski, Wandalski, dziedzieczny Krol, obrany wielkie Car Moskiewski,—oznaymuiemy wszem wobec y kożdemu z osobna, komu to wiedzic nalezy: pokazan nam był extrakt z ksiąg głownich trybunalskych pod aktem dnia siedmnastego july roku Panskiego tysąc szesset trzydziestego, z pisaniem w nim przywileiu confirmatij swętey pamięci krola Imsci Zygmunta Trzeciego, pana oyca naszego, ziemianom wdstwa Kiowskego na pewne dobra, w woiewodstwie Kiowskim leżące, grunta Perocka, prawem wieczystym od przodkow naszych, królow polskich, dane y pozwolone, ktore abysmy władzą naszą krolewską approbowac y potwierdzic raczyli. Uniżenie bili nam czolem szlachetni Kondrat Danicz, Ivan Maximenko, Wasili, Michal Daniczowie, Zienia Hryszkowa, Rzepczyczowa, Masuita Ławrynowa, Zołobyna, potomkowie Hrehora Danicza y inszi uczęsniki siola Rzepek y Danicz, gruntu Pierowsczyzny; ktory extrakt taksie w sobie ma:

выпись с книгъ головнихъ трибуналскихъ консерватъ воеводства Браславскаго. Лѣта Божого нарожденія 1630, мѣсяца іюля 17 дня, передъ судомъ нинѣшнимъ головнимъ трибуналнимъ, короннимъ Любелскимъ, ставши очевисто, панъ Даничъ для вписаня до книгъ головнихъ трибуналскихъ, подалъ привилей перъ облатамъ его королевской милости, на пергаминѣ писанній, с печатью привисистою коронною, меншое канцеляріи, и съ подписомъ руки его королевской милости, землянамъ Любецкимъ: Данилови Глѣбовичови Пероцкому, Кондратови и Демяну и братьи ихъ Даничамъ, Лаврѣнови и Григорьеви Репчичамъ, дедичамъ и отчичамъ нашимъ именя подписали на вѣчистую конфермацію данни тихъ добръ Пероцки (sic) и принадлежитостей до нихъ, въ чомъ привилей тотъ ширей в себѣ маетъ, просячи, абы при-

нять и до книгъ вписанъ былъ. И такъ судъ головній трибуналній, тотъ привелей его королевской милости пріймуючи, предъ собою читати казалъ, и такъ се в себе маетъ: Жикгмонтъ Третій (и т. д.),—ознаймуемо симъ листомъ нашимъ всѣмъ, кому о томъ вѣдати належитъ, нинѣшнимъ и на потомъ будучимъ: били намъ челомъ земяне Любецкіе шляхетніе: Данило Глебовичъ Пероцкій, Кондратъ и Демянъ з братіею своею Даничове, Лаврѣнъ и Григорій з братіею своею Репчичове, дедичове и отчичове имеия Пероцкого, зо всѣми принадлежитостями здавна ку той земли належачими, и покладали предъ нами листъ святобливое памяти короля его милости Жикгмунта-Августа, вуя и предка нашего, под печатью великою коронною и с подписомъ руки велможного Валентого Дембинского, канцлера коронного, подъ датою в Варшаве м-ца марта 13 дня в року 1571; которимъ то листомъ король, его милость, верху мененніе именія и земли ихъ, зо всѣмъ на все, яко се сами в себе здавна и на онъ часъ мели, имъ самимъ, жонамъ, детемъ и потомкамъ ихъ, яко власную отчизну ихъ, утвердити и умоцнити рачилъ вечними часи, с чого повинни службу господарскую военную земскую, яко и иншіе земляне Любецкіе, а нашихъ нѣкоторыхъ повиностей и работъ полнити неповинни; и просили насъ, абысмо имъ, в ласки нашое господарское, ихъ при тѣхъ отчизнахъ ихъ, ведлугъ давнего надання и утвержденій отъ предковъ нашихъ зоставивши и заховавши, особливій листъ нашъ имъ дати велели; што мы, видячи речъ слушную, звлаща, ижъ де они тотъ (кгрунтъ) с продковъ своихъ здавна уживаютъ и с того намъ службу земскую служатъ, нинешнимъ листомъ нашимъ ихъ самихъ, жони, дети, потомки и щадки ихъ обоего рожаю при верхумененнихъ кгрунтахъ Пероцкихъ: Борку, Горскомъ, лѣску Плоскомъ, а борку Творичовскомъ зо всѣмъ на все, яко се сама в себе в границахъ здавна маетъ, ведлугъ права звичаю держання и уживання ихъ зостануемъ и заховуемъ вечними часи; маютъ они сами, жони, дети и потомки ихъ пременення добра Пероцкіе зо всѣми кгрунти и землями поменеными, з бори, леси, з дубровами и ихъ пожитками, з

борти, з пасеками, з сеножатми, з реками, речками, з озерами, з островами, з бобровими гони, рибними, звериними и пташними лови и зо всѣми и вшелякими доходами и на ихъ настояти (?) меновании̇мъ и неменованнимъ, яко се оная маетность сама въ себе и въ своихъ границахъ и обиходехъ здавна и теперъ въ держанню ихъ маетъ, держати и уживати вечними часы вшелякіе пожитки на себе на сихъ кгрунтахъ, осѣлю при бытности и розможности, служачи намъ, на насъ и речи посполитой, службу свою господарскую земскую военную при томъ замку нашомъ Любецкомъ, по тому, іако и іншіе земляне служатъ, а іншихъ нѣкоторыхъ повинностей и работъ до замку нашого Любецкого, яко передъ тѣмъ, такъ и теперь и потомъ, полнити не повинни. А мы словомъ нашимъ господарскимъ за насъ и потомковъ нашихъ, королей ихъ мл-тей полскихъ и великихъ князей литовскихъ, шлюбуемъ и іхъ самихъ, жонъ, дети, потомки ихъ и щадки ихъ ведлугъ права в спокойномъ держанню и уживанню пререченнихъ добръ Пероцкихъ зо всѣмъ на все, яко се в собе маютъ, яко то здавна и на сей часъ держат, зоставуемо и заховиваемо вѣчно и непорушно симъ же листомъ нашимъ, которій, про лѣпшую твердость и сведоме, рукою нашею подписавши, печать коронную до ней привѣсить есмо росказали. Писанъ въ Кракове, року отъ нароженя сына Божого 1595, мѣсяца августа 1 дня, а панованя королевствъ нашихъ полскаго осмого, а шведского второго. У того привилегія печать коронная меншая канцеляріи привешена, а подпись рукъ его королевской милости и писарское тими слови: Sigismundus Rex,—Zachariàs Zellomski, S. K.—Который то привилей, за подписанним вижъреченной особи а за принятемъ суду нынѣшняго, слово в слово до книгъ есть вписанъ, съ которихъ и сей вишисъ подъ печатю земскою воеводства Браславскаго есть виданъ. Писанъ въ Люблинѣ,

Na ktorych bitną unizonę prozbe my. krol. miloscivie skloniwszysię, extrakt ten y przywiley wzwysz mianowany, od swietey pamięci przodkow naszych pozwolony y nadany, we wszystkich iego punktach . . . . . y artikułach approbowac y potwierdzic

umyslilismy, jakoz tym ninieyszim listem naszym approbuiemy y potwerdzamy czasy wiecznymi, ile prawu pospolitemu nie jest przeciwny, zachowuiąc przy tym wcale prawo nasze krolewske, koscioła katholickiego, Rzeczy pospolitey, nadto chąc miec, aby to prawo, od nas potwierdzone, w wieczney y nie odmięney calosci zachowane y obserwowane było. I natosmy dali ten nasz list, przywillej, z podpisem ręky naszey y peczęcie koronną. Dan w Warszawie, die XX miesiąca sierpna MDCXXXIV, panowannia krolewstw naszych polskiego II°, a szwedskiego III° roku.—Wladislaw—Rex. Ioannes Benderman.—Anno 1636 Malko Rzepczycz, Kudyn Rzepczycz, inszych braci swoich imieniem, per oblata podali przywilieu.—Ian Młotkowski, namiesnik Kiowski.—Konstant Wehowsky.

(Р. О., с. Голубичи, Роиской сотни).

IV.

Охранная грамота пол. короля Владислава IV дворянину Борису Грязному, приговоренному Люблинскимъ трибуналомъ къ инфаміи за незаконный арестъ дв. Константина Песковича въ Кіевѣ, въ силу которой приведеніе трибунальскаго приговора въ исполненіе надъ Б. Грязнымъ отсрочивается на полгода,—15 февраля 1640 года.

Władisław IV, z łaski Bożey Krol Polski, wielkie Xsiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Żmodskie, Inflanskie, Smolenskie, Czernihowskie y Szwedski, Gotski, Wandalski, dziedziczny krol, — oznaimuiemy tym listem naszym wszem wobiec y kazdemu z osobna, komu to wiedziec nalezy, iz nam iestprzelo zono imienem vrodzonego Borysa Graznego, lowczego Nowogrodskiego-siewierskiego, ze na mnie otrzymana iest in constituciam infamia w sądzie glownym tribunalskim Lubelskim z instanciey instigatora sądu y delatora szlachetnego Konstantina Peskowicza, iakoby pomieniony vrodzone Grazny w sprawach na tribunal iadącego w Kiiowie gwaltownie wziąc kazal y do

grodu Kiiowskiego zawiodl y do więzienia wsadzil, jako o tym pozew szerzey w sobie opisuie. Przychylaąc sie tedy do prawa pospolitego y na prozbe za pomienionym obwienionym wniescioną do nas, umyslilismy mu gleyt z cancellariey naszey wydac roskazac, jakosz tym listem naszym do wyscia szesci miesiący, od daty terazniejszey rachuiąc, daiemy. Za ktorym bespiecznie w koronie y panstwach naszych mieszkac j prav swoich bronic, do sądow wszelakich stawać, acty sondeczny odprawowac y o ten proces, na sobie nie slusznie otrzymany, prawem czynic będzie mogl. Tak jednak, zeby sie skromnie zachowal y do tumultow okazjiey nie dawal, lecz infamią pomienioną z siebie znosil. Co do wiadomosci wszystkich, a mianowicie starostow sądowych y ich vrzednikow rozkazuemy, aby ten list gleitu naszego do xiąg swoich wpisali y woznemu pubblikowac roskazali y pszy niem vrodzonego Graznego cale zachowali y innich zachowywacz kazali dlia lasky naszey y pod winami na gwaltowniki gleytow naszych w prawie opisanymi. Na co dlia lepszey wiary pieczęc koronną przylozyc rozkazalismy. Dan w Wilnie dnia XV m-ca lutego roku Panskiego MDCXL, panowania naszego polskiego y szwiedzkiego XII. Alex. Trzebienskj, vicecanc. reg. mj. Za przelozeniem wielebnego jego msci Alexandra Trzebienskiego, biskupa Pszemyslskiego, opata Iendrzeiowskiego, administratora, podkanlycrzego koronnego, Stanisław Jurowski.

(P. O., т. 2, къ с. Сулимевкѣ, о. 56).

V.

Грамота пол. короля Владислава IV, подтверждающая дворянамъ Даничамъ и Масловичамъ право владѣнія Шуковщинской землей подъ условіемъ отбыванія военной конной повинности,—22 ноября 1642 года.

Милостію Божиею корол полскій, князъ литовскій, рускій, прускій, мазовецкій, жмудскій, инфляндскій, смоленскій

чернѣговскій, а шведскій, готскій, вандалскій, наслѣдній король.—ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всемъ обще и каждому з особна, кому о томъ вѣдати надлежитъ: просили насъ земляне наши Любецкіе, шляхтичи Данило и Яцко сыны Самойла Даничова, Тимохъ и Омельянъ, шляхетного здавна . . . . . (?) Масловича сыны и зять, отчины де ихъ на землѣ, Шуковщизною прозиваемой, въ уездѣ Любецкомъ, а в воеводствѣ Киевскомъ лежачой, которая земля по сие время в спокойномъ онихъ находилась владеніи и з оиой такъ они, яко и наследники ихъ, отбувать намъ и обществу (sic) служби земскую, конную и военную повинны, на что и величество наше королевское крепости имъ видали. Толкожъ, понеже оние крепости ихъ в замку нашемъ Любецкомъ погорѣлы, того ради ми, Владиславъ король, на прошеніе ихъ милостиво склонившись, крепосты помянутимъ Масловичамъ и Даничамъ на землю ихъ Шуковщизну с пожитками до ней спрежде надлежащими, по милости нашей поновивши, онихъ при той землѣ Щуковщизнѣ с потомками ихъ осъта-новляемъ и на вѣкы оную имъ отдаемъ землю со всѣми до ней здревле принадлежащимы пожиткамы, полями, сѣножатми, землямы, пашнямы, лѣсамы, борамы, пасѣкамы, деревомъ бортнымъ, рѣчкамы, озерамы, гонамы бобровнимы, ловлямы, звѣринимы и рибнимы и птичнимы, з ставы, млинамы и со всеми къ нимъ пожиткамы, которые на том же грунтѣ з разсмотренія лѣснаго (?) нѣ находзинисябъ, держать и употреблять, а за оные з наслѣдникамы нетъ своимы службу земскую, конную и военную отбувать вѣчними часы должны, права наши королевскіе, речы посполитой и церквы кафолической въ целости соблювшы, на что для лѣпшей вѣри, руку нашу подписавшы, печать королевскую приложити ми повелѣли. Данъ въ Аршавѣ, дня 22 м-ца ноября года 1642, владѣнія королевствъ нашихъ полского девять, а шведского 10 годовъ.—Владиславъ рексъ.—Толмачъ Петрусь Белецкій.

(Р. О.. Любецкая сотня, т. 6-ой, прилож. къ описи д. Кисыле)

VI.

Грамота пол. короля Владислава IV, разрѣшающая Любецкимъ боярамъ Емельяну и Петру Решинскимъ и Федору Пузику передать свое потерянное право на владѣніе Лиственнымъ грунтомъ своимъ роднымъ и двоюродным братьямъ подъ условіемъ исполненія служебной военно-конной повинности,—30 сентября 1645 года.

Владиславъ великій(sic), Божиюю милостію корол полскій, великій князь литовскій, рускій, прускій, мазовецкій, жмудскій, инфляндскій, смоленскій, а шведскій, готскій, вандальскій, дѣдичный король,- обявляемъ симъ листомъ нашимъ всѣмъ вообще и каждому особливе, кому то вѣдать належитъ. Били намъ челомъ бояре или земляне наши Любецкіе, Омелиянъ, Петръ и синовя ихъ Решинскіи, Пушкаръ и Федоръ Пузикъ, даби ми имъ силу и позволенне з власти нашей королевской дали, что могли права своего пожизненого, которое себѣ от святия памяти пана отца нашого на извѣстніи добра в трактѣ Любецкомъ лежащіи, то есть на грунтъ албо островъ Лиственскій, такъ якъ в себѣ здавна есть ограниченій, имѣютъ наданніи, какъ в себѣ привилегій органалній пространѣйше значит, уступит и тожъ на братовъ своихъ роднихъ и двоюродних Ивана, Гаврила, Лукяна, Матвѣя и Федора, влить. Ми для того имѣя милостивое презрѣние и респектъ на служби помянутихъ Решинскихъ, яки они до замку нашего Любецкого цѣлоусердно выполняли, и на тожъ ми на такое уступленіе права доживотного соизволитъ умислили какъ и соизволяемъ симъ листомъ нашимъ, респектомъ которого вливку права и позволенія нашего предреченіи Иванъ, Гавріилъ, Лукянъ, Федоръ и протчие братия помянутіи островъ Лиственскій и зъ его грунтами и иними всякими ихъ принадлежностими, такъ якъ сутъ въ себѣ ограниченіи, и они, предреченіи Пушкари, владѣли и ими користовались з землями, пашами, борами, лѣсами, сѣножатми, пасѣками, рѣками, озерами, гонами бобровими, ловами звѣриними и рибними, ставами, млинами, поданними з ихъ работами, данью медовою и всѣми иншими пожитками владѣть спокоіно и користо-

вятся аж до живота своего будутъ вѣчними часи, и на предъ за найяснѣйшихъ наслѣдниковъ нашихъ, чтобъ ихъ от вишъ помянутихъ добръ владѣнія не отдалять и инному не позволятъ, но цѣлоправо имъ дожизненное сохраняемъ, респектомъ которого грунту предреченіи земяне, яко предки ихъ, намъ и рѣчѣ посполитой при замку нашемъ Любецкомъ службу однимъ конемъ отдавать, а до иннихъ жаднихъ отдаванья послугъ не будутъ должни, права наши королевскіи, рѣчи посполитой и костела католѣцкого в цѣлости сохраняя. На что для лутшей вѣри рукою нашею подписавшись и печать корону притиснутъ приказали. Данъ в Варшавѣ, дня 30 м-ца сентября 1645 года, пановаиіи королевствъ нашихъ полского и шведского в 10-мъ року.—Владиславъ король.

(Р. О., т. VIII, Копія).

VII.

Грамота пол. короля Владислава IV, подтверждающая Стародубскимъ дворянамъ Михаилу, Осипу и Иліи Рубцамъ право владѣнія ихъ родовыми имѣніями,—безъ даты.

Владиславъ, з Божой ласки король полски, великий князъ литовский, руский, пруский, жмудский, мазовецкий, інелянский, смоленский, черниговский а шведский, готдский, вандалскій дѣдичний король,—ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, кому то ведать належитъ, іжъ заносили до нас чрезъ нѣкоторихъ пановъ радъ и врядниковъ наших дворових, при боку нашомъ на тотъ часъ будучихъ, прозбу шляхетние панове Михаило, Осипъ и Илія Рубци, люде народу московского, дабы ми при добрахъ ихъ отческихъ, которые они, яко власнихъ своихъ, употребляли, въ целости і ненарушимо содержали, і то имъ листомъ нашимъ утвердили. И ми, чинячи на инстанцию пановъ радъ и урядниковъ нашихъ, не менше же звичайного нашего над ними, яко чужоземцами, жалованния, милостиво нато соизволилы і симъ нинѣшнимъ листомъ

привилегіямъ нашимъ позволяемъ, даемъ и опредѣляемъ. Имея же предреченные панове, Михайло, Іосипъ и Ілія Рубци добра свои, в повѣтѣ Стародубовскомъ лежачіе, названные пустоши Бобки над речкою Студенцемъ, пустоши Ляхово, селище Полхово и Истобки, Бряхловъ над речкою Сновю, отчина Головская и Кубовская, Курозновъ и селище Раженичи над речкою Сновю, всякии части свои, котории были пред тѣмъ во владѣніи, за симъ нинѣшнимъ привилегиямъ нашимъ, которимъ первие ихъ права утверждаемъ, оние со всякими до нихъ принадлежитостями, то есть лесами, борами, пущами, деревами бортными, данню медовою, гонями бобровними, ловлями звериними, и рибними, реками, речками, съ озерами, с пустошами, которие здѣсъ в семъ привилегію нашомъ изображени, имети хочем в листу і ограниченю комисарскомъ*) достаточно виписанними и зъ иними пожитками, здавна надлежащими, обнявши сами зъ женами, дѣтми и потомками своими мужеска полу, пока силы ихъ стават будетъ, правомъ леннимъ вечистимъ под волностию шляхецкою спокойне, кромѣ всякой ни от кого перешкоди, держать, употреблять и пожитковъ всякихъ с того всего приходячихъ приумножать себѣ волни будутъ, не будучи повинни намъ съ того и до скарбу нашего. яко то і старостѣ тамошнему такъ теперешнему, яко и послѣ будучимъ, жадного щоту чинить, дани давать и по волности исполнять, чинячи задосит кондициямъ, охраненню замковъ сѣверскихъ, въ конституции сеймовой прописаннимъ, на что для лучшой вѣри рукою нашею подписавшися, печать великого княжства Литовского приложитъ повелели. Данъ въ Варшавѣ, дня... м-ца ноября году Господня... государствованія нашего полского..., а шведского... Владиславъ королъ.—Мартинъ Тризна, референдар і писаръ княжества литовского.

(Изъ рук. Н. А. Константиновича).

*) Ср. въ обозрѣніи Р. О. А. М. Лазаревскаго этотъ актъ. стр. 645—680.

ПСАЛЬМА о ДОРОШЕНКѢ.

Печатаемая ниже „псальма“ извлечена нами изъ рукописи Московскаго Румянцевскаго Музея, собранія Ундольскаго, № 1098. Это—одинъ изъ многочисленныхъ великорусскихъ списковъ Синопсиса, принадлежавшій (какъ видно изъ надписи на переплетѣ) извѣстному А. Т. Болотову и изготовленный въ половинѣ XVIII вѣка. Псальма написана послѣ Синопсиса, позднимъ полууставомъ, безъ раздѣленія на стихи.

Не смотря на многочисленныя искаженія, это произведеніе, несомнѣнно современное событіямъ, о которыхъ въ немъ говорится (т. е. до 1675 г.), показалось намъ достойнымъ печати, и мы рѣшаемся предложить его съ раздѣленіемъ на стихи и съ посильными исправленіями.

Псальма.

Кто тылко схощетъ обачить,
Протерши очи, розбачитъ,
Что перво ся сталось [1],
Вѣку [2] нашему мало.
За Дорошенка гетмана
Пуста Украина стала.
Все въ его бунты
Пришло всѣмъ до згунту (?),

1) Читай: стало.
2) Чит.: в вѣку.

Церкви Божіи опустѣли,
Обители разорились[3],
Осквернена земля
Предъ[4] турецкое племя.
Подоліе плача—рыдая[5],
Украина стогня- вздыхая[6],
Чадъ своихъ заколенныхъ
И въ неволю отведенныхъ,
И всѣхъ вмѣсте згондованныхъ (?),
Предс[4] погань сплюндрованныхъ.
Каме(не)цъ, градъ славный,
Богомъ фундовандый (sic!),
Хвала Богу въ немъ устала,
Окраса церкви упала,
Стала жертву тому
Махометови злому.
А родъ турецкій проклятый
Веселіемъ внезняты (?).
Христіане ся придутъ (?)
Бусорманы зъ нихъ чинятъ.
Поголовщину учиняютъ,
Дорошенко не внимаютъ.
Въ Московскомъ повѣте
Многобранныя (?) дѣти
Самихъ уманскихъ отъ поганыхъ (?)...
Головы имъ лупіли,
Цысаревы вывозили,
Дорошенко не внимали.
А онъ самъ, Дорошенко, слезы изъ очей выпущаетъ,
Видитъ племя свое порабощенное, еще пораду
давaетъ;
Далѣ къ Непру вытягаетъ войско турецкое,

3) Чит.: ся разорили.
4) Чит.: презъ.
5) Чит.: плаче-рыдае.
6) Чит.: стогне-вздыхае.

Такъ и татарское,
Бы внанацьки ударили
На всѣ московскіе силы:
„Весь табаръ возмѣте
И въ полонъ поженѣте!“
Людъ правдивый хр(ис)танскій
Бачитъ наметъ бусорманскій.
На Бога[7] возложили,
За Днепръ уступили.
Царь турецкій то почювши,
Коло назадъ повернувши,
На зиму вставаютъ[8],
Людъ свой роспущаетъ.
Въ замыслѣхъ тое положили,
Якъ бы Кіевъ разорили.
Чрезъ зиму людъ строили
Грамоты[9] вывозили.
Въ похвалкахъ своихъ ватуютъ (?),
Церкви Божіи воюютъ,
Грунтовъ ихъ разорити,
Самъ мечети чинити;
И тѣмъ Московское царство
Хочетъ имѣти въ подданствѣ[10],
Украины остатокъ
Брати дѣтей и матокъ.

О Христе Боже правдивый
И судія справедливый,
Не даждь бусурманомъ
И Петрушкѣ гетману
Въ замыслѣхъ (?) дѣла чинити!

---

7) Пропущено: надѣю?
8) Чит.: вставаетъ.
9) Чит.: гарматы.
10) Чит.: подданство?

Рачь имъ тое имѣти,
Абы[11] пристала
И прутко упала!
А московскому цареви
Даждь силу государеви
Покорили[13] бусормана
И Петрушку гетмана!
Рачь Украина правити,
Бы вне[14] расійскія дѣти
Церкви буйдовали[15],
Монастыри обновляли
Бысмы[16] тебя похваляли
И тебѣ ся покланяли,
Въ пѣснехъ спеваючи,
Слезы проливаючи.
Тебѣ бо хвалятъ аггели,
Начала, власти и силы,
Шестокрилати и многоочити.
Мы ся тебѣ покланяемъ,
Имя твое спрославяемъ.
Рачь насъ хозовати (?),
Вѣчный покой дати!

Сообщилъ *А. Соболевскій.*

11) Пропущ. слово.
12) Чит.: прудко.
13) Чит.: покорити.
14) Чит.: въ ней?
15) Чит.: будовали.
16) Чит.: бысмо?

КЪ ИСТОРІИ ФИНАНСОВЪ и ФИНАНСОВАГО УПРАВЛЕНІЯ въ МАЛОРОССІИ XVII и XVIII в.

Исторія финансовъ и организаціи финансоваго управленія въ Малороссіи XVII и XVIII вв., какъ извѣстно, представляетъ собою terram incognitam въ полномъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Въ исторической литературѣ не только не существуетъ сколько нибудь подробнаго изслѣдованія по этой исторіи, но даже не собранъ въ достаточномъ количествѣ матеріалъ для такого изслѣдованія. Лишь сравнительно незначительная часть его,—и то преимущественно относящаяся къ XVII в.,—издана; огромная масса его хранится и въ оффиціальныхъ, и въ частныхъ архивахъ, ожидая изслѣдователя и издателя. Въ виду того громаднаго значенія, какое имѣетъ финансовое дѣло для изученія судебъ и развитія народной жизни, намъ показалось небезполезнымъ опубликовать нелишенный значенія и интереса документъ, находящійся въ нашемъ архивѣ, и это съ цѣлью какъ пополнить имѣющіеся уже въ распоряженіи историковъ матеріалы, такъ въ надеждѣ побудить тѣхъ, у кого хранятся документы по финансамъ и финансовому управленію Малороссіи двухъ послѣднихъ вѣковъ, къ изданію ихъ.

На первый разъ сообщаемъ универсалъ гетмана Мазепы, устанавливающій вновь въ Малороссіи аренды табачную и водочную, какъ средство пополненія денежной казны. Свобода винокуренія сохранена всецѣло, воспрещается лишь держаніе шинковъ и продажа въ раздробь водки. Minimum количества водки, продаваемой оптомъ, установленъ въ размѣрѣ ста квартъ. Универсалъ особенно интересенъ въ той его части, гдѣ излагается исторія введенія аренды. Онъ проливаетъ немалый свѣтъ на тотъ порядокъ обсужденія и утвержденія разныхъ финансовыхъ проектовъ, который существовалъ въ тогдашней Малороссіи, т. е. на „съѣзды".

Универсалъ гетмана Ивана Мазепы о введеніи табачной и водочной аренды,—8 мая 1690 года.

Пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшыхъ великихъ Г-д-реи, ихъ Ц-р-кого Пр-тлого в-л-ч-тва войска Запорозкого Гетманъ Iwan Мазепа.

Вамъ, сотниковѣ Борзенскому, Атамановѣ городовому, Атаманамъ сѣлскимъ и всему тоей сотнѣ товариству, такъ же войтовѣ, бурмистромъ, мещаномъ и войтомъ сѣлскимъ и всѣмъ посполитимъ людемъ, доброго отъ Г-да Б-га уничивщи здоровя, ознаймуемъ. Вѣдомо вамъ всѣмъ тое же мы по преможномъ монаршомъ ихъ ц-р-кого пр-тлого величества указу прошлое осеню до всѣхъ старшихъ и меншыхъ войсковихъ и посполитихъ людей писали во всѣ полки и городи, здаючи на вашу увагу и разсудокъ, якимъ бы способомъ лучше и легче грошы до скарбу войскового на уставичніе войсковіе потребы и на заплату охотницкому войску збирати: чы з поборовъ роковыхъ? чы з подачокъ шынковыхъ? чы обновити на тое аренду? Гдѣ всѣ, зо всѣхъ полковъ и городовъ, старшіе и меншіе, одномислне до насъ отписали, жебы

не было поборовъ и от шинковъ подачокъ, а обновлена была аренда, якую за рѣчи зносную собѣ всѣ почитали. Тые теды всѣ отъписки ваши мы зрозумѣвши, яко на прошломъ рожденственскомъ зездѣ всѣмъ тое обявлялисмо, и всѣ, старшіе и меншіе, тую ухвалу приговоромъ своимъ утвердили и писмомъ за своими руками закрѣпили. Такъ мы дали о томъ знати великимъ Г-д-ремъ нашимъ ихъ ц-р-скому пр-тлому величеству чрезъ п-на Михайла Вуяхевича, судю войскового енералного. А такъ теперъ Вамъ ознаймуемъ, же пр-тліе монархи н-ши, ихъ ц-р-кое пр-тлое величество, чрезъ того жъ судю прислали до насъ указъ свой, жебы аренда была для збору у войсковій скарбецъ грошій обновлена, а побори роковіе и подачи отъ шинковъ отставлени. Прето на н-нѣщ-воскресенскомъ зездѣ, приводячи тое до скутку, яко з початку говорено, такъ и теперъ потвержено общымъ приговоромъ, абы нѣгде поединковые аренъдарѣ не держали аренды, але щобъ якъ в городахъ, такъ и селахъ на мирѣ для добра посполитого ишли аренды горѣлчаніе и тютюнніе, и з нихъ отдавши до скарбу войскового рату, зиски збирати на общую потребу, якъ козацкую, такъ и громадзкую. З якого зиску часу потребы, нужное можно будетъ за нашымъ вѣдомомъ на войсковую оказію порохомъ и свинцомъ товаришамъ убогимъ учинить вспоможенне. О томъ теды Г-д-р-комъ указѣ и о нашомъ зъ старшиною и всего войска запорозкого постановленю, вамъ всѣмъ, обывателемъ сотнѣ Борзенской, черезъ сей унѣверсалъ извѣщаючи, здаемъ на васъ, сотника и атамана з товариствомъ и на войта з посполитствомъ, абысте в городѣ своемъ и во всѣхъ селахъ своихъ аренду горѣлчаную и тютюнную завели отъ праздника вознесенія г-дня, а поединковіе всѣ шинки горѣлчаніе запинивши, того досмотрѣли, жебы яко рата до скарбу войскового, такъ и зыски на потребы ващы были збираны. А маете позволити и в селахъ уезду своего миромъ откупити и держати помененніе шинки горѣлчаніе, а суму до скарбу войскового дванадцать сотъ золотихъ тутъ, въ Батуринъ, о дню запустъ с-тыхъ верховныхъ Апостолъ Петра и Павла, привозити. А яко медъ,

пиво, брагу каждому шинковати мает быти волно, и дегет не есть въ арендѣ, такъ на родини, христини, весіля и на поминки волно каждому, якъ козаковѣ, такъ и посполитому человѣковѣ, любъ зробити в дому горѣлки, любъ где на сторонѣ дешевшою цѣною гуртомъ купити оное. Такъ же, хто курить горѣлку, того не забороняемъ, тылко абы якъ явъ, такъ и потай квартою не щинковано ку перешкодѣ арендовному заводу, але щобъ гуртомъ, наробывши, продавано. А хтобъ мѣвъ на раздробъ над сто кварть меншей продавати горѣлку, той маетъ утраченю тоежъ горѣлки и худобы своей подлежати безъ жадной фолкги. В чомъ всемъ абы указовѣ монаршому и нашому постановленю войсковому досить чинилося, и жебы о томъ нехто не былъ жаднымъ способомъ перепоною, а сума, конечне вся, о назначенному термѣнѣ жебы тутъ в Батуринъ была припровожена, о тое пилно и повторе приказуемъ. Данъ в Батуринѣ, мая 8 дня, року от созданія мира 7198, а от рождества Х-ва 1690.

Звышъ менованный Гетманъ рукою власною.

Сообщилъ *И. Лучицкій.*

Записка митрополита Лаодикійскаго Парѳенія о невольникахъ.

Появленіе въ предѣлахъ Великой и Малой Россіи греческихъ духовныхъ лицъ, часто высокихъ іерархическихъ степеней, въ XVII вѣкѣ, не представляетъ ничего особеннаго и исключительнаго. Греческіе монахи, архимандриты, епископы и патріархи то и дѣло появляются въ теченіе XVI—XVII вв. за милостыней, получаютъ болѣе или менѣе богатые дары и возвращаются обратно во-свояси, иногда же остаются въ Москвѣ, получая то или иное назначеніе. Не прекратились такія поѣздки въ Россію и позже, уже въ царствованіе Петра В.; напротивъ даже, ясно выраженныя завоевательныя стремленія императора подали мысль о скоромъ освобожденіи православнаго Востока отъ турецкаго ига, въ чемъ выражаетъ увѣренность и митрополитъ Лаодикійскій Парѳеній, челобитную котораго мы приводимъ ниже, какъ небезынтересный историческій матеріалъ.

Въ собраніи рукописей Погодина, in 4°, подъ № 1745, имѣется любопытный сборничекъ трудовъ этого м. Парѳенія. Сборничекъ чрезвычайно ветхъ, начинается обрывкомъ пер-

ваго листа челобитной, которая ниже повторяется сполна. Засимъ стѣдуетъ переводная статья, содержащая предсказаніе о паденіи владычества турокъ [1]) чрезъ помощь, оказанную грекамъ русскими: „Русскій же родъ купно съ практоры всего Ісмаила побѣдятъ, седмохолміе возьмутъ со окрестными, тогда брань возставятъ свирѣпу даже до пятаго часа“... Собственно переводъ сдѣланъ, какъ значится на л. 2 об., Гавріиломъ митрополитомъ Назарета Галилейскаго, бывшимъ въ Москвѣ въ ҂ѕрпѳ (1651)году. Пароенію, повидимому, принадлежатъ стихи къ патр. Геннадію и „Стихи на побѣду злочестиваго Мустафы, султана Турскаго“, начинающіеся такъ:

Петре ты царю избранный
Отъ Христа Бога посланный.
Пріялъ еси ты крестъ въ руки
Имъ же гонишь враги турки...

Авторъ не жалѣетъ укоризненныхъ выраженій по адресу султана:

„Ты же враже нашъ и льстивый
Діаволъ тя научивый
Мустафа еси обманецъ
И злодѣй ты избранецъ...

Далѣе предсказывается побѣда Петру, описываются гоненія на христіанъ. „Сіи стихи сложены смиреннымъ Пароеніемъ митрополитомъ Лаодикійскимъ въ лѣто отъ Христа ҂ѧхѵн-е (1698) априлія въ ѳ҃і дне“. Вѣроятно переводъ этихъ стиховъ также принадлежитъ митрополиту Гавріилу. Встрѣчаются полонизмы:

Бога бо мы упрошаемъ
Единогласно *волаемъ*.

[1]) «Переводъ съ греческаго языка на словенскій, предлагаю азъ Богомолецъ вашъ смиренный Пароеній митр. Лаодикійскій, который издавна претолковася схоларіемъ патріархомъ константинопольскимъ Геннадіемъ, для подлиннаго познанія всякому любопытливу православному христіанину, како и когда побѣдится злочестивый султанъ Турскій —надпись надъ гробомъ Ц. Константина.

Размѣръ—восьми сложный стихъ, обычный въ религіозныхъ пѣсняхъ польскихъ XVI—XVII вв.

Послѣдняя статья сборничка - челобитная, вѣрнѣе докладная записка, митр. Парѳенія, которую мы ниже предлагаемъ вниманію читателя. Въ ней Парѳеній останавливается на своихъ заслугахъ, заключавшихся главнымъ образомъ въ томъ, что съ его помощію освободилось изъ плѣна много русскихъ, въ особенности украинцевъ. Кромѣ того, онъ устроилъ для невольниковъ-русскихъ церковь съ служеніемъ на русскомъ языкѣ и помогъ посланнику царя выпутаться изъ бѣды. Цѣль Парѳенія, сколько можно видѣть изъ записки и другихъ статей сборничка, была побудить Петра къ войнѣ съ турками.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексіевичу всеа великіа и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу Іисуса Христа послѣдній рабъ твой же Богомолецъ смиренный митрополитъ Лаодикійскій Парѳéній рабскій(sic) повѣствуетъ, како и гдѣ, препровождая жизнь свою свобождалъ невольниковъ изъ невольнаго мученія агарянскаго. Егда быхъ чернымъ священникомъ, ходя въ странахъ своихъ случалося мнѣ нанявъ коня или осля, егда имѣлъ отчасти имѣнія, ѣздилъ а наипаче, какъ лишилося и пѣшъ хаживалъ тайнымъ образомъ ради невольническихъ душъ, которые пребываютъ у турановъ въ немилостивыхъ рукахъ ихъ агарянскихъ по дальнымъ селамъ и деревнямъ, которые жаждутъ слышати слово божіе русскимъ языкомъ, но съ великою нуждою за нечестивыми агаряны. Зане аще познаютъ кого отъ священнаго чина, то мечемъ или огнемъ они злочестивіи скончаютъ; но отъ того всесильный Богъ милосердіемъ своимъ сохранилъ мя, не хотя смерти грѣшнаго, якоже и святый Евангелистъ Матѳей въ главѣ .і. глаголетъ: се азъ посылаю васъ яко овцы посредѣ волковъ: воистину сіе збысться реченное слово владыки Христа.

Въ прошломъ ѯѕ҃ѳ-мъ году присланъ былъ отъ сего царскаго самодержавнѣйшаго престола твоего посланникъ Никита Алексіевъ в Царьградъ къ Константинопольскому патріарху Кѵръ Діонѵсію, а съ нимъ былъ толмачь русскій человѣкъ Аврам, да изъ украины Іванъ Лисица. И какъ пришли къ святѣйшему патріарху, тогда случися видѣтися мнѣ съ Іваномъ Лисицею по прежнему нашему съ нимъ знакомству. И посланникъ Никита у Івана о мнѣ спрашивалъ, и познавъ онъ о мнѣ, управлялъ свое дѣло, за которымъ былъ присланъ: чтобъ взять грамоты отъ святѣйшаго патріарха о Кіевской митрополіи, чтобъ она присудна была сему твоему царскому престолу россійскому, и для церкви Іоанна Предтечи, о которой билъ челомъ вашему царскому пресвѣтлому величеству сѵнайскій архіепископъ Ананіа, и о томъ о всемъ елико можно было спомогалъ всегда: и къ патріарху и отъ патріарха провожали мы ево посланника: и грѣшный и нѣкоторый греченинъ Стефанъ Максимовъ. И по пріятію благословенія отъ святѣйшаго патріарха, провожали мы ево посланника до пречестнаго храма святыя Софіи и множество христіанъ тогда ходило съ великою радостію, для того, что многія желали ити, которыхъ для посланника въ храмъ пустили, потому что съ великою трудностію и платежемъ входятъ христіане, а тогда для ево пришествія сподобилися и они внити. Первое, что та церковь христіанская и отъ нихъ создася; второе, не даромъ ихъ пущаютъ: и ходя мы въ храмѣ томъ оглядающе всюду пречюдное того храма зданіе, прибѣжавъ единъ отъ злочестивыхъ, ударилъ меня по главѣ всею своею поганою силою, что и чинъ монашескій з грѣшныя главы моея спаде. Токмо не допустивъ твой великаго государя посланникъ монашескому чину на землю пасти, но своими онъ руками принялъ; и гнався я за нимъ по храму недостигъ ево злочестиваго. И посланникъ призвалъ меня к себѣ и говорилъ онъ имъ, что де вы враги не престаете ругательства православнымъ христіаномъ чинити? не токмо де за очи и пред очима нашима совершаете. Потомъ и мене утѣшалъ глаголя: отче святый, не скорби, сіе удареніе пріі-

ими Христа ради: какъ и Спаситель нашъ по ланитѣ Своей заушеніе прія нашего ради спасенія. А имъ врагомъ отмститъ Богъ. И тѣми словесы скорбь моя на радость преложися. И тако по исполненію видѣнія святаго храма пошли мы до подворья, и потомъ государь приведены были к нему, посланнику, на дворъ невольники отъ султана турскаго Моамета, а везирь у него тогда былъ Сулейманъ-паша, межъ которыми невольники и иныхъ многихъ провожалъ я до твоего царскаго посланника, ходя по селамъ и деревнямъ. выручалъ я изъ неволи души православныхъ христіанъ, мужи и жены с малыми ихъ дѣтьми от злаго ихъ мученія. И тако божіимъ изволомъ и твоимъ великаго Государя милосердымъ попеченіемъ множество тогда христіанъ свободилося изъ невольнаго мученія турскаго. Тогда весь христіанскій народъ греческій и русскій велія радости исполнени быша, видяще таковое твое великаго Государя милосердое призрѣніе. Тогда и я грѣшный богомолецъ твой, не щадя ногъ своихъ и не срамля лица своего отъ поганыхъ, вседушно радѣлъ, какъ и божественное писаніе повелѣваетъ намъ, ни огня боятися ни иныхъ какихъ мукъ турскихъ по словесе Христову: не пецытеся како или что возглаголете, не вы бо будете глаголющіи, но духъ святый глаголяй въ васъ. И тако они свобождены и совокуплены были с тѣми же невольники, которые с катаргъ посланнику отданы. И потомъ твой великаго государя посланникъ со всѣмъ избавленнымъ народомъ поѣхалъ во-свояси на дву корабляхъ, и я богомолецъ твой съ ними же, и переѣхавъ Черное море, приплыли мы къ Днепру рѣкѣ, ко Ачакову и тамо задержанъ былъ посланникъ со всѣмъ народомъ тѣмъ невѣдомо для чего не безъ многа три мѣсяца. Тогда сталъ онъ мнѣ говорить „Пожалуй де отче святый, потрудися, якоже Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ самъ себѣ не пощадѣ и на крестѣ пригвожденъ былъ нашего ради спасенія, тѣми словесы напоминаемъ и мы тебѣ. Бога ради и благочестивѣйшихъ царей нашихъ россійскихъ и для того, что ты многія лѣта прежилъ въ малороссійской странѣ, под высокодержавнѣйшею и крѣпкою рукою ихъ царскаго пре-

свѣтлаго величества; видя мы твою ирироловую любовь христіанскую къ намъ, какъ и изначала, покажи и до конца; послужи великимъ государемъ нашимъ, пойди къ нимъ злочестивымъ и уразумѣй, кое оныхъ намѣреніе есть и подлинную вѣдомость намъ учини, что они мыслятъ, и чесо ради насъ задерживаютъ; со умиленіемъ тя проснмъ". Тогда сердце мое сокрушено бысть и очи мои слезъ наполнишася; скоро по словеси его помянухъ выше реченная словеса Господня. Не щади души своея за единовѣріе пошелъ я къ нимъ злочестивымъ, яко межъ распутными волками, похищающими словесныя овцы стада Христова, и ходя межъ ими позналъ я ихъ поганыя вымыслы и совѣтъ, что для чего они задерживали. И они, враги, многія ложныя причины находили. И пришедъ, подлинную вѣдомость сказалъ я ему посланнику и утверждалъ я ево чтобъ мужественно стоялъ за себя и за народъ той, не боялися бы поганыхъ ихъ грозъ и похвалъ. А вина Государь была сея, что они видѣли погаными своими гла[зами] толикое множество христіанскаго народа свобождены из неволи; посланника хотѣли было разорить, а народъ бы той паки въ неволю побрать. Но Божіею государь помощію совѣтъ ихъ злочестивыхъ разорися, по псалмопѣвцу, глаголющу: яко вѣсть Господь путь праведныхъ и путь нечестивыхъ погибнетъ. Толико я грѣшный помогъ, что и душы своея не пошадилъ положити за единовѣрныя своя; аще бы милостивый Богъ не изволилъ мене, созданіе свое сохранити, не могъ бы я от поганыхъ ихъ убѣжати. И тако прощеніе с нимъ посланникомъ получивъ насилу ушелъ отъ поганыхъ. А хотѣлъ было тогда еще к Москвѣ ѣхать, да тѣхъ безбожныхъ убоялся. И тако возвратихся, и пришедъ къ пристанѣ Днепра, нанялъ я лотку с нѣкоторымъ греченином. Прицлыли мы въ Бѣлъ-градъ. По малѣ же времени по приказу бея начальника Очаковскаго (емуже имя Мустафа, а родомъ крымской татаринъ, ближный зѣло хану), генечары с мещанами кинулися, яко пси искати мя повсюду конныя и пѣшыя по шатрамъ посланниковымъ, съ великимъ крикомъ спрашивали: „гдѣ есть той врагъ нашъ попъ и разоритель совѣта

нашего? выдайте ево намъ". И посланникъ отвѣщалъ: „мы де не знаемъ такова человѣка для того, что много де народу съ нами есть, и потому не мо[жемъ] знати либо кто и съ нами былъ". И тако [не]честивыхъ враговъ они отгнавъ отъ себ[е о]сталися тамо. А меня на силу Господь [Богъ от] тѣхъ злочестивыхъ унесъ. И сіе изъявляя пишу все истинно есть, и мнози отъ тѣхъ людей бывшихъ тамо обрѣтаются здѣ въ царствующемъ твоемъ великомъ градѣ Москвѣ и на Украинѣ. По апостолу не лгу глаголя Богъ и Отецъ Господа нашего и Іисуса Христа вѣсть, сый благословенъ во вѣки, яко не лгу, и яже писахъ не чести ради или похвалы или для злата и серебра, но ради единовѣрія православія нашего. Да и о семъ вѣстно буди, что и до нынѣ в грецыи таковіи человѣцы обрѣтаются, что великіе добродѣтели невольникомъ творятъ.

И въ прошломъ ,ζρνϑ-мъ году Божіимъ Государь изволеніемъ и благословеніемъ [святѣ]йшаго Кур Калинника, Константинопольска[го па]тріарха и всего освященнаго собора избра[ша ?] въ великій санъ архіерейства, отъ кото[раго] имѣю и ставленную свидѣтельствован[ную грамот]у на Лаодикійскій престолъ, который нынѣ обрѣтается в великой и нестерпимой скорби отъ злочестивыхъ агарянъ. И не токмо престолъ той но и весь народъ греческаго православія, о которомъ и всѣмъ православнымъ христіаномъ извѣстно есть. И святѣйшій Константинопольскій патріархъ посвятилъ мя на порожной престолъ, да не до конца умалится православіе. По пріятію же архіерейства, по совѣту и благословенію святѣйшаго патріарха, Кизическій митрополитъ кур Кириллъ послалъ мя в свою епархію вмѣсто себя для благословенія к православнымъ и для управленія церкве божія. И на сіе имѣю от него двѣ свидѣтельство[ва]нныя граматы; а онъ митрополитъ остался у святѣйшаго патріарха для защищенія и всякія помощи церкве божія. И на том Кизическомъ престолѣ былъ я два года и оттуду пошелъ я в Лампсакъ градъ, который к той же Кизической епархіи присуденъ, для церковнаго же управленія, потому что церковь святаго Парѳенія,

Лампсакійскаго епископа, была на мечетъ превращена, отъ того времене какъ злочестивый султанъ Грецыю воевалъ, а христіане в нѣкоторомъ мѣстѣ близъ моря тайно божественную литургію совершаютъ с великимъ трудомъ и печалію. И паки в томъ же градѣ Кизику суть ѕї православныхъ церквей и едина церковь святыя мученицы Параскевы, в ней же не всегда служили святую литургію греческимъ языкомъ. И божіимъ Государь изволеніемъ пришелъ ко мнѣ нѣкоторый невольникъ, русскій человѣкъ: билъ челомъ чтобъ какъ ему можно свободитися изъ неволи. Азъ же усмотривъ ево благоразумна человѣка, тщаніе о немъ положихъ и благодатію Божіею из неволи свобожденъ бысть; и посвятилъ я ево во діаконы, потом и в пресвитеры у той выше писанной церкви по его достойному прошенію и обѣщался онъ тамо служить до скончанія вѣка своего: имя же священнику тому Григорій. А по смерти же онъ своей вмѣсто себя поставилъ русскаго же священника. И про совершеніе таковаго святаго дѣла услышавъ преосвященный Кизическій митрополитъ зѣло возрадовася и весь христіанскій града того народъ греческій и русскій, видяще слышатъ прославляемо имя Пресвятыя Троицы русскимъ языкомъ, а наипаче которыя в неволѣ и не разумѣютъ инаго языка кромѣ рускаго своего. А нынѣ Божіею помощію святыя исповѣди и пречестныя Таины Христовы пріемлютъ; и в неволѣ сущіи хотя многія бѣды и скорби отъ злочестивых и до нынѣ пріемлютъ. И оттуды возвратихся паки в Константинополь и по малѣ времени в другой годъ, в той же Кизической епархіи, в нѣкоемъ градѣ зовомомъ Панармо, были нѣкія два брата именуемыя единъ Хусеинъ ага, а другій Мустафа ага, злочестивыя, ученіемъ антихриста и отца ихъ діавола Моамета проклятаго, упрошены были от треклятыхъ армянъ, чтобъ отнять у насъ православныхъ святую церковь и отдать бы имъ еретикомъ, которая церковь стоитъ посреди града и дважды в году празднуется—Успенію Пресвятыя Богородицы и святѣй Параскевѣ, о которомъ вѣстно учинися и намъ в Константинополи. И преосвященный Кизическій митрополитъ послалъ мя паки в свою епархію

для помощи церкве Божія. И пріѣхавъ я въ той градъ Понарму, согласясь со всѣми града того православными жители, утверждая ихъ чтобъ неотступно стать за церковь послѣдующе Владыцѣ Христу, иже душу свою за овцы изволилъ положити и образъ даде намъ тако творити: подаде намъ помощь и одолѣніе на нихъ злочестивыхъ, и совѣтъ ихъ до конца разоренъ и искорененъ пребысть. А церковь святая нескверна и непоколебима соблюдеся, да не когда рекутъ языцы: гдѣ есть Богъ ихъ, Богъ же нашъ на небеси и на земли, вся елика восхотѣ и сотвори.

В прошломъ ,,scl-мъ году, тако Богу изволившу пріидохъ сѣмо в твое великаго Государя самодержавнѣйшее россійское царство о всемъ вашемъ царскомъ сугклитѣ и о всемъ твоемъ христолюбивомъ воинствѣ Бога молити. И подношу сіе малое повѣствованіе под ноги вашего царскаго пресвѣтлаго величества, извѣстно чиню, како в неволѣ сущіи омывающе всегда лица своя слезами и изъ глубины сердца своего воздыхаютъ, воздѣюще руки своя ко Господу Богу единодушно молятъ: чающе яко да Господь Богъ подвигнетъ сильную свою десницу и укрѣпитъ россійское твое православное царство. И не токмо, Государь, тѣ бѣдныя невольники, но и вся Грецыя православныхъ христіанъ ожидающе избавленія, непрестанно Господа Бога молятъ дабы покорилъ ихъ злочестивыхъ подъ ноги ногъ (?) самодержавнѣйшаго всероссійскаго престола твоего; а насъ бы бѣдныхъ христіанъ изъ неволи свободилъ, яко же древле израильскій родъ чрез Моусеа пророка изъ египетскаго мученія избавленъ бысть. Тако и мы вси православніи чрезъ тебе Великаго Государя Царя и великаго Князя Петра Алексіевича, великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца: да избавлени будемъ, о которомъ избавленіи присно во Троицѣ славимаго Бога молимъ, еже бытп. Аминь.

А имена невольникомъ при которыхъ все сіе бысть во Ачаковѣ суть сіи: Тимоѳей Григорьевъ Косма Онофріевъ, Потапъ Косминъ.

А изъ Украины: Петръ Перéхріста, Димитрій Мельникъ съ женою, Андрей Казакъ, Ѳедоръ с матерью своею родною и съ женою, и иныя многіе, которыхъ имена сказать не упомню.

Сообщилъ *В. Перетцъ.*

Для исторіи торговли пенькою Стародубья съ заграницею въ началѣ XVIII в.

Извѣстно, что Стародубье[1]) вело съ заграницею, во второй половинѣ XVII и въ XVIII в. в. обширную торговлю пенькою, составлявшею главный предметъ сельско-хозяйственной промышленности того края. Пенька эта шла, главнымъ образомъ, въ Англію, для чего направлялась сначала черезъ Архангельскъ, а позже, по указу Петра Великаго, черезъ Ригу. Къ сожалѣнію, подробностей объ этой торговлѣ въ печатной литературѣ до сихъ поръ почти не имѣется, а между тѣмъ этою пеньковою промышленностью жилъ цѣлый край. Потому приводимыя здѣсь три письма, заключающія въ себѣ нѣкоторыя подробности объ этой торговлѣ, имѣютъ свой интересъ, указывая, что, отвозя пеньку для продажи въ Архангельскъ, Стародубскіе купцы оттуда вывозили заграничныя сукна, вина и другіе товары. Такимъ образомъ, до указа Петра Великаго о перевозѣ товаровъ изъ Архангельска въ Ригу, первый служилъ главнымъ рынкомъ для сбыта Стародубьемъ своего сырья. Потомъ этимъ рынкомъ стала Рига и оставалась имъ до позднѣйшаго времени.

Печатаемыя письма касаются пеньковой торговли, которую велъ съ заграницей богатый Стародубскій мѣщанинъ, Демьянъ Григорьевичъ Скорупа [2]). Первое письмо писано

---

[1]) То есть, настоящіе сѣверные уѣзды Черниговской губерніи.

[2]) См. о немъ "Сулимовскій Архивъ" (Кіевъ. 1884).

сыномъ извѣстнаго Стародубскаго войта Спиридона Ширая къ какому-то Спиридону Демьяновичу, который былъ, повидимому, повѣреннымъ Скорупы. Второе письмо писано этимъ Скорупою тому же Спиридону Демьяновичу, а третье изъ Риги писано другимъ повѣреннымъ Демьяна Скорупы къ нему же, своему хозяину. Всѣ три письма печатаются съ подлинниковъ.

I. Письмо Спиридона Спиридоновича Ширая къ Спиридону Демьяновичу (Скорупѣ?) о продажѣ пеньки въ Архангельскѣ. 20 іюня 1706 г.

Мой ласкавий брате Спиридонъ Демьяновичъ. Зичу в. мти отъ Бога здоровя и во вшелякихъ тамошнихъ застаючихъ потѣхъ. При томъ прошу . . . . зрозумивши заторжку людцкую на пенку и слушною (sic) цену, попроше васъ, не медлячи продивитесь першимъ торгомъ по цени слушной, порадившися собою самодругъ, а иншихъ нашихъ фрактовъ (sic) не слухайте, тилко свой разумъ мейте. И потомъ прошу васъ о моей поруце, жебисте уси очистили наши поруки, не слухаючи ани жаднихъ прелестей людцкихъ. Ознаймую о твоимъ хозаине, же хотѣлъ самъ ехать до города Архангелского, тилкожъ я розъважилъ ему, то мусилъ послухат. О томъ барзо скорбитъ, же многъ далъ Павлу Подрезу грошей на харч и на извозъ. А о томъ не можънол у тим писми виразит, тилко самъ може... догодатися, бо маешъ пору и часъ слушный на въсе, тилко усе справуйся секъретне. А пиши и неподавайся кожодому (sic) у порозуменне. При томъ Господу Богу поручаю и зостаю вамъ зичливий братъ Спиридонъ Спиридоновичъ Шерай.

З Стародубова, іюня 20, ро. 1706.

Пане Спиридоне Демъяновичъ, проше собою у ласце и во приязни житъ; обусемъ одинъ одному поражайте по приятелску, жебисми с того тишилися.

На оборотѣ. Моему ласкавому брату Свиридону (sic) Демяновичу належить подать у города Архангелского до рукъ пилне.

Письмо было запечатано тремя сургучными печатями, около которыхъ приписка: „Огълядите печатей, жеби у целости за нашами печатми уцелали приналисте“ (?.)

2. Письмо Демьяна Григорьевича (Скорупы) къ (сыну?) Спиридону Демьяновичу, о продажѣ пеньки въ Архангельскѣ. 12 сентября 1707 г.

Приятелю моему Спиридону Демияновичу. Здоровя доброго зичу и дай Боже въ добромъ здоровя (sic) васъ оглядать въ дому. Дойшовъ до насъ листъ отъ города отъ васъ, же есте щасливе заплили, такъ розумѣю, же уже и поторговали. Тилко жъ якъ писалемъ у першомъ листѣ, такъ и теперъ пишу, ежели продавъ пенку, то грошей жадною мѣрою приказую отнюдъ на харчъ никому не давай. Также реестровне все потреба писать, яко то: вагу, и кому продаси, и як веле грошей отберешъ. И о тое тебе прошу, чи не можешъ таляровъ достат не чотирма алтина, албо и болъшъ: скилка можъно, албо чирвоних золотого полосма, то тисячъ изо двѣ озми. Куделю и половую пенку, ежели на гроши не продаси, то прошу на ледаякій товаръ не меняй. Ежели на сукно, то гледѣть доброго gатунку на нашу руку, кармазиновъ и иншихъ якихъ добрыхъ, албо на вино, то можешъ продать; еднакъ же прошу, ежели цале не збудешъ отбиту, то, якъ можешъ, продай. А на довгъ нѣкому не давай. Ежели на мену вина не достанешъ, то наготовии купи бочекъ десятки изо-три; тилко щобъ доброго, а ледаякого не купуй, и не дорогого; а дорогого не купуй. Из грошми прошу осторожъне, щобъ тебе хто не ошукавъ. Ис Матвѣемъ можешъ у вовсемъ радиться. Ежели у Ярмушенка болшъ над тие гроши узялес, то тамъ ему и отдай. Що писалес до мене, що фурманом не плачоно; то ти не плати, бо уже заплачено. Зяту своему можешъ на прикупъ датъ таляровъ десять, а болшъ не давай и

собѣ жадной речи не купуй. Для покупки дворовой реестрикъ посилаю, то прошу исправить. О томъ можешъ на одномъ фурману до Москви ехать, а двохъ не наймай, бо кошту много будетъ. Панъ Герасимъ просивъ мене, щобись допилновалъ его пенки и грошей. Прошу у во всемъ будь порадним, щобъ тобѣ с похвалою було. При чомъ зостаюсь зичливимъ всего добра зичливий пріятель Демянъ Григоревичъ.

Стародуба. Року 1707. Септевърия 12.

На оборотѣ: Отдать сия карта приятелю моему Спиридону Демяновичу до рукъ его у города Архангелского пильно

3. Письмо Якова Волка къ Демьяну Григорьевичу Скоруп о продажѣ пеньки въ Ригѣ. 13 іюня 1721.

Мой ласкавий мцѣ пане Демъянъ Григориевичъ.

Зичу в-мти отъ Господа Бога доброго здоровя, а при семъ моемъ узиченю, ознаймую, якъ в насъ теперъ в Ризи поводиться; апенка велми непоплатна, вишше одинадцати талеровъ із вортом (?) не даютъ, а лой такожъ не поплатенъ. Того часу, якъ скоро приѣхали до Риги, давали тогда лой по 14 талеровъ, а теперъ уже не даютъ потому. И я тимъ не важился ничого продавать безъ воли вашой, ожидаючи отъ вмти карти и приказу якого, хочай вмть і карту до мене писалъ в Ригу аб цену пенки не ознаймилъ. Вмтъ сподѣвался, що пенка ценою топрочною (прошлогоднею?) платиться а теперъ треба уважать же цена велми не великая и з великимъ накладомъ будетъ, уважаючи теперъ, якъ цена велика була пенци і робота дорога була в Бешенковичахъ і упадку много. А теперъ уже пенки Бекару отдалъ берковцовъ сто до цени, контракту не чинилъ поки отъ вмти якая вѣстъ будетъ; отдалъ ради того забору, которiѣ я в него денги бралъ рублей з деветъ сотъ; а еще тоей ради нужди отдалъ пенку, же не могъ вкритися отъ дожду, же дожчи

великие ішли і много шкод почино (починено?) людямъ, також и намъ. А Артемъ Тищенковъ свою досталную пенку продалъ по десетъ рублей і по десетъ алтинъ, і самъ, здавши пенку, не в забавѣ буде, спустивши якую недѣлю. Ознаймую вмти о томъ пакуллѣ, которое лежитъ в Бешенковичахъ, щобъ могъ чинить чи такъ нехай лежитъ, чи кажите в нѣти посукатъ, назадъ ѣдучи. А і въ Ризѣ теперъ пакулля продаютъ по талеру із вортомъ. А Іванъ Тищенокъ каже, що и я, почекавши недѣлю і другую, когда цена неподвишиться, то і по сей ценѣ продамъ. А теперъ я до ума не приду, що отъ вмцѣ немашъ нѣякой видомости. Присилайте воскорѣ до мене вѣдомость якую і ознаймите, чи продать пенку, чи въ шпѣхълѣръ (амбаръ) кажете скласти. Присемъ ознаймивши зостаю зичливимъ назавше вмтѣ всего добра зичливий і до услугъ поволний Яковъ Івановичъ Волкъ.

З Риги. Іюня 13, 1721 року.

Сообщилъ *Ал. Лазаревскій.*

Начальныя строфы старѣйшаго списка Енеиды И. П. Котляревскаго.

Напечатанное ниже начало текста малороссійской Енеиды по старѣйшему ея списку, находящемуся въ собраніи рукописей Кіево-Софійской библіотеки, воспроизводитъ со всею точностію первые три и начало четвертаго листа оригинальной рукописи, съ сохраненіемъ даже распорядка ея страницъ и орѳографіи. Печатать здѣсь полностію весь текстъ Енеиды по той рукописи намъ кажется излишнимъ, потому что это умѣстнѣе всего сдѣлать будущему издателю *критическаго* текста Енеиды, каковаго мы не имѣемъ доселѣ. Издавая здѣсь лишь начальныя строфы старѣйшаго списка малороссійской Енеиды, мы полагали, что ихъ будетъ достаточно для того, чтобы читатель могъ составить надлежащее представленіе о характерѣ и значеніи этой интересной рукописи.

Перецыганенная Енеида

Съ Рускаго Языка на Малороссійскій

1794-го Года

Октября 11-ть дня,

„2.„

Малороссійская Енеида.

Еней бувъ парубокъ моторный,
и хлопецъ хоть куды Козакъ;
на лыхо здався все проворный,
Завзятѣйшій (1) отъ всѣхъ Бурлакъ.
Та Греки якъ Спалывши (2) Трою,
Зробылы зъ неи Скырту (3) Гною;
винъ взявши торбу тягу давъ,
Забравши деякихъ Троянцѣвъ
Осмаленыхъ (4) якъ Гиря Ланцѣвъ
Пьятами зъ Трои закывавъ. (5)

II *II*
II

Винъ швидко поробывшы Човны,
На Сыне море попускавъ;
Троянцѣвъ насажавшы повны,
и куда очи почухравъ (6)
Но зла Юнона, Суча дочка,
Раскудакталася якъ Квочка (7)
Енея не любыла Страхъ!
давно уже вона Хотѣла,
Іого душа щобъ полѣтѣла
къ Чортамъ, и щобъ и духъ не пахъ!...

II *II*
II

Еней болячка бувъ Юноны!...
Якъ жорна Сердце ѣй давывъ,
тугѣйшій бувъ бо отъ Супони:
Ни въ чимъ Юноны непросывъ.

---

(1) Задорный. (2) Сожегши. (3) Кучу. (4) Опаленныхъ. (а) Гирями и гирявыми называютъ въ домахъ малолѣтныхъ Мальчиковъ и дѣвочокъ, кои у всякаго въ повелѣніи: неопрятныхъ, запачканыхъ, и у коихъ всегда опалены головы отъ топки печей. или отъ паршей обриты, или Острижены. (5) Ланцами называютъ взрослыхъ

(Обор)

щежъ гиршъ за то ѣй не любывся,
що винъ у Трои народывся,
и Мамою Венеру звавъ,
и що їого покійный Дядько,
Парисъ, Пріямово дытятко,
путывочку (а) венерѣ давъ.

II *II*
II

Побачила Юнона зъ неба
що вже Еней на Паромахъ,
Отъ тожъ! Сказяла сука Геба,
Юнону взявъ велыкій Жахъ!...
впрягла у Биндюги Павычку,
Сховала пидъ Кибалку (8) Мычку
щобъ не свитылася Коса...
взяла Спидныцю и Шнуривку
и Хлѣба съ Силью на Тарѣлку
къ Еолу мчалась якъ Оса.

II *II*
II

„Здоровъ, Еоле, пане Свату!.
„Ой якъ ся маешъ? якъ живешъ?
Сказала якъ ввійшла у Хату,
Юнона: чи гостей ты Ждешъ?...
Поставила Тарѣлку съ Хлѣбомъ,
Передъ старымъ Еоломъ дѣдомъ,
Сама же Сѣла на Ослинъ: (9)
„Будь Ласковъ Сватоньку Старыку!
„Избый Енея съ Пантелыку!...
„Теперь на морѣ Плавле винъ.

II *II*
II

„Ты знаешъ винъ якій Суцѣга,
„Палывода и Коновидъ!....
„По свиту якъ ище побѣга.
„багацко винъ наробыть бѣдъ!...

избалованныхъ парней годныхъ въ рекруты. Повѣса. Сорванецъ. (5) Лыши навострилъ. (6) Попідлося. (7) Насѣдка. (а) Извѣстный родъ яблокъ такъ названныхъ по городу Путивлю. (8) родъ Кокошника. (9) Скамья.

„Пошлы на ныхъ ты лыхо злее, „3„
„Щобъ Люде всѣ що при Енее
„Послызлы, и що бъ винъ и Самъ...
„За Сее жъ дѣвку Чорнобрыву
„Товстеньку, Гарну, уродливу,
„Тобѣ я далы бѣгъ, (10) що дамъ!

II II
II

„Гай! гай! ой дайже іого Кату! (11)
Еолъ Насупывшись Сказавъ;...
„Я всебъ зробивъ за сю вже плату,
„Та витривъ всѣхъ пороспускавъ;—
„Борей недужъ лежить съ похмѣлья,
„а Нотъ поѣхавъ на весѣлья,
„Зефіръ же давній негодяй,
„Зъ дѣвчатами заженыхався,
„а Евръ въ поденьщыкы нанявся:
„Якъ хочешъ такъ и размышляй.

II II
II

„Та вже жъ для тебе обѣщаюсь
„Енееви я Ляпасъ (12) дамъ!
„Я хутко Заразъ постараюсь
„Загнать іого къ трыста Чортамъ;
„Прощайже швыдко убирайся
„Обѣцянки жъ не забувайся
„Бо послѣ... Чуешъ ни Чычыркъ!
„Якъ збрешешъ... то хоть вже надсядься,
„На Ласку по лѣ не понадься!—
„Тогдѣ Одъ мене визмешъ Чвиркъ! (13)

II II
II

Еолъ Оставшись на Господѣ,
Зобравъ всѣхъ витривъ до двора,
велѣвъ поганой буть погодѣ!-
Якъ разъ на морѣ и Гора!
а далѣ потимъ, яръ Глубокій...
Еней стоявъ въ водѣ по боки,
Злякався, крыкнувъ якъ на пушъ;

(10) Ей богу. (11) Палачь. (12) Плюха. (13) Шишъ.

Заплакався и зарыдався... NB. *Нѣтъ Стиха.*
На темьи начесавъ ажъ Струпъ...

II *II*
II

Прокляти вѣтры раздулися
А море зъ Лыха ([14]) ажъ реве...
Слîозми Троянци облылыся,
Енея за Живитъ бере...
всѣ Човныкы ихъ разчухрало...
богацко війска тутъ пропало,
Козацки Головы лягли...
Еней крычыть що я Нептуну NB. *Нѣтъ Стиха.*
Колибъ щобъ хвыли поляглы...

II *II*
II

Нептунъ уже давно драпѣчка ([15])
Почувъ Енеѣвъ голосокъ,
Прыщулывъ уха такъ якъ тѣчка, (a)
Пивкопы ([16]) для îого Кусокъ,
И заразъ Осѣдлавшы рака,
Схватывсь на îого якъ Бурлака,
И вырнувъ зъ Моря якъ Карась,
Загомонивъ на вѣтривъ гризно...
„Чого вы гудете такъ ризно?
„До моря! Знаете! вамъ *Засъ!*

II *II*
II

Отъ-тугъ-то вѣтры Схаменулись,
и далы драла до Норы....
До Лясу мовъ Ляхи шатнулысь;
Або отъ ѣжака тхори;

Нептунъ же заразъ взявъ Мѣтелку,
И море вымѣвъ якъ Свѣтелку...
Тутъ Сонце Глянуло на Свѣтъ,
Еней тогдѣ якъ народывся,
разивъ изъ пьять перехрыстывся:
Звелѣвъ готовиты Обѣдъ.

II *II*
II

Поставылы Столы дубовы;
богацко съ Стравою мысокъ,

(14) Съ Серцовъ. (15) Алтынникъ. (а) Сука въ разходѣ. (16) Полуполтына. *Зась.* Сіе говорится унимая Собакъ отъ Лаю.

„4„
За Стилъ всѣ Сѣлы и безъ мовы
въ голодный пхали все Кутокъ;
Тутъ Съ Саломъ Галушки жовалы
Лемѣшку и Кулѣшъ трепалы
Хваталысь брагой Запывать
да и горѣлочку хлысталы
На сылу зъ Застола устали
и послѣ полягалы Спать.

II *II*
II

Венера не послѣдня плјоха
проворна врагъ ѣи не взявъ,
Побачыла що такъ полоха
Еолъ сынка що ажъ захлявъ (17)
Умылася причепурылась
И якъ въ Недѣлю (18) нарядылась
Хоть бы до дудки на Танецъ;
взяла Очипокъ Грезетовый
Карсетъ надѣла Табенковый (20)
Пишла къ Зевесу на Ралецъ (19)

Сообщилъ *Ж. Дашкевичъ.*

Неизвѣстная драма М. Козачинскаго.

Первое въ русской литературѣ указаніе на существованіе издаваемой нами драмы Козачинскаго появилось въ *Вѣстникѣ Европы* 1807 года, часть 33, № 11, стр. 196. Здѣсь мы читаемъ, что въ 1733 году Мануилъ Козачинскій, ректоръ и учитель риторики въ Карловицкой школѣ, написалъ трагедію о смерти краля Уроша и паденіи сербскаго царства, и что эта трагедія издана Ранчемъ въ Будимѣ въ 1798 году. Хотя это указаніе вполнѣ ясно и опредѣленно, тѣмъ не менѣе оно оставлено безъ вниманія всѣми, кто писалъ потомъ о Козачинскомъ и южно-русской литературѣ XVIII вѣка; равнымъ образомъ о ней не говорятъ ни митрополитъ Евгеній, ни архіеп. Филаретъ, ни Геннади съ одной стороны, ни Сопиковъ и Ундольскій съ другой, за однимъ исключеніемъ: профессоръ П. А. Кулаковскій въ своей диссертаціи о Вукѣ Караджичѣ (стр. 9), въ числѣ произведеній Райча, упомянулъ о нашей „Трагедіи“; а покойный Н. А. Поповъ въ своемъ разборѣ этой диссертаціи поправилъ его, указавъ на принадлежность „Трагедіи“ Козачинскому (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1882 г., № 4, стр. 182—183).

Авторъ драмы—лицо достаточно извѣстное.

Сербскій митрополитъ Моисей Петровичъ (1726—1730 гг.), жившій въ Бѣлградѣ послѣ присоединенія этого города

къ Австріи, рѣшилъ устроить у себя школу и обратился къ русскому правительству съ просьбою прислать учителей и учебники. Къ нему былъ отправленъ изъ Москвы Максимъ Суворовъ, который и былъ первымъ устроителемъ и учителемъ сербской школы. Послѣ возвращенія его въ Россію, преемникъ Моисея Викентій Іовановичъ обратился въ Россію съ новою просьбою объ учителяхъ. На этотъ разъ былъ отправленъ къ сербамъ (въ 1733 году) бывшій воспитанникъ Кіевской Академіи Мануилъ Козачинскій. Онъ сталъ во главѣ сербской школы, перенесенной между тѣмъ изъ Бѣлграда въ Карловцы, и устроилъ ее по образцу Кіевской Академіи, т. е. ввелъ преподаваніе на латинскомъ языкѣ, упражненія въ риторикѣ и піитикѣ на церковно-славянскомъ языкѣ и школьныя представленія. Онъ достигъ значительныхъ успѣховъ въ преподаваніи, и его ученики стали пользоваться въ своихъ литературныхъ трудахъ тѣмъ тяжелымъ и искусственнымъ церковно-славянскимъ языкомъ съ сербизмами, который существовалъ какъ сербскій литературный языкъ до 60-хъ годовъ XIX столѣтія и котораго первый образецъ Козачинскій далъ въ своей „Трагедіи“. Когда Кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій вздумалъ освѣжить новыми силами Кіевскую Академію, онъ въ 1735 году завелъ сношенія съ Козачинскимъ, вызвалъ его въ Кіевъ и сдѣлалъ сначала преподавателемъ, а потомъ префектомъ Академіи (*Кіевск. Епарх. Вѣд.* 1876 г., № 7, стр. 231). При этомъ Козачинскій, посвященный у сербовъ въ священники, но не женатый, принялъ постриженіе и имя Михаила.

О литературныхъ произведеніяхъ Козачинскаго во время его Кіевской дѣятельности мы не имѣемъ надобности распространяться. О нихъ см. у *Н. И. Петрова*: Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка, Кіевъ, 1880, стр. 99 и слѣд. Можемъ замѣтить, что всѣ они менѣе удачны, чѣмъ „Трагедія“, особенно панегирикъ графу А. Г. Разумовскому, изданный въ 1745 году подъ заглавіемъ: „Философіа Арістотелева по умствованію періпатетиковъ изданная, Ея Императорскаго Священнѣйшаго Величества природныя на-

шея великія государыны, всеавгустѣйшія императрицы Елісавети Петровны всея Россіи вѣрному подданному священныхъ россійскаго и римскаго імперій сіятельнѣйшему рейсъграфу высокопревосходителнѣйшому государственному ягеръмейстеру... Алексію Григориевичу Розумовскому, в лѣтный Славнаго Его Тезоименитства день, приписанная, на щировѣрной випискѣ изъ печатныхъ латинскихъ и польскихъ книгъ *о шляхетной енеалогіи благородныхъ господъ Розумовскихъ* утвержденная, въ четиры доводы раздѣленная и публичними въ Академіи Могvлозаборовской Кіевской диспутами освидѣтельствованная, чрезъ всенижайшого ихъ Слугу и Богомолца, Академіи Кіевскія Префекта и тояжде Філософіи Троекурснаго Учителя Іеромонаха Михаила Козачинскаго поднесенная. Отвѣтствовалъ же сея жъ Філософіи слышатель, Греческаго, Evрейскаго и Нѣмецкаго Діалектовъ Ученикъ, Благородный господинъ Григорій Щербацкій, при Учителствѣ Помянутого Префекта Михаила. Въ Кіевѣ, 1745 года, Марта 17 дня". Панегирикъ, какъ видно изъ послѣдняго листа, напечатанъ не въ Кіевѣ, а во Львовѣ, въ типографіяхъ Ставропигіальной и Іезуитской. Это произведеніе состоитъ главнымъ образомъ изъ стиховъ на языкахъ славянскомъ, латинскомъ и польскомъ и, совсѣмъ слабое по содержанію, замѣчательно лишь по грубѣйшей лести автора передъ Алексѣемъ и Кирилломъ Разумовскими.

Издатель „Трагедіи", исправившій въ ней языкъ (вѣроятно, главнымъ образомъ орографію) и прибавившій кое-что къ тексту, Іованъ Райчъ († 1801 г.), принадлежитъ къ числу самыхъ видныхъ дѣятелей сербской литературы второй половины XVIII вѣка. Уроженецъ Карловцевъ, онъ сначала учился въ Карловацкой школѣ. По окончаніи здѣсь курса, для изученія богословія, онъ отправился (отчасти пѣшкомъ) въ Кіевъ, въ Кіевскую Академію, и пробылъ здѣсь четыре года, пользуясь расположеніемъ и помощію Козачинскаго (какъ онъ самъ говоритъ въ „Предувѣдомленіи"). Потомъ Райчъ былъ учителемъ на родинѣ, много путешествовалъ, много переводилъ и писалъ и закончилъ свою дѣятельность

недурнымъ для своего времени трудомъ: „Исторія разныхъ Славенскихъ народовъ, найпаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ“, Вѣна, 1794—1795.

Досадно, что, приготовляя „Трагедію“ къ печати, Раичъ выпустилъ изъ текста Козачинскаго бывшія въ немъ интерлюдіи о мытарѣ и фарисеи, о богатомъ и Лазарѣ и друг. Быть можетъ, они для насъ были бы болѣе любопытны, чѣмъ самая трагедія.

Мы не знаемъ, какова была орѳографія въ оригиналѣ „Трагедіи“ Козачинскаго (*вчиню*, *зведу*, какъ и *мушу*, *панг* и т. п., конечно, принадлежатъ ему). Въ исправленіи Раича она—обычная славяно-сербская, та самая. которую мы видимъ въ сербскихъ печатныхъ книгахъ XVIII и начала XIX вѣковъ. Сербизмы въ видѣ смѣшенія *и* и *ы*, *э* и *ь*, *р* мягкаго и *р* твердаго,—довольно многочисленны. Словарный матеріалъ, принадлежащій самому Козачинскому, заключаетъ въ себѣ нѣкоторое количество сербскихъ словъ и формъ; во всякомъ случаѣ сербизмы иногда въ немъ связаны болѣе или менѣе тѣсно съ размѣромъ стиха и рѳмою. Впрочемъ число сербскихъ словъ и формъ въ „Трагедіи“ вообще очень невелико, такъ невелико, что ее можетъ свободно понимать совершенно незнакомый съ сербскимъ языкомъ русскій читатель.

Вотъ списокъ этихъ сербизмовъ:

*баш*ъ—совсѣмъ.
*водах*ъ (род.)—водъ.
изъ гола—совершенно.
доста—достаточно.
*есам*ъ—есмь.
ся зна—извѣстно.
луда—глупецъ.
мой (повел. 2 л. ед. ч.)—моги.
нетьу—не хочу.
нъыда—нѣкогда.
срѣтья—счастье.

ствaръ—вещь, дѣло.
странный—иностранный.
твоегъ (род.)—твоего.
къ тому (дат.)—къ тому.
на тралъ—назадъ.
трaю—продолжаюсь.

Мы не нашли изданія 1798 года ни въ одной изъ русскихъ библіотекъ и печатаемъ „Трагедію“ по экземпляру Бѣлградской Народной Библіотеки; особенности языка и орѳографіи нами по возможности сохраняются.

А. Соболевскій.

ТРАГЕДІА

СИРѢЧЬ

ПЕЧАЛНАЯ ПОВѢСТЬ

О

СМЕРТИ ПОСЛѢДНЯГО ЦАРЯ СЕРБСКАГО

УРОША ПЯТАГО

И

О ПАДЕНІИ СЕРБСКАГО ЦАРСТВА

СОЧИНЕНА И ПРОИЗВЕДЕНА ,ΑΨΛΓ ГОДА

ВЪ

КАРЛОВЦѢ СРЕМСКОМЪ.

А НЫНѢ

ПРЕЧИЩЕНА и ИСПРАВЛЕНА

ПРЕДЛАГАЕТСЯ

ТРУДОМЪ и ТЩАНІЕМЪ

I. P.

Въ благодареніе Богу трудъ сей принесенъ за 69. лѣто-дарованныя живы.
Въ Будимѣ:
Печатано при Кралевск. Универ. Писмени Славено-Сербскія Печатни. 1798.

Преосвященнѣйшему

и

высокодостойнѣйшему господину

Петру Петровичъ

православному епископу

темишварскому и липовскому,

и его цесаро-кралевскаго

апостолическаго величества

дворному совѣтнику,

яко же и при унгорской

дворной канцелларіи

референдару

милостивому господину.

Преосвященнѣйшій,
и высокодостойнѣйшій господинъ!

Понеже Трагедіа сія во Отечествѣ и мѣстѣ рожденія нашего въ давно прошлое время сочинена, и въ дѣйствіе произведена бысть, о чемъ надписъ доволное подаетъ свидѣтелство: Всякъ же истинный Патріотъ, тако да реку естественнѣ одолжается честнымъ и возможнымъ образомъ возвеличити и прославити отечество свое въ знакъ благодарности мѣсту тому, въ немъ же свѣтъ сей увидѣ, и согражданинъ сотворися.

Сими азъ возбужденъ Трагедію сію высокопочитаемому нашему Славено-Сербскому Обществу сообщити желающъ въ печатаніе всеусердно отдаю: Но занеже обычай таковъ привниде во ученномъ свѣтѣ, еже подобная сочиненія нѣкоему отъ знатныхъ Отечественниковъ въ покровителство отдавая посвятити, и поднести, ово за лучшее тѣхъ уваженіе, ово же и за высокое почитаніе онаго лица, емуже посвящается.

Кромѣ далшаго убо о томъ размышленія, кому бы дѣлце сіе посвятити подобало Преосвященство Ваше первѣйшій обрѣтается не точію яко Туземецъ мой и Патріотъ почтеннѣйшій но, и найпаче, яко Благодѣтель мой изящнѣйшій, и во вѣкъ незабиваемый.

Воспоминаніе сихъ неомилно ободряетъ мя, еже кромѣ всякаго обиновенія дѣлце сіе Вашему Преосвященству посвятити, и аки малый нѣкій знакъ моея благодарности, и отмѣнаго къ лицу Вашему почитанія поднести, якоже и дѣйствително посвящаю, и подношу въ полной надеждѣ сущь, яко отриновено не будетъ, но паче природною Вашего Преосвященства благостію воспріято, и одобрено почтется.

Аще возрите на малость тетрадовъ сихъ, то всяко недостойно возмнится Вашего Вниманія: аще ли посмотрите содержаніе, и вещи въ нихъ описанныя рѣткость же и новость, то, уповаю, благопріятно предъ лицемъ Вашего Преосвященства явится, еже и воспріимите отъ онаго, иже съ высокимъ почитаніемъ есть, и пребудетъ.

Вашего Преосвященства
всенижайшій слуга
Іоаннъ Райчъ.

Предувѣдомлене.

Здѣ предлагаемая Трагедіа, о смерти Царя Сербскаго Уроша пятаго и послѣдняго, и о паденіи Царства ихъ уготованіемъ Вукашина нареченнаго Краля сочинена была Господиномъ Мануиломъ Козачинскимъ россіяниномъ въ тое время Карловачкихъ Школъ Ректоромъ, и учителемъ Риторики, и дѣйствително на Θеатрѣ отъ учениковъ тѣхъ же Школъ произведенна въ Карловцѣ сремскомъ 1733, года въ мѣсяцѣ Іуніи: яже отъ того времене въ забвеніи погребена остала до познѣйшихъ временъ нашихъ, тую азъ еще въ юности моей преписавъ частократно увеселенія ради прочитивахъ.

Нынѣ же послучаю напечатанныя Сербскія Історіи вознамѣрихся, еже и оную аки изъ мертвыхъ воставити съ тѣмъ намѣреніемъ дабы пречищену отъ погрѣшителныя моея юношескія преписи любимому обществу во утѣшеніе представити: *откуду, яко Трагедіа сія изъ Історіи, тако и Історіа изъ Трагедіи взаимный свѣтъ воспріимутъ.*

Равнѣ и сіе достойно и праведно быти непщевахъ, еже возобновити память премудраго ея сочинителя и трудолюбнѣйшаго учителя (моего же милостиваго Благодѣтеля) купно и о родѣ нашемъ много заслуженнаго мужа по писанному: Знайте труждающихся у васъ. И поминайте наставники ваша.

1. Сол. 5. 12. Евр. 13, 7.

Еще Трагедіа поминаемая кромѣ представленія смерти Урошевы заключала въ себѣ еще нѣкоторая дѣйствія, яже къ печалной сей повѣсти отнюдъ несходствуютъ, яко о Мытарѣ и Фарисеи, о Богатомъ и Лазарѣ и подобныхъ. Того ради нынѣ изоставити оная, яко нынѣшнему времени и обстоятел-

ствамъ неключимая: а въ мѣсто тѣхъ нѣкоторая по коемждо дѣйствіи ко ободренію къ наукамъ любезнымъ отечественникомъ нашимъ въ новъ предложити во обученіе и подражаніе судихъ.

Съ верхъ сихъ Трагедіа сія по старинному образцу въ главномъ точію расположеніи составлена была, сирѣчь въ дѣйствіяхъ единыхъ, юже малимъ нечимъ престроенну по нынѣшнему вкусу представити изволися, сирѣчь дѣйствія раздѣлена суть на особенная явленія съ назначеніемъ дѣйствующихъ и бесѣдующихъ лицъ тако, да бы содержаніе повѣсти сочинителя со всѣмъ цѣло остало, и ненарушимо, точію бы инъ видъ, и вкусъ получило.

Тѣмъ, занеже въ Трагедіи сей сугубое усмотритъ Читатель сочиненіе, едино Господина Манувла въ трагическихъ дѣйствіяхъ, а другое мое въ ободрителныхъ наставленіяхъ: того ради да не бы смѣшана, или аки украдена кому возмнѣлася, въ различіе обоихъ при коемждо сочиненіи первое писмя прозваніе сочинителей, яко К. и Р. положено есть, еже первымъ взоромъ увѣдану быти, кое чіе сочиненіе есть.

Въ прочемъ любезпый Читателю ползуйся трудами сими со увеселеніемъ, а потрудпвшыхся благословляй.

Прологъ.

Козачинскій. Провозвѣстникъ изшедъ отверзаетъ дверь слова обявляя въ чемъ настоящая повѣсть представится имать, и глаголетъ:

Любомудрецы рѣша добро быти зѣло,
еже мужей прехвалныхъ восхвалити дѣло,
достойно, и праведно да поздныя вѣки
какѡ они пожиша между человѣки
вѣдома память будетъ, и имя ихъ славно
къ подражанію людемъ представится явно.
Тѣмъ и мы умыслихомъ въ настоящемъ годѣ
кацы бяху Царіе во Сербскомъ Народѣ
показати явственно: и како скончася,
како бяше подъ Турки, и како поддася
подъ милостивѣйшую римскую державу,
ей же до днесь смиренно преклоняетъ главу
воспомянути токмо: Вы извольте внятно
прешедшая (сладко бо) и благопріятно
послушати, а мы все будемъ показати,
точію глаголемымъ хотите внушати.

сія рекъ возвратися.

Дѣйствіе а.

Явленіе I. Козачинскій и Райчъ

Стефанъ первовѣнчанный Краль показуетъ свой родъ, и племя, откуду, и како произыде.

Краль самъ.

Аще кто вопроситъ мя, кто азъ, и откуду
есмь, племя мое влеку, и мою породу,
хощетъ явѣ познати: Азъ священна рода,
и Богомъ прославленна: се моя порода.
Отрасль есмь священная изъ Луцы Стефана
Пресвѵтера всечестна, прадѣда блаженна.
Емуже Богъ дарова сына Любомира
мужественна, вѣжлива, любителя мира.
Онъ по себѣ остави любезнаго сына,
по имени Уроша, и того единa.
Урошъ паки породи Тихомила славна,
и за нимъ Чедомила по всему похвална.
Тихомила прослави Богъ въ чадородіи:
Зане подаде ему отъ его породи,
Четири красны сыны Завиду перваго,
Сретимира прекрасна тогожде втораго.
Послѣдовалъ Первославъ во братіяхъ третіи,
по немъ же родился Стефанъ братъ троихъ четвертый.
Сей за славная дѣла Неманя назвася,
прочихъ бо всѣхъ превзыде, тѣмъ тако прозвася.
За подвиги и разумъ Жупаномъ поставленъ
во жупаніи рашкой отъ Краля приставленъ
Георгіа далматска и кротка и тиха,
егоже онъ любляше паче всѣхъ излиха.
Сего то азъ Немани быхъ сынъ первородный
и братъ Вулканъ, и Радско вси братія кровны.

Егда бѣ лѣтъ тридесять начатъ воевати,
отъ Греческія земли страны отнимати.
Разширяя предѣлы Сербскаго Кралевства,
и прибавляя грады тогожде державства.
Повнегда вся устрои, начатъ помышляти
о спасеніи душы труды полагати.
Вся суеты оставивъ въ гору святу пойде,
къ Саввы сыну своему, и до него дойде
во монашескій Образъ уже облеченный
изъ Стефана Симеонъ старецъ нареченный.
Ко Исаку Комнину славна Царя града
Савва братъ мой отходитъ мысленнаго стада
Архіпастырь бываетъ: и вѣнецъ принесе,
Егожъ на мя возложи, и тѣмъ превознесе
первовѣнчаннымъ нарекъ во Сербліи Кралемъ
не менша мене прочихъ во Европѣ Царемъ.
Вѣнецъ же той посла мнѣ Царь Константинопольскій
Исакій Аггелъ Комнинъ тесть мой превысокій.
титлой Мегажупана почтивъ благолѣпно,
Л. Г. 1190. и сверхъ того одаривъ дарами богатно.
Тѣмже всякому хощу да будетъ извѣстно
яко азъ пріяхъ царство правилно и честно.

Явленіе II.

К. Краль и Боляры.

Краль.

Гдѣ убо днесь мои суть Князы и Боляры
да съ ними поговорю о нѣкоей ствары.

Болярин ъ *первый.*

Се нашъ приходъ Владыко, велѣный намъ бяше
что же требуетъ отъ насъ Величество Ваше;

Болярин вторый.

Что хощеши о Царю скажи намъ подробну
волю твою днесь мы вси исполнимъ удобну.

Болярин третій.

Исполнити готови, яко есть повинно
все еже изволиши изрядно и чинно.

Краль.

Давно хотѣхъ васъ звати, угодна обаче
не бѣ на то времене: нынѣжъ найпаче
достоитъ се вѣщати тебѣ первый княже
яко регулы нѣсть въ насъ жити безъ неяже
трудно есть: сего ради требѣ прописати,
да бы недерзнулъ уже никто порицати
родъ нашъ Сербскій о судѣ, кривдѣжъ и неправдѣ,
о честности, и правахъ, и о самой правдѣ.
Скажи первый мній прочихъ отъ тебе начало
добудетъ, а на первомъ да бися скончало.

Болярин третій.

Совѣтъ мой даю тебѣ грады соружати,
да не дерзнутъ вразы въ предъ на насъ нападати.
А потомъ о регулѣ скажется отъ части,
то бо токмо надлежитъ кралевской ти власти.

Краль.

Грады мнѣ назыдати совѣтуешъ княже
Азъ бы рекль просто что конца никогдаже
Строитъ грады не будетъ: но ты Княже вторый
подаждь мнѣ отъ разума совѣтъ твой который;

Болярин вторый.

Азъ на сіе сицево даю мое слово,
да будетъ ти воинство завсегда готово.

Краль.

Азъ требую во чинѣхъ да ми совѣтъ дасте
а выже невѣдомо, что мнѣ глаголасте.
О градѣхъ, о воинствѣ, безъ чего державство
ни едино бываетъ, колми паче царство.
Ни о чемъ мнѣ совѣтъ вашъ таковъ подобится,
тебѣ же первый Княже како изволися;

Болярин первый.

Не будп владычеству твоему въ досаду,
азъ бы сказалъ, да съ перва хрістіанскому стаду
урядиши пастырей гдѣ коему быти,
потомъ же о военномъ чинѣ разсудити.

Краль.

Добре ты глаголеши, чины возставляю.
Архіереевъ въ главныхъ мѣстѣхъ поставляю.
Архіпастырь въ Іпекѣ да будетъ надъ всѣми
о Господѣ премудро да пасетъ со всѣми.
да за родъ нашъ вси они поднимаютъ труды,
и да судятъ всѣмъ право духовныя суды.
Прочія воевъ чины азъ единъ устрою,
а нынѣ токмо пойду мало до покою.

Явленіе III.

Р. Продолжается родословіе Неманино до Стефана Душана и сына его Уроша пятаго Царя послѣдняго.

Провозвѣстникъ.

Вы слышасте доволно Неманино племя,
отъ самаго Краля все, и священно сѣмя:
Но онъ далше премолча, ниже бо вѣдяше,
кіи будутъ потомцы отнюдъ не знаяше.
Да бы убо непраздна заостала повѣсть
или въ представленіи не вкралася прелесть.

Всѣхъ вамъ по ряду повѣмъ до конца самаго
и Кралей всѣхъ, и Царей племене святаго.
Стефанъ первовѣнчанный родилъ себѣ чада,
яже по достоинству воспита изъ млада.
Радослава первѣе, за нимъ Владислава,
потомъ же и Уроша, послѣ Предислава.
Первородный Радославъ Отцу былъ наслѣдникъ, Л. Г. 1205.
а Предиславъ по Савѣ Савва пропов҃дникъ,
и подъ именемъ вторый Архіпастырь Сербскій:
отеческихъ преданій защититель крѣпкій.
Радославу умершу Владиславъ братъ его
вѣнецъ отчій воспріятъ въ мѣсть брата своего. Л. Г. 1230.
Сей Албанцы покори, страшенъ показася
и всѣмъ окрестнымъ странамъ, и Грекомъ явися.
Земли нѣдра отверзе Алеманъ рукою,
сребро, злато изнесе трудися собою.
Паче сосѣдовъ своихъ онъ обогатися,
умноживъ сокровища тѣми прославися.
И отъ странныхъ предѣловъ худогихъ приведе,
въ земли своей различна художества введе.
Съ миромъ къ отцемъ онъ отшедъ по себѣ остави
брата своегъ Уроша, иже и постави
себе Кралемъ въ Сербіи, великъ наречеся Л. Г. 1235.
Зане добръ поживе, и съ миромъ скончася.
многа добра сотворивъ и своимъ и страннымъ,
и благими дѣтели сотворися славнымъ.
Елена французкиня подружіе драго
Драгутина породи Сербской земли благо.
За нимъ паки другаго мила Милутина,
въ честныхъ добродѣтелехъ велика и дивна.
Пріятъ царство Драгутинъ отъ Отца насилно,
за то Богомъ наказанъ: тѣмже и умилно
позываетъ брата си царство раздѣляетъ,
поморіе, и Сербску онъ ему отдаетъ.
а самъ въ Сремѣ заоста за тоже и сремскій
Краль Драгутинъ назвася а Милутинъ Сербскій.

Л. Г. 1270. Урошъ третый Милутинъ той Краль превысокій.
тако отъ своихъ названъ и во нравахъ кроткій.
Многи войни водилъ онъ съ сосѣды своими
всегда побѣдитель бывъ не побѣдимъ ими.
Церкви, и Монастыри тоиже созыда многи,
Шпиталы и болницы постави на ноги.
Отъ тудъ имя получилъ милостива щедра,
зане принимаше всѣхъ въ своя щедра нѣдра.
Съ Унгаркою своею онъ притяжа сына
отъ народа названна дечанска Стефана.
Л. Г. 1317. Сей вѣнчанъ на кралевство отъ Архіереа
Никодима Пекскаго отъ страны своея.
Стефанъ Урошъ четвертый въ вѣнчаніи прозванъ
за гоненіе жъ и смерть мученикомъ названъ.
Ибо бѣди претерпѣ въ жизни своей многи,
и отъ Отца, и Сына престрашны, и строги.
И отъ сѣмене его Душанъ произиде,
и Душица братъ его по немъ въ Міръ сей вниде.
Въ младенчествѣ сей умре, а онъ вокралися,
Л. Г. 1336. Стефанъ Душанъ силный краль въ вѣнчаній
назвася.
Храбростью, и мужествомъ пріятъ страны многи
отъ всѣхъ околныхъ Земелъ, и самъ ставъ на ноги
титлу Краля премѣни Імператоръ стался,
повелитель многихъ странъ и Царемъ назвался.
Въ супружествѣ онъ имѣлъ дщерь царской породы
Царя Кантакузена, съ которою роди
Сына токмо едина Уроша прекрасна,
котораго постиже гибель преужасна.
Въ немъ Кралевство и Царство паде, испразднися
и вся слава Сербская въ конецъ упразднися.

Дѣйствіе ѳ.

Явленіе I.

Сербліа благодареніе приноситъ богу, яко сицеваго даровалъ ей царя, и возвеличилъ ю о мнозѣ. К.

Сербліа сама.

Оглашеннѣй истинѣ безъ всяка порока,
слава Богу что имамъ азъ Царя высока.
Богъ да благословитъ и, входы жъ и исходы
да прочіи увидятъ языцы, и роды,
яко въ нашей Сербліи во прямыхъ Хрістіанехъ
суть Царіе, суть Князы, суть крѣпцы во бранехъ.
О семъ промыслителю Богу слава буди,
яко въ благости своей посѣтилъ есть люди,
достояніе свое, верхъ ихъ возвышая,
и отъ свыше и низу о нихъ промышляя.
О Боже, о Господи, о Владыко! кую
принесу ти за сіе почесть каковую;
еже благодарити возмоглабъ здѣ явѣ
непостижимѣй твоей божіей державѣ;
яко не поверглъ еси прочіимъ подъ нозѣ
Царемъ вѣнца моего, его же на мнозѣ
вси языцы искаху покровени тмою
имуще завистлива врага со собою.
Нынѣ же вси смирены трепещутъ ужасны
иже лаяху нѣгда, суть нынѣ безгласны.
Шумятъ, молвятъ напрасно, но не успѣваютъ,
паче же принуждены главы преклоняютъ.
Имамъ бо крѣпка Царя, и превознесенна,
егоже всѣмъ являю именемъ Стефана.

Онъ во чести достойныхъ своей потверждаетъ,
недостойныхъ же паки тояжде лишаетъ.
Законы и правила людемъ полагаетъ,
благонравія образъ по всюду являетъ.
Епіскопомъ прямая опредѣлилъ мѣста,
иже даже досель нераздѣлны бѣста.
Оруженосныхъ добрѣ устроилъ есть воя,
еже защищать тѣми вся предѣлы своя.
Ничто мнѣ недостаетъ, во всемъ изобилна
есмь, и благонадеждна, крѣпка же и силна.
Яко Богъ Царство мое устроитъ во вѣки,
и прославитъ е всегда между человѣки.

Явленіе II.

Благочестіе научаетъ Сербліи како благодарити подобаетъ.

Благочестіе. Сербліа. Лики.

Благочестіе.

О Сербліе! что ты здѣ въ помыслехъ стоищи
разсуждаеши негли ты вѣки лѣтащи,
како Царства земная подлежатъ премѣнамъ,
востаютъ, и падаютъ, склонны ко измѣнамъ.

Сербліа.

Тако есть, о семъ мышлю, и о семъ глюмлюся,
отъ кудъ сіи премѣна, и за то дивлюся.

Благочестіе.

Признай убо истинно, что вышный владѣетъ
царствомъ человѣческимъ, и оному даетъ
по судбамъ превысокимъ, емуже восхощетъ.
Возвышаетъ смиренна, а горда нехощетъ
возвысити на земли, но паче смиряетъ,
и самимъ тимъ кроткія точно умудряетъ.

Ты нынѣ между царствы зѣло возвышена
во всемъ по желанію, и превознесенна,
славою, и честію отъ Бога вѣнчанна,
богатствомъ и силою нынѣ украшенна.
Помни что была еси во юности твоей,
онъ тебе помилова по милости своей.
Помни, присно памятуй дѣла его въ вѣрѣ;
яко удивилъ есть самъ милость свою въ тебѣ.
Жертву хвалы приноси о благодѣяній,
ниже когда забывай его воздаяній.
Прими свитокъ сей малый, и приклонивъ главу,
день, и нощь хвали Бога воспой ему славу,
яко сотвори тебѣ величіе силный
милостивъ, и щедръ Господь великій, и дивный.

и отиде.

Сербліа.

Соберитеся сѣмо вся любезна чада
неманичевъ потомцы паство его стада.
Возвеличимъ Господне славно имя въ купѣ,
пѣніе съ хваленіемъ воздадимъ сугубѣ.
Пріимите вси псаломъ, и дадите тимпанъ,
вси воспойте и пойте, ударяйте въ кимвалъ.
Пойте въ трубы рожалы, составите лики
старцы съ юнотами, малы и велики.

Лики.

Поютъ пѣснь о промыслѣ божіи: на псаломъ рмд. ст. 9. Р.

Кто достойно намъ повѣсти возможетъ 1.
пречудны совѣты и дѣла́;
изумѣваетъ умъ всякъ и неможетъ
постигнути тая до зѣла́,
2. яко зѣло страшна
дивна, и ужасна.
Господь силъ неводитъ въ бытіе.
Небо, и земля, воздухъ весь, и море, 2.
славу его повѣдаютъ намъ.

Коль дивенъ есть онъ, то видимъ мы горѣ,
Коль же милосердъ являетъ самъ.

2. яко оживляетъ,
грѣетъ, и питаетъ,

и малѣйшу въ земли гадину.

3. Коль мудро строитъ, сіе паче дивно
и аггельскимъ умамъ невнятно
коль же вся дѣла производитъ чинно
земнороднымъ есть непонятно.

2. яко въ вещехъ малыхъ
слабыхъ и упадлыхъ

показуетъ могутство свое.

4. Обычно ему отъ гноищъ взымати
и съ Князы людей посаждать:
Илъ отъ Пастуховъ Цари поставляти,
и бѣдна мужа насаждать.

2. зане въ худородныхъ,
и червамъ подобныхъ

Сила его совершается.

5. Не въ констѣй силѣ, ни въ мужествыхъ лыстѣхъ
побѣдити силныхъ восхотѣ,
Ни въ словахъ пестрыхъ, ни въ высокихъ мыслѣхъ
обуити умныхъ захотѣ.

2. но невѣжей простыхъ,
худыхъ и безсилныхъ

въ позорище врагомъ ниспосла.

6. Тѣмъ чудящеся дивному совѣту
подъ крѣпкую смиримся руку,
тако всякому противну навѣту
страшны суще утолимъ скуку.

2. все бо что нитворитъ,
къ концу благу клонитъ

промышляя о насъ отечески.

Сербліа.

Наслаждшеся духовнѣ въ домы отидите,
егдажъ звани будете, паки пріидите.

отходятъ.

Явленіе III. Р.

Сербліа, Минерва.

Минерва.

Что азъ вижу днесь въ тебѣ Сербіе преславна,
яко даровалъ тебѣ Богъ Царя прехвална,
Отъ племене Немани Душана Стефана
силна, храбра, велика, всей селеннѣй явна.
Егоже царство уже расти начинаетъ,
еже и самъ Богъ свыше въ явь благословляетъ.

Сербліа.

Отъ кудъ мнѣ сія быша, азъ сама незнаю,
едину токмо благость вседушно признаю:
яко помилова мя вышняго десница
и во предѣлехъ моихъ возсія денница,
Богатствъ, и изобилій, и славы и чести:
но опасаюсь велми зависти и лести.
Слышу бо яко онѣ Царства разоряютъ,
навѣтуютъ царскій верхъ, и искореняютъ.
Сего ради молю тя премила Минерва,
да подаси ми совѣтъ, что начать исперва.
настави мя молю тя, како уклонится
козней и навѣтовъ сихъ, и како спастися.

Минерва.

Благо намѣреніе, и мысль благохвална:
азъ подамъ тебѣ совѣтъ, вся сотворю явна.
Аще ты желаеши царствовать на долзѣ,
и Царь твой да славится въ семъ Мірѣ о мнозѣ:
сищи себѣ премудрость, и всяко искусство,
стяжи разумъ, и хитрость, и доброе чувство.

Тѣми Цари царствуютъ, силны пишутъ правду,
истребляютъ пороки, и всяку неправду.
Въ градѣхъ и селѣхъ твоихъ воздвигни науки,
и вручи чада твоя въ умныхъ людей руки.
Въ томъ найпаче прилѣжи, и въ томъ потрудися,
сей ти буди совѣтъ мой, ты въ немъ поучися.
Все бо богатство, слава, вся военна сила,
безъ мудрости тако суть аки бы не была.
Ты храни согласіе, союзъ и покорность,
въ людехъ твоихъ вкорени, и защищай волность.
Бога бойся, Царя чти, и любовь взаимну
внушай присно всѣмъ твоимъ, и тужъ едину.
Яко же вся жертва солію солится,
тако и любовію все дѣло строится.
И вся вамъ любовію присно да бываютъ,
тако дѣла общая цвѣтутъ пребываютъ.
Блюдися распръ, раздоровъ, и всякихъ сѣченій,
сердце твое соблюди отъ тяжебъ, рвеній.
Другъ бо друга оставитъ; отпадетъ сихъ ради,
искоренятся Царства, силны падутъ грады.

Сербія.

Отъ коль благи совѣты, изрядны, и святы,
истинно безъ нихъ ни кій штатъ неможетъ стати,
да бы ему непасти, или превратится,
или возмутитися, или развратится.
Благодарствую тебѣ, за толику милость.
все то есть моя слава, и вся моя живность.
Вкоренихъ въ сердцѣ моемъ вся твоя привѣты,
и потщуся исполнять вся твоя совѣты.

Дѣйствіе г.

Явленіе I.

Стефанъ превысокій Царь Сербскій состарѣвся призываетъ Князы своя, и раздѣляетъ между ими страны царства своего въ правленіе. К.

Царь, и Князы.

Царь.

Се яко же видите, уже состарѣхся,
дни мои скончашася, и азъ обрѣтохся
въ предѣлехъ смерти моей: и за то умыслихъ
раздѣлити на части царство ми промыслихъ
между Вами Велможи до возраста Сына,
его же ми даде Богъ, и тогожъ единa.
А егда той возрастетъ, паки отдадите,
и кійждо свой жребій весь ему возвратите:
яко да царство цѣло нераздѣлно будетъ
въ дому, и родѣ моемъ, и во вѣкъ пребудетъ.
Довольно въ мірѣ пожихъ доста имѣхъ славы,
распространихъ и царство отческой державы.
Стефанъ святый дечанскій той мнѣ Отецъ бяше,
се родъ, се благородство, отечество наше.
степенно пріяхъ царство Сербское преславно
яко есмь Законный Царь всему свѣту явно.
Двадесять четыре лѣтъ сѣжу на престолѣ,
имамъ еще сѣдѣти даже и до толѣ,
дондеже въ немъ утвержду азъ моего Сына,
Царя младa Уроша, егоже единa
имѣю наслѣдника Царства сотворити:
но Богъ вѣсть, еда уже данiе буду жити.
Уже бо время пройде, въ немъ же имѣхъ браны
премногія съ многими турцы агаряны.
Ихже прогнахъ обоихъ полъ моря, и взяхъ славу,
инихъ смиривъ приведохъ подъ мою державу.

Обаче дни зайдоша уже въ домъ подземный,
помрачи ихъ старости моей вечерь темный.
Померче день юности, ахъ день свѣтозрачный,
найдежъ уже старости, найде облакъ мрачный.

Князь.

Кая лютость о Царю! и кто тя смущаетъ;

Царь.

Смертный часъ мнѣ на память уже наступаетъ.
Мышлю что по мнѣ будетъ, и кая отрада
Царству: зане же имамъ сына еще млада.
неможетъ самъ младъ сый онъ царство управляти,

Князь.

не мой, не мой о Царю! ты насъ оставляти.

Царь.

Чуждуся что глаголешъ, иль доселѣ нѣси
начиталъ ты въ Бібліи, сеголи невѣси,
яко старость есть честна, но немноголѣтна,
юже постызаетъ смерть, а смерть неизвѣстна,

Явленіе II.

Царь особеннѣ призиваетъ Вукашина, и вручаетъ ему сына своего и все царство до возраста его.

К.

Царь.

Сего ради позови Княза Вукашина,
и прочихъ намъ отвѣрныхъ отъ священна чина
да препоручу ему до возраста Сына
все царство при всѣхъ явно, и того едина.
Вукашину дамъ царство, ибо ему равенъ
едва изобрѣтется, и честію славенъ
Къ тому же и странныя умѣетъ языки,
умѣетъ и нашъ Сербскій мужъ же сей толикій.

Не кичится, глаголютъ, но кротокъ есть въ нравѣ,
а бесѣду его днесь услышимъ вси явѣ.

Вукашинъ.

Прити велѣлъ ми еси: азъ яко моего
Царя охотно гласа послушахъ твоего,
творити волю готовъ: ты мнѣ что велиши;

Царь.

Сему мой Вукашине, добрѣ да внушиши.
Мышлю тебѣ отъ нынѣ о Княже всезлатый,
вседрагій, вселюбимый, все царство отдати.
Се мое усердіе, и любовь толика,
азъ яко державнѣйшій Царь твой и Владыка.
Вовѣряю ти царство до возраста Сына,
и сія то званіе есть твоего вина.
Сіе послушаніе тяжко ти не буди,
да бы не всуе пошли многи мои труды.
Вѣмъ бо тя блага быти отъ самаго слова,
и не имамъ у себе другаго такова.
Примеши ли ты царство, и моя совѣты
даси ли каковыя на се, рцы, извѣты.

Вукашинъ.

По воли твоей Царю во всякой потребѣ
да и то нелѣностно всѣмъ служити требѣ.
послужу азъ, обаче что ми велитъ ваше
Величество: и давно сія во мнѣ бяше
мысль, видящи тя уже престарѣла лѣты:

Царь.

то, то, то Вукашине, и болшъ не имѣти
надежди въ тѣлесномъ семъ житіи уставѣ.
ибо извѣщено есть се моей державѣ,
яко не помнозѣ азъ въ сей моей болѣзни
имамъ преселитися до вѣчныя жизны.

Вукашинъ.

Добрѣ убо азъ буду царствомъ управляти,
а и Сына твоего стану обучати.
Егдажъ придетъ во возрастъ совершенъ изъ гола,
то будетъ онъ наслѣдникъ отческа престола.
Нѣсмь азъ якоже вѣси измѣнникъ и луда,
Отдамъ ему все царство безъ всякаго труда.

Царь.

Обаче Вукашине вѣси, вси какову
имамы непобѣдну мы вѣру Христову:
а вси претыкаемся часто, суще люди,
сего ради здѣсь въ посрамъ се тебѣ не буди
Кленимися при крестѣ, да сотворишъ тако,
яко обѣщалъ еси, отнюдъ не инако.
Лобжи Evaггеліе, и то да будетъ ти
во страшный день судія, да угонзнешъ сѣти.

Вукашинъ.

Самъ Богъ да побіетъ мя се моими словы,
кленуся, что невчиню козны неистовы.
но отдамъ царство цѣло твоему породу,
Се съ клятвою глаголю при всему народу.

Царь.

Слышите вси людіе, коль глаголетъ красно
Любезный мой Вукашинъ, во всемъ мнѣ согласно.
Обѣщаетъ отдати, и безъ всякой скорбы
Царство Сыну моему такожде безъ борбы.
Сынъ мой отчичъ наслѣдникъ, дѣдичъ, но младъ лѣты,
тѣмъ отдаю ти его во твоя совѣты.

Царь умре потомъ.

Явленіе III.

Сербліа, Минерва, и Історіа разглаголствуютъ. Р.

Минерва.

Се придохомъ къ тебѣ днесь Сербліе преславна
утѣшити въ горести, яко ты прехвална
лишившися Царя си сѣтуеши въ вдовствѣ
и сочады твоими стенеши въ сиротствѣ.
Да утѣшитъ тя вышный Богъ всея утѣхи,
и печаль твою въ скорѣ да обратитъ въ смѣхи.

Сербліа.

Благодарствую азъ вамъ Матроны всечестны,
за трудъ и любовь вашу другины любезны.
Не толико тяжко есть мнѣ мое сиротство,
ниже кое чувствую въ сердцѣ моемъ бѣдство.
Имамъ бо Царя млада Уроша прекрасна,
и Вукашина Князя всѣмъ врагомъ ужасна.
Ему же Царь поручилъ и Сына, и Царство
отдавъ въ попеченіе, и всяко началство.
Живетъ моя надежда, утѣха, и слава,
живетъ Урошъ мой милый, всего Царства глава

Історіа.

Слухъ по всюду носится, и читахъ недавно,
яко Царь твой раздѣлилъ Царство твое славно.
Воеводамъ, и Княземъ, да и самовластныхъ
сотворилъ ихъ, и сверхъ сихъ подободержавныхъ.

Сербліа.

Тако есть: но онъ сіе учинилъ изрядно,
да всякъ во своемъ жребіи упасетъ избранно
стадо ему вручено, а отъ Вукашина
вси да зависятъ, яко паче всѣхъ ихъ силна.

Минерва.

Злый духъ совѣтъ сей всѣялъ въ умъ твоего Царя,
симъ бо образомъ въ Серблехъ возсіявша заря
изчезнетъ, и во мраченъ облакъ премѣнится,
весъ вашъ свѣтлый горизонтъ во тму обратится.
Егда буры, и выхры воставше покріютъ,
храбрость, крѣпость увянетъ, и силы унылютъ.
Сіи плоды суть всегда раздѣленій глупыхъ,
всякаго нещастія, и паденій грубыхъ.

Сербліа.

Какова ты влагаешъ странна въ наши ушы,
и чадъ моихъ любимыхъ смущаеши душы.
престань, не глаголи сихъ, не имать сіе быти,

Минерва.

постой, ты то доживешъ, имашъ искусити.
Свободна ты Госпожа, будеши рабыня
рабовъ грѣха, и твоя упадетъ твердына.
Славишися именемъ Серблія названна,
измѣнится, и будешъ Сервіа прозванна.
Въ иго тяжко подпадешъ, въ узы, и оковы:
иже поработятъ тя суть уже готовы.
Злыми чужихъ примѣры лѣтъ бѣ умудрится,
и пагубныхъ послѣдствій заранѣй спастися.

Історіа

О дабы Царь твой читалъ исторіи древныхъ
славныхъ, храбрыхъ Народовъ Царемъ своимъ
вѣрныхъ,
силою, и славою къ Небу возведенныхъ
раздѣленіемъ падшыхъ къ аду низведенныхъ.
Помни Царство Евреевъ како раздѣлися,
и тѣмъ раздѣленіемъ како разорися;
Помни случай, и гибель Александра силна
покорша селенную, и въ крѣпости дивна:

Онъ раздѣли въ четиры область свою части,
и мняше крѣпшихъ быти, никакоже пасти.
Обаче падоша вси, сотрошася сами,
часты брани ведуще: тожъ будетъ и съ вами.

Сербіа.

Се ли утѣшеніе что мнѣ принесосте;
какъ азъ выжу въ горшую печаль мя ввергосте,
яко буду рабыня языка невѣрна,
и что ваша словеса суть истина, вѣрна.

Минерва.

Уповаю, ты чтеши евангелско слово,
оно тебѣ покажетъ, яко се не ново.
Не глаголетъ ли Христосъ Богъ сый вѣчна правда,
егожъ слово неможетъ рещися неправда:
Яко Царство, или домъ, иже раздѣлится
постояти не можетъ, падетъ, разорится.
Запустѣетъ, изчезнетъ. и память погибнетъ
отъ лица земли, яко дымъ изчезнетъ.
Быть неможетъ иначе гордость должна пасти,
всякой бѣдѣ и нуждѣ, подданству подпасти.

Сербіа.

А что будетъ, то будетъ, азъ пойду въ покои,
пойдите же и самѣ вы во страны свои.

отидоша:

Дѣйствіе I.

Явленіе I.

Вукашинъ кичится, яко пріятъ царство Сербское, и не хощетъ возвратити е Господину своему. К

Вукашинъ, и Соборъ.

Вукашинъ.

Слышите вси твари днесь горы, и дубравы,
слышите древа, лѣсы, зеленыя травы.

Слышите вы, слышите о Сербскіи люди,
молю васъ всѣхъ во обще, отъ селѣ не буди
сей мой гласъ къ вамъ, братіе: но страшный ужасный,
и да будетъ всѣмъ вамъ въ слухъ, и аки громъ гласный.
Торги, купли, работы днесь вси оставите,
и слышанія ради сѣмо притеците.
Азъ есмь Вукашинъ оный Князь силный во брани,
хощу да буду славенъ на четыры страны
свѣта: ибо Сербское въ рукахъ моихъ Царство,
вѣнецъ, скиптръ, и всяко такожде началство,
яже мнѣ привручилъ есть Стефанъ превысокій
и Сына, и все Царство предѣлъ сей широкій.
Аще азъ и клялся есмь тое возвратити,
обаче на семъ свѣтѣ можетъ ли то быти.
Что прочіи снискаютъ съ пролитіемъ крове
со трудами, и въ славѣ вознесенной бровѣ.
Пакъ и Вукашинъ первый былъ бы азъ то луда,
пріявъ въ руки все Царство безъ всякаго труда,
(И сіе бъ то отдати) а есть не въ таковыя доста-лося руцѣ,
но всѣхъ противящихся предамъ страшной муцѣ.
Да познаютъ мя Царя Княза Вукашина,
яко пріяхъ Серблію отъ Царя Стефана.
На задъ уже не отдамъ, что мнѣ есть предано,
аще бы и соборомъ то мнѣ глаголано.

Соборъ пришедъ совѣтуетъ еже отдати царство наслѣднику.

Архіерей 1.

До времени ти княже Царство есть вручено,
и сіе словомъ твоимъ клятвеннымъ ствержденo.
Помни какъ клялся еси, яко возвратиши
Царю младу Урошу, а не присвоиши.

Вукашинъ.

Правда то, что клялся есмь, но отдати нетьу,
сію мнѣ поручену превелику сретьу.

Архіерей Й.

Отдай Княже, да не Богъ ти будетъ отмститель.
зане же той сиротъ есть и вдовъ защититель.

Вукашинъ.

Воля буди Божія, воля его зѣлна,
вѣдалъ бо Богъ что будетъ та клятва бездѣлна.
А за что мнѣ преподалъ толикія власти.

Князь.

не по человѣческой суди Княже страсти:
Но вѣждь яко аще есть долготерпѣливый,
пребываетъ обаче зѣло справедливый.

Вукашинъ.

А что будетъ, то будетъ, сему быть немощно,
отдати бо Царствіе вспять зѣло мнѣ есть тощно.

Князь.

Аще ти и трудно есть, даждъ Царство обаче.
тако судимъ вси обще быти неиначе.

Вукашинъ.

Отдати мнѣ Царство вспять, то слово ужасно,
отидите отъ сюду, молю васъ прекрасно.
Отидите молю васъ, идите отъ сюду,
иначе бо съ вами азъ глаголати буду.
Се бо мечъ обоюдный обнажу и въ скорѣ,
бѣжите скоро, аки корабли по морѣ.

Архіерей Й.

Честь Царева судъ любитъ, а что ты скорбиши,
почто насъ днесь отъ очесъ своихъ изгониши;

Вукашинъ.

Отидите, идите въ дебри непроходны,
отидите, идите въ пустыны безводны.

Отиде соборъ.

Вукашинъ къ Народу.

Калугери едини простыраютъ слово,
что се; отдати Царство, то бы было ново,
да бы волкъ зъ зубовъ пустилъ овцу восхищенну
чреву сущу ни мало его насыщенну.
Правда, трудно держати, но быть не возможно,
да бы азъ отдалъ Царство, глаголю неложно.

Явленіе II.

Сластолюбіе. Вукашинъ. Славолюбіе.

Сластолюбіе.

Вукашине, что тако молвиши, и кія
умысль въ разумѣ твоемъ наводитъ ти сія
яко трудно держати: помысли коль сладко
славну быти предъ людми, азъ повѣмъ ти кратко.
Человѣцы на земли сущіи во плоти,
Слава Богу разумны, не суть аки скоты:
но всякъ вящшей, и вящшей ищетъ себѣ славы,
ты жъ коего разума, и коея главы (былъ бы еси)
Имѣвши въ рукахъ Царство изъ руку пустити,
а по томъ суди нынѣ, что будешъ творити;
Отдати бо вспять Царство кая тебѣ нужда,
табъ была кая смысль дивная и чужда;
Аще же бы исперва се тебѣ вѣдано,
донде же еще небѣ тако привязано
сердце твое толь долгимъ[1] обычаемъ сластей
удобѣе было бы: нынѣ огнь страстей
толику силу поимъ како есть удобно
угасити хощеши, мнитмися подобно,
И умъ обыкновенный, и налогъ сломити,
отъ Царскія же власти простымъ Княземъ быти.

1. Въ оригиналѣ: домимъ.

Вукашинъ.

То мнѣ и чувствително, азъ душу и тѣло
изволяю предати за славу всецѣло.
Лучше бо мнѣ умерети, и болше не жити,
нежъ бы кто имѣлъ мою славу испразднити.

Сластолюбіе.

Помни сластолюбіе коль сладко и честно,
міръ весъ цѣло призна́етъ, то быти нелестно.

Славолюбіе.

О Княже Вукашине, возлюбленна главо!
кто ти во умъ влагаетъ то дѣло лукаво,
да бы ты могълъ царство на задъ возвратити,
а самому бы паки простымъ Княземъ быти.

Сластолюбіе.

И азъ то ему рекла первѣе на мнозѣ,
како лишится того, что въ царскомъ чертозѣ;
Помяни Вукашине, дни первіе тіе,
егда тя имѣяше Царство Сербско сіе,
кое тогда пространство, кая радость бяше,
сласти, что едва твое сердце вомѣщаше;
Игри, и плясанія бяху невозбранно,
сласть же всяка течаше въ душу непрестанно,
Конхъ тогда радостей не быхомъ мы сыти,
помянути коль сладко тожъ дѣло творити.
Помяни когда зѣлной ко сердцу охладѣ,
быхомъ стобою въ красномъ ономъ вертоградѣ
Тако, тако азъ тебѣ глаголю нелестно,
помни сластолюбіе, коль сладко, и честно.
Сластолюбія того инако едина
кая бы то днесь была измѣнна година.
О тебѣ всюду златы днесь проходятъ вѣсти,
и твоей славы никто можетъ исповѣсти.

Пощади себе молю, пощади самаго
не отдавай Сербскаго царства предрагаго.

Вукашинъ.

Недамъ, недамъ, башъ недамъ, азъ бо уповаю,
яко царствовать буду, многа лѣта чаю.

Славолюбіе.

Тося зна, что будешъ ты на вѣкъ царствовати,
а царство назадъ паки за чтобъ отдавати.
Со славою умрети добрѣ ~~есть~~ удобно,
угасити жъ ты хощешъ мнитмися подобно.

Сластолюбіе.

И азъ ему первѣе то рекохъ сугубо
толику власть поемши како есть удобо.
Пойдемъ убо прочее въ Царскія палаты,
идѣже велегласно поетъ органъ златый.

Вукашинъ.

Благодаренъ азъ вамъ есмь за сія совѣты,
болшъ уже о томъ мыслы не буду имѣти.
Но буду Царь въ Сербліи совокупно съ вами,
пойдемъ возвеселимся съ прочими другами.

отидоша.

Явленіе III.

Р. Сербліа, и Минерва.

Сербліа сама.

Что азъ слышу въ днешный день, у лютѣ, о горе!
О дабы Вукашина поглотило море.
И въ пучинѣ погребло аки Фараона,
или земля пожерла аки Авирона.
Беззаконенъ, безбожникъ, и клятвопреступникъ,
поправъ правду, и совѣсть, отъ вѣры отступникъ.

Обѣщася съ клятвою царство возвратити
Наслѣднику престола: нынѣжъ развратити
окаянный намѣренъ, пачежъ угасити
свѣтилникъ мой единый, такожъ умалити
славу царства моего, менежъ оскорбити,
Князы, и Велможи вся въ конецъ истребити.
Зане надутъ въ гордости, славою напищенъ
сластми, славолюбіемъ излыха восхищенъ.
Недамъ, недамъ, башъ недамъ, се токмо вѣщаетъ,
яко царствовать будетъ, многа лѣта чаетъ.
Не мыслитъ онъ о общей и славѣ, и ползѣ,
еже пребывати имъ въ Мірѣ семъ надолзѣ.
Но самъ единъ онъ хощетъ всечестенъ и славенъ,
вознестися паче всѣхъ, въ Мірѣ быти явенъ.
О Боже, о Господи! азъ зѣло боюся,
да и Царство не падетъ, о семъ то пекуся.

Минерва пришедшій глаголетъ.

Не рѣхъ ли ти Сербліе, что сіи суть плоды,
раздѣленія Царства, се имашъ доводы
въ Вукашинѣ прегордомъ. Царства не возвратитъ,
но и на Царя дерзнетъ, и животъ прекратитъ,
И самъ не возцарствуетъ на земли лѣтъ много
Зане похищеніе не траетъ за долго.
Къ тому правда божія того не допуститъ,
да и клятвопреступникъ горести невкуситъ.
Онъ, яко же видиши, тебе озлобляетъ,
а и гибель готовитъ, се самъ обявляетъ.
Но иже обижаетъ, самъ обиженъ будетъ,
ускоритъ нань гнѣвъ божій, ка́зны не избудетъ.

Сербліа.

Что мнѣ нынѣ дѣлати, настави мя молю,
яко послушаю тя, и сотворю волю.

Минерва.

Все всуе, трудъ тщетенъ, и совѣты поздны,
егда убо готовы навѣтничи козны.
Прежде раздѣленія совѣты суть блазы,
а по раздѣленіи суть тщетны и назы.
Царство твое упадетъ, и все разорится,
раздрано бо и тако, зато испразднится.
Богъ всякія утѣхи тебе да утѣшитъ,
и въ помощь твою въ скорѣ яко благъ поспѣшитъ.

Сербліа сама.

Правда твоя, правда въ вѣкъ, слово твое вѣрно,
людей мысли суетны, и дѣло бездѣлно.
Зане, Боже совѣтъ твой во вѣкъ пребываетъ,
человѣкъ же суетныхъ совѣтъ изчезаетъ.
О дабы нынѣ восталъ ты Царю Стефане
и прилѣжно осмотрѣлъ Царство твое славне.
Еже еси раздѣлилъ на многія части,
имиже нынѣ всюду обладаютъ страсти.
Общество горко страждетъ, и Сынъ твой единый
неймать пребывалища, но ходитъ презрѣнный.
Зане Вукашинъ онъ твой любезный и вѣрный,
воста на него, и самъ здѣлался безмѣрный.
Свирѣпъ, и суровъ нравомъ не хощетъ отдати
Царство Сыну твоему, но смерти предати
по елику видится, его намѣряетъ,
зане соборъ, и совѣтъ грубо отрѣваетъ.
Всей гибели, всему злу ты еси причина,
погубилъ еси всѣхъ насъ, и Царство, и Сына.

Сынъ Душанова является.

Что вопіешъ ты ко мнѣ, и почто ужасна
стоиши голубице ты моя прекрасна.
Ни ли оставихъ тебе крѣпко утвержденну,
яко Царскую утварь со всѣмъ украшенну.

Жалуешся на горда злаго Вукашина,
похитителя Царства проклятаго Сына.
Но ты правду глаголешъ, что азъ всего вина
паденія, гибели: признаюсь едина.
Зане свята, праведна азъ оскорбихъ Отца,
и тѣмъ самымъ прогнѣвахъ всеблагаго Творца:
Отторгъ отъ него Царство, и озлобихъ бѣднѣ,
старческу бо жизнь его скратихъ умовреднѣ.
По наговору Велможъ во градѣ Звечанѣ
удавити дозволихъ бѣдна нечаяннѣ.
Онъ въ часъ смерти прокля мя, наслѣдство и Царство,
Господство же и всю власть, и всяко началство
Правда убо послуша молитву святаго
сего ради казнь сія постыже мя тако.
Иди, и оплакивай, дондеже есть свѣта,
нещастіе, и гибель оть сего навѣта.

ı зчезе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Неизвѣстная драма М. Козачинскаго.

(*Окончаніе*).

Дѣйствіе є.

Явленіе I.

Урошъ жалуется на Вукашина, яко лестію похити царство, и не хощетъ возвратити е ему. К.

Урошъ самъ.

До смерти учитися, обще гласитъ слово,
всякому человѣку, но на мнѣ се ново
явися: яковъ Отецъ никто таковъ бяше
иже бы Вукашину недать, глаголаше
Царство: но вси томужде попустиша быти,
нынѣ же, невѣмъ како его возвратити.
Похити бо похити Вукашинъ жестокій
весъ каменный нечувственъ, къ томужъ яроокій.
страховидный истинно, и аки звѣръ дивый,
клятвопреступникъ оный зѣло горделивый.
Ни отъ Царска, ни Княжя произиде рода
но и львовой ярости, и тигрова плода.
Поправъ совѣсть, и клятву разори зловѣрный,
весъ же стался напищенъ воспріять ядъ звѣрный.
Изгна соборъ, ни блага слушаетъ совѣта,
аки вервіемъ нѣкимъ связался налѣта.
Ни что ино другое отъ него нечути,
токмо недамъ, пакъ недамъ, тако стался лютый.
Но азъ имамъ надежду въ единомъ на мнозѣ,

Царствующемъ повсюду во Господѣ Бозѣ.
яко неоставитъ мя жива со Хрістяны,
О Боже милосердый милость твою на ны
низпосли, и утоли вся нужды и скорбы,
Отжени ненависти, распры, браны, борбы.

Аггелъ пришедъ утѣшаетъ Уроша скорбяща.

Ангелъ.

Что ты тако скорбиши, и кая потреба;
яко скорой помощи желаеши съ неба,
Царю младый Уроше и ты ли скорбиши;

Урошъ.

не скорблю но молюся да мя утѣшиши.
Лжепророцы мнози, хулницы восташа,
пасти имать законъ нашъ, пасти вѣра наша.

Ангелъ.

Кто такихъ злыхъ навѣтовъ вина, или ложный

Урошъ.

клятвопреступникъ оный Вукашинъ безбожный.

Ангелъ.

Вѣра пребудетъ цѣла, но Царство спразднится,
твоя же душа въ небѣ вскорѣ водворится.

Урошъ.

Молю тя Господине, пойми мя съ собою
дабы азъ моглъ пойти купно и съ тобою.

Ангелъ.

Ни, но требѣ первѣе за истину сію
кровь свою излияти, или подъ мечъ выю
преклонити, и тогда въ конецъ нечаянный
будеши нетлѣнія вѣнцомъ увязанный.
Ничто не сумнѣвайся прейти сія страсти
аки добръ воинъ Христовъ бѣды и напасти.
Азъ же пойду первѣе мѣсто готовати,
ты же изволи крѣпко правду глаголати.

и отиде.

Явленіе II.

Урошъ, Вукашинъ, Соборъ, Вражда. К.

Урошъ.

О Боже, о Владыко! живу азъ до колѣ,
не хощу противится твоей святой волѣ.
Нищету, изгнанія, темницу, оковы
и вся нужды терпѣти за правду готовый.
Токмо яко же Стефанъ молюся, остави,
Вукашину ты грѣха сего непостави.

Вукашинъ.

Кіи тя о Уроше! наустиша бѣси,
и яко азъ самъ Царь есмь сего ли невѣси;
Ты же почто на твоей вѣнецъ царскій главѣ
носиши: невѣдая о моей державѣ.

Урошъ.

Вѣмъ, что похи́тилъ еси, а нѣси взялъ право.
почто Княже твориши ты сице лукаво.
До времени бо тебѣ дано царство бяше,
яко и Калугери тебѣ глаголаше.

Вукашинъ.

А, Калугери то тебе тако наустиша.

Урошъ.

ни, но гдѣся съ клятвою словеса ти скриша;

Вукашинъ.

Азъ да небуду Царь, да небуду честный,
да не буду Вукашинъ, когда я той лестный.
Родъ же весь искореню, со всѣмъ и побію,
и кровь твою на землю вотъ тотъ часъ пролію.

Совѣтъ благо совѣтуетъ Вукашину.

Имаши доста Княже, и безъ сего славы,
почто сіе не возмешъ отъ твоея главы;
яко аще бы тое не пребыло тако
что есть жизнь Міра сего, не видишъ ли како
цвѣтуще увядаютъ, вся аки дождевный
пузыръ, или аки дымъ, яко крины дневны,
аки сонъ изчезаетъ: а и сіе благо
царствовати на земли, такожъ много злаго.
Вражда, зависть, болѣзны, случаевъ различныхъ
сія ли тя удалятъ небесныхъ благъ вѣчныхъ.
Не буди то, не буди, смотри что твориши,
почто Царство Урошу вспять невозвратиши,
Яко же клялся еси: ахъ клялся сторично,
обаче, не мню, тако Князу ли прилично,
Не исполнить своего клятвеннаго слова
се самая отъ Бога погибель готова.
Обялся ты лестію, юже помысль умный
можетъ сіе сказати аще бы безумный
творилъ тако, то есть грѣхъ, а колми ты дерзкій
несрамляешся дѣлать княжескій санъ мерскій.
Преступаяй же клятву, небоишся Бога,
блюди. да не лишитъ тя небесна чертога.

Вукашинъ.

Аще бы азъ далъ Царство, то бы была явѣ
толь превеликой моей укоризна славѣ.
И что нынѣ весь Народъ есть мнѣ подчиненный
то отъ толь безъ оружія былъ бы побѣжденный
азъ самъ: ни, недамъ, моя рука да владѣетъ,
убити тя на сіе сили ми довлѣетъ.
Отиди, отидиже, отиди глаголю,
да не когда Уроша, и тебе исколю.

Соборъ.

Не послушалъ еси ты моего совѣта,
громомъ будешъ убіенъ, лишишися свѣта.

Вукашинъ.

Иди, иди отсюда мнѣ бо твои громы
не тако, яко тебѣ суть велми страхомы.

Урошу глаголетъ.

Ты хощеши отъ мене Царство назадъ взяти:

Урошъ.

мнѣ яко наслѣднику долженъ еси дати.

Вражда наущаетъ Вукашина убити Уроша.

Что слышу Вукашине, и что слово твое,
отдати Царство на трагъ, то чтожъ бы новое
было: помяни нынѣ кая ти есть слава,
потомъ каковъ будетъ смѣхъ отъ рода лукава;
Лучшебъ нѣ родитися, нежъ то сотворити,
имѣвши въ рукахъ Царство на задъ возвратити
Ни ли имаши остра меча обоюдна;
возми животъ отъ земли Царевича студна.
Прободи и, и тогда ты самъ царствовати,
безпечално будеши, что болшъ глаголати.
Убій, убій, бій скоро, извлецы мечъ силне,
во вѣкъ будетъ все твое Царство неомилне.

Вукашинъ ярится.

Аще кто вспротивится моей царской власти,
вся уды, вся утробы, раздроблю на части.
Отъ стрѣлъ моихъ триста стрѣлъ ядомъ напоенныхъ,
вонзу ему во сердце, иныхъ безчисленныхъ
Орудій мучительскихъ: тыже что стоиши,
и почто царскій вѣнецъ на главѣ носиши;

Урошъ.

Отецъ мой законный Царь, и право мнѣ дало,

Вукашинъ.

есть, постой, да въ въ мои руцѣся достало.
Сложи вѣнецъ, Царства бо отдать невозможно.

Урошъ.

а почто Вукашине клялся еси ложно.
Тогда Вукашинъ убиваетъ Уроша.

Явленіе III.

Р. Сербліа, Благочестіе, и Минерва.

Сербліа.

О Господи Савао҃ъ! вскую обиде мя
Горка печаль, и туга, и тмаже покри мя.
Вскую Боже доконца ты мене оставилъ,
достояніе твое въ ничтоже поставилъ.
Распаливъ ярость твою всю на мене бѣдну,
изліявъ страшный гнѣвъ, и пагубу зѣлну.
Віноградъ сей насади рука твоя силна,
и всякихъ благъ исполни сотвори обилна.
Ты по милости твоеи еси мя вознеслъ,
нынѣ въ гнѣвѣ ярости долу мя низверглъ.
Нынѣ обимаютъ и, иже мимоходятъ
попираютъ, зверіе по нему проходятъ.
Ты насадилъ еси самъ коренія наша,
а нынѣ вразы наши въ конецъ исторгоша.

Вѣмъ языцы со всѣхъ странъ на мене востанутъ,
возлагающе раны отъ злобъ непрестанутъ.
Буду поношеніе всѣмъ сосѣдомъ моимъ,
поруганіе врагомъ, поражена твоимъ
мечемъ полнимъ ярости, и отриновена
отъ твоея благости. Азъ во все забвена.

Благочестіе.

Вскую тако Сербліе, слезы проливаешъ,
и слезами всю землю горцѣ омакаешъ;
Не жалуйся на Бога, яко онъ совершилъ
и на погибель твою аки бы поспѣшилъ.
Ни, но по правдѣ своей сотворилъ онъ тако,
ты же и чада твоя ускористе всяко
и привлекосте на ся гнѣвъ ярости его,
раздражисте бо Бога, и творца своего.

Сербліа.

Въ чемъ раздражихомъ его по слову твоему
се работаемъ ему какъ Богу своему.

Благочестіе.

Виждь, яко незнаеши въ чемъ ты согрѣшила,
вѣру, любовь, и должность ты въ тебѣ растлила.
Правда, что далъ тебѣ Богъ вѣру нерастлѣнну,
законъ въ помощь даровалъ, любовь неизмѣнну
да бы Богу, и ближнымъ вѣрно сохраняла,
и сердце твое чисто отъ злобъ соблюдала.
Что сищеши ты въ тебѣ отъ сихъ нерастлѣно,
чтоже цѣло, и здраво, и неиспорчено;
Суевѣріе вѣру почти одолѣло,
пачежъ и невѣріе въ многихъ ся вселило.
Любовь зависть покрила, рвеніе, и лести,
раздоръ, распри, лукавство распростерли сѣти.
Братъ брата уловляетъ, и копаетъ яму,
другъ другу запинаетъ творитъ гибель явну.

Во истину безъ любве все идетъ развратно,
все пагубно, и худо, все всяко превратно,
Чтожъ реку о должности, како успѣваетъ
въ родѣ твоемъ; ей о ней мало кто внимаетъ.
Не видиши ли силныхъ како обижаютъ
бѣдныхъ, и безпомощныхъ, како пожираютъ:
Судіи твои въ судахъ суды развращаютъ,
судъ же божій есть, и тѣмъ Бога раздражаютъ.
Достоинствамъ важности, и старцу нѣсть чести,
ни милости убогимъ, но по всюду лести.
Сіи, и симъ подобны развращени нравы,
и за себе, и за всѣхъ полны суть отравы.
Знай что сими пороки мене обижаешъ,
предъ странными языки тимъ опорочаешъ.
Се тіи исторгнули изъ рукъ твоихъ царство,
и языку чюждемѵ отдали богатство.
Тѣмъ ни Бога, ни мене не обвиняй грубо,
да не понесешъ казны отъ Бога сугубо.

Сербліа.

Настави мя молю тя Мати всеблагая,
да минутъ мя прочее вся речена злая.

Благочестіе.

Послушай ты совѣты Минервы драгія,
она тебѣ въ наукъ дасть совѣты благія.

отиде.

Сербліа.

Благо что пришла еси любезна Минерво,
слышахъ, яко ты еси блаженное древо,
всѣмъ всюду приносящи спасителны плоды,
иже и пребываютъ во вѣчныя роды.
Благочестіе мое къ тебѣ мя послало,
просить блага совѣта мудрости начало.

Минерва.

Чаю, яко подахъ ти таковыя прежде,
и нынѣ подаваю, подамъ и послѣжде.
Ученіе возлюби право, и нелестно,
то тя во всемъ умудритъ, что благо, что честно.
И чтенію прилѣжи книгъ благопотребныхъ,
вредныхъ всегда отбѣгай ни о чемъ полезныхъ.
Отъ туду почерпнеши временна, и вѣчна
блага тебѣ, и ближнымъ всѣмъ благопотребна.
Училища воздвизай во твоихъ предѣлехъ,
учителей приставляй худогихъ во дѣлѣхъ,
и мудрихъ, и тщателныхъ, и вѣрно служащихъ
не за славу, и користь, но истинно бдящихъ.
Тщеславіе, и гордость въ правящихъ изжени.
яко не о Бозѣ суть, за то ихъ прожени.

Сербліа.

Совѣты твоя сія послушати буду,
училища поставлю въ предѣлехъ по всюду.
Тебѣжъ благодарствую о всемъ по премногу,
уповающи ползу получити многу.

отходитъ.

Дѣйствіе $\bar{s}$.

Явленіе I.

Мати ищетъ сына со отроковицами: и егда и егда извѣстися ей, яко убіенъ есть, плачется горко. К.

Мати сама.

Коль превелика злоба Княза Вукашина,
Коль клятва и словеса суть непостоянна!
Не могій взяти Царство явнымъ и оружнымъ
образомъ то все пріятъ со лестію нуждымъ.
Лесть въ мѣсто любве пріятъ мнѣлся быти вѣрный
въ словѣ токмо, въ сердцѣ же ношаше ядъ звѣрный.

Распростре хитрый, простре смиренія сѣти,
    како бы Сербско Царство за себе имѣти.
Стефанъ бо превысокій мышля что ничтоже
    худо въ толицѣй любви быти не возможе:
вовѣри ему Царство до возраста Сына,
    созвавши вѣрныхъ людей обоего чина.
Утвердивъ завѣтъ крѣпкій клятву полагаше,
    дать въ возрастѣ Сыну, да все будетъ наше.
Но нынѣ недобріе мнѣ приходятъ вѣсти,
    яже азъ за доволно не могу повѣсти.
аки же бы Вукашинъ хощетъ воспріяти
    и дворъ, и державу всю, царскій вѣнецъ златый
Жити такожде хощетъ идѣже палата
    аки звѣздъ полна суще кованыхъ отъ злата
лампадъ и свѣтилниковъ изъ восточной страны,
    сладкія происходятъ мvры безпрестанны.
Днесь врагъ нашъ на престолѣ сидитъ превысокомъ,
    самъ честенъ, а прочихъ величавымъ окомъ
презираетъ, самъ токмо свѣтелъ же и златый
    прочіи предъ нимъ просто несмѣюще стати
прегибаютъ колѣна, инніе подъ нозѣ
    припадаютъ лежаще на земли на долзѣ.
Мнози отъ иностранныхъ приходятъ со дары,
    Царемъ и зовутъ а онъ окруженъ боляры.
Легкимъ степенемъ сѣмо и овамо ходитъ,
    удивляющымся всѣмъ бровъ куди возводитъ:
мою же истинную наслѣдну утробу
    слышу предати хощетъ подземному гробу.

Посилаетъ Отроковицы искати Уроша.

Гдѣ нынѣ Царь младъ Урошъ, сѣмо пригласите,
    яко азъ его зову, сіе ему рцыте.

Отроковица 1.

Искахъ Сына твоего сѣмо и овамо,
    но не вѣмъ въ кое время, отишелъ, и камо.

Мати.

Скоро, скоро, а скоро вси купно тецыте,
и да пріидетъ сѣмо абіе, гласите.

Отроковица 2.

Царя млада Уроша искахомъ по всюду,
невѣмы кій человѣкъ былъ здѣ, и откуду,
сказивалъ, яко видѣ княза Вукашина.

Мати.

ахъ моя превелика въ сердцѣ моемъ рана.
Скоро паки поскоро вси купно тецыте,
да пріидетъ онъ сѣмо смиренно молите.

Отроковица.

Азъ бы тебѣ Госпоже рекла безъ прилога,
но не скорби излыха, молю ради Бога,
Убито бо убито есть твоего Сына.

Мати.

ахъ моя нещастлива во Мірѣ година.

Мати плачущи припѣваетъ. К.

1. Ты создавый око призри на мя Боже,
не утаитъ бо ся отъ тебѣ ничтоже.

2. кая печаль мя постигла,
туга и скорбь необикла
что не имамъ сына
моего едина.

2. Убила бо его завистлива рука,
Юже ожидаетъ безконечна мука.

2. ненаситный Вукашине,
плотоядный нощный вране.
убилъ еси сына
моего едина.

3. Я бѣдная Мати въ дому пребывала
чтося станетъ съ Сыномъ, о томъ невѣдала

2. Вукашине горделиве
чести Царства завистливе.
убилъ еси Сына
моего едина.

4. Я бѣдная Мати что имамъ дѣяти
когда Сына моего не буду видати.

2. Вукашине хитрый страже,
Царства всего главный враже
убилъ еси Сына
моего едина.

5. Плачтеся со мною вси Матери вдовы
увидѣвши козны Княза неистовы.

2. Вукашина мучителя,
Царства всего губителя.
убилъ бо есть Сына
моего едина.

Отроковица.

Что ты тако молвиши что зѣло скорбиши;
Вѣси бо яко мертва ты не воскресиши:
Развѣ здравія тщету снискаеши себѣ
сего ради ужъ отъ слезъ престати есть требѣ.

Мати.

О Боже всевидящый сѣдяй въ небѣ горѣ,
Вукашину убійцѣ ты суди во скорѣ.

отидоша.

Явленіе II.

Сербліа во уединеніи сѣдящи о состояніи Царства въ себѣ разсуждаетъ. Р.

Сербліа, и Пророкъ.

О Боже мой единый, что отъ селѣ будетъ Сербліа.
съ Царствомъ моимъ, и како пребудетъ;
Ещель возобновится, и паки востанетъ
иль падши единою во вѣки останетъ
пусто, и разграблено, даждь ми сіе знати,
и твою надомною десницу познати.

Пророкъ.

Что сѣдиши здѣ сама Сербліе вдовице
аки на здѣ особна прискорбна горлице.
И вскую прекрасное спаде твое лице,
почтоль помышленія входятъ въ твое сердце.
яко нетли и паки Царство ти востанетъ:
во вѣкъ не возставится, но отнюдъ престанетъ
Занеже измѣри е превѣчная правда,
и обрѣлася есть въ немъ велика неправда.
Тма бо невѣдѣнія Царство твое покри,
и добродѣтель хвална лице свое сокри.
Изъ сихъ добрѣ разумѣй, яко Царство паде,
и цвѣтъ славы твоея конечно отпаде.

Сербліа.

Отъ куду пришелъ еси Пророче пречестный
освященная главо и муже всечестный.
Повѣждь, молю, причины точны и доволны
словесъ твоихъ кія суть правдѣ неповолны.

Пророкъ.

Еда ли невидиши Царство разодрано,
а кія суть причины скажу тебѣ явно.

Се Велможи твои вси всякъ во своей части,
живутъ, и управляютъ ко собственной власти.
Другъ друга болша себе никто непризнаетъ
но паче самовластна всякъ себе считаетъ.
Межъ собою ратуютъ, людей угнетаютъ,
земли опустошивше бѣдныя снѣдаютъ.
Овъ Кралемъ себе зоветъ, овъ Княземъ державнымъ,
овъ Деспотомъ великимъ, овъ Велможемъ славнымъ.
И за то снѣдаются вси между собою,
нѣсть же ни единаго, иже утробою
о общемъ бы поболѣлъ, за то потребятся,
вышняго десницею, и искоренятся.
Аще общее паде, часть ли ти пребудетъ,
аще въ суровѣ то бысть, а въ сусѣ что будетъ
Не Богъ ли самъ постави въ Царствѣ ти свѣтильникъ
Царскій, и превысокій: оный же бездѣльникъ
окаянный Вукашинъ того опроверже
угасивый свѣть его на землю поверже.
Сія ли благодарность, юже вы воздасте
Богу промыслителю; пачежъ оплевасте.
Тѣмъ отъ неблагодарныхъ дарь благій отяся,
и свѣтилникъ отъ мѣста своего подяся.

Сербліа.

Не прелщай мя Пророче не имать сіе быти,
Царство мое востанетъ, и вси будемъ жити,
и въ Мірѣ, и въ покои во вѣчное время,
всѣхъ скорбей и печалы отложивше бремя.

Пророкъ.

Вскую помышленія въ сердце твое входятъ
таковая; не тако, но злая приходятъ,
Изъ внутрь бо чада твоя скончаются гладомъ
а отъ внѣ мечъ ихъ поясть, отженутся стадомъ.

И предъ плѣнившими ихъ падутъ, и нестанутъ,
купножъ съ ними пагубны и страсти престанутъ.
Сіи несогласія суть точніи плоды.
истребляетъ бо оно крѣпчайшія роды.
То вамъ будетъ за мзду всѣмъ славолюбной страсти,
то не благодарности, то смрадныя сласти.
Не надѣйся прочее на ноги востати,
имашъ горки терпѣти бѣди и напасти.
Изъ тебе востанутъ два возставити тебе:
обаче неуспѣютъ, погубятъ и себе.
Вукашину невдастся произвести въ дѣло,
за неправду бо свою погибнетъ всецѣло.
Покусится и Лазарь сотворити тое,
но не улучитъ и той намѣреніе свое.
На поли бо косовѣ жизнь свою окончитъ
Княженію и Царству кончину положитъ.

отидоша.

Дѣйствіе ѕ.

Вукашинъ призиваетъ Волхва да истолкуетъ ему сонъ погибели его. К.

Явленіе I.

Вукашинъ. Слуга. Волхвъ.

Вукашинъ.

Воспріяхъ азъ Царство Сербское пространно,
но чтожъ, когда мя совѣсть гризетъ безпрестанно,
Яко посѣлъ есмь его съ лестію, и ковы,
убійца, проліятель стался чужей кровы.
Сонъ видѣхъ сея нощи, сонъ ужасный зѣло,
иже сквозѣ пронзаетъ и душу и тѣло.
И ктожъ бы его мнѣ мѣлъ право столковати
обѣщаю азъ ему сто дукатовъ дати.

Слуга.

Азъ Владыко здѣ знаю волхва единаго,
иже исповѣсть тебѣ что есть таковаго
Во снѣ томъ страшномъ, что есть, и что знаменуетъ,
онъ подробну вся скажетъ, зѣло бо волхвуетъ.

Вукашинъ.

Пойди его позови до дому моего,
и да возметъ книги вся званія своего.
О дабы онъ мнѣ сказалъ, сказалъ вся подробну,
азъ бы ему дарствовалъ зѣло вещь удобну.

Волхвъ пришедъ глаголетъ

Вукашинъ.

Скорбь велія мнѣ, лютѣ, ахъ! скорбь есть презѣлна,

Волхвъ.

Что ти есть Вукашине, престани: бездѣлна
толика ти печаль есть, аще и что злое
видѣлъ еси ты во снѣ, мы можемъ и тое
исправити и въ добрый случай премѣнити:
но почто велѣлъ еси мене пригласити;

Вукашинъ.

Сонъ видѣхъ исполненный страха и ужаса
егоже ти изрещи не стаетъ ми гласа.
Аще можеши ты мнѣ се истолковати,
Волхвъ. а, а, а что хощешъ мнѣ ты за тое дати.

Вукашинъ.

Сто дукатовъ рекохъ ти, и болшаго дару,
сподобишся отъ мене:

Волхвъ.

скажи сонъ твой Цару.

Вукашинъ.

Сонъ тебѣ изявляю о мой Волхве красный,
но егда воспомяну, весь есмь преужасный.
Пойдохъ аки ко Брату, о день, о часъ лютый!
и аки подо мною три крати на пути
Конь преткнуся, паки же три крати врань черный
прелѣтѣ мя среди дне, азъ же и вечерный
нарекохъ: а егда же приходъ во домъ братный,
показался мнѣ чернымъ слуга его вратный.
Егда же прагъ преступихъ отъ сюду и сюду
на мечи мя подяша: моихъ же отъ туду
воспятиша всѣхъ воевъ самъ азъ со двоими
всуе брахся весь лютѣ на мечахъ носимый.
яко медведь, емуже въ перси ловецъ силный
вонзивъ роженъ мещетъ ся, всуе и бездѣлный
гнѣвъ яритъ, и елико борится крѣпчае,
толико въ онь желѣзо входитъ глубочае:
сице азъ бѣдный брахся, послѣди же тамо
падъ на землю валяхся сѣмо, и овамо.
а прочее въ томъ страсѣ испустихъ и душу,
болшъ ти рещи не могу, но молчати мушу.

Волхвъ.

Правда, что сонъ страшенъ есть, азъ могу сказати:
но требѣ есть первѣе книгу прочитати.

Вукашинъ.

Читай, ахъ, читай да рцы, что̀ сонъ знаменуетъ,
и како конь, врань черный, и братъ ся толкуетъ.

Волхвъ.

Зъ сея книги не могу тогожъ разумѣти,
развѣ требѣ идѣ всяко боговъ пригласити.

Вукашинъ.

Призови силу боговъ твоихъ, иже пѣній
слушати навыкоша, или повелѣній.

Волхвъ.

Бозы мои вси Бозы послушайте Бозы,
аще кій есть крѣпчайшій, единъ, или многы.
О вы Бозы вси ея днесь здѣ совокупите,
что есть сонъ Букашиновъ абіе скажите.

Вукашинъ.

престани, друже, стани, Бозы твои паны
спаваютъ днесь, видится, твердо окаянны.

Волхвъ.

Азъ двигнухъ мертвыхъ адскихъ, воздушныхъ, и водныхъ
соберу духовъ, къ тому звѣрей многородныхъ
Совокупно пріидутъ, зміи страховидны
гады, скоты, ползящя, скорпіи, ехидны.
Совлеку солнце съ неба, помрачу свѣтила
день въ нощь претворю, явѣ будетъ моя сила.
Скажу что конь твой страшный, скажу его явѣ
что все то знаменуетъ царской ти державѣ,
токмо твердо позабихъ другу книгу взяти,
пойду скоро, ты жъ изволь мало подождати.

Вукашинъ.

Иди, иди, за Бога, да не унываю.
азъ же здѣ на семъ мѣстѣ тебе подождаю.

Къ Народу глаголетъ.

Гей сонъ, сонъ другій уже бы неснѣлся,
несчастенъ азъ человѣкъ, что таковъ родихся.
Да потопитъ мя море аки Фараона,
иль да пожретъ мя земля аки Авірона.
Убихъ бо аки Иродъ отрока невинна,
отчича наслѣдника и Царскаго сына.

Явленіе II.

Отчаяніе приходитъ, и осуждаетъ Вукашина. К.

Отчаяніе.

Сіе ли Вукашина, христіанско сіе
усердіе ко Царю, о вѣкъ твой, о дніе!
Да помрачитъ тебе днесь се мракъ нечаянный,
у лютѣ ти, о горе, что ты окаянный
Сотворилъ еси тако, у лютѣ, о горе!
умерлъ еси душею, се еще повторѣ
имашъ умрети: почто въ плачевной юдолѣ
извелъ тя есть на сіе всѣхъ животныхъ полѣ;
Почто неумертви тя въ матернѣй утробѣ,
и адъ не затвори тя во своемъ си гробѣ.
Погиблъ еси, ахъ, погиблъ тѣломъ и душею
како неужаслся еси душею своею
чистую наслѣднюю Царску кровъ пролити,
не устрашился еси Уроша убити.
Въ своей части доволнымъ ни ли лучше бяше
быти: нынѣ, ахъ, паде спасеніе Ваше.
Погиблъ еси душею, ахъ погиблъ на вѣки
не имашъ участія между человѣки.

Вукашинъ.

Ахъ, паде спасеніе, кая мнѣ отрада;
да сниду убо живъ сый до темнаго ада.
Здѣ Вукашинъ громомъ убивается.
и кончится.

Явленіе III.

Сербліа разграбленна и опустощенна рыдаетъ. Р.

Сербліа, и Пророкъ.

Сербліа.

Се сбывшаяся на мнѣ реченная выжу
овдовѣвши азъ отъ всѣхъ оставлена сѣжу.

О кто помилуетъ мя, и кто ми поможетъ,
яко да родъ мой паки востати возможетъ.
Аще не ты Творче мой послеши ми помощь,
послеши ми благодать, исцѣлиши немощь.
яко возгорѣся огнь ярости твоея,
вся предѣлы попали области моея.
Собралъ еси вся злая и на мя изліялъ
ещежъ стрѣлы, и весъ гнѣвъ на мене проліялъ
Посла на мя мечъ, и гладъ, зубы звѣрей лютыхъ
напои мя водою изъ потоковъ мутныхъ.
Въ достояніе твое языцы придоша,
и всю святыню твою въ другъ опровергоша.
Трупія рабовъ твоихъ лежатъ побіенныхъ
въ брашно птицамъ небеснымъ въ смрадѣ поверженныхъ.
Кровы ихъ проліяша яко воду зѣлну,
а мене въ плѣнъ ведоша яко рабу бѣдну.
Поядоша мя лютѣ, и опустошиша,
всѣхъ благъ, и притяжаній въ конецъ истощиша.
И нынѣ ми глаголютъ, скажи гдѣ есть Богъ твой;
О покажи имъ въ скорѣ, что ты еси Богъ мой.
Да увѣсть ся предъ свѣтомъ месть зла моихъ враговъ,
и да возвысится рогъ вѣрныхъ твоихъ рабовъ.
Пролей гнѣвъ твой ты на нихъ тебе непознавшыхъ,
ни имене твоего право непризвавшыхъ.

Пророкъ.

Что такъ горцѣ стенеши Сербліе пребѣдна
что такъ смрадна, и нага и лицемъ преблѣдна;
Не вѣси ли откуду сія постыгоша
тебе, и аки мечи сердце ти пронзоша.
Яко ты еси языкъ совѣтъ погубивый
нѣсть въ тебѣ художества, ни мужъ разумивый.
Что есть Сербліе, яко ты на земли вражій
сѣдиши, и носиши яремъ тяжекъ чужій,

и стенеши прегорко подъ жезломъ желѣзнымъ
турскимъ, и питаешся нынѣ хлѣбомъ слезнымъ;
Вмѣнилася ты еси съ сущими во адѣ
нехотѣла бо еси сѣдѣти въ отрадѣ.
Ты еси оставила мудрости источникъ,
о чемъ тебе доволно научалъ приточникъ.
Аще бы ты ходила путемъ божимъ правимъ
Жила бы еси въ мирѣ подъ игомъ всеблагимъ.
Тѣмъ научися нынѣ смышленіе гдѣ есть,
гдѣ крѣпость, гдѣ мужество, идѣже лести нѣсть,
и купно же разумѣй гдѣ житіе долго,
гдѣ жизнь, гдѣ свѣтъ очесъ есть, миръ и
добро много.
Въ вѣрѣ, любви, надеждѣ обрящеши сія,
ты пожени вослѣдъ ихъ постигнеши тія.
И постигши тщателно къ онѣмъ прилѣпися,
тѣмъ раздраженный Богъ твой тебѣ примирится
Аще царства и не дасть, во его щедроты
бездна многа всегда суть, и его доброты
отъ вѣка и до вѣка не имутъ предѣла,
вѣрны совѣты его, вѣрна его дѣла.
Наказа тя во гнѣвѣ, въ милости посѣтитъ,
и отъ куду не чаешъ онъ въ помощь поспѣшитъ.
Токмо ты ему всегда крѣпко прилѣпляйся,
яко маслина добра тому прицѣпляйся.

Дѣйствіе ѝ.

Сербліа тужитъ о разореніи Царства своего, и яко подпаде подъ иго, и раболѣпіе агарянское. Р.

Явленіе I.

Сербліа. и Сівілы.

Сербліа.

Торжествовахъ въ радости первѣе елико,
то нынѣ печалію снѣдаюсъ толико.

Пресѣчеся, пресѣче Царска лоза права
отъ Вукашиноваго всеалобнаго нрава.
Чтожъ творити имамы, за грѣхи то наша
паде Царство въ Сербліи, паде слава наша.
Вси бо мы согрѣшихомъ тяжцѣ безъ отвѣта,
той на лѣво, сей десно тягнутъ безъ совѣта.
Всякъ хощетъ царствовати всимъ господствовати,
но сіе крѣпко Сербли, требѣ намъ есть знати,
яко не тако о семъ отъ Бога всаждено,
ниже повелительство всякому вручено.
Возведемъ токмо очи, корабль посмотримъ,
коль много въ томъ людей есть мы умомъ
исчислимъ.
Обаче единъ токмо кормчій управляетъ,
единъ токмо всѣхъ сущихъ добрѣ содержаетъ.
Пчела бѣдна, но и та матерь си имѣетъ,
и безъ нея кошница ни вочто успѣетъ.
Тако всякъ домъ, и Царство, не возможетъ стати
идѣже мнози начнутъ тѣми управляти.
Такъ точно и въ моемъ Царствѣ сотворися,
егда Вукашинъ хитрый злобнѣ воцарися.
О печаль ми и туга, о и скорбь не мала,
яко бѣднѣ подъ турка азъ есамъ подпала.
Имамъ скорбѣти горко, и плакати буду
до коль Бога обрящу мнѣ блага отъ всюду.
Да и паки послетъ мнѣ Царя всечестива
иже сокрушитъ силу турка нечестива.

Сіѵіла ѣ.

Не будеши имѣти отъ твоего рода
Царя: обаче инна чрезъ негожъ свобода
дастся, Богъ послетъ тебѣ съ высоты своея
Чарновичъ Арсеніа си Архіереа.

Сіѵіла ѣ.

Сей изведетъ Народъ твой изъ турской державы,
и Римскаго Кесаря онъ умолитъ за вы,

да пріиметъ подъ руку всѣхъ непобѣдиму,
точію вы храните вѣру невредиму.

Сівіла ѓ.

Что скорбиши Ссрбліе, азъ ти извѣствую,
яко дастъ ти Богъ Вождa се ти пророкую.
Чарноевичъ Арсеній отъ турка свободитъ,
къ Леополду Кесарю онъ всѣхъ васъ приводитъ.

Сівіла ѕ.

Той Васъ милостивѣйше приметъ подъ державу,
выже благодарственно подклоните главу.
Даже до послѣдныя капли ваши кровы
служити ему вѣрно будите готовы.

Сівіла ѐ.

И азъ сіе отъ небесъ имамъ возвѣщено,
ниже хощу да буцетъ тебѣ потаено.
Чàрноевичъ Арсеній изъ подъ турской власти,
изведетъ онъ многъ народъ, и недасть пропасти.

Сівіла ѕ.

Чàрноевичъ Арсеній Патріархъ твой святый
обюродитъ премудро турскій родъ проклятый.
яко отринетъ иго неудобъ носимо,
у Кесаря жъ получитъ все за тя просимо.
Прівілегій изведетъ Церкви созидати,
вѣру праву и законъ всегда сохраняти.

Сербліа.

О дабы Богъ исполнилъ пророчество ваше!
готово сердце Боже, акъ готово наше,
Римску непобѣдиму Кесарю служити,
За Него же и Царство кровь нашу излити.
Готовы мы вси Боже сѣдяй въ небѣ горѣ,
низпосли намъ съ небесе милость твоих вскорѣ.

Явленіе II.

К. Патріархъ пришедъ утѣшаетъ Серблію.

Патріархъ.

Мню яко всевышный Богъ мене тебе ради
послетъ, яко ищеши въ печалы отрады.
Отъ нелѣ бо смерть отятъ Царя твоегъ родна,
вся страна Царства Сербска къ томѣ нѣсть свободна:
Подпала бо прегорко сія страна свѣта,
и въ яремъ тяжкій пришла турчина проклята.
Но не скорби Сербліе, азъ нелицемѣрно
Патріархъ твой сказую, се ти буди вѣрно,
яко за тя Пастырски тако крѣпко стану,
дондеже изподъ ига зведу твою страну.
Азъ умолю Кесаря да пріметъ вся люди,
токмо ты о Сербліе въ вѣрности пребуди.
Азъ и прівілегіи у его державы
исходатайствую ти, да ко твоей славы
придасть почесть, и милость и вся свободу
благочестивому же Сербскому Народу.
Церквы будетъ свободно Монастыри здати,
свободно Епископомъ Іерей посвящати.
И иная такова онъ тебѣ даруетъ,
и постоянно мѣсто за тебе сготуетъ.

Р. Серблія исходящи в' Кесарію поетъ пѣснь сію

1. Прискорбна горлице! Камо намѣряешъ,
камолъ отлѣтаешъ,
отвѣщай на сіе.
Въ инну гору отлѣтаю,
гнѣздо ново да сплетаю
тамо намѣряю.

2. П. Г. Кто тя отгоняетъ
здѣ жить возбраняетъ,
отвѣщай на сіе.

Хищны кобцы, и ястребы,
снѣдающи и огребы
тіи отгоняютъ.

П. Г. Како озлобляютъ, 3.
и тя утомляютъ;
отвѣщай на сіе.
Гнѣздо мое расплетаютъ,
птенцы моя подавляютъ,
тако озлобляютъ.

П. Г. Гдѣ будешъ пристати, 4.
помощи искати:
отвѣщай на сіе.
Въ гори пойду западныя,
други искати равныя,
у нихъ и пристану.

П. Г. Кто тя тамъ защититъ, 5.
отъ кобцовъ исхититъ;
отвѣщай на сіе.
Орелъ мой высокопарный,
сплный, крѣпкій, и пре-
славный,
той мя тамъ защи-
титъ.

П. Г. Чимъ тя воспоможетъ, 6.
отъ ястребъ отторжетъ;
отвѣщай на сіе.
Въ крилѣхъ его гнѣздо
сведу
и оттуду птенцы зведу,
тимъ мя воспоможетъ.

П. Г. Кіяжъ ему дары, 7.
воздаси съ утвари:
отвѣщай на сіе
Орелъ крѣпкій на вся стра-
ны,
да славится въ мирѣ и
брани,

сія ему дары.

8. П. Г. Что еще воздаси,
и воскликнешъ гласы;
отвѣщай на сіе
Верху водахъ да лѣтѣетъ
и въ пустыняхъ разботѣ-
етъ,
сія еще даю.

отходятъ.

Явленіе III.

К. Паки Сербліа тужитъ, яко Патріархъ Чарноевичъ умре, а ученія ей и школъ не остави.

Сербліа, и Благочестіе.

Сербліа.

Паки мнѣ по радости скорбь, туга случися,
Благодѣтель мой добрый егда преставися.
Послалъ бо мнѣ бяше Богъ свята Іерарха,
и добраго Пастыря мудра Патріарха,
иже своя толики положилъ есть труды,
яко изподъ турчина изведе ми люди.
подъ милостивѣйшую Римскую державу,
и даде мнѣ доволну свободу и славу;
Но увы ученія онъ мнѣ не остави
основанія добра въ людехъ не постави.
Чимъ бы свободу мою могла защищати,
законъ, вѣру, и правду право научати.
Вѣмъ, егда ученіе въ земли моей скрися,
зато по малу цѣло Царство разорися.
Помню бо Соломона что себѣ желаше
егда на Ізраилско Царство восхождаше.
Не желалъ сребра, злата сокровища многа
на единой мудрости отъ Господа Бога.
Сердце, рече, смыслено даждь рабу своему,

присѣдящу премудрость престолу твоему.
Еюже царство мое безъ всякой бы брани
всегда прославлялося на четири страны.
Во мнѣ же противное разсуждаю быти
яко безъ добрыхъ наукъ добрѣ хотять жити.
Самъ животъ безъ науки смертію речеся,
ниже кто совершеннымъ безъ нея почтеся.
То мнѣ скорбь есть лютая, то туга не мала,
что науки не имамъ, отъ кудубъ достала.
Во содружествѣ людей почтеніе право,
и всябъ мудро строила, праведно, и здраво.

Благочестіе.

Что до селѣ небыло, о томъ некрушися, Р.
но въ предъ тое снискати бодро попецыся.
Первый степень мудрости есть наукъ искати,
аще бо восхощеши можеши снискати.
Послетъ тебѣ на то Богъ Іерарховъ добрыхъ
иже школы воздвигше учителей мудрыхъ
приведутъ, и науки въ оныхъ же водрузятъ,
невѣжество прежднее какъ во водѣ погрузятъ.
Въ первыхъ же ты поищи премудрости свыше,
безъ нея бо что ни есть, то все есть излыше.
Виждь, Богопознаніе чадомъ твоимъ внушай.
и стархъ божій въ сердцахъ ихъ тщателно на-
саждай.
Начало есть мудрости боятися Бога,
ту времена и вѣчна лежитъ полза многа:
идѣже страха нѣсть вся идутъ развратно,
а ничто добро не будетъ все пойдетъ превратно
Виждь, яко безстрашіе, и користолюбство,
превратп твое Царство, скверно самолюбство.
Въ прочемъ сама примѣромъ твоимъ умудрися,
и во благочестіи добрѣ научися.

отходитъ.

Дѣйствіе I.

К. Марсъ величаяся сказуетъ, яко въ Серблехъ науки не суть на потребу.

Явленіе I.

Марсъ. Беллона. Палласъ. и Зависть.

Марсъ.

Что намъ отъ ученія ползы, или кая
происходятъ во Мірѣ отъ него благая;
Довлѣетъ намъ саблею Царство защищати,
тою можемъ у Царя милости снискати.
Ученія бо тамо никто не требуетъ,
идѣже собственною кровію воюетъ.
Палласъ, такожъ Минерва мудрости богини,
да идутъ изъ Сербліи уже въ страни ини.
Оружій и саблею Царскую державу
распространи во Мірѣ и храбрость, и славу:
токмо да придетъ сѣмо храбрая Беллона,
вознесемъ имя Сербско даже до Сіона.

Беллона.

Добрѣ ты глаголеши славно быти всюду,
имя наше во Мірѣ Палласъ же отъ куду
имѣла бы здѣсь прити, что будетъ творити;
Весма мы сему дѣлу, здѣ не хощемъ быти.
Она бо мира учитъ, а мы творимъ браны,
аще убо та придетъ, ты Марсе престани
Остру ужъ свою саблю болше изостряти,
и Беллона престанетъ слово простирати.

Палласъ.

Кто когда безъ мудрости побѣдитель бяше,
или безъ ученія кто торжествоваше;
Есть ли безъ ученія Марсовая сила
подъ черними горами турка побѣдила.

Темишваромъ, Белградомъ, и подъ Варадиномъ,
не безъ мудрости бяше подъ самимъ Будимомъ
брань: но почто Марсъ свою силу восхваляетъ;
и почто ученіе здѣ уничтожаетъ;
Безъ него же самый свѣтъ мнится потемненный,
безъ него день свѣтлѣйшій зрится помраченный.
Ученіе милуютъ Царіе, и Князы,
вси е хотятъ умѣти строптивы и блази.
Развѣ емуже зависть очи помрачила,
Или страсть сердце мракомъ темнѣйшимъ покрила.
Ихже вси изчезаютъ во суетѣ дніе,
человѣцы сицевы вси суть проклятые,
иже уничтожаютъ ученіе свято,
рожденіе ихъ быти сказуютъ проклято.
Соломонъ въ премудрости главѣ третой чтите,
а прочитавше молю, да ся умудрите.

Марсъ.

Вѣмъ, что Соломонъ писа, пачеже Духъ святый
яко порочяй мудрость всегда есть проклятый.
Но намъ кая потреба мудрости драгія
да увидите сыны и дщеры благія.

Беллона.

Мы имамы въ Сербліи доста того рода.

Палласъ.

и да будетъ обаче отъ Царя свобода.

Беллона.

Мы милости саблею будемъ защищати,

Паллас.

но лучше есть безъ крове то имя стяжати.

Марс.

Лучше, или не лучше пойди ты отъсюду,
азъ безъ тебе самъ Царство защищати буду.
Правда, что и на бранехъ никогда ничтоже,
безъ мудрости во благо успѣти возможе.
И что безъ ученія цѣркви разорятся,
правосудія такожъ въ конецъ испразднятся.
Не познаетъ Сынъ Отца, ни Матере Дщеры,
Падутъ вси Монастыри и будутъ безъ вѣры.

Зависть.

Колико лѣтъ пожихомъ безъ мудрости тоя,
отдай мира Сербліи, не ищи покоя.
Поповъ доста имѣхомъ, такожъ и Владыки,
Суггелы, и Ексархи были въ насъ толики:
а никто не учився, се все намъ есть явѣ,
пакъ изрядно до смерти пребывали въ славѣ.
На что намъ тая мудрость сабли изощряйте,
и Царство же и вѣру тою защищайте.

Марс.

Правду ты глаголеши старице пречестна,

Зависть.

Да, правду азъ глаголю, то правда нелестна.

Марс.

Обаче кую себѣ память оставиша;

Зависть.

а чтожъ, когда преславно во Мірѣ пожиша.

Марс.

Обаче отечеству ползи ни единой
оставиша: требѣ есть поискати иной

вини, да бы могли чимъ Церковь украшати,
такожъ вѣру и законъ добрѣ защищати.
А и азъ въ томъ не мало трудится имѣю,
аще въ предъ въ чемъ саблею моею успѣю.
А нынѣ пойду мало съ трудовъ спокоюся,
дондеже паки на брань скоро возвращуся.

отидоша.

Явленіе II.

Р.

Сербліа приходитъ къ Палладѣ на совѣтъ.

Паллас.

Благо что пришла еси Сербліе любезна
вѣмъ бо яко ищеши, яже суть полезна.
Обаче почто тако приходиши поздно
негли ощущаеши нѣко время грозно.

Сербліа.

Азъ прилежно разсуждахъ, окрестны Народы,
и отъ начала въ Мірѣ вся бывшыя роды.
Любящыхъ ученіе видѣхъ ихъ процвѣтшыхъ,
и во благоденствіи всегда преуспѣвшихъ.
Азъ сего не имущи въ зади есмь присно
и презрѣна повсюду, сіе ми есть тѣсно.

Паллас.

Что убо препятствуетъ быть и тебѣ тако,
ємлися наукъ добрыхъ процвѣтеши всяко;
Сестра моя Минерва тожъ тебѣ сказала,
и къ щастію путь правый тебѣжъ указала.
Тожъ самое и азъ ти глаголю нелестно
аще хощешъ въ Мірѣ жить спокойно, и честно.

Сербліа.

Но зависть, и ненависть запинаютъ мудрость,
онѣ бо вездѣ сѣютъ, и питаютъ глупость.

Нѣсть чина въ людехъ монхъ гдѣ бы невладѣли,
невѣжество. и злоба вся мѣста засѣли.

Паллас.

Того ради требѣ есть тѣхъ искоренити,
а въ мѣсто ихъ достоитъ любовь насаждати.
Но кто сія устроитъ; вѣрь мудрость едина,
зане она есть во всемъ и силна, и дивна.
Вѣдай, яко мудрости въ вѣкъ не одолѣетъ
гордость, злоба ненависть, ниже что успѣетъ:
но паче посрамятся, и пребудутъ нѣмы,
отъ множайшихъ примѣровъ се извѣстно вѣмы.

Благочестіе.

Дщи любезна Сербліе совѣты суть благи,
и за тебе, и за мене полезны, и драги,
яже ты слышиши здѣ восприми, послѣдуй,
и по нима вся блага праведнѣ наслѣдуй.

Сербліа.

Кую благодать воздамъ Палладо драгая
за совѣтъ твой сей добрый, и за вся благая;
яже совѣтуеши въ мудрости искати,
должно быти признаю къ совѣту пристати.
Будетъ же ми отъ селѣ сей трудъ неусыпный,
надѣюся получитъ отъ туду плодъ дивный.

Епилогъ.

Р. Сербліа созиваетъ чада своя, и совѣтуетъ имъ, еже прилѣжати къ наукамъ.

Сербліа.

Услышите вы мой гласъ о Сербскія дѣти,
малы, и велицы, и дораслы лѣты,
зане же слово мое ко всѣмъ вамъ стремится
безъ изятія лица къ комуждо клонится.
Доколѣ вы храмлете во мрацѣ ходяще
прилѣпится къ наукамъ отнюдъ нехотяще.

Не вѣмъ есть ли кто во васъ, иже бы неславенъ
быти желалъ предъ людми, или поне хваленъ.
Въ домѣ богатъ, обиленъ, а на поли честенъ,
равнѣжъ никто не хощетъ быти въ вѣкъ без-
честенъ.
Но гдѣ сія сыщутся, гдѣ ли обрѣтутся,
изъ коихъ источниковъ тая почерпнутся;
Развѣ въ школахъ изрядныхъ, и добрыхъ наукахъ,
въ нравахъ честныхъ и благихъ медоточныхъ
струяхъ.
Смотрите вы молю васъ, прочія народы
колики собираютъ отъ ученій плоды:
Ктоже возбраняетъ вамъ тыяжъ собирати,
развѣ небреженіе науки искати;
Зане вы не хощете съ нею имѣть дружбу,
то и она не хощетъ вамъ быти на службу.
Сей въ Церкви достоинства имѣти желаетъ,
а онъ въ штатѣ почести высокія чаетъ:
не получаяжъ онихъ сердцемъ унываетъ,
тужитъ, и жалуется, за что то бываетъ.
За то, зане онъ къ тому отнюдъ есть негоденъ,
къ званію науками зане нѣсть удобренъ.
Яко же птицы безъ крилъ не могутъ лѣтѣти,
тако сіи безъ наукъ не могутъ имѣти
чести, и достоинства желанію сходна,
но презрѣни оставше бываютъ безплодны.
Желаніе ученыхъ самъ Богъ награждаетъ,
желаніе же глупцевъ, яко воскъ растаетъ.
Соломона послушай, что тебѣ вѣщаетъ,
и каковы совѣты онъ тебѣ подаетъ.
Стяжи, рече, премудрость, стяжи же и разумъ,
и чтеніемъ писаній просвѣти ты твой умъ.
Не остави мудрости, и та тя соблюдетъ,
возжелѣй токмо ея, и та тя вознесетъ.
Она дастъ главѣ твоей вѣнецъ благодатей,
и сохранитъ тя отъ всѣхъ злыхъ и вредныхъ
страстей.

О коль блаженъ человѣкъ премудрость стяжавый
разуму же и смыслу себе привязавый!
Въ десницѣ бо ея есть жизнь дома, блажена,
а въ шуицѣ богатство, славажъ возжеленна.
Стезы ея вси мирны, вси путіе добры,
восклонншіися на нѧ суть крѣпцы и бодры.
Утренюяй къ мудрости, той не утрудится,
и бдяй въ учени добромъ не опечалится.
Она сама обходитъ, и достойныхъ ищетъ,
аще токмо охотно кто ея поищетъ.
Ищущихъ премудрости, сама ихъ срѣтаетъ,
имъ же и присѣдящи у нихъ обитаетъ.
Любимиковъ возводитъ ко вѣчному царству,
къ веселію, радости, къ нетлѣнну блаженству.
Но при томъ же и сіе да будетъ вамъ внятно,
яко безъ честна нрава ничто есть пріятно.
Яко же бо безъ соли пища есть невкусна,
тако безъ нравовъ добрыхъ наука есть гнусна.
Ону яко невкусну всякъ омерзѣваетъ,
сію жъ яко порочну кійждо оплеваетъ.
Въ злохудожну бо душу премудрость не внидетъ,
и даръ ученія къ ней свыше не пріидетъ.
Сія двоя спрягните науки, и нравы
тымъ образомъ жизнь ваша исполнится славы.
Сотворите вы опытъ, и тогда увѣсте,
яко правду глаголахъ, сами исповѣсте.

КОНЕЦЪ.

ПЕТРЪ КОНАШЕВИЧЪ САГАЙДАЧНЫЙ,
ГЕТМАНЪ.
(1606—1622 г.)

Имѣя въ виду въ своемъ „Очеркѣ гетманства П. Сагайдачнаго“ лишь сгруппировать главные факты его дѣятельности и установить значеніе послѣднихъ для характеристики славнаго вождя козачества и создателя его могущества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, дополняемъ ихъ нѣсколькими новыми данными, надѣясь въ ближайшемъ будущемъ представить гетманство Сагайдачнаго со всѣми подробностями, какія намъ удастся только собрать къ тому времени.

Прилагаемые нами къ „Очерку“ матеріалы рисуютъ то возбужденное настроеніе всѣхъ классовъ мѣстнаго населенія, которое проявилось въ Кіевскомъ воеводствѣ въ періодъ 1606—1622 года, когда это населеніе почти уже было готово подняться для рѣшенія оружіемъ религіозныхъ и политическихъ вопросовъ. Одна часть такого же содержанія матеріаловъ напечатана была еще въ 1863 г. проф. В. Б. Антоновичемъ въ 1-мъ томѣ III-ей части „Архива Юго-Западной Россіи“; мы предлагаемъ здѣсь остальную, какая могла быть найдена въ древнихъ актовыхъ книгахъ Центральнаго архива при Университетѣ св. Владиміра. Матеріалы касаются не лично гетмана, а дѣла козачества вообще; это подавленіе въ нихъ героя массой и личной иниціативы общественнымъ настроеніемъ является для

своего времени характерной особенностью; даже о письмахъ Сагайдачнаго къ королю, посланныхъ имъ въ Варшаву въ февралѣ и мартѣ 1622 года, въ печатаемомъ нами ниже отрывкѣ письма (см. № XL) говорится какъ о письмахъ козачества, а не гетмана; это упоминаніе въ отрывкѣ письма о перепискѣ гетмана съ королемъ служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ доказательствъ подлинности переписки, сохраненной для насъ Самуиломъ Величкомъ (см. „Лѣтопись событій", т. I, прибавл., стр. 38—48).

Къ своему „Очерку" мы прилагаемъ также портретъ Сагайдачнаго (изъ коллекціи Кіевской духовной академіи), какъ воспроизведенъ онъ былъ покойнымъ проф. В. А. Бецомъ, и снимки (изъ книги Кассіана Саковича: „Вѣршѣ", 1622 г.) съ изображеній Сагайдачнаго на конѣ, взятія Кафы 1606 г. и герба Запорожскаго войска по передачѣ этихъ изображеній, М. А. Максимовичемъ въ 3-й книгѣ „Кіевлянина" за 1850 г.

Въ то время, когда нашъ „Очеркъ гетманства П. Сагайдачнаго" былъ уже отпечатанъ, появились въ свѣтъ весьма цѣнные „Замѣтки и матеріалы для исторіи пѣсни въ Россіи" В. Н. Перетца; въ число этихъ матеріаловъ занесены малорусскія пѣсни, писанныя польскимъ алфавитомъ и заимствованныя издателемъ изъ одного сборника 1713 г. Император. Публ. Библіотеки; между этими матеріалами есть нѣсколько историческихъ пѣсенъ, а изъ послѣднихъ одна—съ именемъ гетмана „Сагайдачника". Эта новая пѣсня (см. стр. 31) по начальнымъ словамъ и общему сложенію очень сходна съ пѣснью, разобранною нами въ „Очеркѣ"; въ нихъ обѣихъ говорится сначала о жнецахъ на горѣ и идущихъ козакахъ подъ горой; среди козаковъ указывается въ новой пѣснѣ присутствіе трехъ гетмановъ: Дорошенка, Сагайдачника и Дрогозденка. Характеристика перваго гетмана въ обѣихъ пѣсняхъ тождественна; о Сагайдачникѣ говорится, что онъ, „злой необачникъ", потерялъ триста козаковъ; о третьемъ гетманѣ Дрогозденкѣ, или правильнѣе Дрозденкѣ, Дроздѣ, сообщается,

что онъ ведетъ московское войско. Въ заключеніи новой пѣсни разсказывается о движеніи польскаго отряда, привѣтствующаго жнецовъ, и выражается желаніе, чтобы козаки отвѣтили на это привѣтствіе изъ самопаловъ.

Сходство обѣихъ пѣсенъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть объяснено такимъ образомъ. Народъ сложилъ пѣсню о Петрѣ Сагайдачномъ и Михаилѣ Дорошенкѣ въ 1621 г., вслѣдъ за Хотинскимъ походомъ. Во второй половинѣ XVII в., другой Дорошенко, Петръ, привлекаетъ къ себѣ вниманіе современниковъ, и они увѣковѣчиваютъ память о немъ въ новой пѣснѣ. Старая пѣсня хорошо помнилась; ею и пользуются малорусскіе рапсоды, какъ готовою канвой, чтобы изобразить на ней подвиги Петра Дорошенка; отсюда начало пѣсни и характеристика главнаго героя тождественны. Но новая пѣсня изображаетъ событіе своего времени—борьбу народнаго героя съ предводителями отрядовъ его противника въ стремленіи соединить обѣ половины Малороссіи подъ единой гетманской властью. Противникомъ Дорошенка былъ Брюховецкій; въ моментъ борьбы послѣдній былъ далеко, въ Москвѣ, и народъ, слагавшій пѣсню объ этой усобицѣ, не знаетъ его, а считаетъ двухъ его полковниковъ, Брацлавскаго Дрозденка и Полѣсскаго Децика, за самостоятельныхъ гетмановъ; первзго изъ нихъ Дрозденка пѣсня опредѣляетъ какъ сторонника Москвы, каковымъ тотъ, дѣйствительно, и былъ, и говоритъ, что, онъ ведетъ московское войско. Второй—Децикъ забытъ въ новой пѣснѣ, и его имя замѣняется именемъ Сагайдачнаго изъ старой пѣсни; но фактъ, приписываемый ею Сагайдачному, дѣйствительно случился съ Децикомъ: онъ стоялъ подъ Кіевомъ въ селѣ Мотовиловкѣ; татары, помогавшіе Дорошенку, доходили до самой Мотовиловки и толпами губили или угоняли въ неволю сельскихъ жителей. Судьба этихъ полковниковъ была неодинакова: Дрозденко, осажденный въ Брацлавѣ, сдался Дорошенку и былъ имъ разстрѣлянъ въ Чигиринѣ, а Децикъ, вынужденный оставить безъ защиты Полѣсье, ушелъ со своимъ отрядомъ въ Кіевъ; за это, конечно, пѣсня и называетъ его „злымъ-необачникомъ“, погу-

бившимъ триста козаковъ. Послѣ ухода Децика, Мотовиловку занимаютъ безъ сопротивленія польскіе отряды; фактъ этотъ въ пѣснѣ выраженъ въ привѣтствіи поляковъ жнецамъ и въ пожеланіи послѣднихъ отвѣта на польское привѣтствіе изъ козацкихъ самопаловъ. Событія эти имѣли мѣсто въ 1665 году.

Объ эти пѣсни, старая и новая, переходя изъ устъ въ уста, смѣшивались; въ старую пѣсню попадали эпитеты изъ новой, какъ, напр. „злый, невдячный“, на что мы и указываемъ въ статьѣ въ одномъ изъ примѣчаній; а въ новую пѣсню изъ старой перешло имя Сагайдачнаго на мѣсто забытаго и малоизвѣстнаго имени Децика. Быть можетъ и имя „Сагайдачный“ измѣнилось въ новой пѣснѣ въ „Сагайдачника“ подъ вліяніемъ формы имени „Децика“.

Пѣснь о событіяхъ 1665 года, по сравненію съ пѣснью 1621 года, приводитъ насъ къ еще болѣе твердому убѣжденію въ принадлежности послѣдней эпохѣ Сагайдачнаго Петра, а не Григорія, какъ совершенно неосновательно предполагалъ покойный М. А. Максимовичъ.

Матеріалы къ „Очерку гетманства Петра Сагайдачнаго".

I.

Универсалъ короля Сигизмунда III, призывающій обывателей Кіевскаго воеводства собраться въ ополченіе противъ наступающихъ на Южную Русь турокъ и татаръ,—собраться, въ виду невозможности помочь обывателямъ коронными войсками, занятыми войной со шведами.—4 іюля 1605 года.

Року 1605, месеца июля 4 дня.

На вряде его королевское милости, замку Житомирского, передо мною, Матеушом Клембовским, наместником подстароства Житомирского, постановившысь очевисто, урожонный панъ Янъ Костмовский, слуга его велможное княжецкое милости пана воеводы Волынского, старости Житомирского, покладалъ универсалъ его кролевское милости, под печатю коронною и с подписом руки его кролевское млти, также и с подписомъ руки писарское, до всих вобец дигнитаровъ и всего рицерства-обывателев воеводства Киевского писаный о небезпечность од татар, непрыятеля корунного, о чемъ шырей тот универсалъ в собе обмовляетъ, и просил, абы публикованъ и до книг врядовых замку господарьского Житомирского уписан былъ, которогом слово в слово до книг вписати казал и через возного енералного шляхетного Василя Сосницкого публиковати казал; который такъ се в собе маетъ:

Жикгимонт Третий, Божою милостию корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, мазовецкий, жомойтский, инфлянский, а шведский, готский, вандалский дедичный корол,—всим вобец и кождому зособна: дыкгнытаром, урядником земским, старостам нашым и их наместником, такъже и иншым стану рицерского людем, обывателемъ воеводства Киевского, упрыйме и вирне нам милым, ласка наша королевская.

Упрыйме и вирне нам милые! Дают нам знати з Украины, же люде цара Перекопского, в тых часехъ двакрот наворот учинивши, шкоды немалые в панствах наших починили; ознаймуют и то, же сам цар з войском великим, в поле вытягнувши, ку панством нашимъ се приближаеть; на которые так наглые и несподеваные Речи-посполитое небезпеченства зычилибысмо были, абы инакъшая готовост и оборона в час обмыслена была; лечъ за таковым розведенемъ сойму прошлого яко одъ иншых пограничных непрыятел, так и од тое там стороны, Речъ-посполитая безъ обороны зостала; к тому теж и с кварти, которую тепер под тот час почынают, болшая ест на оборону земли Инфлянское назначона, а с тое трохи, которая зостает, не моглъ бы быть одно барзо малый и нерыхлый ратунок; прыходит нам на тот час утекатися до самое хути и готовости тых, которые отчызну свою и волности ее правдиве милуют. Прото уживаемо и напоминаемо упреймост и верност вашу, абы есте в так прудкомъ а нагломъ непрыятелском натартю, с хути своее и для милости отчызны, для своего безпеченства, для затриманя славы и волности зацного народу своего и всих потех своих, цалости Речи-посполитое, свобод и волностей своих, як на запал ничого не мешкаючи, там се скупили з урядниками воеводства своего, албо где кгвалтъ и потреба небезпеченства укажетъ. Учыните, упреймост и верность ваша, реч повинности своее рицерское пристойную и отчызне, матце своей, потребную и нам велми вдячную!

А жебы тые листы нашы до всихъ ведомости, яко найпрудшей, прышли, росказуем старостом нашым и их наместни-

комъ, абы для ласки нашое въ юрисдикциях ихъ публикованые и до вѣдомости всих без вшелякое зволоки прыведеные были.

Писанъ у Кракове, дня четвертогонадцат июня, року Божого тисяча шестсот пятого, а панованя королевствъ нашыхъ, полского—осмогонадцать, а шведского—второгонадцать року.

В того универсала печат коронная, а подпис рукъ тыми словы:

Sigismundus rex.—Zachariasz Jakowicki, secretarz, mp.—Корыковалъ Алек. Ледоховскій.

Который то универсалъ его королевское милости до книг врядовыхъ замку господаръского Житомирского прыят и вписан былъ.

Кн. Кіев. центр. арх. № 10, л. 131 об., № 197.

II.

Универсалъ короля Сигизмунда III, призывающій обывателей украинныхъ воеводствъ собраться и соединиться съ тѣми отрядами жолнеровъ, которые собираютъ гетманы, чтобы дать отпоръ готовящимся къ нападенію на Южную Русь туркамъ, и предписывающій старостамъ не допускать козаковъ до набѣговъ на турецкія владѣнія,—22 ноября 1605 года.

Року 1605, месеца ноября 22 дня.

На врядъ его кор. мл. замку Житомирского, передъ мене, Федора Щуровского, подстаростего житомирского, принесен ест лист-универсал его кор. млти, пана нашого милостивого, через енерала возного воеводства Киевского шляхетного Марка Барановскаго до вшех вобец шляхты воеводства Киевского писаный тыми словы:

Жикгимонт Третий, Божю милостю корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомойтский, мазовецкий, инфлянтский, а шведскій, кготскій, вандалский дедичный корол,—всимъ вобецъ и каждому зособна, кому то ведати належит, а меновите, дикгнитаром, урядником, старо-

стом и всимъ иншим обывателемъ воеводствъ украинных, ознаймуемы, иж нас то доходит, жебы тот поганин, будучи там заюшоный, же прошлое вторгнене в панства коронные по мысли ему пало, маете о томъ премысливати, якобы знову на тые там крае натерлъ и в них препит який, з поправою славы своеи, а за славою, стережи Боже, народу нашого, учинил; а иж зараз, веденемъ прошлого сейму, на самой праве той охоте и верности вашей вся оборона зостава: прето, як перед тым не занехали есмо упрейме и верность вашу перестерегат и до острожности подат, тоежъ и тепер чинимо, жадаючи и упоминаючи, абы упрейме верность ваша жалем брати своих, у везене забраных, и так значною шкодою своею побужени, для остереженя власного безпеченства и для поставы славы народу своего, которая тепер от панства значный шванкъ отнесла, горячими едностями серцем до оброны и ратунку сполней отчизны займовалисе и до войска нашого, которое гетман нашъ полный два решты квартяней остатного, иж праве ратунку, за порученем нашим,, збирает, яко напрудшей купили. А жебы тые листы наши до всих ведомости тым снадней пройти могли, старостом нашым, абы е в гродех своих публиковали и до ведомости всихъ приводили, росказуемы. А иж тепер дали нам знат, же бы козацы им примере и сполную приязнь нашу зъ цесаремъ турецким в земли его вриватсе и шкоды немалые чинит мели; бачачы мы тые речи быт барзо шкодливые и покой посполитый взрушоный, напоминамы то, якие помененые старосты наши и хочемо то мет конечно по них с такою (?) поскромили и оним того на потомъ не допущали, не чинячи иначей для ласки нашей и спокойныйноцы своей.

Дан в Кракове, дня двадцат пятого октобра, року тисяча шестсот пятого, панованя королевствъ наших, полского — року осмого, а шведского — дванадцатого.

Sigismundus rex.

Который то лист-универсал его кор. милости слово в слово до книг врядовых Житомирскихъ ест принят и уписан.

Ibid., л. 229, № 123.

III.

Универсалъ короля Сигизмунда III къ обывателямъ Кіевскаго воеводства и украинныхъ городовъ, призывающій ихъ самихъ принять мѣры противъ готовящагося нападенія турокъ и татаръ, въ виду невозможности для коронныхъ войскъ, по случаю смутъ въ сосѣднихъ государствахъ, оказать помощь обывателямъ,—12 января 1606 года.

Року 1606, месеца генвара 12 дня.

До вряду его королевское млти замку Житомирского, до мене, Федора Щуровского, подстаростего Житомирского, прислан ест лист-универсал его королевское млти, под печатю и с подписом руки его королевское млти, до всих вобец шляхты рыцерства обывателев воеводства Киевского на оборону панствъ его кор. мл. напротивко неприятелеви коронному, поганцом-татаром, также и для ведомости зложеня сейму, о тей же обороне зложоного, писаный, с чом ширей тот лист его кор. мл. в собе обмовляетъ; которогом принявши и читаного перед собою по достатку выслухавши, до книг слово в слово уписати казал; который так се в собе мает:

Жикгамонт Третий, Божю милостю корол полский, великий княз литовский, руский, прускій, мазовецкий, жомойтский, инфлянтский, а шведскій, кготскій, вандалский дедичный корол,— всимъ вобец и кождому зособна, кому то вѣдати належит, а меновите, старостом и державцомъ добръ нашихъ. и всему вобец рыцерству и обывателем воеводства Киевского и местец украинных, упрейме и верне нам милым. ласка наша королевская.

Упрейме и верне нам милые! Доходит нас певная ведомость, же тот поганец-неприятел коронный, засмаковавши собе лупы и корысти первшие, которые зъ ганбою и шкодою великою народу полского свежо з панствъ наших от . . ., з великою моцю до панствъ нашихъ коронных идет; иле достатки Речи-посполитое снести могли, постановленый ест жолнер на оборону тамтыхъ местцъ; который же черезъ себе сам такъ потужному неприятелеви отпору дати не может

для милости отчизны, детокъ и малжонокъ и охроны достатку упреймости и верности ваших, так нагле наступовати замышляет, яко до найболшого кгвалту, о которых всих целост заходит, поспешне ся до гетмана и жолнера нашого, окрутного поганца того в домах и маетностях своих не чекаючи, купилисе и радней ему отпоръ, водле наболшое потужности своее, дали, а нижли в домех и маетностях своих везати и сромотне забирати ему се допущали; выправити бы есмо и мы отсюл рады што людей, але для близких суседских мешанин и небезпеченствъ не можемо се и тых самых местцъ оголочати; соймъ однакъ, для потужнейшого забеженя тым небезпеченством, тым прудшей зложили есмо. Упреймость и верность ваша, для целости своее, певны есмо, тым часом то учинит, чого такое небезпеченство и такъ наглый кгвалтъ потребует и на них вытискает.

Писанъ у Кракове, дня двадцатого месеца декабра, року Божого нароженя тисеча шестсот пятого, панованя кролевствъ нашихъ, полского—осмогонадцать, а шведского—второгонадцат року.

В того листу печат и подпис руки его кор. милости тыми словы:

Sigismundus rex.

Который то листъ-универсал его кор. мл. слово в слово до книг врядовых замку Житомирского принят и вписанъ есть.

Ibid.. л. 239 об., № 10.

IV.

Грамота короля Сигизмунда III, съ повельніемъ, въ силу сеймоваго постановленія, украинным старостамъ удерживать своевольных людей отъ ухода ихъ въ сосьднія государства на службу и предупреждать нарушеніе мирных договоровъ Рѣчи-посполитой съ сосьдями,—11 апрѣля 1609 года.

Року 1609, месеца априля 11 дня.

На вряде его кор. мл. замку Житомирского, передо мною, Григоремъ Кочуровскимъ, наместником подстароства Житомирского, поданъ пер облятамъ мандат-лист его кор. мл., под печатю и с подписомъ руки его кор. мл. власное, писаный в способ задержаня и погамованя от своволенства людей, тубылцов обойга народов, рачей короне, а ниж чужоземскимъ паном слабы зычачи, которогом принявъшы и читаного передъ собою выслухавшы, до книгъ слово в слово уписати казалъ,и так се в собе маетъ:

Жикгимонтъ Третий, Божю милостю корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, мазовецкий, жомойтский, инфлянский, киевский, волынский, подольский, подлясский, а шведский, кготский, вандалскій дедичный король,— всимъ вобец и кождому зособна, кому то ведати належитъ, а меновите гетманомъ нашим и старостомъ украинным, яко и инымъ всѣмъ, нинешним писанемъ нашимъ ознаймуемо, иж се намножило веле людей, которые своволне, мимо заказъ права посполитого и зверхность повинную, важатсе в громадах немалых и в розных почтех, а часом так подъ хоругвями, яко и розсыпкою, слѣд тратечи, до панствъ чужеземских выходити и там на славу, власне рачей отчизне повинную, чужим народомъ зарабяти, з убличенем права посполитого, з нарушенемъ покою суседского, зъ розрываненъ стародавного с чужоземскими паны примеръя тое короны и панствъ, до нее належачих; зачимъ, неразъ не тылко в трудности, але и в небезпеченства Речь-посполитую приводят. Для того урядомъ, помененымъ старостом, тымъ листом нашым росказуемо и мѣти то хочемо, жебы купеня, збираня и выхоженя такового обывателемъ коронным, и людем, до панъствъ наших належачимъ, в границы и панства чужоземские, так под хоругвями, яко теж купами мнейшими, сурове и пилно забороняли; кгдыж, Пана Бога на помоч взявши, ест то в предсевзятю нашим небезпеченством, которые на Корону от неприятелей посторонних заходят, яко напотужней и напрудшей забегати, а, давши имъ отпор немешкалный, границы панствъ нашых за Божою помочу з оказый

которые се намъ подавати могут, розширяти и роспростреняти, до чого людей народов тых, которымъ свободне з воли Божое пануемо, помияти в той мере, яко не хочемо, так се нам не годит. Протож, от такового выездзаня до чужих панствъ хтобы з врожоное ку отчизне повинности встрыматися не хотел, через уряды такъ пограничных староств наших, яко и иншых, где бы ся такие люде збирати купити зачинали, ведлуг постановеня сейму прошлого, противко своволным людемъ учиненого, абы тамованы были, напоминаемо и росказуемо. До чого и гетманы наши, если бы якому кгвалтови который староста отпору дати не мог, причинити а заставити се маютъ. Иначей теды для ласки нашое и с повинности урядов своихъ не учините.

Дан в Кракове, дня третегонадцат месеца марца, року тисеча шестсот девятого, а панованя королевств наших, полского—двадцат второго, а шведского—пятогонадцат.

У того мандату его кор. мл. печат власная, а подпис руки его кор. мл. тыми словы:

Sigismundus rex.

Кн. Кіев. центр. арх. № 11. л. 98, № 18.

V.

Жалоба п. Богдана Стрибыля о двукратномъ вооруженномъ наѣздѣ, съ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, Кіевскаго подкоморія Самуила Горностая и его жены, при содѣйствіи козаковъ подъ предводительствомъ какихъ-то Магдалянскаго и Княша, на имѣніе жалобщика Ловковъ, осадѣ его, убійствѣ нѣсколькихъ крестьянъ, причиненіи ранъ и побоевъ другимъ, грабежѣ ихъ имуществъ и проч.,—5 марта 1611 года.

Року 1611, месяца марта 5 дня.

Писалъ и присылал на вряд господарский Житомерскій до мене, Григоря Кочуровскаго, подстаростего, слугу своего Кузму Василевича его мл. панъ Богдан Иванович Стрибыл. плачливе и жалосне solenitеrque протестуючис на его мл. пана Самуеля Горностая, подкоморего землѣ Киевское, и на пани малжонку его мл. Теофилю з Загорая в те слова, иж

его мл. панъ Горностай, не погледаючи и намней на срокгость правную, зверхность его кор. мл., зневажившн право посполитое, которым ся усѣ станы контентовати звыкли, усадившис обое сполне з малжонкою своею, на маетность мою Ловковскую, которую од продковъ своих од немалого часу в спокойном держаню и уживаню мел и маю, границу певную старожитную по реку Гуйву, року тепер идучого, 1611, месеца февраля ... дня, без жадное причины, килкасотъ коней наславши, моцно, кгвалтом конных и пешихъ, которых они сами лепей знают и имена их ведают, з оружем военным, з гаковницами и з дѣлы, врядника Лещинского и подданых бояр з Лещина, до того козаков, тут же под дом мой Ловков, почавши стрелят, с поранку аж до обеда кули през дом мой летели, окрикъ, гук, з шаблями, палашами добытыми, словами ущипливыми сромотечи, лаючи, сынов моих вызывающи, которые, маючи потребы и справы свои важные, на рочкох кгродских Кневских, дня 17 февраля сужоныхъ, а иншие в потребах своих на Волыи отехали были, в старости лет моих мене самого и малжонку мою страхом таковым накормивши, туж под самым домом, на стрелене з луку, сосоня зо бчолами двесте, а иншие бортные в пен порубали и на килкасотъ саний дерева розмаитого, соснины, на будоване згожое, до маетности ихъ мл. до места Лещина отвезли и отпровадили; подданых моих Ловковскихъ шести чоловека, с тым всѣм людом, на властном грунте моем Ловковском у речки Русятинки наехавши, побили, поранили и маетност их пограбили; [1]) . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

одных на дорогах, гостинцах, а других во власности моей, в кгрунте моем Ловковском, тотже урядникъ з слугами, стрелцами, боярами, козаками, которые з Макгдалянъским а Кнышемъ ходили, тых таковых людей конных собе на то приспособивши, о килкасотъ чоловека, которые, нейдучи на

[1]) Здѣсь опущенъ перечень заграбленнаго имущества.

послугу его кор. мл., пана нашого милостивого, до Москвы, але идучи пред тым в речи до Москвы, маетности наши шляхецкие наежъджали, домы лупили, шарпали и незмирные шкоды чинили; тыхъ таковых, правом а конституцыею сейму прошлого, людей своволных, цти отсужоных, преховывают и з оными, на маетност мою Ловковскую насылаючи, так великую а незносную шкоду починили и уставичне, на кождый ден таковые наезды, кгвалты, бое, грабежи по дорогахъ, гостинцах з подданными чинити росказуючи, а потом, не контентуючисе еще тым, зневаживши право, а чинечи замысломъ своим досыт, упорне, кгвалтовне знову назавтрее сегож року, месеца февралa двадцат осмого дня, панъ Горностай з малъжонкою своею тогожъ врядника Лещинского, которого сами оные лепей вѣдают, и с тым усѣмъ людом, также особы, имена добре их мл. знаемые, з гаковницами, з дѣлы, стрелбою огнистою способивши, на кгрунтъ мой Ловковский килкосот чоловека конных, пеших наслали; подехавши туж под дом мой Ловковский, тут увес люд з гаковниц, з дѣлъ стреляючи, подобывавши палашов, шабел, туж около дому моего переехавши через реку Тетерев, лаючи, сромотечи, а потым порубавшы о килкасот дерева, межи которым зо пчолами дерева бортного тридцат, а без пчол дерева бортного сто порубавши, а до того на килкосот саней дерева на будоване одного яснового наложивши, до мѣста Лещина отпровадили; при том же наезде на кгрунте моем Ловковском на Довжку, на Русятинце и у Буймера (?) двадцат сто возов сена власное працы рукп роботы подданых моих Ловковских побравши и пограбивши, до замку до Лещина отпровадили, а подданых моих Ловковских чотырех чловековъ, до Котелни на торгъ едучихъ, на гостинцу у Мокрца, тут же урядник и тот вес полкъ людей, перенемши, самых побили, кони, возы побрали и пограбили; [1])

. . . . . .

Который то грабеж, так и побране сѣна, на пожиток свой

[1]) Здѣсь опущенъ перечень заграбленнаго имущества.

пан Горностай обернул, и таковые кгвалтовные наезды на маетность мою и починеня так великих шкод, грабежов и боев подданым моим Ловковским, также што и по дорогах за властным росказанем и насланем самого пана подкомо-рего и малжонки его мл. стало; и просил его мл. пан Богданъ Стрыбылъ, абы тая протестацыя его до книг урядовых принята и записана была,—што ест записано.—

Кн. Кіев. центр. арх. № 12. л. 79 об., № 4

VI.

Жалоба п. Адама Кенсицкаго о причиненіи сму тяжкихъ побоевъ въ м. Котелнѣ Котеленскими козаками подъ начальствомъ какого-то Очесальскаго и по наущенію п. Адама Олизара-Волчкевича, 20 января 1617 года.

Року 1617, месяца генвара 20 дня.

Писал и присылал на вряд его королевское милости Житомирский, до мене, Яна Галчиновъского подстаростего Житомирского, шляхетный панъ Ян Кенсицкий сына своего, пана Адама Кенсицкаго, обтежливе жалуючи и оповедаючи, яко сам на сес час быти не могучи через хоробу свою, которую поносит и терпит от особъ певъных, нижей менованых, на урожоного его мл. пана Адама Олизара-Волчкевича и малжонку его ее мл. панюю Ядвикгу з Тучапъ о то, иж дей часу теперъ недавно прошлого, року тисеча шестсотъ семнадцатого, месеца генвара чотырнадцатого дня, помененые ихъ мл. пан Олизар з малжонкою своею, не ведати за што, взявши перед себе злый умыслъ, а на мене васнь, одно-стайне межи собою се намовивъшы, моцно, кгвалтомъ, не огледаючис на срокгост права посполитого, наслали неякого Очесалского, з немалою купою козаков Котеленских, их мл. лепей имены и прозвиски ведомыхъ, на дом мешканя мое-го в Котелни лежачий; тамже оные насланцы, выконываючи волю и росказане их мл. пановъ своих, моцно, кгвалтомъ нашедши з бронями розмаитыми, вирод словами неучтивыми,

доброи славе моеи шкодячими, мене и малжонку мою зсоромотили, а потомъ мене самого, выволокши з дому моего на улицу, киями и обухами, кромъ жадного милосердя, безвинне побили. Ширшую о томъ протестацию з реляциею возного самъ, становъши, коли ми Панъ Богъ до здоровъя першого привести будет рачил, учинивъши, до книгъ подати не занехам, а тепер прошу, абы сее мое оповедане было принято, также и возный до огледаня того побитя моего приданый. А такъ я, вряд, тое его оповедане принявъши и оному возного, которого бы собе до тое справы способит могъ, придавши, записати казалъ есми;—што ест записано.

Кн. Кіев. центр. арх. № 13, л. 35 об, № 19.

VII.

Универсалъ короля Сигизмунда III, отъ 10 февраля 1617 года, къ обывателямъ Кіевскаго воеводства, съ извѣщеніемъ, „ze woyska tureckie y tatarskie w wielkiey liczbie prawie iuz wchodzą w granice koronne“, и онъ, король, въ виду этого повелѣлъ, чтобы его сынъ, „krolewicz Władysław z tym, ktori na moskiewską expiedicyą gotuie się, aparatem tam się obrocił y osobą swoią zdrowie Rzpltey zastąpił“ и чтобы обыватели, „nie z powinnosci,... ale dla miłosci oyczyzny“ собирались подъ команду Кіевскаго воеводы и „to, co cnoty narodow; Polskiemu, krzwi starozytnych przodkow należy, czinili“, т. е. стали бы на защиту своего отечества, семьи и имущества.

Ibid., л. 96 об., № 77.

VIII.

Жалоба отъ имени всей роты Овручскаго старосты Павла Рущаго о томъ, что арендаторъ м. Искоростина Янъ Отроикевичъ и войтъ Кондратъ Кмита взбунтовали всѣхъ мѣщанъ этого мѣстечка и напали на роту: при этомъ многіе товарищи и жолнеры были убиты или получили тяжелыя раны, а обозъ роты ограбленъ мѣщанами, такъ же какъ и имущество пострадавшихъ товарищей и жолнеровъ,—22 февраля 1617 г.

П. К. Сагайдачный.

Взятіе Кафы 1606 года.

Року 1617, месеца февраля 22 дня.

На врядѣ кгродскомъ, в замку его кор. мл. Житомирском, передо мною, Яном Галчиновским, подстаростимъ Житомирьскимъ, ставши обличне, урожоный панъ Щасный Горницкий, товаришъ з роты урожоного его мл. пана Павла Руцкого, старосты Овруцкого, ротъмистра также урожоного пана Шимона Вронского, поручника, и всего товариства роты тое, под едною хоронкгвою будучых, именем, з великим жалем оповедал и сполнитер протестовалсе напротивко пана Яна Отрошкевича, на сес час держачого маетности пана Анъдрея Мервинского местечка Искоростина, о то, иж дей кгды, маючи мы листы проповедные отъ его кор. мл., пана нашого милостивого, и отъ его мл. пана гетмана коронного, за указанемъ тогож его милости гетмана, такъ тежъ и его мл. пана старосты Овруцкого, ротъмистра его кор. мл. и нашого, на лежу, албо становиска, на местце певное, то естъ, до маетности Черноцкое, местечка Радомышля, тут у воеводстве Киевском лежачого, все товариство с корогвою и з возами скарбными шли, - теды, услышавъшы отъ людей певныхъ, же там, в той маетности местечку Радомышлю, козаки полку Лисовского, теперь тыми часы недавными бывши, великое знищене и зубоженъе хлоповъ тамошних и маетности их учинивши, вешли, где се намъ самым, ани коней своихъ выживить бы было трудно, за данем отъ нас в тои мере черезъ писане пана поручника нашого его мл. пану ротмистрови ведомости знову, нимбы ведомостъ отъ его милости пана гетмана на указане намъ в ыншом краю лежи его мл. пана ротмистра дошла, пан ротмистр, нам до часу в державе и староствe своем Овруцком местечку Жигкъмонтове лежу назначивши, вернути се казал; где кгдысмы в тегьненъю шли, теды частъю за злою дорогою, а часткю и конюм фолкгуючи до того, же се ку ночи ближило в сем року, тисеча шестъ соть семнадцатом, месеца февраля семнадцатого дня, яко на гостинцу нашомъ до маетности и державы помененого пана Яна Отрошкевича местечка Искоростина, хотечи там ночлег и отъпочнене мети, з межи себе с под коронкгви товаришов

килка, меновите, пана Павла Залеского, пана Яна Зелинского и пана Павла Олшевского выправивши для росписаня господъ с провбою, абы ночлегу не боронено, послалисмы, а помененный панъ Отрошкевичъ, не ведати для которое причины, взявши противъ нас и противко тым отъ нас посланым товаришомъ нашим васнъ, з войтом своим тамошнимъ неяким Кондратом Кмитою, збивши мещан усих тамошних, ему имена и провзиска лепей ведомых, до купы, кгды в самое местечко тые товариши наши, маючи при собе по килку паколиков, уехали, впрод в звоны на кгвалтъ ударили, а потом моцно, кгвалтовне рушившисе до оных, яко якихъ неприятелювъ посторонъных, з оружем розмаитым ручнымъ и стрелбою огнистою, до бою належачою, онихъ безвинъне, запомнявши права посполитого и вин в нем описаных, ани на универсалы короля его мл., о препусканю волном таковых людей служалых и небороненю онихъ ночлеговъ и становискъ во вшелякихъ маетъностях ясне описаные, ничого се не огледаючи, окрутне и немилостиве, кром жадного милосердя, кийми побили, поранили и на полы за умарлыхъ за местечко, отобравши отъ них кони и вси ринштунки, повыволокали, а челядников их шести отъ них порвавъши, неведати, если, позабивавши на смертъ, тела где подавали, албо теж живых потопили зо всим оденъемъ их, о которых и до сего часу ведомости жадное мети не могутъ, а то есть меновите: у пана Залеского коня сивого ябъковитого з седлом гусарским, полшкарлатомъ критым, из накгловкем, коштовалъ золотых осмъдесятъ, а накгловекъ с подперстням оправные коштовали золотыхъ семъдесятъ; у пана Зелинского шаблю оправную коштовала золотых пятъдесят, а у пана Олшовского такъже шаблю сребромъ оправную коштовала его золотых полшостадесятъ; тыхже кони такъ што подъ ними, яко и под челядю ихъ, были почтовых розное шерсти с пулгаками, с палашами, з накгловками и з седлами, осмъ, коштовалъ каждый зъ нихъ по сто золотыхъ полъокихъ, взявши и кгвалтовне пограбивъши, до себе запровадили и в заведеваню своем мают тепер. А мало на том маючи, кгды возы

наши скарбные звычайне, не ведаючи о таковой бурде, до местечка наступовали, теды тот же пан Отрошкевичъ, яко приводца старшый, з войтом и мещаны всими рушившися до возовъ, возъницъ и челядь нашу, которые при возех были, отъбивши, кони, зброе, шаты, рынштунки и иншие речи побрали, поцарпали и собе ку пожиткови обернули и привлащили; которыхъ шкодъ меруемъ собе на дванадъцать тисечей золотых полских. Потомъ, кгдысмы, то услышавши с хоронкгвя, хотечи, местечко тое минувши, инде се прова дить; лечъ, же обминутъ было трудно, муселисмо подъ самое местечко, мимо стену однак, спокойне ити, якож и ишли; теды знову с того местечка пречоные приводцы и мещане з дел, з гаковницъ, з мушкетовъ и иншое розное стрелбы до нас, яко до якихъ непріятелей, пустивши товаришовъ нашихъ подъ хорогъвою трох, меновите пана Яна Скрешевского, пана Яна Дурмаковскаго и пана Яна Кгореховъского также и челядника пана Самуеля Сарницкого, Яна Савицкого, барзо шкодливе по розныхъ члонкахъ постреляли, которие, неведати, если живы будутъ; подъ самым паномъ Сарницкимъ коня на смертъ забито, который ему коштовал золотых полских сто; и такъ заледво инъшое товариство, с хоронкгвя удеспектоваными будучи, стамтол вышли. О што все, яко се вышей поменило, пречоный скаргу чинячый зоставивши впрод его мл. пану ротмистрови, яко старшому, изневажене его самого, а потом и кождому зособна укривжоному и удеспектованому товаришови своему и кождого шкоду, бой и раны с помененымъ паномъ Отрошкевичомъ, войтомъ его тамошним, и мещаны волное и здоровое право в судех належных, повторе изневажене листовъ короля его мл. приповѣдных и его мл. пана гетмановых осведчивши, ставил очевисто передо мною возного енерала воеводства Киевского шляхетного Михайла Васковскаго *) . . . . . .

. . . . . .

которое же то оповедане, также и очевистое совнане возного до книгъ замку его кор. мл. Житомирского есть принято и записано.

Ibid., л. 56 об., № 1.

*) Здѣсь опущено свидѣтельство возпаго.

IX.

Универсалъ коронного гетмана. Кіевскаго воеводы, Станислава Жолкѣвскаго, отъ 25 февраля 1617 года, съ призывомъ къ тѣмъ обывателямъ воеводства, „ktore ochoczy z chenci y miłosci ku oyczyznie", собраться къ нему въ отрядъ для устраненія „niebiezpieczenstw, ktore na panstwo Rzeczypospolitey od pogan nastąpili, ydą na Ukraine".

Ibid., л. 98 об., № 79.

X.

Универсалъ короля Сигизмунда III, отъ 12 марта 1617 года къ обывателямъ Кіевскаго воеводства, съ извѣщеніемъ о томъ, что „nad dawne, ktorysmy mieli s Konstantinopola od posła naszego przestrogi o zamyslach tureckich", теперь „basza Silistriysky z woiskiem niemałym y harmatą potężną", соединившись „z Galgą, cara tatarskiego bratem, ktory teraz swieżo Ukrainę splądrowa", намѣренъ „woyne zaczonc od dobywania zamkow ukraynnych" и затѣмъ „dalsze progressy czynic"; въ виду этого король объявляетъ, что противъ непріятеля имъ отправлены „ludzie, w służbę moskiewską przy krolewiczu Władysławie, synu naszym, zaciongnione; y sam syn nasz tam ydzie", и приглашаетъ обывателей собраться въ отрядъ Кіевскаго воеводы, чтобы „dalszym zamysłom nieprzyiacielskim wstręt czynic", увѣдомляя, что и онъ, король, непремѣнно выступитъ, чтобы „sami osobą naszą niebiezpieczenstwo Rzeczypospolitey zastąpic".

Ibid., л. 192 об., № 192.

XI.

Заявленіе, отъ 17 іюня 1617 года, „шляхетного" Якуба Рудзѣнскаго, слуги „велможное пани ее млти пани Зофіи с Карабчова Ходкевичовое, каштелянки Виленское", о томъ, что, когда онъ „до Равы с квартою з добръ державы ея млти пани Виленское Романовскихъ и Сквирскихъ, водле люстрации их млти пановъ люстраторовъ, ехалъ, оные для отданя, водле звычаю, до скарбу вюз и про-

водиль", на него напали неизвѣстные ему люди, „овшем снат розбойницы якиес, которых было в личбе чловѣка семь, на лесе межи Заславем и Острогом", причинили ему тяжкіе побои и раны и заграбили деньги; побои и раны осмотрѣны и засвидѣтельствованы возным.

Ibid., л. 311, № 268.

XII.

Заявленіе, отъ 18 іюля 1617 года, „врядниковъ судовыхъ земскихъ" пановъ Яна Аксака, судьи, а Петра Златопольскаго, подсудка, о томъ, что они „до Поволочи, до Белиловки, также и до иншихъ некоторыхъ маетностей, на которыхъ особы некоторые переводы правные маютъ, а потомъ въ Полесе ку Овручему, также и за Днепръ, для отправованья екзекуцыи и досыть чиненя повинности своей урядовой посланы были, где иж для трывогъ великихъ отъ непріятеля Крыжа Светою наступаючыхъ, черезъ шляхъ татарскій доехати и тое екзекуцыы кончити не могучи, назад се кождый з их милости, где который могъ, вернути мусели".

Ibid., л. 313, № 270.

XIII.

Жалоба п. Данішла Стрыбыля, отъ 28 августа 1617 года, о томъ, что п. Адамъ Олизаръ-Волчкевичъ „наслалъ" на имѣніе жалобщика с. Каменный-Бродъ „подъ часъ козацкій и способомъ козацкимъ, с хоругвью, обычаем военным, слуг, бояръ и подданных своихъ и мещан Коростешовскихъ и Котелянскихъ", которые „досыт маетност его (Стрибыля), тот Каменный-Бродъ зграбили, злупили"; въ жалобѣ перечисляется и оцѣнивается заграбленное у крестьянъ имущество.

Ibid., л. 500 об., № 414.

XIV.

Протестъ обывателей Кіевскаго воеводства, отъ 12 сентября 1617 года, „противко конъстытуцыи оказования се межи Фастовом а Трилесами", „на сойме валномъ Варшавском яко глухо а не специфице уфаленое, которои они подлегати не хочутъ", а вмъстъ съ тымъ и противъ сбора обывателей въ какое-то ополченіе.

Ibid., л. 525 об., № 439.

XV.

Универсалъ обывателей Кіевскаго воеводства, съ заявленіемъ о томъ, что они собрались между м. Фастовымъ и с. Трилесами въ назначенный сеймомъ срокъ, где и выслушали объясненіе Кіевскимъ воеводой Станиславомъ Жолкъвскимъ причины сбора, какового оказалась необходимость принятія мъръ противъ насилій со стороны своевольныхъ людей,—23 октября 1617 года.

Року 1617, месеца октобра 23 дня.

На вряд его кор. мл. Житомирский, до мене, Яна Гальчиновского, подстаростего Житомирского, присланый и отданый ест универсал от всих их мл. панов шляхты обывателев воеводства Киевского, з печатю и с подписом руки его мл. пана Филона Стрыбыля, чашника земли Киевское а маршалка на тотчас кола рыцерского, дата з межи Трылес и Фастова, где на тотчас для оказываня, яко на местце конституцыею назначоное, зъехалисе были, в речах певныхъ писаный; которого я, вряд, с повинности своее копиями попереписыват и по местцахъ звыклых розеслат, а потомъ для часу пришлого до книг уписат казалем, и так се въ собе мает:

My, rycerstwo, szliachta, dygnitarze, urzędnicy, obywatelie woiewodztwa Kijowskiego, miedzy Chwastowem y Trilisami, według konstitucyi, ku okazowaniu na tym mieiscu, we trzy niedzielie po s. Michailie uchwalioney, poczuwaiąc się w powinnosciach swoych, postrzegaiąc pien srogich, w teizè konstytucij opisanyh, stawilismy się, nie mogąc się doczekac na dniu pierwszym, drugim y trzecim jmc pana kosztaliana Kijowskiego,

ani p. chorążego doczekać się nie mogli. Przychilaiąc się tedy do porządku y samey słuszności, bacząc takową niechęc ichmow tych, przed ktorymi mielibysmy się na tym mieiscu prezentowac, czyniąc taki miedzy sobą porządek, a wiedząc o bytnosci jmci jw pana Stanislawa Żolkiewskiego, woiewody Kijowskiego, hetmana koronnego, uzywszy z posrodku kola swego bracią naszą jmci pana Stefana Niemiricza y pana Jerzego Długoborskiego do jw pana hetmana, nawiedzaiąc zdrowie jmci z ofiarowaniem uprzeimey powolnosci naszych, podawszy na facultatem s pewną deklaracyią konferowac posyłali, prosząc przytym jmci o finalny respons, co jmc p. hetman, nasz miłosciwy pan, te chęc y powolnosc nasze za wdzięcznie przyiowszy, przez tych panow posłow naszych respons nam takij dać raczył: chcąc się z nami, obywetelmi tego woiewodztwa, w tej sprawie, ktora zachodzi wsystkie R. P., we wszystkim znosic y porozumiewac, iesli by ci ludzie swawolne roskazania jkmci słuchać nie chcieli, jmc pan hetman chce wykonac wole i roskazanie jkmci i wszystkiei Rzpltey nad onemi, iako nieposłusznemi, a listami-uniwersałami swymi nas, wszystkich obywatelow wdztwa tego, do grodow Kijowa i Żytomierza, Owruczego, przychilaiąc się do deklaratij naszey, obwiescic chce; a nizli to ma byc, zdalo sie to nam za rzecz słuszną wprzod tymi uniwersałami naszemi, nie czekaiąc, zaczymby uniwersały jmci pana hetmana koronnego rozwieszone były o declaracij naszey, o responsie jmci p. hetmana, tudzież i o prędkiei gotowosci, do wiadomosci wm. odniesli. Rozumiemy tedy, iż nie tylko poganą, ale i podziękowanie od wmw. pp. i braciei za to odniéśiemy, pewniśmy tego; iednak po wm., naszych miłosciwych panach, według deklaracyi naszey, confusi zostawic nie będziecie siebie i nas chcieli. A skoro uniwersały jmci p. hetmana zaidą, żebyśmy zarazem wszisci na konie wsiedli i na też miesce, miedzy Fastow i Trilesy, skupili i porządnie do jmci p. hetmana stawilisie. Gdyz możecie wm. sami dobrze w siebie uważyć, że ta naiwięcey o nasze awgarie, ktore z dawnego czasu cierpiemy od tego swawolenstwa. Ktory uniwersał, prosimy o to pilnie wm., żebyscie wm. ieden do dru-

giego odesłac, niezabawiaiąc, przędko raczili, i iedni ci, ktorzyscie wm. na tem terminie byli, wiecie, wm., dobrze swoią deklaraciią; a ci, ktorzy nie byli, żeby ichmc o tem wiedzieli i dobrze to w siebe uważili. Z tem oddaiemysię z służbami naszemi braterskimi w laskę wm., naszich m. pp. i braciei.

Datum z miedzy Fastowa i Trilesow, dnia 22 oktobris, anno 1617.

Wm. naszich m. pp. zyczliwi bracia i sluzic gotowe.

У того универсалу печат одна, а подпис руки в тые слова:

Imieniem wszystkich ichmc pp. ziemie Kijowskiey obywatelow, na ten czas miedzy Trzechlesow i Fastowa zgromadzonych, Filon Strybyl czesznik Kiow. i marszałek na ten czas koła rycerskiego, ręką swą własną.

Што все про памет до книг замку его крол. мл. Житомирского ест уписано.

Ibid., л. 559, № 476.

XVI.

Универсалъ польнаго коронnаго гетмана, Кіевскаго воеводы, Станислава Жолкѣвскаго къ обывателямъ Кіевскаго воеводства, съ предложеніемъ принятія мѣръ противъ своеволія Запорожскихъ козаковъ въ край и походовъ ихъ въ Турцію и противъ грубости, съ которой они позволили себѣ прислать „гордое и надутое" письмо ему, воеводѣ,—23 октября 1617 года.

Року 1617, месеца октебра, 23 дня.

На вряд кгродский, в замок его кор. милости Житомирский, до мене, Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, принесеный и отданый ест лист-универсал от велможного его милости пана Станислава Жолковского, воеводы Киевского, гетмана полного коронного, с печатю и с подписом руки властное его мл., до всих вобец их мл. пановъ обывателей воеводства Киевского, жадаючи о посилок противко встренту сваволенства козаковъ Запорозкихъ писаный; которого я, с повинности своее врядовое, копии з оного по-

переписыват и по местцах звыклых розослат, а потом и до книг для часу пришлого уписат есми казал; и так се в собе мает:

Stanisław Żołkiewsky, woiewoda kijowski, hetman coronny, Barsky, Kamionacky etc. etc. starosta —jasniewielmożnym, wielmożnym ichmciom panom senatorom, dignitarzom, urzędnikom i wszistkiemu rycerstwu woiewodztwa Kijowskiego, moim miłosciwym panom y braciei.

Po zalecaniu służb moich braterskich wiadomo czynie— raczicie wm. wiedziec, że dla roskazania jkmci y dla Rzpltey potrzeby przyszedlem tu, w ten krai, żeby swawolenstwo kozackie, ktorego się tak wiele nakupiło y tak wysoką gore wyniosło, do dobrego porządku mogł przywieść; gdyż taka swawola ich dolega wmosciom; zwlaszcza ktorzy tu, w kraiach tych, mieszkacie, doswiadczacie tego, a potym ten zapał mogl by i dalei co nieprzepiecznieyszego y szkodliwszego w Rzpltey uczynic. Gdyż to chłopstwo, ktore z przyrodzenia narodowi szlacheckiemu nie jest przyiazno, może się y czego inszego gorszego, będzieli zaniedbane, poważic. A do tego ci swawolnicy Rzpltą w szwanki z cesarzem tureckim przywodzą, czego skutek iuż się ukażał, że woyska swe poganskie tureckie i tatarskie y hołdowniki swe przyległe zesłał był cesarz turecky na panstwa Rzeczypospolitey; tylko za łaską Bożą, a obmysłem jkmci, pana naszego miłosciwego, zabiegło się temu, że poganie nie dowiedli mysli swei. Teraz, gdy chcialem dobremi sposoby z temi ludzmi postąpic, chcąc ich do słusznich srzodkow słusznemi umowami przywiesc, dosyc gładko i ludzkie pisząc y wskazywaiąc do nich, napisali do mnie list hardy y nadęty, biorąc sobie za krzywdę, żem się ź Pawoloczy ruszył ku Bialey-Cerkwie, a daiąc mi znac, że się ku mnie pomykaią; zaczym y mnie nie godziło, iedno ku nim się pomknąc; aczey gdy się do siebie zbliżym, złożą z tey hardosci. A yż idzie o spolną Rzpltą, a osobliwie o tuteczne kraie, wzywam wm. wszech, iako do spolnego zapału gaszenia, żebyscie wm. raczili przybywac do woyska jkmci; tym prędzei to swawolenstwo poskromic i pogamo-

wac się może, kiedy spolny wszech wmw. consens do powsciągnienia swoiei swawoli obaczą.

Dan w Białei-Cerkwi, dnia dwudziestego pierwszego octobris, tysiąc szescset siedmnastego.

У того универсалу его милости пана гетмана полного коронного печат притисненая его милости, а подпис руки его мл в тые слова:

Stanisław Zołkiewski, wwda kijowski.

Который же то вышъменованый универсал его мл. пана гетманов до книг кгродских Житомирских ест принято и записано.

Ibid, л. 55 об., № 478.

XVII

Заявленіе п. Яна Гуляницкаго, слуги Кіевскаго земскаго писаря Яна Аксака, отъ 9 января 1618 года, о томъ, что когда онъ везъ деньги въ г. Острогъ по порученію своего господина, то недалеко отъ г. Житомира на него напали „не вѣдати што за люди о килканасту коней, з бронями, з пуляками, инспирате, обычаемъ разбойницкимъ", причинили ему, заявителю, тяжкіе побои, заграбили деньги и разныя вещи и увели съ собой бывшихъ съ нимъ „возницу и выростка", и „ведомости о нихъ не маш, где подели, если позабивали албо потопили"; подтвержденіе возными, по произведенному ими разслѣдованію, справедливости этого заявленія.

Ibid., л. 696, № 20.

XVIII

Жалоба п. Мартина и друг. Бутовичей, отъ 16 февраля 1618 года, „напротивко жолнеромъ людей сваволныхъ, яко се они сами быть менуютъ, волоскими, хоронивый двохъ одное роты и хоронивъ его мл. пана Фаленскаго", о томъ, что они, „квалтовне наехавши на маетность" жалобщиковъ „место Брусиловъ, тамъ же припустивши до штурж; и выбивши ворота", ворвались въ городъ и совершенно его разорили, нѣсколькихъ человѣкъ убили и замучили до смерти, а другимъ причинили тяжкіе побои и раны, сожгли

нѣсколько домовъ и зграбили много имущества; наконецъ, своевольные жолнеры взяли съ жалобщиковъ подписку въ неимѣніи претензій и вынудили долговую запись на 500 пол. злотыхъ.

Ibid., л. 79, № 100.

XIX

Заявленіе пп. Филона и друг. Ворониче, отъ 17 февраля 1618 года, о томъ, „иж дей снат непріятель який, будучи отъ кого направленый на учинок нижепомененый злый а непристойный, замокъ нашъ Трояновский праве з полночи з дня петнадцатого на шестьнадцатый месецъ февраля . . . . . коды люде сном великим обтяжены были, ... запалили; за которымъ запаленемъ черезъ того непріятеля того замку", все имущество ихъ, Ворониче, весь грамоты и документы погибли въ огнь; заявленіе засвидѣтельствовано возными.

Ibid., л. 770, № 101.

XX.

Жалоба Ярославскихъ и Михайловскихъ мѣщанъ о нападѣ на ихъ мѣстечка п. Кшиштофа Немирича и п. Андрея Павшича, вмѣстѣ съ ротой п. Самуила Лаща, о взятіи или штурмомъ этихъ мѣстечекъ, убійствѣ нѣкоторыхъ мѣщанъ, нанесеніи ранъ многимъ другимъ, сожженіи женщинъ, поджогѣ домовъ и грабежѣ имущества жалобщиковъ,—26 февраля 1618 года.

Року 1618, месеца февраля 26 дня.

На вряд замку его кор. мл. Житомирского присланши и обличне в замку Житомирском становши, месчанин Михайловский мѣста кроля его млти Михайлова, в повѣте старостве Овруцкого лежачого будучого, на име Стефан Прилипич, сам от себе и именем от войта Михайловского именемъ Василя Романовича Новодворца, а месчан: Данила Ошевича, Михайла Случанина а Есипа Жмики, сотниковъ местскихъ, Клима Чуриловича, Якима Забуженича, Войтеха а Петра Горошковцовъ, Семена Стовпеницы, Семена и Матыса Соколовцов, Петра Горошковца, Семена Сталецкого, и от всѣх

месчан Михайловских и Ярославских, посполства, от килкусет людей. в мѣсте Михайлове и Ярославю добре оселых, жаловал и оповедал з великим утяженем на их млть, то ест на урожоного пана Криштофа Немирича, земенина воеводства Киевского, и на помочника его пана Андрея Федоровича Павщича, который баниеваный ест, а на поручника роты его мл. п. Самоеля Ласчовы, п. Юря Высоковского и всего их товариства роты п. Ласчовы, иж оные вси люду розного конного, в зброях о петсот, або и болей, корогве чотыри, полком способившисе и одною радою намовившисе, которым есмо з себе и подарков золотых сто обецат далисмо, вже оны мѣсто Ярослав и предмѣсте от Искорости, и вси гумна подворки наши, зо всими достатки, живност огорнули; они, не огледаючисе на боязн Божую и права посполитого, на сваволных утвореное, року нинешнего, тисеча шестсот осмнадцатого, месеца февраля деветнадцатого дня, з стрелбою огнистою розною, з шмикговницами, с полдялки, з мушкеты, моцно, кгвалтом, умыслне наехавши и оступивши мѣсто Михайлов, острогом прохеварованое, а на другом мѣстечку, называемом Ярославу, там же тому мѣсту Михайлову прилеглое, возы лежею обозом о тисечу застановившы, ку оному мѣсту Михайлову къ бакштам и ку острогу штурмы, спешившисе, розными месцами поробивши, стрелбу огнистую в мѣсто Михайлов на месчан, яко одны неприятели, пустили, в острог, в мѣсто, уламуючисе, секирами дири вырубавши, а на передмѣстю з обудвухъ сторон домов килкадесят и у подворках огнем запалили; тамже, в мѣсте Михайлове, през цалый ден штурмуючи, аж до самое ночи, месчан чоловѣка десет с полгаковъ и з мушкетов на смерть позабивали, а меновите на смерть забитые: Трохим Годотовец, Юрко Гончар, Ермола Совпеничич, Остап Сотникъ, Антон Андруховичъ, Остап Русакович, Трохим Романовец, Васил Кривопускъ, Евсий Тимощевич а Трохим Девошинец, а инших, то ест двох невяст и мужчизны чоловѣка з тридцат, также стрелбою з мушкетовъ и с полгаков кулями стрелянем шкодливе поранили, которые, не вѣдаем, естли живы будут; а инших

бѣлых голов и мужчизны о десет чоловѣка, которые с предмѣстя в мѣсто бегли, не могучи вже в мѣсто упаст, под острогом над озером в лазню были упали, оных, соломою оболокли, живых огнем попалили. А маетности местское в мѣсте Ярославю, же толко з мѣста Ярославя в острог мѣста Михайлова ледво душами упали, также и всего мѣста месчан Михайловских з домов, клетей, в подварках, в гумнѣх, в оборах, в броварох выбраня котлов, а особливе маетности рухомое, збожя вшелякого зсыпаного и муками зготованого, садел полтей, мясами, а коней, волов, коров, быдла рогатого, с подварков заняли о триста овец, а в пасеках меских в ульях пчол выдрали медами полтараста роев; всего забрали на двадцат тисечей золотых полских. И то все, своволный учинок свой, пополнивши, з добром мѣста Михайлова и мѣстечка Ярославя, з домов, з гумен, с подварков выбравши, на розные части межи собою роздялек учинили и з собою на пожиток свой попровадили, а мѣсто Михайловъ и мѣстечко Ярослав зубожили и внивеч обернули. Што все часу права, нам то, яко нарыхлей тепер вѣдомост его млти пану старосте Овруцкому на рамени короля его млти донесено будет, же и на сес час у великом небезпеченстве здорову и трохе позосталое маетности естесмо обтяжени до остатней крывды и шкоды, списане на реестре окажем. При которой протестацыи месчан Михайловских, року, месеца и дня вышписанаго, передо мною, врядом, обличне ставши два возных енералных воеводства Киевского шляхетный Михайло Васковский а Василей Крупский, которые, за жалобою войта и месчан Михайловских и Ярославскихъ, были и оными водле протестацыи свой обвод, оказ чинили, ку записаню до книгъ замку его кор. мл. Житомирского, при квите своем, под печатми и с подписами рукъ их, зезнали очевисто в тые слова: Я, Михайло Васковский, а я, Василей Крупский, возные енералные воеводства Киевского, зезнаваем тым квитом правдивого зезнаня нашого ку записаню до книгъ замку его кор. мл. Житомирского, иж року тепер идучого, тисеча шестсот осмогонадцат, месеца

февраля двадцат третего дня, будучи нам, возным, взятымъ на справу и потребу подстаростего Михайловского пана Василя Янчарскаго, а войта Михайловского Василя Романовича и всих месчан посполства, теды за оказанем жалобою их видели есмо, напрод, у церкви в мѣсте Михайлове чоловѣка десет тила окрутъне с полгаков стреленем забитых, же в вождом теле по килку пострѣлов кулями нам, возным, оказовали, в месте с предмѣстя Искоростинского, же с полдялков и з мушкетовъ, зъ штурмовъ стреляно; видели есмо у бакшты ворота и вереи, аж в домы меские кули пострелом уносили, также з штурмов до острога и до тое бакшты, же з обудвух сторон бакшть мѣсто оступленое, острог штурмом, секирами дюры вырубованы и з мушкетов стреляно там въ бакшты, в острог, в домох меских кули уходячие праве значне; невяст двох и чоловѣка о тридцат, шкодливе пострѣленых, нам, возным, оказовали, яко меновали, же ледво который жив зостанет. В месте плачъ великий, утискъ. А на предмѣстю от Искоростина, тут же, близу острога видели есмо, за оказанем всих панов месчан Михайловскихъ, тую лазню спаленую, в которой менили же невест и мужчизнъ о десет душъ, которые в место бегли и в тую лазню-хату упали, огнем, соломою оболокши, попалено; а около мѣста соломою все обволокивано, бервена зъ хатъ на штурмы барзо веле под острог навожено; на предместю з обудвух сторон хат о тридцати, слодовне килка огнем попалено. В мѣсте Ярославю з домов и з подворковъ и всего мѣста Михайлова, яко жаловали месчанове, маетности и статков през п. Криштофа Немирича, а Андрея Павшича и через роту его мл. п. Ласчову, а поручника п. Юрія Высокинского, на коню на десят тисечей забрано, и домы, хаты огнем попалено, людей позабияно, инших поранено, до мѣста бурды, штурмы чинено и все шкодливе обернено; мы теды, возные, за жалобою оказанем п. подстаростего Михайловского, также войта и всѣхъ месчан, дали есмо на писме ку записаню до книг врядовых сес квит под печатми и с под-

писомъ рукъ нашихъ. Которое ж то очевистое сознане возных до книг естъ принято и записано.

Ibid.. л 780, № 109.

XXI.

Жалоба п. Павла и Григорія Щенѣевскихъ о грабежѣ ихъ имущества толпою своевольныхъ людей и козаками какого-то Александра Конки, собиравшимися въ м. Трояновѣ, вмѣстѣ съ боярами и крестьянами п. Анастасіи Хлусовичевой и п. Маріи Щенѣевской при вооруженномъ нападѣ ихъ на с. Щенѣвъ, --8 апрѣля 1618 года.

Року 1618, месеца априля 8 дня.

На вряде его кор. мл., замку Житомирского, передо мною, Яномъ Галчиновским, подстаростим Житомирским, ставши очевисто пан Павел Счениевский, самъ от себе и именем брата своего рожоного пана Григоря Счениевского, оповедал и обтежливе жаловал на урожоныхъ паний Настасю Воронянку Матысовую Хлусовичовую, а Марю Хлусовичовну Федоровую Счениевскую, братовую свою, в тот способъ, иж дей они, не контентуючис першимъ розным чиненемъ кривдъ и шкод великих, часов прошлых нам самым и подданым нашым Счениевскимъ, так через себе самых, яко подданых своих и особъ розных направованемъ до чинення теж нам великих кривдъ так в збожах, яко и в сеножатех наших, на чом всем не переставаючи, овшем и на том мало маючи, иж, будучи белыми головами, сами особами своими далших горших кривдъ и шкод нам чинит не могучи, однакже способов на то розмаитых заживали, яко бы до горшого убозства и знисченя нас привести могли, не ведат, для якое причины, безвинне, ничого до нас не маючи, людей правом и покоем посполитым обваронаных, подчас сваволенства великого и збиранья се купъ сваволных гултаев, чуючи о том, иж теж на тот же час близкий, правный и повинный их, неякийсъ Александер Кушка, врушаючи покой посполитый, поднес корогов в мисте Трояновце, маетности их млпанов Вороничовъ, для збиранья козаков и розных гултаев,

также и нодданыхъ ихъ мл. пп. Вороничов, где, поехавши до него, хотечи предсевзятый замыслъ свой скуткомъ довести, великими прозбами и намовами оного, абы он якоес кривды се на нас мстил, жадали; который, будучи упрошонымъ о то от вышменованых, а запустившис юж на такую шарпанину, кгволи им усе чинечи, маючи от них приданых помочников, слуг, бояр и подданых их, въ року теперешнемъ, тисеча шестсот осмнадцатом, месеца априля пятого дня, вышменованый Кушка с тамтым гултайством и помочниками, отъ особъ вышменованых ему на то придаными, которым они сами лепей имена и назвиска видают и их знаютъ, досыт чинечи прозби и намове их, наехавши на маетност нашу село Счениев, и на дом брата моего п. Григоря Счениевского, там же его в дому заставши, яко чоловѣка убезпечоного и никому ничого невинного, почали с пулгаков стреляти, страхи розные, деспекты выражат, хотечи его з дому выстрашит, который иж не был никому ничого винен, теды не хотѣл проч ити, однак оных усилне просил, абы того чинит перестали; которые ач за прозбою его не бючи, однак самого его з сукон на взкгарде зволокли и в дому коморы поотбивавши, такъ скрыни маетностъ его усю побрали и пограбили и пошарпали, яко грошп готовые. золото, сребро, цын, мид, кони, быдъло, шаты, хусты музские и белоголовские, ово згола все от мала до велика ничего не зоставивши, где и моих речей немало, которыем при том брате своем был зоставил, побрали и пограбили. А потом и на том мало маючи, на домы подданых нашихъ наежчаючи, коморы отбиваючи, што се им уподобало, брали, грабили, з стаен и з обор, кони, быдло и всю маетност их до счету, приводечи их до убозтва великого и знисченя, што все ширей а достаточней на позвах выразне каждая речъ положона и спецыфикована будет. И то все побравши и пограбивши, до домов их в том селе Счениеве отвели, отвезли и отпровадили, и им отдали; а они от них узявши, на пожитокъ свой обернули и привласчили, тым се контентуючи и оным за тое велце дякуючи, иж прозби ихъ досыт учинили.

При которой протестацыи вышменованый п. Павел Счениевский, верефикуючи тое скарги своей, ставил очевисто передо мною возного енерала воеводства Киевского шляхетного Василя Сосницкого, врядовне до тое справы везваного, который, чого свидом будучи, в моц правдивого сознаня своего квит, с подписом руки своей, для записаня до книг заразом, при оной же протестацыи учинивши, подал в тые слова: Я, Василей Сосницкій, возный енералъ воеводства Киевского, сознаваю то на сем моем квите, ку записованю до книг, иж в року тепер идучомъ, тисеча шестсот осмнадцатом, месеца априля семого дня, за приданемъ урядовымъ, з стороною двема шляхтичами п. Миколаем Ястрембъскимъ а п. Войтехомъ Скурковскимъ, былем везваный от урожоных пп. Григоря и Павла Счениевских, брати рожоное, до села Счениева на справу и потребу их, где напервей в дому п. Григоря Счениевского, там, за обвоженемъ и оказованемъ его, виделом до комор двох двери поодбияны, замки полупаны, скрын великих две полупаных, порожне на земли валяючихсе; до того, за обвоженемъ обохъ, так п. Григоря, яко и пана Павла Счениевских, виделом у подданых их килкунастей поотбиваные, што все меновали быт сталое за наеханъемъ кгвалтовным неякогос Александра Кошки, з людми своволными, гултяйствомъ, козаками, о колкосот чоловека, через направене и упрошене на учинене такового ексцесу оным от панее Настаси Воронянки Матысовое Хлусовичовое и панее Мари Хлусовичовны Федоровое Счениевское, придавши оным до того на помоч слуг, бояр и подданых своих, причомъ и побране маетности, речей рухомых, с тых скрын и комор, так п. Григорей своих, яко и п. Павел Счениевский своихъ, в схованю п. Григоря будучих; венцъ и тые подданые их, барзо веле в протестацыи вышей положоных быт меновали, которые дей побравши и пограбивши панеи Хлусовичовои и панеи Федоровой Счениевской то все до рук отдали. А так я, возный, при чем есми был, што видел и слышал, то все на сем квите с подписом руки своеи даю и очевисто сознаваю. Которое ж то оповедане, так-

же и очевистое возного сознане, до книг замку его кор. мл. Житомирского ест принято и записано.

Ibid.. л. 877, № 211.

XXII.

Универсалъ Кіевскаго намѣстника Стефана Мшанскаго о препровожденіи кн. Адамомъ Ружинскимъ и п. Якубомъ Тулковскимъ въ замковую тюрьму п. Крыштофа Немирича, обвиняемаго въ нападахъ съ толпою своевольныхъ вооруженныхъ людей на разныя имѣнія, въ сожженіи домовъ въ селахъ и городахъ и вообще въ нарушеніи общественнаго спокойствія; при этомъ намѣстникъ приглашаетъ обывателей воеводства собраться 24 апрѣля въ г. Житомірѣ „до купы" для производства суда надъ Немиричемъ.—12 апрѣля 1618 года.

Року 1618, месеца апреля 12 дня.

Принесеный и отданый ест на вряд его кор. мл. Житомирский до мене, Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, от урожоного пана Стефана Мшанского, наместника Киевского, лист-универсал, с печатю и с подписом власное руки его, означаймуючи их мл. паном шляхте обывателем воеводства Киевского о отданю на вряд его кор. мл. Киевский через их млти князя Адама Наримунтовича Ружинского и п. Якуба Тулковского, яко турбатора покою посполитого, урожоного пана Крыштофа Матфеевича Немирича, писаный, через возного енерала воеводства Киевского шляхетного Павла Боровского, о чом ширей тот универсал в собе обмовляет. Которого я, вряд. с повинности своей, впрод через тогож вышейменованого возного на рынку Житомирском обволати и публиковати, приводечи до видомости людское, казал, а потомъ, до книг приймуючи, перед собою читати казал, и так се в собе, писмом полским (писанный) мает:

Jasnewielmożnym ichmściom panom senatorom, urzędnikom y wszystkiemu rycerstwu obywateliom woiewodstwa Kiiowskiego, moym mściwym panom i łaskawey braci. Po zaleceniu powolnych służb moich, wiadomo czynie w. mściom, yż

w roku teraznieyszym, tysiąc szescset osmnastym, miesiąca kwietnia dziewiątego dnia, w niebytnosci, za obraniem poslem s posrodku w. msciow i odiachaniem na teraznieyszy seim, temi czasy skonczony, samego jmc p. Michała Myszki-Chołoniewskiego, podwoiewodzego Kiiowskiego, przez ichmsc xiążęcia Adama Rużynskiego a p. Jakuba Tułkowskiego przyprowadzony iest na urząd grodzky Kiiowsky urodzony p. Krzysztof Matfeiewicz Niemirzyz, iako turbator pokoiu pospolitego, czynieniem po te wszystkie czasy, z kupą takich że liudzy swowolnych, naiazdow na domy szlacheckie, gwałtow, mordow, paleniem domow, łupieniem po miastach, wsiach, i innych okrutnych, haniebnych i przedtym niesłychanych ekscessow. A przy oddaniu onego na urząd ych msc xiąże Rużynsky i p. Tułkowski, iako własni dobrzy synowie y strożowie pokoiu oyczyzny, obmysliwaiąc o tym, iakoby wmsciom wszystkym o poimaniu tego to turbatora wiadomosc iako naprenzey dac mogli, używali w tem urzędu. Ja tedy, s powinnosci urzędowey, pogliądaiąc na obostrzezenie prawa, na takich swawolnych w konstitucyi, anno 1611 na seimie ufalioney, opisanego, i owszem we wszystkim sie według oney zachowuiąc y postrzegaiąc, aby na potym żadna pena tak na urzędzie, iako y na mianowanych ych msci xiążęciu Rużynskym a panu Tułkowskym nie została, w. msciom a ile tym, ktoryscie są od takich swawolnych skrzywdzeni, naznaczam czas y dzien pewny na dzien dwudziesty czwarty miesiąca kwietnia, w roku teraznieyszym, 1618, w zamku Kiowskym, na ziachaniesie do kupy dlia szyrszey namowy o pohamowaniu takich turbatorow i swawolnikow i o niepozwalianiu onym więcei sie szerzyc i gromadzic. Względem zas i tego, yż, za nastąpieniem teraznieyszego trybunału, roczki nie prędko przypadną, aby zatym przedłużeniem, a za nieczułoscią w. msciow samych mianowany turbator iakiego forteliu o wyzwolieniu siebie z wiezienia nie przemyślił. Co tak oznaimiwszy i do przestrogi w.msciom podawszy, powtorze służby me w łaske w.msciow ofiaruie.

Pisan w zamku Kiyowskim, anno 1618, miesiąca kwietnia 10 dnia.

У того универсалу печат пана наместника Киевского, а подпис руки его в тые слова:

Stefan Mszansky, namiesnik Kiiowsky.

Што про памет до книг ест записано.

Ibid., л. 901 об., № 234.

XXIII.

Жалоба п. Якуба Медушевскаго объ ограбленіи его въ пути между мм. Радомыслемъ и Рожовымъ бродягами, именующими себя козаками полковника Станислава Калиновскаго,—23 апрѣля 1618 года.

Року 1618, месеца априля 23 дня.

На вряде кгродском, в замку его кор. мл. Житомирскомъ, передо мною, Яном Галчиновским, подстаростим житомирским, постановившис очевисто, урожоный п. Якубъ Медушевский, жалосне оповедане и осведчене таковым способом чинил, иж дей кгды в сем року, тисеча шестсот осмнадцатом, перед припадненемъ судов трибуналских в Люблине власного воеводства Киевского и консерват по отсуженю оного, на котором маючи я пилные и важные справы свое, так за апеляцыями от суду земского и з кгроду Киевскихъ выточоными, яко и в розных инших терминах с причин певных завислыми, пустилем ся был умыслне завчасу тамъ до Люблина, теды на дорозе доброволной, межи Радомышлем и Рожовомъ, перенявши мене люди якиес, сваволныи козаки, менуючиеся быт полку Станислава Калиновского, способом разбойничим первей самого поймали, страхи розные битем и мордерством здоровю моему задавали, а потом, штоколвек при мнѣ было, так справы мое вси з розными особами с поводства моего и противко позывающим мене маючие, яко грошей готовых золотых осмъдесят, межи себе розшарпали, а мене самого до того полковника своего, до Радомышля, привюдши через цалый тыжден и далей за вартою держали. Уходечи теды яких от когоколвек там в Люблине неправхыи за таковым неприбытем своим, отриманя взаню зыс-

ков на теразнийшом термине суженя воеводства Киевского и ознаймуючи о невинности своей, соленитер се сведчу, просечи, абы то до книг принято и записано было,—што отримал.

Ibid., л. 931, № 261.

XXIV.

Заявленіе п. Петра Вельгорскаго, отъ 28 апрѣля 1618 года, о томъ, что „непріятель Крыжа Светого, татаре, плюндруючи краe рознье яко Подольскіе и Волынскіе, ограбили у него всѣ деньги и документы въ то время, когда онъ „въ барзо важныхъ потребахъ" своихъ ѣхалъ „до Луцка, маючи волю на Корецъ ѣхати".

Ibid., л., 138, № 269.

XXV.

Жалоба п. Яна Хмелецкаго о нападеніи на его полкъ въ м. Трояновѣ вооруженныхъ тамошнихъ мѣщанъ и крестьянъ, – 11 мая 1618 года.

Року 1618, месеца мая 11 дня.

Писал и присылал до вряду его королевское милости, замъку Житомиръского, до мене Яна Галъчиновского, подстаростего Житомирского, урожоный п. Янъ Хмелевъский, полъковникъ войска яснеосвецоного княжати его мл. пана Краковъского, оповедаючи и протестуючисе на урожоного п. Ѳедора Воронича тыми словы, ижъ дей в року теперешнем, тисеча шестъсот осмнадцатомъ, месеца мая первого дня, идучи мни з людомъ княжати его млти ку Вилъску для знесеня того гултяйства-козаковъ полку Калиновъского, подълуг росказаня княжати его млти пана Краковъского, моего милостивого пана, пришълосмы было гостинъцомъ звыклымъ на место Трояновку, маетность помененого пана Федора и пана Миколая Вороничовъ ити, где, кгды мы хотели переходитъ, теды панъ Ѳедор Воронич, взявши перед себе злый умыслъ, не помнечи ничого на пристойность свою шляхецкую, видаючи о насъ, якосмы проходити мели, по мѣсцахъ способных людей и поддаиыхъ своихъ Трояновскихъ розно с стрелбою огнистою засадивши, тамже немало товарыства и пахоликов

наших з гаковниц, пулгаков и з ручницъ постреляли, на члонкахъ похромили, о чомъ достаточней часу волнийшого протестацыю на писме з реляцыею возного, о которого о придане прошу, на писме подат не занехам; а тепер абы тое оповедане в способъ акъту до книг принято и записано было,—што естъ записано.

Ibid., л. 953 об., № 281.

XXVI.

Универсалъ короля Сигизмунда III, отъ іюня 1618 года, съ извѣщеніемъ, что прибывшій изъ Константинополя польскій посолъ сообщалъ, что Скиндеръ-паша, вмѣстѣ съ другими пашами и воеводами Семигородскимъ, Молдавскимъ и Волошскимъ въ большомъ числѣ, собираются идти войной на Рѣчь-посполитую, а татары уже разорили Покутье; поэтому король приглашаетъ обывателей „dla sławy zacnego narodu Polskiego“ выступить, вмѣстѣ съ королевскимъ войскомъ, „przeciwko tym rodanom, nieprzyjacielom Krzyża Swiętego“.

Ibid., л. 1018, № 349.

XXVII.

Постановленіе обывателей Кіевскаго воеводства о томъ, что вслѣдствіе совершеннаго разоренія ихъ имѣній своевольными людьми, они съ трудомъ могутъ уплатить прежнюю подать и не допускаютъ взиманія новоустановленныхъ,—1 іюля 1618 года.

Року 1618, месеца июля 1 дня.

На врядѣ кгродскомъ, в замку его кор. мл. Житомирскомъ, передо мною, Яном Галчиновским, подстаростим Житомирским, постановившис очевисто, урожоные их мл. п. Иванъ Пилиповский, а п. Павел Ставецкий, именем их мл. пп. обывателев воеводства Киевского, дня нинѣшнего, на дате вышей меновaного, повагою конституцыи сейму близко прошлого, в сем же року у Варшаве отправуючогос, для обраня спосродку себе поборци до выбраня поборов двох

ланового и чопового, на том же сейме уфаленого, а черезъ их мл. пп. пословъ земских, з вдства Киевского, на том сейме будучих, до братьи взятого, тут, на месце звыкълое и констытуциею назначоное, зъехалыхъсе, подали на писме, с подписами рукъ их мл. декларациею своею, о непоступленъю тых двох поборовъ з вдства Киевъского, жадаючи, абы принята и для часу пришлого до книг замку его корм. Житомирского уписана была. А такъ я, вряд, водъле повинъности своей, ку вѣдомости своей прыймуючи, перед собою читати казал, и так се в собе мает:

My, rycerstwo, szlachta, obywatelle woiewodztwa Kijowskiego, ktorzismysię na then czas na seimik, według konstitucyi seymu przeszłego Warszawskiego, w roku teraznieyszym, tysiąc szescset osmnastym, odprawowanego, po swiętłym Janie, na dzien pierwszy miesiącza julij naznaczony, ziechali, a to dla namowienia poboru drugiego, tak łanowego, iako y czopowego, iesliby tho nasze wdztwo słusznie dac miało y mogło jego krolewskiey mci y Rzeczypospolitey, a zathem y poborce na tho obrac. Tedysmy my wszyscy się, ziechawszysię na then dzien pomieniony, uważaiąc y upatruiąc z sobą zgodnie wielkie swoie y poddanych naszych zniszczenie y spustoszenie od liudziy swawolnych y drapieżnych, do Moskwy idących, w dobrach naszych stałe, nietylko żeby thego drugiego dac pozwolic mieli, ale naweth y thego pirwszego, za pozwoleniem ichmc pp. posłow naszych, z wielką ciężkoscią y trudnoscią wydaiemy y wydac możemy; dla czego też y na then czas my wszyscy zgodnie i iednostaynie s pomienionych prziczyn thego drugiego poboru łanowego y czopowego pozwolic dawac nie możemy y nie moglismy, y na tho wszystki zgodnie rękami swemi podpisawszysię, pieczenciamy swemi zapieczentowalismy.

У тое декларацыи подъпис рукъ в тые слова:

Lukasz Witowski.—Федоръ Ставецкий.—Piotr Strybil.—Philon Woronicz.—Ostafi Strybil.—Daniel Strybil.—Andrzey Woronicz.—Jan Korczewsky.—Iwan Pilipowsky.—Tymofi Humieniecky.—Pawet Stawecky, ręka—Григорей Квлич.—Jan Sierchowsky.—Siemion Druczanin-Kniechininsky.—Jan Zmodzky.—Roman Chohlowicz.—Paweł

Szczenieńsky, reka.—Семенъ Олекшичъ Кирановъский.—Mikolay Dachnowicz.—Иванъ Кевличъ Бражинский, reka sua.—Миколай Корычевский.—Piotr, Юрко и Иван Сченивские, рукою власною.—Jarosz Szemeth.—

Што все про памет до книг ест уписано.

Ibid., л. 1004, № 340.

XXVIII.

Жалоба п. Петра Стрибыля о нанесеніи побоевъ и ранъ его крестьянамъ въ м. Студеной Водѣ п. Иваномъ Щеніевскимъ и полковникомъ Мискомъ Фастовцемъ съ козаками,—8 іюля 1618 года.

Року 1618, месеца июля осмого дня.

Писал и присылал до вряду его кор. мл. замку Житомирского, до мене, Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, урожоный п. Петръ Стрыбыл, оповедаючи и обтежливе жалуючи на Ивана Ждановича Щениевского, яко принцыпала нижей справы менованое, который то Иван Щениевский, не маючи на томъ досытъ, иж в том року тисеча шестсот осмнадцатом, про небытност на тот час мене в дому моем, кгдым на сейме валном Варшавском и на трибунале Любельском, при отправованю справ воеводства Киевского, для велце важныхъ справ своих был, помененый Щениевский з нияким Миском Фастовцем, полковником, который, поднесши хоронкгевъ и зобравшы до себе людей люзных, своволных, з местечок околичных, межи которыми и тот Иван Щениевский будучи, не на жадную послугу Речи-посполитое, але наезджаючи кгвалтовне на домы шляхецкие и маетности их, яко еден неприятелъ, штурмами добываючи, през огон зносечи, людей розного стану забиваючи, мордуючи, коморы одбиваючи, маетности лупечи, до домов своих отпроважали, якож и маетност мою местечко Студеную Воду, кгвалтовне наехавши, которую в ночи умыслъне запаливши, маетностъ всю подданых моих злупивши, през огон до кгрунту знесли и фолварки мое власные, при том же местечку будучие, з быдлом и зо всим спрятом, до кгрун-

ту знесли и челеди двое огнем згорело на смертъ, и инших окрутных ексцесов наробивши, до домов своих с тым лупом отехали, о чом ширей перщая протестация в той справе в собе опевае. То пак помененый Щениевский, чим далей, тым барзей не уставаючи в том предсевзятю своем, заюшившисе и роспаствившисе над тою маетностю моею Студеноводскою, року тисеча шестсот осмнадцатого, месеца июля пятого дня, сам особою своею и с помочниками своими, имены ему ведомымы, которых до килканасте чловека могло быт, наехавши моцно кгвалтом на маетност мою село Студену Воду, там же подданых моих, яко людей невинных, побил, поранил, а меновите: Андрея Немчура окрутне в левую руку в локот шкодливе ранил шаблею; Андрея Качана также збил, змордовал, с которых ран неведат, будут ли живы. О которое кгвалтовное наехане и о поранене подданых, также и о кгвалт суседский п. Стрыбыл оферуетсе правне чинит с тым то Щениевским, якож и возный енерал воеводства Киевского шляхетный Лаврин Козловский того кгвалтовного наезду на село Студену Воду и о зранене подданых, ставши на вряде в замку кгродскомъ Житомирскомъ передо мною, ку записованю до книг сознал тыми словы, иж дей року теперешнего, тисеча шестсот осмнадцатаго, месеца июня пятого дня, будучи мне на тотчасъ в маетности п. Петра Стрыбыля в селе Студеной Воде, при бытности моее на тот час, п. Иван Францович Щениевский моцно кгвалтом сам особою своею и с помочниками своими, которых могло быт до килкунасту чловека, наехавши на село Студену Воду, подданых п. Петра Стрыбыля Студенецких, людей невинных, на селѣ стоячих, побил и окрутне поранил, а меновите: Андрея Немчура в руку левую, в локот, шкодливе шаблею ранил, Андрея Качана также побил и помордовалъ; с которых ран не ведат, будет-ли жив, на што я сам очима своими гледелъ и виделъ, яко и того ранного подданого п. Стрыбылева Андрия тутъ, в Житомиру, на замку его кор. млт. и передо мною становили, который ест шкодливе ранен. Которое ж то оповедане, так теж и очевистое

возного сознане, до книг замку его кор. мл. Житомирского ест принято.

Ibid., л. 1019, об., № 350.

XXIX.

Жалоба п. Богдана Щеніевскаго о нанесеніи ему и его матери въ с. Сынгаяхъ тяжкихъ побоевъ п. Богданой Сынгаевской по совѣту со своимъ сыномъ Мазепой Сынгаевскимъ, своевольнымъ козакомъ изъ полка какого-то Кошки,—9 іюля 1618 года.

Року 1618, месеца июля девятого дня.

На вряде его крол. мл. замку Житомирского, ставши очевисто, урожоный п. Богдан Щениевский, сам от себе и именем урожоное панее Оксинии Ласковны Стрымелецкаго, Ивановое Щениевское, матки своее, с притомностю при ней речоного отца своего и малжонка ее вышменованого, яко опекуна назвирхного, еслибы того потреба была, жалуючи и протестуючис противко урожоное панее Богданы Ходаковского Михайловое Сингаевское о то, иж року теперешнего тисеча шестсот осмнадцатого, месеца июня дватцат семого дня, кгдым я с панею маткою своею з дому и маетности своее Сингаевское приехали были до млина своего сполного з речоною панею Сингаевскою, в том же селе Сингаях, для розмеру збожя млынового, тамже речоная пани Сингаевская, маючи дей для мене неякийс ранкор, а снат зачасу добре нарадившис и намовившис з сыном своим Мазепою Михайловичом Сингаевским, который есть тепер сваволным козаком, лупезцею а кгвалтовником в короне Полской и великомъ князстве Литовскомъ, в полку неякогос Кошки, из многими слугами и подданымы своими, которых было чловека до десятка, самое панее Сингаевское, тых особы менованые прозвиска знаемых и ведомых, без даня жадное причины так моее, яко и пани матки моее, а наболшей в надею снат своего реченого Мазепы Сингаевского, козака, напервей сама пани Сингаевская, запомневши срокгости права и вин в нем описаных, моцно кгвалтовне

сама руками своими панеи матце моей речоной на твари з правого и левого боку ран пят пястю синих спухлых, битых, кровю населых, задала, а потом тые слуги и подданые, з власного росказаня ее, кийми речоную панюю матку мою збили и зранили, и ран на хрибте и на плечах синих спухлых, кровю населых, до осми позадавали; а потом мене самого таяж пани Сингаевская руками своими также и с тымиж вышречоными слугами и поддаными своими, тамже зараз збили и зранили, на твари ран три синих спухлых, битых, на руках обеих вышей и нижей локтя ран пят, на плечах п на хребте ран сем кием битые синеспухлые позадавали. О которое кгвалтовное збите зранене матки своее, яко тежъ и себе самого, речоный п. Богдан Щениевский, оферуючи тую ж панюю матку свою яко и себе самого, з вышменованою панею Сингаевскою хотечи правне чинит, просил мене, вряду, пан Богдан Щениевский о придане возного на огледане того кгвалтвного збитя и зраненя панее матки своее, яко теж и себе самого. Я, с повинности вряду своего, на то придалемъ вознаго енерала воеводства Киевского шляхетного Василя Сосницкого; которая ж то протестация п. Богдана Щениевскаго, так теж и очевистое возного сознане, до книг кгродских замку его кор. мл. Житомирскаго ест принято и записано.

Ibid., л. 1021 об., № 352.

XXX.

Жалоба п. Станислава Оклинскаго о томъ, что братъ его Юзефъ, будучи слугой у п. Вацлава Садковскаго, старосты Кіевскаго (уніатскаго) митрополита, подвергся изъ-за мести послѣднему нападенію со стороны Кіевскихъ мѣщанъ и козаковъ съ въдома Кіевскаго войта Ѳедора Ходыки; при этомъ Юзефъ Оклинскій пропалъ безъ вѣсти, а бывшія при немъ вещи заграбленны обвиняемыми, —11 іюля 1618 года.

Року 1618. месеца июля одинацатого дня.

На вряде его кролев. мл., в замку Житомирском, передо мною, Яном Галчиновским, подстаростим Житомирским,

оповедал и обтежливе жаловал шляхетный п. Станислав Оклинский, иж в року теперешнем, тисеча шестсот осмнадцатом, месеца июня шестнадцатого дня, брат его рожоный Юзефъ Оклинский служилъ час немалый пану Вацлаву Садковскому, старосте отца митрополита Киевскаго, лет колко и, яко слуга будучий, за выправенем и посланем пилным пана своего п. Садковского, з Люблина ехал в справах пана своего до Киева для выбираня побору, тепер уфаленого на сейме, от подданых отца митрополита Киевского; и кгды приехал до Киева, тамже господою стал у подданого отца митрополита Киевского, у неякогос Борща, и вси речи, шаты, гроши, всего того шацуючи могло быти на три тисечи золотых, за ключем тоеж перед тым господыни Борщовой, мел и там, яко чловекъ спокойный, выбираючи побор, в той господе убезпечилсе; и вже в ночи, могло быти годин три, спячи, маючи ранкор на отца митрополита Киевского и на пана его п. Садковского, который там старостою ест, и за его причину и выступок, не могучисе помстити кривды своее на пану его, або на его мл. о. митрополите Киевском, помененого брата его рожоного Юзефа Оклинского, з ведомостю мещан Киевских всихъ, и з ведомостю а з розказаня и насланя теж мещан Киевских отца митрополита Киевского, и з направы а з ведомости тоеж господыни Борщовой, и з ведомости войта Киевского Федора Ходыки и всих радец тогож Киева, посполства того места Киевского, козачки, могло быти их с тридцат, которых козачков тыеж мещане Киевские знают и ведают, яко которого зовут именем и презвиском, и тамже они сами и отцы их домами мешкают у Киеве, яко се вышей поменило, в ночи того часу помененого, никому ничого невинного, чловека спокойного, правом и покоем посполитым убеспечоного, нашедши кгвалтом, без даня причины, взяли з господы и, запровадивши, гдес снат забили и замордовали чили утопили, и речи част побрали, а иншие речи и гроши все помененая господыня побравши поховала, а частъ до инших сусед своих тамошних, в Киеве, поотносила; того всего могло быти на тисечу золотых. А

остаток речей того брата моего Юзефа Оклинского, скоро его с тоеи господы взято, намесник того п. Садковского Киевский п. Ероним Крушинский, которых могло быти на триста золотых, до себе побрал. А коня его сивого, который коштовал золотых осмдесят, приятел п. Вацлава Садковского без причины п. Федор Ходыка-Креницкий взял и пограбил. А иж их тут в протестации имена не сут, през неведомост тых кгвалтовников, написаны, часу учинена ширшое протестации о таковый незбожный учинок оферовалъ чинити, заховуючи еднак ее достаточнейшее учинене и написане по взятю ведомости о зойстю брата своего и принципалах всех того учинку от мещан Киевских всихъ, яко се поменило, наяднаных, и за ведомостю их на тот злый учинок способленых. А так тое оповедане и протестация помененого п. Оклинского до книг нинешних ест принята и записана.

Ibid., л. 1023, № 353.

XXXI.

Универсалъ коронного гетмана Станислава Жолкѣвского, отъ 27 іюля 1618 года, съ извѣщеніемъ, что „tak poganie nawalili na pustoszenie y posiadanie Rzpltey, oyczyzny naszey“, что „trzeba y nam o przespieczenstwie swym radzic y rozmyszlac“, и потому приглашаетъ обывателей Кіевскаго воеводства собраться „до купы“.

Ibid., л. 1076, № 414.

XXXII.

Жалоба Бѣлоцерковскаго подстаросты Томаша Шимковича-Шкленскаго, отъ 7 августа 1618 года, о томъ, что п. Павелъ Василиса, съ толпой вооруженныхъ крестьянъ, напалъ на Германовскаго войта Димитрія Мисковича и заграбилъ у него, причинивъ тяжкую огнестрѣльную рану, чиншевыя деньги.

Ibid., л. 1068 об., № 404.

XXXIII.

Жалоба Авнука Щломовича, Бѣлоцерковскаго „жида-арендатора кнежати его мл. пана Краковскаго", отъ 7 августа 1618 года, о томъ, что п. Павелъ Вассилиса, „зобравши собе килкодесять чловѣка, конно, збройно, з рознымъ оружьемъ: з луками и з мушкетами, ... учинивши окрикъ татарскимъ обычаемъ, . . . когда люде з Украины, из за Днепра, с Канева, з Иржыщова, с Переяславля купцы з рознымы товарами" ѣхали на ярмарку въ м. Бѣлую-Церковь, напалъ на купеческій обозъ и заграбилъ всѣ товары, вслѣдствіе чего „ярмарокъ се розорвалъ".

Ibid., л. 1069, № 405.

XXXIV.

Жалоба п. Николая Малинскаго о нападеніи п. Петра Велегловскаго съ своевольными людьми и козаками изъ полка п. Андрея Олекшича на с. Ораповку имѣя намѣреніе убить тамъ жалобщика, —7 сентября 1618 года.

Року 1618, месеца сентебра семого дня.

На вряде его кр. млти замку Житомирского, передо мною, Яном Галчиновским, подстаростим Житомирским, ставъши очевисто, урожоный пан Миколай Малынский жалосне и обтежъливе жаловалъ и протестовалсе противко пану Петрови Велекгловъскому, яко принцыпалови учинку нижей менованого, и помочниковъ его, тыми словы, ижъ тот-то пречены принцыпал п. Велекгловъский, препомневъши боязни Божое, милости ближнего и срокгости права посполитого, на таковых кгвалътовников уфаленого, умыслъне, своволъне и непристойне помененый принцыпал, маючи з собою слугъ и козаковъ, гултяйства, людей сваволных, з войска полку п. Андрия Олекшичового о килькадесят чловека, з рознымъ оружем, стрелбою огнистою, яко до потребы противко якому неприятелевп Крыжа Светого, зготованными, маючи шпикги по пану Малынъскомъ, где бы милъ оборочати, кгды часу недавного п. Малынский, яко чловекъ никому ничого невинный, будучи покоемъ посполитым обварованый, маючи

потребу до приателя своего, до его мл. п. Яна Мадаленского; для которое потребы, кгды до дому п. Мадаленского, до села Ораповки, приехал и, в дому п. Мадаленского седечи, з ним розмавял, не сподеваючис ничого небезпечного ни от кого, который п. Петръ Велекгловъсний, с тым гултайствомъ, людми розными, и с челедю своею, оных имена и прозиска ему ведомые, року теперешнего, тисеча шестьсот осмнадцатого, месеца сентебра третего дня, впадъши до села, окрикъ учинивъши, а припадши до двора, кгды ворота были зачинены, почалис до двора добыват, ворота сечи, с пулгаковъ, з рушниц, з мушкетов до дому п. Мадаленского стреляти, где, за постереженемъ се, заледво се с челядкою своею п. Малынский в дому п. Мадаленского оборонил: который, не могучи жалуючого достат, а отежджаючи проч, отповеди и похвалке на здорове его, обецуючи се его, способивъшися з болшим гулътяйством—козаками, наехавши, забит; при котором наезде слугу п. Малынского, шляхетного учтивого п. Войтеха Обуховского окрутне, а нелитостиве з мушкету в кулшу правого боку пострелили; с которого пострелу Пан Бог видает, будет-ли жив. Якож помененый, скаргу чинячий, ку великому утверженю тое жалобное скарги своей, просил мене о придане возного на огледане того кгвалтовного наезду и знаков, при том кгвалте починеных также и огледаня того слуги своего постреленого. И просил пан Малынский, абы тое оповедане его, также и очевистое возного сознане, до книг было принято и записано. Штом я, принявши, записати казалъ,—и есть записано.

Ibid., л. 1217. № 451.

XXXV.

Жалоба Житвульскаго старосты Томаша Шклянскаго и всѣхъ обывателей Кіевскаго воеводства о томъ, что когда Шклянскій, по порученію сеймика, захватилъ знамена и разогналъ подъ м. Котельнею шайку своевольныхъ людей п. Андрея Олекшича, разорявшаго шляхетскія имѣнія, то братъ послѣдняго п. Семенъ Олекшичъ

подъ м. Кодней напалъ на жалобщика и отбилъ арестованныхъ и залваченныя знамена,—19 февраля 1618 года.

Року 1618, месеца сентебра 19 дня.

На вряд его кр. мл. кгродский Житомирский, до мене, Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, писал и присылал урожоный его мл. п. Томаш Шимкович—Шклинский, .староста Жикгвулский, слугу своего шляхетного Яна Станишевского, самъ через себе и именемъ всих их мл. панов обывателов воеводства Киевского, оповедаючи се и жалосне протестуючисе на неякого Андрия Олекшича о то, иж он, препомнювши пристойности своей шляхетской, не дбаючи ничого на вины, правне в конституциях противко таковым сваволником описаные, в року теперешнем, тисеча шестсот осмнадцатом, не маючи жадное слушное оказии ани листов приповедных од их мл. панов урядников военных, зебравши немалую купу людей сваволных, розбойниковъ, которые вес часъ з Дубиною, з Лисовским, с Кошкою и з ыншими розбияли, имены и назвиськами добре свидомых, поднявши хорогов приватне, ни на жадную якую прислугу Речи-посполитое, але на розбой, лапане, шарпане добр шляхецких и подданых их, чему се юж были добре призвычаили, дня одиннадцатого сентебра, вшов до добр ее мл. паней Зофии с Карабчова Ходкевичовой, кашталяновой Виленской, названых Красносюлки и Зарубинец, державы панеи Надаринской, тамже, водлугъ своих данных звычаев, кривды незносные людем тамошним, яко и подорожным, чинили, ее мл. панни Виленская, ведаючи, яко свижо на елекции депутатской в Житомиру их мл. панове обивателе в-дства Киевского, всѣ, згодне прихиляючисе до прав и конституций, противко таковымъ сваволникомъ описаным, и до консенсу его кр. мл. до гамованя того сваволенства, же их мл. выналезли способъ через обране певных особ ротмистрами, так теперешнего протестуючого се и инших, помененого его мл. пана Шклинского о тым помененым лотровстве, едучого з тои елекции . . . . . о оброну и знесене их з маетности своей просила; его мл. п. Шклинский, чинечи

Гербъ Запорожскаго войска
въ изображеніи 1622 года.

досыт повинности своей и посполитей, уфане воеводства Киевского, яхал там до них и вперед приятелски оных упоминал, абы се непристойне справы не удавали и, тых лупежствъ занехавши, до домов се своих розяхали; они, не будучи вдячни такового упоминаня, рушилисе до его мл. п. Шклинского, до даня битвы обычаем неприятелским; там яко Пан Бог здарил, при справедливости его мл., п. Шклинский оных розгромил и розпорошил, которых се могло до рук достать, поймалъ, хорогвъ две од них одебрал и таким способом далшой шкоде и болшему се скупеню лотровства забежал и заборонил; и якожъ и корогвъ тую их от них одебравши и помененого Андрея Олекшича, их старшого, поймавши, его мл. пан Шклинский до кгроду Житомирского одеслати был казал; а кеды его проважоно, теды за Котелнею, в дорозе, в полю, року вышпомененого, тринадцатого дня септембра, неякийс Семен Олекшич, брат снат рожоный того Андрея, такъ-же подобных будучи замышлов, зобравши до себе купу сваволников, ему знаемых, потаемне, на доброволней дорозе, перенявши тых слуг его мл. п. Шклинского, которыи провадили до кгроду, меновите: Юрего Карасевича, Ивана Мокиевского, Миколая Шажкевича, обычаем неприятелским погромили, побили, поранили и того розбойника Андрея Олекшича одняли и до уряду Житомирского оддат не допустили, и, до себе взявши, той Семен Олекшич до мешканя своего, где на тот час мешкает, под Коднею, одпровадил. А хотечи его мл. п. Шклинский таковой учинок тых людей сваволных, так Андрея Олекшича, который се был на такие екесцесы вдал, яко и Семена, брата его, который его зас до кгроду до скараня отдат не допустил, публиковат для видомости остреженя се всим их мл. паном обивателом, просил, абы та его мл. протестациа до книг урядовых кгродских Житомирских была принята и записана,—що отрималъ.

Ibid., л. 1282, № 503.

XXXVI.

Позовъ къ суду п. Михаила Казновскаго, товарища и козака „нового полку" п. Криштофа Немирича, и многихъ другихъ по жалобѣ на нихъ п. Ивана Щенѣвскаго о нанесеніи побоевъ его крестьянамъ, грабежѣ хлѣба и проч. въ с. Маломъ Щенѣвѣ (иначе Забродѣ),—25 сентября 1618 года.

Року 1618, месеца сенътебра 25 дня.

На вряде его кр. мл. замку Житомирского передо мною, Яном Галчиновским, подстаростим Житомирским, ставши очевисто, возный енерал в-дства Киевского, шляхетный Ян Кривковский, ку записаню до книг врядовых сознал тыми словы: я, Ян Кривковский, возный енерал воеводства Киевского, сознаваю тым моим сознанемъ, для записаня до книг кгродских Житомирских, иж року теперешнего, тисеча шестсот осмнадцатого, месеца априля шестого дня, далем очевисте в руки позов земский Киевский в дому шляхетных Михайла Казновского, товарыша и козака нового полку его мл. п. Криштофа Немирича, и малжонки его Маруши Ждановны Щениевского Казновское, в селе Великом Щеневе; писаный тот позов по самых особъ вышречоных; тамже зараз тогож дня и тоеж годины и в томже дому Михала Казновского и малжонки его, на части в них будучим: швакгрови их Александру Шуфалскому, Андрееви Павши и Кузминскому, товарыству его и козаком тогож полку п. Немирича другий позов такийже слово в слово далем очевисте в руки; писаные тые обадва позвы по верхумененых особ в жалобе шляхетного п. Ивана Михайловича Щениевского, яко сполных принцыпалов, о наехане кгвалтовное на домъ его в селе Малом Щеневе будучий, о збите и зранене его самого и о побране и полупене маетности поводовое, так грошей готовых и иншое рухомости розное, въ позве его менованое; тогож року тисеча шестсот осмогонадцатого, месеца августа двадцат осмого дня, дал есми очевисте в руки позвов три земских Киевских в селе Великом Щениеве, в доме панеи Настаси Вороничны Матысовое Хлусовичовое и сынов ее

Романа и Прокопа Хлусовичов, один нозов по речоную панюю Хлусовичовую и сынов ее, другий—дочце ее панеи Мари Хлусовичовне, бывшой Ѳедоровой Щенневской, а тепер свижого малженства Романовой Сокоровой, третий – зятеви п. Миколаеви Суслу: писаные тые позвы вси три по особъ вышречоных в жалобе шляхетного п. Ивана Михайловича Щенневского о наехане кгвалтовное на кгрунтъ его сполный села Малого Щеннева, прозываемого Забродя, з иншею братею его, а на нивы его власные дворные, о побране кгвалтовное збожя его власного, жита и пшеници, и о стриляне за ным самым, возным, и шляхтою, через особъ речоных з мушкетов и ручниц, и о пострилянe и на смертъ позабиляне двох псов его дворных, яко то шириі а достаточней вся реч на тых позвех в середине их ест описана и доложона. За которым то позвом всим особом речоным, поводовой и позваным, рок перед судом земским Киевским на роках земских Киевских, которые припасти и сужены быти мают в року теперешнем, тисеча шестсот осмнадцатом, на завтрее светого Михайла рнмского свята, на местцу звыклом судовомъ, в ратушу Киевском, ку праву становитисе зложил и назначил есми. На што дал тое правдивое мое сознане для записаня до книг, с печатю и с подписом руки мое. Которое ж то очевистое возного сознане и тот квит его до книг кгродских ест принято и записано.

Ibid., л. 1288 об., № 511.

XXXVII.

Заявленіе дв. Шимона Нуркевича, слуги князя Януша Острожскаго, объ ограбленіи и нанесеніи ему побоевъ въ м. Полонномъ какимъ-то п. Юревичемъ съ козаками и мѣщанами.—24 октября 1618 года.

Року 1618, месеца октебра 24 дня.

На вряде кгродском, в замку его кр. мл. Житомирскомъ, передо мною, Яном Галчиновским, подстаростимъ Житомирскимъ, постановившися очевисто, служебникъ ясне-

освецоного кнежати его мл. Януша Острозского, каштеляна Краковского, Володимерского etc. старосты, жалосне се ускаржал и оповедал шляхетный п. Шимон Нуркевичъ таковым способом, иж дей в року тепер идучом, тисеча шестсот осмнадцатомъ, месеца октебра двадцат першого дня, то ест у неделю прошлую, приехалем был для некоторых пилных потреб своих до места Полонного, маетности яснеосвецоного княжати его мл. Януша Острозского, воеводича Волынского, тамже, доведавшис о мне, же я ест слугою кн. его млти п. Краковского, неякийс п. Юревичъ, который се менил быти слугою кжти его мл. Януша Острозского, с килкадесят козаковъ и месчанъ Полонъских, нашедши моцне кгвалтомъ на господу, тамже мне безвинне побили и окрутне шаблями поранили, кони мои и иншие речы, на он час при мне будучие, яко гроши готовые, брони, сукни, розшарпавши, межи себе побрали и до поневолного квиту, который есми, рад не рад, дати онымъ муселъ, примусили. О которой таковой деспектъ свой и побране маетности правне себе с тым то паномъ Юревичом и с кождым таковымъ, до кого се слушная дорога причинцами и помочъниками покажет, поступит не занехамъ, заховуючи на сес час салву до учиненъя инакшое ширшое протестации собе и тож власне, кгды ме Пан Бог от того болю оздоровити будет рачил, которую, з реляциею возного, без омешканя подати не занехамъ; а на сес час о прыданс возного до огледанъя того збитя и зраненя своего жадаю, и абы тое кротке оповедане мое в способъ акту до книг принято и записано было. А такъ я, вряд, с повинъности своеи, оному возного енерала воеводства Киевъского шляхетного, которого собе способити будет моглъ, придавши, тое оповеданъе принявши, до книг записати казал,—што ест записано.

Ibid., л. 1330 об., № 549.

XXXVIII.

Жалоба п. Константина Щенiевскаго, отъ 30 октября 1618 г., „противко шляхетныхъ панов Корнѣя Щениевскаго и малжонки ею Настаси Меленевского и Григория и Семена Щениевскихъ, яко своволныхъ козаковъ и товаришовъ полковъ п. Лащового и п. Миска Фастовца, также и Тимофея Волковскаго, яко сполныхъ принципаловъ", о томъ, что обвиняемые напали на улицѣ въ с. Маломъ Щенiевѣ, „прозываемом Забродю", на жалобщика и нанесли тяжкiя раны и побои ему и двумъ его слугамъ; справедливость жалобы свидѣтельствует возный.

Ibid., л. 1344, № 565.

XXXIX.

Заявленiе п. Станислава Фасча и его жены, отъ 1-го ноября 1618 года, о томъ, что „месецъ сентебръ—месецъ октябръ, дней розных, за впадненемъ до панствъ его кор. мл. Короны Польское у воеводства: Волынское, Подольское и тутошне Киевское, татарина неприятеля Крыжа Светого и за спустошенемъ и наленемъ краевъ тых через них, теды и волости Бердичевское и Махновское села немало всѣ попустошили и попалили, людей з жонами и з дѣтьми и з маетностю въ неволю поганскую, въ полон побравши, погнали"; вмѣстѣ съ другими селами, было разорено и с. Великiй Волчинецъ, „над речкою Волчинцомъ", арендованное жалобщиками у сына Брестскаго воеводы Фридриха Тишкевича „з Логойска" и его жены Софiи „з Острога княжны Жаславскаго"; въ этомъ селѣ татары—„поганство, впадши, двор наш зо всим будованем, яко се самъ в собе мял, до того село усе до счету, въ котором было подымя сто и тридцат, с фольварками, з гумнами и вшеляким збожьем зложеным, фольварек мой власный дворный, в котором было пашни самое озимое и ярое чотыри тысечи коп, до того броваре, слодавни, винницу зо всим начинемъ, млыны до самого фундаменту и около гребли тарасоване, в полях около всѣ збожя въ стогах, в стыртах и сѣна так наши дворные, яко и подданных наших Волчинских все а все от мала до веля, же се ничого не зостало, огнем попалили, попустошили и в нивеч праве обернули; подданных петдесят

зо всимъ на все, з жонами и з детми и вшелякою маетностю их взято, а пяти на смерть постинано; с которое маетности повинностий жадных, скарбови его кор. мл. належачих, полнити и их давати нимаш с чего". Заявленіе это засвидѣтельствовано возным и понятыми.

Ibid. л. 1351 об., № 576.

Другое подобное же заявленіе было сдѣлано и. Яномъ Бранскимъ о разореніи татарами с. Поличинецъ, арендованнаго жалобщикомъ у того же Тишкевича.

Ibid., л. 1308, об., № 533.

XL.

Отрывокъ письма Θеофила Леоновича изъ Люблина къ о. Іосифу (Бобриковичу?) въ Вильно съ похвалой Виленскимъ школамъ, съ извѣстіемъ объ успокоеніи греческой религіи, съ изложеніемъ содержанія писемъ козачества, требующаго уничтоженія уніи и уплаты вознагражденія, обѣщаннаго королевичемъ (вѣроятно, за Хотинскую войну и проч.,—15 февраля 1622 года.

Wielebny w Christusie oycze Josephie! . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

„Nowin w naszych krajach mało co: kozacy, jusz to drudzy temi czasu jachali do Warszawy z listem do pp. senatorow, ktorsymy czytali; szyroce o uspokojenie y zniesie(nie) uniey tamo pisano; a iesliby uspokoieni nie byli, straszą confederatią przed tym nie słychano; piersy otprawiono z obetnico takową, jsz ich uspokoją; na co w drugim liscie tak pisali: „jesli k. jego mosc chce tylko nas, tedy chce wszytką Rus kozakami poczynic, bo kozdy zachce pokoju w wierze;" na koncu zas proszą o zosłuzone wedlug obetnicy krolewiczowcy.

Ze Lwowa do nas pisano, ze confedratią żołnierze podniesli dla dwuch przyczyn; piersza: ze im kr. j. mc. nie chce płacic tyle za 3 cwierci; oni zas wmiasto nagrody chcą za pienc; druga: czerwone złoty ndają, jako tu wzędzie

idą, po 6 złotysh, a oni nie chcą-tyle 4; talerze po połtrzecia im dają, po 4.

Posel turecki, zpodziewayą sie, ze prętko będzie otprawiony.

Graeckiey religiey iest wloszyn imieniem Baptista, był u niego w Zamosciu.

Pan Jzaiajsz Moskiewski takze, jakosmy słyszeli, pieknie iest otprawiony.

Mię się dobrze.

Z Lub. Anno 1622, Februarij 15 die.

Рукопись библіотеки Кіево-Печер. лавры, Дополн., № 20, лл. 87 и 88.— См. „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", Н. И. Петровъ вып. II, Москва, 1896 г., стр. 31.

Сообщилъ *И. Хижинкъ*.

Одинъ изъ памятниковъ религіозной полемики XVI вѣка.

(Посланіе прота Аѳонской горы 1534 года).

Почетный Членъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца и почетный докторъ Университета св. Владиміра А. С. Петрушевичъ, извѣстный Львовскій ученый, минувшимъ лѣтомъ принесъ въ даръ черезъ мое посредство Университету св. Владиміра нѣсколько старинныхъ рукописей, выразивъ надежду, что онѣ обратятъ на себя надлежащее вниманіе, будутъ обнародованы и подвергнутся изслѣдованію.

Исполняя это желаніе достопочтеннаго маститаго ученаго, я порѣшилъ издать прежде всего небольшой памятникъ XVI-го вѣка, сохранившійся въ одной изъ пожертвованныхъ имъ рукописей, относящейся къ первой половинѣ XVII-го столѣтія [1]).

---

[1]) Рукопись эта представляетъ сборникъ, содержаніе котораго изложено въ статьѣ *А. С. Петрушевича*: „Отвѣты и вопросы.—Письмо III. Переписка Іоанна Запольскаго Угорскаго короля съ протомъ Аѳонскихъ монастырей Гавріиломъ съ 1534 года", помѣщенной въ „Словѣ" 1873, ч. 21. Рукопись, принесенная въ даръ А. С. Петрушевичемъ, положена въ основу настоящаго изданія, причемъ всѣ надстрочныя буквы включены въ скобки, а титлы обозначены черточками. Внизу страницъ приведены разночтенія по списку Михайловскаго монастыря. Оба списка восходятъ къ различнымъ оригиналамъ, и возстановить на основаніи свода ихъ текстъ подлинника покамѣстъ не представляется возможнымъ.

Нельзя сказать, чтобы этотъ памятникъ былъ совсѣмъ уже неизвѣстенъ въ литературѣ: о немъ давно напечаталъ краткое извѣстіе самъ А. С. Петрушевичъ въ Львовской газетѣ „Слово“, [1]) гдѣ помѣстилъ и то посланіе „Януша Краля Угорского чрезъ своего логофета“ Лацка, на которое отвѣчалъ протъ Аѳонской горы. Не такъ давно проф. Н. И. Петровъ сообщилъ о тѣхъ же произведеніяхъ на основаніи рукописи, сохранившейся въ Кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ [2]), въ статьѣ: „Западно-русскія полемическія сочиненія XVI-го вѣка“, гдѣ помѣстилъ и выдержки изъ посланія логофета и отвѣта прота [3]).

Но, сколько мнѣ извѣстно, цѣликомъ отвѣтное посланіе прота на вопросы Лацка еще не было воспроизведено въ печати, да и изслѣдованіе этихъ памятниковъ еще не вполнѣ обставлено подробностями и такое полное объясненіе ихъ возможно лишь при сопоставленіи различныхъ списковъ ихъ съ другими данными.

А между тѣмъ разсматриваемые памятники представляютъ значительный интересъ,—не столько своею литературною стороною, сколько обстоятельствами возникновенія и содержащимися въ нихъ указаніями на религіозное движеніе XVI вѣка. На этотъ интересъ я и попытаюсь вкратцѣ указать въ нижеслѣдующемъ сообщеніи.

Прежде всего должно отмѣтить, что это одни изъ первыхъ произведеній ортодоксальной полемической литературы XVI вѣка.

Восточно-славянскій міръ, сроднившись съ православіемъ, издавна пытался уяснить себѣ отличіе этого исповѣданія отъ католичества и отстоять свое исповѣданіе въ борьбѣ съ иновѣрцами. Такъ возникла довольно значительная полемическая литература противъ латинянъ, начала которой

[1]) Слово 1873, ч. 21—23.

[2]) См. о ней *Н. И. Петрова* Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ, вып. II, М. 1897, стр. 150—155.

[3]) Труды Кіевской Духовной Академіи, 1894, № 2, стр. 173—182.

восходятъ еще къ первымъ вѣкамъ водворенія христіанской образованности на Руси. Но до конца XV вѣка она развивалась сравнительно не столь быстро и сильно, какъ потомъ [1]). Съ XVI-го же столѣтія эта литература усилилась въ своемъ напряженіи и приняла довольно обширные размѣры вслѣдствіе того, что въ православный восточно-славянскій міръ стали вторгаться съ особымъ рвеніемъ сначала протестантство, а затѣмъ и возродившееся во второй половинѣ того вѣка католичество, предпринявшее наступленіе на западную и южную Русь съ цѣлью подчиненія ея папству.

Что до протестанства, то, какъ извѣстно, оно произвело значительное движеніе въ славянскомъ мірѣ начиная со второй четверти XVI-го вѣка. Среди словинцевъ оно положило даже начало зарожденію самостоятельной литературы. Нашло оно немало послѣдователей и сѣвернѣе. Авторъ письма къ Аѳонскому проту говоритъ: „Здѣ угорской земли и нѣмецкой и повсюду межи христіаны, што ся держитъ римскимъ папою, многіе ереси и лжепророци нынѣ межи нихъ суть ..... а то все учитъ единъ лжепророкъ именемъ Люеторъ, онъ победи нѣмецкую страну и здѣ на угорской земли многіе къ нему приступиша и его ученіе пріяша“. Въ этихъ словахъ передается не подлежащій сомнѣнію историческій фактъ крайняго упадка, до котораго дошло католичество, между прочимъ и въ Угорскихъ земляхъ въ первой половинѣ XVI-го столѣтія, а также фактъ протестантскаго прозелитизма и пропаганды. Съ проникновеніемъ послѣдней въ Угорскія земли и тамъ начались внутренніе раздоры. Они шли обокъ съ политическими неурядицами, вызванными тѣмъ, что Венгрія послѣ несчастной Могачской битвы (1526 г.), вслѣдъ за которой погибъ Людовикъ II, имѣла одновременно двухъ королей, избранныхъ и коронованныхъ противоположными партіями: съ одной стороны-Іоанна Заполію (турки вслѣдъ, вѣроятно, за мадьярами и славянами называли его Янушемъ, и такъ онъ именуется и въ нашемъ памятникѣ)

[1]) Объ этой литературѣ см. *А. Попова* Обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ XI-XV вв. М. 1875.

а съ другой Фердинанда, эрцгерцога Австрійскаго, избраннаго передъ тѣмъ въ Чешскіе короли. Во время борьбы этихъ соперниковъ Янушу пришлось искать опоры у грозныхъ и необузданныхъ турокъ, бывшихъ тогда въ апогеѣ своего могущества на европейскомъ материкѣ. Подчиненіемъ Венгріи верховному владычеству турокъ Янушъ въ значительной степени подорвалъ свой авторитетъ и между прочимъ разстроилъ свои отношенія къ главѣ католичества—папѣ. Въ XVI столѣтіи папы, раздѣляя стремленія нѣкоторыхъ королей, продолжали еще хлопотать о составленіи союза европейскихъ государей противъ турокъ. Какъ извѣстно, въ этотъ союзъ хотѣли втянуть и Московскую Русь. Изъявленіе Янушемъ покорности туркамъ нарушало солидарность западно-европейскаго католическаго міра въ этомъ направленіи. Не удивительно, что Янушъ со стороны папы Климента VII подвергся-было даже отлученію отъ церкви (въ дек. 1529 г.) [1]).

Находясь въ затруднительномъ положеніи и желая, повидимому, какъ-нибудь сплотить враждовавшія религіозныя партіи въ своемъ королевствѣ и, можетъ быть, найти также лучшую опору въ православномъ населеніи, Янушъ обратился къ идеѣ, не разъ уже всплывавшей въ христіанскомъ мірѣ, именно къ мысли объ уніи, посредствомъ которой были-бы улажены религіозныя распри и разобщенность и можно было бы установить и болѣе прочный политическій союзъ противъ общаго врага христіанскаго міра—турокъ.

Съ цѣлью подвинуть эту мысль къ осуществленію путемъ собора представителей христіанскихъ исповѣданій Янушъ вступилъ въ сношеніе съ авторитетнѣйшими вождями православнаго подвижничества въ то время,—„протомъ святыя горы Аѳонскія и всѣмъ соборомъ ихъ“, „исповѣдаючи вѣру и законъ свой, и Люфторова ученія, и молячи ихъ, да имъ отписъ учинятъ отъ Божественнаго писанія и противныхъ титуловъ его ученія“.

---

[1]) Подробности о томъ см. у *Fessler*, Geschichte von Ungarn, III Bd. Leipz. 1872—74, 393 fgde, 619 fgde.

Къ сожалѣнію, до насъ не дошли первые документы этихъ сношеній, первое „посланіе“ Януша, просившаго, повидимому, высказаться по вѣроисповѣднымъ вопросамъ, и первая отвѣтная „епистолія“ прота, содержавшая „ученіа нѣкая отъ святыхъ и божественныхъ писаній“, которую „казалъ его милость у свою ризницу заховати“. Мы имѣемъ теперь лишь второе посланіе Януша, написанное его логоѳетомъ, т. е. канцлеромъ [1]), „Лацкомъ отъ Моцеци [2]) у Бидин градѣ въ лѣто 6042“ отъ сотворенія міра, т. е. въ 1534 г., и „Прота святыя горы Аѳонскія Янушу, кралю Угорскому, посланіе второе и отвѣтъ вопрошенію его противу учителя ихъ Лютра ложнаго ученія“, писанное, вѣроятно, въ томъ же 1534 году.

Подлинность этихъ памятниковъ не подлежитъ сомнѣнію. Личность Лацка—историческая: такъ, въ документахъ 1533 г. [3]), б. м., упоминается онъ (Lasconius). Можетъ быть, онъ внушилъ королю мысль объ уніи. Но унаслѣдованная отъ предшествовавшихъ вѣковъ идея собора, „да будетъ едина вѣра и едино стадо и единъ пастырь Христосъ, якоже и прежде было“, легко могла придти на мысль и самому Янушу въ виду раздоровъ, столь губительно отзывавшихся въ общественныхъ отношеніяхъ того времени. Не удивительно, что „Краль рече, яко, егда ся усмиритъ со нѣмецкимъ Кралемъ, хочетъ соборъ учинити и патріархи наши хочетъ у царя испросити, да будутъ на соборъ у его землю“.

---

[1]) О роли логоѳета см. въ ст. А. С. Петрушевича. Ср. Fessler III, 624.

[2]) А. С. Петрушевичъ, Слово ч. 23, поставилъ вопросъ, не разумѣть ли подъ этимъ Лацкомъ поляка Іеронима Лаского, но онъ не прочь признать въ Лацкѣ и какое-нибудь другое лицо „словенского или румынского происхожденія, придерживавшееся греческаго обряда“. „Моцеціе—теперешній Монъ (Mocs), по румынски Моцестіе“.

[3]) Monumenta Hungariae historica. Diplomataria, XXV, Budapest 1875, p. 438: „Miratus fueram proximis litteris tuis lectis Lasconium et voluntatem et dominum mutauisse; quod et regina mirabatur. Suspicabar tunc quoque aliquid inesse fraudis. Si tamen a Joanne abstrahi potuisset, rebus regis non potuisset officere, modo ut eius opera rex fuisset usus. Sed ne ille eo ministro uteretur et rerum suarum sollicitatore“.

Для насъ эти памятники важны, во 1-хъ, какъ одно изъ свидѣтельствъ о той роли, какую игралъ Аѳонъ въ исторіи религіозной жизни восточно-славянскаго міра въ XV и XVI столѣтіяхъ [1]). Аѳону принадлежало въто время великое значеніе въ православномъ мірѣ. Въ частности для южной Руси это значеніе подтверждается посланіями Іоанна Вишенскаго [2]).

Можетъ быть, и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою отвѣтъ, редактированный на славянскомъ языкѣ какимъ-нибудь южноруссомъ. Отвѣтъ Янушу писали „Святыя горы смѣренный протъ и протосинкелъ Святѣйшаго патріарха Константина града Гавріилъ и всѣ игумени, духовници всеи святои горы и весь сонмъ священного и преподобнаго собо ра“. Вѣроятно, какъ протосинкелъ, такъ и многіе другіе участники собора были греки, но переложеніе греческаго текста на славянскій языкъ было сдѣлано южноруссомъ, (западноруссомъ?), если усвоять подлиннику, а не переписчикамъ [3]) нѣкоторые малороссизмы въ текстѣ отвѣта [4]). Есть они и въ посланіи Лацка [5]). Въ особенности близокъ къ народному малорусскому говору текстъ списка, принадлежащаго Златоверхо-Михайловскому монастырю [6]), между тѣмъ какъ текстъ рукописи А. С. Петрушевича болѣе строго соблюдаетъ церковно-славянскія формы, хотя ру-

---

[1]) Въ XV столѣтіи на такую же роль, по сообщенію Н. И. Петрова, указываютъ: 1) посланіе прота и иконовъ Аѳонской горы къ великому князю Василію Васильевичу о православіи Восточной церкви и суемудріи Западной, по случаю Флорентійскаго собора, и 2) посланіе вел. князя Василія Васильевича къ проту и инокамъ Аѳонской горы о дѣйствіяхъ митрополита Исидора и объ осужденіи его Московскимъ соборомъ 1441 г. См. Отчетъ Импер. Публ. библіотеки за 1897 г., приложенія, стр. 225—6.

[2]) *Франко*, Іван Вишенський і єго твори, Львів 1895, стр. 446 и слѣд.

[3]) По мнѣнію А. С. Петрушевича, „письмо логовета Лацка носитъ на себѣ признаки дипломатическаго языка молдавовлахійскихъ грамотъ“.

[4]) „Всеи святои“, „свѣдителствуетъ“, „нашой“, „змию“, „свѣдителъство“, „у постахъ“, „у правилахъ“, „у римѣ“, „у затвору“, „з окна“.

[5]) „У царство“, „у ризницу“, „у землю“, „у бидинъ“.

[6]) См. разночтенія по этому списку, приведенныя внизу страницъ.

копись принадлежитъ, какъ было сказано, болѣе позднему времени.

Во всякомъ случаѣ интересно, во 2-хъ, видѣть, что въ Венгріи и на Аѳонѣ того времени славянскій языкъ былъ однимъ изъ орудій письменныхъ сношеній. Это обстоятельство является однимъ изъ подтвержденій того значенія славянскаго элемента въ старой Угріи, на которое указалъ Пичъ. Обоснованіе этого значенія кроется въ исконномъ сожительствѣ мадьяръ и славянъ и въ постоянномъ соприкосновеніи мадьяръ съ южной Русью начиная съ XII в. и до XV-го. Въ Monumenta Hungariae есть рядъ грамотъ на славянскомъ языкѣ. Въ Угріи были послѣдователи православнаго исповѣданія, котораго держались румыны и угроруссы: въ посланіи Лацка упоминаются „попове", которые „ся женятъ".

Въ 3-хъ, въ разсматриваемыхъ произведеніяхъ можно признать одни изъ первыхъ памятниковъ южно-русской полемической литературы XVI вѣка: явившись по иниціативѣ Угорскаго короля и будучи предназначено для „Краля Януша" и „ко всѣмъ государемъ римскимъ даже и до самого Папы", посланіе Аѳонскаго прота, повидимому, интересовало и южнорусскихъ читателей вскорѣ послѣ своего возникновенія: рукописный сборникъ Михайловскаго монастыря относится, по опредѣленію Н. И. Петрова, къ концу XVI-го и началу XVII вѣка и предшествовалъ полустолѣтіемъ сборнику А. С. Петрушевича.

Къ сожалѣнію, въ литературномъ отношеніи и посланіе Лацка и отвѣтъ прота не могутъ быть причислены къ памятникамъ первостепенной важности. Они характеризуютъ лишь уровень духовныхъ интересовъ, которыми жили массы XVI-го вѣка и ихъ представители. Подъ вліяніемъ Лютерова ученія людей того времени занимали вопросы о загробной участи человѣка до второго пришествія, о постѣ, исповѣданіи грѣховъ, молитвѣ ко святымъ, о бракахъ духовенства: „о душахъ праведныхъ человѣкъ, гдѣ хотятъ быти до судища Христова, у царство ли небесное отходятъ, или на иномъ мѣстѣ ждутъ

суда Христова; и паки душа грѣшныхъ человѣкъ муку ли терпятъ до суда Христова, или ни". Волновали поднятые лютеранствомъ разсужденія, „яко не требѣ намъ постъ, ни исповѣданія, ни литургіи, и ни единому святому не молитися, ни пророку, ни апостоломъ, ни мученикомъ, ни самой пречистой Божіи матери молитися, токмо единому Богу..... А и то исповѣдаютъ ихъ попове, да ся женятъ, како и наши. А то все учитъ..... лжепророкъ, именемъ Люоторъ. А друзіи глаголютъ: тако, рече, держите, како есте держали прежде. И многое безаконіе межи нихъ, и не вѣдаютъ, что сотворити".

Отвѣтъ Аѳонскихъ подвижниковъ на эти вопросы не свидѣтельствуетъ о высокомъ подъемѣ ихъ богословской мысли. По ихъ мнѣнію, Лютеръ въ своемъ ученіи „блядетъ", „отнюдъ христіанинъ нѣстъ, но нечестивый геретикъ, жидовинъ"; онъ „безуменъ" и „окаяненъ"; его ученіе „безбожно" [1]). Въ опроверженіе Лютеровой ереси приводятся не только тексты священнаго писанія, но, между прочимъ, и легенды, напримѣръ о томъ, какъ „Святый Григорій Двоесловъ, папа римскій, измоли Троана еллина суща, литоргію о немъ принесъ, и услыша гласъ со небесе глаголющъ: Троянъ царь моленіемъ твоимъ избавленъ есть отъ муки" [2]); рекомендуются вниманію Лютера и его послѣдователей „житія святыхъ отецъ или мученикъ святыхъ", „начертанія образа святого Георгія, како уби змію и цареву дщерь дѣвицу избави отъ горкія смерти поглощенія его" [3]).

---

[1]) Должно, впрочемъ, сказать, что и на западѣ не только въ XVI-мъ но и въ слѣдующихъ столѣтіяхъ не стѣснялись въ выраженіяхъ полемики. Такъ, въ памфлетѣ 1521 г. „Oratio Eubuli Moventini" встрѣчаемъ слѣдующія выраженія о Римской церкви: „meretrix illa purpurata, quae poculum aureum superbiae manu tenet, ex quo confusio omnis, Babilonica enim est, ortum duxit".

[2]) См. въ ст. *G. Paris*: „La Legende de Trajean—въ Biblioth. del Ecole des Hautes Etudes.

[3]) На основаніи послѣдней подробности А. А. Дмитріевскій полагаетъ, что посланіе прота было написано въ болгарскомъ Зографскомъ монастырѣ, гдѣ находится чтимый образъ Георгія, содержащій такое изображеніе, какъ описанное въ посланіи. Этотъ монастырь, много пострадавшій отъ латинянъ, въ особенности интересовался полемикою противъ нихъ.

Во второй части посланія Аѳонскихъ иноковъ говорится, согласно запросу короля „о римской церкви“, что она не есть первенствующая, излагается кратко исторія ея отпаденія и призванія „отъ внутренняя Фригіи нѣкотораго Карула, и приведъ Римъ царя его постави. И со онымъ Карулемъ пріидоша богомерзкого Арія ученици, и Македоніевы, и Аполинаріевы и начаша во Римѣ учити..... и развратиша люди, И потомъ папы сія пріяша, и церковь Божію растлиша и посмрадиша“, за что и были отлучены отъ церкви остальными патріархами. Затѣмъ разсказывается, какъ „преста царіе въ Римѣ“ вслѣдствіе наглаго обмана со стороны папы, которымъ въ то время былъ „Петръ Гугнивый, блудникъ сый“, передается исторія его любимца и преемника Стефана, который оказался дѣвицей, соблазненною Петромъ. Вслѣдствіе происшедшаго съ нею скандала установили особый обрядъ осмотра избираемыхъ папъ. Въ концѣ указывается на то, что въ отличіе отъ римской православная церковь крѣпко держитъ „преданія святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ семи соборовъ вселенскихъ.“ „И тако мы православныи держимъ, якоже сказахомъ, отъ многыхъ малая собравше. Понеже, аще быхомъ хотѣли подробно вся писати вамъ, многія бы страны Римскія не возмогли вмѣстити писанныхъ книгъ“, наивно прибавляетъ авторъ.

Такимъ образомъ, полемическая часть посланія, направленная противъ латинянъ, въ отличіе отъ противопоставленной новшествамъ Лютера, носитъ по преимуществу легендарно-историческій характеръ, но также отличается рѣзкостію.

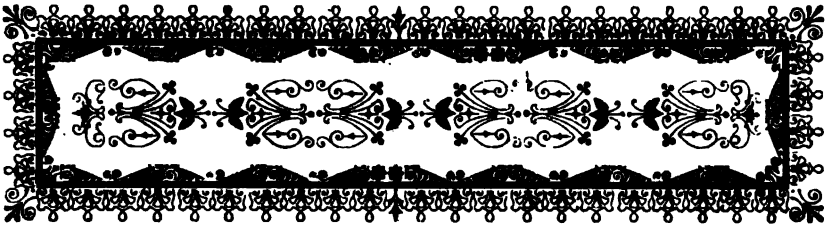
Тѣмъ не менѣе, она не осталась безъ вліянія на послѣдующія полемическія произведенія западной Руси, направленныя противъ католичества [1]) и подвинувшія значительно далѣе вопросъ о различіяхъ главнѣйшихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

---

[1]) См. въ ст. Н. И. Петрова. Разсказъ о Петрѣ Гугнивомъ и о папѣ—дѣвицѣ повторялся въ этой позднѣйшей литературѣ.

Посланіе, прота 1534 г. знакомитъ насъ лишь съ слабымъ началомъ подъема богословской мысли, отстаивавшей самобытность греко-славянскаго востока противъ нивеллировавшихъ стремленій Запада къ порабощенію упорствовавшихъ предъ признанными вождями западной культуры, каковыми являлись средневѣковое католичество и реформаціонное движеніе XVI вѣка. Это послѣднее во многомъ разошлось съ начинаніями величайшаго изъ предшествовавшихъ западныхъ реформаторовъ—Гусса—и отрицало устои церкви восточной, между тѣмъ какъ Гусситство относилось къ ней иначе, какъ то показываютъ извѣстія о пребываніи въ западной Руси друга Гусса, Іеронима Пражскаго, и послѣдующія связи южной Руси съ гусситами.

Н. Дашкевичъ.

Инуша Кралѧ ѵго[р]ского Посланіе второе чре[з] своего логофета ко протѵ Стыѧ горы аѳонъскіѧ и ко всемѵ соборѵ и[х]. Исповѣдаючи вѣрѵ и зако[н] сво[й] и Лю[ф]торова ученіѧ. и молячи и[х] да и[м] ѡ(т)пи(с) ѵчинѧ(т) ѡ[т] Бж-[с]тве[н]ного писаніѧ и проти[в]ны[х] титѵло[в] его ѵченіѧ.

Иже во велице[й]че[с]ти и бл-г[с]ти прежѡ-ще[н]ному и ѵкрашеному и во иноче[с]ком чинѵ избра[н]ному бж(с)тве[н]ною бл-го(д)атію. еже быти наста[в]нику и учителю и па(с)тырю и извѣстному бж(с)твенного писаніѧ и ѡ[т]ческаго преданіѧ. Бг-оизбра[н]ному ѡ(т)цѵ Кир Гавриилѵ Протѵ С-тыѧ горы аѳонскіѧ. аз грѣшны[й] и ме[н]ши[й] во ч-лвецех недо-[с]то[й]ны[й] Христѵрабъ лацкоѡтмъщещи Крале[в] логооетъ.— Смѣренно Метаніе приноси[м] твоему бл-говѣ[й]ному лицѵ. и всѣмъ ѡ[т]це[м] и братіа[м] ѡбрѣтающи[м]сѧ во с-тѣй горѣ.

Важнѣйшія разночтенія по рукописи Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря (№ 475/1656, л.л. 26—35; сокращенія и титлы раскрыты нами; слова фразъ приводятся раздѣльно, между тѣмъ какъ въ рукописи не отдѣляются одно отъ другого; перестановки словъ не отмѣчаются нами.)

Къ строкамъ вышеизданнаго текста: 3—4 ученѧ.—4 молѧ—отпись учинитъ. —5 Противъ тых титулъ его ученыя —6 благодати. Прежсвященъ и украшенъ во иноческий чинъ.—10 Щпо.—12 Мъщещи.—13 Смиренно.—ащпо.—

По си[х] моли[м] вашѹ С-тиню да на[м] ѡтпишите ѡ д-шахъ ра-ве[д]ныхъ чл-къ. гдѣ хотѧ[т] быти до сѹдища х-(с)ва ѹ цр-[с]тво ли н-б[с]ное ѡ[т]ходѧт. Или на ино[м]мѣ [с]тѣ ждѹ[т] сѹда Х-(с)ва. И паки д-ша грѣшны[х] ч-лкъ. мѹку ли терпѧтъ до сѹда-Х-(с)ва. или ни. Моли[м] вашѹ С-тыню да на[м] ѧтпишете како вы держите. Занеже н-ши попове не ровно ѹча[т] люде[й]. Едни г-лютъ. Ꙗко егда ѹмре[т] праве[д]ны[й] чл-къ в то[й] ча[с] в цр[с]тво н-б[с]ное иде[т]. а дрѹгіи гл-ю(т) до сѹдища Х-в(с)а Не има[т] мзды ѡ[т] Б-га. да како може[т] то быти Почтоже и мыта[р]ство речесѧ. Мы того не може[м] розѹмѣти. Но моли[м] ва[с] да на[м] ѡ[т]пишете ѡ[т] С-тго Писанія разѹмно ѡ со[м] да сѧ небла[з]ни[м]. И паки да знаете ваша С-тини. Понеже здѣ ѹго[р]ско[й] земли и нѣме[ц]ко[й] и повсюдѹ межи хр-стианы што сѧ де[р]житъ ри[м]ски[м] папою. Многие ереси и лжепр[о]роци и н-нѣ межи ни[х] су[т]. Едни проповѣдаю[т]• ѧко не требѣ на[м] по[ст]. ни исповѣданіѧ, ни литѹргіи, и ни единомѹ с-тому не молитисѧ. Ни пр[о]року[м], ни ап-[с]ло]м], ни мученико[м]. Ни само[й] пречисто[й] б-жи[й] матери нетребѣ молитисѧ, токмо единому Б-гу. аще и С-ти су[т] но не могу[т] рече помощи на[м] пре[д] Б-гомъ, а и то и Сповѣдаю[т] и[х] попове да сѧ женѧ[т] како и наши. а то все ѹчи[т] еди[н] лжепр[о]ро[к] имене[м] Люѳто[р]., ѡнъ победи нѣме[ц]кую странѹ и здѣ на ѹго[р]ско[й] земли многіе к нему приствпиша и его ѹченіе приѧша. а дрѹзіи г-лю[т] тако, рече держите како есте де[р]жали преж[д]е. И многое безаконіе межи нихъ. и не вѣдаю[т] что сотворити.

---

14 во святей горе.—15 Упишите. за ꙗуша. — 16 царьство. — христово *пропущено*.—17 *пропущено*: отходятъ.—18 хочютъ ли смѹчити до судища.—19 упишете ѡ томъ.—20 люди едини. 21—ты егда.—тое часъ у.—22 душа его идетъ.-друзіи.—*пропущено*: христова.—24 речесь.—25 упишете.—26 знате. —стиѧ. —27 на угорскои.—и на нѣмецкой—между—28 штос држи.—29 лжепророцы.--едини.—требе ни исповѣданіе.—литорги.—31 *пропущено:* не молитися.—пророкомъ.—32 *пропущено:* самой божиеи.—33 молитис толико—стии.—34 *пропущено:* рече.—*пропущено*: намъ.—*пропущено:* а.—35—36 пророкъ.—36 по имени луеъторъ.—землю. *Прибавлено:* и попове их всиѳ женѧтъ.—38 приѧша .говорѧтъ. — *пропущено:* рече.—39 *пропущено*: и.—

И того дѣла моли[м] в-шѫ С-тыню Пошлѣте к на[м] ѫченіа нѣкаѧ ѡ[т] с-ты[х] и бж-[с]тве[н]ны[х] нисани[й]. такоже еси и пе[р]вѣе посла[л] кралю танѫшѫ. И тѫю вашѫ епи[с]толію каза[л] е[го] м[л]. ѫ свою ри[з]ницѫ заховати. и н-нѣ ваша С-тыни рачи[ш] ѡ то[м] потрѫдитиса, еда да[ст] Б-гъ тако да ѫединимоса. да бѫде[т] едина вѣра, и едино стадо. и еди[н] пасты[р] Х-с. такоже и пре[ж]де было. такоже и са[м] кра[л] рече. тако егда[с] ѫсмири[т] со нѣме[ц]ки[м] кралe[м]. хоче[т] собор ѫчинити; и патриархи наши хоче(т) ѫ ц-ра испросити. да бѫдѫ[т] на собо[р] ѫ его землю. того ради С-тына ваша Пошлѣте епи[с]толію до краля е[го]мл: и до папы ри[м]ского на вса тыа страны до п[х] дховны[х] ѫчителе[й]. да и на[с] не забѫдете во свои[х] сты[х] молитвахъ. и бл-г[д]ть Г[с]да нашего І-с Х-(а) да пребываe[т] со всѣми вами и нами ѡ[т] н-нѣ и до вѣка ами(н). Писа[н] ѫ биди[н] градѣ в лѣто ,ѕмѳ. тануша Краля логоость Ла[ц]ко ѡ[т] моцещи.

Прота стыа горы аѳонъскіа танѫшѫ кралю ѫгорскому посланіе второе. И ѡ[т]вѣтъ вопрошенію Его противѫ ѫчителя ихъ Лютра ложнаго ѫченіа.

Свѣтлому кралю танѫшѫ все[й] ѫго[р]ско[й] земли содержите[л]ному. Ко твоему свѣтлому кралевъствѫ и ко всѣ[м] г[с]дре-(м) ри[м]ски[м] даже и до самаго Папы. С-тыа горы смѣре[н]ны[й] про[т]. И протоси[н]кге[л] С-тѣ[й]шого патриа[р]хи

---

40 сотворы — *выше, ниже*: чинити.—*пропущено:* к. — того дла. — стню вашу .—41 *пропущено:* к.—нѣкиа ученыа. — *пропущено:* и божественныхъ.— 42 како еси и перъво. — ту. — 43 Заховать *исправлено въ* заховати.— 44 твоа.—рачис.—потрудити.—егда.—дасть — 45 богъ да сѧ уединимо.—46 тако. — 47 такоса умири. —48 Ѡ.—52 забѫдите.—53 Господа бога и спаса нашего — пребываеть.—54 нами и вами.—54—55 ѫ бѫдинє. — 55 логоость лацько. — 57 ѺѺ. — Афонскыа и всего собора ихъ.—58 ко вопрошению. — ученій.— 59. Люьторов и учителя ихъ — 61 господамъ.—даждь.—62—63 смиренный.— 63 протосигъгелъ патриарха константина.—вси.— и дховници всее.—

ко[н]стантина града. Гаврии[л] и всѣ игумени д-ховници всеи с-тои горы. и ве[с] сонм С-щеннаго и пр-п[д]бнаго Собора. Здравъствовати ѡ Гдѣ.

По си[х] воспиѵе[м] Свѣтлому ти Крале[в]ствѵ воспрiѧхо[м] доброе твое прои[з]воленiе. аще хощеши прiяти. И неискуша[й] Православнѵю вѣрѵ. всѧко и ты ѵслышиши Праве[д]ни[к] о[т] вѣры живъ буде[т]. Понеже первое слово Посланiѧ нашего ѵгодно бы[ст] свѣтлому ти Крале[в]ствѵ. Повелѣнiе[м] твои]м] Паки Писа К на[м] тво[й] логоѳетъ ла[ц]ко ѧко да ѵбо и второе посланiе пише[м] за вещи всѧ Что Просиши да дамо ѡ[т]вѣ[т]. Понеже пе[р]вое слово Посланиѧ нашего Храниши во свое[й] ри[з]ници. а сiе слово да бѵдетъ ко свѣтлому ти крале[в]ству и всѣ[м] г[с]-дре[м] ри[м]ски[м] даже до Самого Папы и прочимъ. ѡ всѣхъ сихъ Како вы держите. И како ва[с] ѵча[т] ваши ѵчители. многа и различна ѵченiѧ и несогласѵю[т]сѧ. И неравна су[т] Со прежными. пачеже н-нѣ иже во ва[с] нѣки[й] философъ е[ст] имене[м] люто[р] и во свое[м] ѵченiи блядe[т] и ѵчи[т] тако, ѧко никоемуже С-тому молитиса Неподобае[т]. ни пророко[м] ни ап:сло[м] ни мученико[м ни преп-[д]бны[м], ни пред-[т]чи, ни пр-стой б-ци. Кромѣ единому Б-гу. Мы же тако кнему гл-е[м] ѧко ѡ[т]ню(дь) таковы[й] хр-[с]тиани[н] нѣ[с[т]. но нече[с]тивы[й] герети[к]. жидови[н] и турчинъ таковый е[ст] вѣрою. и далече е[ст] таковы[й] ѡ[т] православныѧ вѣры. Пр[о]рокъ бо давы[д] пише[т] диве[н] Б-гъ во С-тыхъ своихъ, Б-гъ израиле(в). ибо и пр-о-рокъ Мо[й]-се[й] знаменiѧ и чюдеса показа многа. ѧкоже во исходѣ Пишетъ. молитвами и постом. И илiѧ такоже затвори н-бо три лѣта и

---

65 стое.—66 *прибавлено:* Аще хощеши во здравѣмъ ученiи по сих итд. произволенiе аще восхощеши прiяти.—70 перьвое.—72 лацъко.—74 ответи.—76 ко всѣмъ господамъ —даждь.—78-79 и не согласаютьсѧ—79 пачеж нынѣж и во.—80 люфьтор.—81 бледетъ.—81—82 молитис.—81 *пропущено:* неподобаетъ.—пророкѵ.—апостолу. — мученикѵ —83 преподобному.—пибогородици (*пропущено:* пресвятой).—84 *послѣ* богу *прибавлено:* понеже ѡни не могѵтъ помощи предъ Богомъ.—*пропущено:* таковый.—85—86 нечестивъ евреинъ и турчинъ есть.—86 далече ототоѧ—88 *пропущено:* Богъ израилевъ ибо и, *а вмѣсто того:* пророкъ убо моисiй.—89 знамение. —якож во бытии.—90 илiѧ такожде. - 91 мѣсяць.—вси пророци.—

м|с)це[й] ше[ст] моли[т]вами и посто[м]. И пр[о]роци чюдеса велїа и знаменїа дивнаа, Показаша. и мертвыа во[с]кресиша моли[т]вами и посто[м]. Ап[с]лиже ве[с] мі[р] ѡбтекше увѣриша и чюдеса велиѧ и знаменїа сотвориша молитвами и посто[м], такоже Пише[т] во дѣанїа(х). Мѹченици же ѡгнь ѹгасиша. звѣри ѹкротиша. мертвыѧ такоже воскресиша. И С-тыѧ и[х]мощи миро посточиша. и источаю[т] и до сего дни и всѧкіѧ болѣ(з)ни исцѣлаю(т) вѣрою приходящи[м] к ни[м]. ꙗко(ж)де и пр-п(д)бныи Посто]м] и молитвами воскр-сиша ме(р)твыѧ. и чюдеса бе(з)числе[н]ныѧ Показаша. ѡ[т] Бж-естве[н]ного же пр-(д)тчи во рожденны(х) женами не воста бо(л)ши(й). ꙗкоже И са[м] Г-[с]дь-Свѣдите[л]ствѹе[т] ѡ не[м].-Б-городите[л]ница же.к не[й] же рече а[р]х-гл҃ъ д-хъ С-ты[й] на[й]де на тѧ и сила вышняго ѡсѣнит] тѧ. То како не имамы Молитисѧ С-ты[м]. Не моли[м] и[х] ꙗко Б-говъ. Но ꙗко да молѧ[т] В-га ѡ на[с] И ѡ Сп-сенїи наше[м] и ѡ все[й] потребѣ н-шіо[й] Понеже вла[ст] имѹ[т] И ꙗко С-ны и Наслѣдници цр-[с]твиа Б-жіа сѹ[т]. ꙗкоже и ап-слъ гл-е[т]. Елици д-хо[м] Б-жи[м] водѧ[т]сѧ Сии С-нове Б-жіи сѹ[т]· И паки во С-то[м] Ev-[г]ліи. Елици же приѧша его да[ст] и[м] вла[ст] чадо[м] В-жіи(м] быти. И како ты безѹмне гл-еши не мо́литисѧ С-ты[м]. И дрѹгое блядеши. ꙗко ни по[ст] ни моли[т]ва ни Исповѣданіе Потребно е[ст]. то не посто[м] ли пр[о]роци и ап-[с]лы и мученици и пр-п[д]бныи всѣ просиѧша Ѡкоже и на[с] наѹчиша бго-дхнове[н]ныи о[р]гани ап-[с]лы г-[с]дни во свое[м] правилѣ ѕе. И сіе и[х] Правило Потве[р]жено е[ст] и ѹзаконе[н]но С-тыми и бг-но[с]ными ѡ[т]цы ше[с]того со-

---

93 обтекоша и.—94 и велиѧ.—95 дѣанїихъ ихъ.—96: звѣры.—такожде.—97 ирра.—дне.—98 исцѣлаютъ.—*после* книмъ: даждь и до днесь и во животех и по успеніи. такожде.—100 безчисленa.—*пропущено:* ѡт.—102 сведетелствует. – ко·—103.—найдетъ.—104 ѡсѣнить.— неиманo.—светымъ.—105 бгы.—106 нашей. Ѡкож власть имуть. — 107 Бжіи и царствіѧ его; *пропущ*: сутъ.—понеж.—108 глаголеть. Елицы.—109 паки.—лициѧ.—110 область.—111 *бледеши*.—112 ни вочтоже есть.—113 вса и апостоли.—и вси стіи.—115 потверьждѣньно.—116 бысть.

бора вселе[н]ского. С нимиже на то[м] Соборѣ бы[ст] папа ри[м]ски[й]. Ꙗкоже и вышше рекохо[м]. Приꙗшаво законе[н]ное Испо[л]неніе. Иеще Предаша на[м] ѵзаконивъше Со папами ри[м]скими три посты. С-ты[й] Агафонъ. Сицеже г-лю[т] С-тыхъ ап-[с]лъ правила. Аще Еп-[с]пъ. Или Пре[з]вите[р], или диꙗко[н]. или Чте[ц] или пѣве[ц], или про[ст] чл-къ во С-тую великую м̃-цѵ и во средѵ паки всего лѣта непости[т[сѧ и шатокъ. Кромѣ болѣ[з]ни великіѧ телесныѧ. да извержетъсѧ сана Своего. Просты[й]же чл-къ да ѡ[т]лучи[т]сѧ. Стыиже и б-гоно[с]ныи ѡ[т]цы 3-го Собора со папою ри[м]ски[м] ꙗко же рекохо[м] приꙗша возаконе[н]ное исполненіе. Иеще предаша на[м] ѵзаконивъше со папами ри[м]скими три по[с]ты. К рож-[с]тву Хр-[с]та Б-га нашего. И кос-ты[м] ап-[с]л[м] на всѧко лѣто. И вты[х] постѣхъ ѵзакониша И повелѣша да сѧ пости[м] во всѧку не[д]-лю три дни. пѡ-[д]локъ, средѵ, ишато[к]. И всѧ Православны[х] Ц-ркви сиѧ преданіѧ Приꙗша С-ты[х] ѡ[т]-цъ. И содержитъ даже и додне[с]. Итако посто[м] и молитвами. Мило[с]тинѧми и исповѣданіе[м] ѡчищае[м]сѧ грѣховъ. Исповѣданіи же неслыша[с]те ли С-того Ev-[г]ліѧ гл-юща [1]). Прихождахѵ же народи Коиѡанѵ и крещахѵсѧ во Іердани ѡ[т] него исповѣдающе грѣхи Своѧ. Сіеже ѵзаконѧа на[м] са[м] хр-[с]тосъ исти[н]ны[й] Б-гъ на[ш] во С-том Ev-[г]ліи рече ап-[с]ло[м] свои[м] Елика Свѧжете на зе[м]ли бѵдѵ[т] Свѧзана на н-бси. И елика ра[з]рѣшите на зе[м]ли будѵтъ ра[з]рѣше[н]на на н-бси. Тако[ж]-де егда и ѡ страшно[м] сѵдѣ пише[т] во ev-[г]ліи. тогда книгы

117 на томъ стомъ.—118—120: *пропущено*: ꙗкоже и вышше. . . . три посты. — 120 глаголетъ.—121 правило. —123 и пѧтокъ (вм. паки).—124 кромь.—*пропущено*: великіѧ.—125 простъ.—*прибавлено:* Сие глетъ стых апслъ правило. стіи же. —125–126 богоносніи.— вселенскаго. – выше рѣхомъ.—129 *прибавлено*: и ко усаенію престыѧ богородица.— 130 повелѣша и взакониша.—131 во всѧкой недѣ-лю. въ понедѣлокъ, срѣду.—133 содержитъ даждь.—134 ѡчищаемсь грѣховъ.— ѠѴ.—135 иже.—136 *пропущено*: во Іердани.— 137 грѣхы. И сие ѵзакоѧ.— 138 реч.—139 елико.—будетъ связано.—140 раздрѣшите.— сѵть раздрѣшена.—и како.—141 *пропущено*: егда и—сѵдищи. —

[1]) Противъ этой строки въ оригиналѣ приписано: а(ѳ) ла(в) г а(р)

ра[з]гнѹтьсѧ и всѣ[м] дѣла ѡбнажа[т]сѧ. тогда Исповѣда[н]ныѧ грѣхи потрѹтьсѧ и ра[з]рѣша[т]сѧ и мыта[р]ства кнѧзе[й] иже на во[з]дѹсѣ проходѧ[т] д[ша ра[з]рѣша(т)сѧ) исповѣдавши[х]сѧ ра[з]рѣше[н]ны[х] на земли. Кромѣ всѧкого Препѧтіѧ. Аиже Не Исповѣда[н]ныѧ д-ша На мытарствахъ Заде[р]жаваютъ. и С книгъ животъны[х] исписѹе[т]сѧ. И ѡсу[ж]денна будетъ подѣло[м] еѧ.

Іже [1]) пре[ж]де воскр-[с]енІѧ х-[с]ва всѧ д-ша праве[д]ныхъ и грѣшныхъ во адѣ бѣхѹ бѣсами ѡбладаемы. И пре[ж]де воскр-[с]нІѧ г-[с]дня ѕм-це[й] пре[д]варивше ѹиѡа[н]ну пр-[д]тѣчи во адѣ. и тамо проповѣда всѣ[м] да Поклонѧтсѧ. Егда при[й]де[т] х-с. И поклони[в]шесѧ изы[й]доша вѣрова[в]шіи. И внидоша во Ст-ы[й] гра[д], ѥкоже пише[т], и ѧвишасѧ Многы[м]. Иво ра[й]ѡ[д]идоша всѧ д-ша праве[д]ныхъ. И тако ѡ[т] Воскр-(с)енІѧ х-[с]ва, праведныхъ д-ша н-нѣ и на н-бсехъ И в раю Иповсюдѹ су[т]. Со ан-лы ходѧще. И чюдеса сотворѧюще. И молѧщи[м]сѧ и(м) Скоріи помощници И теплии Пре[д]стателі ѡбрѣтаю[т]сѧ даже и до дне[с]. А грѣшны[х] д-ша су[т] воѡбде[р]жанны[х] мѣстехъ до сѹда. Ц-ркви Б-жиѧ Правовѣ[р]ныхъ непреста[н]но моля[т]сѧ ѡни[х] мл-[с]тыни творѧще и литу[р]гіи занихъ. ии[з]вождаю[т] [2]) ихъ ѡтму[к] правовѣ[р]ныхъ д-ша. Іакоже Ѳеѡдора ц-рца Ѳеѡѳила мѹжа своего иконобо[р]ца сѹща. И С-ты[й] павелъ препр-о[с]ты[й] ѹченика своего измоли. и ины[х] многыхъ во бж[с]тве[н]номъ писаніи ѡбрѣтае[м]. Наипаче и невѣ[р]ныѧ. Аще и не повелѣвае[т] бж-[с]твенное

142 разгибаютсѧ.—ѡбножатьс и.—143 потрѹтьс и раздрѣшатьс.—144 *пропущено:* разрѣшатся. — 145 и раздрѣшеныхъ.—безъ.—задеѧнІѧ—146 неисповѣданнаѧ—на.—задерживаютсѧ.—147 исписѹютсѧ.—будетъ.—149 А еже. -150 бѣсовои. —ѕмцъ.— 153 поклонишас.—156 *пропущено:* христова. нынѣ.— небесе.- 157 творяще.—ѧвлѧютсѧ.—159 даждь.—161 литорген. —изваждаютъ—мукы.—*прибавлено:* грѣшныхъ—163 *послѣ* Ѳеѡдора: измоли царя Ѳиѳила. - 164 препростый.—

[1]). Противъ этой строки на поляхъ приписано: „преж(д) зри".

[2]). Противъ этой строки на поляхъ приписано: „грид-ш".

писаніе ѡ невѣ[р]ныхъ по сме[р]ти ихъ молитисѧ. Но ѡ живы[х] ѡ невѣ[р]ныхъ молитисѧ Повелѣвае[т] [1]). И ѡбрящеши ѡ се[м] слово к-э в никонѣ. ѡбаче же С-таѧ Ѳекла ф꙯[л]ѳанꙋ невѣрную измоли. И С-ты[й] Григоріе двоесловъ папа ри[м]ски[й] [2]) измоли Трояна ц-рѧ еллина сꙋща Лито[р]гію ѡ не[м] прине[с]. И ꙋслыша гла[с] Сон-бсе гл-ющъ трояновъ ц-рь Моленіе[м] твои[м] избавле[н] е[ст] ѡ[т] муки [3]). И да не приложиши к тому молитисѧ ѡ невѣ[р]ныхъ. Моли[т]вы бо С-тыхъ мужъ и моленіѧ ихъ и приношеніѧ во литу[р]гиѧхъ со мл(с)тѧнїями и посто[м] и(з)бавлѧют грѣшныхъ ѡ[т] ꙋꙋжденіѧ. и ѡчищеніе грѣхо[м] и жи[з]нь вѣчнꙋю восприемлю[т] д-ша ихъ но ивнастоѧще[м] се[м] времени како су[т] помагающе на[м] нѣси ли ѡкаѧ[н]ный лютре [4]) со послѣдꙋющими твоему ꙋченію прочита[л] или слыша[л] ж-тіѧ С-тыхъ ѡт-цъ или мꙋчени(к) С-тыхъ пролиѧвших Крови своѧ за Х-[с]а Б-га нашего. Да ти укаже ѡт многы(х) мало ѓаже и ты не невѣси аще хощеши Сты(й) Николае Чюдотво(р)ны(й) иже и н-нѣ миро точи(т) С-тое тѣло Его во Барѣ градѣ. Якѡ три воеводы избави ѡт неправеднои смерти пре(д)станіе(м) свои(м) ꙋ ц-рѧ коста(н)тина и дрꙋгы(х) во Ми(р)лики(й)сте(й) ѡбласти во градѣ. Не исто(р)жели меч ѡ(т) рꙋки воина хотѧщого посѣщи ѡсу(ж)денны(х) на сме(р)ть, неправе(д)нымъ сꙋдо(м). И ина многа су(т) чюдеса Его иже творѧше во морѣ и по сꙋхꙋ во животѣ и по ꙋспеніи свое(м). идаже и до н-нѣ твори(т) и еже аще Кто

167 молитись; *также и въ* 168 —169 послѣ „во никонѣ“ *прибавлено*: и у златой чепи—171 троѧна. — 171 литоргею. — 172 *пропущено*: глаголющъ. — 173 избавис —мукы.—175 литоргеѧхъ.—176 избавляють.—ѡчищеніѧ. —177 грѣхов. — во —178 *послѣ „намъ“ прибавлено*: во бѣдахъ вѣрою къ нимъ приходящимъ молящимъ ихъ. 179 ѡкоѧнне люфторе.—181 укажем.—183 чюдотворивый.— 184 трие.— 185—неправедныхъ смертей — Конст҃антина.—186 ѡбласти.—рꙋкꙋ—хотѧща.— ѡсуженныхъ.-188 *вм.* сут—ѠѠ.—189 чюдесъ.—*пропущено:* иже творѧше.—мори.— *послѣ „животѣ“ пропущено:* творимаѧ имъ.—190 его даждь. *пропущено*: творит и еже.—

[1]) Противъ этой строки на поляхъ приписано: „зри“.

[2]) Противъ этой строки приписано на поляхъ: „папа рпискій“.

[3]) Противъ этой строки приписано на поляхъ: „зри“.

[4]) Въ этомъ мѣстѣ пропущено зачеркнутое слово: „прочиталъ.“

хоще(т) что приѧти ѡт него да со вѣрою проси(т). Не во(з)бра(н)но при(й)ме(т). ли С-тго великомѴченика Геѡргиѧ житиѧ и мученіѧ и чюде(с) его многы(х). И невидиши наче(р)таніѧ ѡбраза Его Ст-го. Како уби змію и ц-ревѴ дще(р) дѣвицѴ избави ѡ(т) го(р)киѧ сме(р)ти поглощеніѧ Его. Ины(х) же Множе(с)тва ради Не хоще(м) пре(д)ставити Писаніе(м) Си(м). Пр(о)рокъ, ап-(с)лъ и мучени(к), Ст-ле(й) препо(д)-бны(х) и постниковъ. и[м] же ты невелиши молитисѧ. И погублѧеши Стадо Х-[с]во Ѵченіемъ свои(м) Незбо(ж)нымъ. г-ля ни поститисѧ ни исповѣдати грѣховъ своихъ? (с)иѧ всѧ выше рече(н)наѧ мало нѣчто ѡ[т] б-ж(с)тве(н)ного писаніѧ Слышавъ. аще не Ѵцѣлому(д)рипишисѧ ѧкоже пише(т). МѴжѴ му(д)рѴ едино слово довлѣе(т) но то вовелъ еси еси вод-ша многихъ послѣдѴющихъ тобѣ Купно во дно адово. бе(з) всѧкого прекословиѧ неи(з) мѣнъно. Їѧкоже ап-(с)лъ паве(л) г-(т) всѣ(м) на(м) Ївитисѧ Подобѧе(т) пре(д) судище(м) Х-(с)вы(м). да при(й)ме(т) кождо ѩже Сотѣло(м) Содѣла или благаѧ, или злаѧ. Сия ѡ се.. до(з)дѣ Коне(ц). А иже нече(с)тивы(х) иновѣ(р)ны(х) д-ша и некрщенныѧ. Со бѣсы ходѧ(т) до сѴда Х-(с)ва ѡбладаеми ими. Во в-тое же Прише(ст)віе Х-во тогда вѣ(р)ныхъ д-ша изы(й)дѴтъ во стрѣтеніе Его. И станѹ(т) ѡдесную Его. а невѣ(р)ныи. Еретицы ѡшуюю. И праве(д)нии воспри(й)му(т) бл-(с)веніе и Ѵготѡва(н)ное и(м) цр-(с)тво ѡ(т) поча(т)ку мира. а невѣ(р)ныѩже, Мнѧщаѧѩже вѣ(р)ныѧ быти де(р)жащаѧѩже Ѵчениѧ Еретиче(с)каѧ воспри(й)му(т) проклѧтіе, и Ѵготова(н)ное и(м) вѣч-

---

191 *пропущено:* что приѧти ѡт него да. *вм.*—„просит" приити; *прибавлено:* просѧ что полезно ѺѺ него.—**192** или; *послѣ* „геѡргиѧ" *прибавлено:* аще нѣси прочиталъ —**193** и ты видиши икону—**194** змиѧ.—**195.** А иныхъ.—**197** стѧ.—**199** безбожнымъ; *пропущено:* глаголи.—постити.—**200** сиѧ.—**203** довлѣеть.—*первую „еси нѣтъ.*—и воводиши.—*послѣ „многихъ" прибавлено:* душа.—**204** *послѣ „куиио"* прибавлено: ѡ своею душею.—**204—205** незмѣнно. — глаголеть. **206** *вм.* „да" — и.—**207** благое или злое. — семъ.—**208** еже—иневерныхъ.—и во. —его —**210—211** изыидуть.—*вмѣсто Его*—Христово.—**212** еретики.—праведники.—воспримуть. —**213.** Ѡ искони.—а невѣрьнии.—**214** мнѧще(с)—вѣрни. —*пропущено:* быти.-держаще(ж).—еретическа. —*послѣ „уготованное" вмѣсто „имъ вѣчное":* огненное

ное мученіе гее(н)ское дїаволу и аггело(м) Его. Ꙗко-же гл-е(т)Хр-(с)тосъ Б-гъ во ев-(г)ліи и Паки вса сила ѹвѣрзаю гл-(т). Н-бо и земля Пре(й)дѹтъ. Словесаже Моя Неиму(т) пре(й)ти.

(С?)ила ѡ выше писа[н]ныхъ титула(х) изнѣстихо(м)(с) ва(м) ѡ(т) бж-(с)твены(х) Писаній(й) ѡ(т)нѣты Ипаки Еже вопрошае(т) Свѣтлости Крале(в)ство. Да дамы ѡ ри(м)ско(й) Цр-кви. гда бы(ст) во еди(н)ствѣ Со православными патриа(р)-и. Едину бо то(к)мо С-тую Иер(с)ли(м)скую ц-ркоу именѹе(т) б-ж(с)тве(н)ное Писаніе мате(р) быти Ц-рква(м). такоже Исаие(м) Пр(о)роко(м) г-летъ Д-хъ С-тый. ѡ(т) Сиѡна изы(й)де(т) Зако(н). И слово Г(с)дне и(з) Ер(с)лима такo(ж) и бысть. Тако и во ев(г)-ліи ѡбрѣщеши достовѣ(р)нѣ(й)ше свѣдителъство. Идеже роди(с) Х-с Б-гъ на(ш) во ѡбла(с)ти Иер(с)-ли(м)ско(й) вовиелеѡмѣ. Распѧ(т)жеся за грѣхи наше. и погребе(н) бы(ст). И воскрсе во трити(й) де(н)и(з) ме(р)твы(х) и чюдеса сотворише и ѹчаше закону своему и на н-бса вози)де ѡ(т)тѹду. И а-гели при во(з)несении Его рекоша ап-(с)ло(м) Его. Мѹжіе галиле(й)стеи Что Стоите зряще на н-бо. Се его же вѣдѣ(с)те восходѧща на н-бо Со тѣло(м) тако и при(й)де(т). Сила вса соби...ся во Іе-(с)лмѣ [1]) а не в римѣ. такоже Иеди(н) ѡ(т) С-тыхъ иѡа(н)ъ дамаски(н) пѣснописе(ц) цр-ковныхъ послѣдѹя пр(о)роко(м) и ев-(г)лію г-ле(т) пою вопѣснехъ цр-ковныхъ. Радѹ(й)ся Сиѡне С-ты(й), М-ти цр-квамъ Б-жіе жилище. ты бо прия(т) пре(ж)де ѡставленіе грѣхо(м) воск-р(с)нїя ради. ри(м)скаяже цр-ковъ далече н-нѣ Стои(т) ѡ(т)здравого ѹченїя со своими ѹчители. Ꙗкоже и Сами

216 *нѣтъ* геенское —218 *посля „евангеліи“*:своемъ.—*посля „паки“*:глаголетъ.—219 мимо идетъ.—219—*вмѣсто „нїа“*: сила—220 *ця*(ж).—221 свѣтлое ти.—*оставлено*: ѡ(т)-вѣтъ.—222. но сила *вмѣсто зда. Далѣе вставлено посля „бысть:“* нѣкогда мати црква(м). По иерусалимской церкви.- 224 мати црква(м).—229 Иерусалимстей во виелиѡмѣ.—наша – *пропущено*: вотритий день.—231 творяше.—234 его(ж) видѣте.—235 *посля „тако“*: приидетъ.—собышася.—236 домаскинъ.—237 церковный. -238 радуй(с).—240 грѣховъ.—*посля „ради“*: христова.—241 ѡ(т)стоить.—

[1]) Здѣсь опущены зачеркнутыя въ подлинникѣ слова: „И ве римъ“.

Пишете Кна(м) свѣдите(л)ствующе. Ипр(о)роко(м) бо гл-е(т) Б-гъ ѡ Сихъ Мнози Пастири Посмрадиша виногра(д) мо(й). Идавѣ(с)те Како ѡ(т)щепися ѡ(т) вселе(н)ских Цр-кве(й) правосла(в)ныхъ и н-нѣ равно не де(р)жать ни ѹ поста(х), ни ѹ правилахъ цр-ковныхъ. ни во исповѣданіи ни во кр-щеніи, ни во лито(р)гіи, ни вохлѣбѣ Еже преда(ст) Х-с Б-гъ вотѣло свое. ни вопоклонениихъ. Слыши ѡсе(м) Соѡпаство(м). На всѣхъ бо С-ты(х) Семи Собора(х) вселе(н)скихъ бѣхѹ Папы ри(м)скіи Сопрочіими Патриа(р)хи и ѡвсѣхъ сихъ вышше писаныхъ титѹлахъ де(р)жахѹ. Единѹ славяще С-тую трцѹ. И Единомудръствующе ѡвсе(м). якоже и насемо(м) соборѣ бѣше папа ри(м)ски(й) андрия(н). И пото(м) иконобо(р)ство бѣше во... стантинѣ градѣ. Ипапа ле(в) видѣвъ насило(ст) Иконобо(р)ныхъ ц-ре(й). призва ѡ(т)внѹтрънима фригіи нѣкоторого Карула. и привед ѹри(м) ц-ря его постави. Исо ѡны(м) Карѹле(м) при(и)доша б-го ме(р)зкого ариа ѹченици. и македониеви иаполинариеви. Иначаша во римѣ ѹчити яко Д-хъ С-тый [1]) ѡ(т) ѡ-ца и ѡ(т) С-на Исходитъ. Ипостити вся сѹботы. и ѡпрѣсно(к) Приносити втѣло Х-(с)во а не хлѣбъ яко же Х-с Предате. иинаже многа Предаша бе(з)закона ира(з)вратиша люди. Ипото(м) Папы сиа приаша ицр-ко(в) [2]) Б-жію растлиша Ипосмрадиша. исіа разѹмѣвше прочіи Патриа(р)си. г-лю(т) Ко(н)станътина града. и алеѯа(н)дрѣ(й)ски(й). Иа(н)тиѡхи(й)ски(й) Иер(с)ли(м)ски(й). Исписаша и(х)ис поми(н)ника своего и ѡ(т)семи соборовъ вселе(н)скихъ кли(т)вѹ нани(х) положиша. иѡ(т)лучиша и(х) ѡ(т) собо(р)ныа Цр-кви Правосла(в)ныа. Пото(м)же бѣше ѹримѣ петръ гугнивы(й)

---

242 свидѣте(л)ствующе.—243 пастыріе.—255 неде(р)жить. – постѣх.—246 правилѣхъ.—247 лито(р)гіи.—хлѣбѹ. — поклонаниа(х). – 250 римстіи. 251 едино.—252 на седмомъ.—254 косте(н)тине.—.Іеѡнъ.—255 насилости ѡ. црь.— внѹтрѣе фрѹг е.—256. ѹ рымъ.—258 македониа.—261 преда да иначе.—266 поие(н)ника.—собо(р).—268 *предъ „ѹ рыме“*: папа.—

[1]) Въ этомъ мѣстѣ на поляхъ приписаны слова: „ѡ свѧто(й) тро(й)ци“.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ на поляхъ приписано слово „зри“.

блу(д)никъ сы(й). Егоже рига ри(м)ски(й) [1]) видѣвъ своима очима. И ѵрѣза ему по(л)ѵса и полъ брады Ии(з)гна его Сопрестола. ѡ(н)же смирившсѧ Моли ригу. да ѡстави(т) его до ѧ̀ дни(й) даста покае(т) теплѣ. и тако преда(ст) престол еже и бы(ст). итако ѵ затворѵ столъпа ѵпита(л) голуба. и наѵчи изъ ѵ(ст) пит воду. и воуши зобати пшеницѵ. [2]) По ѧ̀тиже дни(й) моли ригу да повели(т) востръбити даста Собере(т) ве(с) гра(д). и да слыша(т) рѣчи папины. Папаже з ѡкна всѣмъ гависта ѡ(т)Сто(л)па. Иголуба испу(с)тивъ на ѵвидѣніе всѣмъ. голу(б)же наѵче(н) по(й)де воѵхо его зобати Пшеницѵ.и Ста Пити водѵ. Таже со Сто(л)па Сни(й)де и ко всему Народѵ рече. Еда ли что на столпу видѣ(с)те. И всѣ рекоша гако видѣхо(м) пр-(с)таго д-ха гако голуба гл-ющa ти во ѵши и во ѵста. И моли(м)сѧ Скажи на(м) гла(н)наѧ ти. И рече и(м) во(з)мѣте всѣ Покаменю врѵкы и взгаша. И рече и(м) тако гл-е(т) д-хъ С-ты(й) да побиете риѵ. И побиша Его. Ирече. Итако ѵго(д)но е(ст) Б-гу да бѵде(т) ипапа ирига еди(н). Еже и бы(ст).и ѡ(т)тѵдѵ престаша Цр-іе в римѣ. И да не имѣю(т) папы и ереи ни ѵса ни брады гакоже и ѡнъ(II?) о сихъ же имѣгаше дѣвицѵ на (и)мѧ а(р)хидиакона Стефана во муже(с)ко(м) ѡдѣніи, и со нею блу(д) творгаше. По сме(р)тиже Его бы(ст) намѣстни(к) его Стефа(н) Папа. По случаю же На б-гоѧвленіе при(й)де на тиве(р) рѣку ѡс-тити водѵ по ѵставу и та(м) Стефа(н) Папа роди дитѧ и бы(ст) всѣ(м) ѧвле(н) на Порѵганіе. ѡ(т) того же времени пест-ѧтъ воды На Бго-явленіе [3])

---

269 рыга рымьскыи.—270 *в.м.„его“*: и 271 смиры(в)ся.—рыѵ— 272 теплѣ. —ѵпита(в.)—274 *посль „научи“*: его во уста пити. 275 по ѧ̀. же днех.—276 весь.—277 *посль* „окна“: сто(л)пѵ. — спѵсти во увидѣние.—279 во уста.—со столпа.—всѣ.—280 *вмѣсто „что“ на поль*:нѣчто.—282 ухо.—моли(м)гѧ.—гла — ънаѧ—283 вси. — ѵ рукъ. — 285 рыга.—еди(нѣ).—286урыме.—287 по сихъ.имѧ двцю. 288 мужескихъ ѡдѣяну. —блудяше. — 290 — пос тучаю(ж). — 292дѣтя. —ѧвле(н)но. —293 ѡ(т)толе(ж).—

[1]) Здѣсь на поляхъ приписаны слова: „Пе(т)р Гуги-ый папа блудникъ“.

[2]) Приписано на поляхъ: „ хитрости папѣжово(й) чти“.

[3]) На поляхъ противъ этихъ строкъ приписано: „для чого люди богоѧвленія не маютъ“.

И его же хощ8(т) ѡс-т-ти пап8 ѡсмотри(т) его е(ст) ли му(ж). и ѡбходѧще гл-ю(т) народ8 машкѹла машкула. И тако Сотворю(т) Папу. И Сице творѧщи(х) пастыре(й) ри(м)скіѧ ц-ркве ѩкоже и н-нѣшни(й) ваш8 8чите(л) Люѳто(р) 8чит8. Еже и сами Свѣдите(л)ствѹете Пишѹще ина ло(ж)на его 8ченіѧ. И таковы(х) ради пре(ж)них8 и н-нѣшни(х) 8чителе(й) и па(с)тыре(й) иже гл-етъ нѣкогда быти мате(р) ц-рква(м) дщерѧже сѧ православны(х) цр-кви ѡ(т)бѣгнуша. видѣвше сию прокаженн8. и ѡ(т)рин8ша ѩко гнилы(й) у(д). ѩко не сохранѧюща Преданіѧ Зако(н)ного С-тыхъ ап-с(л)ъ и б-гносны(х) ѡ(т)-цъ семи Соборов8 вселенъскихъ иже Предаша Со ри(м)скими Папа... Православа(в)ными вселе(н)ски(м) ц-рква(м) едино де(р)жати исповѣданіе. Православныѧ вѣры. Еже е(ст) вѣр8ю во единого Б-га: ѩкоже мы и н-нѣ де(р)жимъ. И прочаѧ преданіѧ С-тыхъ ап-(с)лъ иб-гоносныхъ ѡ(т)-цъ семи Соборов8 вселе(н)ски(х). И стои(м) сѹще на здани [1]) на ѡснованіи пр(о)рокъ и ап-(с)лъ и С-тыхъ ѡ(т)цъ. де(р)жаще преданіѧ и(х) всед-шно и крѣпко и непоткнове(н)но. право му(д)рьств8ющe. исправов8ющe. И тако мы православныи де(р)жимъ ѩкоже сказахо(м) ѡ(т) многы(х) малаѧ Собравше. Понеже аще быхо(м) хотѣли подробн8 всѧ писати ва(м). Многиѧ бы Страны римскіѧ не во(з)могли вмѣ(с)тити писа(н)ныхъ кни(г). Но предахо(м) Конец) писма ворославу ѡ(т)цу бе(з)нача(л)ному и С-н8 Со пр-сносущному и С-тому д-х8 ѡ(т) ѡ(т)ца исходѧщему. Единос8щно(й) тр(о)-ци поклан8емо(й) и славимо(й) во бе(з)коне(ч)ныѧ вѣки вѣко(м) Аминь.

294 сотворити.—Ѡсмотраютъ.—296 *после „творящихъ“*: ради. *На полях приписано*: З без(з)ако(н)ного прест8пления.—296 рымскыя црквн.—297 люфьтор учитъ.—298 свидѣте(л)ств8ете.—кнамъ его безбожнаѧ—300 глете.—бывш8мти.—дщери ж) —301 *пропущено*: ѡ(т)бѣгнуша.—302 *предъ „и ѡ(т)ринуша“*: Ѡ бѣгн8ша ѧ.—304 ижъ предаша.—папами—313-314 подробн8—314 не во(з)могли быша.—315 вместити писанія кни(г). писм8 – 316 Ѡтцю.—317 единос8щн8ю троицю.—318 поклоняему и славиму.

[1]) Дважды повторенное слово „здани“ во второй разъ зачеркнуто.

Сообщилъ *Н. Дашкевичъ.*

Цеховые акты лѣвобережной Малороссіи (1622—1645 г. г.)

Печатаемые здѣсь акты объ установленіи цеховъ въ разныхъ мѣстностяхъ Лѣвобережной Малороссіи за первую половину XVII в. представляютъ собою очень интересный матеріалъ для исторіи городовъ въ Малороссіи. Очень часто, сливаясь съ церковными братствами, цехи однакожъ являютъ собою учрежденіе чужеземное, пришедшее въ Приднѣпровье чрезъ Польшу отъ нѣмцевъ. Насколько жизненно было это учрежденіе, внѣ „братскихъ" своихъ обязанностей, объ этомъ разскажетъ будущій историкъ этихъ цеховъ; а пока, будемъ готовить для него матеріалы, изъ числа коихъ предлагаемъ нижеслѣдующіе.

I. Два акта на „шевскій" цехъ въ м. Барышовкѣ 1622 и 1642 г.г.

I.

Петръ Комаровскій, староста Барышовскій и Борисполькій, извѣствую симъ моимъ писаніемъ на предбудучіе времена или до волѣ вельможного его милости пана на Жолквѣ Жолковскаго, Рубешовскаго, Яворовскаго, Калускаго и прочая старосты, Барышовскаго і Бориспольскаго наслѣднаго

пана: понеже по желанію и по поданому мѣщанъ Барышовскихъ ремесла шевскаго всѣхъ обще прошенію, разсмотрилъ я ихъ тое прошеніе быти доброе и полезное умноженія ради болшого порядку в местечку Баришовки, того ради позволяю оной цехъ тимъ мѣщаномъ с такимъ договоромъ, дабы они брата старшого змежу себе ізобрали, которий по общему ихъ согласію явится к тому дѣлу достойній человѣкъ, и при ономъ своемъ началники всѣ оные цеховые мѣщане, во время коего позва и нужды купно собравшися, о нужнихъ и имъ пристойныхъ дѣлахъ должны между собою совѣтъ дѣлать и судъ стороны ремесла, что поллежатиметъ до ихъ собранія, самимъ давать. Приходящіе же и вновь всѣ ремесла шевского подъ ихъ цехомъ быть должни и повинность до скринки іхъ отдавать такъ, якъ и в протчіихъ мѣстечкахъ обыкновеніе есть. Однако же буди кто с нихъ судомъ цеховимъ не будетъ доволенъ и обижденъ явится, свободно таковому ко мнѣ о своей обидѣ апелловать такожъ позволяется: отъ мене имъ два разы канунъ ситить, еденъ разъ на святую недѣлю, а другой разъ на Кузми и Демяна. По селахъ принадлежащихъ и деревняхъ к мѣстечку дабы никто не отважался дѣлать того ремесла безъ вѣдома и позволенія братіи цеховой. Что же сверхъ сего до ихъ правъ и нуждъ потребно будетъ, отлагаю до прибытія велможного его мил. пана Іоана Жолковскаго, пана здешняго наслѣдственного. Лутшаго же ради вѣроятія и цѣлости правъ ихъ сіе отъ мене данное писаніе рукою моею подписую и печатю печатлѣю. В Барышовцѣ, Іюля 19 дня, 1622 году.

Въ подлинномъ подписано: Петръ Коморовскій, староста Баришовский (м. п.). Іоанъ Кухарский староста Баришовский. Севестіанъ Конко подтвердилъ, староста ревизор, присланий отъ ясневелможнаго пана воеводи руского, ствержоное писание его милости пана Коморовского, августа 9 д., 1622 году.

II.

Яковъ Собіескій, воевода земель рускихъ, Красноставский, Яворовский и прочая староста. Вѣдомо чиню вся-

кому, кому о семъ вѣдати подлежатиметь, что ради утвержденія лутшаго обрядка и ради приумноженія користей в маетности жены моей, в мѣстечку Баришовкѣ, дозволяю цехъ имѣть мѣщанамъ Баришовскимъ ремесла шевского такимъ примѣромъ, якъ обыкновенно и в прочіихъ украинскихъ мѣстечкахъ братерство ремесла шевского имѣется; котори и имѣютъ себѣ поежегодно избирать цехмистра и братію старшую из своихъ цеховыхъ достойныхъ людей и во время нуждъ и позву ради разсмотренія и разсужденія в ремеслѣ своемъ должни купно сойтися; под которого цехмистра правительствомъ вся братія и вновь приходящіе прислушни быти имѣютъ и всякое послущаніе и повинность цеховую отдавать должны по обыкновенію протчиихъ мѣстечокъ украинскихъ. А буди бы по суду цехмистровому кто обѣжденний явился; свободно таковому апелляцію до уряду моего замковаго Баришовского или до мене самого заносить. При томъ же чтобъ былъ поежегодно в томъ цеху канунъ единъ разъ, толкобъ не подчасъ ярмарку, на светой недѣлѣ или на святаго Кузми и Демяна, вѣдерецъ по сорокъ меду позволяю. Такожъ котории живутъ по селахъ, до местечка Баришовкы подлежащыхъ, не съеднавши цеху и не визволившися, никто того ремесла не имѣетъ робыть; а ктобъ не съеднавши цеху началъ робыть или не визволившися, на такового суда у моемъ урядѣ искать имѣетъ. Всякие жъ обрады и звичайности якъ и в протчихъ цехахъ імъ імѣть дозволяется, на что онимъ цеховымъ сіе мое писаніе за подписомъ руки и приложеніемъ печати моеи даю. Дано в Барѣшовцѣ, декаб. 15 д., 1643 году

Яковъ Собіеский, воевода земель рускыхъ. (м. п.) Печать краснимъ воскомъ подложеная.

По листамъ скрѣпа: „с подлинныхъ полскыхъ на русскоій языкъ переведены стараніемъ Барышовской Городовой ратуше писара Василія Якымова. 1749 году, августа 28 дня“

(Оба акта изъ Сулимовскаго архива).

II. Актъ на цехи „кравецкій," „швецкій," „кушнѣрскій" и „ковальскій" въ г. Прилукахъ (или Лубнахъ). 1633 г.

Іеремѣй Михаилъ Корибутъ князь Вишніовецкій.

Вѣдомо чиню тимъ моимъ листомъ, кому би о томъ вѣдать надлежало, ижъ я, хотячи в якъ наилутшомъ порядку мѣста мои украинние имѣти, а именно цехи разние при давнихъ обичаяхъ зосталяю, также права и волности надаю, якъ и мѣсту моему столичному Лубнямъ, то естъ цехамъ совокупнимъ з собою - кравецкому, швецкому, кушнѣрскому, ковальскому. Волно имъ цехмистра зъ братіи своей кого пожелаютъ избрать и оному во всемъ послушними буть; каноновъ два, якъ содержится между ремесныкамы, на годъ розситить и на ихъ пожитокъ обратить: единъ канонъ на воскресеніе русское кадей тры, або на святихъ Козми и Дамияна, съ которыхъ повинни, якъ обичай состоитъ. свѣчи поставніе давать. Суда тежъ ремесла ихъ цехмистръ з братіею своею маютъ отправоваты кравцы, шевцы, кушнеры и ковалѣ прыхожіи и ложніи(?); кромѣ вѣдомосты цехмѣстровой не маютъ в мѣстѣ и по хуторахъ, до Прилуки (Лубенъ?) належачихъ, ремесла робить, а нѣ шкурѣ съкуповати без вѣдомости цеховой, подъ виною на урядъ замковій пять копъ литовскихъ, а до скринкы копъ тры. Также хтобы общій прыехавши или . . . . . или свои имѣлъ скуповать скури яловичіи, албо козловіи, баранніи, а не обявился цехмистрови, таковіи повиненъ дать на замокъ десять копъ литовскихъ а до скринки копъ тры. Также если бы з другого мѣста прыехавъ кравецъ, швецъ, кушниръ, коваль, з сукнами, з обувомъ, з кожухами а из желѣзомъ на торгу (кромѣ ярмарку), таковій подпадае винѣ на замокъ половинное тихъ всѣхъ рѣчей а половина до цеху. Швецъ которій би общій прышолъ, также кравецъ, кушнѣръ, коваль до которого колвекъ повинного поутру до цеху имѣетъ обявитись, а на которого бы показалось, что не обявился, вина на таковомъ до братіи ползолотого, два

безмѣни воску и обѣдъ. А которій бы билъ протывній ремесла ихъ, тогда на намѣстника самого копъ пять, а до скринки ползолотого и два безмѣна воску; а которій бы потаемне учинивъ того жъ, виною можетъ быти каранъ. А гдѣ бы таковій своевольникъ знайшелся, которій бы нѣвочто смѣнившы цехъ ихъ, имѣлъ робить роботу, таковаго позволяю поймать, а на урядъ Прылуцкій (?) копъ три заплатить повиненъ; егда-бы словомъ непристойнимъ еденъ на другого порокъ (кромѣ рани крывавой), таковаго судитъ цехъ повиненъ. А когда-би единъ другого поранивъ, таковаго до намѣстника моего отсилать маетъ. Роботи до замку отправовать мають, за которіи намѣстникъ по надлежитости платить имъ повиненъ; до того мѣста которій бы колвекъ футуръ надлежалъ а мѣлъ бы мешкати кравецъ, швецъ, кушнѣръ, коваль маетъ надлежати совокупно до нихъ и тіе повинности з ними заровно исполнять и цехмистра слушать своего. А которій бы колвекъ откудова пришедъ ремесникъ ремесла ихъ до мѣста того и похотѣлъ тутъ осѣсты, наперед цехъ поеднать, тоесть до скринки золотихъ десять, два безмѣни воску, пива бочокъ двѣ, горѣлки кварть тридцать и обѣдъ. Заховую ихъ тожъ пры волности отъ податей и повиностей меншыхъ частыхъ; а егда гвалтовніе подати і повинности, яко то: охраненіе мѣста, замку и роковъ, копання на оборону и ставленіе палѣсаду, также порваніе гребли з мѣщанами заровно присовокупляю. Также, сохрани Боже, непріятеля, повинны всѣ быть съ ружьемъ готовы и тотчасъ до замку, когда дадутъ вѣдати, сходитись; при томъ уволняю ихъ отъ стражи роковой и отъ подводы. Также отизды зъ листами на воланъ(?) до мене или где бы трафилось, не мають съ нихъ жаденъ з слугъ и намѣстниковъ ни въ чомъ турбовани. На что для лучшой вѣрности рукою своею подписуюся и печать притиснуты казалемъ. Данъ в Прилуцѣ 20 января, року Божія 1633.

В подлѣнномъ подписъ таковъ. Князь Корыбутъ. Мѣсто печати, на которой вкругъ вытиснено латинскимъ язикомъ тако: Иеремей Михаилъ Корибутъ Вишневецкій.

(Изъ Румянцевской описи).

III. Актъ на цехъ рѣзницкій въ г. Прилукѣ.

Іеремей Михаилъ Корибутъ, князь на Вишніовцы в. в., чиню вѣдомо тимъ моимъ листомъ, ижъ по прошенію мѣщанъ, подданныхъ моихъ Прилуцкихъ, цеху резничого позволяемъ имъ цехъ свой особливій имѣтъ, а для лучшого в томъ цеху ихъ порядку маютъ себѣ цехмейстера, человѣка добраго и честнаго, избратъ, которій началство обыкновеннемъ иннихъ мѣстъ в томъ ихъ цеху имѣтъ будетъ. А резники всѣ, такъ в мѣстѣ, яко и футорахъ, до единаго цеху належати будутъ. З другихъ же мѣстностей, которые до Прилуки не надлежатъ, егда резникъ який з резницствомъ для торгу прыедетъ, маетъ тотъ обявить цехмистровы подъ виною на замокъ трохъ копъ литовскихъ, а до скринки ихъ подъ половиною той вини такъ, якъ и въ протчихъ мѣстахъ моихъ, то есть в Лубнахъ. Позволяю имъ кановонъ два на рокъ выситить, еденъ на Боже Рождество а другій на святую покрову по двѣ кадѣ. А они тую повинность на замокъ отдавать будутъ, якую в другихъ мѣстахъ моихъ. Который то мой листъ для крѣпости и вѣри лутшой рукою моею власною подписалемъ и печатъ мою притиснути повелѣлъ. Данъ в Прилуцѣ, дне 21 декабря, 1636 года.

На подлинномъ подписано тако: Князь Корибутъ. Мѣсто печати, на которой вкругъ вытиснено полскимъ язикомъ тако: Иеремѣй Михаилъ Корибутъ гетманъ Висневецке. Копія с полского діалекта. Свидѣтельствовалъ полковій канцеляристъ Яковъ Сергіенко.

(Изъ Румянцевской описи).

IV. „Артикулы цехомъ кушнѣрского, кравецкого, шевского, ковальского, рѣзницкого и колоднического", 1637 г.

Выпись съ книгъ мѣсткихъ права майтебурского ратуши Переяслювской.

Отъ воплощенія сина Божія 1637 году, мая 18 дня, на урадѣ мѣскомъ Переясловскомъ права майдебургского, предъ нами. Федоромъ Матвѣевичомъ, войтомъ, Адамомъ Обра-

комъ, бурмистромъ, Іваномъ Яненкомъ и Дмитромъ Онискевичемъ, ставши персонално: Левко, Ярема, Полуянъ и Якимъ, цехмистри художествъ кушнѣрского, кравецкого, шевского, ковалского и рѣзницкого, именемъ всѣхъ своихъ цеховыхъ братей, подали привилій всепресвѣтлейшаго короля его величества Владислава Четвертаго, Государя нашего всемилостивѣйшаго, имъ на цехи служачій, для вписанія въ книги мѣскіе Переясловскіе, которой мы, за освидѣтельствованіемъ и прочетомъ, велѣли отъ слова до слова вписать и которой есть такова содержанія.

Владиславъ Четвертый, Божіею милостію король польскій и великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовскій, Жмудскій, Инфлянтскій, Смоленскій, Чернѣговскій и Шведскій, Готскій, Вандалскій наслѣдній король.

Обявляемъ симъ листомъ нашимъ всѣмъ обще и каждому особливо, кому вѣдать надлежитъ: предъявленъ билъ намъ въ оригиналѣ съ книгъ урядовихъ Переясловскихъ виданній листъ, имѣющій въ себѣ артикули и постановленія къ содержанію добраго порядка цеховъ: кушнѣрского, кравецкого, шевского, ковалского, рѣзницкого, колодницкого *) и колашницкого, въ коихъ слова тѣ суть. Во имя Бога въ Тройци единого. Аминь. Мы, бурмистри и райци города его королевскаго величества Переясловля, извѣстно чинимъ всѣмъ обще и каждому особливо, кому о семъ вѣдать надлежитъ. Понеже просили насъ честние майстера какъ старшие, такъ и молодшіе, цеху кушнѣрского, кравецкого, шевского, ковалского рѣзницкого, колодницкого и калашницкого, дабы мы нижеписанніе артикули для доброго порядку въ ихъ художествѣ противъ обичаевъ другихъ городовъ цехами учрежденніе до книгъ нашихъ городскихъ приняли. Которой прозбѣ яко справедливой мы довлетворя, помянутіе артикули до книгъ нашихъ и приняли, въ книги вписали и выписъ подъ печатью нашею городскою выдать приказали.

*) Въ другомъ списке пояснено: «то есть, что хлѣбъ продаютъ зерномъ и мукою».

Оніе же артикулы слѣдующого содержанія.

1. По примѣру обичаевъ другихъ городовъ, въ которихъ цехи имѣются, долженъ также имѣть каждій цехъ, чили братство, знакъ собственній, именуемый цеха, коимъ знакомъ, когда прочіе майстера на опредѣленное мѣсто отъ цехмистра будутъ позвани, всѣ должни собрался и тамо волно имъ будетъ ежегодно на новое лѣто вибирать цехмистра; и когда согласно между себѣ двохъ цехмистровъ выберутъ, тогда должни имъ предъ урядъ нашъ Переяславскій представить, яко заразъ оніе цехмистри повинни будутъ на урядъ мѣскій виконать присягу.

2. Въ недѣлю послѣ обѣда трезвенно и учтиво должни собраніе имѣть и жалобы (слушать?) какъ отъ мѣщанъ Переяславскихъ, такъ и отъ всѣхъ протчихъ, и обиженного довольствовать совершенною росправою. А естли-бы кто съ виноватыхъ приговоромъ ихъ доволенъ не былъ, такого отсилать къ уряду либо райцовского, либо войтовского.

3. Кто-бы съ майстеровъ, будучи созиванъ знакомъ цеховымъ, къ цеху не явился для совѣту о добрѣ цеховомъ или брацкомъ, тотъ заплатитъ долженъ вини три гроши полскіе.

4. Кто бы такъ-же съ майстеровъ такъ старѣйшихъ, яко и молодшихъ, и ихъ товарищей по приказанію уряду райцовского на назначенное мѣсто не прибылъ, тотъ въ мѣсто штрафа одинъ фунтъ воску въ цехъ дать повиненъ; такомужъ штрафу и винѣ подлежатъ всѣ тѣ, кои повѣщени будучи знакомъ цеховимъ, не являтся на назначенное мѣсто къ собранію въ каждой воскресной день по обѣдѣ.

5. Кто бы нибудь въ число цехового братерства записатись хотѣлъ, тотъ долженъ первіе объявить листъ, гдѣ родился и отъ якихъ родителей, и показать свидѣтельство о своей наукѣ и затѣмъ имѣетъ быть въ цехъ принятъ и до скринки денегъ одинъ золотой, бочку пива и пудъ воску дать; а когда всѣмъ тѣмъ удовлетворитъ, тогда потомъ заразъ отъ цехмистра представленъ будетъ предъ урядъ мѣскій для учиненія присяги городской и для принятія права гражданского.

6. Которого майстера синъ похощетъ записатся въ цехъ, тотъ половину вишеписанныхъ накладовъ платить имѣетъ; равнимъ образомъ и захожій товарищъ, женившійся на дочери или вдовѣ майстеровой, половину онихъ накладовъ, какъ и синъ мастерской, платить долженъ.

7. Презирая на оставшихся во вдовствѣ майстеровыхъ женъ, кая бы съ нихъ по смерты мужа своего хотѣла тоже майстерство работатъ, такой точию дозволяется, но и цехмистри, приискавъ искуснѣйшого товарыша, придать ей повинни будутъ.

8. По примѣру другихъ цеховъ, въ городахъ короннихъ найдующихся, майстери должни принимать мальчиковъ для обученія ремесла и ихъ исправлять, и обучать; а по обученіи каждой учень еденъ фунтъ воску, такожъ уписного грошей шесть до цеху дать повиненъ.

9. Кто-бы съ мастеровъ челядника какимъ ни есть способомъ отъ другого отговорилъ и отлучилъ и въ томъ свидѣтельствомъ изобличился, тотъ повыненъ будетъ камень (50 фунтовъ) воску дать до цеху.

10. Кто прійдетъ до цеху съ какимъ либо военнимъ оружіемъ, тотъ каранъ будетъ двома фунты воску.

11. Когда кого укорителними словамы на какомъ либо мѣстѣ (кто будетъ?) поносить и въ томъ изобличенъ будетъ. тотъ два фунты воску до цеху штрафа дать повиненъ.

13. Кто непристойно обходится или непристойно говорить будетъ въ цеху при бытности цехмистра, тотъ два фунти воску дать повиненъ; равнимъ образомъ кто безъ дозволенія цехмистровъ вънійдетъ или отойдетъ изъ собранія, три гроши вини платить.

14. На кого изъ майстеровъ старѣйшихъ или молодшихъ за долгъ или якой другой проступокъ жалоба принесена будетъ къ цехмистрамъ или кто приговоренъ будетъ аресту, тотъ безъ всякаго отрицанія съ мѣскимъ слугою являтысь долженъ, а за ослушаніе всякъ изъ старѣйшихъ еденъ фунтъ воску штрафу дать повиненъ.

15. Всякіе дѣла, къ ремеслу оного цеху надлежащіе, цехмистри зъ старѣйшимы майстерамы судить власть имѣютъ, исключая дѣла важнѣйшіе, до цехового разсужденія не надлежащіе, кои должно отсилать къ уряду райцовъ или гойтовского.

16. Никто да не дерзаетъ товариша своего до другого цеху себѣ ненадлежащого позивать подъ потераннемъ волностей мѣскихъ; такожъ да не дерзаетъ каждой отдаватся подъ судъ замковой подъ потерянием и другихъ свободъ.

17. Ремесники зъ другихъ городовъ, якото: кушнери, шевци, ковали, рѣзники и другие, да не дерзаютъ работъ и товаровъ своихъ продавать въ торги и безъ торговъ, кромѣ ярмонковъ, подъ потерянием онихъ.

18. Приходячие майстера и малоученіе не должни безъ вѣдома цехмистровъ съ товариствомъ никакихъ работъ дѣлать такъ въ городѣ, яко на подваркахъ и въ селахъ подъ виною десяты золотыхъ.

19. Повинни такъ же имѣть скрипку братерскую и печать, короговъ и бубонъ по обычаю другыхъ цеховъ въ городахъ коронныхъ.

20. Каждой цехъ долженъ исправлять канунъ погодно, еденъ за другимъ, во дни урочитие, съ которыхъ кануновъ, чили изъ розситки меду, приходячой воскъ должни давать на свѣчи въ церковъ, нищихъ кормить и богодѣлни строить.

21. Цехмитри по силѣ присягы своей должни наблюдать, дабы въ городѣ отъ майстеровъ дороговизна и обманъ каждому съ обивателей не слѣдовали.

Въ протчемъ онимъ артикуламъ всѣ майстера и товариство подлежатъ, правомъ и уставомъ защищатся и совершеннимъ добромъ на хвалу Божию и къ ползѣ ближнего тѣшится имѣютъ.

И мы, будучи имен мъ майстеровъ вышепомянутыхъ цеховъ прошены, дабы всѣ тѣ вышеизображенніе артикули властию нашею королевскою утвердить и укрѣпить; для того симъ листомъ нашимъ оніе во всѣхъ пунктахъ, клавзулахъ,

артикулахъ и кондиціяхъ, сколько право общое дозволяетъ, утверждаемъ и укрѣпляемъ, и на то для лучшаго достовѣрія рукою нашею подписавши, печать коронную приложить указали. Данъ въ Варшавѣ, марта 12 числа, 1637 года, государствованія нашего полского и шведского пятого года.

У сего привилегія печать его королевскаго величества коронная привѣсистая, а подписъ таковъ: Владиславъ Король. Якой привиллей утверждающій цехи, за представленіемъ и прозбою вышеупомянутыхъ особъ и за приемомъ нашимъ урядовимъ, до книгъ городскихъ Переясловскихъ вписанъ, и сія выпись. при печати нашей городской урядовой, съ подписомъ руки писарской ратуши Переясловской, выдана году, мѣсяца и числа, какъ вище. Максимъ Кретовскій, писарь мѣскій Переясловскій, рукою власною.

Въ такой слово отъ слова силѣ другіе двѣ выписи подлинніе яко то: 1) цеху рѣзницкому. 2) цеху шевскому.

Съ подлѣнного переводилъ судья земскій Федоръ Война.

(Изъ Румянцевской описи).

V. Два акта на цехъ „шевскій“ въ г. Гадячѣ, 1642 и 1645 гг.

I.

На прозбу города Гадяча шевцовъ, желая дабы тотъ городъ во всякихъ художествахъ какъ наибогатшій былъ, именемъ ясновельможного его милости пана Станислава на Конецполю Конецполского, каштеляна Краковского, гетмана великого коронного, позволили имъ цехъ имѣть и въ немъ старшого по примѣру обычаевъ другихъ городовъ себѣ обирать и всякой порядокъ наблюдать, дабы з стороны никто имъ въ художествѣ ихъ никакой перешкоды не чинилъ. А кто до цеху ихъ будетъ надлежать или въ оной пожелаетъ вписатись, тотъ повиненъ дать до скринки ползолотого и по фунту воску. Позволяемъ такожъ оному шевскому цеху канунъ дважди въ годъ до Божой церкви ситить, дабы съ того хвала Богу болѣе умножалась. Заберегаемъ при томъ, чтобъ

отъ пановъ державцовъ работами отягчаемы не были, для чего здѣсь повинность роботъ описуется: каждой швецъ кожу товарячую вычинивши, которая отъ замку будетъ дана, долженъ изшить на обувъ, а что сверхъ надъ вышеписанное здѣлаетъ, за то державца платить имъ повиненъ; и респектомъ того отъ всякихъ роботъ тѣхъ, которіе другимъ мѣщанамъ принадлежатъ, такъ-же отъ подводъ волними ихъ шевцовъ чинимъ; однако шарварки, т. е. гаченіе гребли, и сторожу въ городѣ равно съ прочимы нести повинни; также тѣхъ цеховъ художники должны имѣть каждой оружіе доброе и въ случае надобности, гдѣ укажетъ панъ державца, тамо для оборони города становится. Если-бы въ цеху ихъ нашолся преступникъ, должны объ немъ объявить въ замкѣ, и сіе дабы панове державци исполняли именемъ его ясневельможности, приказуемъ. А для лучшей крѣпости къ сему листу печати приложили и руки свои подписали. Писанъ въ Гадячу, 7 октября 1642 году. Перестерегаемъ притомъ, дабы во дни торговіе и въ ярмарки такъ здешніе, яко и пріезжающие ремесники, не скупляли кожъ такъ яловичихъ, яко и баранячихъ, на свою потребу, покуду вийдутъ изъ церкви Божой мѣщане цеху шевского.

На подлинномъ подписано: Стефанъ Ковалскій.

(М. П.) П. Биржецкій.

Съ подлиннаго переводилъ судья земский Ѳедоръ Война.

(Изъ Румянцевской описи).

II.

Станиславъ на Конецполю Конецпольскій, каштелянъ Краковскій, гетманъ великій коронній, Русскій, Равскій, Ковенскій и протчая староста.

Всѣмъ обще и каждому особливо, кому о семъ вѣдать надлежитъ, вѣдомо чинимъ. Просили мене шевци города его королевского величества Гадяча, дабы имъ надать и уфондовать цехъ, чтобъ и они за тою надачею въ художествѣ своемъ доброй порядокъ наблюдали, почему, снисходя той ихъ

прозбѣ и о ней милость и совершенное усердіе мое свидѣтельствуя, надаю и утверждаю имъ цехъ такимъ порядкомъ. что волно имъ будетъ съ между себя цехмистровъ обирать, учениковъ содержать, обучать, визволять и ихъ въ майстери и товариство производить и всякого доброго порядка въ разсужденіи художества и обрядовъ духовныхъ наблюдать, поступая по примѣру обычаевъ и артикуловъ цеху шевского, въ городахъ его королевского величества наданныхъ. А при томъ они всѣ тѣ повинности до замку по своему художеству отдавать повинни будутъ, кои въ другихъ городахъ шевци отъдаютъ до замку., на что для лучшей вѣри, при подписи руки моей собственной, обикнов нная печать приложена. Въ Вышгороду, 6 ноября, 1645 года.

Станиславъ Конецпольскій.

Переводилъ съ подлѣнного полского судья земскій Ѳедоръ Война.

(Изъ Румянцевской описи).

Сообщилъ *А. Лазаревскій.*

Отдѣлъ IV.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.

I.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія Т. II. С. Голубева. Кіевъ. 1898 года. 8°. VII+VI+524 +12+4+498.

Авторъ настоящаго труда уже 25 лѣтъ занимается изученіемъ жизни и дѣятельности Кіевскаго митрополита Петра Могилы и его сподвижниковъ. Во 2 и 3 книжкахъ 1874 года издававшагося прежде журнала „Православное Обозрѣніе“ была помѣщена первая статья автора, посвященная разъясненію отношеній м. Петра Могилы къ его предшественнику на Кіевской митрополичьей каѳедрѣ—Исаіи Копинскому. Въ 1883 году авторомъ былъ напечатанъ первый томъ изслѣдованія о митрополитѣ Петрѣ Могилѣ и его сподвижникахъ. Трудъ этотъ доставилъ автору, кромѣ ученой степени магистра богословія, почетную извѣстность и утвердилъ за нимъ репутацію серьезнаго ученаго. Наконецъ, въ 1898 году, послѣ 15-лѣтняго промежутка, явился въ печати второй томъ изслѣдованія подъ заглавіемъ, выше означеннымъ.

Уже одно то обстоятельство, что серьезный и талантливый ученый 25 лѣтъ своей плодотворной научной дѣятельности посвящаетъ изученію жизни и дѣятельности одного и того же историческаго дѣятеля ручается за то, что, съ одной стороны, дѣятельность м. Петра Могилы, имѣвшая важное и многообразное значеніе въ исторіи церкви, изслѣдована во всѣхъ подробностяхъ, и, съ другой стороны, трудъ автора, какъ плодъ многолѣтнихъ занятій, есть трудъ основательный, капитальный, истинно научный.

Ближайшее знакомство съ изслѣдованіемъ автора вполнѣ подтверждаетъ и то и другое.

Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій (1632—1646 г.), занимаетъ, по справедливости, выдающееся положеніе въ исторіи православной христіанской церкви вообще, всей русской церкви въ частности и особенно западной ея половины, или Кіево-литовской митрополіи.

Нѣкоторыя изъ сочиненій, написанныхъ м. Петромъ Могилою, или, по крайней мѣрѣ, составленныхъ при его дѣятельномъ участіи и подъ его покровительствомъ, сдѣлались символическими книгами всей православно-христіанской церкви (напр., Православное исповѣданіе вѣры) и, такимъ образомъ, поставляютъ виновника ихъ на степень учителя церкви.

Петръ Могила былъ великимъ ревнителемъ просвѣщенія Русскаго народа и ревность его въ этомъ отношеніи простиралась не только на Юго-западную, но и на Сѣверо-восточную Русь, въ чемъ и находится точка соприкосновенія его дѣятельности съ историческою жизнію всей православно-русской церкви.

Но особенно важное значеніе дѣятельность м. Петра Могилы имѣла для западно-русской церкви, въ исторіи которой она, по справедливости, составила особую и замѣчательную эпоху.

Западно-русская церковь, многострадальная историческая судьба которой у насъ еще далеко не разработана, или, правильнѣе, совсѣмъ не разработана, обязана м. Петру Могилѣ возстановленіемъ законной, признанной и польскимъ прави-

тельствомъ, іерархіи, упорядоченіемъ внутренней жизни—управленія и устройства, искорененіемъ многихъ и важныхъ злоупотребленій въ сей жизни, весьма значительнымъ подъемомъ просвѣщенія и многими другими, не менѣе важными, заслугами.

Въ частности, нашъ Кіевъ хранитъ въ себѣ и доселѣ плоды великихъ трудовъ м. Петра Могилы въ видѣ устроенной имъ Кіевской академіи, долго носившей и имя его, и возобновленныхъ имъ многихъ Кіевскихъ монастырей и церквей.

Великая личность м. Петра Могилы нашла себѣ вполнѣ достойнаго изобразителя, его жизнь и дѣятельность вѣрнаго цѣнителя его заслуги для церкви, горячаго сторонника въ лицѣ автора разсматриваемаго труда.

Разсматриваемый томъ изслѣдованія о м. Петрѣ Могилѣ состоитъ изъ двухъ почти равныхъ половинъ.

Въ первой половинѣ содержится собственно изслѣдованіе, посвященное „обозрѣнію нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности Петра Могилы въ званіи Кіевскаго митрополита, въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій того времени“ (стр. VI).

Изслѣдованіе это состоитъ изъ 5 главъ, при чемъ въ первой главѣ (стр. 1—59) рѣшается вопросъ объ отношеніи м. Петра Могилы къ бывшему м. Исаіи Копинскому и говорится объ утвержденіи Петра Могилы на Кіевской митрополичьей каѳедрѣ, сопровождавшемся прискорбными столкновеніями его съ иноками Кіево-Никольскаго Пустыннаго монастыря; во второй главѣ (стр. 62—239) изображаются заботы м. Петра Могилы, направленныя къ упроченію только что возвращенной тогда православнымъ западно-руссамъ свободы вѣроисповѣданія и къ укрѣпленію за православною западно-русскою церковью пріобрѣтенныхъ ею юридическихъ правъ, при томъ изображается въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій того времени, такъ что вторая глава изслѣдованія, по содержанію своему, представляетъ собственно исторію борьбы православной западно-русской церкви съ латино-уні-

атами въ годы митрополитствованія Петра Могилы; третья глава изслѣдованія (стр. 240—402) посвящена спеціальному обозрѣнію литературно-полемической борьбы православныхъ западно-руссовъ съ латино-уніатами и отчасти протестантами при м. Петрѣ Могилѣ, при чемъ здѣсь обстоятельно разбираются слѣдующіе полемическіе труды, составленные или при непосредственномъ участіи, или, по крайней мѣрѣ, подъ покровительствомъ м. Петра Могилы изданные: 1) Exegesis Сильвестра Коссова, Кіевъ 1635 г., 2) Paterikon его же, Кіевъ 1635 г., 3) Teraturgima Аѳанасія Кальнофойскаго, Кіевъ 1638 г.; 4) Indicium 1638 г. и 5) Лиѳосъ, Кіевъ 1644 г., а въ концѣ главы критически разбираются два сочиненія, направлявшіяся противъ православныхъ, а именно 1) рукописныя замѣчанія Кассіана Саковича на изданный православными Лиѳосъ, которыя сохранились на одномъ изъ экземпляровъ этого сочиненія, хранящемся въ библіотекѣ Варшавскаго университета, и 2) Zwierciadla — сочиненія Пинскаго уніатскаго епископа Пахомія Войны, въ защиту уніатской церкви противъ обвиненій Кассіана Саковича въ его „Перспективѣ"; въ четвертой главѣ (стр. 403—463) обозрѣваются заботы м. Петра Могилы по возстановленію Кіевскихъ церквей: Софійской каѳедральной, Десятинной, Васильевской (Трехсвятительской), Воздвиженской, Преображенской, или Спасской на Берестовѣ, и Михайловской въ Выдубицкомъ монастырѣ; наконецъ, пятая глава изслѣдованія (стр. 464—524) посвящена изображенію дѣятельности м. Петра Могилы по исправленію недостатковъ, имѣвшихъ мѣсто во внутренней жизни Кіевской митрополіи вообще и, въ частности, Кіевской епархіи.

Вторую половину разсматриваемой книги составляютъ приложенія. Въ качествѣ таковыхъ приложеній напечатано 85 документовъ, которые занимаютъ 498 страницъ.

Большая часть этихъ приложеній представляютъ собой документы, доселѣ не напечатанные, относящіеся къ исторіи западно-русской церкви времени м. Петра Могилы и заимствованные авторомъ изъ разныхъ древлехранилищъ и архивовъ русскихъ и заграничныхъ.

Всѣ находящіеся въ приложеніяхъ документы, за исключеніемъ только 8, снабжены объяснительными примѣчаніями библіографическаго, историческаго, географическаго, филологическаго, хронологическаго и т. п. характера.

Три документа (подъ №№ LVII, LXIII и LXXXI), находящіеся въ приложеніяхъ, представляютъ перепечатки старинныхъ памятниковъ южно-русской литературы, являющихся теперь библіографическою рѣдкостію; эти документы также снабжены научными примѣчаніями и указаніемъ разночтеній.

Всѣ документы, помѣщенные въ приложеніяхъ, вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ пояснительными примѣчаніями, изъ коихъ иныя, по своей обстоятельности и обширности, представляютъ собой небольшія изслѣдованія, имѣютъ высокую научную цѣнность.

Трудъ автора, именно въ первой его половинѣ, можетъ вызывать съ нѣкоторыхъ сторонъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ возраженія. Съ нѣкоторыми выводами и особенно характеристиками историческихъ дѣятелей, какія даетъ авторъ, можно не соглашаться, напр. съ воззрѣніемъ историка на характеръ отношеній м. Петра Могилы къ его предшественнику м. Исаіи Копинскому и др.

Но всѣ эти возраженія, по нашему мнѣнію, будутъ носить субъективный характеръ, всѣ они будутъ зависѣть отъ того, что на одну и ту же историческую личность и на одно и тоже историческое событіе можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія и различно оцѣнивать ихъ значеніе; но возраженія эти не будутъ касаться существа дѣла и фактической стороны сочиненія.

Разсматриваемое по существу и со стороны фактической, изслѣдованіе автора представляетъ трудъ въ высокой степени цѣнный и замѣчательный.

Это, во 1-хъ, *трудъ многолѣтнихъ и усиленныхъ занятій и разысканій* автора, во всѣхъ своихъ частяхъ зрѣло обдуманный и научно обработанный, и потому представляетъ плодъ вполнѣ зрѣлый.

Это, во 2-хъ, *трудъ капитальный и обширный не по внѣшнему только своему объему, но также и по предмету своего содержанія.* Хотя сочиненіе автора и озаглавлено: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники", но по содержанію своему, оно въ дѣйствительности представляетъ строго научную и основательную исторію западно-русской православной церкви въ годы управленія ею м. Петра Могилы.

Это, въ 3-хъ, *трудъ новый и совершенно самостоятельный.* Самостоятельность историка обусловливается не тѣмъ только, что онъ пользуется новыми, имъ самимъ разысканными и напечатанными, документами, но также въ значительной степени и особеннымъ отношеніемъ его къ печатнымъ матеріаламъ и пособіямъ, бывшимъ у него подъ руками. Авторъ не беретъ изъ вторыхъ рукъ ни одного извѣстія, ни одного факта безъ того, чтобы предварительно и строго критически не провѣрить его.

Это, въ 4-хъ, *трудъ весьма полезный для науки, могущій оказать сильное и важное вліяніе на дальнѣйшую разработку исторіи западно-русской православной церкви.* Сочиненіе автора не только даетъ готовое, вполнѣ законченное, изслѣдованіе избраннаго предмета, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ великое множество новыхъ матеріаловъ и затрогиваетъ многіе другіе важные вопросы, требующіе изслѣдованія и рѣшенія, предлагая при этомъ данныя для такого изслѣдованія и рѣшенія, или же указывая вѣрные пути къ этой цѣли. Такимъ образомъ, сочиненіе автора можетъ пробудить любознательность другихъ лицъ и направить ихъ къ дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ, намѣченныхъ историкомъ.

Это, въ 5-хъ, *трудъ, составленный во всеоружіи научной эрудиціи и на основаніи глубокаго знанія избранной эпохи.* При чтеніи сочиненія чувствуется, что авторъ до такой степени близко и хорошо ознакомился съ тѣмъ, о чемъ онъ говоритъ, и такъ глубоко проникся духомъ изображаемой эпохи, что онъ какъ бы самъ переживалъ то самое, о чемъ говоритъ. Близкое и основательное знакомство историка съ эпохою особенно рельефно проявляется въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ,

не имѣя подъ руками положительныхъ данныхъ, допускаетъ предположенія (что́ онъ дѣлаетъ вообще весьма рѣдко), которыя оказываются глубоко проницательными и вполнѣ подтверждаются несомнѣнными документальными свидѣтельствами. Это же весьма основательное знакомство историка съ эпохой и обстановкою, въ какой жили и дѣйствовали изображаемыя имъ лица, замѣтно отразилось и на самомъ изложеніи разсматриваемаго сочиненія.

По изложенію своему, изслѣдованіе автора представляетъ трудъ, можно сказать, совершенный и художественно обработанный. Историкъ такъ умѣло пользуется оборотами старинаго южно-русскаго языка, онъ такъ хорошо и искусно въ свойственное ему вообще прекрасное литературное изложеніе вводитъ выраженія и обороты старинной рѣчи, что въ иныхъ мѣстахъ получается такое впечатлѣніе, какъ будто слышишь говорящими между собою тѣхъ историческихъ дѣятелей, которыхъ историкъ выводитъ предъ умственнымъ взоромъ своихъ читателей.

На основаніи всего сказаннаго, разсматриваемое изслѣдованіе можетъ быть признано драгоцѣннымъ вкладомъ въ небогатую науку исторіи западно-русской церкви.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ отмѣтить ускользнувшія отъ авторскаго вниманія двѣ опечатки или описки и высказать одно пожеланіе.

Первая описка, или опечатка находится на стр. 285: Василій Македонянинъ былъ не *патріархомъ*, какъ напечатано, а императоромъ; вторая—на стр. 396 около 1692 г. Кіевскимъ митрополитомъ былъ не Варлаамъ Ванатовичъ (который и не былъ митрополитомъ, а архіепископомъ), какъ напечатано, а Варлаамъ Ясинскій.

Пожеланіе наше состоитъ въ слѣдующемъ. При такомъ обширномъ и капитальномъ изслѣдованіи, какъ сочиненіе автора, полное въ высшей степени важныхъ и большею частію новыхъ свѣдѣній, касающееся самыхъ разнообразныхъ сторонъ, лицъ и учрежденій западно-русской церкви въ годы управленія ею м. Петра Могилы, затрогивающее иногда такіе

вопросы, которыхъ иной будущій изслѣдователь исторіи западно-русской церкви никакъ не можетъ ожидать встрѣтить въ немъ,—при такомъ изслѣдованіи, по нашему мнѣнію, необходимъ указатель. Безъ указателя пользованіе сочиненіемъ автора даже для спеціалистовъ будетъ сопряжено съ значительными затрудненіями и иногда большою напрасною затратою времени. Поэтому, желательно, чтобы авторъ, по крайней мѣрѣ, къ слѣдующему тому, приложилъ указатель именъ личныхъ и географическихъ названій, встрѣчающихся въ его изслѣдованіи.

II.

Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ иновѣрнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. К. Харламповича. Казань. 1898 г. XIII+524+LXII.

Сочиненіе представляетъ весьма полный, обстоятельный и всесторонній очеркъ школьнаго образованія въ Западной Россіи отъ начала его и до вступленія на польскій престолъ короля Владислава IV (1633 г.).

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ излагаетъ судьбу католическихъ школъ, существовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ Западной Россіи, при чемъ, въ частности, говоритъ о школахъ каѳедральныхъ и приходскихъ (стр. 1—37), іезуитскихъ училищахъ (стр. 38—118), духовныхъ семинаріяхъ (стр. 119—125) и Замостской академіи (стр. 126—140). Очеркъ исторіи католическихъ западно-русскихъ школъ предваряется краткимъ обозрѣніемъ исторіи распространенія католичества въ З. Россіи и условій происхожденія и развитія католическаго просвѣщенія здѣсь, а исторіи іезуитскихъ западно-русскихъ школъ предпосылается краткій очеркъ условій распространенія іезуитскаго ордена въ З. Европѣ и, въ частности, въ Польско-литовскомъ государствѣ, въ составъ котораго входила въ разсматриваемое время и З. Россія.

Второй отдѣлъ сочиненія посвящается исторіи протестантскихъ школъ въ Западной Россіи, при чемъ и здѣсь, какъ въ первомъ отдѣлѣ, авторъ сначала выясняетъ условія распространенія протестантства въ З. Россіи, при посредствѣ главнымъ образомъ, школы и просвѣщенія, и затѣмъ уже сообщаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о школахъ протестантскихъ, именно лютеранскихъ, кальвинскихъ и соцініанскихъ со стороны внѣшней ихъ судьбы и внутренняго устройства (стр. 141—184).

Что касается самаго метода и способа изложенія авторомъ исторіи католическихъ и протестантскихъ школъ въ З. Россіи, то они таковы. Авторъ обыкновенно сначала сообщаетъ всѣ, какія онъ могъ собрать, свѣдѣнія относительно возникновенія и дальнѣйшаго развитія и существованія всякой школы, или же, если скудость матеріала не позволяла излагать исторіи, то онъ ограничивается, по крайней мѣрѣ, сообщеніемъ тѣхъ отрывочныхъ историческихъ извѣстій, какія ему удалось найти, затѣмъ говоритъ о внутреннемъ устройствѣ школъ (составѣ учебнаго курса, воспитательныхъ пріемахъ, дисциплинѣ, наградахъ и наказаніяхъ), сообщаетъ свѣдѣнія о средствахъ содержанія школъ, о начальникахъ и учителяхъ (между прочимъ, и о всѣхъ ихъ учено-литературныхъ трудахъ, если таковые сохранились), о бурсахъ, библіотекахъ и типографіяхъ, существовавшихъ при школахъ.

Третій отдѣлъ, составляющій капитальную часть сочиненія, посвященъ спеціальному изображенію исторіи западнорусскихъ православныхъ школъ XVI и начала XVII в. И здѣсь авторъ сначала даетъ краткій и общій очеркъ состоянія просвѣщенія (преимущественно школьнаго) въ З. Россіи со времени появленія школъ и до XII в. (стр. 185—236), а затѣмъ сообщаетъ частныя свѣдѣнія о православныхъ школахъ, существовавшихъ въ З. Россіи въ XVI—XVII вв., именно: Острожской (стр. 237—276), братскихъ—Львовской, Виленской, Брестской, Минскихъ, Могилевской, Луцкой, Кіевскихъ (Братской и Лаврской), Рогатинской, Городокской, Пе-

ремышльской, Комарнской, Люблинской, Бѣльской, Каменецъ-подольской, Замостской, Львовской Богоявленской, Галичской, Холмской, Винницкой, Бѣлиловецкой, Пинской (стр. 277—369) и Владимірской, Пересопницкой, Стрятинской, Дубенской, Могилевской, Ярославской, Ельненской, Цеперской, Евьевской, Межибожской, Шкловской, Борколабовской, Кроньской, Кутеинской и Полоцкой, которыя авторъ обозначаетъ, какъ не братскія (хотя намъ кажется, что такое опредѣленіе не точно, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ сейчасъ названныхъ школъ, стр. 369—373). Какъ Острожское училище, такъ, въ особенности, братскія школы разсматриваются авторомъ со стороны внѣшней ихъ судьбы и со стороны внутренняго устройства; довольно подробныя свѣдѣнія о ректорахъ и дидаскалахъ, общемъ характерѣ, учебной программѣ, учебникахъ и вообще устройствѣ братскихъ школъ сообщаются на стр. 374—476.

Въ послѣднемъ—четвертомъ—отдѣлѣ изслѣдованія разсматриваются уніатскія школы, существовавшія въ З. Россіи въ XVI—XVII вв. (Брестская, Владимирская, Виленская, Новгородская, Минская) со стороны внѣшней ихъ судьбы и внутренней жизни (стр. 477—524).

Въ предисловіи къ сочиненію помѣщена довольно подробная библіографія предмета, а въ концѣ книги указатель личныхъ именъ и географическихъ названій и школъ, упоминаемыхъ въ сочиненіи.

Изъ общаго обозрѣнія содержанія труда можно видѣть, что онъ даетъ полное и ясное представленіе о состояніи школьнаго просвѣщенія въ З. Россіи въ XVI—XVII (до 1633 г.) вв. Такъ какъ авторъ весьма тщательно и основательно изучилъ литературу вопроса, то его сочиненіе представляетъ не только критически провѣренный сводъ прежде существовавшихъ и разбросанныхъ въ разныхъ трудахъ свѣдѣній о западно-русскихъ школахъ—православныхъ и инославныхъ, но и заключаетъ въ себѣ много совершенно новыхъ данныхъ.

Должно признать счастливою мысль автора поставить вопросъ о состояніи православныхъ западно-русскихъ школъ

въ связь съ вопросомъ о состояніи инославныхъ (католическихъ и протестантскихъ) западно-русскихъ школъ, такъ какъ наши православныя школы XVI—XVII вв. въ большинствѣ случаевъ устроялись по типу инославныхъ, особенно католическихъ.

Сравнительный методъ изученія предмета весьма замѣтно содѣйствовалъ ясности представленія, какое даетъ о немъ разсмотрѣнное сочиненіе, которое, надѣемся, явится весьма полезнымъ и даже необходимымъ пособіемъ для знакомства съ исторіею школьнаго просвѣщенія въ З. Россіи въ XVI—XVII вв.

III.

Виленское Свято-Духовское братство въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Д. Сѣмпуро. Кіевъ. 1899 г. 8°. 182.

Виленское Св.-Духовское братство было однимъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ замѣчательныхъ въ ряду древнихъ западно-русскихъ церковныхъ братствъ. Оно, въ числѣ немногихъ другихъ братствъ, отъ начала и до конца своего существованія осталось вѣрнымъ православной церкви и было важнѣйшимъ, передовымъ борцомъ за православіе, а вмѣстѣ и русскую народность въ З. Россіи. Поэтому, исторія сего братства представляетъ интересъ для изслѣдователей исторіи западно-русской церкви.

Дѣйствительно, Виленскому св. Духовскому братству посвящено сравнительно большее число изслѣдованій, чѣмъ другому какому-либо изъ русскихъ православныхъ церковныхъ братствъ. Таковы: 1) Виленское св. Троицкое, впослѣдствіи св. Духовское, братство, СПБ. 1876 г.; 2) Виленское св. Троицкое, впослѣдствіи св. Духовское, братство. М. П—ча, Вильно 1890 г.; 3) Учрежденіе Виленскаго св. Троицкаго православнаго братства, И. Зилитинкевича Вильно, 1883 г. Кромѣ того, были журнальныя статьи по исторіи Виленскаго братства.

Сводъ, отчасти дополненіе, а иногда и исправленіе ошибокъ предшествовавшихъ изслѣдователей составляютъ содержаніе сочиненія, нами разсматриваемаго.

Исторію Виленскаго св. Духовскаго братства авторъ раздѣляетъ на два періода: 1) со времени основанія братства до вступленія на престолъ короля Владислава IV (1593-1632 г.) и 2) отъ Владислава IV до присоединенія Вильны къ Россіи, по второму раздѣлу Польши (1633-1794). Съ первымъ періодомъ совпадаетъ время цвѣтущаго состоянія братства, по мнѣнію автора, а со вторымъ—время его постепеннаго упадка.

Сообразно такому дѣленію исторіи братства на періоды въ первой части, въ двухъ главахъ ея, излагается внѣшняя судьба и внутреннее состояніе братства за время 1597—1633, а во второй части—исторія внѣшней и внутренней жизни братства за время 1633—1794 г.

Кромѣ того, въ краткомъ введеніи излагается исторія св.—Троицкаго Виленскаго братства (которое замѣнило собою св. Духовское) отъ возникновенія его до построенія имъ церкви Св. Духа, за время 1584—1597 г.

Авторъ тщательно изучилъ литературу предмета и потому сочиненіе его имѣетъ значеніе, какъ сводъ всѣхъ свѣдѣній, извѣстныхъ доселѣ и разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ о Виленскомъ св. Духовскомъ братствѣ.

Сочиненію не чужды недостатки. Прежде всего, нельзя признать имѣющимъ достаточное основаніе дѣленіе исторіи братства на періоды. Если подъ періодами должно разумѣть такіе отдѣлы времени, которые отличаются отъ другихъ отдѣловъ времени характеромъ внутренней жизни учрежденія (въ данномъ случаѣ св. Духовского Виленского братства), то дѣленіе исторіи Виленскаго св. Духовского братства на періоды: 1) 1597—1632 и 2) 1632—1794 г. не можетъ имѣть мѣста, потому что въ исторіи братства въ 1632 г. не произошло положительно ничего такого, что бы внесло новыя черты во внутреннюю жизнь братства. Самъ авторъ первый и второй періоды различаетъ такъ, что первый признаетъ

періодомъ цвѣтущаго состоянія братства, а второй—періодомъ упадка его; при чемъ процвѣтаніе и упадокъ разсматриваются преимущественно съ точки зрѣнія энергіи, съ какою братство вело борьбу съ латино-уніатствомъ. Но признавать все время 1632—1794 г. съ этой послѣдней точки зрѣнія періодомъ упадка можно только при неимѣніи, или скудости матеріала для знакомства съ исторіею братства. Даже изъ сочиненія самого автора (стр. 127—136) видно, что въ первое время послѣ 1632 г., особенно при королѣ Владиславѣ IV, братство Виленское вело борьбу съ врагами православія также энергично, какъ и прежде. Съ другой стороны, и вообще время 1632—1646, падающее на годы управленія западно-русскою церковью м. Петра Могилы, характеризуется подъемомъ православія въ Западной Россіи и быть не можетъ, чтобы въ это время стало падать одно Виленское братство, тогда какъ все другое въ православной церкви начало подниматься и оживать, хотя и не надолго. И совершенно справедливо авторъ другого сочиненія, которое ниже разсматривается нами, подъ заглавіемъ: „Братства. Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ, 1900 г.“, г. Папковъ пишетъ слѣдующее: „царствованіе Владислава (съ 1632 г.) должно быть признано эпохой полнаго разцвѣта братскихъ учрежденій, когда они распространялись повсюду, сдѣлались неотъемлемыми органами церковно-приходской жизни православныхъ, и въ этомъ качествѣ были признаны высшею духовною и свѣтскою властію“ (стр. 165). Что сказано г. Папковымъ о всѣхъ вообще западно-русскихъ братствахъ, то со всею справедливостію должно быть сказано и о Виленскомъ св. Духовскомъ, которое въ это время было передовымъ братствомъ.

Но тогда какъ въ 1632 г. не произошло ничего существенно важнаго въ исторіи Виленскаго братства, въ 1686—1687 г., дѣйствительно, совершились событія, которыя сопровождались важными перемѣнами въ жизни и Виленскаго св. Духовскаго братства. Съ этого времени Виленское братство 1) стало подъ власть Кіевскаго митрополита, тогда какъ прежде

оно находилось, по крайней мѣрѣ, оффиціально и каноническ и подъ властію вселенскаго патріарха; 2) на жизнь и состояніе братствъ стало существенно вліять участіе русскаго правительства и 3) въ св. Духовскомъ монастырѣ, жизнь котораго неразрывно была связана съ жизнью братствъ, архимандрія стала постепенно замѣняться обыкновеннымъ старшинствомъ со старшимъ іеромонахомъ (а не архимандритомъ) во главѣ. Поэтому, намъ кажется, что исторію Виленскаго братства было бы естественнѣе дѣлить на такіе періоды: 1) 1597—1687 и 2) 1687—1794 г.

При пользованіи сочиненіемъ должно имѣть въ виду слѣдующія серьезныя ошибки, допускаемыя авторомъ.

На стр. 109 авторъ говоритъ, что бѣлорусскій епископъ, прежде бывшій виленскимъ архимандритомъ, Іосифъ Бобриковичъ скончался въ 1635 г. Проф. Голубевъ въ своемъ краткомъ, но весьма цѣнномъ изслѣдованіи подъ заглавіемъ: „Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви“ (Кіевъ, 1893 г.) въ § 1 основательно и обстоятельно показалъ и доказалъ, что Іосифъ Бобриковичъ умеръ въ апрѣлѣ 1634 г.

На стр. 144 авторъ приводитъ въ свободной передачѣ IX-ю статью т. н. вѣчнаго мира между Россіею и Польшею 1686 г. и въ скобкахъ, отъ себя, поясняетъ, что въ сей статьѣ пересчитано пять „епископій“. Это невѣрно. Въ ст. 9-й договора русско-польскаго 1686 года перечисляются 4 православныя епархіи, находившіяся въ предѣлахъ Польско—литовскаго государства, именно: Галицко-львовская, Перемышльская, Луцкая и Бѣлорусская, а пяти епархій тогда и не могло быть (ср. соч. стр. 80).

На стр. 177 авторъ говоритъ, что между настоятелями св. Духовскаго Виленскаго монастыря за время 1633—1794 г. не было „выдающихся личностей“. Это—недоразумѣніе, объясняемое единственно тѣмъ, что у автора не было достаточныхъ матеріаловъ (на что авторъ справедливо жалуется на стр. 123—124) для знакомства съ жизнью монастыря и братства за время 1633—1794 г. На самомъ дѣлѣ такіе Виленскіе „стар-

шіе", какъ Амвросій Юшкевичъ, Іеронимъ Волчанскій и другіе, были именно замѣчательными, выдающимися руководителями монастыря и братства въ борьбѣ съ латино-уніатами за православную вѣру и русскую народность.

IV.

Къ исторіи духовнаго просвѣщенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Церковныя или свѣтскія книги были въ библіотекѣ Московскихъ государей XVI в.? Изданіе 2-е. М. 1899 г. Сергѣя Бѣлокурова. 8° XII+386+LXXIII.

Авторъ настоящаго сочиненія извѣстенъ въ русской церковно-исторической литературѣ капитальнымъ и весьма важнымъ изслѣдованіемъ объ Арсеніи Суховѣ, равно какъ и для гражданской русской исторіи имъ сдѣлано немало въ видѣ изданія многихъ весьма цѣнныхъ матеріаловъ.

Разсматриваемое нами сочиненіе посвящено спеціальному рѣшенію вопроса о томъ, какого содержанія книги находились въ библіотекѣ Московскихъ государей XVI в.—церковнаго или же свѣтскаго?

Ближайшимъ поводомъ къ написанію книги послужили мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, что библіотека Московскихъ государей представляла исключеніе изъ ряда нашихъ русскихъ книгохранилищъ и содержала въ себѣ весьма богатое собраніе книгъ свѣтскаго содержанія и, главнымъ образомъ, сочиненій классическихъ писателей, и основанные на этихъ мнѣніяхъ розыски царской библіотеки въ Московскомъ Кремлѣ, предпринятые въ недавнее время приватъ-доцентомъ Страсбургскаго университета Тремеромъ. Поставленный вопросъ авторъ рѣшаетъ такимъ образомъ и въ слѣдующей постепенности.

Такъ какъ нѣкоторые ученые (Снегиревъ, Шевыревъ и др.) полагали, что остатки царской библіотеки сохранились среди сокровищъ различныхъ библіотекъ и книгохранилищъ Московскихъ, то авторъ въ первой главѣ своего изслѣдованія (стр. 1—192) разсматриваетъ исторію образованія Москов-

скихъ собраній иностранныхъ рукописей, именно: Синодальной (бывшей патріаршей) библіотеки, библіотеки Синодальной Типографіи (бывшаго Московскаго печатнаго двора) и библіотеки Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (бывшей Посольскаго приказа), и показываетъ, что здѣсь нѣтъ никакихъ слѣдовъ бывшей царской библіотеки XVI в., тѣмъ болѣе, что всѣ вышеозначенныя книжныя собранія образовались въ XVII—XIX вв.

Въ концѣ главы авторъ, желая быть какъ можно болѣе точнымъ, сообщаетъ краткія свѣдѣнія объ иноязычныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ, Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, библіотекѣ Московской Духовной Академіи, Московскаго университета, Чудова монастыря, Московскаго Успенскаго собора и Троице-Сергіевской лавры, а также о результатахъ раскопокъ г. Тремера лѣтомъ 1891 г. въ Московскомъ Кремлѣ.

Такъ какъ однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ въ пользу существованія царской библіотеки въ XVI в. служитъ ссылка на слова извѣстнаго Максима Грека, который, будтобы, введенный, по пріѣздѣ своемъ въ Москву, въ великокняжескую книгохранительницу и увидѣвъ въ ней безчисленное множество греческихъ книгъ, „въ удивленіи бысть о толикомъ множествѣ безчисленнаго трудолюбнаго собранія и съ клятвою рече предъ благочестивымъ государемъ, яко ни въ Грецѣхъ толикое множество книгъ сподобился видѣти“ . . . . (стр. 204),—то авторъ во второй главѣ (стр. 193—245) разсматриваетъ многочисленныя рукописи (до 243), содержащія слова, переводы и другія произведенія Максима Грека, и показываетъ историческую недостовѣрность т. н. свидѣтельства Максима Грека о царской библіотекѣ XVI в.

Главы 3-я (стр. 246—280) и 4-я (стр. 281—308) посвящены разбору другихъ свидѣтельствъ о существованіи у насъ царской библіотеки, а именно: ливонской хроники Нiенштадта и списка проф. Дабелова, Паисія Лигарида, Строева и Степенной книги, при чемъ авторъ показываетъ, что эти свидѣтельства въ сущности, ничего не говорятъ о рукописяхъ царской библіотеки XVI в.

Наконецъ, въ 5-й главѣ (стр. 309—336) сообщаются наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о библіотекахъ Московскихъ государей вообще и, въ частности, о библіотекѣ государей XVI в., составѣ и возможной судьбѣ ея, на основаніи сохранившихся до нашего времени несомнѣнныхъ извѣстій и документовъ.

Вторая половина книги занята весьма цѣнными приложеніями, каковы: 1) сказаніе о Максимѣ Грекѣ и житіе его; 2) описаніе греческихъ и латинскихъ рукописей Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; 3) перечень рукописей различныхъ библіотекъ, содержащихъ слова или переводы Максима Грека; 4) реестры книгъ и рукописей библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 1784 г. и 5) каталоги Иноязычныхъ книгъ и рукописей Московской Синодальной библіотеки 1773 г.

Въ особыхъ дополненіяхъ къ книгѣ напечатаны письма Петра Аркудія и Льва Сапѣги 1601 г. о царской библіотекѣ въ Москвѣ.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что новое изслѣдованіе автора представляетъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу нашей науки.

V.

Архіепископъ елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи по рукописи Трапезунтскаго Сумелійскаго монастыря (съ фототипическими портретомъ (иконою) архіепископа и его факсимиле на русскомъ языкѣ), А. Дмитріевскаго. Кіевъ. 1899. стр. 234+2.

Историческая наука обязана появленіемъ въ свѣтъ настоящаго изслѣдованія счастливой находкѣ проф. Дмитріевскаго во время путешествія его по Востоку. Въ Трапезунтскомъ Сумелійскомъ монастырѣ имъ открыта рукопись, которая содержитъ въ себѣ историческіе мемуары, заключающіе интересныя свѣдѣнія о Россіи и притомъ за самый любопытный моментъ въ исторической жизни нашего отечества, когда оно переживало тяжелое время Московской смуты. Историче-

скіе мемуары, открытые въ Сумелійскомъ монастырѣ, обнимаютъ время отъ вступленія на царство Ѳеодора Іоанновича до восшествія на русскій престолъ Михаила Ѳеодоровича. Этимъ мемуарамъ авторъ разсматриваемаго сочиненія, имѣвшій возможность основательно и тщательно изучить ихъ, придаетъ „важное историческое значеніе", признавая особенно любопытными тѣ ихъ страницы, гдѣ составитель мемуаровъ писалъ въ качествѣ непосредственнаго очевидца и дѣятеля, принимавшаго участіе въ историческихъ событіяхъ Россіи изъ временъ царствованія Ѳеодора Іоанновича, Бориса Годунова, перваго самозванца, Василія Шуйскаго и эпохи „смутнаго времени" въ собственномъ смыслѣ этого слова, наступившей въ междуцарствіе.

Сумелійская рукопись, содержащая открытые историческіе мемуары, имѣетъ форматъ въ 16 долю листа и писана на 109 листахъ полубѣлой бумаги размашистымъ и довольно небрежнымъ почеркомъ конца первой половины XVII в.

Тщательный анализъ рукописи, произведенный весьма добросовѣстно и научно авторомъ, привелъ его къ полному убѣжденію въ томъ, что „открытые имъ мемуары написаны извѣстнымъ въ исторіи и наукѣ Арсеніемъ, архіепископомъ Елассонскимъ и Димоникскимъ, жившимъ долгое время въ Москвѣ при Архангельскомъ соборѣ и скончавшимся въ санѣ архіепископа Суздальскаго и Торусскаго въ 1625 году". Временемъ ихъ окончанія былъ 1619 годъ.

Но, съ другой стороны, тотъ жъ анализъ показалъ, что открытые мемуары въ томъ видѣ, въ какомъ они являются передъ нами теперь въ Сумелійской рукописи, не могли выйти изъ рукъ ихъ составителя, т. е. архіепископа Арсенія Елассонскаго. Подлинные мемуары Арсенія, въ неоконченномъ и не вполнѣ обработанномъ ихъ видѣ, подверглись нѣкоторой (неважной, впрочемъ) редакторской переработкѣ отъ двухъ Іерусалимскихъ клириковъ—архим. Христофора и архидіакона Неофита, позьзовавшихся, повидимому, содѣйствіемъ келейника и послушника архіепископа Арсенія — монаха Кирилла.

Что касается собственно Сумелійской рукописи, содержащей въ себѣ мемуары архіепископа и (въ концѣ) его жизнеописаніе, то писцомъ ея, по мнѣнію автора, былъ Іерусалимскій архидіаконъ Неофитъ, пріѣзжавшій въ Москву, по порученію Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, въ 1634 году.

На основаніи вновь открытыхъ, тщательно изученныхъ, въ большей своей части переведенныхъ на русскій языкъ, мемуаровъ, а также приложеннаго къ нимъ жизнеописанія архіепископа Арсенія, и широко изученной литературы о той эпохѣ, какой касается новый памятникъ, авторъ въ трехъ главахъ своего сочиненія даетъ: 1) очеркъ жизни и дѣятельности Арсенія, архіепископа Елассонскаго, Архангельскаго Тверскаго и Суздальскаго (стр. 4—71); 2) анализъ вновь открытыхъ историческихъ мемуаровъ (стр. 72—178) и 3) критико-библіографическія свѣдѣнія о Сумелійской рукописи, содержащей въ себѣ мемуары и жизнеописаніе Арсенія, архіепископа Суздальскаго, прежде бывшаго Елассонскаго. Въ качествѣ приложенія, помѣщенъ переводъ съ греческаго подъ заглавіемъ: „Мѣсяца апрѣля въ 13 (день) успеніе блаженнѣйшаго отца нашего Арсенія, архіепископа Суздальскаго, прежде бывшаго Елассонскаго изъ второй Ѳессалійской епархіи“ (стр. 200—211).

VI.

Богоявленскій братскій монастырь въ г. Могилевѣ 1899. г. Стр. 52. Ѳ. Жудро.

Ѳ. Жудро извѣстенъ въ церковно-исторической литературѣ трудами по изученію мѣстной церковной исторіи Могилевской, древней Бѣлорусской епархіи. Таковы его сочиненія: 1) Исторія Могилевскаго Богоявленскаго братства 1890 г. 2) Іоиль Труцевичъ, первый игуменъ Кутеинскаго монастыря 1891 г. 3) Спасскій монастырь въ Могилевѣ. 1892 г. 4) Чудотворная икона Божіей Матери въ Могилевскомъ Братскомъ монастырѣ 1892 г.; 5) „Свѣча“ (Бѣлорусскій церковно-бытовой праздникъ) 1893 г.; 6) Основаніе и первые годы

Могилевской духовной семинаріи (1757-1780 г.) 1893 г.; 7) Могилевская Спасо-Преображенская церковь 1894 г. 8) Бѣлыничскій Рождество-Богородицкій монастырь 1894 г.

Всѣ эти труды, небольшіе по объему, очень цѣнны въ качественномъ отношеніи. Особенная цѣнность ихъ состоитъ въ томъ, что всѣ они, по преимуществу, основаны на первоисточникахъ, на архивныхъ матеріалахъ, въ изданіи которыхъ г. Жудро также немало и съ пользою потрудился. Будущій историкъ Бѣлорусской, нынѣ Могилевской, епархіи, несомнѣнно, скажетъ г. Жудро большое спасибо.

Къ категоріи вышепоименованныхъ трудовъ, небольшихъ количествомъ, но цѣнныхъ качественно, относится и послѣднее произведеніе автора, разсматриваемое нами. Въ немъ кратко обозрѣвается внѣшняя судьба и внутренняя жизнь Могилевобратскаго монастыря со времени его устроенія (первой половины XVII в.) и до послѣднихъ дней существованія, и затѣмъ сообщаются краткія свѣдѣнія о просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, существовавшихъ при монастырѣ, именно: о братской школѣ, типографіи и богадѣльнѣ (госпиталѣ), а также о замѣчательныхъ святыняхъ и священныхъ предметахъ, хранящихся въ монастырѣ. Сочиненіе заканчивается краткимъ перечнемъ настоятелей монастыря.

Самую интересную и важную часть содержанія книжки составляетъ исторія монастыря, въ связи съ которою, должно замѣтить, сообщаются свѣдѣнія о Могилевскомъ братствѣ, которое устроило монастырь и затѣмъ само дѣйствовало подъ сѣнію монастыря, а также и о женскомъ Могилевобратскомъ монастырѣ, который находился вмѣстѣ (черезъ улицу) съ мужскимъ и былъ соединенъ съ нимъ общимъ управленіемъ и единствомъ храма. Историческія свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, берутся имъ преимущественно изъ первоисточниковъ, печатныхъ и больше всего рукописныхъ.

Свѣдѣнія эти могли бы быть восполнены въ двухъ мѣстахъ. Авторъ введеніе Георгіемъ Конискимъ Могилево-братскаго монастыря въ „систему епархіальнаго управленія,“ какъ

выражается онъ, относитъ къ 70-мъ годамъ XVIII в., послѣ того какъ Бѣлорусскій край и епархія перешли подъ власть Россіи (въ 1772 г.), но не рѣшаетъ вопроса о томъ, на какомъ основаніи Георгій Конискій могъ сдѣлать это и вообще когда Могилево-братскій монастырь сталъ подъ управленіе Могилевскаго епископа. Въ старомъ архивѣ Кіевской Консисторіи есть цѣлое дѣло о передачѣ Могилево-братскаго и другихъ Бѣлорусскихъ монастырей изъ вѣдѣнія Кіевскаго митрополита подъ „наблюденіе“ Бѣлорусскаго епископа, что совершилось еще въ 50-хъ годахъ XVIII в.

Прекрасную и любопытную черту собственно изъ внутренней жизни Могилево-братскаго монастыря въ концѣ XVII в. авторъ могъ бы заимствовать изъ записокъ извѣстнаго стольника П. А. Толстаго, который былъ посланъ императоромъ Петромъ Великимъ въ Италію для изученія морского дѣла и въ концѣ марта и началѣ апрѣля 1697 г. посѣтилъ Могилевъ и присутствовалъ при богослуженіи въ Могилево-братскомъ монастырѣ на страстной и пасхальной седмицахъ (см. Русскій Архивъ 1888 г., кн. 1, стр. 175—179). Толстой сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія о богослужебныхъ порядкахъ, какіе были заведены въ монастырѣ, и можно пожалѣть, что эти свѣдѣнія ускользнули отъ вниманія автора.

Свящ. *Ѳ. Титовъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.

(ОКОНЧАНІЕ).

VII

Къ исторіи Кіевской Трехсвятительской церкви за вторую половину XVII столѣтія. С. Голубева Кіевъ 1899 г. 8-о.-38.

Эта небольшая, но весьма цѣнная по содержанію, историческая справка имѣетъ цѣлію восполнить свѣдѣнія о Трехсвятительской Кіевской церкви, сообщенныя авторомъ во II-мъ томѣ изслѣдованія о м. Петрѣ Могилѣ. Новыя свѣдѣнія заимствованы, главнымъ образомъ, изъ Московскаго архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Кромѣ Трехсвятительской церкви, въ брошюрѣ сообщаются интересныя свѣдѣнія о двухъ другихъ Кіевскихъ древнихъ церквахъ—Воздвиженской и Андреевской, при чемъ авторъ, на основаніи одного найденнаго имъ документа приходитъ къ заключенію, что „Воздвиженская церковь въ началѣ 90-хъ годовъ XVII столѣтія имѣла два престола (придѣла): одинъ въ честь Воздвиженія Честнаго Креста, другой—въ честь св. апостола Андрея Первозваннаго“ (стр. 28).

Къ сожалѣнію, высказывая такое мнѣніе*) и основывая его

*) Уже по написаніи нами сихъ строкъ, мы прочитали, что проф. С. Т. Голубевъ въ одномъ изъ примѣчаній (167-мъ) къ своему новому изслѣдованію о „Гедеонѣ Одорскомъ“ существенно измѣнилъ это свое мнѣніе въ томъ смыслѣ, что Андреевская церковь не была придѣломъ Воздвиженской церкви, а устроена въ разобранной деревянной Богоявленской церкви Кіево-братскаго монастыря на мѣстѣ Воздвиженской церкви и называлась одновременно не только Андреевскою, но и Воздвиженскою... При семъ позволяемъ себѣ напомнить нашему почтенному оппо-

на положительныхъ данныхъ, авторъ не устраняетъ съ пути историческихъ свидѣтельствъ—прямыхъ и ясныхъ—о томъ, что въ Кіевѣ въ 90-хъ годахъ XVII в. существовала Андреевская церковь, которая, повидимому, никакъ не можетъ быть разсматриваема въ качествѣ придѣла другой, напримѣръ, Воздвиженской церкви. Разумѣемъ слѣдующія свидѣтельства: 1) въ 1691 г. Кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій писалъ патріарху Московскому Адріану слѣдующее: „въ день 30 ноемврія, на память святого первозваннаго апостола Андрея, водрузившаго крестъ на горахъ Кіевскихъ, по литургисаніи моемъ недостойномъ во святомъ храмѣ его, обновленномъ нынѣ на томъ мѣстѣ, сотворихъ обхожденіе съ молитвою и кропленіемъ воды святыя по всѣхъ вратахъ тогожде града“ (Арх. Ю-З. Р., т. V, стр. 304).

2) Въ 1735 году, когда возникло въ Кіевской консисторіи дѣло о прежде бывшей въ Кіевѣ Андреевской церкви, въ присутствіи консисторіи допрашивались два старожила. Первый изъ нихъ, „протопресвитеръ вышнего града Кіева“ Стефанъ Фирликовскій, 28 іюня 1735 года показалъ, что, „обзѣтша церковь во имя святого апостола Андрея Первозваннаго деревянная стояла на Кіевскомъ болваркѣ, отъ великихъ вѣтровъ развалилась, и для того церковные намесные четыре образа вынесены и поставлены въ Десятинную церковь бывшимъ въ Кіеве полковникомъ Яковомъ Ушаковымъ, а другихъ образовъ, и церковныхъ апаратовъ и сосудовъ и книгъ въ тоі

ненту, что онъ въ томъ же самомъ примѣчаніи неточно формулировалъ тезисъ нашего реферата, написавъ: „почтенный референтъ заявилъ, что онъ нашелъ *„яркое доказателство“* (курсивъ проф. Голубева), что Воздвиженская церковь не носила наименованія Андреевской, что это были *два различныя церкви* (курсивъ его же; см. Тр. Кіев. дух. акад. 1900. XII. 616). Тезисъ нашего реферата, читаннаго 5 августа 1899 г., во время бывшаго въ Кіевѣ XI арх. съѣзда, совершенно правильно формулированъ секретаремъ секціи такъ: „референтъ доказалъ, что на мѣстѣ нынѣшней Андреевской церкви и раньше была церковь во имя св. Андрея Первозваннаго,—самостоятельная, а не придѣлъ Воздвиженской церкви, какъ полагаетъ проф. С. Т. Голубевъ“. (См. Извѣстія XI арх. съѣзда въ Кіевѣ, № 6, стр. 67). При этомъ тезисѣ мы остаемся и нынѣ, а отъ неправильно формулированнаго и потому совершенно напрасно критикуемаго проф. С. Т. Голубевымъ, какъ никогда намъ непринадлежавшаго, безусловно отказываемся.

церкви ничего не было, и служеніе во оной только однажди въ годъ на праздникъ Андрея бывало, и для того присылывались служащіе изъ Брацкого монастыря іеромонахи со апаратами и сосудами церковными, книгами і ис прочымъ, что къ тому служенію принадлежитъ" и. т. д. Допрошенный въ другой разъ, тотъ же протопопъ Стефанъ Фирликовскій, кромѣ вышеписаннаго, показалъ еще, что въ церкви во имя святого апостола Андрея Первозваннаго „приходскаго попа и дячковъ и понамарей не было".

Другой свидѣтель-старожилъ, игуменъ Ѳеодосій, 27-го октября 1735 года по тому же самому дѣлу показалъ слѣдующее: „отъ сорока лѣтъ памятаю, что була церковь деревянная невеликая, на шпѣлю, надъ Кіевомъ стоящая, и я бувало въ день памяти святого Апостола Первозваннаго Андрея, его же и храмъ тамъ булъ, съ прочими студентами—и я студентомъ въ то время бувъ—по приказу префектовому хожу на всенощное пѣніе, утреню и литургію, изъ учителями зъ братскаго Кіевскаго коллегіумъ" и. т. д. (Арх. К. Д. К., 1735 г. д. 72). Все это мало мирится съ предположеніемъ, что Андреевская церковь въ началѣ 90-хъ годовъ XVII столѣтія составляла придѣлъ Кіевской Воздвиженской церкви

Послѣднія страницы брошюры посвящены описанію части плана г. Кіева 1688 года, фототипія каковаго плана составляетъ весьма цѣнное приложеніе къ брошюрѣ.

VIII

Историческій очеркъ состоянія православной церкви въ Литовской епархіи за время съ 1839—1889 г. Москва. 1899 г. 8-о. II+522. Пресвитера Н. Д. Извѣкова

Автору настоящей монографіи принадлежитъ нѣсколько трудовъ по изученію исторіи Литовской епархіи. Таковы: 1) Статистическое описаніе православныхъ приходовъ Литовской епархіи, 1893 г. 2) Исторія Литовской духовной семинаріи, 1892 г. 3) Іосифъ Сѣмашко, митрополитъ Литовскій и Виленскій, 1889 г. 4) Макарій, митрополитъ Московскій, въ его дѣятельности по управленію Литовской епархіей, и др.

При написаніи всѣхъ поименованныхъ и нѣкоторыхъ другихъ трудовъ своихъ, авторъ, повидимому, только подготовлялся, собиралъ и изучалъ обширный матеріалъ для написанія цѣльнаго научнаго очерка исторіи Литовской епархіи со времени возсоединенія уніатовъ въ 1839 г. И самъ авторъ смотритъ на настоящій свой трудъ, какъ на завершеніе всѣхъ появившихся въ печати его трудовъ (стр. 2).

Нельзя сказать, чтобы въ русской церковно-исторической литературѣ оставался совершенно незатронутымъ и неразработаннымъ тотъ предметъ, который авторъ избралъ для своего спеціальнаго изученія. Мы имѣемъ въ виду, прежде всего, „Записки Іосифа, митрополита Литовскаго, изданныя Академіей Наукъ“, которыя даютъ богатый матеріалъ и обильное освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ избраннаго авторомъ предмета. Есть у насъ и серьезное, обстоятельное изслѣдованіе объ одномъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей и объ одномъ изъ важнѣйшихъ событій того періода въ исторіи Литовской епархіи, который изслѣдуетъ авторъ. Разумѣемъ солидный трудъ Кипріановича подъ заглавіемъ: „Жизнь Іосифа Сѣмашка, митрополита Литовскаго и Виленскаго, и возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію въ 1839 г.“, трудъ, представляющій собою опытъ научной обработки вышеупомянутыхъ „записокъ Іосифа Сѣмашка“ и отчасти другихъ первоисточниковъ по исторіи возсоединенія уніатовъ 1839 г. Наконецъ, г. Кипріановичъ далъ сводъ всѣхъ историческихъ свѣдѣній о церковной жизни Литовскаго края, между прочимъ, и за тотъ періодъ времени, который избралъ предметомъ для своего спеціальнаго изслѣдованія и нашъ авторъ, въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Историческій очеркъ православія, католичества и уніи въ Бѣлоруссіи и Литвѣ съ древнѣйшаго до настоящаго времени“ (Вильна, 1895 г.) Но авторъ не пожелалъ ограничиться однимъ только печатнымъ матеріаломъ, что ему дѣлаетъ большую честь. Онъ собралъ и ввелъ въ свой трудъ обширныя данныя, извлеченныя имъ изъ архивовъ Св. Синода, Литовскихъ епархіальныхъ архіереевъ и Литовской духовной консисторіи.

Такимъ образомъ, со стороны матеріала авторъ былъ вполнѣ обезпеченъ. Матеріала оказалось хотя и достаточно, но авторъ употребилъ много труда для его собиранія, видимо, одушевленный желаніемъ не пропустить чего-либо сколько нибудь важнаго. И съ этой стороны сочиненіе автора должно быть, по справедливости, признано очень богатымъ.

Пользуясь обильнымъ матеріаломъ, авторъ могъ исполнить поставленную имъ себѣ задачу по весьма широкой программѣ. Въ девяти главахъ своего сочиненія авторъ всесторонне разсматриваетъ состояніе православной церкви въ Литовской епархіи съ 1839 по 1889 г., а именно, со стороны 1) епархіальнаго управленія, 2) состоянія духовенства (при чемъ особо разсматривается состояніе бѣлаго и монашествующаго духовенства, а въ рѣчи о бѣломъ духовенствѣ особый отдѣлъ посвященъ спеціальному изображенію матеріальнго быта его); 3) религіозно-нравственнаго состоянія населенія Литовской епархіи, при чемъ съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливается на возсоединеніи уніатовъ съ православною церковью и присоединеніи иновѣрцевъ къ ней, а также на внѣшнихъ мѣрахъ, которыя принимались правительствомъ въ Литовской епархіи для борьбы съ враждебнымъ вліяніемъ католицизма и полонизма на православное населеніе Литовской епархіи; 4) церковно-строительнаго дѣла; 5) богослуженія и церковно-богослужебныхъ порядковъ и 6) состоянія проповѣдническаго дѣла въ Литовской епархіи, при чемъ здѣсь говорится также о внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, благочинническихъ и церковныхъ библіотекахъ, церковно-приходскихъ и народныхъ школахъ, обществахъ трезвости, братствахъ и богадѣльняхъ.

Въ приложеніи къ сочиненію находится статистическая таблица, заключающая въ себѣ разныя свѣдѣнія о Литовской епархіи за время 1842—1889 г. въ цифровыхъ показаніяхъ. Кромѣ того, сочиненіе снабжено указателемъ личныхъ именъ.

Но если со стороны широты кругозора и полноты изученія избраннаго предмета (авторъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи иногда даже береть черезъ край, когда, въ качествѣ по-

собій, привлекаетъ мелкія и мелочныя статьи періодическихъ изданій, а изъ рукописныхъ—мелочныя канцелярскія дѣла, которымъ мѣсто въ портфелѣ автора, а не въ ученомъ изслѣдованіи) сочиненіе автора должно быть признано весьма цѣннымъ собраніемъ сырого матеріала, могущимъ оказать большую услугу будущему историку Литовской епархіи, то, къ сожалѣнію, со стороны научной обработки собраннаго авторомъ обильнаго матеріала оно, по нашему мнѣнію, оставляетъ желать весьма многаго. Какъ ни обильны свѣдѣнія автора и какъ ни широкъ кругозоръ его, но тѣмъ не менѣе въ его сочиненіи не рѣшаются и даже совсѣмъ не затрогиваются вопросы, существенно важные для историка Литовской епархіи, каковы, напримѣръ, Литовская семинарія, которая была однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій и вмѣстѣ факторовъ исторической жизни Литовской епархіи, мѣстные святые, мѣстные церковно-историческіе православные памятники и мн. др.

Сочиненію недостаетъ научной критики и тщательной провѣрки данныхъ, на коихъ авторъ основываетъ иногда слишкомъ рѣшительные и категорическіе выводы, заключенія, или характеристики историческихъ дѣятелей.

Ненаучность пріемовъ автора выражается также и въ томъ, что онъ не опредѣляетъ точно времени или группы лицъ или той стороны учрежденія, къ которымъ собственно и относится всецѣло его характеристика. Отсюда происходитъ, что заключеніе, имѣющее силу и значеніе только для одного десятилѣтія, напримѣръ, 1850-хъ или 1860-хъ годовъ, онъ распространяетъ на весь описываемый періодъ времени; или характеристика, справедливая въ отношеніи къ отдѣльнымъ членамъ консисторіи или благочинническаго института, распространяется на дѣятельность консисторіи вообще или всѣхъ вообще благочинныхъ Литовской епархіи.

Автору сочиненія недостаетъ полнаго безпристрастія въ оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей, и наоборотъ, онъ слишкомъ широко, произвольно и ненаучно пользуется иногда правомъ историка на нѣкоторый субъективизмъ.

Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько образчиковъ характеристики, отзывовъ и заключеній, встрѣчающихся въ книгѣ.

О литовскомъ митрополитѣ Іосифѣ Сѣмашкѣ, высоковажная, широкая и плодотворная дѣятельность котораго какъ по участію въ возсоединеніи уніатовъ 1839 г., такъ и по устроенію Литовской епархіи, слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы на ней слѣдовало останавливаться или доказывать и защищать ее, авторъ находитъ возможнымъ въ качествѣ характеристики, сказать лишь слѣдующее: „какъ извѣстно, преосвящ. Іосифъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ помощниковъ императора Николая Павловича въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ. Послѣ сего возсоединенія, преосвящ. Іосифъ, какъ самъ возсоединенный архіерей, обязанный отвѣтственностію предъ возсоединенными и за возсоединенныхъ, старался, по мѣрѣ возможности, поставить дѣло православія и русской народности въ Сѣверо-Западномъ краѣ на твердую почву и оберегать его отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Тѣмъ не менѣе митрополитъ Іосифъ, между прочимъ, вслѣдствіе ослабленія своего здоровья, съ 1856 г. постепенно увеличивавшагося, оставилъ своему преемнику епархію въ довольно разстроенномъ положеніи почти по всѣмъ частямъ епархіальнаго управленія“(стр.8).

Такимъ образомъ, здѣсь авторъ оставляетъ за м. Іосифомъ, по крайней мѣрѣ, одну заслугу—участіе въ возсоединеніи уніатовъ 1839 г. Но въ послѣдующихъ своихъ рѣчахъ онъ не только отнимаетъ у него эту заслугу, но даже и обращаетъ ее противъ м. Іосифа, говоря, напр., слѣдующее: „какъ извѣстно, возсоединеніе уніатовъ въ 1839 г. состоялось помимо всякаго участія въ немъ народа. По плану преосвящ. Іосифа Сѣмашка, простой народъ былъ оставленъ совершенно въ сторонѣ въ дѣлѣ такой величайшей важности, какъ перемѣна исповѣданія вѣры, на основаніи того соображенія, что онъ, съ одной стороны, не понималъ историческаго и догматическаго разногласія между православною и р.-католическою церковью, а съ другой—что онъ долженъ былъ послѣдовать за своими пастырями и также сдѣлаться православнымъ, какъ

они. Посему, не признавая нужнымъ и удобнымъ дѣйствовать отдѣльно на возсоединеніе прихожанъ, преосвящ. Іосифъ считалъ бытіе ихъ у исповѣди и св. причастія у возсоединенныхъ священниковъ достаточнымъ доказательствомъ принадлежности прихожанъ къ православной церкви (стр. 260--261). А въ подстрочномъ примѣчаніи къ этимъ своимъ рѣчамъ авторъ поясняетъ, что м. Іосифъ остановился на такомъ способѣ возсоединенія уніатовъ „въ видахъ скорѣйшаго окончанія сего дѣла".

Но какъ же тогда понимать слѣдующія разсужденія м. Іосифа: „между тѣмъ, нынѣ нѣтъ, кажется, никакой нужды *спѣшить* въ этомъ отношеніи; напротивъ, думаю, что это было бы противно данному съ самаго начала направленію уніатскаго дѣла. Связать уніатовъ съ православною церковію посредствомъ подчиненія Святѣйшему Синоду, соединить православное и уніатское юношество въ однихъ и тѣхъ же духовныхъ училищахъ, подчинить уніатовъ, по десяти губерніямъ разбросанныхъ, находящимся тамъ православнымъ епархіальнымъ начальствамъ, искоренить *постепенно и благоразумными мѣрами* остающіеся еще между уніатами чуждые элементы, слить, такимъ образомъ, уніатовъ съ общею массою православныя Церкви и дать, можетъ быть, единственный примѣръ *религіознаго перерожденія полутора милліона народа безъ всякихъ рѣзкихъ мѣръ, безъ всякихъ фанатическихъ движеній и, такъ сказать, безъ его вѣдома* (послѣднее слово, какъ показываетъ и весь контекстъ рѣчи, м. Іосифъ употребляетъ не совсѣмъ точно, въ смыслѣ: *„незамѣтно"* для самаго народа): вотъ система, которую я всегда считалъ истекающею изъ тайной отеческой мысли всемилостивѣйшаго Государя, и, которой постоянно слѣдуя, я думалъ, что исполняю съ точностію Высочайшую его волю" (Записки м. Іосифа, т. II, стр. 22). Или вотъ какъ характеризуетъ самъ м. Іосифъ другую сторону въ своей дѣятельности, давая ей совсѣмъ не то освѣщеніе, какое находимъ мы въ книгѣ автора: „къ уніатскому исповѣданію принадлежитъ почти одинъ простой народъ, а для него наружность—едва ли не важнѣйшее препятствіе обращенія къ православію. Посему

нужно было возстановить по уніатскимъ церквамъ устройство и обряды богослуженія, свойственные Греко-Россійской Церкви. *Мѣру эту нужно было привести въ дѣйство прежде всего*, потому особенно, что она, *при всей своей практической важности, не касалась догматическихъ основаній вѣры и не представляла ни уніатскому духовенству, ни римлянамъ никакого основательнаго повода къ противодѣйствію или къ справедливымъ жалобамъ* (см. тамъ же, т. II, стр. 14).

При чтеніи общихъ, голословныхъ, категорическихъ и безапелляціонныхъ отзывовъ автора о. м. Іосифѣ Сѣмашкѣ невольно какъ-то думаешь, что, вѣроятно, безпристрастный польскій какой-либо историкъ (не похожій на Ликовскаго) сдѣлалъ-бы болѣе сдержанную и близкую къ дѣйствительности характеристику м. Іосифа, и что вообще мы, русскіе, не умѣемъ цѣнить и уважать своихъ дѣятелей исторіи...

Или вотъ нѣсколько отзывовъ автора о Литовской консисторіи, основанныхъ, должно замѣтить, преимущественно, на единичныхъ фактахъ. „Консисторія Литовская очень часто ставила на очередь дѣла маловажныя, касавшіяся только личныхъ интересовъ какъ самихъ членовъ, такъ и ихъ родственниковъ, или же бралась за веденіе такихъ дѣлъ, которыя совершенно не входили въ кругъ ея обязанностей и даже роняли достоинство епархіальнаго управленія“ (стр. 35—36). „Между тѣмъ, когда дѣло касалось интересовъ извѣстной церкви или причта оной, консисторія далеко не всегда спѣшила на защиту оныхъ“ (стр. 36). „Кромѣ промедленія, въ дѣятельности Литовской консисторіи замѣчалась еще небрежность канцеляріи“... (стр. 40). „Достаточно богата лѣтопись Литовской консисторіи фактами, свидѣтельствующими о недостаткѣ безпристрастія оной, и даже допущеніи прямой незаконности въ постановленіяхъ“ (стр. 42).

Субъективно-пессимистическій взглядъ автора господствуетъ въ рѣчахъ его и о другихъ сторонахъ жизни Литовской епархіи за время 1839—1889 г., напр., о духовенствѣ

(стр. 119 и слѣд., 124, 126, 133, 139, 232, и мн. др.), о церквахъ (стр. 380, 387, 391, 395), проповѣдническомъ дѣлѣ (стр. 446 и др.).

Авторъ сочиненія имѣетъ нѣкоторыя тенденціи и старается ихъ всячески провести въ своемъ сочиненіи и доказать фактами. Такъ, онъ не сочувствуетъ отдѣленію Гродненской епархіи отъ Литовской (стр. 17, прим. 1), при чемъ нельзя не замѣтить, что основанія, какія приводитъ авторъ въ защиту своего мнѣнія, слишкомъ легковѣсны въ сравненіи съ тѣми, какія можно привести въ пользу необходимости образованія самостоятельной Гродненской епархіи и какими, безъ сомнѣнія, руководилось правительство при учрежденіи этой послѣдней въ самое недавнее время.

То же самое должно сказать и о всѣхъ усиліяхъ автора доказать ненормальность и даже вредъ, какимъ сопровождалось введеніе выборнаго начала въ средѣ духовенства Литовской епархіи (стр. 61 и др.); выборное начало русской церкви—настолько древнее и глубоко важное учрежденіе, что серьезный историкъ не можетъ и не имѣетъ права ограничиваться однимъ голословнымъ, немотивированнымъ отрицаніемъ и порицаніемъ его...

IX.

Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в. I. Сношенія Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. В. Жикгорка. Москва 1899 г. Стр. XIV+1104.

Вопросъ о сношеніяхъ Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ вообще и, въ частности, временъ Алексѣя Михайловича въ нашей церковно-исторической наукѣ поднимался и рѣшался неоднократно. Вопроса этого касались, прежде всего, ученые, спеціально занимавшіеся изученіемъ исторіи Малороссіи (Бантышъ-Каменскій въ своей „Исторіи Малой Россіи“, Маркевичъ въ своей „Исторіи Малороссіи“ и др.), и затѣмъ всѣ ученые, которымъ, по связи

и однородности предметовъ спеціальнаго изслѣдованія ихъ, необходимо приходилось говорить и объ этомъ вопросѣ (напр., Терновскій въ своемъ „Изслѣдованіи о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патріархату," Костомаровъ въ своихъ монографіяхъ по исторіи Малороссіи, Сумцовъ въ своихъ очеркахъ изъ исторіи южно-русской литературы XVII в., Кулишъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи возсоединенія Руси).

Немало важныхъ свѣдѣній по вопросу о сношеніяхъ Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ заключается въ соотвѣтствующихъ томахъ и отдѣлахъ „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева, которыя тѣмъ болѣе цѣнны, что основаны на первоисточникахъ и введены историкомъ въ общую систему историческихъ разсказовъ, что иногда сообщаетъ имъ особенную рельефность освѣщенія и индивидуальность.

Наконецъ, спеціально вопросомъ о сношеніяхъ Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ именно за время царствованія Алексѣя Михайловича много занимался покойный Г. Ѳ. Карповъ, который, на основаніи огромнаго запаса свѣдѣній и первоисточниковъ издалъ при жизни только три монографіи: о Сильвестрѣ Коссовѣ, Діонисіи Балабанѣ и Меѳодіи Филимоновичѣ подъ общимъ заглавіемъ: „Кіевская митрополія и Московское правительство во время соединенія Малороссіи съ Великою Россіей".

Такимъ образомъ, въ виду сказаннаго, на первый разъ можетъ показаться странною мысль браться за спеціальное изслѣдованіе вопроса, который былъ уже предметомъ тщательнаго изученія со стороны столькихъ ученыхъ.

Но ближайшее знакомство съ трудомъ г. Эйнгорна показываетъ, что новый опытъ изученія столь важнаго предмета, какъ вопросъ о сношеніяхъ Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ во второй половинѣ XVII в., не только не лишній, но и, наоборотъ, весьма умѣстенъ и необходимъ.

Дѣло въ томъ, что хотя г. Эйнгорнъ имѣлъ много предшественниковъ, но эти послѣдніе разрабатывали предметъ час-

тію только на основаніи печатнаго (въ томъ числѣ первоисточнаго) матеріала, частію же и на основаніи рукописнаго, но только не имѣли его во всей желательной полнотѣ въ своемъ распоряженіи (какъ это, напр., должно сказать о Г. Ѳ. Карповѣ).

Авторъ разсматриваемаго сочиненія безусловно превосходитъ всѣхъ своихъ предшественниковъ обширнымъ запасомъ матеріала первоисточниковъ, на основаніи котораго ведется историческій разсказъ. Преимущественно въ Московскихъ архивахъ (Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Министерства Юстиціи, въ отдѣлѣ общаго архива Министерства Императорскаго Двора, Синодальной и Типографской библіотекахъ), частію же въ Государственномъ Архивѣ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ архивахъ (Кіевскихъ и Черниговскихъ) авторъ нашелъ громадный запасъ матеріала, который остался неизвѣстенъ прежнимъ изслѣдователямъ вопроса о сношеніяхъ Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Вслѣдствіе этого трудъ автора не выдѣляется изъ среды подобныхъ ему ни оригинальностью постановки вопроса, ни новизною плана, ни даже субъективностью въ выводахъ, отъ которыхъ авторъ, держащійся преимущественно повѣствовательной системы изложенія, повидимому, сознательно уклоняется, но за то онъ блещетъ массою новыхъ свѣдѣній и доселѣ неизвѣстныхъ сообщеній, иногда касающихся весьма важныхъ событій и лицъ, преимущественно изъ исторіи Западно-русской или Кіевской митрополіи во второй половинѣ XVII в.

Если мы при этомъ вспомнимъ, что исторія Западнорусской или Кіевской митрополіи, вообще мало разработанная и потому представляющая много неяснаго, запутаннаго и спорнаго, наибольшею темнотою покрыта за время второй половины XVII в., когда она переживала трудный періодъ смутъ и неурядицъ, прекратившихся отчасти только со времени подчиненія ея Московскому патріарху, и то не сразу, то мы еще больше поймемъ цѣнность и важное значеніе труда,

основаннаго на первоисточникахъ и дающаго большое количество новыхъ фактовъ для темнаго періода исторіи Западно-русской церкви.

Количество новыхъ фактовъ, сообщеній и свѣдѣній прогрессивно возрастаетъ въ трудѣ г. Эйнгорна по мѣрѣ того, какъ онъ идетъ впередъ въ своемъ историческомъ повѣствованіи; соотвѣтственно тому возрастаетъ и интересъ въ читателѣ къ сочиненію.

Объясняется это тѣмъ, что событія первыхъ годовъ того періода, который онъ изображаетъ, были уже предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, такъ что здѣсь автору приходилось преимущественно восполнять или, въ случаѣ нужды, исправлять свѣдѣнія или взгляды, высказанные прежде. Чѣмъ дальше подвигался авторъ въ своемъ изслѣдованіи, тѣмъ все больше и больше постепенно оставляли его прежніе историки, и потому естественно онъ былъ болѣе свободенъ въ выборѣ матеріала, группировкѣ его, въ оцѣнкѣ историческихъ лицъ и событій и т. п.

Во введеніи къ своему труду (стр. 2—32) авторъ, послѣ краткой рѣчи о раздѣленіи русской церкви на двѣ митрополіи, и о распространеніи уніи въ западно-русской митрополіи говоритъ о сношеніяхъ Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, заканчивая свою вступительную рѣчь характеристикою положенія южно-русскаго духовенства ко времени воцаренія Алексѣя Михайловича. Эта часть сочиненія, а равно и первыя двѣ главы его не даютъ чего-либо существенно новаго для исторіи предмета, чего бы мы не находили въ капитальныхъ изслѣдованіяхъ другихъ историковъ, а нѣкоторыя сужденія автора, какъ, напр., о причинахъ, почему западно-русское духовенство не желало подчиняться Московскому патріарху, должны быть признаны положительно недостаточными и не состоятельными вслѣдствіе именно своей односторонности.

Въ первой главѣ (стр. 33- 46) изображаются сношенія Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правитель-

ствомъ въ годы 1645–1654, при мм. Петрѣ Могилѣ и Сильвестрѣ Коссовѣ до присоединенія Малороссіи къ Московскому государству, во второй главѣ (стр. 47—97)—въ первые три года послѣ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ (1654—1657 г.) и до кончины м. Сильвестра Коссова, въ третьей (стр. 98–240) за время 1657—1663 г., бывшее весьма смутнымъ въ исторіи Кіевской митрополіи и вообще З. Россіи, въ четвертой главѣ (стр. 241—370)—въ теченіе трехлѣтія 1663—1666 г.г., совпавшаго со временемъ вражды и борьбы между гетманомъ Брюховецкимъ и блюстителемъ Кіевской митрополіи епископомъ Меѳодіемъ Филимоновичемъ и стремленія Московскаго правительства поставить Кіевскимъ митрополитомъ москвича по происхожденію и вообще ограничить вольности Малороссійскаго духовенства, въ главѣ пятой (стр. 371–570) за время трехлѣтія 1666–1669 г. до конца дѣятельности блюстителя Кіевской митрополіи Меѳодія Филимоновича, принимавшаго весьма живое и дѣятельное участіе въ сношеніяхъ Московскаго правительства съ Малороссійскимъ духовенствомъ, въ главѣ шестой (стр. 571—793)—говорится о сношеніяхъ Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ годы 1669—1672, въ гетманство Многогрѣшнаго, наконецъ въ седьмой главѣ (стр. 794—1033)—о сношеніяхъ Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ годы 1672—1676 г., при гетманѣ Самойловичѣ.

Сочиненіе снабжено указателями личныхъ именъ и географическихъ названій.

Оно, кромѣ прямого вопроса о сношеніяхъ Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, затрогиваетъ многіе другіе вопросы, напр. о положеніи православныхъ въ Польшѣ, объ отношеніяхъ между Россіей и Польшею по дѣлу православія въ послѣдней, о внутреннемъ состояніи западно-русской церкви и выдающихся духовныхъ дѣятеляхъ ея, о состояніи монастырей и церквей Малороссійскихъ.

Вообще трудъ г. Эйнгорна, благодаря широкой постановкѣ вопроса и обилію новыхъ фактовъ, представляетъ значительный вкладъ въ науку исторіи русской церкви.

— — —

X.

Братства. Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ. А. Папкова. 1900 г. IV+LXIV+291+22+5+XXXIX.

Церковныя братства представляли одну изъ самыхъ замѣчательныхъ и важныхъ особенностей внутренней жизни западно-русской православной церкви во время ея отдѣльнаго существованія и отчасти даже послѣ присоединенія ея къ сѣверо-восточной русской, или Московской, церкви. Коренясь своими основными началами въ особенныхъ условіяхъ церковной жизни и общественнаго устройства православныхъ жителей Западной Россіи, церковныя братства явились въ концѣ XVI в. и затѣмъ существовали въ XVII и XVIII вв., какъ учрежденія, имѣвшія особенныя цѣли, именно защиту православія и русской народности отъ ихъ враговъ. Церковныя братства привлекали въ свою среду все, что было лучшаго, образованнаго, умнаго, благороднаго, крѣпкаго и энергичнаго между православными западно-руссами. Одушевляемыя искреннею любовію и беззавѣтною преданностію къ своей вѣрѣ благочестивой и народности русской, западно-русскія братства сдѣлались однимъ изъ важнѣйшихъ оплотовъ православія въ Западной Россіи въ самое критическое время угнетеннаго состоянія его. Находясь большею частію, почти исключительно, подъ покровомъ монастырскихъ обителей и приходскихъ церквей, братства въ этомъ святомъ союзѣ любви и мира черпали несокрушимую силу, передъ которою долженъ былъ склонить свой мечъ и гордый Голіаѳъ — латино-уніатство.

Не удивительно, если такое глубоковажное, доброе, истинно христіанское учрежденіе, оказавшее великія услуги православію западно-русской церкви въ ея тяжкой борьбѣ

съ католичествомъ и уніею, привлекало и привлекаетъ къ себѣ вниманіе историковъ. Но историки, отзываясь съ великими похвалами о западно-русскихъ братствахъ и ихъ заслугахъ передъ церковію, большею частію тѣмъ и ограничивались, уклоняясь отъ составленія полной цѣльной исторіи нашихъ братствъ. Несомнѣнно, что важнѣйшею причиною этого служила и служитъ скудость матеріаловъ по исторіи братствъ и вообще неразработанность исторіи западно-русской церкви.

До послѣдняго времени мы имѣли только одно серьезное изслѣдованіе по исторіи западно-русскихъ братствъ. Разумѣемъ сочиненіе священника Іоанна Флерова: „О православныхъ церковныхъ братствахъ, противоборствовавшихъ уніи въ юго-западной Россіи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ“, Спб. 1857 г. Изслѣдованіе это было задумано по самой широкой программѣ, но, къ сожалѣнію, осталось далеко незаконченнымъ. Авторъ успѣлъ только разсмотрѣть причины и условія образованія института церковныхъ братствъ, устройство ихъ, цѣль и средства къ достиженію ея.

Главная и добрая особенность разсматриваемаго изслѣдованія заключается въ томъ, что исторія и внутренняя жизнь церковныхъ братствъ излагаются въ немъ не хронологически, при какомъ методѣ сцѣпленіе фактовъ бываетъ часто механическое, а прагматически.

Въ послѣднее время, съ оживленіемъ у насъ идеи братскаго единенія, оживилось и стремленіе къ изученію исторіи древнихъ церковныхъ братскихъ союзовъ. За послѣдніе годы явились у насъ довольно полные, обстоятельные исторические очерки двухъ братствъ: Могилевскаго (Ѳ. Жудро Исторія Могилевскаго Богоявленскаго Братства, Могилевъ 1890 г.) и Виленскаго св. Духовскаго (выше разсмотрѣнное нами сочиненіе г. Сцѣпуро).

Но доселѣ еще не было у насъ полнаго очерка исторіи всѣхъ вообще западно-русскихъ церковныхъ братствъ.

Трудъ восполнить этотъ весьма важный пробѣлъ въ русской церковно-исторической литературѣ взялъ на себя авторъ разсматриваемаго сочиненія и, въ значительной степени, дѣй-

ствительно, восполнилъ его. Послѣ общаго очерка положенія православія и русской народности въ Литвѣ до XVII в., авторъ излагаетъ исторію внѣшней и внутренней жизни нашихъ древнихъ церковныхъ братствъ въ слѣдующіе періоды: 1) 1586—1600 г., когда братства, подъ вліяніемъ особенныхъ историческихъ условій, преобразовались изъ прежнихъ „медовыхъ" братчинъ въ прочно организованные и могучіе союзы, которые смѣло могли выступить на борьбу съ латино-уніатами; 2) 1600—1620 г., когда, при недостаткѣ высшихъ іерарховъ, братства явились самымъ могущественнымъ оплотомъ православія; 3) 1620—1632 г.—„послѣдніе годы правленія Сигизмунда III, фанатическаго ревнителя уніи и гонителя православія, когда, при неутвердившейся западно-русской православной іерархіи, братства продолжали свою охранительную дѣятельность; 4) 1632—1647 г.—время особенно оживленной дѣятельности братствъ, подъ руководствомъ м. Петра Могилы, и 5) со второй половины XVII в. до конца XVIII в., когда, по мнѣнію автора, дѣятельность братствъ начала постепенно съуживаться и ослабѣвать и самый институтъ этотъ началъ постепенно умирать естественною смертію.

Сочиненіе заканчивается указателями—именнымъ и предметнымъ (однѣхъ братствъ) и дополненіями.

Оно, за исключеніемъ вступительнаго очерка, производящаго впечатлѣніе работы спѣшной и мало продуманной, составлено на основаніи тщательно и серьезно изученнаго матеріала—исключительно печатнаго.

Авторъ съ любовію къ избранному предмету работалъ надъ нимъ. Онъ настолько увлеченъ исторіею древне-русскихъ братствъ, что даже мечтаетъ объ „учрежденіи особыхъ каѳедръ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для самостоятельнаго изученія одного изъ самыхъ свѣтлыхъ и культурныхъ явленій въ нашей прошлой церковно-общественной жизни, какимъ представляется братская дѣятельность" (предисловіе, стр. II) Воодушевляемый такой горячей любовію къ древне-русскимъ братствамъ и огорчаемый скудостію и отры-

вочностію матеріала для возстановленія ихъ исторіи, онъ совѣтуетъ даже снарядить особую экспедицію для собиранія этого драгоцѣннаго матеріала.

Любовь къ предмету самымъ благопріятнымъ образомъ отразилась на работѣ автора, которая, съ обиліемъ матеріала, здравою логикою, серьезною критикою, особенно въ выборѣ противоположныхъ сужденій, или заключеній, спокойнымъ тономъ, безпристрастною характеристикой историческихъ дѣятелей, совмѣщаетъ въ себѣ простоту и изящество изложенія.

Съ надлежащею полнотою изображена исторія братствъ до 1632. Послѣдующая исторія братствъ обозрѣвается кратко и отрывочно, что объясняется скудостію и отрывочностью матеріала, бывшаго въ распоряженіи автора.

При чтеніи сочиненія, искренно сожалѣешь, что автору остался совершенно неизвѣстенъ тотъ богатый и драгоцѣнный матеріалъ для характеристики внутренней жизни и дѣятельности древне-русскихъ братствъ въ XVIII в., какой хранится въ рукописяхъ нашихъ архивовъ и древнехранилищъ

Есть въ сочиненіи и такія мѣста и выраженія, которыя вызываютъ недоумѣнія, или требуютъ исправленія. Такъ, на стр. 10 находится слѣдующее примѣчаніе: „цѣлію поѣздки въ Россію (въ 1586 г.) Константинопольскаго патріарха Іоакима, какъ извѣстно, было поставленіе въ Москвѣ патріарха“. Если это выраженіе не lapsus linguae, то въ немъ больше ошибокъ, чѣмъ словъ. На стр. 76 и 166 авторъ выражается такимъ образомъ, какъ будто бы въ Вильнѣ было 2 монастыря св.-Духовскихъ—мужескій и женскій; на самомъ дѣлѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Виленскимъ св.-Духовскимъ мужескимъ существовалъ женскій Благовѣщенскій монастырь.

На стр. 135 и 171 авторъ повторяется почти буквально, при чемъ во второмъ случаѣ повтореніе является особенно неумѣстнымъ.

На стр. 207 авторъ говоритъ слѣдующее: „дружныя дѣйствія католиковъ, уніатовъ и польскаго правительства, привели къ тому, что къ концу XVII в. и въ началѣ XVIII

в. Львовская, Перемышльская, Владиміро-Брестская, Холмская и Луцкая епархіи сдѣлались уніатскими". Въ этихъ словахъ авторъ допускаетъ грубую ошибку, такъ какъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. въ Западной Россіи оставалось только 4 епархіи православныя: Галицко-Львовская, Перемышльская, Луцкая и Бѣлорусская.

На стр. 208 авторъ приводитъ въ свободной и совершенно извращенной передачѣ важную девятую статью т. н. вѣчнаго мира между Россіей и Польшею; не *Русское правительство* объявляло, какъ пишетъ авторъ, а „Великій Государь, Его Королевское Величество" обязывался, что онъ „церквямъ Божіимъ и епископіямъ: Луцкой, Галицкой, Перемышльской, Львовской (sic), Бѣлороссійской, и при нихъ монастырямъ, архимандріямъ Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской и инымъ игуменствамъ, братствамъ, въ которыхъ обрѣталось и нынѣ обрѣтается употребленіе благочестивой грекороссійской вѣры, и всѣмъ тамо живущимъ людемъ въ Коронѣ Польской и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, въ той же вѣрѣ оставающимся, *никакого утѣсненія, и къ вѣрѣ римской и къ уніи принужденія чинить не велитъ, и быти то не имѣетъ*" (см. подлинный текстъ договора въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ).

На стр. 233 авторъ, говоря: „послѣ низложенія епископа Діонисія православные собрались для избранія новаго епископа и въ 1711 году избрали Кирилла Шумлянскаго", допускаетъ ошибку, извинительную ему, какъ не спеціалисту въ малоизвѣстной исторіи западно-русской церкви. Кириллъ Шумлянскій избранъ епископомъ Луцкимъ 16 іюня 1710 г.; извѣстны письма Кирилла Шумлянскаго, какъ „номѣната епископіи Луцкой и Острозской", къ Кіевскому митрополиту Іоасафу (Кроковскому), въ которыхъ Кириллъ проситъ разрѣшенія пріѣхать въ Кіевъ для посвященія.

На стр. 244 авторъ допускаетъ такія неопредѣленныя и неясныя выраженія, что иной читатель можетъ вывести неправильное заключеніе, будто въ концѣ XVII в. (и почти

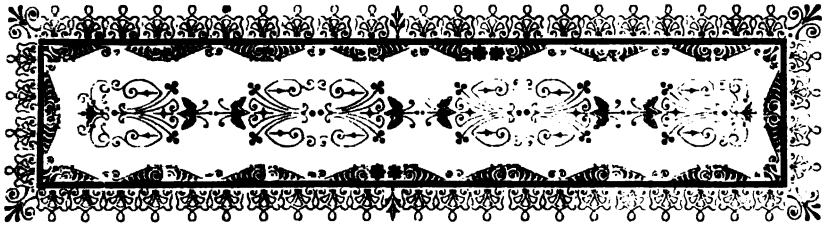
во все протяженіе XVIII вѣка), Бѣлорусская епархія оставалась единственною православною епархіею въ предѣлахъ Польши.

На стр. 246—247 авторъ, говоря о столкновеніи между епископомъ Бѣлорусскимъ Сильвестромъ (княземъ) Четвертинскимъ и Могилевскимъ братствомъ, обнаруживаетъ слишкомъ неясное представленіе дѣла, что ему, впрочемъ, вполнѣ извинительно, какъ неимѣвшему подъ руками документовъ, вполнѣ разъясняющихъ дѣло. Столкновенія епископа Сильвестра Четвертинскаго съ Слуцкимъ и Могилевскимъ братствами, Кутеенскимъ и др. монастырями, находившимися въ Польско-литовскомъ государствѣ и подчинявшимися Кіевскому митрополиту, имѣли въ основѣ своей несравненно болѣе важную и серьезную причину, чѣмъ „наущеніе архидіакона Каллиста Заленскаго", исторія котораго у автора передается также не вполнѣ точно.

На стр. 249 графъ Игнатій Рудаковскій называется у автора „посланникомъ россійскимъ для защиты православія"; на самомъ же дѣлѣ Рудаковскій былъ только коммисаромъ русскимъ въ Могилевѣ (см. стр. 268).

Ошибки, допущенныя было авторомъ на стр. 168 и 195—196, исправлены имъ самимъ, на основаніи новыхъ изслѣдованій, вышедшихъ, очевидно, во время печатанія сочиненія, и эти исправленія, по нашему мнѣнію, служатъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ вниманія, тщательности и серьезности, съ какими авторъ писалъ свое изслѣдованіе. Не можемъ однакоже не выразить сожалѣнія о томъ, что серьезный авторъ слишкомъ мало и поверхностно коснулся (на стр 290—291) такого важнаго вопроса, какъ вопросъ о причинахъ упадка западно-русскихъ православныхъ церковныхъ братствъ въ XVIII в

Свящ. *Ѳ. Титовъ*

Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года собранныя и изданныя П. Щукинымъ. Часть V (М., 1900, стр. V+280) и часть VI (М., 1901, стр. VII+151+3 приложенія).

Г. Щукинъ продолжаетъ свое интересное изданіе, посвященное внутренней исторіи Россіи за 1812 годъ. Послѣ первыхъ четырехъ частей, на основаніи которыхъ составленъ мой очеркъ „Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 г." („Чтенія Ист. Общ. Нестора-лѣт.", кн. XV, вып. 2 и 3), появились еще двѣ части V и VI. Не имѣя возможности использовать ихъ также детально, какъ предыдущія части, ограничусь краткимъ обзоромъ содержанія и нѣкоторыми общими замѣчаніями.

Разумѣется, какъ любительское изданіе, „бумаги" (почему не взято болѣе осмысленное названіе—„документы"?) г. Щукина не подлежатъ строгой научной критикѣ, и наука должна только благодарить любителя, тратящаго время и средства на печатаніе необходимыхъ исторической наукѣ матеріаловъ.

Если „Бумаги" г. Щукина преслѣдуютъ научныя цѣли, то онъ долженъ издавать ихъ по меньшей мѣрѣ такъ, чтобы не вредить интересамъ будущихъ изслѣдователей эпохи 1812 г. Покамѣстъ вышло только 6 томовъ; въ нихъ еще не особенно

трудно разобраться, хотя полное отсутствіе какой бы то ни было системы (даже нѣтъ самой примитивной—хронологической!), отсутствіе указателей (личныхъ, географическихъ и предметныхъ), актовыхъ „легендъ“ (о происхожденіи печатаемыхъ документовъ), необходимыхъ для провѣрки степени достовѣрности бумагъ, отсутствіе хотя бы самыхъ краткихъ объяснительныхъ примѣчаній, ссылокъ на литературу предмета и пр. и пр.—все это черезчуръ осложняетъ дѣло изслѣдователя, безполезно отнимая у него массу времени.

Издатель печатаетъ 1) рѣшительно всѣ документы, независимо отъ ихъ содержанія, лишь бы они носили дату 1812 года, 2) всѣ документы ближайшихъ послѣдующихъ годовъ, имѣющіе хотя бы косвенное и самое отдаленное отношеніе къ 1812 году, а иногда и вовсе его не имѣющіе, и 3) документы позднѣйшихъ годовъ, только упоминающіе о 1812 годѣ (см. напр. письмо 1863 г.—VI, 77 и т. п.).

Неужели необходимо печатать, да еще цѣликомъ, всю эту груду документовъ? Разумѣется, нѣтъ! какъ ни любопытна эпоха 1812 г., но вѣдь это же не XV—XVI вѣка, слабо представленные документами и, потому, цѣнные каждою строчкою своего письма. Для 1812 года вполнѣ достаточно, если цѣликомъ будутъ напечатаны только самые существенные документы; изъ большинства другихъ довольно однѣхъ выдержекъ, извлеченія, а вся остальная масса, только носящая дату 1812 г., но ничего не дающая для исторіи его, подлежитъ уничтоженію, а никакъ не печатанію.

Разумѣется, печатаніе матеріаловъ по этому плану гораздо труднѣе и не столь будетъ плодовито по внѣшности, какъ печатаніе по „программѣ“ г. Щукина.

Печатаніе по первому пріему требуетъ и большаго времени, и значительныхъ знаній эпохи, чтобы отдѣлить существенное отъ пустяковъ, и извѣстнаго искусства, навыка. Слѣдуя этому пріему, г. Щукинъ могъ бы вмѣсто 6 частей „Бумагъ... 12 г.“ ограничиться однимъ томомъ, каждая строчка котораго имѣла бы историческую цѣнность, смыслъ и значеніе. За этотъ одинъ томъ наука сказала бы ему большее спасибо, чѣмъ за 6 теперешнихъ томовъ, гдѣ въ повалку свалены въ

одну громадную кучу цѣнные документы и всякій хламъ, среди котораго добросовѣстному изслѣдователю волею-неволею приходится долго разбираться, чтобы выудить оттуда нѣсколько мелкихъ фактиковъ послѣдняго разбора... Много-много, если изъ нѣкоторыхъ можно бы привести 1—2 строчки, чуть-чуть касающіяся 1812 года, а иныя рѣшительно не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ нему; напр.: письмо 1813 г. отъ гр. Кочубея кн. Голицыну, которому первый рекомендуетъ своего бывшаго управляющаго (VI, 73), или просьба 1826 г. о пособіи оставнаго ротмистра Баскова, служившаго еще въ XVIII в. на Кубани и въ Крыму и тамъ разореннаго „непріятелемъ", но къ войнѣ и другимъ событіямъ 1812 г. не имѣвшаго никакого отношенія (VI, 97—98) и т. д.

Зачѣмъ также г. Щукинъ начинаетъ печатать документы по военной исторіи 1812 г., разъ ему не можетъ быть неизвѣстно, что грандіозное изданіе этихъ матеріаловъ предпринято Военно-ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба? Послѣднему и книги въ руки, а для г. Щукина остается и безъ того обширная область—внутренняя исторія эпохи. Пусть и очень любопытны напечатанные имъ военные акты—диспозиція Бородинскаго боя (V, 1—2), приказы кн. Кутузова П. В. Чичагову (VI, 108—109), оправдательный рапортъ послѣдняго отъ 19 ноября (VI, 110—112) и др. Но разъ эти акты напечатаны съ плохихъ копій, извращенныхъ переписчиками, какой смыслъ ихъ издавать, если Военно-ученый Комитетъ несомнѣнно издастъ ихъ по подлинникамъ?

Удивительно досадное впечатлѣніе производитъ какое-то священное благоговѣніе г. Щукина предъ текстомъ совершенно ничтожныхъ актовъ, датированныхъ 1812 годомъ... Онъ печатаетъ ихъ не только цѣликомъ, съ сохраненіемъ всѣхъ мелочей канцелярскихъ формъ, всѣхъ повтореній и пр. и пр., но и съ удержаніемъ всей безграмотности подлинниковъ.

Переходя къ содержанію V и VI частей „Бумагъ" г. Щукина, необходимо прежде всего отмѣтить значительное

количество напечатанныхъ частныхъ писемъ того времени (V, 3—5, 87, 147—151: письмо начальника Московскаго Воспитательнаго дома И. А. Тутолмина, оставшагося въ Москвѣ при французахъ; 161—167, 175—178, 272; VI, 50—52, 56—58, 66—69; письмо А. Магницкаго и др.). Пусть не всѣ эти письма имѣютъ историческую цѣнность, но въ общей массѣ это самый любопытный матеріалъ для характеристики настроенія русскаго общества въ 1812 году.

Напр., изъ письма нѣкоего генерала Кикина (V, 3—5) узнаемъ, что отечественная-де война между прочимъ доказала ему, что „народное просвѣщеніе, ко благу человѣческаго рода филантропами проповѣдуемое, есть призракъ обольщающій“ и т. д. Но генералъ писалъ въ ноябрѣ 12 г., когда могъ бодро и смѣло излагать свою увеселительную философію. А въ сентябрѣ нѣкій Алябьевъ смотритъ на вещи очень мрачно: въ нашествіи Наполеона онъ видитъ результатъ „моральнаго развращенія“ россіянъ, начавшагося въ XVIII вѣкѣ, когда въ произведеніяхъ французскихъ писателей „нѣкоторые государи (русскіе) нашли соль души, а ихъ послѣдователи, наши переводчики и сочинители, довели до свѣдѣнія каждаго почти изъ насъ всѣ строки буйственныхъ выраженій“ французовъ и т. д. (V, 278).

Но Алябьевъ, несостоятельный въ своей наивной философіи, быть можетъ ближе къ истинѣ, когда даетъ такіе отзывы о русскомъ обществѣ того времени: Александръ I—„государь, не знающій ни духовныхъ ни гражданскихъ законовъ и прилѣпленный къ одному только барабанному бою и солдатской аммуниціи. Министры, достойные въ отставкѣ, а глупые на лицо. Въ 50 губерніяхъ развѣ 5 (достойныхъ), а прочіе всѣ губернаторы дураки; въ 50 епархіяхъ развѣ 5 архіереевъ, каковы подобаше намъ (sic), а прочіе если не блудники, то корыстолюбцы“... (V, 278—279). Москва—говоритъ онъ же—предъ войною „уже нѣсколько лѣтъ какъ сдѣлалась гнѣздомъ беззаконія“... (с. 279). Въ декабрѣ Алябьевъ восклицаетъ: „что воздадимъ Богу за свое спасеніе? Ничего, ибо нечего и ждать отъ сердецъ неблагодарныхъ и загруженныхъ пороками...“ (с. 280).

Любопытенъ отрывокъ изъ „Сибирскихъ записокъ“ Ипполита Канарскаго, 1827 г. (VI, 122—123), обрисовывающій настроеніе Сибири въ 1812 г. Оказывается, что тамъ ожидали тогда „измѣненій въ правленіи“ и опасались народныхъ волненій: „что будетъ значить начальство, когда узнаетъ народъ отчаянный о перемѣнѣ...“ Ссыльные въ Сибири „плакали“, когда узнали о потерѣ Москвы...

О народныхъ бунтахъ и волненіяхъ въ разныхъ концахъ Европейской Россіи, въ теченіе 1812 года, находимъ немало цѣнныхъ указаній въ сборникѣ г. Щукина, гдѣ отмѣчены бунты въ губерніяхъ—Пермской (на пространствѣ 500 верстъ—V, 68—69), Вологодской и Новгородской (V, 72), Владимірской (VI, 78, 102), Московской (въ Звенигородскомъ у. V, 177), Смоленской (V, 81—82), Могилевской (VI, 7) и въ другихъ Литовскихъ губерніяхъ—V, 71).

Не послѣднюю роль въ этихъ волненіяхъ сыграло то обстоятельство, что, не смотря на всѣ тягости военнаго положенія, разорившаго нѣсколько губерній и тяжелымъ гнетомъ ложившагося на всѣ остальныя, казенныя недоимки взыскивались самымъ строгимъ образомъ, какъ въ нормальное время (V, 73). Рекрутскіе и ополченскіе наборы такъ отягощали населеніе, что болѣе тароватые помѣщики замѣняли своихъ рекрутъ и ратниковъ „покупными людьми“ (V. 126—128).

Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ частенько молебствовали, но не о спасеніи отечества, а о здравіи своихъ господъ. Такъ въ малороссійскихъ имѣніяхъ гр. С. Р. Воронцова, по „предписанію“ Московской „домовой конторы“ его, въ сентябрѣ совершали торжественныя молебствія „за сохраненіе жизни его сіятельства гр. Михаила Семеновича“, получившаго въ Бородинскомъ бою пустую рану въ ногу. Въ ноябрѣ въ этихъ имѣніяхъ уже знали объ очищеніи Москвы отъ непріятеля, но вновь молебствовали не по этому поводу, а по случаю выздоровленія того же гр. М. С—ча отъ его раны (VI, 21—22).

Наряду съ этими проявленіями вольнаго и невольнаго холопства идутъ такіе факты, какъ появленіе разнаго рода измѣнниковъ (V, 178; VI, 6. 7, 46 и др.), грабежи русскихъ въ Москвѣ (V, 147. 148, 151, 159, 160; VI, 27, 54 и др.), грабежи русской арміи, особенно козаковъ (V, 82, 147, 151, 159. 160, 165, 272 и др.), мародерство среди русскихъ войскъ (V, 83, 93, 165), злоупотребленія по сдачѣ рекрутъ и ратниковъ (V, 70. 73, 75—80), выводъ лошадей заграницу, несмотря на прямое запрещеніе правительства (V, 70), и пр. и пр.

Богаты вышедшіе томы данными о Московскихъ и иныхъ „Мининыхъ" изъ дворянъ и купцовъ, потерявшихъ ничтожную часть своихъ богатствъ и клянчившихъ предъ правительствомъ о возмѣщеніи этихъ потерь (V, 88—92, 144—147, 179—181, 183, 184, 187, 188, 190, 193, 199, 201, 204, 211, 215, 273—277; VI, 23—26, 35—37, 42—45, 69, 72, 78 и др.). Нѣкоторые изъ этихъ патріотовъ упустили первый моментъ, когда правительство благосклонно относилось къ подобнымъ челобитьямъ, и подавали свои слезницы спустя много лѣтъ (напр. въ 1826 г. и т. д.), встрѣчая уже упорный отказъ правительства, не желавшаго возмѣщать сомнительные убытки богатыхъ людей.

Но правительство начинало относиться глухо и къ дѣйствительной бѣдности, совершенно разоренной погромомъ 1812 года. Эта бѣднота или нищенски удовлетворялась, или совсѣмъ не получала никакихъ пособій (V, 198, 200—215; VI, 48—50, 97—98, 125 и др.).

Слѣдуетъ еще отмѣтить такіе отрицательные факты, какъ неуклонное взысканіе правительствомъ „добровольныхъ пожертвованій, объявленныхъ раньше населеніемъ (V, 92—93), травли иностранцевъ (V, 132 и др.) и проч.

Вопросъ о количествѣ колодниковъ, выпущенныхъ гр. Растопчинымъ (см. 29—30 моего очерка „Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 г.") предъ оставленіемъ Москвы (2 сентября), окончательно теперь выясняется документами послѣдней части сборника г. Щукина (VI, 4—7). Оказывается, что 1 и 2 сентября находилось въ Москвѣ колодни-

ковъ и арестантовъ: въ тюремномъ замкѣ 529 человѣкъ, во временной тюрьмѣ—166 чел. и въ распоряженіи коменданта „содержащихся по ордонанской части“ (т. е. военныхъ арестантовъ, находившихся въ ордонансъ-гаузѣ) 110 чел.; всего—805 человѣкъ. Изъ нихъ 2 сентября какой-то армейскій полкъ взялъ и повелъ въ Казань 627 человѣкъ, содержавшихся въ замкѣ и „ордонанскихъ“. 4 арестанта изъ замка были освобождены (освобождались долговые), о 5 же арестантахъ нѣтъ свѣдѣнія—освобождены-ли они или умерли въ эти дни и т. п.

Остается *166 арестантовъ* временной тюрьмы, которые именно и были 12 сентября выпущены Растопчинымъ на свободу. Но сомнительно, чтобы всѣ они остались въ Москвѣ и занялись разграбленіемъ и сожженіемъ ея. Вѣроятно, большая часть ихъ (особенно иногородные) бросилась уходить изъ Москвы вмѣстѣ съ москвичами, естественно желая пошире воспользоваться неожиданною свободою. Оставаясь же въ Москвѣ, они легко могли попасть изъ одной неволи въ другую и еще болѣе тяжелую. Если Растопчинъ и выпустилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы они сожгли Москву, то вѣдь некому было слѣдить за выполненіемъ этого приказа.

Такимъ образомъ, теперь можно снять съ отвѣтственности гр. Растопчина одинъ изъ приписанныхъ ему „патріотическихъ подвиговъ“ и считать легендою тотъ вымышленный фактъ, будто Москва сожжена Растопчинымъ чрезъ выпущенныхъ имъ колодниковъ. Если нѣсколько десятковъ ихъ и осталось въ Москвѣ, то это была капля въ морѣ разнаго русскаго сброда, волею-неволею оставшагося въ Москвѣ, т. е. совершенно добровольно или въ силу обстоятельствъ, а отнюдь не по приказу Растопчина. Если этотъ русскій сбродъ, наравнѣ съ непріятелемъ, участвовалъ въ разграбленіи и сожженіи Москвы, то Растопчинъ тутъ не при чемъ.

По справедливому замѣчанію гр. Л. Н. Толстого („Война и миръ“), Москва сгорѣла оттого, что была брошена своими хозяевами на произволъ судьбы. Отличнымъ подтвержденіемъ этой мысли служатъ извѣстные факты полной сохранности нѣкоторыхъ уголковъ Москвы, хозяева которыхъ оста-

вались на своемъ мѣстѣ во все время пребыванія непріятеля. Въ вышедшихъ томахъ сборника г. Щукина находимъ нѣсколько значительныхъ дополненій относительно этихъ фактовъ. Сюда относятся:

1) Спасеніе Воспитательнаго дома его начальникомъ И. А. Тутолминымъ (V, 147—151: его письмо, 151—161: его докладъ императрицѣ, 176—178), который, по словамъ очевидца, „жертвовалъ всѣмъ для спасенія ввѣренныхъ его начальству“ (с. 178). Но этого мало: кромѣ подчиненныхъ, Тутолминъ спасъ жизнь и имущество многихъ другихъ Москвичей, прибѣгнувшихъ подъ его защиту. Старикъ съ понятною гордостью писалъ императрицѣ, что даже всѣ находившіяся въ домѣ дѣвицы „пребыли благополучны, такъ что на невинность ихъ не сдѣлано было никакихъ покушеній“ (с. 160)... Однако, оградивши отъ непріятеля даже своихъ дѣвицъ, Тутолминъ не могъ предохранить отъ грабежа имущество спасавшихся въ домѣ русскихъ, когда 19 октября нагрянули въ Москву „спасители“ — козаки россійскаго генерала Иловайскаго и подгородные крестьяне... (с. 159—160).

2) Сохраненіе почтовымъ чиновникомъ Каржачевскимъ Московскаго почтамта, со всѣмъ имуществомъ спасавшихся тамъ 60 семей (V, 165). Его сослуживецъ замѣчаетъ, что Каржачевскій не получилъ за этотъ подвигъ отъ своего начальства ровно „ничего, ниже отвѣту какого“...

3) Грекъ Чепелли также сохранилъ невредимымъ Греческій монастырь, со всѣми нашедшими тамъ убѣжище Москвичами (VI, 20).

Разумѣется, всѣ эти подвиги Тутолмина, Каржачевскаго и Чепелли должны быть отнесены къ числу немногихъ, но дѣйствительныхъ примѣровъ доблести того времени. Кромѣ нихъ, можно еще отыскать въ вышедшихъ томахъ очень немногое въ томъ же родѣ, именно: богатые Московскіе фабриканты „дрожечнаго мастерства“ Сурково-Арбатскіе, у которыхъ была расхищена масса экипажей и другого имущества, просили не о вознагражденіи за то, но только о розыскѣ похищеннаго, которое разграблено „не непріятелемъ, а здѣшними

остававшимися жителями и изъ ближнихъ селеній поселянами" (VI, 26 - 27). Въ сущности тутъ нѣтъ никакого подвига; но онъ является таковымъ, если сопоставить его со всеобщею жадностью и наглостью другихъ именитыхъ купцовъ и благородныхъ дворянъ (см. выше и въ моемъ очеркѣ о „Мининыхъ" 1812 года)... О такомъ же розыскѣ имущества, а не о вознагражденіи просили и маленькіе люди — кузнечный мастеръ Ярченковъ (VI, 28—29) и дворовый человѣкъ Ананьинъ (VI, 30).

Но уже несомнѣннымъ подвигомъ слѣдуетъ признать такой фактъ, какъ сохраненіе дворовыми людьми, среди всеобщаго Московскаго грабежа, имущества А. А. Плавильщикова, оставленнаго на ихъ попеченіи (V, 177).

Вотъ и все, что можно найти доблестнаго на 430 страницахъ V и VI томовъ сборника г. Щукина...

Отмѣчу еще слѣдующіе документы:

Нѣсколько любопытныхъ и новыхъ данныхъ объ отцѣ казненнаго Растопчинымъ невиннаго М. Н. Верещагина (V, 131).

Курьезны очень обширныя, достаточно безграмотныя и замѣчательно „патріотическія" современныя „Вирши на 1812 г." (VI, 127—149) неизвѣстнаго автора, писавшаго очевидно уже „по изгнаніи галловъ", когда можно было развивать тему, какъ „крѣпостной (sic) орелъ полнощный вселенну удивилъ собой", обнаруживши „мощную россіянъ длань" и т. п. Вирши безъ конца—прерываются на Бородинскомъ боѣ.

Любопытны приложенія къ VI тому: 1) остроумная „памфлетная родословная Наполеона", врядъ-ли россійское произведеніе, а скорѣе переводъ съ иностраннаго. 2) Снимокъ съ нѣмецкой „гравюры проэктировавшагося (для Москвы) памятника въ 1812 г." Памятникъ представляетъ оригинальную колонну изъ пушекъ, увѣнчанную „крѣпостнымъ орломъ полнощнымъ"...

Интересны нѣкоторыя сторонніе данныя, не относящіяся къ 1812 году, напр.: 1) матеріалъ къ исторіи цензуры 1820-хъ

годовъ (VI, 50—51); 2) прошеніе о пособіи, поданное въ 1826 году нѣкіимъ подпоручикомъ Щербачевымъ, причислявшимъ себя къ числу сторонниковъ Павла I и потерпѣвшимъ нѣкоторыя гоненія за приверженность къ нему (V, 190—193)... Впрочемъ Щербачевъ мало внушаетъ довѣрія довольно фантастическимъ разсказомъ о своихъ злоключеніяхъ въ 1812 году и позже, о какой-то странной близости своей къ Наполеону и проч.

И. Оглоблинъ.

Отдѣлъ V.

ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Къ характеристикѣ семейныхъ и общественныхъ отношеній козачества въ послѣдніе годы существованія Сѣчи Запорожской.

Въ настоящее время можетъ считаться установленнымъ въ исторической наукѣ тотъ фактъ, что церковный взглядъ на святость и нерасторгаемость брака, *разъ словесе премлодѣйна,* былъ весьма далекъ отъ народнаго сознанія нашихъ предковъ. Народные взгляды на бракъ и разводъ, какъ право обычное, раздѣлялись и правительствомъ, а право писанное не давало на этотъ счетъ опредѣленныхъ указаній. Отсюда возникали на практикѣ бракоразводныя коллизіи, вродѣ извѣстныхъ процессовъ кн. А. М. Курбскаго или В. П. Загоровскаго. Даже духовенство, по крайней мѣрѣ низшіе члены его, не чужды были тѣхъ же народныхъ воззрѣній на бракъ, и представители высшей церковной западно-русской іерархіи сурово выговаривали имъ за то, что они, „малженства законныя, вѣнчанныя, неналежныя ку разсудкови ихъ, развязываютъ и распущаютъ... а урядники за таковыхъ стоятъ“. Эта борьба между церковными и народными взглядами на бракъ и разводъ, замѣчае-

мая еще съ первыхъ вѣковъ христіанства на Руси, продолжалась особенно долго въ Руси Западной. Каноническій взглядъ раньше восторжествовалъ въ Руси Московской, гдѣ укорененію его способствовало господство византійскихъ юридическихъ нормъ въ писанномъ законодательствѣ, большее вліяніе церкви на народъ и несравненно большая твердость и сила центральнаго правительства; въ Западной Руси народные взгляды и народно-юридическія нормы бытовали еще въ *XVIII* в., и конецъ имъ положило лишь возсоединеніе Руси *). Хотя въ высказанныхъ мною взглядахъ не заключается ничего новаго, но всякое подтвержденіе ихъ составляетъ нелишній камень, способствующій твердости научнаго *зданія*. Прекрасную иллюстрацію высказанныхъ положеній составляетъ разбирающееся въ 40-хъ годахъ XVIII-го столѣтія въ Кіевѣ дѣло козака Никифора Донца**). Дѣло Донца интересно еще и какъ иллюстрація отношеній между сѣчевиками и посполитыми въ послѣдніе годы существованія Сѣчи Запорожской.

Донецъ самъ былъ нѣкогда сѣчевикомъ и, вѣроятно, не изъ послѣднихъ „лыцарей“. Степь онъ зналъ какъ свою хату. Въ Крымскомъ походѣ 1735 г. онъ служилъ проводникомъ чрезъ степи и оказалъ русской арміи большія услуги: „находился онъ командующаго генералитета въ нужнейшія места въ посылках с секретными письмами, также при провожденіи высокославной Ея Императорскаго Величества арьміи чрезъ крымские степи вожатым, гдѣ будучи понесъ немалые труды и убытки; за которые ево службы позволѣно ему жить в Старосамарской крепости“. Съ этого времени сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе Кіев-

*) О. И. Левицкій: „Семейныя отношенія въ Юго-Западной Руси въ XVI—XVII вв.“ (Рус. Старина 1881 г., № 11).

**) „Дѣло Старосамарскаго жителя Никифора Донца о разграбленіи ево запорожскими козаками, такъ и родственниками. 1745 и 1746 годовъ., Генералъ-губернаторской канцеляріи, № 376“, хранятся въ Центральномъ Архивѣ при Университетѣ св. Владиміра; за сообщеніе этого дѣла приношу благодарность И. М. Каманину.

скій генералъ-губернаторъ М. И. Леонтьевъ, впослѣдствіи, въ 1752 г., рекомендовавшій его гетману гр. К. Г. Разумовскому и въ горячихъ выраженіяхъ вспоминавшій объ оказанныхъ ему нѣкогда Донцомъ услугахъ. Послѣ похода Донецъ вышелъ изъ числа Сѣчевыхъ товарищей и проживалъ въ Старой Самарѣ въ качествѣ простого торговца; этимъ, вѣроятно, и объясняются непріязненныя отношенія между Донцомъ и Запорожскою старшиною и борьба между ними, какъ увидимъ ниже.

Донецъ былъ родомъ изъ с. Поповки Миргородскаго полка. Здѣсь онъ былъ и женатъ, кажется, даже три раза. Послѣднею его женою была Прасковья Кириченкова. Супруги не ладили другъ съ другомъ и рѣшили разойтись, „за ея, Прасковьи, несностию и глупостию," по объясненію Донца. По мнѣнію его, разводъ ихъ былъ совершенъ на законномъ основаніи и съ соблюденіемъ законныхъ формальностей: „по правиламъ святыхъ отецъ". А совершенъ онъ былъ слѣдующимъ образомъ: въ присутствіи и съ согласія свидѣтелей—родичей, въ домѣ и съ вѣдома старосамарскаго Покровскаго священника о. Даніила, Донецъ и Дончиха дали другъ другу „разводные листы"; отъ имени рода такую же подписку о неимѣніи претензій далъ Донцу шуринъ Прасковьи Дончихи Яковъ Нѣмеченко. Этимъ, повидимому, и ограничилась вся формальность бракоразводнаго процесса, совершеннаго „по правиламъ св. отецъ". Въ нашемъ дѣлѣ не сохранились, къ сожалѣнію, разводные листы, выданные другъ другу супругами; они, вѣроятно, поступили въ дѣла митрополичьи. Зато сохранилась подписка, выданная Донцу Нѣмеченкомъ. Я считаю нелишнимъ привести эту подписку въ подлинникѣ *).

„1743 году, октября 11 дня. Я, нижеподписанный житель „полку Миргородскаго села Поповки Яковъ Немиченко, вѣ-

*) Въ дѣлѣ сохранилась эта подписка въ трехъ отличныхъ другъ отъ друга экземплярахъ. Кажется, неполнота редакціи не удовлетворяла Донца, и онъ требовалъ пересоставленія акта. Приводимъ эту подписку въ редакціи наиболѣе подробной.

„домо чиню симъ писаніемъ кождому суду і праву теперь и во „вѣчные часы, что жена Никифора Донского, жителя Старо-Са„марского, первая Параскевия Яковлевна, а моя свѣсть, какъ „сперва, такъ и теперъ і до конца живота своего, жить с „мужемъ своимъ Никифоромъ не желает; і ми, посовѣто„вавши, всѣ родичи, близкие и далекие, купно з женою его „Параскевиею Яковлевною, которая простила его, Никифора, „*бувшаго мужа своего*, і благословила, какъ он себѣ пожелает „жить іли оженитис, то позволила, турбоват і пенять его „вѣчне не буде; такоже и ми, всѣ сродники, по еи желанию, „на тое соизволили, где пожелае, оженитис ему, Никифору, „повелѣли; в том я, нижеподписанный, бувший своякъ Ники„фора Донского, даю сие писание Никифору при честнихъ и „вѣри годних старосамарскихъ мѣщанах: при Іосифу Пиво„варенку и Степану Девичу, в домѣ честного отца Даниила, „священника Старосамарскаго Свято-Покровского, что его „вѣчне ми и сродниця наша прощаемъ и турбовать его нѣ„когда не будемъ; а имѣлъ бы его, Никифора, хто за его „первую жену, а нашу сродницу, турбоват, то ми всѣ своею „роднею пред всяким судомъ отвѣтствовать готови. В томъ, „яко неграмотний, при вишше писанних людях во вѣрность „написую рукою своею крестъ +. Яковъ Нѣмиченко. К „сему писанию і ми во свидѣтелство Старосамарские жите„лѣ, яко неграмотние, своими руками крестами подписуем„ся: + Іосифъ Пивоваренко. + Степанъ Девичъ. Писалъ „сию подписку Старосамарскій житель Іванъ Петровъ“.

Считая себя свободнымъ послѣ развода, совершеннаго „по правиламъ св. отецъ“, Донецъ вступилъ въ Самарѣ въ новый бракъ съ какою-то Авдотьею. Это было не простое сожительство, а именно законно-вѣнчанный бракъ, который и освятилъ, вѣроятно, тотъ-же Старо-самарскій попъ Данило.

Но бракоразводныя дѣла всегда осложняются вопросами имущественными. Такъ было и въ дѣлѣ Донца, который къ томуже состоялъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Запорожскою старшиною. Благодаря только этимъ обстоятельствамъ и

всплыло дѣло о незаконномъ разводѣ и новомъ бракѣ Донца и получило для него неблагопріятный оборотъ.

Донецъ былъ человѣкомъ очень зажиточнымъ. Въ родномъ селѣ Поповкѣ у него была земля и полное хозяйство, находившееся подъ наблюденіемъ дяди Герасима Хрина; въ Самарѣ онъ держалъ лавку, имѣлъ броваръ, мельницу и въ компаніи съ козаками Иваномъ Довбишемъ и Степаномъ Тандытникомъ, взялъ въ аренду Самарскій перевозъ. Послѣ развода, родственники первой жены Донца и сынъ его Михайло, пользуясь отсутствіемъ Донца и можетъ быть обиженные за свою родственницу, задумали воспользоваться его имуществомъ въ Поповкѣ. Съ Самарскимъ эсауломъ (послѣ полковникомъ) Волкомъ и съ сотникомъ Зубомъ Донецъ издавна находился во враждебныхъ отношеніяхъ. Въ 1744 г. Донецъ подалъ жалобу Леонтьеву на сына и родственниковъ своей первой жены о томъ, что сынъ его Михайло захватилъ изъ его имущества въ Поповкѣ „15 лошадей, 30 штукъ рогатаго скота, 50 ульевъ пчелъ, казановъ 4, отъ плуга желѣзъ 6, топоръ, буравы і струга, телеги и хомуты да 10 лисицъ;“ своякъ Прасковьи Дончихи Яковъ Нѣмеченко захватилъ землю Донца; сама Дончиха взяла саблю съ сбруею, шапку соболью и шубу, 42 овцы продала за 6 рублей брату Донца Григорію Кошовенку да возъ соли Донцовой—Нѣмеченку за 5 руб. 50 коп. Всѣ эти захваты произведены были съ вѣдома мѣстнаго старосты Северина. А когда Донецъ явился требовать обратно свое имущество, то староста не только не удовлетворилъ его, но еще самъ заграбилъ у него трехъ лошадей. Между тѣмъ, во время отсутствія Донца изъ Самары, полковникъ Вишнякъ захватилъ у него млинъ и бывшій здѣсь хлѣбъ да сотникъ Зубъ изъ бровара Донцоваго взялъ „казанъ и куфу горѣлки“. По жалобѣ Донца премьеръ-маіору Карлу фон-Розенталю предписано было удовлетворить обиженнаго; о томъ же былъ посланъ ордеръ Миргородскому полковнику Капнисту. Въ силу этой жалобы Донца, чтобы отомстить ему и присвоить себѣ его имущество, кто-то и донесъ о разводѣ и четвероженствѣ Донца

митрополиту Рафаилу Заборовскому. Дѣло въ духовномъ судѣ грозило принять для Донца непріятный оборотъ. Единственнымъ свѣдущимъ въ этихъ вопросахъ лицомъ являлся въ глазахъ Донца тотъ-же вышеупомянутый іерей Данило, къ которому и обратился онъ за помощью. Попъ Данило обѣщалъ дѣло обдѣлать и за то взялъ съ Донца „денегъ семь рублевъ, две штуки полотна; матеріи желтой одинъ косякъ, волка одного, лисицу одну, да у жены ево Донца Авдотьи забралъ горѣлки за рубль, да за варенье въ ево Донца броваре пива не додалъ 75 копеекъ". Ничего о. Данило сдѣлать, конечно, не могъ, и въ первыхъ числахъ ноября 1745 г. Донецъ за незаконное расторженіе брака и сожитіе съ иною женою приговоренъ былъ митрополичьимъ судомъ къ двухгодичному покаянію въ Козелецкомъ монастырѣ, а разводъ и новый бракъ его объявлены были беззаконными и недѣйствительными.

Постановленіе духовнаго суда грозило для Донца не одною только непріятностью да тяжелою монастырскою работою. Это было полное разореніе. Донецъ зналъ, что его враги только и ждутъ высылки его въ монастырь, чтобы захватить его имущество и такъ его припрятать, что послѣ и разыскать его будетъ невозможно. Поэтому онъ обратился съ просьбою къ своему покровителю генералъ-губернатору Леонтьеву, чтобы, прежде отбытія эпитеміи, ему разрѣшенъ былъ четырехмѣсячный отпускъ въ Запорожье и на родину, для устройства своихъ имущественныхъ дѣлъ. По ходатайству Леонтьева, митрополитъ далъ Донцу просимое разрѣшеніе, обязавъ его прибыть въ монастырь Нехворощанскій къ началу марта 1746 г. Еще до этого, въ январѣ 1745 г. Донецъ жаловался Леонтьеву на Запорожскую старшину, которая, отвезши его въ Усть-Паланку, здѣсь совершенно ограбила его [4]). Маіору фон-Розенталю предписано было принять мѣры для возвращенія Донцу потерянаго

4) Жалобы этой при дѣлѣ нѣтъ, и о содержаніи ея можно судить только изъ послѣдующаго донесенія маіора фон-Розенталя.

имущества. Несмотря на усиленныя требованія, Розенталю удалось однако добиться лишь того, что самъ Донецъ былъ отпущенъ въ Усть-Самару, загребленнаго же имущества (неизвѣстно, какого именно) подъ разными предлогами онъ не получилъ, а между тѣмъ долженъ былъ отбыть въ Кіевъ для духовнаго надъ нимъ суда. Опасенія Донца имѣли основанія. Немедленно послѣ возвращенія его изъ Кіева обратно въ Самару, ему пришлось принести генералъ-губернатору цѣлый рядъ жалобъ на своихъ родичей, компаньоновъ и Запорожскую старшину. Началась обычная судебно-канцелярская волокита, осложнившаяся озлобленіемъ противъ Донца мѣстной Запорожской старшины и поддержкою послѣдней со стороны центральнаго Сѣчеваго управленія. Особенно чувствительнымъ убыткомъ для Донца былъ отказъ товарищей его по содержанію Самарскаго перевоза, Довбиша и Тандытника, отъ уплаты слѣдуемой ему части дохода. Такъ, по заявленію Донца, за 1744 г. ими выручено было и поступило въ дѣлежъ 600 р., а за 1745 г. онъ получилъ только 20 руб. и ничего болѣе уплатить ему компаньоны не соглашались. Съ захваченными деньгами Довбишъ и Тандытникъ скрылись подальше отъ русскихъ властей. На требованіе Усть-самарскаго коменданта премьеръ-маіора Антона фон-Гринвальда, кошевой отвѣчалъ, что ни Довбиша съ Тандытникомъ, ни сына Донца Михайла въ Сѣчи не имѣется и, гдѣ они скрываются, неизвѣстно. Между тѣмъ Донецъ получилъ свѣдѣнія, что Михайло скрывается на хуторѣ дяди своего Гаврила Хрина, подъ самою Самарою, а Довбишъ находится въ Кодакѣ. Полковникъ Кодацкій Яковъ Печерскій отвѣчалъ однако, что Довбиша въ Кодакѣ никогда не бывало; а между тѣмъ онъ проживалъ въ зимовникѣ самого Печерскаго. Также безуспѣшна была тяжба Донца съ родичами. Миргородскій полковникъ Капнистъ, по требованію Леонтьева, разобравъ дѣло на мѣстѣ, донесъ, что отнятыя у Донца вещи частію не принадлежатъ ему, частію же уступлены имъ родственникамъ добровольно. Донецъ отрицалъ это показаніе, и Капнисту предписано было взыс-

кать съ виновныхъ. Но тутъ оказалось какимъ-то образомъ, что они причислены уже не къ Миргородскому, а къ Гадячскому полку. Потребовалась переписка съ Малороссійскою канцеляріею. Въ то же время Яковъ Нѣмеченко произвелъ наѣздъ на Самарскій хуторъ Донца, ограбилъ его и распродалъ бывшее здѣсь имущество. Съ родственниками, а равно и съ попомъ Даніломъ Донецъ однако въ концѣ концовъ сошелся на почвѣ взаимныхъ уступокъ. Труднѣе было добиться хотя какого-либо вознагражденія отъ компаньоновъ-перевозчиковъ и отъ Запорожской старшины. Ни ордеръ кошевому, ни личныя къ нему обращенія Донца и самарскаго коменданта премьеръ маіора Артемія Позднякова, при проѣздѣ новаго кошевого Петра Козелецкаго черезъ Самару, не дали иныхъ результатовъ, кромѣ обѣщаній. Въ концѣ іюля или въ началѣ августа 1747 г. Донецъ, выпросивъ новый ордеръ къ кошевому и драгунскаго унтеръ-офицера въ проважатые, отправился лично въ Кошъ искать управы. Кошевой потребовалъ къ себѣ полковника Волка, сотника Зуба и Довбиша, оказавшихся тогда въ Сѣчи. Товарищи явились къ кошевому „изъ шинка Запорожскаго“. Полковникъ Волкъ не отрицалъ, что ограбилъ Донца, но заявилъ, что все взятое уже возвратилъ, оставивъ себѣ только „поясъ шелковой, зеленой, да рубль денегъ, а куфу горелки и барило оковитои выпил он, Волкъ, с товаришствомъ“; совершилъ же онъ ограбленіе по тому, что у него имѣются долговыя обязательства Донца. Сотнику Зубу, послѣ отъѣзда Донца въ Кіевъ и бѣгства въ Сѣчь Довбиша и Тандытника, подполковникомъ Кожинымъ, по распоряженію генералъ-маіора фон-Брантке, поручено было наблюденіе за Самарскимъ перевозомъ, съ правомъ, кромѣ платы за перевозъ, брать какъ съ мѣстныхъ шинкарей, такъ и съ проѣзжающихъ торговцевъ виномъ деньги на канцелярскіе расходы. Зубъ однако заявилъ, что денегъ за перевозъ онъ бралъ мало, ибо мало въ то время шло ватагъ, по случаю безпорядковъ въ Крыму, собралъ всего 15 руб. 48 коп., которыя и истрачены имъ слѣдующимъ образомъ: „на бумагу 5 руб. 80 к., здѣлано

короговъ за два рубли за пятьдесятъ копеекъ, сургучъ 40 к., свечи 60 к., за выслугу годовую писару Дѣмьяновичу 4 р.; итого 13 руб. 30 коп."; остающіеся 2 р. 18 к. готовъ онъ возвратить Донцу. Съ мѣстныхъ шинкарей онъ, Зубъ, денегъ не бралъ, бралъ лишь „по три кварты съ куфы горѣлки", водка эта и расходовалась на праздничное угощеніе козаковъ. Что касается заграбленнаго у Донца имущества, то это, по заявленію Зуба, сдѣлалъ онъ по приказу войскового эсаула Василія Мушкета (уже умершаго), которому и передалъ все взятое, а почему Мушкетъ далъ такое приказаніе и куда дѣвались взятыя вещи, онъ, Зубъ, ничего не знаетъ. Довбишъ также заявилъ, что у него есть векселя Донца, да и перевозъ держалъ онъ не два года, какъ утверждаетъ Донецъ, а лишь одинъ годъ и пятнадцать дней; ватаги въ это время шли вяло, направляясь больше на броды а въ послѣдующее время доходы съ перевоза отбиралъ подполковникъ Кожинъ. Кошевой удовлетворился этими объясненіями и отказалъ Донцу въ искѣ, обѣщавъ векселя его препроводить, въ качествѣ оправдательныхъ документовъ, къ генералъ-губернатору. Между тѣмъ Донецъ заявилъ послѣднему, что никакихъ долговыхъ обязательствъ Волку онъ не выдавалъ и что показанія Зуба и Довбиша относительно доходовъ отъ содержанія перевоза ложны, какъ видно изъ имѣющихся у него приходо-расходныхъ книгъ Хотя, дѣйствительно, доходъ въ 1745 г. былъ меньше прежняго, но произошло это отъ небрежности сотника Зуба, который „отвратилъ купеческихъ людей, которые идут через Царичанку въ Кримъ и с Криму, учиня шляги в броды вище и ниже монастыря;" но въ этомъ онъ самъ виноватъ, а равно самъ долженъ искать съ подполковника Кожина деньги, которыя тотъ незаконно бралъ у него. Ссылка на умершихъ кошевого и эсаула ничѣмъ не можетъ быть доказана. 21 декабря 1747 г. кошевому Козелецкому былъ снова посланъ строгій ордеръ „удовольствовать" Донца или выслать въ Кіевъ для суда виновныхъ, съ угрозою въ противномъ случаѣ донести обо всемъ Правительствующему Сенату. Но

тутъ оказалось, что Довбишъ изъ Сѣчи бѣжалъ неизвѣстно куда, а полковникъ Волкъ лежитъ боленъ. Впрочемъ, кое-что Донцу удалось таки возвратить; въ дѣлѣ имѣется реестръ вещамъ, полученнымъ имъ отъ полковника Волка. Повидимому, въ реестрѣ этомъ значатся вещи, взятыя не только самимъ Волкомъ, но также Зубомъ и Мушкетомъ. Несомнѣнно, однако, что стоимость захваченнаго превосходила то, что удалось возвратить Донцу послѣ столь долгой волокиты.

Мы не знаемъ, когда и какъ отбывалъ Донецъ наказаніе, наложенное на него духовнымъ судомъ. Въ Сѣчи же враги обвиняли его между прочимъ и въ томъ, что онъ бѣжалъ изъ Нехворощанскаго монастыря, въ который заключенъ былъ за четвероженство. Донецъ однако съ негодованіемъ отвергалъ обвиненіе въ четвероженствѣ; относительно же пребыванія своего въ Сѣчи объяснилъ, что онъ не самовольно бѣжалъ изъ монастыря, а отпущенъ архимандритомъ для устройства своихъ дѣлъ. Несомнѣнно, онъ былъ правъ; но несомнѣнно также и то, что выполнять до конца покаяніе, наложенное на него, по его мнѣнію, все-таки неправильно, онъ не помышлялъ. Въ апрѣлѣ 1747 г. Нехворощанскій архимандритъ Гавріилъ донесъ митрополиту, что отпущенный имъ для устройства своихъ дѣлъ Старосамарскій житель Никифоръ Донецъ на срокъ въ монастырь не возвратился, а „прибывъ въ Старую Самару, въ домъ свой, тамо съ женою своею беззаконною живетъ беззаконно“. Митрополитъ Тимоѳей Щербацкій просилъ генералъ-губернатора выслать Донца въ монастырь подъ карауломъ. И хотя Донецъ продолжалъ утверждать, что разводъ онъ получилъ законно, „по правиламъ св. отецъ“, тѣмъ не менѣе эпитимію ему пришлось выполнить до конца: 6 февраля 1750 г. ландмилицкій секундъ-маіоръ Семенъ Ковалевъ, по ордеру генералъ губернатора, выслалъ его въ Нехворощанскій монастырь.

Неизвѣстно, продолжалъ ли Донецъ, по отбытіи эпитеміи, „жить съ беззаконною женою своею Авдотьею беззаконно“; но отношенія его къ Запорожской старшинѣ по прежнему

оставались плохими. Преемникъ сотника Зуба Василій Чиленко въ апрѣлѣ 1751 г., неизвѣстно, по какой причинѣ, не позволилъ Донцу ѣхать за солью въ Крымъ. А когда Донецъ сталъ упираться, Чиленко велѣлъ его посадить на пушку, гдѣ продержалъ восемь недѣль и отпустилъ только за взятку въ 17 р. 50 к. Маіору Бутовскому предписано было взыскать эти деньги съ Чиленка; но получилъ ли свое Донецъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, положеніе его послѣ этого стало настолько небезопаснымъ, что въ февралѣ 1752 г. ему пришлось выхлопотать для себя у Леонтьева охранный листъ (салигвардію). Мало однако помогала и салигвардія. 25 мая 1752 г. Донецъ повстрѣчался на рынкѣ съ подвыпившимъ сотникомъ Иваномъ Березаномъ и городовымъ атаманомъ Ѳеодоромъ Боеракомъ. Послѣдніе начали ругать Донца, говоря, что не спасетъ его никакая салигвардія. Затѣмъ Боеракъ принялся бить Донца большою палкою, которою пробилъ ему до крови високъ и сломалъ правую руку. Въ заключеніе, Донца снова посадили на три дня на пушку, выбросили всѣ товары изъ одной его лавки и не дозволили торговать въ остальныхъ трехъ лавкахъ. Донося о послѣднемъ злоключеніи своемъ, Донецъ съ огорченіемъ указываетъ на свою старость и упадокъ силъ.—На этомъ оканчивается наше дѣло, и дальнѣйшая судьба Никифора Донца намъ неизвѣстна.

О. Фотинскій.

Примѣчаніе. Едва ли и важно знать послѣдующія обстоятельства жизни Донца. Вниманія заслуживаютъ изложенныя выше подробности дѣла; онѣ представляютъ грустную картину порядковъ, царившихъ въ Запорожьѣ въ концѣ его существованія; на каждомъ шагу мы видимъ господство произвола и полную необезпеченность личности и имущества гражданина. Гдѣ же причины этихъ порядковъ? были ли онѣ общія или частныя? Отвѣтить на эти вопросы можно будетъ лишь послѣ обсто-

ятельнаго изслѣдованія всѣхъ условій тогдашней жизни Украины. Вопросы эти стоятъ на очереди; они сложны и для своего рѣшенія требуютъ тщательнаго подбора историко-юридическихъ; матеріаловъ въ виду этой цѣли и дѣло Никифора Донца, мы увѣрены, сослужитъ свою долю службы.

И. К.

Извѣстія о новыхъ книгахъ.

1) Iózef Dunin-Karwicki. Z zamglonej i niedawno minionej przeszłosci. Wolynskie opowiadania historyczne. Warszawa 1901. Str. 220.

Авторъ, бывшій гвардейскій офицеръ, не новичекъ въ литературѣ. Извѣстны уже три сборника его историческихъ разсказовъ: а) Opowiadania historyczne z dziejów okolicy Słuczy i jej dopływów (1897); б) Opowiadania historyczne. Miejscowości nad Ikwą. Ich przeszłość i teraźniejszość (1898); в) Ze starego autoramentu. Tury i obrazki Wolyńskic (2 томика 1899 и 1900 г.). Не занимаясь рѣшеніемъ запутанныхъ историческихъ вопросовъ и вообще не претендуя на изслѣдованія по источникамъ первой руки, авторъ тѣмъ не менѣе достаточно начитанъ въ литературѣ по исторіи тѣхъ Волынскихъ мѣстностей, прошлое которыхъ онъ описываетъ, и къ тому же обладаетъ даромъ разсказывать легко и занимательно. Богатый матеріалъ для приданія разсказу живости и сочности даетъ ему близкое знакомство съ природой края и съ мѣстными преданіями, доступное только мѣстному уроженцу (авторъ—отъ предковъ помѣщикъ м. Мизоча Дубенскаго уѣзда). На этотъ разъ предметомъ его описанія служитъ девятидневная поѣздка, предпринятая имъ для осмотра—съ точекъ зрѣнія археологической и исторической—мѣстности, протянувшейся на югъ и юго-западъ отъ м. Мизоча. Вотъ списокъ городковъ и мѣстечекъ, селъ и деревень, которые посѣтили авторъ и его дорожный спутникъ: Борщевка, Буща, Хинковка, Исерна, Новомалинъ, Межиричи, Боровицы Большая и Ма-

лая, Куневъ, Долочь, Вилія, Сураж, Васьковичи, Рахмановъ Шумскъ, Брыковъ, Шумбаръ, Дедеркалы Большія и Малыя' Загайцы Большія и Малыя, Катербургъ, Горынка, Перед-' мирка, Корница, Ляховцы, Тихомль, Лановцы, Жуковцы, Вышгородокъ, Лопушно, Косодно, Верещаки, Теофиполь (Чуганъ или Чолганъ), Бѣлозерка, Збаражъ, Зборовъ, Залощe, Броды, Радзивилловъ, Крупецъ, Верба и Дубно. Всѣ эти мѣстности расположены въ предѣлахъ Дубенскаго, Острожскаго, Кременецкаго и Староконстантиновскаго уѣздовъ Волынской губерніи и отчасти въ австрійской Галиціи. О каждомъ поселеніи авторъ сообщаетъ то, что говорятъ о немъ печатные источники, а затѣмъ вычитанное дополняетъ преданіями, слышанными отъ старожиловъ, личными воспоминаніями, устными сообщеніями встрѣчавшихся во врѣмя поѣздки лицъ и газетными свѣдѣніями. Получается оживленная картина прошлаго и настоящаго. Замѣчателенъ фактъ, подтверждаемый у автора наглядными примѣрами,—почти полнаго исчезновенія въ этихъ мѣстахъ крупнаго польскаго землевладѣнія. Генералъ-адъютантъ Бобриковъ (Горынка) и отставной гвардіи полковникъ Тепляковъ (Бѣлозерка), бывшій Варшавскій губернаторъ Андреевъ (Буща) и бывшій Кіевскій вице-губернаторъ Ѳедоровъ (Жуковцы и Вышгородокъ), князь Имеретинскій (Вишневецъ и Передмирка) и князья Урусовы (Радзивилловъ), генералъ Галлеръ (Ляховцы), и графиня Блудова (Шумскъ и Брыковъ), профессоръ-акушеръ Рейнъ (Вилія), отставные чиновники Гогель, Борисовъ, Семеновъ, Свѣшниковъ (Верба) и т. д.—вотъ лица, явившіяся на смѣну стародавнихъ дворянскихъ родовъ въ качествѣ Волынскихъ помѣщиковъ. Бросается въ глаза при чтеніи очерковъ нашего автора одна характерная черта русскаго землевладѣнія на Волыни—это его неустойчивость, поразительная быстрота, съ которою смѣняются его представители вслѣдствіе постоянныхъ переходовъ имуществъ изъ рукъ въ руки. Болѣе прочнымъ является только владѣніе Удѣльнаго Вѣдомства, которому принадлежитъ обширный Острожскій ключъ наслѣдіе славныхъ нѣкогда князей Острожскихъ.

2) Fr. Rawita-Gawroński. Studya i szkice historyczne. Serya II. Lwów 1900. Str. 241.

Литературная физіономія г. Равиты-Гавронскаго достаточно извѣстна лицамъ, занимающимся южно-русской исторіей, и мы не будемъ перечислять здѣсь его прежнихъ сочиненій. Въ настоящемъ томѣ, посвященномъ Краковскому университету по случаю его 500-лѣтняго юбилея, авторъ касается многихъ сюжетовъ, весьма интересныхъ для спеціалистовъ по исторіи Южной Россіи. Всѣхъ статей въ сборникѣ десять. Среди нихъ особенно выдѣляется одна, передающая біографію Филиппа Орлика на основаніи его рукописнаго дневника, хранящагося въ Музеѣ князей Чарторыскихъ въ Краковѣ. Изъ этого дневника выясняются многія доселѣ неизвѣстныя подробности изъ жизни Орлика; напримѣръ, что онъ былъ шляхтичъ изъ нынѣшняго Ошмянскаго уѣзда Виленской губерніи, что родился онъ 11 октября 1672 г., что родъ его чешскаго происхожденія и бѣжалъ въ Польшу во время гусситскихъ войнъ, что до сближенія съ Мазепой онъ былъ писаремъ при Кіевскомъ митрополитѣ, что онъ напечаталъ панегирикъ *Hippomenes Sarmacki* на бракъ Анны Кочубеевой съ Обидовскимъ и т. д. Въ совершенно ясныхъ чертахъ рисуется и заграничная жизнь Орлика до самой его смерти въ 1746 г. Остальныя статьи менѣе важны, хотя все-таки заслуживаютъ вниманія: статья о судьбѣ имѣній, принадлежавшихъ нѣкогда Половцамъ-Рожиновскимъ (Рожино, нынѣ Рожны—село въ Остерскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи), и статья о мѣстѣ рожденія и предкахъ Тараса Шевченка, стремящаяся доказать, что крѣпостное право въ эпоху дѣтства Шевченка не такъ угнетало крестьянъ, какъ это казалось пылкому и несчастному въ личной жизни поэту.

— ——

3) Dzieje Akademii Zamojskiej (1594—1784) *skreślił oraz wykazem druków zamojskich opatrzył I. K. Kochanowski.* Kraków 1899—1900. Str. 345+XCVIII.

Книга эта принадлежитъ къ серіи изслѣдованій о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ старой Польши, предпринятыхъ группою польскихъ ученыхъ къ юбилею Краковскаго университета, и посвящена этому Университету — *ad honorem quingentesimi anniversarii Almae Matris Jagellonicae.* По содержанію своему она довольно спеціальна но нѣкоторыя мелочи заслуживаютъ и общаго вниманія. Въ числѣ профессоровъ Замойской Академіи съ 1720-хъ годовъ находился математикъ Станиславъ Дуньчевскій. Человѣкъ, отставшій отъ науки, вѣрившій еще астрологическимъ бреднямъ, Дуньчевскій замѣчателенъ, какъ издатель календарей, имѣвшихъ широкое распространеніе и въ Малороссіи. Первый календарь появился въ 1726 г. подъ заглавіемъ: „Kalendarz Polski y Ruski w którym swięta roczne y biegi niebieskie, aspekty, wybory etc. należytym porządkiem położone y opisane na Rok Panski 1726, przez Stanisława Dunczewskiego z przyzwoitą pilnością wyrachowany"... (стр. XL), а затѣмъ календари Дуньчевскаго издавались съ небольшими перерывами въ теченіе полустолѣтія, сперва подъ его собственной редакціей, а потомъ, когда онъ одряхлѣлъ, подъ редакціей его сына, также математика, Яна Дуньчевскаго (кажется, съ 1761 г.—см. стр. 302). Послѣдній календарь Дуньчевскихъ вышелъ на 1776 г. (стр. LIX). Недоброжелатели Замойской Академіи часто смѣялись, что если-бы не календари Станислава Дуньчевскаго, то никто не зналь-бы, что въ Замостьѣ существуетъ какая-то захудалая Академія (стр. 312). Въ 1738 г. Замойская Академія изъ-за календаря Дуньчевскаго перенесла довольно серьезную непріятность. Россійскій посолъ при польскомъ дворѣ графъ Кайзерлингъ выразилъ польскому правительству свое неудовольствіе на тѣ политическіе гороскопы, которыми Дуньчевскій снабжаетъ свои календари въ добавокъ къ обычнымъ предсказаніямъ о моровыхъ повѣтріяхъ, убійствахъ, пожарахъ, болѣзняхъ ит. д.

Коронный подканцлеръ Янъ Малаховскій написалъ по этому поводу письмо къ ректору Александру Пильшецкому слѣдующаго содержанія: „*Clarissime Domine, Amice honorande!* Lubo przesławna Akademia zamojska, *faecunda mater scientiarum,* pewna bydź powinna protekcji I. K. Mści P. M. M., y nie może wątpić o sprawiedliwym szaconku (s) tak wspaniałych y ciekawych nauk swoich, — jednak, gdy *Filius* iey, I. Mść Pan Dunczewski, matematyk, w kalendarzu na teraźnieyszy rok wydanym, *in Prognosi* o sukcessach Monarchyi Rossijskiey, *hoc nutrimento doctrinae intemperate usus est,* o co I. P. Keyserling, Minister *plenipotentiarius* Rossyiski, przez Memoryał podany *quaerulatur,* oraz o satis łakcyą u osoby Jego upraszał, zaczym I. K. M. zlecił mi *convenire* W. M. Pana, abyś chciał *praemonere* pomienionego I. Pana Dunczewskiego, żeby *in posterum cautius* opisował sukcesa tey Monarchyi, y wynalawszy (s.) takowe sposoby, z których by I. P. Minister Rossyiski był kontent, y miał *plenam sensibilitatis suae reconciliationem,* napisać do niego list tu, do Drezna, *qua Rector Academiae, excusando errorem* I. P. Dunczewskiego. O moim zaś ku przesławney Akademii upewniając affekcie, jestem *in particulari* W. M. W. M. Pana życzliwym i uniżonym sługą, Ian Małachowski mp.“ Въ отвѣтъ на это посланіе Академія постановила составить два письма: одно къ Малаховскому съ выраженіемъ благодарности за его расположеніе къ Академіи, а другое къ гр. Кайзерлингу съ просьбой о прощеніи и съ обѣщаніемъ, что на будущее время Дуньчевскій обязанъ будетъ, подъ угрозой строжайшаго наказанія, представлять свой календарь на цензуру ректора (стр. 244—245).

Напрасно гр. Кайзерлингъ разсердился на Дуньчевскаго за его предсказанія. Они выражены въ такой формѣ, что скорѣе способны разсмѣшить, нежели разсердить. Вотъ, напримѣръ, предсказаніе на 1734 годъ: „Moskwa, Wołochy, Ukraina, Kijów. Na zimę nieprzyjazne afekta chcą się obarmować (s). Dobrze by konserwować przyjaciół, o których trudno. Szczęśliwe lato: pretensye y affekta, a niespokoyne,—uśmierza, a w jesieni, iáko na starość, czàs sam mityguie rzeczy; gorączki

ochłodną"... (стр. 244, прим. 2). Книга г. Кохановскаго написана необыкновенно добросовѣстно и имѣетъ большую научную цѣнность. Она украшена интересными и для русскаго читателя портретами канцлера и гетмана Яна Замойскаго, основателя Замойской Академіи, его сына Ѳомы и невѣстки Екатерины (урожденной княжны Острожской) Замойскихъ.

А. С.

Краткое обозрѣніе рукописей Кіево-Софійской библіотеки.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, приступая къ „Описанію рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", я предрѣшилъ отодвинуть на послѣдній планъ описаніе рукописей Кіево-Софійскаго собора, такъ какъ эти рукописи, представляя изъ себя самую большую по количеству коллекцію въ Кіевѣ, довольно подробно и обстоятельно были уже описаны въ каталогѣ, составленномъ покойнымъ каѳедральнымъ протоіереемъ Кіево-Софійскаго собора Ив. Мих. Скворцовымъ, а потому болѣе другихъ доступны для изученія и разработки со стороны спеціалистовъ. Въ 1892 году вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ задуманнаго мною „Описанія рукописныхъ собраній" а въ 1897 году и второй его выпускъ. Наступала очередь и для третьяго, послѣдняго, выпуска, который долженъ заключать въ себѣ описаніе рукописей Кіево-Софійскаго собора. Къ описанію этого собранія я и приступилъ еще въ 1894 году, но, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій, велъ это дѣло съ большими перерывами и вчернѣ окончилъ его уже при новой администраціи Кіево-Софійскаго собора, лишь къ концу прошлаго 1900 года. Рукописи, разновременно вписывавшіяся въ библіотечный каталогъ, еще не располо-

жены мною по ихъ содержанію на группы, и не сдѣлано еще предполагаемыхъ мною библіографическихъ указаній и справокъ. И если я преждевременно рѣшился представить теперь краткое обозрѣніе этихъ рукописей, то дѣлаю это въ виду желанія мѣстныхъ спеціалистовъ познакомиться съ добытыми мною результатами моихъ работъ.

Всѣхъ рукописей въ Кіево-Софійской библіотекѣ въ наличности находится приблизительно до 734 №№. Скажемъ отдѣльно какъ о происхожденіи, такъ и о составѣ или содержаніи ихъ.

I.

Начало составленія Кіево-Софійской рукописной библіотеки не восходитъ раньше времени Кіевскаго митрополита Петра Могилы (1632—1646 г.г.), хотя есть въ ней рукописи и болѣе ранняго времени, именно конца XV или начала XVI вѣка.

О первоначальномъ составѣ и постепенномъ приращеніи Кіево-Софійской рукописной библіотеки до начала XIX вѣка мы имѣемъ нѣкоторыя данныя въ „Описи каѳедральной Кіево-Софійской библіотеки“ 1803 года (по каталогу № 610, л. 75 и слѣд.), гдѣ всѣхъ ея рукописей значится только 171 №. Всѣ онѣ, за весьма немногими исключеніями, отысканы нами [1]).

---

[1]) Въ теперешнемъ каталогѣ рукописей Кіево-Софійскаго собора, онѣ значатся подъ №№ 5, 17, 18, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 31. 33, 34, 38, 41, 43, 46, 47 49, 61, 105, 111, 129, 153, 208, 209, 212, 213, 214, 215, 217, 218, 219, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 237, 238, 239, 240, 243, 246, 256, 257, 258, 260, 263, 271, 272, 297, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 309, 311, 319, 324, 345, 346, 356, 357, 360, 362, 388, 389, 392, 393, 394, 396, 399, 400, 401, 402, 403, 405, 407, 410, 411, 443, 444, 445, 446, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 459 460, 462, 463, 464, 465, 467, 468, 470, 471, 472, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 492, 502, 541, 565, 574, 575, 576, 577, 589, 590, 624, 656, 657, 659, 660, 661, 671, 676, и 700.

Кромѣ этихъ собственно библіотечныхъ рукописей, въ настоящее время находится въ Кіево-Софійской библіотекѣ немало и такихъ, которыя, судя по надписямъ, принадлежали Кіево-Софійскому собору, но относятся къ церковно-богослужебнымъ рукописямъ, не внесены были въ опись 1803 года и, вѣроятно, имѣли свой каталогъ, нами не отысканный. Такихъ церковно-богослужебныхъ рукописей, несомнѣнно принадлежавшихъ Кіево-Софійскому собору, мы отыскали въ теперешнемъ каталогѣ его рукописей до 15-ти №№, а именно, №№ 78, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 647, 648, 698, 705, и 706. Кромѣ того, по упраздненіи Кіево-Межигорскаго монастыря въ 1786 году, вмѣстѣ съ утварью и ризницею его, переданы были въ Кіево-Софійскій соборъ, на время, и рукописи Межигорскаго монастыря, которыя затѣмъ и остались здѣсь навсегда. По крайней мѣрѣ, въ нынѣшнемъ составѣ рукописей Кіево-Софійскаго собора мы нашли до 18-ти рукописей, приписываемыхъ нынѣшнимъ каталогомъ Межигорскому монастырю или даже прямо съ надписями о принадлежности ихъ послѣднему (№№ 3, 4, 7, 42, 84, 86, 91, 92, 96, 97, 98, 101, 131, 133, 174, 391, 447 и 645). Такимъ образомъ, къ началу XIX столѣтія всѣхъ рукописей въ Кіево-Софійскомъ соборѣ должно было находиться не менѣе 204 №№.

Обращаясь, затѣмъ, къ самымъ этимъ рукописямъ, надписямъ на нихъ, хронологическимъ и др. датамъ, мы можемъ прослѣдить отчасти, отъ кого и когда онѣ поступили въ Кіево-Софійскій соборъ. Такъ, между ними есть автографъ и рукописи съ надписями митрополита Петра Могилы (№№ 257, 647 и 676 и по каталогу печатныхъ книгъ № 147), рукопись съ возношеніемъ имени епископа Сильвестра, можетъ быть Коссова (№ 76), рукописи съ записями или означеніемъ именъ Кіевскихъ митрополитовъ Діонисія Балабана (№ 77), Варлаама Ясинскаго (№№ 38, 154, 208, 345 и 388), Іоасафа Кроковскаго (№№ 5, 25, 152, 444 и 450), Рафаила Заборовскаго (№ 364), Арсенія Могилянскаго (№№ 541 и 624) и особенно Самуила Мислявскаго, пожертвовав-

шаго въ Кіево-Софійскую библіотеку не менѣе 14 рукописей, изъ коихъ 13 занесены въ опись 1803 года (по нынѣшнему каталогу №№ 39, 125, 126, 127, 251, 296, 324, 343, 366, 562, 616 и 690). Нѣкоторыя рукописи соединены съ именами Иннокентія Гизеля (№№ 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304 и 305), Паисія Лигарида (автографъ, № 311), Зосимы Согнѣкевича (№№ 300 и 301), Товіи Петрашки (№№ 306 и 307), Василія Григоровича-Барскаго (№ 346), Гавріила Домецкаго (№№ 263, 634 и 675) и др. Но большинство рукописей этого періода суть системы наукъ, преподанныя преимущественно въ Кіевской академіи во второй половинѣ XVII и въ первой XVIII вѣковъ. Такихъ рукописей насчитывается свыше 120 №№.

Наибольшее число рукописей поступило въ Кіево-Софійскую библіотеку въ XIX вѣкѣ.

Съ собственноручными замѣтками Кіевскаго митрополита Серапіона Александровскаго (1803—1822 г.г.) сохранилось въ Кіево-Софійской библіотекѣ 5 рукописей (№№ 542, 543, 710, 711 и 713) и, кромѣ того, двѣ рукописи (№№ 677 и 712) относятся ко времени его митрополитства.

29 Апрѣля 1823 года скончался коадъюторъ Кіевской митрополіи, Преосвященный Ириней Фальковскій, епископъ Чигиринскій, извѣстный ученый своего времени. Рукописи его, по распоряженію Кіевскаго митрополита Евгенія (Болховитинова), переданы были въ Кіево-Софійскую библіотеку по особому списку, въ которомъ значилось ихъ 70 №№ (№ 725); но въ нынѣшнемъ Кіево-Софійскомъ каталогѣ ихъ значится уже до 84 №№, [1]) слѣдов., на 14 №№ больше, чѣмъ сколько значится ихъ въ пріемномъ спискѣ. Эта разность объясняется тѣмъ, вопервыхъ, что двѣ рукописи въ библіотечномъ каталогѣ, по ошибкѣ, запи-

[1]) №№ 14, 16, 21, 32, 64, 103, 106, 121, 123, 135, 136, 142, 143, 150, 165, 247, 249, 253, 254, 255, 264, 265, 266, 267, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 354, 355, 358, 359, 369, 370, 378, 379, 386, 418, 481, 489, 490, 491, 515, 545, 551, 578, 579, 580, 581, 582, 612, 618, 620, 621, 628, 629, 630, 650, 657, 662, 663, 670, 674, 678, 691, 692, 693 и 694.

сапы дважды; во — вторыхъ, двѣ рукописи приосвященнаго Иринея (№№ 650 и 678) поступили гораздо позже, изъ другихъ источниковъ; въ—третьихъ, тѣмъ, что сдаточный списокъ Иринеевскихъ рукописей составленъ былъ неточно, нерѣдко закрывая однимъ неопредѣленнымъ общимъ заглавіемъ нѣсколько разныхъ рукописей. Теперь всѣхъ рукописей преосвященнаго Иринея значится въ Кіево-Софійскомъ каталогѣ 82, за исключеніемъ повторяющихся подъ другими №№ Всѣ онѣ и перечислены въ сочиненіи Г. О. Булашева о преосвященномъ Иринеѣ Фальковскомъ, 1883 года.

Самое большее число рукописей поступило въ Кіево-Софійскую библіотеку отъ извѣстнаго ученаго іерарха, митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова. Въ хранящейся въ библіотекѣ Церковно-археологическаго музея при Кіевской дух. академіи подлинной „Описи рукописямъ, поступившимъ по завѣщанію въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнѣйшаго Евгенія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, изъ библіотеки въ Кіево-Софійскій каѳедральный соборъ, 1838 года“ (№ 824), такихъ рукописей значится 310 №№. Изъ нихъ до 16-ти №№ мы не нашли въ нынѣшнемъ каталогѣ Кіево-Софійской библіотеки (по Описи 1838 года, №№: 126, 147, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 161, 162, 163, 165, 166 и 297). Но за то въ нынѣшнемъ каталогѣ Кіево-Софійской рукописной библіотеки оказалось столько же, если не больше, рукописей, несомнѣнно принадлежавшихъ м. Евгенію, но не попавшихъ въ „Опись“ 1838 года (№№ 58, 59 62, 69, 71, 73, 151, 178, 206, 321, 415, 533, 539, 586, 614, 653 667). Всѣхъ вообще Евгеніевскихъ рукописей должно было быть приблизительно до 327 №№, а въ настоящее время ихъ числится въ Кіево-Софійской библіотекѣ до 307 №№ [1])

[1]) По нынѣшн. каталогу №№ 8, 13, 30, 40, 44, 50, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 79, 80, 81, 100, 104, 108, 109, 110, 112, 120, 124, 128, 137, 138, 139, 140, 141, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 151, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 178, 179, 180, 181, 182, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 204, 205,

Многіе уже пользовались рукописями м. Евгенія, а особенно профессоръ Е. Шмурло и г. Полетаевъ, но они не имѣли въ виду всей полноты Евгеніевскихъ рукописей, такъ какъ, съ одной стороны, еще неизвѣстна была оффиціальная „опись“ этихъ рукописей 1838 года, а съ другой нѣсколько Евгеніевскихъ рукописей тогда не было еще занесено въ каталогъ Кіево-Софійской библіотеки, которымъ исключительно пользовались ученые.

Рукописи м. Евгенія чрезвычайно разнообразнаго содержанія и характера. Можно сказать, что нѣтъ почти отрасли знанія, которой бы онѣ не касались. Но преобладающее большинство ихъ относится къ русской исторіи, русскимъ древностямъ и русской литературѣ, духовной и свѣтской. Есть между ними нѣсколько черновыхъ работъ или же копій съ печатныхъ трудовъ самого м. Евгенія, его переводовъ съ иностранныхъ языковъ и матеріаловъ, которыми онъ пользовался въ своихъ ученыхъ работахъ. Но главная масса рукописей—это-научные матеріалы, собранные частію другими лицами и поступившіе къ м. Евгенію, частію же непосредственно имъ самимъ. Матеріалы по изслѣдованію кормчей барона Розенкампфа переданы имъ самимъ м. Евгенію для Кіево-Софійской библіотеки (№№ 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, и 72), равно какъ сенаторъ И. В. Лопухинъ самъ передалъ нашему митрополиту свои автобіографическія записки (№ 722). Поступили также къ м. Евгенію бумаги и историческіе

206, 207, 210, 211, 250, 252, 259, 262, 268, 269, 270, 273, 294, 295, 313, 315, 316, 317, 318, 320, 321, 322, 323, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 344, 347, 348, 349, 350, 351, 361, 367, 368, 371, 373, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 387, 413, 414, 415, 416, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 482, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 501, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 516, 517, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 546, 547, 548, 549, 550, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 563, 564, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 584, 585, 586, 587, 588, 591, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 613, 614, 615, 617, 619, 622, 634, 635, 636, 651, 652, 653, 654, 655, 667, 668, 672, 673, 679 693, 695, 714, 715, 716, 717, 719, 721, 725 и 728.

матеріалы преосвященнаго Амвросія Орнатскаго, автора „Россійской Іерархіи“ (№№ 168. 182, 184, 250, 262, 295, 548, 607, и др.), Записки бывшаго начальника русской миссіи въ Пекинѣ архимандрита Софронія Грибовскаго (№№ 505 и 506) и др. Самъ м. Евгеній собиралъ рукописи и историческіе матеріалы или дѣлалъ копіи съ нихъ на всѣхъ мѣстахъ своего разнообразнаго и продолжительнаго служенія русской церкви и наукѣ, т. е. въ Воронежѣ, Петербургѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, Псковѣ и Кіевѣ. Многія изъ заказанныхъ имъ копій съ древнихъ историческихъ и литературныхъ памятниковъ или выписки изъ нихъ, сдѣланныя притомъ же небрежно или неумѣло, въ настоящее время, при существованіи болѣе исправныхъ изданій подлинниковъ, не имѣютъ для насъ научнаго значенія, каковы, напр., выписки изъ Святославова Изборника (№ 44), изъ поученій преп. Ѳеодосія Печерскаго (№ 268), изъ служебника Антонія Римлянина (№ 79), изъ паломниковъ Даніила игумена (№ 155), Стефана Новгородца (№ 157) и Арсенія Суханова (№ 204), изъ сочиненій Максима Грека (№ 673), Іосифа Волоцкаго (№ 321), Московскаго митрополита Даніила (№ 155), патріарха Никона (№ 174) и многихъ другихъ. Но оригинальные историческіе акты, бумаги и рукописи, собранные митрополитомъ Евгеніемъ, и нѣкоторыя изъ копій съ оригиналовъ, до насъ не дошедшихъ, имѣютъ полное научное значеніе и въ настоящее время.

Отъ Воронежской жизни м. Евгенія сохранились въ его библіотекѣ: извѣстный уже членамъ общества Нестора-лѣтописца старѣйшій списокъ первыхъ частей Энеиды Котляревскаго, 1794 года (№ 497), „Икона Алкивіадская или Израильскій змій“, Гр. С. Сковороды (№ 416, л. 175—204) и сборникъ указовъ Воронежской консисторіи (№ 425).

Въ Петербургѣ сняты имъ, въ разное время, копіи съ нѣкоторыхъ рукописей и документовъ Александро-Невской академіи (№№ 537 и 635) и Св. Синода (№№ 180 и 133).

Особенно много научной добычи получилъ м. Евгеній въ Новгородѣ, вѣроятно въ бытность свою при Александро-Невской академіи и затѣмъ епископомъ Старорусскимъ,

викаріемъ Новгородской епархіи (1804—1808 г.г.). Кромѣ копій съ наиболѣе интересовавшихъ его рукописей Софійской и другихъ библіотекъ Новгородскихъ (№№ 174, 185. 189, 528, 547, 550, 556, 560, 564), м. Евгеній вывезъ отсюда немало и оригинальныхъ рукописей, бумагъ и актовъ, касающихся Новгорода и Новгородской епархіи, напримѣръ уставъ Новгородскаго Софійскаго собора (№ 108), о Новгородскомъ соборѣ и Новгородскихъ архіереяхъ (№ 162), о нѣкоторыхъ Новгородскихъ святыхъ (№ 188), Новгородскій лѣтописецъ (№ 527), реестры и каталоги нѣкоторыхъ Новгородскихъ библіотекъ (№№ 367 и 609) и др. Особенно цѣльную коллекцію представляетъ собраніе Новгородскихъ грамотъ, указовъ и дѣловыхъ бумагъ Новгородскихъ архіереевъ съ XVI вѣка (№№ 431 и 619) и между ними Ѳеофана Прокоповича (№ 602) и митрополитовъ Гавріила Петрова (№№ 325 и 599) и Амвросія Подобѣдова (№ 606).

Изъ Вологды, гдѣ митрополитъ Евгеній пробылъ съ 1808 до 1816 года, вывезено имъ до 15-ти рукописей и сборниковъ документовъ, касающихся исторіи Вологодскаго края и епархіи (№№ 68, 138, 139, 161, 166, 167, 168, 205, 337, 338, 339, 531, 553, 558 и 569).

Сравнительно мало вывезено м. Евгеніемъ рукописей изъ Пскова, гдѣ онъ былъ на каѳедрѣ съ 1816 до 1822 года. Къ нимъ относятся: надписи въ пещерахъ Псково-Печерскаго монастыря (№ 191), копіи Псковскихъ лѣтописей, снятыя, впрочемъ, не со Псковскихъ оригиналовъ (№№ 529 и 530), и одинъ сборникъ (№ 598).

Едва ли не больше всего осталось отъ м. Евгенія ученыхъ матеріаловъ по Кіеву и по Юго-Западной Россіи вообще. Многое онъ нашелъ въ самомъ Кіевѣ, а иное пріобрѣталъ въ копіяхъ изъ центральныхъ и нѣкоторыхъ областныхъ русскихъ древнехранилищъ. Вѣроятно, въ самой митрополитанской канцеляріи замѣнившей собою Кіевскую „катедру“ (каѳедральную канцелярію), онъ нашелъ цѣлый рядъ сборниковъ указовъ и дѣловыхъ бумагъ своихъ предшественниковъ, Кіевскихъ митрополитовъ Тимоѳея Щербац-

каго (№ 430), Арсенія Могилянскаго (№№ 427, 429 и 434) Самуила Мислявскаго, собиравшаго ихъ въ разныхъ мѣстахъ своего служенія (№№ 426, 428 и 435), и Серапіона Александровскаго (№№ 718), и взялъ ихъ въ свою библіотеку. Сюда же онъ присоединилъ разныя описи ризницъ (№№ 364, 365), церковныхъ имѣній (№ 371), книгъ и рукописей (№№ 367, 368, 369, 371, 610, 613, 614, 615 и 674) разныхъ Кіевскихъ монастырей и церквей, документовъ (№ 708) и копій съ нихъ (№ 720), а также учено-литературныхъ произведеній Кіевскихъ (№ 259 и мн. др.). Не довольствуясь мѣстными Кіевскими источниками, м. Евгеній отовсюду собиралъ свѣдѣнія и копіи документовъ и историко-литературныхъ произведеній для исторіи Кіева и Юго-Западной Россіи, напр. изъ Св. Синода (№ 180), Московскаго Архивы Иностранныхъ Дѣлъ (№№ 69, 160, 521, 594 и 655), а черезъ посредство графа Румянцева—изъ Швеціи (хроника Сафоновича, № 525) и изъ Римскихъ библіотекъ, напр. копія письма уніатскаго епископа Якова Суши (№ 206), и др. Къ этому нужно прибавить еще, что м. Евгеній весьма интересовался извѣстіями иностранныхъ писателей о Россіи и дѣлалъ извлеченія изъ нихъ и переводы (№№ 144, 145, 159, 163, 202, 242, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 533, 534, 535, 536, 538, 549, 566, 586, 594, и др.).

Не прекратился притокъ рукописей въ Кіево-Софійскую библіотеку и послѣ м. Евгенія, особенно при протоіереѣ Ив. Мих. Скворцовѣ. Въ 1850 году поступили въ Кіево-Софійскую библіотеку рукописи монастырей Кіевской епархіи: Корсунскаго (№№ 2, 27 и 85), Мотронинскаго (№№ 35 и 134), Мошногорскаго (№ 131), Медвѣдовскаго (№№ 28, 48, 603, 604 и 685) и особенно Бѣлиловскаго (№№ 236, 242 245, 352, 375, 376, 377, 409, 461, 626, 730 и 731), а также отъ частныхъ лицъ—самого протоіерея Скворцова (№№ 605, 733,734) Т. Сухобрусова (№№ 626, 677 и 689), протоіерея Ав. Лотоцкаго (№ 669), священниковъ Ф. Зельницкаго (№ 203), Н. Подвысоцкаго (№ 6) и О. Козубскаго (№ 241), іеромонаха Геронтія (№ 82), чиновника К. Лохвицкаго (№№ 11, 12, 37, 261, 417, 544, 664 и

687) и гражданина М. Пирожкова (№№ 433 и 631), въ 1851 году отъ священника П. Ботвиновскаго (№№ 632 и 633), въ 1852 году отъ А. И. Линниченка (№№ 682 и 688) и Ѳеофана Авсенева (№ 690); въ 1854 году отъ одного ученика семинаріи (№ 675); въ 1851 году отъ протоіерея О. Колтоновскаго (№ 650); въ 1861 году изъ одной закрытой старообрядческой часовни, кажется Чернобыльской (№№ 627, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, и 742). При каѳедральномъ протоіереѣ П. Г. Лебединцевѣ поступило въ Кіево-Софійскую библіотеку немного рукописей. Къ нимъ относятся Апокалипсисъ на малорусскомъ нарѣчіи, 1863 года (№ 743) одна рукопись отъ Л. С. Мацѣевича въ 1870 г. (№ 683) одна отъ неизвѣстнаго въ 1871 г. (№ 678), одна изъ Московской Синодальной конторы въ 1872 г. (№ 695), одна послѣ смерти Кіевскаго митрополита Филоѳея 1882 г. (№ 745) и одна, отобранная въ 1889 году у Кіевскаго золотыхъ дѣлъ мастера Богаевскаго (№ 746). Послѣдняя изъ нихъ есть напрестольное евангеліе XVII вѣка въ серебряномъ окладѣ, отбитое извѣстнымъ полковникомъ Семеномъ Палѣемъ въ 1709 году у непріятеля подъ Переволочною и записанное имъ въ церковь села Мизици. Но и эти рукописи не всѣ были занесены при протоіереѣ Лебединцевѣ въ библіотечный каталогъ. Всѣхъ рукописей, поступившихъ въ Кіево-Софійскую библіотеку съ 1838 по нынѣшній годъ, насчитывается до 66 №№.

II.

Изъ перечисленныхъ рукописныхъ группъ Кіево-Софійской библіотеки, образовавшихся исторически, конечно наиболѣе имѣютъ отношеніе къ занятіямъ Общества преподобнаго Нестора-лѣтописца рукописи и документы мѣстнаго происхожденія. Повидимому, сравнительно меньше имѣютъ мѣстнаго Кіевскаго и вообще южнорусскаго интереса рукописи м. Евгенія; но и между ними, какъ мы

уже видѣли, есть значительный отдѣлъ рукописей и документовъ съ мѣстнымъ южнорусскимъ характеромъ. Въ настоящій разъ укажемъ въ перечисленныхъ группахъ только такіе разряды рукописей, которые, по содержанію или языку, имѣютъ мѣстный Кіевскій или южнорусскій характеръ, и отмѣтимъ важнѣйшія рукописи въ этихъ разрядахъ. Разряды эти, по содержанію рукописей, могутъ быть установлены слѣдующіе.

1. *Полемическія сочиненія съ иносл авными.* Это самый древній и самый распространенный въ Юго-Западной Руси отдѣлъ литературы. Древнѣйшее изъ такихъ сочиненій въ Кіево-Софійской библіотекѣ есть „Вказъ о томъ, што именуютъ быти отступницы церкви святое всходнее голову папежа римскаго, а не Іисуса Христа Сына Божія", въ 22 главахъ, составленный, какъ показано на 79 листкѣ, въ 1597 году (№ 357, л. 70—100). Изъ дальнѣйшихъ, по времени, полемическихъ сочиненій между Кіево-Софійскими рукописями находятся два посланія Кирилла Лукариса (№ 675, извѣстная „Вѣра единой святой каѳолицкой апостольскоіі церкви" и З. Копыстенскаго (№№ 125 и 309); толкованіе на божественную литургію нѣкоего Василія, съ полемикою противъ цвингліанъ, лютеранъ и папистовъ (№ 105); Prawdziwa wiara stara Cerkwi swiętey Wschodniey Иннокентія Гизеля, 1670 г.; извѣстное, но доселѣ неизданное сочиненіе (№№ 302—305), о происхожденіи Св. Духа отъ одного Отца, Георгія Коресія Хіосца въ переводѣ на латинскій языкъ Паисія Лигарида, сдѣланномъ въ 1675—6 годахъ по желанію Кіевскихъ игуменовъ (№ 311); „Przestroga prawowiernym" о. Зосимы Согнѣкевича, 1678 г., бывшаго передъ тѣмъ профессоромъ и префектомъ школъ Кіевскихъ (№№ 300 и 301). Къ концу XVII вѣка должно отнести „Собраніе латинское" объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, съ выписками изъ сочиненій Св. Григорія Солунскаго и Нила Кавасилы, составленное какимъ-то православнымъ нерусскаго, судя по языку, происхожденія (№ 299). Можетъ быть, это—неизвѣстный доселѣ полемистъ игуменъ Товія Петрашко, кажется, молдавскаго происхожде-

нія, который въ 1705 и 1706 годахъ написалъ полемическое сочиненіе противъ латинянъ „О достоинствѣ Св. Петра и папъ римскихъ и о исхожденіи Духа Святаго“ (№№ 306 и 307). Насколько живъ былъ полемическій интересъ даже въ первой половинѣ XVIII вѣка, это можно видѣть изъ того, что въ 1726 году Карлъ Голекъ переписалъ и подарилъ въ Солуни нашему знаменитому паломнику Василію Григоровичу-Барскому „Апологію пяти главъ“ Флорентинскаго собора Геннадія Схоларія, патріарха Константинопольскаго (№ 346). Около 1765 года переведено было на русскій языкъ, кажется въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ „Сочиненіе противу опрѣсноковъ“ врача Евстратія Аргентія Хіосца (№ 352, л. 229 - 254). Предоставляя разборъ или обзоръ этихъ полемическихъ сочиненій спеціалистамъ, мы съ своей стороны, замѣтимъ только, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтно пробивается струя ново-греческаго вліянія на южнорусскихъ полемистовъ, т.е. вліянія позднѣйшихъ грековъ, получившихъ западно-европейское образованіе и писавшихъ въ защиту православія. Не безъинтересны южно-русскія полемическія сочиненія и въ историческомъ отношеніи, такъ какъ нерѣдко касаются современныхъ историческихъ обстоятельствъ, а иногда и заключаютъ въ себѣ письма современниковъ.

2. Богослуженіе, обряды и каноны. Полемизируя съ католиками и вообще съ инославными, южно-русскіе православные провѣряли ихъ источники съ цѣлію или опровергнуть противника или отыскать и установить нормы церковной и церковно-общественной жизни на югѣ Россіи. Вслѣдствіе этого, пробуждается на югѣ Россіи особенный интересъ къ святоотеческимъ твореніямъ и переводамъ ихъ на русскій или южнорусскій языкъ. Въ Кіево-Софійской библіотекѣ мы имѣемъ переводы твореній Св. Макарія Египетскаго и Св. Григорія Двоеслова, сдѣланные въ Черниговѣ іеромонахомъ Макаріемъ Василевичемъ около 1672 года (№№ 15, 23, 24 и 49), творенія преп. Ефрема Сирина, аввы Аммона и др., переведенныя въ Черниговѣ въ концѣ XVII вѣка (№ 20), творенія блаженнаго Симеона Солунскаго, св. Игнатія Бого-

носца, Германа, патріарха Константинопольскаго, въ спискѣ Досиѳея, митрополита Сочавскаго, конца XVII вѣка (№ 38), а также творенія св. Ѳеофила, патріарха Антіохійскаго, блаженныхъ Олимпіодора и Моисея Варъ-Нифа Сирина и др. (№ 47). Но особенное значеніе между этими переводами получаютъ святоотеческія творенія и каноническіе сборники, имѣющіе въ виду опредѣлить и урегулировать вѣроученіе, обряды и церковнообщественную жизнь православныхъ на югѣ Россіи. Въ одну изъ печатныхъ книгъ Кіево-Софійской библіотеки вплетено рукописное „Синтагматіонъ или о св. седми тайнахъ церковныхъ списаніе блаженнаго митрополита Филаделфійскаго кѵръ Гавріила", переведенное въ 1603 году въ Дерманскомъ монастырѣ нѣкіимъ Розвянецкимъ и принадлежавшее митрополиту Петру Могилѣ (Печатн. кн., № 147, рукописное прибавленіе). Мы предполагаемъ, что это переведенное съ греческаго сочиненіе послужило прототипомъ для послѣдующихъ сочиненій южнорусскихъ архипастырей первой половины XVII в. о тайнахъ церковныхъ и между прочимъ „Дидаскаліи" Сильвестра Коссова, (Кіевскій м. П. Могила, Голубева т. II., Кіевъ, 1898 г., прилож. стр. 206 и слѣд.) Требуютъ также изслѣдованія, со стороны источниковъ и происхожденія, рукописныя „наука кождому священнику о нужныхъ ихъ повинностяхъ около печалованія душъ право правящихъ о тайнѣ покаянія" (№ 258) и ученіе о святомъ покаяніи (№ 699), обѣ XVII вѣка. Онѣ, надо полагать, проложили въ Юго-Зап. Россію путь такимъ сочиненіямъ по казуистическому богословію каковы напр. „Книга вопросовъ и отвѣтовъ катехистическихъ" Симеона Полоцкаго (№№ 209 и 704, л. 25—98), Миръ человѣка съ Богомъ, И. Гизеля (печатное) и др. (№ 259). Въ 1681 году изданъ былъ въ Венеціи „Катихизисъ святый или божественныя литургіи толкованіе и экзаменъ рукополагающихся" Николая Булгара; этотъ катихизисъ ἱερά, извѣстный въ сѣверно-русскомъ переводѣ конца XVII в., въ 1765 году вновь переведенъ былъ съ греческаго языка въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ монахомъ Маркелломъ Морозевичемъ (№ 352, л. 31—

157). Въ Кіево-Софійской библіотекѣ мы имѣемъ и опыты исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ. Таковъ рукописный „Служебникъ и требникъ архіерейскій", новоисправленный Іо. Боярскимъ, переписанный въ 1632 г. и принадлежавшій м. Петру Могилѣ (№ 647). Къ числу богослужебныхъ рукописей Кіево-Соф. библіотеки нужно отнести и цѣлую серію подлинныхъ концертовъ южно-русскихъ композиторовъ конца XVII и XVIII вв., какъ напр. Давидовича, монаха Герасима Подольскаго, священника Іоанна Ханенка, Василья Титова и др. (№№ 113—119 и 645).

Что же касается установленія нормъ церковно-общественной южно-русской жизни, то въ этомъ отношеніи въ Кіево-Соф. библіотекѣ заслуживаютъ вниманія слѣд. рукописи: „Уставы св. апостолъ Климента Риму епископа и гражданина соборное наученіе," переведенные въ 1693 году на русскій языкъ Сочавскимъ митрополитомъ Досиѳеемъ (№ 61), и двѣ южно-русскія кормчія, изъ коихъ одна—половины XVI вѣка (№ 50), а другая—1615 года (№ 51). Предоставляя спеціалистамъ подробное изслѣдованіе ихъ, мы съ своей стороны замѣтимъ только, что на поляхъ кормчей XVI вѣка есть много позднѣйшихъ замѣтокъ XVII вѣка, направленныхъ какъ противъ католичества, такъ и противъ недостатковъ тогдашней южно-русской церковно-общественной жизни (№ 50).

3. Проповѣдничество. Проповѣдничество ведетъ начало свое отъ свято-отеческой литературы и тѣсно сливается съ нею. Въ Кіево-Соф. библіотекѣ есть рукописный „сборникъ" разныхъ свято-отеческихъ словъ, первой четверти XVII в., въ правописаніи носящій слѣды сербской редакціи. Въ нѣкоторыхъ словахъ встрѣчаются такія замѣтки на поляхъ: exordium, narratio, conclusio и проч. (№ 42). Слѣдов., сборникъ этотъ имѣлъ и гомилетическое значеніе. Съ другой стороны, въ Кіево-Софійской рукописной библіотекѣ есть и образцы латино-польской проповѣди, какъ напр. „Wody żywotne" Генриха Кисценнигія 1641 г. (№ 257), „Даръ любве" и проч., первой четверти XVII в. (№ 357), Бел-

лярмина о вѣчномъ блаженствѣ (№ 253), извлеченія, въ южно-русскомъ переводѣ, изъ проповѣдей Цезарія Гейстербахскаго (№ 362, л. 136) и др. Изъ болѣе или менѣе оригинальныхъ южно-русскихъ проповѣдей могутъ быть отмѣчены слѣдующія: „Въ недѣлю предъ Рожд. Христовымъ наука“ архимандрита Леонтія Карповича (№ 357, л. 101—108); бесѣда Варѳоломея Лѣтопольскаго на погребеніе Александрійскаго патріарха Митрофана въ Бухарестѣ въ 1639 году, съ указаніямъ на то, что Лѣтопольскій былъ въ Валахіи странникомъ, т. е. чужеземцемъ (№ 675, л. 107 и 182); десять проповѣдей, произнесенныхъ въ 1643—4 г.г. въ Любавичахъ и въ Борколабовѣ, Могилевской епархіи, иногда въ присутствіи извѣстнаго ревнителя православія Богдана-Ѳеодора Вильгельмовича Стеткевича-Заверскаго (№ 357, л. 109 и сл.). Особенно же замѣчателенъ сборникъ проповѣдей, подъ такимъ заглавіемъ: „Наука христіанская, изъ Евангелія въ коротцѣ зложоная, въ кождую неделю и праздники Господскія и Богоматерныя, на увесь цѣлый рокъ, барзо простою мовою и діялектомъ, ижъ и напростѣйшему человѣкови снадно понятая, священникомъ Рѣшетиловскимъ, тракту Полтавскаго, храма Успенія Пресв. Богородицы, Симеономъ Тимофѣевичемъ, въ 1670 году“ (№ 297). Въ предисловіи къ книгѣ о. Симеонъ указываетъ на примѣры примѣненія народной рѣчи въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ и обѣщаетъ избѣгать въ проповѣдяхъ полемики и предлагать только положительное православное ученіе. По всей вѣроятности, сборникъ проповѣдей священника Симеона Тимофѣевича по содержанію своему стоитъ въ зависимости отъ учительныхъ евангелій или Каллиста, или Транквилліона, или другихъ подобныхъ проповѣдническихъ сборниковъ; но главный интересъ его заключается въ простонародной малорусской рѣчи, которая дѣлаетъ его однимъ изъ рѣдчайшихъ старѣйшихъ памятниковъ малорусской литературы.

4. Параллельно съ проповѣдничествомъ развивалась и *южноруская житійная литература*. Самыми древними памят-

никами ея въ Кіево-Софійской библіотекѣ являются два пролога конца XV и начала XVI в., со славянскими и русскими статьями (№№ 131 и 132), и Четь-Минея на май мѣсяцъ, конца XVI или начала XVII вѣка, заключающая, въ себѣ между прочимъ, сказаніе Симона, епископа Владимирскаго, о Кіево-печерскихъ черноризцахъ,и посланіе Поликарпа къ Акиндину о Кіево-печерскихъ святыхъ (№ 133), положенныя какъ извѣстно, въ основу Кіево-печерскаго патерика. Послѣдній въ первой половинѣ XVII в. имѣлъ двѣ новыя редакціи: польскую С. Коссова (Патериконъ, 1635 г.) и славяно-русскую Іосифа Тризны (рукоп. церковно-археол. муз., № 93), легшія въ основу печатныхъ церковно-славянскихъ изданій Кіево-печерскаго Патерика съ 1661 года. Но рядомъ съ разработкою Кіево-печерскаго Патерика, развивалась въ это время и другая агіографическая литература, какъ мѣстная Кіевская, такъ и общехристіанская, и при томъ, что̀ особенно важно и интересно, на мѣстномъ южно-русскомъ тогдашнемъ языкѣ. Мы здѣсь преимущественно имѣемъ въ виду сборники житій святыхъ въ порядкѣ православнаго мѣсяцеслова на весь годъ, но не на каждый, впрочемъ, день церковнаго года. За мартовское полугодіе доселѣ извѣстны уже два такихъ сборника въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры (по моему Описанію, №№ 370 и 371). Въ Кіево-Софійской библіотекѣ есть еще два сборника такого же состава (№ 129 и 130) и извлеченія изъ подобнаго же третьяго (№ 353, и 473 и слѣд.); но здѣсь оказался такой же сборникъ и за вторую, сентябрьскую, половину церковнаго года (№ 735). Ключъ къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи этихъ сборниковъ можетъ дать рукопись: „Животы святыхъ“ Могилевской дух. симинаріи (Кат. А. 2107 — 18), второй половины XVII вѣка, съ такою позднѣйшею на ней надписью: „Сія книга Житія святыхъ Ветхаго и Новаго Завѣта“, сочиненная іезуитомъ Петромъ Скаргою, переведена съ польскаго на бѣлорусскій языкъ Іоанникіемъ Галятовскимъ, ректоромъ Кіевской Академіи. „Подлинникъ на польскомъ языкѣ находится въ Могилевской семинарской библіотекѣ

подъ № 1882-мъ. Іюля 26 дня 1836 года." І. Галятовскій перевелъ изъ Скарги только житія древнихъ общехристіанскихъ святыхъ, признаваемыхъ православною церковью, которыя заимствованы Скаргою изъ византійскихъ же источниковъ (Метафраста), а также нѣкоторыя памяти древнихъ общехристіанскихъ святыхъ по римскому календарю, и одно только сказаніе изъ западно-европейской средневѣковой жизни о мученіи младенца Симеона Тридентскаго отъ жидовъ въ 1475 году. Но есть тутъ извлеченія и изъ славяно-русскихъ источниковъ, напр. о перенесеніи мощей св. Николая Мирликійскаго въ Баръ-градъ изъ Патерикона С. Коссова, изъ Ключа разумѣнія самого І. Галятовскаго, а въ позднѣйшихъ добавленіяхъ и изъ Великаго Зерцала примѣровъ (Magnum Speculum exemplorum). Всѣ эти статьи Могилевскаго сборника не заполняютъ собою всѣхъ дней церковнаго года, расположены не въ порядкѣ дней календаря или мѣсяцеслова, и только въ оглавленіи приведены въ нѣкоторый календарный порядокъ, съ указаніемъ листовъ сборника, на которыхъ помѣщена та или иная статья. Что же касается соотвѣтствующихъ кіевскихъ сборниковъ житій святыхъ, то въ нихъ, въ сравненіи съ Могилевскимъ сборникомъ, замѣчаются тѣ отличія, что памяти святыхъ размѣщены въ самыхъ сборникахъ въ строго календарномъ порядкѣ, и что здѣсь больше статей русскаго, въ частности Кіевскаго происхожденія, какъ, напр., о чудѣ св. Николая надъ Половчиномъ, о св. Владимірѣ, свв. страстотерпцахъ Борисѣ и Глѣбѣ и др., нерѣдко съ топографическими указаніями, напр., на положеніе Симеоновской церкви, церкви св. Николая, при которой совершилось чудо надъ Половчиномъ, и проч. Сборники эти требуютъ спеціальнаго изслѣдованія, которое, кажется, уже и взялъ на себя одинъ изъ молодыхъ Кіевскихъ ученыхъ.

5. *Хроники и лѣтописи.* Къ этому отдѣлу относятся слѣдующія рукописи Кіево-Соф. библіотеки: а. „Кроника злѣтописцовъ стародавныхъ", Ѳеодосія Сафоновича, 1672 г., въ копіи первой четверти XIX в. (№ 525); Кіевская лѣтопись отъ

пришествія славянъ по 7025 (отъ Р. Хр. 1547) годъ безпрерывно продолжающаяся, въ копіи 1829 г. съ экземпляра библіотеки Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Московскаго Архива (№№ 521 и 698): c. „Кройника“ Густынская по 1597 г., составленная въ 1670 году или въ 1674 г. іеромонахомъ Михаиломъ Лосицкимъ (№ 540, л. 85—202); d, Liatopisiec I. Ерлича (№ 514); e, Лѣтописецъ въ Малой Россіи прежде же всѣхъ послѣ Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ и при нихъ дѣйствія до 1734 року, и въ копіи начала XIX в. (№ 526); f.,“ Описаніе краткое о Малой Россіи . . . начаншоеся з року до Рождества Спасителя нашего 1340 и оканчивающееся 1734 годомъ, въ спискѣ второй половины XVIII в. (№ 689): g., „Суммаріушъ зобраня рожныхъ дѣевъ“, 1696 г., особенно о Петрикѣ (№ 360, л. 54); h., „Исторія Россійскаго народа лицъ и дѣлъ знаменитшихъ с обстоятельствы прочіихъ къ нымъ прислушающихъ вещей, написанная преп. отцемъ нашимъ Нестором лѣтописцемъ Святопечерскпмъ въ року 1073-мъ, а нынѣ, за благословеніемъ ясне в Богу Преосвященнѣйшаго кур Арсенія Могилянскаго православнаго архіепископа митрополита Кіевскаго, Галицкаго и Малые Россіи, переписана року 1764“, въ дѣйствительности представляющая собою компиляцію изъ русскихъ и польскихъ лѣтописцевъ (№№ 541 и 687); i, Отвѣты на семь вопросовъ о козакахъ, составленные послѣ упомянутаго въ нихъ 1775 года (№ 435, л. 129—138); k, „Выписка съ рукописной книги о Малороссіи сочиненія бунчуковаго товарыща Симоновскаго“ (тамъ-же, л. 107—120); l, “Записка, къ пріобрѣтенію свѣдѣній о образѣ правленія, бывшаго и нынѣ наблюдаемаго въ Малороссіи, служащая“ въ родѣ библіографическаго указателя, составленная послѣ 1777 года (тамъ-же л. 123); m, Описаніе г. Смоленска, Шупинскаго, 1780 г. n, Географическое описаніе всего Кіевскаго намѣстничества вообще и со всѣми онаго уѣздами“, порутчика Вас. Ив Новгородцова, около 1784 года (№ 551), и o, „Историческое извѣстіе о козакахъ“, выписанное изъ „Журнала для пользы

и удовольствія", за іюнь, 1805 года (№ 548, л. 130—138). Большая часть этихъ сочиненій издана, но въ рукописяхъ могутъ найтись варіанты и дополненія къ изданному.

Въ заключеніе этого отдѣла не излишнимъ считаемъ упомянуть о хронологіи, какъ вспомогательной исторической наукѣ, которая имѣла на югѣ Россіи свой особый ходъ развитія. Еще въ 1583 году восточные патріархи Константинопольскій и Александрійскій, въ виду угрожавшаго Юго-Западной Руси введенія новаго римскаго календаря, прислали князю Константину Острожскому, воеводѣ Кіевскому, таблицу или ключъ на обрѣтеніе пасхи христіанской и жидовской, напечатанную въ Книжицѣ Острожской 1589 (а не 1588) года. Эти пасхальныя таблицы переработалъ въ 1662 году старецъ Кіево-печерскія Лавры іеромонахъ Сильвестръ въ своемъ Лунникѣ", (№ 671), который, по нашему мнѣнію, и легъ въ основу слѣдовавшихъ за нимъ южнорусскихъ хронологическихъ таблицъ, съ мѣстными замѣтками, напр. Іоасафа Кроковскаго (№ 152), и примѣненъ былъ св. Димитріемъ Ростовскимъ къ хронологіи библейской и всеобщей исторіи въ его „Лѣтописи келейной", представлявшей въ свое время значительную, въ этомъ отношеніи, новизну.

6. Едва ли не болѣе интереснымъ и свѣжимъ представляется въ Кіево-Софійской библіотекѣ отдѣлъ *историческихъ и историко-юридическихъ матеріаловъ* для исторіи Юго-Зап. Россіи Начнемъ съ того факта, что посланіе царя Лжедимитрія къ папѣ римскому 30 ноября, 1605 г., на латинскомъ языкѣ, извѣстно было еще Кіевскому м Самуилу Мирославскому и находится въ одномъ изъ его сборниковъ указовъ и грамотъ (№ 535, л. 258—261). Къ болѣе древнимъ документамъ, касающимся исторіи Юго-Зап. Россіи, относятся выписки изъ Московскаго Государственнаго Архива, поступившія отъ митрополитовъ С. Мирославскаго и Евгенія Болховитинова, какъ напр. о прибытіи въ Россію въ 1588 году Константинопольскаго патріарха Іереміи и проч. (№ 160), реестры грамотамъ и дѣламъ съ 1547 года до половины XVIII в. (№ 594 л. 173—222), „Акты изъ дѣлъ малороссійскихъ, списанные въ Московскомъ

Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Архивѣ" для м. Евгенія съ 1654 по 1731 годъ, касающіеся митрополитовъ Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго, Гедеона Святополка-Четвертинскаго, Варлаама Ясинскаго, Іосафа Кроковскаго, архіепископовъ Кіевскихъ Варлаама Ванатовича и Рафаила Заборовскаго, Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича Мстиславскаго епископа Меѳодія Филимоновича, гетмановъ Брюховецкаго, Самойловича, Мазепы и др. (№ 655); Книга, содержащая въ себѣ разныя грамоты и прочая, „списанная съ московскихъ „сверетковъ" или свитковъ, касающихся дѣлъ Украины и историческихъ лицъ ея, Кіевскаго воеводы князя П. В. Шереметева, гетмановъ Дорошенка, Многогрѣшнаго и М. Ханенка, митрополита Іосифа Тукальскаго, епископа Меѳодія Филимоновича, князя Гр. Гр. Ромодановскаго, черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича и др., съ 1668 по 1687 годъ (№ 690); грамота Іерусалимскаго патріарха Досиѳея, 1686 г., о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патріарху (№ 69) и др. Съ рукописи Виленскаго университета о разграниченіи земель между Россіей и Литвою, 1648 года (№ 557). снята копія. Съ конца XVII вѣка появляются уже и мѣстные южно-русскіе сборники документовъ и дѣловыхъ бумагъ, какъ напр. нѣсколько писемъ Варлаама Ясинскаго, Лазаря Барановича, Лаврентія Величковскаго (№ 302, л. 126—131), копія переписки Черниговскихъ архіепископовъ съ разными лицами, съ 1703 по 1740 годъ (№ 356, л. 4—93).Со времени же Кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго идетъ уже цѣлый рядъ сборниковъ разныхъ грамотъ, указовъ и дѣловыхъ бумагъ, заключающихъ въ себѣ копіи болѣе раннихъ документовъ съ конца XVII вѣка, именно: сборникъ времени Т. Щербацкаго (№ 590), семь сборниковъ Арсенія Могилянскаго (№№ 423, 424, 427, 429, 430 434 и 604), четыре—Самуила Мислaвскаго (№№ 426, 428, 435 и 720) и одинъ Серапіона Александровскаго (№ 718). Къ нимъ нужно присовокупить еще два сборника указовъ и другихъ бумагъ Николаевскаго Медвѣдовскаго монастыря, Кіевской епархіи, за вторую половину XVIII столѣтія (№№

603 и 604). Эти сборники заключают весьма много документовъ самаго разнообразнаго историко-юридическаго содержанія, касающихся и семейныхъ (брачныхъ) и сословныхъ отношеній, и положенія православныхъ въ предѣлахъ бывшей Польши, и отношеній Юго-Зап. Россіи къ центральному русскому правительству и проч. Но ко второй половины XVIII в. особенно усиливается въ Юго-Западной Россіи заботливость ея населенія о поддержаніи и возстановленіи своихъ древнихъ правъ и привилегій. Эта заботливость одинаково захватываетъ и русскихъ подданныхъ бывшей Польши, и подданныхъ Россійскаго государства. Первые, терпя преслѣдованія за вѣру и находя поддержку себѣ въ Россійскомъ правительствѣ, отыскиваютъ свои древнія права и привилегіи и стараются опираться на нихъ въ своихъ домогательствахъ свободы вѣроисповѣданія (№ 590. л. 80—74, 105; №№ 423 и 424, № 603, л. 69—94). Съ другой стороны, Гетманщина, присоединенная къ Россіи, со времени царствованія Екатерины II, обнаруживаетъ стремленіе освободиться отъ нивеллирующаго вліянія русскаго правительства, уяснить и возстановить свои древнія права и привилегіи. Около 1763 г. малороссійскій гетманъ, графъ К. Г. Разумовскій, со старшиною и всѣмъ Малороссійскимъ народомъ, подаетъ молодой тогда императрицѣ прошеніе о возстановленіи нарушенныхъ правъ Малороссійскаго народа его обыкновеній, привилегій, вольностей и самихъ договорныхъ статей, въ 20-ти пунктахъ, и Малоросійская генеральная старшина ходатайствуетъ, въ тое время, предъ императрицею объ учиненіи гетманской должности наслѣдственною въ родѣ Разумовскихъ". Вѣроятно, эти прошенія составлялись и подавались съ согласія или вѣдома Кіевскаго митрополита и высшаго малороссійскаго духовенства, такъ какъ копіи ихъ найдены въ бумагахъ Кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго (№ 430, л. 165 – 180). Митрополитъ и Кіевское духовенство, съ своей стороны, тоже старались выяснить и отстоять свои древнія права и привилегіи по случаю образованія въ 1767 г. Коммиссіи для сочиненія проекта

н оваго уложенія (№№ 434 и 435). Но внутренняя политика Екатерины II пошла, какъ извѣстно, совершенно въ разрѣзъ съ вожделѣніями козацкой старшины и высшаго малорусскаго духовенства: уничтожены были гетманское управленіе и сама Сѣчь Запорожская, а недвижимыя имущества малорусскаго духовенства секуляризованы. Эти событія отразились отчасти и на документахъ Кіево-Софійской библіотеки. Есть здѣсь нѣсколько документовъ, относящихся къ уничтоженію Сѣчи Запорожской (№ 603, л. 338 и слѣд.) и къ послѣднимъ ея представителямъ (№ 426, л. 364 и сл.). Но собираніе свѣдѣній о правахъ и привилегіяхъ Черкасскаго народа продолжалось и послѣ того времени (№ 426, л. 397 и сл.).

Я указалъ только болѣе крупные отдѣлы или разряды рукописей Кіево-Софійской библіотеки, но отказываюсь перечислить единичные мелкіе историческіе и литературные факты, которые трудно и даже невозможно поименовать въ краткомъ очеркѣ. Они найдутъ мѣсто въ приготовляемомъ мною описаніи рукописей Кіево-Софійской библіотеки. А до тѣхъ поръ, пока не будетъ напечатано это описаніе, я всегда готовъ дѣлать посильныя указанія тѣмъ мѣстнымъ ученымъ, которые взяли бы на себя какія-либо спеціальныя работы по изученію и изслѣдованію Кіево-Софійскихъ рукописей.

Н. Петровъ.

О собираніи матеріаловъ для исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ пяти губерніяхъ Кіевскаго учебнаго округа.

Пятаго марта настоящаго 1901 года истечетъ сорокалѣтіе съ того дня, какъ императоръ Александръ II на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ самъ прочиталъ манифестъ объ освобожденіи русскаго народа отъ крѣпостной зависимости или проще— отъ рабства. Великость этого событія всѣми сознана, всѣми оцѣнена. Прочтенный императоромъ манифестъ былъ подписанъ 19 февраля вмѣстѣ съ тѣмъ законодательнымъ актомъ, который извѣстенъ подъ именемъ Положенія 19-го февраля 1861 года.

Сорокалѣтній юбилей уничтоженія въ Россіи рабства отпразднованъ разными учрежденіями разнообразно и разновидно: учрежденіемъ школъ, стипендій и проч. Наше Общество Нестора-лѣтописца, главная цѣль котораго заключается въ посильной разработкѣ русской исторіи, уже въ силу этого обстоятельства не должно пройти молчаніемъ этотъ сорокалѣтній юбилей величайшаго историческаго акта, проложившаго такую рѣзкую грань въ русской общественной жизни истекшаго XIX вѣка.

Въ чемъ же можетъ выразиться участіе нашего Историческаго Общества при воспоминаніи объ этомъ великомъ событіи Русской земли?—Намъ кажется, что на этотъ вопросъ можетъ быть одинъ только отвѣтъ—въ ближайшемъ изученіи

исторіи событія, т. е. русскому историческому обществу предлежитъ обратить особое свое вниманіе на исторію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Первые шаги такого вниманія могутъ выразиться въ ближайшемъ ознакомленіи общества съ матеріалами для этой исторіи.

Какіе же матеріалы при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду?— Полагаемъ, что нашему Обществу, посвященному памяти Нестора-лѣтописца, можно ограничиться исторіею освобожденія крестьянъ лишь въ томъ краѣ, центромъ котораго является Кіевъ. Границы этого края опредѣлить тѣмъ легче, что онѣ вполнѣ совпадаютъ съ границами пяти губерній, составляющихъ Кіевскій учебный округъ. Расширять эти границы едва-ли слѣдуетъ уже по одному тому обстоятельству, что и указаннаго района совершенно достаточно для предстоящей работы.

Такимъ образомъ намъ кажется, что наше Общество участіе свое въ сорокалѣтнемъ юбилеѣ освобожденія крестьянъ можетъ выразить для перваго начала въ заботѣ о систематическомъ собираніи матеріаловъ для исторіи этого освобожденія. Мы говоримъ систематическомъ, полагая, что собираніе должно производиться по извѣстному плану, въ извѣстной послѣдовательности. Первое мѣсто тутъ должны занимать матеріалы оффиціальные, которые находятся, —пли, по крайней мѣрѣ, должны находиться — въ тѣхъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, на которыя было возложено приведеніе въ дѣйствіе положеній 19 февраля 1861 года. Впрочемъ, существовали еще и мѣстныя правительственныя учрежденія, на которыя была возложена какъ бы подготовительная работа къ симъ „положеніямъ“. Работы этихъ послѣднихъ учрежденій также слѣдуетъ имѣть въ виду.

Для лучшаго знакомства съ рядомъ правительственныхъ учрежденій, которыя подготовили законъ 19 февраля и привели его въ дѣйствіе, приведемъ здѣсь краткій очеркъ тѣхъ событій и распоряженій, которыя составляютъ исторію этого закона.

Исходнымъ моментомъ освободительной реформы слѣдуетъ считать рѣчь императора Александра II, произнесенную имъ въ мартѣ 1856 года, въ Москвѣ, причемъ были сказаны знаменательныя слова: „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу". Въ январѣ мѣсяцѣ 1857 года былъ учрежденъ секретный комитетъ для разсмотрѣнія вопроса объ освобожденіи крестьянъ. За симъ 20 ноября того же года послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя генералъ-губернатора Литовскихъ губерній Назимова въ отвѣтъ на просьбу дворянства этихъ губерній — заняться обсужденіемъ крестьянскаго вопроса. Въ рескриптѣ разрѣшалось дворянству образовать особые комитеты для обсужденія вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ и были указаны общія положенія, которыхъ при этомъ слѣдовало держаться. Съ этого знаменательнаго акта началось внесеніе въ крестьянское дѣло гласности. — Въ январѣ 1858 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ непосредственномъ вѣдѣніи Государя и подъ его предсѣдательствомъ „Особаго Комитета для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи".

Послѣ обнародованія рескрипта 20 ноября 1857 года на имя генералъ-губернатора Назимова, изъ разныхъ губерній стали поступать ходатайства о разрѣшеніи дворянству открывать „губернскіе комитеты по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ". Наконецъ, 17 февраля 1859 года была учреждена знаменитая Редакціонная Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ сначала Я. И. Ростовцова, а по смерти его—графа Панина. Занятія этой Коммиссіи заключались въ выработкѣ закона получившаго потомъ названіе Положеній 19 февраля. Проектъ этого закона, законченный въ началѣ октября 1860 года, тогда же былъ переданъ для окончательнаго разсмотрѣнія въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Мнѣнія, высказанныя въ главномъ комитетѣ, были изложены въ одномъ общемъ журналѣ, который былъ подписанъ въ послѣднемъ засѣданіи 14 января 1861 года. Тогда же журналъ этотъ въ отпечатан-

номъ видѣ былъ разосланъ членамъ Государственнаго Совѣта съ назначеніемъ двухнедѣльнаго срока для ознакомленія съ этимъ журналомъ. 28-го января началось въ Государственномъ Совѣтѣ обсужденіе крестьянскаго положенія, а 17 февраля разсмотрѣніе это было окончено. Черезъ два дня послѣ этого, т. е. 19 февраля 1861 года, императоръ Александръ II подписалъ положеніе о крестьянахъ и манифестъ, объявлявшій о всемилостивѣйшемъ дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей. Манифестъ этотъ былъ объявленъ Сенату 2-го марта, а 5-го марта, какъ уже сказано, состоялось объявленіе его во всеобщее свѣдѣніе.

За симъ послѣдовали по имперіи: объявленіе манифеста по церквамъ, образованіе въ губернскихъ городахъ „по крестьянскимъ дѣламъ присутствій“, открытіе въ селахъ сельскихъ обществъ и волостей и выборъ сельскихъ и волостныхъ урядниковъ, образованіе мировыхъ по уѣздамъ участковъ и приглашеніе губернаторами изъ числа мѣстныхъ дворянъ лицъ для занятія должностей мировыхъ посредниковъ.

Когда въ такомъ порядкѣ были образованы и открыты губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, мировые участки, волостныя и сельскія правленія, началось приведеніе въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; сущность дѣла заключалась въ составленіи и введеніи по каждому имѣнію отдѣльно уставныхъ грамотъ. Въ этихъ актахъ опредѣлялся тотъ земельный надѣлъ, который отводился крестьянамъ, какъ говорилось въ законѣ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ, и помѣщикомъ. Уставныя грамоты должны были быть введены въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ со дня утвержденія положеній о крестьянахъ, т. е. къ 19 февраля 1863 года.

Такимъ образомъ самыми важными мѣстными моментами въ исторіи освобожденія крестьянъ были: 1) дѣятельность губернскихъ комитетовъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, 2) дѣятельность мировыхъ посредниковъ по введе-

нію уставныхъ грамотъ и 3) повѣрочныя дѣйствія губернскихъ присутствій и мировыхъ съѣздовъ надъ дѣятельностью посредниковъ.

Дѣятельность губернскихъ комитетовъ хотя и не имѣла практическихъ результатовъ, но она важна для исторіи въ томъ отношеніи, что въ ней выразилось отношеніе помѣщиковъ къ вопросу, объ уничтоженіи крѣпостной зависимости.—Въ дѣятельности мировыхъ посредниковъ такъ называемаго перваго призыва, т. е. тѣхъ посредниковъ, которые вводили уставныя грамоты, заключается весь центръ тяжести правильнаго и правдиваго приведенія въ дѣйствіе освободительнаго акта. Нѣтъ сомнѣнія что законъ 19 февраля 1861 г. приведенъ былъ въ дѣйствіе почти исключительно посредниками.

Надзоръ за ихъ дѣятельностью со стороны мировыхъ съѣздовъ былъ крайне незначителенъ уже и потому, что большинство голосовъ въ мировомъ съѣздѣ, состоявшемъ изъ уѣзднаго предводителя дворянства, участковыхъ посредниковъ и члена отъ правительства, всегда находилось въ распоряженіи самихъ же посредниковъ.—Результатнѣе былъ надзоръ губернскихъ присутствій, къ предметамъ вѣдомства которыхъ принадлежали жалобы на дѣйствія мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ. Но право жалобъ на дѣйствія посредниковъ—въ тогдашнее темное время—само по себѣ не могло обезпечивать правильности ихъ дѣйствій уже и потому, что для защиты правъ у тогдашнихъ крестьянъ мало было средствъ вслѣдствіе ихъ малаго знакомства съ этими правами.

Такимъ образомъ для исторіи освобожденія крестьянъ важнѣйшіе изъ оффиціальныхъ матеріаловъ заключаются:

1, въ трудахъ губернскихъ комитетовъ, дѣйствовавшихъ въ 1858 и 1859 г.г.

2, въ дѣлопроизводствѣ мировыхъ посредниковъ за первые два года ихъ дѣятельности, т. е. за 1861—1863 г.г., и

3, въ томъ же дѣлопроизводствѣ за то же время уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій.

За указанные два года (1861— 1863) были введены уставныя грамоты, т. е. были опредѣлены юридически имущественныя права крестьянъ и ихъ отношенія къ помѣщикамъ впредь до выкупа указаннаго въ уставныхъ грамотахъ земельнаго надѣла. Выкупная сторона крестьянской реформы была уже только ариѳметическимъ результатомъ введенной уставной грамоты.

Говорятъ, что тотъ районъ въ предѣлахъ котораго наше Общество можетъ взять на себя починъ въ приведеніи въ извѣстность и собираніи матеріаловъ для исторіи освобожденія можетъ быть ограниченъ пятью губерніями, составляющими Кіевскій учебный округъ, мы должны оговорится, что эти губерніи при написаніи положеній 19 февраля 1861 г. были раздѣлены на двѣ части: такъ называемыя оффиціально губерніи *малороссійскія* (губерніи Черниговская и Полтавская) и *югозападный край* (губерніи Кіевская, Волынская и Подольская). Дѣленіе это основывалось на тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя явились результатомъ извѣстнаго Андрусовскаго договора 1686 г. Въ то время, когда народная жизнь въ губерніяхъ Малороссійскихъ потекла свободнымъ отъ всякого польскаго вліянія русломъ, въ Юго-Заподномъ краѣ она, послѣ Андрусовскаго договора, была скована этимъ самимъ вліяніемъ до того, что когда въ 1858 голу пришлось образовывать извѣстные *губернскіе комитеты*, то въ Кіевской губерніи, напр., выборными членами этого комитета явились исключительно лица польской національности. Русскимъ въ немъ элементомъ были только два члена, которые назначались правительствомъ....

Такія историчеекія условія въ народной жизни трехъ губерній, составляющихъ Юго-Заподный край, имѣли своимъ результатомъ то, что и посредники перваго призыва въ этомъ краѣ были исключительно лица польскаго происхожденія. Они вводили*) уставныя грамоты. Но дѣятельность

*) См. списокъ этихъ посредниковъ въ губерніяхъ Кіевской и Волынской въ Pamiętnik'ахъ Бобровскаго (Львовъ, 1900). II. 399.

ихъ, вслѣдствіе возникшаго въ краѣ въ 1863 году мятежа, тогда же была прекращена. Вмѣсто этихъ посредниковъ были назначены новые посредники, на обязанности которыхъ, въ составѣ съѣздовъ, по закону 30 іюля 1863 года, была возложена повѣрка всѣхъ дѣйствій уже произведенныхъ мировыми посредниками перваго призыва. Такимъ образомъ, приведеніе въ дѣйствіе положеній 19 февраля 1861 году въ Юго-Западномъ краѣ имѣло, такъ сказать, двѣ фазы: одна выразившаяся въ дѣятельности мировыхъ перваго призыва, а другая въ дѣятельности ихъ преемниковъ, назначенныхъ послѣ изданія закона 30 іюля 1861 года. Обѣ эти фазы для исторіи освобожденія одинаково интересны, а слѣдовательно и собираніе матеріаловъ для исторіи той и другой одинаково важно.

Такимъ образомъ, для исторіи освобожденія крестьянъ въ Юго-Западномъ краѣ, къ вышеуказонному уже матеріалу должно быть прибавлено дѣлопроизводсво тѣхъ учрежденій, которыя здѣсь были образованы въ силу закона 30 іюля 1863 году.

Въ чемъ же можетъ выразиться дѣятельность нашего Общества при собираніи матеріаловъ для исторіи освобожденія?

По нашему мнѣнію, оно можетъ выразиться:

1) въ приведеніи въ извѣстность—гдѣ находится и въ чьемъ распоряженіи состоитъ тотъ или другой матеріалъ,

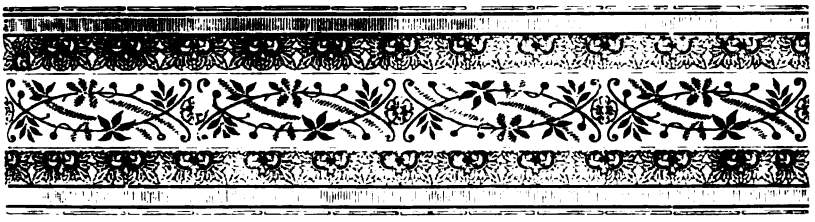
и 2) въ сношеніи съ тѣми правительственными лицами и учрежденіями, въ распоряженіи коихъ матеріалъ находится, о возможности передачи такового въ вѣдѣніе и распоряженіе Общества, для его сохранности и большаго удобства въ пользованіи.

Выработка програмы дѣйствій для исполненія намѣченной цѣли и затѣмъ для ея осуществленія можетъ быть поручена Обществомъ Совѣту, при чемъ, быть можетъ, слѣдуетъ для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ пригласить въ помощь

Совѣту нѣсколько членовъ изъ числа лицъ, которыя пожелаютъ принять участіе въ приведеніи въ извѣстность разбросаннаго по разнымъ мѣстамъ матеріала.

Одновременно съ этимъ, быть можетъ, не безполезно было бы по-возможности приводить въ извѣстность уже существующую печатную литературу, касающуюся вопроса освобожденія крестьянъ въ намѣченномъ районѣ, а равно просить всѣхъ членовъ Общества присылать на имя предсѣдателя Общества свѣдѣнія о всѣхъ появляющихся въ печати книгахъ, журнальныхъ статьяхъ, брошюрахъ и т. п. по тому же вопросу. Полезно было бы, намъ кажется, завести при бюро особый библіографическій указатель для отмѣтки въ немъ всѣхъ печатныхъ источниковъ какъ для исторіи крестьянъ вообще, такъ и ихъ исторіи освобожденія въ частности, въ намѣченномъ районѣ, причемъ просить г. предсѣдателя Общества взять на себя трудъ установленія рамокъ означеннаго указателя и наблюденія за правильностью его веденія.

Ал. Лазаревскій.

Совращеніе діакона въ латинство.

(1692 года).

Живыя сношенія съ Польшей и стремленіе Московскихъ людей къ западному просвѣщенію, обнаружившіяся еще наканунѣ Петровскихъ реформъ, естественно не могли не задѣть самой чувствительной для Московскихъ интеллигентовъ стороны ихъ своеобразной жизни—религіи. Не говоря уже о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, появилось не мало „латинствующихъ", о которыхъ мы знаемъ между прочимъ изъ челобитныхъ, использованныхъ отчасти Соловьевымъ (Ист. Рос.; изд. „Общ. Пользы", кн. IV, 1190). Въ чемъ выражалось латинство, какія стороны его наиболѣе бросались въ глаза православнымъ обличителямъ—это видно изъ печатаемой ниже выписки изъ документа о латинствовавшемъ діаконѣ Петрѣ Артемьевѣ. Суть этого документа заключается въ слѣдующемъ. Священникъ Новомѣщанской слободы о. Петръ въ 1692 г. подалъ жалобу на своего тезку, діакона, обвиняя его въ латинствѣ. Главные пункты обвиненія были: прибавленія къ литургіи католическихъ молитвъ, обрядовъ („прикликанье"), прибавленіе „и отъ Сына" въ Символѣ Вѣры, несоблюденіе

постовъ и—главное—упорство въ не скрывавшихся діакономъ намѣреніяхъ его „еще пуще завонять“ и въ хуленіи православныхъ отцовъ Церкви. Небезынтересно и то, что авторъ кляузной жалобы, не надѣясь на силу богословскихъ доводовъ, приводитъ и оговоры діакона Петра на Андрея Артемьевича Матвѣева и Андрея Ѳедоровича Нарышкина, яко бы также впавшихъ въ латинство, а равно и не лишенную остроумія характеристику „боляръ, у дыбъ стоящихъ“, „вмѣсто Евангелія огнемъ просвѣщающихъ и вмѣсто Апостола кнутомъ учащихъ“.

Печатаемый ниже документъ извлеченъ нами изъ рукописнаго сборника Импер. Публ. Библ., Q. XVII, № 96, лл. 22—25, принадлежавшаго, какъ видно изъ записи на первомъ листѣ, нѣкоему попу Лаврентію, и составленнаго въ 90-хъ гг. XVII ст. *).

По ука(зу) великаго Г(с)дна стѣйшаго кѵръ адріана архіеп(с)кпа московскаго і всея росіи і всѣхъ сѣверны(х) странъ патріарха, написана накратко выписка сія из)извѣтис писмà діакона петра артеміева, рукою егѡ написанагѡ.

В нынѣшнемъ ѧ҃ѯ҃ѕ (м) (1692) го(ду) маия въ в(ден), и(з)в .. а(л) емѵ великому г(с)дну стѣйшему патріа(р)хѵ. новомѣща(н)скія слободы іерей петръ, тоя же цркви на діакона петра артеміева, вто(м) что онъ діаконъ разоряетъ чинъ Бжественныя літѵ(р)гіи: послѣ чтенія стаго ѳѵ(г)ліа челъ извѣстное поученіе о(т) себя а не сты(х) оцевъ слогѵ. еже и самъ онъ діаконъ петръ в писаніи своемъ написалъ, что по прочтеніи ѳѵ(г)ліа на а(м)вонѣ глалъ, во(н)мемъ стая сты(м). во(н)мемъ оцу. во(н)ме(м) сну. во(н)мемъ стому дху снѣкіими прилоги.

---

*) Всѣ буквы, помѣщенныя въ рукописи надъ строками, въ настоящей перепечаткѣ внесены въ строки на надлежащемъ мѣстѣ, но заключены въ скобки. Окончаніе страницъ обозначено знакомъ ı. Титла и двѣ точки надъ і опущены.

А по скаске нѣкіихъ прихожанъ, о(б)ращаяся на вся четыре страны, крича(л) на люди, во(н)мемъ; пото(м) поученіе говорилъ с немалѡ(и) часъ. і в то(м) поученіи похваля(л) в вѣре и постоянствѣ и в чинѣ(х), поляки ляхи литву і ины страны. и на то(и) же литургіи, по достойнѣ, не давъ на кліросѣ пошбычаю прочитати млтвы оче ншъ і са(м) на а(м)вонѣ по ри(м)ски приклякнув на колѣни, прочита(л) ту млтву: и по млтвѣ прочита(л), бце дво радуйся, приложи(в) к тому запа(д)наго костела прилогъ спцев: „пр(с)тая дво мти бжіа молися о на(с) грѣшны(х) ннѣ и в ча(с) смерти нашея". і ины нѣкия млтвы прилагая. а иное поученіе чтяше на свѣтлѡ(и) н(д)ле в четвертокъ по(с)лѣ прокп(м)на, укори(з)неное ‖ іерею іѡанну і ина неприличная дѣетъ в цркви самоволно, что когда похощетъ, и носитъ онъ на себѣ вмѣсто животворящаго кр(с)та мошо(н)ку, а в не(й) о(б)разо(к) латінина антоніа нѣкоего пáдвина, нарицая егѡ ста: и любити егѡ глаше.

Онъ же діаконъ петръ ра(з)вращаше Бгословіе самѣ(м) хр(с)то(м) спсомъ ншимъ и бгомъ бгословимое о исхожденіе стаго дха о(т) ☉ца: и стыми оцы Бгословы, и всѣми стыми соборы расто(л)кованое и утве(р)жденое: ѡнъ по римски блядо(с)ловя глетъ исхожденіе стаго дха ☉ца и сна лжесловя, ꙗкѡ бы такѡ писа(л) всѵмволѣ свое(м) стый Аоанасій. Онъ же хѵ(л)нослови(т) на преч(с)тыя тайны тѣла хр(с)това, скве(р)шаемыя в ква(с)но(м) хлѣбѣ, чре(з) призываніе іерейское, дѣйство(м) стаго дха, гля проти(в)но преданію и чину стыя цркве совершатіся токмѡ словесы, пріимте ꙗдите: и про(ч). и то на опреснока(х) дѣйствѵемое. имже опреснокамъ многажды онъ помногая времена о(т) іезѵвито(в) причащашеся, у ни(х) исповѣдѵяся, оставя право(с)лавныя іереи великоросійскія прежнія своя дховныя о(т)цы. і оныя іезѵиты о(т)цы своя называетъ. а со иными иезѵиты из москвы изгнанными, зѣло слезно ра(з)лучисѧ. И о(т)ступи(в) о(т) восточныя цркве, ꙗдяше в филиповъ по(ст): і в среды и пятки: и великаго поста на первѡй се(д)мицѣ в понедѣлникъ и во вто(р)никъ чистый, за едино с римляны на

вся ра(з)рѣшаше, и мясо ѣдяше, в таковыя по(ст)ныя дни, вня же право(с)лавніи хр(с)тіане ‖ и о(т) хлѣба сѫхаго во(з)державаются, крыяся право(с)лавны(х) хр(с)тіанъ. а в сѫббоу̀ постяшеся (по жидо(в)ски) егда црковь разрѣшаетъ и утвердившася глеть, с римляны: и такова себе повѣдаетъ быти и доннѣ, гля: и сице(в) есмь доннѣ. а чтѡ и притворяется ѩкѡбы православенъ быти: и то [са(м) о себе пишетъ] для здѣшни(х) люде(й). и того ради посто(в) римскихъ ј иныхъ нѣкіихъ творимыхъ ими, ѩвно не може хранити с ними, и в то(м) емѫ іезѫиты попустили, велѣли лицемѣритися с правосла(в)ными, ѩко православнѫ мнѣтіся; да не ономѫ ј имъ напасть бѫдетъ какова. А гаге(р)скаго собора бывшагѡ по первѣмъ никѣистѣ(м) соборѣ стіи оцы, таковыя дерзостники анаѳемѣ предаютъ, глюще въ ѲІ (м) правилѣ свое(м) сице: Аще кто преданыя посты хранимыя о(т) цркве ра(з)рѣшаетъ: анаѳема; анаѳема же толкуется всесове(р)шенное о(т) Бга о(т)сѣченіе, и діаволу преданіе. Во время рѫкоположенія егѡ на діако(н)ство призываюшѫ стѣишемѫ патріархѫ. пріити блгодати стаго дха: онъ тайно шепташе, нарицая стѣишагѡ патріа(р)ха не о(т)дѣленный членъ главы своея, рекше папы пре(д)уставленыя Ему: но соединеный членъ оно(му) во всемъ: і иная вся римская тогда шепташе в себѣ. ни во что положивъ архіерейскую млтву ‖ аки не требѫя, или о(т)рѣяя ю. писа(л) ко Ѻцѫ своемѫ ѩвляетъ себе защитника і исповѣдника пр(с)тла римскаго. и нѣчимъ еще горшимъ хощетъ насмра дити дити стѫю цркоы. пиша в то(м) же писаніи, гля о себѣ сице: „но чѣмъ еще пѫще завоняю„ горша нѣкая быти о(т) негѡ цркви стѣй, и вѣрѣ право(с)лавнѣй, самъ ѩвляя, глеть бо: „воистинну, якѡ свѣжій калъ, теплехонекъ есмь“: и ѩвленно проповѣда(х)ся петровымъ, и каоедры его исповѣдникъ. Тамо же пишетъ: ѩко „не остави(х) ни блгочестивыя фролища, ни лѫга и поля василевски: ни ктитора цркве в ѩлатмѣ до(м), ни на(д) кату(н)скія горы. враги же истоги иструбы в лугахъ и пролуби, и соко(л)скія березники, скверняся всюдѫ, рѣ(д)ко не на кіижде днь десятижды, и вящши содомски. ибѡ ве(с) есмь и доннѣ то(и)ждь

смрадъ", воспоминаетъ некая волше(б)ства бывшая емѹ: и бѣсовская мечтанія: ѩкобы свистокъ великій бѹмаги держаше: иже из рѹкъ егѡ развивашеся скоро ѩко мо(л)нія: і и(з) того свитка ѩвляхѹся емѹ пламы огненныя, или вѡды огневи(д)ныя, і втѣхъ пламене(х) вопляху многочисленныя гласы· ѩвляхѹся же емѹ и тмочи(с)ленныя виды главъ чловѣческіхъ и звѣрски(х), невиданы(х) таковы(х) и до днесь: овы цѣлы живы и устрашающія его лютѣ: овы же мертвы, и ра(з)сѣчены в штуки: а волшебство какое былѡ, тогѡ име(н)но не и(з)явилъ. точію, и сія быти глетъ себѣ и до днесь ‖ во(л)шбою приключившееся. и вѣдая сія вся ѡнъ петръ себе сотворша. и негли творяща, и еще горшая творити имуща, самъ себе самаго сѹди о(т)данъ быти гра(д)ском ѹ судѹ и смерти, или, ро(з)дьяконенъ, в заточеніе посланъ быти. Онъ же діаконъ гажъеше в писаніи(х) своихъ блгочестивыѧ мѹжи мѹдрыя и правосла(в)ныя безчестными всякими словесы о(б)лаивая и угрызая ѩкѡ бѣшеный пе(с), по писаномѹ: досадитель укоритель, гаждатель, лгатель, ничи(м)же ра(з)нствуетъ пса брешуща. и писанія ихъ сѹщая во стѣй восточнѣ(и) цркви о(т) писаній сты(х) оцевъ собранная, бгомерзкія тетратицы рѹгателно называе(т). и славныя учтли восточныя цркве, стѣй шагѡ фотіа патріа(р)ха ко(н)стантинопо(л)скагѡ православна сѹща, и побо(р)ника православію, и на латины ратника и ме(ч) двоустный, гаждаетъ всякими злыми имены: подобнѣ томѹ гаждаетъ Марка стѣишаго мітрополита ефе(с)скагѡ, разрѹши(в)шаго соборище флоре(н)ское, и обличи(в)ша ереси лати(н)скія: нарицая егѡ раско(л)ника и прочая. и мужи блгородныя цр(с)каго величества сѵгклитики. право(с)лавныя сѹща. андреа ортемоновича матоѳева і а(н)дреа ѳеѡдоровича нарышкина бе(з)чествуетъ, ѩкобы согласныя бы(в)шая ем и боляръ бе(з)имяннѡ лаетъ и бе(з)чествуетъ. у ды(б) стоящихъ в костя(н)тиновскѡ(и) башни, учители нѣмыя называя: вмѣсто ев(г)ліа огнемъ ‖ просвѣщающи(х), и вмѣсто Ап(с)ла кнутомъ учащихъ во ѡбразѣ аки бы капітоно(в) коварнѡ глетъ, пастыри лжепастыри

зоветъ патриа(р)хи, и ключари Ада, а не цр(с)тва, рекше цркве стыя: и про(ч). тамѡ писаная.

Онъ же пишетъ к лицѹ стѣишагѡ патріа(р)ха. гля: извѣщаю, ꙗко коемѹждѡ рекше всѣ(м) паствы твоея именоватися римляномъ, папе(ж)никомъ, и уніатомъ. и симъ той врагъ Бжій желаетъ не еди(н) погибнути. но всѣмъ хощетъ о(т) вѣры право(с)лавныя і имене о(т)стѹпити, и к папѣ по(д)чинитися и соединитися.

и что многѡ и по единому блядо(с)ловіи его писати: вся папе(ж)скія и лати(н)скія прелести, ꙗже стыми прежде бывшими дхоносными стыми оцы и а(р)хипасты(р)ми и ннѣшними стѣишими всѣми право(с)лавными патріа(р)хи, и всѣми архіереи о(т)вержена и проклятію предана сѹтъ, сей о(т)ступникъ о(т) блгѡчестія, вся тая во(з)новляетъ, насѣваетъ и распложаетъ. О(т) блгочестивы(х) црей, мнози еретико(в) сме(р)тно ка(з)нахѹся, ꙗко здѣ в росіи великѡй новгоро(д)стіи еретицы. и в греціи при црѣ алеѯіи комнинѣ вогомили еретицы огнемъ сожигаеми быша.

И до днесь правовѣрніи Грецы архіерее анаѳема(т)ствѹютъ таковыя появлшыяся, и заточаютъ в непрохо(д)ная мѣста, и заключаютъ в неприступнаꙗ хранила и темницы: ꙗко и здѣ прежде нѣколики(х) лѣтъ, іоанна нѣкоегѡ, зовемаго козырева || Новгоро(д)ца, луте(р)ствова(в)ша в себѣ самомъ точію: со иными же о томъ малѡ, или и ничто ра(з)глствова(в)ша. обаче по ука(зу) стѣйшаго Іосиѳа патріарха онъ Іоаннъ заточенъ бысть в соловецкій мн(с)трь, и тамо во всеконечномъ бе(з)мо(л)віи пребысть, не полѹчая с кѣмъ чтѡ бесѣдовати ниже чернилъ и пера, и хартіи пріимати, на еже чтѡ(б) к комѹ написати. и тако зломысліе его исчезе до днесь.

Сообщилъ *В. Перетцъ*.

Школьная драма СТЕФАНОТОКОСЪ по вновь найденной рукописи 1741—1743 гг.

Какъ извѣстно, однимъ изъ результатовъ перехода юго-западнаго просвѣщенія въ Москву было появленіе въ Великороссіи школьныхъ драмъ. Искусственныя по своему построенію, эти драмы, однако, не чуждались общенія съ жизнью или, по крайней мѣрѣ, стремились имѣть такое общеніе Живая жизнь, окружающая дѣйствительность, отражались въ школьныхъ драмахъ—и въ бо̀льшемъ или меньшемъ вторженіи народнаго элемента въ разыгрываемое дѣйствіе, и въ самомъ выборѣ темъ для драмъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи драмы какъ бы откликались на потребности, такъ сказать, злобы времени и общества, слѣдуя, между прочимъ, призыву великаго преобразователя Россіи: это находимъ напримѣръ, въ Московскихъ школьныхъ дѣйствахъ на побѣды Петра I.

Такою же злободневною пьесой была драма *Стефанотокосъ*, вѣнецъ этого рода великорусскихъ драмъ.

Не повторяя общей характеристики *Стефанотокоса*, которую можно найти въ извѣстной *Исторіи русскаго театра* г. Морозова, здѣсь я только отмѣчу новый списокъ его въ принадлежащей мнѣ рукописной книгѣ. Эта послѣдняя собственно состоитъ изъ двухъ частей, переплетенныхъ вмѣстѣ въ кожаный переплетъ и объединенныхъ также общей пагинаціей. Всѣхъ листовъ текста 503 (считаются лишь лицевыя стороны листовъ); нѣсколько листовъ утеряно. Первая часть оканчивается на об. 274 л.; 275 листомъ открывается вторая часть. Книга начинается слѣдующимъ заглавіемъ: LIBER ‖ DE ‖ JNSTITUTIONE POE ‖ TICA ROXOLANAE ‖ IUVEN ‖ TUTI ‖ REVOLUTUS ‖ ET IN ATHENAEO ABROSI ‖ ANO VELICONOWOGARDENSI EXPLICATUS ‖ ANNO CHRISTI 1741 OCTOBRIS ‖ 22... | Вторая часть также имѣетъ свое особое заглавіе: PRAECEPTA ‖ DE COMPARANDA ELOQUENTIA ‖ AD USUM IUVENTUTIS QUAM ‖ FOVET SEMINARIUM NOVOGRODO ‖ AMBROSIANUM. ‖ Sub celsissimis Avspiciis Jllustrissimi Domini KIR Ambrosii ‖ JUszkevicz Archiepiscopi Novogrodensis et welikolucensis ‖ tradi et explicari ‖ CAEPTA ‖ Jn dicto seminario per servum suae Archipraesuleae ‖ caelsitudinis longe dignissimum monachum Jobe ‖ phum iamnicki anno aprodigioso partu virginis supra ‖ millesimo 700 mo 43 tio. septembris 2 da die.

Стефанотокосъ занимаетъ въ первой части листы 149—181; затѣмъ слѣдуютъ, съ л. 181 по 204, нѣсколько интерлюдій, а съ 204 об.—заключительное стихотвореніе, имѣющее связь съ *Стефанотокосомъ*, которая видна какъ въ общемъ характерѣ стихотворенія, такъ и въ упоминаніи о „Стефанотокосѣ“ (л. 207).

Содержаніе пьесы таково (передаю словами синопсиса):

Вѣрность колѣзнна что Стефанотокосъ родителскаго него внинѣ ꙁавистїю и злобою лишенъ Престола жалѣется на ѡныхъ враговъ, и хот надежда обѣщала вѣрности, что Стефанотокосъ нелишится своегѡ наслѣднагѡ Престола, ѡбаче ѿ злобы и ꙁависти гонима вѣрность лукавствомъ же прелщаема помысли сое

дмнитсѧ врагомъ: но совѣстїю ѹ҃ѕ҃лнѹена и҃ надеждою водима, приходитъ къ позорищу на немъ́же како Аманъ на Іудейскій родъ навѣтникй, погибе, ѵ҃видѣвши, ѝщетъ Стефанотокоса чтобъ возвести его на родителскій престолъ: и҃ ѡ҃бретши Стефанотокоса моленїемъ ѵ҃бѣждаетъ пріѧти престолъ, злобу же и҃ зависть плѣнивши, Стефанотокоса славно возводитъ на престолъ.

Смыслъ всего этого раскрываетъ намъ

КРАТКОЕ ПОКАЗАНІЕ ЧТО ЗАКЛЮЧАЕТСѦ В҃ СЛѢДУЮЩІЕЙ ДРАМѢ:

Стефанотокосъ ѕнаменуетъ ѥ҃ѣнцъ рожденный: симъ ѝменемъ тайнѣ, показуетсѧ дѣйствіе ѡ҃ Августѣйшей самодержавнѣйшей великой Монархїнѣ всеро҃ссїйской Благоѵ҃естивѣйшей Гдрнѣ Императрицѣ ѢЛисаветѣ Петровнѣ, ѥ҃же по прародителской и҃ родителской крови рожденна ѥ҃ ѥ҃нцу рѳссїйскаго Имперїумъ; но ѿ злобныхъ и коварныхъ навѣтниковъ, не токмо лишена была наслѣдїя своего, но ѹ҃же и҃ нейщетнымъ ѣ҆йствїямъ по злоѹ҃хищренныхъ недорохотовъ ѕамышленїямъ подлежаше: ѻ҃баче Бг҃ъ нейѕ҃ѕ҃лнными сонми и непостижимыми с҃ѣмы, и возведе ю на прародителскій и҃ родителскій престолъ, и҃ ѥ҃нцемъ ѥ҃ немуже рожденна бѣ ѹ҃краси ю.

Кромѣ этого общаго толкованія, каждое явленіе заканчивается отдѣльнымъ „краткимъ толкованіемъ“; напримѣръ, 1-ое явленіе I-го дѣйствія имѣетъ такое „краткое толкованіе“: **Вѣрность ѕнаменуетъ вѣрныхъ поддан҃ы, которые день и ночь воздыхали Бж҃ію мол҃ благость да всемилостивѣйшая Монархїня, како рожденна къ ѥ҃нцу, родителскій воспрїиметъ престолъ.** Или—вотъ „краткое толкованіе“ послѣдняго явленія V-го дѣйствія, гдѣ „Азія и Европа, Африка и Америка, поздравляютъ Стефанотокоса, и пѣснь радостную музы поютъ“: **Послы ѿ разныхъ ѕемель пріѣ҃хали поздравѝ҃ прослав-**

нію нашя монархиню всероссїйскую о семъ всѣ сіе россїяне возрадовалися.

Такимъ образомъ, толкованія не только обстоятельно и весьма опредѣленно раскрываютъ намъ аллегорическій общій смыслъ пьесы, но и вводятъ насъ даже въ мелкія подробности тѣхъ событій и настроеній, съ которыми было связано восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны; и особенно важно, что эти толкованія не представляютъ изъ себя плода позднѣйшаго изъясненія пьесы примѣнительно къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ, а служатъ скорѣе указаніемъ на то, что̀ самъ авторъ полагалъ въ основу своего произведенія, ибо находятся въ одномъ изъ самыхъ раннихъ списковъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ даты въ книгѣ.

Дѣйствительно, книга начата 22 октября 1741 г., и первая часть ея закончена ко 2-му сентября 1743 г., когда начата вторая часть, представляющая по даннымъ письма и бумаги одно цѣлое съ первою частью Изъ этого времени надо отбросить время отъ 22 октября по 25 ноября 1741 г., т. е., по день восшествія на престолъ Елисаветы, и, слѣдовательно, сочиненъ *Стефанотокосъ* могъ быть только между 25 ноября 1741 г. и 2 сентября 1743, такъ какъ текстъ его, судя по письму и характеру всей книги, не представляется вписаннымъ въ книгу позднѣе. Какъ бы скоро пьеса ни сочинялась, но все же на это должно было уйти нѣсколько времени, а отсюда дальнѣйшій выводъ тотъ, что въ литературное обращеніе *Стефанотокосъ* поступилъ никакъ не ранѣе 1742 г. Если затѣмъ даже принять находящееся въ книгѣ г. Морозова указаніе, что мѣстомъ написанія *Стефанотокоса* была Москва, то и тогда Новгородскому списку нельзя отказать въ близости къ оригиналу. Къ сожалѣнію, у г. Морозова не выяснено, почему непремѣнно Москва должна считаться колыбелью нашей драмы. Я съ своей стороны, позволю обратить вниманіе на тотъ фактъ, что̀ по своей основной мысли *Стефанотокосъ* поразительно совпадаетъ съ проповѣдью Новгородскаго епископа, упоминаемаго и въ

заглавіи нашей книги,—Амвросія Юшкевича, проповѣдью, сказанной 18 декабря 1741 г. въ Петербургѣ. Стефанотокосъ несправедливо лишенъ наслѣдственнаго престола и окруженъ злоухищреніями коварныхъ враговъ-иностранцевъ, готовыхъ подвергнуть его всяческимъ лишеніямъ и даже смерти; но онъ со смиреніемъ подчиняется своей судьбѣ, и Богъ возводитъ его на престолъ (вышеприведенное толкованіе ко всей пьесѣ въ данномъ случаѣ даже значительно сдержаннѣе самаго текста пьесы). Тѣми же чертами въ проповѣди обрисована Елисавета; она долго испытывала лишенія: „жалостно то воспомянуть", говорилъ проповѣдникъ: „но нельзя правды утаить, какъ Богъ, отъ самыя блаженныя кончины вселюбезнѣйшихъ твоихъ родителей, водилъ тебе черезъ всю жизнь твою по острому и язвительному терню. Не терніе ли то было, шлюсь я на разсужденіе всякаго, видѣть свой наслѣдственный государственный скипетръ чужими руками обладаемый? Не терніе ли то было, въ собственномъ добрѣ, собственными родителями твоими пріобрѣтенномъ, почти пепелъ за хлѣбъ имѣть, а питіе съ плачемъ растворять? Не терніе ли то, наконецъ, было терпѣть отъ своихъ подданныхъ рабовъ сущей порфирородной императорской дщери крайнее презрѣніе, и сверхъ того быть еще во всегдашнемъ опасеніи живота и здравія дражайшаго?" Но подобно Давиду, послѣ долгаго испытанія и Елисавета достигла желаемой цѣли: „говорите жъ теперь, безбожники, неисповѣдающіе Бога и Его Промысла, что то сдѣлала фортуна, слѣпой случай, а не Богъ, всѣми владычествующій..." [1]).

Конечно, можно назвать это совпаденіе случайнымъ или вызваннымъ единствомъ настроенія; можно предположить, что авторъ *Стефанотокоса* воспользовался идеей Юшкевича.

Но въ близости *Стефанотокоса* къ приведенной проповѣди Новгородскаго епископа и въ раннемъ его появленіи

[1]) Придворныя проповѣди въ царствованіе Елисаветы Петровны, Н. Попова, въ I т. Лѣтописей, стр. 4.

на страницахъ учебника Новгородской же семинаріи, патрономъ которой былъ именно авторъ проповѣди, нельзя ли отыскать отраженія бо́льшей связи пьесы если не съ личнымъ творчествомъ Юшкевича, то по крайней мѣрѣ съ дѣятельностью тѣхъ лицъ, ближайшимъ вдохновителемъ и руководителемъ которыхъ былъ Юшкевичъ? Покамѣстъ я ставлю только вопросъ, не имѣя на мѣстѣ нужныхъ для рѣшенія его данныхъ.

А. Лобода.

Историческія мелочи.

Каждый, кому приходится работать надъ древними рукописями и книгами въ архивахъ и музеяхъ, часто встрѣчаетъ въ нихъ или отдѣльные документы или интересныя записи, заслуживающіе почему-либо вниманія; они стоятъ особнякомъ и потому не попадаютъ въ большія собранія однородныхъ актовъ, хотя очень часто говорятъ о какомъ-нибудь болѣе или менѣе важномъ историческомъ фактѣ. Съ содержаніемъ нѣсколькихъ такихъ записей и документовъ мы и познакомимъ ниже читателей.

Начнемъ съ предметовъ священныхъ—съ двухъ плѣнныхъ евангелій.

I. Два плѣнныхъ евангелія.

Какъ извѣстно, въ 1611 году, когда польскій королевичъ Владиславъ былъ избранъ на Московскій престолъ, поляки надъ начальствомъ своего гетмана Станислава Жол-

кѣвскаго вступили 21 сентября въ Москву, заняли Новодѣвичій монистырь и расположились также въ сосѣднихъ городахъ: Можайскѣ и друг. Несмотря на то, что польскіе отряды вошли какъ дружественные, они не удерживались отъ насилій и грабежей, на что̀ сохранилось много жалобъ; не удерживались отъ грабежей и православные западно-русскіе дворяне; они не удерживались даже отъ ограбленія церквей, и о своихъ разбойническихъ поступкахъ скромно говорятъ: „взято“; такъ, напр., выражается о себѣ Волынскій земянинъ,бывшій членомъ Брестскаго собора 1596 г., ревностный сторонникъ православія, Александръ Подгороденскій. Находясь въ столицѣ, т. е. въ Москвѣ, онъ ограбилъ Ильинскую церковь, или, какъ говоритъ онъ въ своей вкладной записи, „взялъ“ въ ней: евангеліе; три писанныхъ по золоту иконы, оправленныя въ серебро; одинъ большой воздухъ, вышитый въ срединѣ зеленымъ шелкомъ и усаженый жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями; нѣсколько бѣлыхъ шелковыхъ съ цвѣтками и парчевымъ оплечьемъ ризъ и проч.; всѣ эти заграбленные священные предметы Подгороденскій пожертвовалъ въ свою церковь въ селѣ Подгородномъ „na częscz, na chwału Panu Bogu“, съ условіемъ, чтобы они оставались „при святой церкви на вѣки“ и чтобы никто не осмѣливался оттуда брать этихъ предметовъ „pod przeklenstwem Bożym“.

Сынъ Александра Подгороденскаго, Валеріанъ, въ первой половинѣ XVII в., подтверждаетъ вкладную отца и, съ своей стороны, присоединяетъ къ его пожертвованію золотой крестъ съ драгоцѣнными камнями, поясняя, что все это „взято“ въ землѣ Московской, въ Можайскѣ, въ 1611 году.

Вкладная Подгородецкихъ изложена слѣдующими словами:

W stoliczy wziętby w Ylienky czerkwy swiethy zostawuie na częscz na chwału Panu Bogu y czirkwy Podhorodinskij; ktory(ch) aparathow aby zaden sie nie ważył brać s tij czerkwy pod przeklenstwem Bozym, tho iest, ryzy jadamaszkowe

białe kytaiko... no obłozone, a na pleczach altumbasem obrozone; obrazow trzy złoczistych srebrem oprawnych, a tij malowany złotem; wosduchy wielkij ieden adamaskiem wesrodku zielonym haftowany, per(la)my y kamienmy sadzony; aby tho bylo przy czerkwy swietey na wieky.

Pysan w Podhodny. Roku Bożego 1613.

Alcxander Podhorodens., ręką swą.

Te Jwanielie zostawuie przi cerkwy Padhorodynskij y krzysz złocisty s kamieńmy.

Walerian Podhorodynsky, m. pr.

Te xięgi w ziemie Moskiewskii z Mozaisku wzieto w roku 1611.

Но потомки Подгороденскаго не очень-то, какъ видно, боялись „przeklenstwa Bożego“ и перенесли взятое въ плѣнъ евангеліе во Владиміро-Волынское древлехранилище при братствѣ, гдѣ оно хранится и до сихъ поръ; это евангеліе принадлежитъ къ рѣдкимъ первенцамъ Московской печати; оно вышло изъ типографіи въ 1605—1606 гг. при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ и патріархѣ Гермогенѣ; „книга совершена мастерствомъ многогрѣшнаго Анисима, Михайлова сына, Радошевскаго-волынца и прочихъ любезно трудившихся“. Трудъ Волынца возвратился такимъ образомъ на Волынь.

Другое, побывавшее въ плѣну, напрестольное евангеліе мы встрѣтили лѣтомъ этого года въ г. Таращѣ. Оно принадлежитъ походной церкви Казанскаго драгунскаго полка, расположеннаго теперь въ этомъ городѣ. Евангеліе издано въ Москвѣ, въ 1815 году. Въ 1831 году Казанскій драгунскій полкъ находился въ дѣйствіи противъ возставшихъ тогда поляковъ; 2-го марта подъ Пулавами онъ потерпѣлъ неудачу, и евангеліе досталось, какъ побѣдный трофей, польскому отряду, надъ которымъ начальствовалъ полковникъ Лаговскій. Народное правительство въ Варшавѣ постановило передать это евангеліе, „добытое мужественнымъ народнымъ

войскомъ въ борьбѣ за народную независимость", въ историческій музей въ Пулавахъ. Постановленіе подписано членами народнаго правительства: Викентіемъ Нѣмировскимъ, Ѳеофиломъ Моравскимъ, Станиславомъ Шаржиковскимъ и Іоахимомъ Лелевелемъ; изъ всѣхъ автографовъ для насъ наиболѣе интересенъ послѣдній, Лелевеля, какъ знаменитаго польскаго историка. Быть можетъ, ему принадлежитъ и редакція постановленія, проникнутаго глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, и самая мысль о храненіи евангелія въ музеѣ.

Вотъ это постановленіе:

„Xięgi te Ewangelii, należące do cerkwi obozowey pułku draganow Kazanskich, przez waleczne woysko narodowe, pod wodzą pułkownika Lagowskiego, zdobyte na nieprzyiacielu w Puławach dnia 2-go marca 1831 roku w walce za niepodległosc narodową, do zbioru pamiętek w Pulawach rząd narodowy przyznaczył.

W Warszawie. Dnia 20 marca 1831 roku.

Wincenty Niemierowski, członek rządu narodowego.

Teofil Morawski, członek rządu narodowego, poseł z powiatu Kaliskiego.

Stanisław Szarzykowski, członek rządu narodowego, poseł Cestr.

Ioachim Lelewel, członek rządu narodowego, poseł powiatu Żelichowskiego.

Впослѣдствіи военные успѣхи перешли на сторону русскихъ войскъ, и Казанскій драгунскій полкъ возвратилъ себѣ обратно свою святыню, которая, пріобрѣвъ историческое значеніе, ревниво оберегается теперь полкомъ.

Сообщенное нами о двухъ плѣнныхъ евангеліяхъ вполнѣ подтверждаетъ справедливость изреченія, что и книги имѣютъ свою судьбу.

Отъ священныхъ предметовъ перейдемъ къ просто серьезному.

II. Попытка возстановленія казачества.

Запорожская сѣчь 4-го іюня 1775 года была, какъ извѣстно, уничтожена; козаки частью разошлись на новыя мѣста поселенія по побережью Чернаго моря: на Кубань, Дунай, устья Днѣпра и Днѣстра, частью обратились въ мирныхъ поселянъ; но легкаго, подвижнаго и сильнаго нѣкогда войска не стало; расширеніе же русской территоріи на югѣ продолжалось; новоприсоединенный Крымъ требовалъ содержанія въ Тавридѣ значительныхъ военныхъ силъ, и съ 1783 года кн. Потемкинымъ дѣлаются попытки возстановить козачество въ новой формѣ, по образцу Донскаго или Уральскаго; правда, изъ оставшихся въ Россіи запорожцевъ удалось составить тогда нѣсколько отрядовъ, которые и участвовали во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ Россіи на югѣ; но число ихъ постоянно уменьшалось, потому что не стало „того гнѣзда, [1]) откуда, по выраженію поэта, вылетѣли всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы"; въ 1795 г. послѣдовало присоединеніе къ Россіи Юго-Западнаго края, и тогда настоятельнѣе всего почувствовался недостатокъ въ сѣчевикахъ, какъ элементѣ, который лучше всѣхъ могъ сдержать польскіе порывы къ возсозданію Рѣчи-посполитой, съ которой онъ боролся со времени своего возникновенія; вспомнила объ этомъ и Екатерина II, и въ именномъ своемъ указѣ на имя генералъ-фельдцейхмейстера князя Платона Александровича Зубова повелѣвала „составить полки козацкаго войска", которое она рѣшила почему-то назвать „Вознесенскимъ"; по высочайше конфирмованному штату, предполагалось „составить козацкіе полки, между прочимъ, изъ тѣхъ, кои захотятъ вступить въ сію службу, изъ козаковъ, въ губерніяхъ Брацлавской, Подольской и Волынской живущихъ, съ строгимъ однакожъ остереженіемъ, чтобы подъ видомъ настоящихъ козаковъ не могли поступать въ то войско бѣглые

[1]) „Тарасъ Бульба" Гоголя.

солдаты и помѣщицьи люди". Для приведенія въ извѣстность количества козаковъ въ губерніяхъ Брацлавской, Подольской и Волынской, рѣшено было воспользоваться ревизскими сказками, которыя были тогда только-что составлены, и по нимъ „вѣрно выправиться", сколько гдѣ въ губерніи „по учиненной переписи оказалось жителей, именующихъ себя козаками, такихъ, кои никому не принадлежатъ и на которыхъ ни отъ кого изъ владѣльцевъ никакого спору, иску и противорѣчія быть не можетъ"; сверхъ того, указъ требуетъ пріобщить, „по наиточнѣйшей чрезъ градскую и земскую полицію выправкѣ, особый перечневый реестръ о надворныхъ козакахъ въ казенныхъ и владѣльческихъ имѣніяхъ, изъ чиншевой шляхты либо изъ другихъ вольныхъ людей, къ коимъ владѣльцы притяжанія имѣть не могутъ". Князь Зубовъ отправилъ этотъ указъ къ генералу Тутолмину, съ просьбой о скорѣйшемъ его исполненіи, а послѣдній 4 августа 1796 года разослалъ копіи указа губернаторамъ, при своемъ письмѣ къ каждому. Мы пользовались письмомъ Тутолмина къ губернатору Подольской губерніи генералу Вердеревскому, которое найдено нами въ архивѣ Подольскаго губернскаго правленія въ дѣлѣ по составленію требуемой справки изъ ревизскихъ сказокъ; всѣ спрошенныя губернаторомъ мѣстныя учрежденія отозвались, что надворныхъ козаковъ нигдѣ нѣтъ, и представили цифры лишь одной чиншевой шляхты, менѣе всего пригодной для старыхъ козацкихъ подвиговъ, къ которымъ она призывалась. Количество чиншевой шляхты было до того ничтожно въ губерніи, что о созданіи Вознесенскаго козачества не могло быть и рѣчи.

Такимъ образомъ, попытки возстановленія козачества княземъ Потемкинымъ въ 1783 году и еще менѣе удачная попытка Екатерины II въ 1796 году ясно показываютъ, что разъ убитый живой организмъ Запорожскаго южно-русскаго козачества нельзя уже было возстановить никакими искусственными мѣрами.

„Нѣтъ", восклицаетъ Гоголь, „прошло времячко—не увидать больше запорожцевъ!"

Письмо же генералъ-губернатора Т. Тутолмина къ Подольскому губернатору, генералу Вердеревскому, буквально такого содержанія:

„Милостивый государь мой
Николай Алексѣевичъ!

Его свѣтлость господинъ генералъ-фельдцейгмейстеръ и разныхъ орденовъ кавалеръ князь Платонъ Александровичъ Зубовъ при отзывѣ, отъ 19 истекшаго іюня мною полученномъ, прислать ко мнѣ изволилъ копію со всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества именнаго, его свѣтлости даннаго указа о составленіи полковъ козацкаго Вознесенскаго войска по высочайше конфирмованному штату, составивъ оное, между прочимъ, изъ тѣхъ, кои захотятъ вступить въ сію службу изъ козаковъ въ губерніяхъ Брацлавской, Подольской и Волынской живущихъ, со строгимъ однакоже остереженіемъ, какъ о семъ его свѣтлость особенно ко мнѣ пишетъ, чтобы подъ видомъ настоящихъ козаковъ не смѣли поступать въ то войско бѣглые солдаты или помѣщичьи люди; а какъ дѣйствительнымъ произведеніемъ въ дѣйство ревизіи въ здѣшнемъ краѣ всѣ народныя состоянія приведены въ точную извѣстность, то и прошу Ваше Превосходительство по поданнымъ ревизскимъ сказкамъ приказать вѣрно выправиться и для неотложныхъ со стороны моей распоряженій о исполненіи высочайшей воли монаршей и требованія его свѣтлости князя Платона Александровича, какъ наискорѣе и конечно не долѣе трехъ недѣль, со всѣми обстоятельствами меня увѣдомить, сколько гдѣ въ губерніи Вашего управленія по учиненной переписи оказалось жителей, именующихъ себя козаками, такихъ, кои въ собственность никому не принадлежатъ и на которыхъ ни отъ кого изъ владѣльцевъ никакого спору, иску и противорѣчія быть не можетъ; а сверхъ того пріобщить, по наиточнѣйшей чрезъ градскую и земскую полицію выправкѣ,

особый перечневый реестръ о надворныхъ козакахъ въ казенныхъ и владѣльческихъ имѣніяхъ изъ чиншевой шляхты либо изъ другихъ вольныхъ людей, къ коимъ владѣльцы притяжанія имѣть не могутъ.

Пребываю всегда съ совершеннымъ почтеніемъ
Вашего Превосходительства,
Милостиваго государя моего,
покорный слуга
Тимофей Тутолминъ.

На подлинномъ тако:
№ 3458.
Августа 4-го дня
1796 года.
Житомиръ.

Его Превосходительству г-ну Вердеревскому

(Дѣло изъ Архива Подольскаго Губерн. Правленія № 70 за 1796 г.).

Отъ серьезнаго сдѣлаемъ теперь шагъ къ шуткѣ.

III. Канцелярскія шутки стараго времени.

Древнія актовыя книги писались въ королевскихъ замкахъ и разнаго рода другихъ учрежденіяхъ, чаще всего нѣсколькими лицами на отдѣльныхъ тетрадяхъ; въ тетрадяхъ нерѣдко оставались не дописанными одна или двѣ страницы; при составленіи изъ всѣхъ тетрадей цѣльной книги за извѣстный годъ, неисписанныя страницы, въ предупрежденіе позднѣйшей вставки подложныхъ документовъ, перечеркивались на крестъ или въ разныхъ мѣстахъ страницы

помѣчались надписью слова „vacuum“. Остроумные чиновники трехъ протекшихъ столѣтій замѣняли перечеркиваніе или „vacuum“ выписками изъ Евангелія, Псалтири, Экклезіаста и друг. священныхъ книгъ, приводили изреченія мудрецовъ, записывали стихи или отмѣчали какія-нибудь, случавшіяся въ ту пору, небесныя явленія. Чаще всего они заполняли пробѣлы шутками, облекая ихъ въ форму юридическихъ польскихъ актовъ: жалобъ, записей, довѣренностей и проч.

Въ большомъ употребленіи были жалобы, „протестаціи“, какъ они тогда назывались, такъ какъ это была самая удобная юридическая форма, въ которую можно было вставить какую угодно шутку. Въ такихъ шуточныхъ „протестаціяхъ“ фигурируетъ враждующіе между собой животныя; напр., мышь жалуется на кота, муха- на паука и проч.

Для образца перескажемъ жалобу мухи[1]). Послѣдняя заявляетъ, что съ дѣдовъ и прадѣдовъ своихъ она самимъ Богомъ и по общимъ государственнымъ законамъ освобождена отъ всѣхъ повинностей по отношенію къ Рѣчи-посполитой и пользуется неограниченнымъ правомъ летать по воздуху, гдѣ пожелаетъ; тѣмъ не менѣе, она неуступно трудится на пользу Рѣчи-посполитой, часто проливаетъ кровь и не щадитъ своего здоровья въ военныхъ дѣлахъ, нуждаясь лишь въ уголкѣ, гдѣ бы она могла успокоиться и отдохнуть; но паукъ, не боясь Бога и забывъ Его святую волю, которою самъ сотворенъ, презирая родственную и сосѣдскую пріязнь, дыша непристойной, врожденной ненавистью и злобой къ жалобщицѣ, въ то время когда она должна совершать непрерывное свое путешествіе и быстро махать въ воздухѣ крылышками,—обвиняемый, паукъ, разными способами не допускаетъ ее до этого, причиняетъ стѣсненія и обиды, клевещетъ и грозитъ живьемъ изловить, дѣлаетъ все, что только можетъ придумать, и не

[1]) Изъ град. Кременец. книги 1670 г., хранящейся въ Центральномъ архивѣ.

перестаетъ это дѣлать до сихъ поръ, разставляя вездѣ свои обычныя сѣти и силки.

Не рѣдко въ шуточныхъ жалобахъ изображаются, въ каррикатурныхъ формахъ конечно, сословные пороки, козацкіе и шляхетскіе.

Козакамъ авторы жалобъ приписываютъ пьянство, игру въ карты и полное равнодушіе къ свой особѣ. Такъ, напр., приходитъ „до вряду (въ судъ) славетный Хилимонъ Малышъ, козакъ войска Запорозкого", и жалуется на своего товарища Куцка Голыша о томъ, что онъ причиняетъ ему неоднократно убытки въ „разныхъ пилныхъ справахъ и потребахъ поважныхъ и шкодливыхъ"; одна „кривда" не малая, „же за одну пятницу той Голышъ одъМалыша по две (вдвое) выпиваетъ, а другая— играючи въ карты, тотъ Голышъ ничего не ставитъ; и хочь проиграетъ, то не платитъ; а николи не пружнуетъ (т. е. не бываетъ безъ дѣла): коли не пьетъ, то в . .и бьетъ; хоть сорочки нѣтъ, то ему (байдуже?): не богатъ, да счастливъ" [1]).

Шляхетскими недостатками въ „протестаціяхъ" являются, кромѣ пьянства, чванство, сутяжничество и взяточничество въ судахъ. Фамиліи тяжущихся напоминаютъ „гожалку" и „келихъ" (водку и рюмку), пана и хлопа (Хохолскій, Хохловичъ, Мужикевичъ). Вотъ, напр., жалоба: „уроженый панъ Анныш Горжалковскій" торжественно жаловался и „заносилъ" протестацію „напротивко пану Совѣ Келишковскому о украдене горелки, з насеня кропивного и збозниковыхъ ягодъ робленои, зо псимъ г. . . . . ъ приправленои, которое было барил (бочекъ) сто кратъ сто тисечей; то все за одну ночь з леху выкрадлъ" [2]).

Другой родовитый панъ обвиняетъ „неякогось Хохолского о то, ижъ онъ бродитъ и не умѣетъ говорити по-пол-

[1]) Книга Центр. архива Житомір. град. за 1640 г. № 15, л. 777.

[2]) Книга того же архива Житомір. град. 1730 г., № 14, актъ 136

ску", а между тѣмъ „смѣетъ и важитсе тое мовы зажи-вати" [1]).

Или, напр., судья вписываетъ въ книгу „оповѣданье" (заявленіе), что „на врядъ", явилось лицо, „не видать и ошто, и що и якъ его зовутъ, и заносило актъ протестации, не ведать на кого и о што, и за што" [2]).

Въ Кіевской гродской актовой книгѣ за 1740 г., на перечеркнутомъ пробѣлѣ, очень позднимъ почеркомъ и почти свѣжими чернилами, сравнительно съ другими листами книги, мы встрѣтили стихотвореніе, изображающее разорительную и тяжкую для сторонъ волокиту и взяточничество въ польскихъ судахъ:

„Послѣ 20 рѣшеній, 13 судебныхъ отсрочекъ, 40 приговоровъ и 6 добровольныхъ соглашеній, побѣдилъ въ тяжбѣ Маркъ Петра.— Но развѣ онъ разбогатѣлъ?

Послѣдніе 300 злотыхъ за рѣшеніе заплатилъ.

Умеръ Петръ, умеръ Маркъ, воротившись изъ замка; тотъ, что проигралъ—съ отчаянія; тотъ, что выигралъ—съ голоду". [3])

На польскомъ языкѣ, это стихотвореніе, изящное по формѣ и остроумное по мысли, принадлежитъ, намъ кажется

---

[1]) Книга Центр. архива Житомір. град. за 1730 г. № 14.

[2]) Ibid.

[3]) Вотъ это стихотвореніе въ оригиналѣ:

Pieniacze.

„Po dwudziestu dekretach, trzynastu remissach,
„Cztyrdziestu kondemnatach, szesciu kompromissach
„Zwyciężył Marek Piotra.—A że się zbogacił?
„Ostatnie trzysta złotych za dekret zapłacił.
„Umarł Piotr, umarł Marek, powrociwszy z grodu;
„Ten, co przegrał—z rospaczy; ten, co wygrał—z głodu".

(Книга того же архива Житомір. град. за 1740, № 56 л. 404 об.).

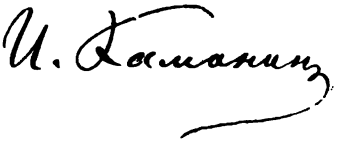
перу лучшаго польскаго писателя. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ времени, намъ пришлось отказаться отъ желанія навести точныя справки о мѣстѣ его заимствованія и предоставить это другимъ. Мы хотѣли лишь показать, какъ шутили въ старину канцеляристы.

Приведемъ еще стихотвореніе, записанное на пробѣлѣ во Владимірской книгѣ 1733 года. [1]).

Zachoway Boże,
Byś papir zostawił,—
Zaraz cię zapozwę,
Y będziesz się stawił
Przed sędziow, ktorzy
Twe sprawy osądzą.
Wierz rzetelnosci,
Że oni nie zbłondzą.

Оно, въ свою очередь, указываетъ на сутяжничество поляковъ и опасность оставлять даже гдѣ-нибудь бумажку,— сейчасъ же притянутъ къ суду. Впрочемъ, авторъ увѣряетъ, что судьи разберутъ дѣло справедливо и въ рѣшеніи не ошибутся: это увѣреніе невольно заставляетъ предположить, что авторомъ стихотворенія былъ кто-нибудь изъ тогдашнихъ судей.

Подобнаго же рода канцелярскія шутки были помѣщаемы нами въ покойной Кіевской газетѣ „Трудъ“ въ 1882 году, а позже г. О. Левицкимъ и г. В. Шеболдаевымъ въ „Кіев. Старинѣ“ за разные годы.

[1]) Книга Центр. архива № 1103, л. 395 об.

Украинскіе козаки въ двадцатыхъ годахъ XVII в.

Въ „Сборникѣ лѣтописей Южн. и Зап. Руси," изд. въ 1888 г. Кіев. археогр. ком. подъ ред. В. Б. Антоновича, напечатаны четыре письма Краковскаго кастелляна кн. Юрія Збаражскаго „о состояніи козацкаго войска и объ отношеніяхъ къ нему Рѣчи-посполитой въ 1621 —1625 г. г." (стр. 250—255), при чемъ редакторъ говоритъ, что въ 1879 г. во Львовѣ издана была г. Соколовскимъ, въ отдѣльномъ томѣ, вся переписка кн. Юрія Збаражскаго, но что это изданіе ему, редактору, осталось неизвѣстнымъ, почему онъ и не знаетъ, помѣщены ли въ немъ письма, имъ печатаемыя. Указываемый здѣсь „отдѣльный томъ" Соколовскаго представляетъ собою отдѣльный оттискъ (въ 171 стр.) изъ извѣстнаго изданія Краковской академіи *Scriptores rerum polonicarum*, въ пятомъ томѣ котораго (Kraków, 1880) напечатаны Авг. Соколовскимъ *Listy księcia Jerzego Zbaraskiego, kasztelana Krakowskiego z lat 1621—1631.* Повидимому, эти письма и до сихъ поръ мало извѣстны историкамъ Украинскаго козачества. Говоримъ такъ потому, что изъ недавно напечатаннаго *Очерка гетманства Петра Сагайдачнаго* *) видно, что почтенный его авторъ, И. М. Каманинъ, обходитъ молчаніемъ это изданіе. А между тѣмъ письма Збаражскаго заключаютъ въ себѣ столько же важныхъ свѣ-

*) Чтенія въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца, Кн. XV, вып. 1.

дѣній, какъ и „Listy Stan. Żółkiewskiego“ (Kraków, 1868). Напр. въ письмѣ отъ 8 мая 1622 г., Збаражскій пишетъ королю: „Z kozakamy do téj doby nie było nic skonczonego, było czasu dosyć i nazbyt do transakcyi z nimi. P. Obełkowski, nierychło z pieniądzmi odprawiony, na czas zjechać nie mógł; interim, *jakom wczoraj miał wiadomość, Saydaczny umarł, tak wierny i addictus w. k. m. i Rzptej hetman Zaporoski, za ktorego władzą, jako snadniej było transigere z kozakami, to juz latwie uważyć.* Teraz Pan Bóg to wie, co za hetmana sobie obiorą, verisimile bardzo, jako że najswawolniejszego, bo i natura ich tego requirit i *rygor przeszłego bardzo im był ciężki* i do dziwnych rzeczy ztamtąd prędziućko przyjść może. *Wykradło sie ich snać do Doncow nie mało, i poszli z nimi na morze*; to tu zaraz Turcy irytowani będą“... Кромѣ характеристики Сагайдачнаго *), здѣсь очень интересно свѣдѣніе о *совмѣстныхъ* набѣгахъ запорожцевъ съ *„донцами“* на турецкія владѣнія. Интересенъ дальше совѣтъ Збаражскаго королю относительно назначенія преемника Сагайдачному: „kozakom koniecznie, abyś WKM. z ramienia swego hetmana naznaczyć raczył teraz co rychlej kozaka tamtejszego zaporoskiego, bo inszego pewnie nie przyjmą, i nie byłby frugi; jedno iż którego by mianować właśnie trudna rzecz bez wiadomosci i wiary jego i jego obyczajow. Rozumiałbym żebyś WKM. z okienkiem (т. е. съ пропускомъ мѣста для написанія имени) list posłac raczył, a tam Obelkowski, porozumiawszy się z tymi, którzyby WKM. i Rzptej najwierniejsi, gdyż tam już nieraz był między nimi i może ich znać, aby tego imię wpisał, któryby się zdał byc najcnotliwszy, najwierniejszy i między nimi też wzięty i veteranus, bo inakszy autoritatem żadnej nie będzie miał, ani ich in officio retinere będzie mogł, jedno to wszystko trzeba zaraz i prędko odprawować, gdyz jest brevissima occasio, i skoro się najmniej omieszka, pewnie będzie calva zaraz“ . . . (стр. 55). Мы не знаемъ, былъ ли испол-

*) Въ другомъ письмѣ, отъ 15 окт. 1622 г., Збаражскій такъ характеризуетъ Сагайдачнаго: «on nieborak człowiek (былъ) cnotliwy; sprawny i mężny i Rzptej bardzo życzliwy, jakiego nigdy kozaci nie mieli między sobą“ (стр. 64).

ненъ совѣтъ Збаражскаго, но онъ показываетъ, что украинскіе козаки и въ мирное время находились далеко не въ полномъ подчиненіи у Речи-посполитой. Упоминаемый здѣсь и въ другихъ письмахъ Збаражскаго—Обалковскій, повидимому, считался своего рода „свѣдущимъ человѣкомъ“ въ Речи-посполитой относительно украинскихъ козаковъ. Онъ былъ владѣльцемъ значительныхъ имѣній въ „Заднѣпріи“, а именно, Березани, Быкова, Яблонова (Лубенск.) и Миргорода, какъ это видно изъ люстраціи Переяславскаго староства 1622 г. (Źródła dziejowe, V, 133), причемъ Обалковскій именуется секретаремъ короля.

Очень интересны въ письмахъ Збаражскаго свѣдѣнія о морскихъ набѣгахъ козаковъ на турецкія владѣнія, показывающія, что здѣсь смѣлости и удальству козаковъ, отправлявшихся въ море на челнахъ и плѣнявшихъ турецкіе *корабли*, не было границъ. Напримѣръ, въ письмѣ отъ 8 іюня 1622 г. Збаражскій, говоря, что не мѣшало бы Betlen'a Gabor'a (Трансильван. князя) привлечь къ помощи въ трактатахъ съ Константинополемъ, добавляетъ: „na tem rzecz teraz najbardziej zależy, poneważ *pięć czołnów kozaków teraz chodziło na morze i wzięli okręt jeden turecki*, o czem brat moj (Криштофъ Збаражскій), jakom dzisiaj pisał, dał już znać WKM. i ja już wiadomość tę miałem powtórzoną dzisiaj, że tak jest, bo się ci kozacy nazad wrócili i są we włosci, abys WKM. zarazem komornika lub sekretarza wyprawic rozkazać raczył do kozaków, surowie rozkazując, żeby tych łotrów wydali i żeby ich do Lwowa przywiezli, a tu, jeśliby tego potrzeba była, żeby Turcy skarzyli się, skarać ich przed czauszem, co ad fidem pactorum summopore będzie należało, i bywały takie przykłady, tak za nieboszczyka króla Stefana, jako i za WKM“ . . . (стр. 56). Объ этихъ козацкихъ морскихъ набѣгахъ, какъ видно, не дававшихъ покоя ни туркамъ, ни полякамъ, боявшимся сердить турокъ, Збаражскій упоминаетъ нѣсколько разъ (стр. 64, 78, 88, 93, 97 и т. д.). Въ какомъ количествѣ челновъ козаки пускались въ море, объ этомъ говоритъ письмо отъ 13 іюня 1627 г.: „Z Konstantynopola (кто-то)

pisze, że przyszła była z Oczakówa nowina do Porty, iż *szescset czołnòw* kozakòw weszło na morze Czarne, zaczem trwoga była wielka“ . . . (стр. 132). Но кромѣ этихъ извѣстій объ украинскихъ козакахъ въ двацатыхъ годахъ XVII в., въ письмахъ Збаражскаго разсѣяно немало и другихъ, показывающихъ, какую общественную группу представляли собою эти козаки тогда на Приднѣпровской территоріи.

Въ настоящей своей замѣткѣ мы желали напомнить людямъ, интересующимся исторіей Украинскаго козачества, что и въ письмахъ Збаражскаго есть для того факты, которыхъ обходить не слѣдуетъ.

Ал. Лазаревскій.

Ст. 1172
Сб. IV

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

15-1

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Выпускъ I.

Изданъ подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типографія **М. М. Фиха**, Большая-Васильковская, № 10.
1901.

Оглавленіе.

Кн. XV, вып. I-й.

Отдѣлъ I.

Стран.

Историческое Общество Нестора-лѣтописца въ 1899—1900 г. (Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества съ 27 октября 1899 по 27 октября 1900 г.)—*М. И. Ясинскаго* 3

Списокъ членовъ Общества къ 15 марта 1901 г. 15

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Общества за ноябрь и декабрь 1900 г. 21

Сокращенное изложеніе сообщеній:

О Лже-Павлѣ Петровичѣ (1783 г.)—*Е. Д. Витте* . . 21

Современные методы изученія былинъ—*А. М. Лободы* 24

Отдѣлъ II.

Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго — *И. М. Каманина* 3

Старѣйшій списокъ „Малороссійской Енеиды“ И. П. Котляревскаго—*Н. П. Дашкевича* 33

Отдѣлъ III.

Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ Черниговщинѣ и Сѣверщинѣ (1603—1605 гг.)—Сообщилъ *И. В. Лучицкій* 3

Псальма о Дорошенкѣ.—Сообщилъ *А. И. Соболевскій* 16

Къ исторіи финансовъ и финансоваго управленія въ Малороссіи XVII и XVIII в.—Сообщилъ *И. В. Лучицкій*. 20

Стран.

Записка митрополита Лаодикійскаго Парѳенія о невольникахъ.—Сообщилъ *В. Н. Перетцъ* 24
Матеріалы для исторіи торговли пенькою Стародубья съ заграницею.—Сообщилъ *А. М. Лазаревскій* . 34
Начальныя строфы старѣйшаго списка Енеиды.—Сообщилъ *Н. П. Дашкевичъ* 39

Отдѣлъ IV.

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской церкви.—Свящ. *Ѳ. И. Титова* (окончаніе слѣдуетъ). 3

Отдѣлъ V.

Къ характеристикѣ семейныхъ и общественныхъ отношеній козачества въ послѣдніе годы существованія Сѣчи Запорожской.—*О. А. Фотинскаго* 3
Извѣстія о новыхъ книгахъ.—*А. С.* 15
Объявленія 24

Съ настоящаго 1901 г. книги „**Чтеній въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣтописца**“ будутъ выходить ежегодно въ четырехъ выпускахъ; цѣна каждаго выпуска отдѣльно въ продажѣ **1 руб. 50 к.**; при подпискѣ же на всѣ выпуски —**5 руб.** съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к.
„ VI-й „ „ 3 р. 50 к.
„ II, VII, IX, XIII „ „ 3 р.
„ VIII, X, XI „ „ 2 р.
„ XII „ „ 4 р.
„ XIV, вып. 1— „ 1 р. 25 к.
„ — „ 2 и 3— по 1 р. 40 к.

каждая } съ пересылкой.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: „**Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси**“. Цѣна 1 рубль.

„**Труды III-го археологическаго съѣзда**“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

„**Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева**“. (съ 2 рис.). К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„**25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-лѣтописца**“ (Рѣчь и историческая записка). К. 1899 г. Цѣна 75 коп.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*

ЧТЕНІЯ

въ Историческомъ Обществѣ

Нестора Лѣтописца.

152

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

Выпускъ II.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типографія **М. М. Фиха**, Большая-Васильковская, № 10.
1901.

Оглавленіе.

Кн. XV, вып. 2-й.

Отдѣлъ I.

Стран

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за январь—мартъ 1901 г. . . . 27

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Черты семейно юридическаго быта въ Лѣвобережной Малороссіи во 2-й половинѣ XVIII в.—*О. И. Левицкаго* 27

Рада (дума) великаго княжества Литовскаго, какъ высшее судебное учрежденіе—*М. Н. Ясинскаго* . 30

Столѣтіе рожденія славинскаго поэта Фр. Преширена—*А. І. Степовича.* 33

Первые шаги по введенію положенія 19 февраля 1863 года въ Черниговской губерніи—*Н. П. Василенка.* 39

Отдѣлъ II.

Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 году—*Н. Н. Оглоблина* 43

Отдѣлъ III.

Неизвѣстная драма М. Казачинскаго (Трагедіа сирѣчь печалная повѣсть о смерти послѣдняго Сербскаго Уроша пятаго и о паденіи Сербскаго царства). Текстъ съ предисловіемъ *А. И. Соболевскаго* (Оконч. слѣд.). 49

Отдѣлъ IV.

Стран.

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.—Свящ. *Ѳ. И. Титова*. (Окончаніе). 25

Отдѣлъ V.

Краткое обозрѣніе рукописей Кіево-Софійской библіотеки—*Н. И. Петрова* 21

О собираніи матеріаловъ для исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ губерніяхъ Кіевскаго учебнаго округа—*А. М. Лазаревскаго*. 43

Объявленія.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к.
„ VI-й „ „ 3 р. 50 к.
„ II, VII, IX, XIII „ „ 3 р.
„ VIII, X, XI „ „ 2 р.
„ XII „ „ 4 р.
„ XIV, вып. 1— „ 1 р. 25 к.
„ — „ 2 и 3— по 1 р. 40 к.

} каждая. } съ пересылкой.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“**. Цѣна 1 рубль.

„Труды III-го археологическаго съѣзда“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.). К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка). К. 1899 г. Цѣна 75 коп.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

153

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Выпускъ III.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типографія **М. М. Фиха**, Большая-Васильковская, № 10.
1901.

Оглавленіе.

Кн. XV, вып. 3-й.

Отдѣлъ I.

Стран.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за апрѣль и май 1901 г. . . . 43

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Борьба между Кіевскимъ и Бѣлорусскимъ архипастырями изъ-за власти надъ заграничными монастырями Кіевской епархіи въ XVII и XVIII вв.—о. *Ѳ. И. Титова* 43

О происхожденіи новоевропейскаго эпоса о Лисѣ—*Н. П. Дашкевича* 45

Отдѣлъ II.

Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 году—(Окончаніе) *Н. Н. Оглоблина* 83

Отдѣлъ III.

Неизвѣстная драма М. Козачинскаго (Трагедіа сирѣчь печалная повѣсть о смерти послѣдняго Сербскаго царя Уроша пятаго и о паденіи Сербскаго царства). Текстъ (окончаніе), сообщенный *А. И. Соболевскимъ* 89

Матеріалы къ „Очерку гетманства П. К. Сагайдачнаго"—Сообщилъ *И. М. Каманинъ* 123

Отдѣлъ V.

Стран.

Совращеніе въ латинство діакона (1692 г.)—Сообщилъ *В. Н. Перетцъ* 51

Приложеніе.

О древностяхъ Константинополя. *Гавріила Лаская* 1—16

Объявленія.

Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к.
„ VI-й „ „ 3 р. 50 к.
„ II, VII, IX, XIII „ „ 3 р.
„ VIII, X, XI „ „ 2 р.
„ XII „ „ 4 р.
„ XIV, вып. 1— „ 1 р. 25 к.
„ — „ 2 и 3— по 1 р. 40 к.
„ XV,— „ 1 и 2— „ 1 р. 50 к.

} каждая книга съ пересылкой.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: „**Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси**“. Цѣна 1 рубль.

„**Труды III-го археологическаго съѣзда**“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ. 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

„**Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева**“ (съ 2 рис.). К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„**25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-лѣтописца**“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 к.

Съ 1901 г. „**Чтенія въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца**“ выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска, **5 руб.** съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности **1 руб. 50 коп.**, съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.

Чтенія

въ Историческомъ обществѣ

Нестора лѣтописца.

154

Книга пятнадцатая.

Выпускъ IV.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

Кіевъ.
Типографія М. М. Фиха, Большая-Васильковская, № 10.
1902.

Printed in Russia.

Оглавленіе.

Кн. XV, вып. 4-й.

Отдѣлъ I.

Стран.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за сентябрь и октябрь 1901 г. 49

Сокращенное изложеніе сообщеній:

О новомъ трудѣ по начальной исторіи славянъ—Погодина: „Изъ исторіи славянскихъ передвиженій"—*Ю. А. Кулаковскаго* 49

Результаты археологической экскурсіи въ Таращанскій и Чигиринскій уѣзды лѣтомъ 1901 года—*И. М. Каманина* 51

Отчетъ объ археологической экскурсіи въ Бердичевскій, Васильковскій и Уманскій уѣзды лѣтомъ 1901 г.—*В. И. Щербины*. 67

Византійскій другъ и дружина—*Ю. А. Кулаковскаго* . 6

Отчетъ о состояніи, составѣ и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1900 по 27 октября 1901 г.—*М. Н. Ясинскаго* 7

Отдѣлъ II.

Рыцарство на Руси—въ жизни и поэзіи. I.—*Н. П. Дашкевича* 129

Отдѣлъ III.

Одинъ изъ памятниковъ религіозной полемики XVI вѣка: Посланіе Януша, короля Угорскаго, къ проту Аѳонской горы (1534 г.) и отвѣтъ послѣдняго.—Сообщилъ *Н. П. Дашкевичъ* 179

Цеховые акты Лѣвобережной Малороссіи (1622—1645 гг.)—Сообщилъ *А. М. Лазаревскій* 202

Отдѣлъ IV.

Стран.

Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года, собранные и изданные И. П. Щукинымъ, ч. V и VI—*Н. Н. Оглоблина* 45

Отдѣлъ V.

Школьная драма „Стефанотокосъ“ по вновь найденной рукописи 1741—1743 гг.—*А. М. Лободы* . . . 57

Историческія мелочи—*И. М. Каманина* 63

Украинскіе козаки въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка—*А. М. Лазаревскаго* . . . . . 75—64

Приложеніе.

О древностяхъ Константинополя.—*Гавріила Ласкина* 17—64

Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к.

„	VI-й	„ „	3 р. 50 к.	съ пересылкой.
„	II, VII, IX, XIII	„ „	3 р.	
„	VIII, X, XI	„ „	2 р.	
„	XII	„ „	4 р.	
„	XIV, вып. 1—	„	1 р. 25 к.	
„	— „ 2 и 3—	по	1 р. 40 к.	
„	XV,— „ 1, 2 и 3	„	1 р. 50 к.	

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“**. Цѣна 1 рубль.

„Труды III-го археологическаго съѣзда“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ. 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 к.

Съ 1901 г. **„Чтенія въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца“** выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска, **5 руб.** съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности **1 руб. 50 коп.**, съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*